

М. Ф. Видясова

Джихад без войны

Тунисский опыт модернизации и
политическое наследие Хабиба Бургибы
(1903-2000)



324
В-42

✓56

г. Институтской Фабр

М. Ф. Видясова

Джихад без войны

Тунисский опыт модернизации и
политическое наследие Хабиба Бургибы
(1903—2000)

Том I
Книга 2

Битва за Тунис после операции «Факел»
и во время холодной войны

Москва
2005 г.

85584

М. Ф. Видясова

Джихад без войны

Тунисский опыт модернизации и
политическое наследие Хабиба Бургибы
(1903—2000)

Том I. Книга 2

Битва за Тунис после операции «Факел» и во время холодной войны

Книга 2 посвящена драматическому эпизоду истории Туниса в период его оккупации войсками держав «оси» и развитию национального движения в 1945-1955 гг. Рассматриваются причины и механизм перехода этого движения на стадию вооруженного столкновения в форме «террор – антитеррор» и партизанской герильи, остановленной в Тунисе одновременно с началом алжирского восстания. Также описывается внутренняя борьба в партии Новый Дустур, связанная с «юсефистским кризисом», разгоревшимся накануне предоставления Тунису независимости, завоеванной за столом переговоров. Анализируются роль франко-американских противоречий в событиях, происходивших в Магрибе, и вмешательство в них Египта.

Ответственный редактор: профессор Л.А. Фридман

Редактор: доц. Б.Н. Ромачев

Рецензенты: проф. С.А. Кириллина
проф. М.С. Мейер

ISBN 5-89394-142-X

© М.Ф.Видясова

©ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова



Содержание

Узник форта Saint-Nicolas. «В гостях» у дуче. Линия Марет.....	4
Бургиба под чадрой и мистер Хукер Дулиттл	56
Побег на рыбачьей лодке. Каирская эмиграция	85
Программа почетного компромисса с Францией	119
Кругосветное путешествие... на голый остров. Ответ Шумана	183
Подарок короля. «Черная рука» против «Красной руки».....	221
Карфагенская декларация. Прощай, оружие.....	299
Юсефистский кризис и раскол в партии. Чрезвычайный съезд.....	354
Послесловие, или пролог к рассказу об Архитекторе и его проекте.....	405
Исторические справки и комментарии.....	452
Список основных источников и литературы.....	470



Узник форта Saint-Nicolas. «В гостях» у дуче. Линия Марет

«Бог мести послал аравитян, чтобы наказать злодеяния римлян»
[Фраза, ходившая в византийской провинции Сирия, VII век]

Начало второй мировой войны оживило надежды арабских националистов на избавление от иноземного господства в разных его формах, будь то аннексия, протекторат или система неравноправных договоров и соглашений, таких, как англо-иракский договор 1930 г. или англо-египетский 1936 г. Между тем арабы Ближнего Востока (Машрика) восприняли зарождение нацизма как божий промысел, суливший перспективу ликвидации еврейского национального очага в Палестине. Их чувства в той или иной степени разделяли мусульмане Магриба, которые питали тайные симпатии к Германии по меньшей мере с 1911 г. (года «прыжка Пантеры» и вторжения итальянцев в Ливию, где на стороне турок работали немецкие и австрийские военные советники). Группа тунисских деятелей, подвизавшихся в Берлине в период войны 1914–1918 г., была ничтожной, 4–5 человек, но в Стамбуле активно действовал впавший в германофильство родоначальник тунисского национального движения Али Баш Хамба. Тунисские школьники в те годы, случалось, клеивали в свои учебники вместо портрета Наполеона I Бонапарта фотографию Энвер-паши¹, а в народном сознании удержалась память о кайзере Вильгельме II как о «Хаджи Гийоме», супостате французов и союзнике османского султана, объявившего джихад Антанте. Все это вместе взятое сообщило Третьему Рейху – с момента его создания – образ «традиционного и потенциального союзника арабов»².

Сорок первый – «немецкий год» в арабском мире. Накануне войны европейские державы, некогда разделившие между собой османское наследство, столкнулись с возросшей агрессивностью арабских националистов Ближнего Востока. Как известно, в отличие от французской модели

¹ Случай из собственной жизни, рассказанный в мемуарах Бен Слимана.

² Martel A. L'Année 1941 dans le Monde Arabe ou le temps des Allemands // La Tunisie de 1939 a 1945, Actes du 4-eme séminaire sur l'Histoire du mouvement national (5-7 juin 1987, Sidi-Bou-Said), Tunis, 1989, p. 33.



«В гостях» у дуче. Линия Марет



прямого управления колониями, к которому тяготела, вопреки их статусу, и администрация подмандатных территорий, британская модель зиждилась на так называемом косвенном управлении. До определенного времени она действовала достаточно эффективно. Классическим методом британской колониальной политики считалась гибкая система договоров, которыми обеспечивались, с одной стороны, гарантия экономических и военных интересов метрополии, с другой, – видимость признания суверенных прав независимого государства. При этом договорные отношения периодически уточнялись и пересматривались.

Примером таких отношений являлся договор от 10 октября 1922 г. между Великобританией и Ираком, который годом раньше был объявлен королевством во главе с эмиром Фейсалом, сыном хиджазского шерифа из династии Хашимитов. Этот договор, подписанный с английской стороны сэром Перси Коксом, гласил, что Его Британское Величество, которое в Ираке будет представлено верховным комиссаром (Коксом), принимает на себя обязанность «давать Иракскому государству такие советы и содействие, которые могут оказаться нужными на срок действия настоящего договора, без ущерба... национальному суверенитету Ирака». Эта формулировка переключалась в англо-иракский договор от 10 октября 1927 г., но отсутствовала в союзном договоре от 30 июня 1930 г. Его первые четыре статьи сообщали о постоянном мире и дружбе между обеими странами, об установлении дипломатических отношений между Лондоном и Багдадом, а также о том, что в случае войны или ее неминуемой опасности король Ирака обязуется предоставить англичанам на своей территории «всяческие зависящие от него льготы и помощь, включая пользование железными дорогами, реками, портами, аэродромами и средствами связи». Срок действия союзного договора, заключенного на 25 лет, исчислялся с момента вступления Ирака в лигу Наций (октябрь 1932 г.). Специальные приложения к нему разрешали Великобритании содержать в Ираке свои военные силы, создавать воздушные базы и пользоваться «всеми возможными облегчениями» для транзита через Ирак своих войск и оружия³. Такого рода двустороннее соглашение, способное вызвать зависть сирийских политиков той эпохи и, конечно, тунисских или марокканских (боровшихся скорее за точное соблюдение духа и буквы исходных договоров о протекторате, чем за пересмотр этих договоров), отнюдь не удовлетворяло иракских националистов, типичным представителем которых становится офицер среднего звена, воспитанный, согласно приложению к договору 1930 г., в рамках «одинакового обучения и одинакового устройства иракской и британской армий».

³ Тексты англо-иракских договоров 1922–1930 гг. и приложений к ним см. в сборнике: Шумов С., Андреев А. Ирак: история, народ, культура, М.: Монолит-Евролинт-Традиция, 2002, с. 175–212.





Антибританские настроения на Ближнем Востоке дошли до точки кипения под влиянием палестинских событий. С 1936 по 1939 г. Палестина была охвачена волнениями, названными «Великим Арабским восстанием». Его катализатором послужило усиление притока еврейских поселенцев, а шахидом №1 стал шейх аль-Кассам, погибший в ноябре 1935 г. Выступления против мандатного режима завязались в один узел с противоборством арабских националистов и сионистов, которые вели герилью друг против друга. Погибло, по некоторым данным, около 4 тыс. тысяч человек (в том числе 3 тыс. арабов), не считая пострадавших англичан, а это несколько сотен военнослужащих и гражданских лиц. Волна беспорядков, прокатившихся в 1936 г. в Ираке, а также в Сирии, была напрямую связана со всеобщей забастовкой, объявленной палестинскими арабами, с чего и началось почти трехлетнее противостояние. Оно шло под аккомпанемент страстной антибританской пропаганды египетских «Братьев-мусульман». В Ираке создавались комитеты по сбору денег для палестинских повстанцев, суннитские и шиитские священнослужители издавали фетвы, проклинали англичан, а наиболее отчаянные иракские военнослужащие, среди которых встречались сирийцы, покинули свои части и отправились поддерживать палестинских братьев с оружием в руках. Восстание пошло на спад в итоге репрессивных и дипломатических мероприятий, проведенных Лондоном, который в начале 1939 г. ввел квоты на еврейскую иммиграцию в Палестину. Но загнанное внутрь недовольство против Англии рано или поздно должно было вырваться наружу.

Что касается французов, то, расправившись в середине двадцатых с мятежом в Джебель-Друзе, они частично стали копировать на своих подмандатных территориях британский метод «косвенного» управления и, завершив их поэтапное административное переустройство, заключили с Сирией и Ливаном как с двумя отдельными государствами (парламентскими республиками) договоры, положенные под сукно прежде всего из-за опасения Франции – перед лицом надвигавшейся военной угрозы – потерять базы своих вооруженных сил в зоне Восточного Средиземноморья. Это резко ослабило позиции умеренных сирийских националистов, которые утратили общественный вес за время напрасного ожидания ратификации Бурбонским дворцом договоров 1936 г., без проволочек одобренных парламентами заинтересованных стран.

После капитуляции Франции и до 22 июня 1941 г., война в Европе фактически представляла собой дуэль Соединенного королевства с Германией. Одновременно англичане, которые к лету 1940 г. имели в Северо-Восточной Африке сравнительно слабые наземные силы (численностью 36 тыс. в Египте и 9 тыс. в Судане против 215-тысячной армии маршала Бальбо в одной только Ливии), с успехом вели сражения в Западной пустыне и заняли опорные пункты в Киренаике. Ранней весной 1941 г. военные действия в Африке вышли на новый виток. 3 февраля 1941 г. фюрер по-



слал экспедиционный корпус в Ливию на помощь итальянской армии, терпевшей поражение от англичан. Его возглавил генерал-лейтенант Роммель, награжденный Рыцарским крестом за французскую кампанию. Первоначальной задачей экспедиции, высадившейся в Триполитании, было укрепить заслон между Египтом и Французской Северной Африкой, куда дорога перед англичанами была почти открыта. Не дожидаясь прибытия всех выделенных ему войсковых частей и сразу перейдя в наступление, Роммель в марте взял Бенгази и блокировал под Тобруком австралийскую дивизию. Таким образом завязывалась история Africa Corps, вскоре развернутого в мощную армейскую группировку. 30 мая 1941 г. после двухмесячной балканской операции был захвачен о-в Крит, и коричневое пятно, расплывшееся, как масляное, приблизилось к зоне, составлявшей сферу жизненных интересов Великобритании. Тем временем она получила удар в спину на Ближнем Востоке. Здесь у империи, «где никогда не заходит солнце», было уязвимое место – Палестина, но гром грянул в Двуречье.

Необъявленная война в Ираке была впоследствии названа «Тридцатидневной», поскольку боевые действия продолжались со 2 по 31 мая 1941 г. Они были спровоцированы тем, что в ночь с 29 на 30 апреля иракские части блокировали английскую военно-воздушную базу в Хаббании, запретив передвижение британских войск. Начальник базы предъявил ультиматум и через 24 часа начал военную операцию. На одной стороне выступала иракская армия, созданная и обученная англичанами – всего около 60 тыс. человек, из которых в боях, развернувшихся в районе Басры, участвовало 10 тыс., на другой – 2,5 тыс. личного состава английского гарнизона в Хаббании, наполовину состоявшего из колониальной пехоты, но имевшего 80 боевых самолетов, а значит, и господство в воздухе. 10 мая англичанам пришла подмога из Трансиордании: Арабский легион Джона Глабб-паша. Он разбил у границы иракскую кавалерию и двинулся на Багдад.

Прелюдией этого «крупного вооруженного конфликта на Арабском Востоке, тесно связанного с попыткой решить проблему Палестины»⁴, явился государственный переворот, осуществленный 1 апреля 1941 г. Две пехотные дивизии захватили Багдад и привели к власти Рашида Али аль-Гайлани – одного из бывших лидеров блока «Национальное братство»

⁴ Климентов В.П. Переворот 1 апреля 1941 г. в Ираке и Тридцатидневная война, «Восток-Oriens», № 3, 2001, с. 49. Помимо этой цитаты мы пользуемся также некоторыми фактическими данными автора указанной статьи.



и сторонника нейтралитета Ирака по отношению к европейской войне⁵. Одобренный подавляющим парламентским большинством и объявленный «правительством национальной обороны», новый иракский кабинет сразу же был признан Саудовской Аравией и тремя державами «оси»; а 16 мая 1941 г. в Анкаре состоялось подписание протокола об установлении его дипломатических отношений с СССР, о чем 18 мая сообщила газета «Правда».

Этот удар в спину англичанам был поддержан Берлином и воспринят как профашистский переворот; хотя позицию его организаторов позже стали интерпретировать как чисто националистическую, или патриотическую. Однако здесь еще рано ставить все точки над «i». Серым кардиналом заговора был неоднократно нами уже упомянутый великий муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни⁶. Он прибыл 16 октября 1939 г. в Багдад, где и завел тесные связи с военной оппозицией через одного из четырех членов «Золотого квадрата», полковника Махмуда Сальмана, с которым в молодости служил в турецкой армии. Развернув бурную деятельность, муфтий дважды посылал в Берлин своего секретаря Усмана Хаддада. Результатом этих контактов стала, в частности, итало-германская декларация (обнародованная 23 декабря 1940 г.) о том, что державы «оси» признают право на независимость Палестины – как и всех арабских стран. В феврале 1941 г. в Ираке появился генерал Донован, начальник управления стратегических служб США, который встретился с Амином аль-Хусейни; однако муфтий и «квадрат» решили действовать...

⁵ Первый кабинет Рашида Али аль-Гайлани, мрачно прославившийся геноцидом ассирийцев-несториан, был сформирован 20 марта и сложил полномочия 28 сентября 1933 г. Его второй кабинет действовал в марте 1940 г. – январе 1941 г.

⁶ Амин аль-Хусейни принадлежал к знатному палестинскому клану аль-Хусейни, традиционно соперничавшему с кланом Нашашби; в 1921 г. был избран муфтием Иерусалима. Весной 1936 г. возглавил Высший арабский комитет (ВАК), стремившийся встать над противоречиями между различными арабскими политическими группировками и кланами Палестины. В него вошли лидеры всех местных арабских партий. Комитет отверг предложенный в 1937 г. комиссией лорда Пила план раздела Палестины на еврейское государство и арабское, которое присоединилось бы к Трансиордании. Осенью 1937 г. ВАК был запрещен, Амин аль-Хусейни бежал в Бейрут. В начале 1939 г. правительство Чемберлена обещало ограничить еврейскую иммиграцию в Палестину и через 10 лет (по истечении срока мандата) создать единое государство двух равноправных общин, связанное союзным договором с Англией. Целью муфтия было сорвать этот замысел. Он решает использовать армию Ирака для оккупации Палестины и Сирии.



1 июня в Багдад, где в тот день случился еврейский погром, *фархунд*, вошел авангард британских войск, 12 июня – части 10-й англо-индийской дивизии, которые еще 18 апреля высадились в Басре. Так войсковая группировка с участием индийцев, пехотинцев-ассирийцев и черкесской гвардии, составлявшей ударную силу Арабского легиона Глаббаши, водворила на место «прислужников империализма» в лице эмира-регенту Абдул Иллаха, а затем и Нури Саида⁷. Осенью Нури Саид снова возглавил правительство, сократил армию и провел чистку офицерского состава, казнил или посадил в тюрьму не сумевших бежать заговорщиков.

«Арабское освободительное движение, – гласила директива рейхсканцлера от 23 мая 1941 г., – наш естественный союзник против Англии на Ближнем Востоке. Поэтому иракское восстание имеет особую важность...», но дальше уточнялось, что энергичные меры «к окончательному уничтожению английских позиций между Средиземным морем и Персидским заливом» не будут приняты до «Барбароссы»⁸. По мнению военных историков, немецкое командование сделало тогда роковую ошибку в выборе оперативно-стратегического направления. Обрушив ливень бомб на Британию – «главный центр тяжести войны», оно упустило шанс захватить Египет и тем самым «удушить англичан», сила которых «заклучалась во флоте»⁹. Подвернувшийся в Ираке случай отрезать Англию от ближневосточной нефти, добыча которой возросла вдвое, тоже был упущен, ибо вермахт экономил силы для осуществления плана «Барбаросса», отвечавшего старой идее Гитлера пойти по дороге, давно «протопанной тевтонскими рыцарями» (*Mein Kampf*). Снабжая правительство национальной обороны средствами ведения войны, немцы не сумели обеспечить его достойной противника авиацией; и даже прибывшую в Багдад машину командира немецкого авиаотряда подбила иракская зенитная артиллерия. Летчик погиб. Кстати, им оказался майор фон Бломберг, сын генерал-фельдмаршала Вернера фон Бломберга, одно-

⁷ Нури Саид (1888–1958) родился в Багдаде, военное образование получил в Турции, служил в турецкой армии, в 1916 г. присоединился к Хиджазскому восстанию. В 1919 г. возглавил офицерскую организацию «Иракский завет» и вошел в окружение эмира Фейсала, будущего короля Ирака. Способствовал проведению через парламент договора 1930 г. Ловкий политик и царедворец, фактический правитель страны (в период 1922–1941 гг. неоднократно занимал посты военного министра и министра иностранных дел, дважды – премьерское кресло).

⁸ Цит. по: Eberhard J. La France dans l'Europe de Hitler, Paris: Fayard, 1968, p. 237.

⁹ Фуллер Дж. Ф. С. Указ. соч., с. 115–116.



го из инициаторов создания в СССР учебных центров для немецких офицеров, который накануне «Ночи длинных ножей» заявил, что армия на стороне Гитлера (позже военный министр, уволенный в январе 1938 г. из-за женитьбы на бывшей жрице любви, но не избежавший Нюрнберга). Воспользовавшись переломом ситуации в Ираке, англичане и «свободные французы» закрепились в Сирии, начав наступление на войска вишистов. Словом, единственным трофеем, который достался вермахту от Тридцатидневной войны, был великий муфтий¹⁰.

Популярный религиозный лидер палестинского национализма, отчасти взращенный самими англичанами, благообразный шейх Амин аль-Хусейни 28 ноября 1941 г. объявился в Берлине, где был принят Гитлером, негласно посещал газовые камеры в Освенциме, наблюдая за истреблением евреев, а 6 декабря 1942 г. заявил в интервью «*Völkischer Beobachter*», что «сионизм — смертельный враг арабского мира», и призвал к «экономическому и культурному единству» арабских государств¹¹. Граф Чиано обещал ему в апреле того же года уничтожить еврейский национальный очаг в Палестине. Снискавший известность попытками сколотить арабские батальоны для вермахта и скрестить полумесяц со свастикой, Амин аль-Хусейни приобрел во время второй мировой войны влияние, далеко выходящее за рамки Палестины, и множество «собратьев». Его попутчик аль-Гайлани — светский политик, пусть и проигравший, стал не только национальным героем в Ираке, но и воплощением идеи победоносного арабского восстания. После антимонархического переворота, совершенного 14 июля 1958 г. иракскими «Свободными офицерами», он с почетом вернулся на родину (до этого жил гостем в Саудовской Аравии). Нури Саида разорвала толпа.

Иракские события 1941 г. подтолкнули появление проекта Антони Идена — Нури Саида о создании ближневосточного блока, который мыслился как экономическое, культурное и политическое объединение стран Благодатного полумесяца: возможно, в виде федерации, открытой и для

¹⁰ Он сумел скрыться вместе с правительством аль-Гайлани в Иране, а когда летом 1941 г. Иран заняли английские и советские войска, бежал в Турцию и оттуда в Германию, после войны — в Швейцарию. Затем был выслан во Францию, в 1946 г. приехал как гость короля Фарука в Египет, где через несколько лет и скончался.

¹¹ О политическом единстве арабского мира в этом интервью он умолчал. Цит. по: *Renouvin R. Histoire des relations internationales, Tome 8, Les crises du XX-e siècle, II. de 1929 a 1945, Paris: Hachette, 1958, p. 386.*



других арабских стран¹². Этот проект, отвечавший долгосрочным интересам Англии на Ближнем Востоке, должен был в текущих условиях войны составить противовес «германофильской форме» панарабизма. Вместе с тем, он являлся реминисценцией некоего еще раньше зрелого плана, отводившего Ираку роль «арабской Пруссии», а династии Хашимитов — шлем Гогенцоллернов¹³. Альтернативный проект, восходящий к идее Великой Сирии, лег в основу баасистского движения, получившего свое развитие в 1942-1943 гг.; а по горячим следам событий не остались равнодушными к эпопее «Золотого квадрата» ни египтяне, ни магрибинцы.

Самым мощным средством пропаганды в то время было радио, и на Тунис усиленно вешали радиостанции из Берлина, итальянского Бари, ливийского Триполи. Услышанные новости разносились из уст в уста, и тайная полиция еще в 1939 г. вылавливала листовки, выражавшие надежду на победу Германии. Позорное поражение Франции было встречено многими тунисцами с радостью; доклады спецслужб сообщали о таких словах, звучавших на религиозных праздниках: «Всевышний послал немцев, чтобы отомстить французам!», «Франция пропала... Да будь проклят этот народ! Прокляни его Аллах на этом свете и на том!»¹⁴. Листовка, выпущенная 12 мая 1941 г., в день 60-й годовщины подписания Бардоского договора (и в разгар Тридцатидневной войны в Ираке), гласила: «Протекторат мертв, он утонул в водах Дюнкерка»¹⁵. Она требовала создания свободного нацио-

¹² Имеются в виду: а) заявление Идена в феврале 1943 г., повторявшее его же декларацию от 29 мая 1941 г. о том, что Англия «готова полностью» поддержать любой проект единства арабов, исходящий от них самих, б) записка Нури Саида, направленная в августе 1943 г. британскому посольству в Багдаде с предложением создать Арабский Союз, включающий Ирак, Сирию и Ливан, Трансиорданию и Палестину. Федерацию, в которой евреи и христиане-марониты пользовались бы «полуавтономией» и свободой отправления культа (*Ibid.*, p. 387).

¹³ Авторство этой идеи, по мнению историков, принадлежит ученикам Саты аль-Хусри, отца «светского» панарабизма (см.: *Chevallier D., Miquel A. Les Arabes, du message à l'Histoire, Paris: Fayard, 1995 p. 508; Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century, Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 2003, p. 75, 108-109).*

¹⁴ См. *Ageron Ch.-R. Le populations du Maghreb face à la propagande allemande, «Revue d'Histoire et de la Deuxième Guerre mondiale», № 114, avril 1979, p. 1-39; Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau..., p. 617; Martin J.-F. Histoire de la Tunisie contemporaine. De Ferry à Bourguiba 1881-1956, Paris: L'Harmattan, 1993, p. 149.*

¹⁵ *Mechat S. Op. cit., p. 231.*



нального правительства и явно исходила от «néos», впервые сделавших столь категорическое заявление. На следующий год воодушевление охватило и некоторую просвещенную публику, допущенную во дворец, где при восшествии на трон Монсеф-бея усилились позиции националистов. Даже те из них, кто сочувствовал союзникам, не говорили об этом вслух.

Сорок второй – год, когда зажегся «Факел». В период второй мировой войны, не в пример иным политикам Ближнего Востока, пытавшимся совместить идеи фашизма и арабского национализма или же просто уповавшим на гибель колониальных держав, а также в отличие от некоторых тунисских патриотов, поддавшихся на нацистскую пропаганду, Бургиба возлагал надежды на обещания, высказанные в Атлантической хартии. Об этом свидетельствует, в частности, содержание его тайного письма, переданного из Марселя при посредничестве жены, Матильды, чьей жизнью он тогда впервые рискнул, американскому консулу в Тунисе 16 октября 1942 г.¹⁶ А между тем как раз у Бургибы – и ввиду его персонального положения, и в связи с развитием обстановки на родине – могли возникнуть прямые соблазны присоединиться к пятой колонне...

Известие о том, что немцы 14 июня 1940 г. парадным маршем вступили в Париж, застало Бургибу в марсельской тюрьме Fort Saint-Nicolas (это одна из двух сторожевых крепостей у входа в Старый порт), куда его доставил противоторпедный катер 27 мая того же года вместе с группой арестантов, среди которых находились, кроме братьев Хабиба и Махмуда Бургибы, другие вожаки Нового Дустура: адвокат Салах Бен Юсеф,

¹⁶ Халед А. Американо-тунисские отношения в годы второй мировой войны в преддверии операции «Факел» // Африка и вторая мировая война М.: Восточная литература, 1996, с. 161-167. Автор статьи, ученый-историк и бывший посол в Москве, опиравшийся при написании этой работы на опубликованные документы американского Национального архива, сообщает, что консул Хукер Дулиттл из разведывательных целей и отчасти по личной инициативе поддерживал контакты с местными националистами. Но его идея, что надо опираться на арабов, не нашла поддержки у Роберта Мэрфи, начальника американской агентурной сети в Северной Африке, указавшего Дулиттлу, что «цель союзников – заполучить французов, а не отталкивать их от себя». То есть, надо перетягивать на свою сторону вишистов, не заигрывая с националистическим подпольем (Там же, с. 163). Тем не менее первый контакт Бургибы с Дулиттлом через письмо, в котором он информировал консула США о своих симпатиях к союзникам и о том, что дал указание товарищам в Тунисе оказывать им помощь, не прошел даром (см. ниже).



уже тогда считавшийся «вторым человеком» в партии, врач Слимман Бен Слимман (третий среди арестантов член политбюро), адвокат Хеди Нуира, а также Али Бельхаван и Монжи Слим. Они прибыли в Марсель с клеймом «особо опасные преступники», подвергались избиениям от тюремной охраны и издевательствам. Поначалу их группа состояла из 19 человек; некоторых в декабре 1940 г. отпустили, интернировав в Треце (департамент Буш де Рон), но делу освобождения из тюрьмы остальных воспрепятствовал «Сатрап» Пейрутон, назначенный министром внутренних дел в правительстве маршала Петена¹⁷.

Условия содержания пленников морской крепости были ужасными; но прогулки в тюремном дворе давали время для дискуссий в кругу заключенных. Не удивительно, что среди них проговаривались разные мнения о колоссальных событиях, разворачивавшихся за стенами их узилища. Добавим, что в форте, служившем концентрационным лагерем и для французских антифашистов, пути Бургибы пересеклись с людьми, которых он знал еще по Парижу времен правительства Народного фронта; проникали сюда вести из Лондона и от подпольного Сопротивления на территории Франции.

Со слов Бен Слимана, который не только не умалчивает, но и подробно рассказывает в своих мемуарах, что обольщался надеждами на крушение метрополии, Бургиба в Fort Saint-Nicolas решительно предпочитал общение с деголлецами и столь же решительно не согласился с большинством своих товарищей в оценках переворота аль-Гайлани в Ираке, добавившего аргументы тем, кто питал прогерманские иллюзии¹⁸.

После высадки союзников в Северной Африке арестантов перевели в концентрационный лагерь под Лионом, здесь они были обнаружены немцами, оккупировавшими «вишистскую зону», и 16 декабря выпущены на

¹⁷ Кроме Пейрутона, противником освобождения «néos», которыми немцы заинтересовались уже в 1940 г., был адмирал Эстева, Генеральный резидент в Тунисе. Сначала лидеров Нового Дустура держали в Fort Saint-Nicolas как преследуемых за уголовное преступление; с декабря 1941 г. они получили статус политзаключенных и смогли получать свидания, в том числе с тунисцами, жившими в Марселе или бежавшими туда из оккупированной зоны Франции, стали получать от них передачи. Летом 1942 г. Бургибу впервые посетили его жена и сын.

¹⁸ Ben Sliman S. Op. cit., p. 158. Так, в октябре 1942 г. д-р Матри получил письмо от Бургибы, который просил бывшего председателя партии, в чьей симпатии к союзникам он не сомневался, воздействовать на друзей, которых обуяла вера в неокрушимую мощь держав «оси» (Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 96).



свободу¹⁹. Бургибе и его товарищам было разрешено вернуться на родину, которая в то время стала театром военных действий между итало-германскими войсками и соединенными силами союзников в ходе операции «Торч» («Факел») ²⁰. Однако нацисты вывезли Бургибу вместо Туниса в Италию, где почетный заложник встретил рекламу, созданную ему прессой, и радушие чиновников Муссолини, имевшего в этом деле свои расчеты. Как известно, еще до начала войны фашистская Италия претендовала на часть территории Франции (Корсика и Ницца) и на ее владения в Северной Африке, а именно – на Тунис. Вынашивались и более широкие планы восстановления *Rex Romana* с территориальным переделом Алжира и Туниса по линии границ бывших римских провинций. Тунисскому бею, сидевшему на карфагенской территории, это сулило бы возможное приращение земель и роль туземного вассала нового «Сципиона Африканского».

В полном виде мираж, возникший на штабных картах, уже растаял, три диктатора не договорились между собой²¹. Италия к весне 1942 г.

¹⁹ До этого семерку «néos» целый месяц перебрасывали из одного места в другое. Как потом выяснилось, немцы искали их в лионской тюрьме Монтлюк, где тунисцев запрятали в потайную камеру и оттуда срочно перевели в концентрационный лагерь Fort de Vancia. Там они почти чудом были замечены в толпе. Гестапо охотилось за ними, чтобы сделать «подарок» тунисским националистам, вишисты хотели их расстрелять, чтобы не было такого подарка.

²⁰ Военной и дипломатической подготовке, а также ходу этой операции посвящена большая специальная литература. Эти вопросы рассматриваются во всех фундаментальных исследованиях по истории войны 1939-1945 гг. Отдельные работы специально посвящены тунисской кампании (См., например: *Timmelskrijs K.* История второй мировой войны, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956, с. 282-291; *Egretaud Cl.* La campagne de Tunisie. Problèmes et controverses, Paris: La pensée universelle, 1973; Funk A. The Politics of Torch, Kansas Univ. Press, 1974; *Bessis J.* La Méditerranée fasciste. L'Italie mussolinienne et la Tunisie, Paris: Karthala, 1981. Среди новейших российских публикаций: *Френкель М. Ю.* Вторая мировая война: глобальная стратегия и Африка. М.: Восточная литература, 1995, с. 63-68; *Луконин Ю. В.* Магриб: один из театров второй мировой войны // Африка и вторая мировая война..., с. 16-85.

²¹ Еще осенью 1940 г. в Берлине и Риме рассматривался проект не только оккупации, но и раздела Магриба. Это должно было последовать за высадкой в Исламском Марокко десяти немецких дивизий, которые двинулись бы на соединение с итальянскими армиями, дислоцированными в Ливии. В случае успеха все Марокко и Западный Алжир – «Орания» переходили бы под власть Мадрида. Центральная часть Алжира осталась бы за Виши. Восточный Алжир с г. Константина, античная *Africa Nova*, эвентуально присоединялся к Тунису (*Africa Vetus*) и



была деморализована. Но поздней осенью задули другие ветры, и настроения в «вечном городе» переменялись на оптимистические. Воспрянули надежды взять исторический реванш и драгоценный приз. Огромные «Голлафы» взмыли в небо и ринулись к Карфагену. Герои пунических войн, вызванные из глубины веков чьим-то воспаленным воображением, словно металлись в тучах над *Mare Nostrum* ожившей тенью, снова решая, чьим будет море... и звон мечей, чуть слышный за свистом пуль и канонадами артиллерии, доносился из-под земли, сминаемой гусеницами танков.

Группа Неринга, образованная в северо-восточном Тунисе²², небольшими силами отбросила наступавших из Алжира союзников к Бедже, почти к тому месту – оставалось совсем немного – где в октябре 202 г. до н.э. произошла великая битва у Замы (у современного г. Эль-Кеф), выигранная римлянами и предвещавшая неминуемую гибель соперника.

В ходе успешной поначалу кампании немецко-фашистских войск в Тунисе «итальянское меньшинство, – пишет исследователь этого периода, – на короткое время наконец-то утвердилось в вожацкой роли хозяина страны»²³. И действительно, 4 декабря 1942 г. по центральному бульвару тунисской столицы, ведущему к площади перед французской Резиденцией, прошла демонстрация с радостными криками «Tunisia nostra!». В этот момент для дуче представлял определенный интерес лидер тунисских националистов, которого пытались заставить, впрочем безрезультатно, высказаться в пользу держав «оси» и даже возглавить лояльное итальянскому диктатору «свободное» тунисское правительство в изгнании.

Президент потом вспоминал, что с той минуты, когда семеро тунисцев узнали из уст «Лионского палача» – Клауса Барбье, что фюрер приказал их освободить, всё с ними происходившее вызывало недоумение и тревогу. Они сразу были окружены неожиданным вниманием гитлеровцев.

обе провинции отходили к Риму. Со своей стороны Франко приступил к реализации этого плана. 14 июня 1940 г., не вступая в войну, Испания оккупировала Танжер, а в декабре 1942 г. официально, без всяких на то международных санкций, присоединила его к своим владениям. Но «трус каудильо» все же не решился пропустить немецкие войска через свою территорию, предпочтя синицу в руках соблазну стать в Африке хозяином сразу двух римских провинций: Мавретании Цезарейской и Тингитанской, существовавших в I-II вв. н. э.

²² Оперативная танковая группа, созданная в середине ноября 1942 г. и расформированная 3 декабря 1942 г.

²³ *Халед А.* Указ. соч., с. 164.



цев. Те отвели арабам в потрепанных шешях (тунисский головной убор красного цвета) комнаты в лучшем городском отеле, дали им денег и кормили в ресторанах. Радость нормальной жизни, да еще роскошной на фоне голодных очередей, стоявших, чтобы отоварить продовольственные карточки, смешивалась у друзей с опасениями, что дело кончится плохо. Как минимум им грозило, если предсказания Бургибы о победе союзников сбываются, обвинение в пособничестве немцам. Лидер же группы, несмотря на то, что ему в те дни и раньше, в крепости, казалось, что его политическая жизнь, а может быть и сама жизнь подошла к концу, не терял присутствия духа. Он повторял: «Не отчаивайтесь. Я продолжаю думать, как выиграть в эту рулетку и спасти наше будущее»²⁴.

В начале января поезд, следовавший через Ниццу, перевез их в Рим, где троих – Бургибу, Салаха Бен Юсефа и Слимана Бен Слимана ждала вилла Респики на берегу Тибра, а остальных – шикарная гостиница. Им были выданы деньги и предоставлено лечение, их досуг занимали посещением исторических мест и музеев. Начались переговоры на уровне главы департамента Северной Африки итальянского МИД. Бургиба уклончиво отвечал, что, во-первых, он «никто», во-вторых, в Тунисе есть бей и правительство, с которыми и надо разговаривать, и, в-третьих, – что самое важное, – какие-либо дискуссии возможны лишь при одном предварительном условии: признании тунисской независимости. По сути, он тянул время.

Стояла зима. Как известно, в Поволжье она была суровой. Но и в Северной Африке зима – не лето и начинается с середины ноября, который приносит то благодатные дожди, то разрушительные ливни. В ноябре 1942 г. Сталин писал Черчиллю: «В Сталинградской операции пока мы имеем успехи между прочим потому, что нам помогают снегопад и туманы, которые мешают немецкой авиации развернуть свои силы»²⁵. Кучевые облака, собравшиеся над Атласскими горами, напротив, мешали союзникам, которые не только не вняли в августе голосу Кремля о том, что сложились «благоприятные условия» для создания второго фронта, «так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на вос-

²⁴ Bourguiba H. Memories. 16 December, 1942 [Tunis, 1961], p. 23 (Отдельная брошюра на английском языке).

²⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг., Том Первый, М.: Госполитиздат, 1957, с. 79.



точный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и при том худших сил»²⁶, но и затянули реализацию своих собственных стратегических планов, дождавшись непогоды.

Разработка операции «Торч» началась с 31 июля 1942 г.; ее план был согласован и утвержден в сентябре после переговоров между Белым домом и Даунинг-стрит. Предстояло также выработать линию взаимоотношений с вишистскими властями в Северной Африке, поскольку Франция по договору 1940 г. о перемирии с Германией обязалась защищать свои африканские владения от интервенции. Следовательно, вооруженное сопротивление со стороны французов, подчинявшихся Петэну, в намеченных пунктах высадки не исключалось. Что, собственно, и произошло в Сирии, когда 8 июня 1941 г. там высадился авиадесант англичан и деголлевцев. Их операция длилась 34 дня, натолкнувшись на сопротивление вишистского генерала Денца. Подобного и опасались.

«Прибывает Роберт!», великая армада и преисподняя. В этой связи Роберт Мэрфи – американский генконсул в Алжире и личный представитель президента Рузвельта (с 15 декабря 1942 г. в ранге посла), затеял тайные переговоры с небезызвестным адмиралом Дарланом²⁷, о котором за

²⁶ Там же, с. 59.

²⁷ Франсуа Дарлан – уроженец Южной Франции, в 14 лет поступил в мореходное училище, плавал, во время первой мировой войны служил в палубной артиллерии, с 1926 г. шеф военного кабинета морского министра, с 1939 г. адмирал французского флота. Считался одним из лучших штабных офицеров. Как человек отличался ревнивым самолюбием и не верил ни во что другое, «кроме флота, Франции и Дарлана» (Aron R. Histoire de Vichy, 1940–1944, Paris: Fayard, 1954, p. 372). С 20 июня 1940 г. – морской министр, рекомендованный Петэном. В декабре этого года в его пользу был совершен «дворцовый переворот», и с 25 февраля 1941 г. он вице-премьер, министр иностранных дел и внутренних дел правительства Виши, главный адмирал флота и официальный преемник 86-летнего Маршала. Яростный противник англичан «еще с Трафальгарского сражения, в котором погиб его прадед» (Churchill W. The Second World War. Victory in Africa. London: Cassell, 1972, p. 211). С 18 апреля 1942 г. – специальный представитель Петэна в Алжире, инспектор вооруженных сил. На второй день после высадки союзников принял их сторону, о чем было официально объявлено 14 ноября, и назначен Верховным комиссаром Франции в Африке. 7 декабря создал «Имперский совет» в составе пяти человек, которыми руководили сверху генерал Эйзенхауэр и Роберт Мэрфи. Членами совета становятся: генерал Бергер (бывший министр Виши), Ив Шатель (губернатор Алжира), генерал Ногес (Генеральный



резидент в Марокко), Пьер Буассон (губернатор в Дакаре) и генерал Жиро, назначенный после высадки союзников главнокомандующим французскими войсками в Африке. Между тем против Дарлана в Алжире были настроены как представители левых сил и деголлевцы, так и ортодоксальные вишисты, возмущенные его изменой. Общественное мнение США и Англии негативно реагировало на сделку с откровенным прихвостнем немцев. 24 декабря 1942 г. после обеда, когда он входил в свою резиденцию, его сразили два выстрела из пистолета. Убийца – двадцатилетний студент Фернан Боннье де ла Шальель был расстрелян на рассвете 26 декабря решением наспех собранного французского военного трибунала, заседавшего ночью при закрытых дверях, и унес с собой в могилу тайну возможного заговора или хотя какое-нибудь объяснение личных мотивов своего поступка. Поспешность казни породила массу домыслов о заказчиках убийства. Приверженцы Дарлана подозревали англичан, а те – гитлеровскую агентуру. Генерал Жиро кивал на генерала Франсуа д'Астье де ла Вержери, который приехал в Алжир 20 декабря по поручению де Голля и отбыл за несколько часов до того, как прозвучали выстрелы. Однако сокрытие всех обстоятельств происшествия, которые могли стать известны военному трибуналу, наводило подозрение на самого Жиро, которому Дарлан был костью в горле. Наконец, еще одна версия состояла в том, что молодой человек был роялистом. Сторонники реставрации, действительно, в тот момент зашевелились. Самое пикантное, что среди них был Анри д'Астье де ла Вержери, брат деголлевского эmissара, который во время высадки в Алжире оказывал вместе с друзьями содействие союзникам. Как раз подстатил визит сюда графа Анри Парижского, проживавшего под Танжером на своей свиноферме. Претендент на французский престол, которого роялисты прочили во главу временного эмигрантского правительства, настоятельно просил Жиро помиловать виновника убийства, якобы сделавшего это в порыве патриотизма. Под влиянием «Имперского совета» Эйзенхауэр даже назначил графа французским Верховным комиссаром в Африке вместо Дарлана, но через полчаса отменил это решение «ввиду угрозы деголлевцев в Оране и Константинополе поднять восстание» (Ланда Р. Г. Кризис колониального режима, ... с. 111, 213). Имеются также сведения, что Эйзенхауэр грозил подать в отставку, если будет доказано, что убийство – дело рук Intelligence Service. Объективно покушение на Дарлана было на руку англичанам; и по горячим следам событий эту идею муссировали вишистские власти. Государственное информгентство «столицы на водах», Office Français d'Information (OFI), контролируемое немецким Propaganda Abteilung, распространило 29 декабря заявление, что «гангстеризм Рузвельта» дополняется теперь «политикой убийств Черчилля». В откликах греческой прессы говорилось о «сатанинском плане англичан», которые хотели устранить агента американского влияния в Алжире, турецкая – писала, что «Дарлан пообещал отомстить англичанам за Мерс эль-Кебир», поэтому они его уничтожили» (Nobécourt R. G. Les secrets de la propagande en France occupée, Paris:



месяц до его загадочного убийства, произошел знаменитый обмен шифровками. «Не беспокойтесь по поводу мошенника Дарлана» – писал Черчилль 24 ноября в Москву. И на третий день последовала реакция хозяина Кремля: «Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и черта с его бабушкой»²⁸.

Завязка этого почти детективного сюжета берет начало между первой и второй декадами октября 1942 г., когда Мэрфи в ходе секретной подготовки экспедиции вернулся из Лондона от генерала Эйзенхауэра со всеми инструкциями, сведениями о собранных морских силах и намеченном маршруте их движения, чтобы предупредить на месте тот узкий круг людей (французов), на которых он полагался. Речь идет о группе офицеров и гражданских лиц, способных нейтрализовать или смягчить отпор высадке союзников со стороны береговых войск французской армии, а в случае необходимости активно поддержать союзников, перерезать коммуникации, подготовить засады. В конфиденциальных беседах консул намеренно преувеличивал мощь регулярных вооруженных сил, выделенных для операции, обещая, что это будет до 500 тыс. личного состава, 2 000 самолетов, линкоры, авианосцы и т.д. Вместе с тем намекал, а кому-то определенно говорил, что в лагере союзников находится французский генерал Жиро, которому надлежит руководить высадкой и возглавить войска в Северной Африке, умалчивая о том, что командование на Средиземноморском театре военных действий целиком поручено генералу Эйзенхауэру и его британским заместителям, а советником экспедиционного штаба по гражданским делам назначен он сам, Роберт Мэрфи.

Выбор американцев, возможно, подсказанный Черчиллем²⁹, пал на Жиро по двум причинам. Во-первых, за храбрость он пользовался уваже-

Fayard, 1962, p. 190, 508). Кризиса в англо-американских отношениях, однако, удалось тогда избежать, а французы тоже нашли для себя формулу компромисса «по Ришелье». Несколько человек в Алжире во главе с Анри д'Астье и неким аббатом Кордье (офицером военной контрразведки по совместительству) были арестованы, но отрицали свою вину. Позднее Жиро наградил Анри д'Астье военным крестом, а де Голль – медалью Сопrotивления. «Монархическая» версия осталась в итоге основной, хотя в судебном порядке не доказанной.

²⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР ... Том Первый, с. 77-78.

²⁹ Он пишет, что познакомился с Жиро еще в 1937 г. на «линии Мажино», и оба тогда испытали взаимную симпатию, обменявшись рассказами о том, как совершили – каждый со своими приключениями – бегство из немецкого плена во время



нием в войсках; и это считалось залогом того, что его признают военным лидером те французы в Северной Африке, которые отвергали Петена и не были связаны с де Голлем. Во-вторых, «четырёхзвездный» генерал, в первую мировую служивший капитаном, был типичным представителем кадрового офицерства – профессионалом, подчеркнуто аполитичным, но не лишенным больших амбиций. Из тех солдат, что носят в ранце маршальский жезл. При этом он относился к категории людей, которые искренне и даже простодушно метят выше своих способностей. Словом, его легко можно было обвести вокруг пальца. Генералу Жиро, который в то время был не у дел, внушили, что после завершения высадки в Северной Африке он станет главным действующим лицом в операциях союзников по освобождению Европы. С поклонниками и бывшими сослуживцами «King-pin» (кодовое имя Жиро) с осени 1942 г. и работал Мэрфи.

В Алжире его ждал сюрприз. Он получил приглашение в загородный особняк, где увидел полковника Кретьена, главу регионального отделения «2-ого бюро» (французской военной разведки). Полковник без обиняков заявил, что ему поручено передать сообщение Дарлана, который предлагает американцам свое сотрудничество, готов отдать им всю Северную Африку и в придачу французский флот в Тулоне³⁰. Предложение выглядело правдоподобным, поскольку адмирал Дарлан, оттесненный в вишистской иерархии Лавалем (глава правительства Виши с апреля 1942 г.)³¹, был недоволен своим положением, хотя и числился «дофином» маршала Петена. Кроме того, он и раньше через посредничество своего сына Алена Дарлана, жившего в Алжире, подавал знаки американцам, что готов на сделку.

Для рассмотрения возникшей коллизии было созвано экстренное совещание в Лондоне с участием Эйзенхауэра, его заместителя Кларка, а также Черчилля, Идена и начальника британского имперского штаба Ала-

первой мировой войны. Судя по всему, зная о неприязни Рузвельта к де Голлю, которого он сам взял в 1940 г. под свое покровительство (когда малоизвестный француз появился в Лондоне лишь со своим верным лейтенантом Курселем), Черчилль рассматривал Жиро в качестве запасной кандидатуры и предложил ее американцам, которых она устроила (*Churchill W.* Op. cit., p. 175-176, 197).

³⁰ Тулонский флот был самозатоплен 27 ноября 1942 г., когда в ответ на высадку союзников в Северной Африке немцы оккупировали южную зону Франции. Адмирал Дарлан, дезавуированный Виши, давал указание флоту сняться с якоря и плыть в порты под контролем союзников. Однако моряки подорвали свои суда.

³¹ До 1942 г. пост председателя Совета министров (премьера) в Виши отсутствовал.



на Брука, которые согласились не менять коней на переправе, то есть оставить в силе решение ориентироваться на Жиро. Время поджимало. Однако Рузвельт по своим каналам дал указание Мерфи поддерживать связь с обоими. Все же, в отличие от Жиро, доблестного, но отставного генерала, Франсуа Дарлан – крупная птица вишистского режима и человек, в руках у которого были обломки французского флота, предлагал нечто более весомое, нежели личную популярность³².

Обыкновенный плут или слуга нечистой силы, но он подвел Мэрфи, едва не сведя к нулю все усилия того по созданию внутреннего прикрытия десантной операции, и расстроил планы союзного командования на ее бескровное проведение. Во-первых, совсем не вовремя оказался в гуще событий: сначала отбыл во Францию по завершении своей инспекционной поездки и неожиданно вернулся в Алжир 5 ноября из-за внезапной болезни сына (помещенного в госпиталь с диагнозом полиомиелит). Во-вторых, почуял ночью с 7 на 8 ноября, когда десантная флотилия уже приближалась, что у него появился шанс подороже себя продать: юлил на глазах у Мерфи, ссылаясь на свою клятву верности маршалу Петену, необходимость проконсультироваться с Виши и – старший по чину – сковал инициативу более надежных людей среди тех французских офицеров, кто имел полномочия и готов был отдать приказ войскам не оказывать сопротивление англо-американцам. Более того, успел распорядиться об аресте генерала Маста³³, командира оборонявшей Алжир пехотной дивизии, который пустился в бег. И когда ранним утром 8 ноября операция началась, а по радио прозвучал голос Рузвельта, положение на местах выглядело удручающим. Президент США обращался к населению и войскам в Северной Африке со словами: «Мы пришли разбить и изгнать ваших врагов. Верьте на-

³² См.: Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны 1939-1945, М.: Наука: 1974, с. 184-185.

³³ Эммануэль Маст – командир гарнизона г. Алжир, незадолго до высадки союзников вступил в контакт с Робертом Мэрфи и представителем Эйзенхауэра, генералом Кларком, который прибыл на свидание ночью с 22 на 23 октября 1942 г. подводной лодкой из Гибралтара в г. Шершель (Алжир). Генерал Маст, требуя гарантий того, что операцию возглавит Жиро, передал Кларку информацию о размещении береговых батарей и обещал оказать содействие десантам союзников. Однако никому из французов не сообщался час, когда «зажжется Факел».



шим словам...как только опасность, грозящая вам со стороны Германии и Италии, будет ликвидирована, мы тотчас же покинем вашу территорию»³⁴.

Из окна виллы «Оливье», где ни свет ни заря принимали завтрак хозяин дома – генерал Жюэн и два его полуночных гостя, Мэрфи и Дарлан, они могли наблюдать, как береговые батареи открыли огонь. Завязался бой. Высаживавшиеся союзнические войска понесли потери. Лишь к вечеру здесь было достигнуто перемирие. Плохие вести шли из Марокко, где американцы выбрасывали десанты на широкой полосе океанского прибоя в 100 км. Самые тяжелые и продолжительные столкновения развернулись под Касабланкой, где французами командовал генерал Ногес (Генеральный резидент), державший оборону 48 часов. К нему американская агентура не сумела подобрать ключей, хотя консулы и вице-консулы под началом Мэрфи старались в Марокко не меньше, чем в Алжире или Тунисе³⁵.

Главное же, союзникам пришлось задержаться в Северной Африке гораздо дольше запланированного. И виной тому были не только козни Дарлана, ошибка агента Мэрфи или эгоизм правящих кругов США, которые до конца 1942 г. уклонялись от контактов с де Голлем и даже старались «не замечать» организацию Сопротивления, делая ставку на то, чтобы расколоть вишистов и привлечь их на свою сторону. Иначе говоря, преследовали собственные политические цели, расходившиеся с национальными интересами «Свободной Франции»³⁶, и отчасти – в обход военной дипломатии Черчилля, которая, по образному выражению современного эксперта в международных делах, «сводилась к маневрированию между двумя бегемотами, угрожавшими положению Великобритании, хотя и с разных сторон»³⁷.

³⁴ Цит. по: Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Указ. соч., с. 189.

³⁵ Подробнее о ситуации в Марокко см.: Churchill W. Op. cit., p. 185-186.

³⁶ Движение во главе с Французским национальным комитетом в Лондоне. С 1942 г. носило название «Сражающаяся Франция». Несмотря на просьбу Антони Идена включить «Свободную Францию» в число стран-участниц подписания декларации 26 государств от 1 января 1942 г., среди которых были британские доминионы, Индия и оккупированные немцами европейские страны, например, такие, как Польша, это предложение (по настоянию госсекретаря Кордэлла Хэлла) было отклонено. Убежденный в наличии тайного сговора между Вашингтоном и Виши, генерал де Голль подозревал, что Петен обещает не давать флот и базы в Северной Африке немцам, а США обещают Петену не пускать де Голля в Африку.

³⁷ В продолжение фразы автор пишет: «Приверженность Рузвельта праву на само-



Оставим за скобками весь комплекс противоречий, византийских интриг и недомолвок, связанных с образованием после вступления в войну США (7 декабря 1941 г.) так называемой Большой тройки, путь к сплочению которой или «браку по расчету» отмечен такими вехами, как визит министра иностранных дел Антони Идена в Москву, заключение в Лондоне англо-советского договора от 26 мая 1942 г., ночной полет эскадрильи из трех бомбардировщиков и истребителей, севшей 12 августа того же года в 4 часа утра на подмосковном аэродроме с Уинстоном Черчиллем и Авереллом Гарриманом на борту, выпуск 15 августа в Куйбышеве первого номера журнала «Британский союзник»... Менее примечательной, но по своему важной вехой, точно совпавшей на циферблате часов с мероприятиями далеко не светского характера, происходившими в треугольнике Касабланка – Гибралтар – Алжир, явился прием на 1 500 персон по случаю 25-й годовщины Великой Октябрьской революции, данный двумя послами Майским и Богомоловым, аккредитованными, соответственно, в Великобритании и при союзных правительствах в Лондоне. Публика, среди которой мелькали знаменитости литературного и артистического мира, сокрушалась: «Если бы это было в 1938 г...»³⁸.

Количество публикаций, посвященных вопросу о том, почему в тот вечер – отнюдь не к удовольствию Москвы – корабли с тысячами англичан и американцев на борту подошли не куда-нибудь, а к берегам Северной Африки, неисчислимо. Как велики и расхождения в идеологических оценках, которые давались этому событию с разных сторон еще до окончания второй мировой войны и в разгар холодной войны. Многие любопытные детали проясняются лишь по мере того, как историки стали получать доступ к рассекреченным архивам, хотя эти детали и новые штрихи, переоценка роли отдельных лиц не меняют сложившихся представлений об основном абрисе драматической картины более чем пятидесятилетней давности.

Общеизвестно, что заинтересованность в том, чтобы расшатать колониальную империю Франции, положение которой после похорон Третьей республики было двусмысленным (то ли суверенное государство,

определение во всемирном масштабе являлась вызовом Британской империи; попытка Сталина выдвинуть Советский Союз в центр Европы угрожала подрывом британской безопасности» (Киссинджер Г. Дипломатия, М.: Ладомир, 1997, с. 359).

³⁸ Coates W. P. and Zelda. A History of Anglo-Soviet Relations, London: Lawrence & Wishart, 1943, p. 743.



то ли протекторат Германии), и завладеть как можно большей частью «французского наследства», послужило одной из причин, побудивших западных партнеров по антигитлеровской коалиции отложить высадку в Европе и пустить свои суда по более южному азимуту. Спорные мнения историков и очевидцев (по фактической стороне дела) касаются главным образом того, кто был автором идеи — Черчилль или Рузвельт и кто из них упорнее настаивал на операции «Гимнаст», переименованной в «Факел».

Одни убеждены, что выбор в ее пользу определялся зарождавшимся экспансионизмом США, который сдерживался лишь тем, что американцы пока еще вели военные приготовления, откладывая свою активную роль в европейских и — шире — мировых делах на будущее. Эта версия убедительна хотя бы потому, что Вашингтон был обеспокоен прежде всего тем, что к «Свободной Франции» присоединились в 1941–1942 гг. некоторые французские губернаторы не только в Африке и бассейне Индийского океана (Нигер, Чад и др., Реюньон, Французская Индия), но и под южными широтами Западного полушария (Маркизские о-ва, Новая Каледония). Правда, это беспокойство вызывалось, быть может, не столько империалистическими аппетитами Белого дома, сколько опасением, как бы война не перекинулась в Латинскую Америку; поэтому, в частности, США помешали де Голлю отправить военный корабль во Французскую Гвиану, чтобы поддержать в г. Кайенне своих сторонников. Что же касается зоны Гибралтарского пролива, из-за которой, по меньшей мере, со времен поздней Реконкисы 1212–1492 гг., эпохи Великих географических открытий, войны за Испанское наследство и т.д. кипели страсти и бились на поле брани христиане и мусульмане, а также те и другие между собой, то эта зона являлась предметом геополитических интересов США даже в период классического американского изоляционизма, еще в позапрошлом веке.

Со своей стороны, Генри Киссинджер приводит аргументы в пользу той версии, что с самого начала совместного планирования военных операций американское командование стремилось открыть второй фронт во Франции. «В марте 1942 года, — пишет он, — генерал Джордж Маршалл, начальник штаба сухопутных сил США, взбешенный британским противодействием его плану открытия второго фронта, угрожал пересмотром так называемой “директивы АБЦ–1”, принятой годом ранее,



которая отдавала преимущество европейскому театру войны, и переключить главные военные усилия Америки на Тихий океан»³⁹.

Но есть и другой аспект проблемы, напрямую не связанный с политическими мотивами, которыми руководствовались западные союзники в то время, когда армия США перешагнула Атлантический океан. Со стратегической точки зрения, считают некоторые специалисты по теории и истории военного искусства, «вторжение в Северную Африку должно было предшествовать сражению при Эль-Аламейне»⁴⁰, хотя выиграно это сражение было блестяще. И не в последнюю очередь, благодаря полководческому таланту генерала Бернарда Монтгомери — позднее фельдмаршала и виконта Аламейнского, имевшего перед собой достойного соперника.

В канун высадки союзников в Северной Африке англичане нанесли мощный контрудар по войскам держав «оси» на египетском направлении (битва при Эль-Аламейне 23 октября — 4 ноября 1942 г.). В результате этого сражения, «одного из самых решающих в истории Англии»⁴¹ и происходившего в 100 км западнее Александрии, линия фронта была здесь прорвана. Толпа на улицах Каира напрасно взывала: «Вперед, Роммель!». В частях под британским флагом было потеряно убитыми 13,5 тыс. человек и 59 тыс. — на стороне неприятеля. Началось его методическое пресле-

³⁹ Киссинджер Г. Указ. соч., с. 362. Автор очевидно имеет в виду мартовское совещание у Рузвельта, на котором присутствовали его главный советник Гарри Гопкинс, морской и военный министры, главнокомандующий ВВС США и Дж. Маршалл. Президент, «опасаясь поражения англичан в Ливийской пустыне, удивил американских начальников штабов, предложив временно отложить вторжение через Ла Манш» (Брэдли О. Указ. соч., с. 209). Как известно, 18 июня 1942 г. Черчилль прибыл в Вашингтон с предложением отвлекающей диверсии против немцев на Средиземном море, а в июле генерал Маршалл, сторонник плана «Болеро» (накопления сил для высадки на континент с Британских о-вов), участвовал в англо-американских переговорах в Лондоне, которые увенчались одобрением альтернативного проекта операции «Торч», отвечавшего замыслу Черчилля, считавшего, что надо начать с удара по «мягкому подбрюшью» держав «оси», то есть с Италии, и опередить «Советы» на Балканах. (О различиях стратегических идей руководства Англии и США см., например: Мэтлофф М.. От Касабланки до «Оверлорда», М.: Военное изд-во министерства обороны СССР, 1964, с. 32–43).

⁴⁰ Фуллер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956, с. 316.

⁴¹ Там же, с. 313.



дование, и 13 декабря танки союзников были уже под Тобруком в Киренаике. Силы «Сражающейся Франции» во главе с капитаном Леклерком атаковали итало-немецкие войска через Феццан из Чада и вышли на соединение с «армией пустыни» генерала Монтгомери возле Триполи. Этот город был взят 23 января. Под натиском союзников войска Afrika Korps (немцев – 50 тыс., итальянцев – 30 тыс.) начали поспешное отступление в сторону Туниса. Роммель настаивал на их эвакуации, но вместо этого Гитлер приказал перебросить сюда 5-ю танковую армию генерала фон Арнима⁴², которая вместе с 1-й германо-итальянской танковой армией составила под общим командованием Роммеля армейскую группу «Африка». Положение на Средиземноморском театре военных действий тем временем складывалось не в пользу союзников. На «тунисском выступе», как этот участок обозначался в оперативных сводках, инициатива полностью перешла к неприятелю.

По окончательному плану операции «Торч» американцы высаживали три десанта: в Касабланке, Ороне и Алжире (здесь совместно с англичанами). Операция под общим командованием Дуайта Эйзенхауэра началась на рассвете 8 ноября и прошла сравнительно удачно, хотя обошлась недешево: свыше 6 тыс. человек убитыми и ранеными или пропавшими без вести с обеих сторон, потопленные или поврежденные суда на якоре у Касабланки и потеря 135 из 168 французских самолетов, уничтоженных на земле или в бою⁴³. Однако крупнейшим стратегическим просчетом, как считал де Голль, которого полностью отстранили и даже не известили о начале операции, было то, что ее авторы исключили штурм Бизерты. Накануне весь день «американские и английские радиостанции, – пишет он, – твердили “Роберт прибывает! Прибывает Роберт!” Услышав эту новость, я уже не сомневался, что...этим сигналом Америка давала знать о себе французам Африки, на которых она рассчитывала опереться. Следовательно, высадка начинается». В полдень 8 ноября, приглашенный на Даунинг-стрит, он выразил «свое удивление Черчиллю и Идену тем обстоятельством, что в планах союзников не

⁴² С июня 1941 г. воевал на советско-германском фронте. В составе группы армий «Центр» участвовал в боях под Москвой, при этом овладел Брянском. В декабре 1942 г., когда в Африке на базе командования LXXXX армейского корпуса была сформирована 5-я танковая армия, командование ею было поручено фон Арниму.

⁴³ де Голль Ш. Военные мемуары, Том 2, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960, с. 56.



учитывается прежде всего Бизерта. Ибо совершенно очевидно, что немцы и итальянцы вторгнутся в Тунис именно через этот порт... Английские министры соглашались со мной, но еще раз повторяют, что за ход операции всю ответственность несут американцы»⁴⁴.

Главу, посвященную в его военных мемуарах высадке союзников, генерал де Голль назвал одним словом «Трагедия». Как только в ставке Гитлера уяснили, что морская армада шла не к Мальте (предположение, которое до последней минуты рассматривалось как наиболее вероятное), со стороны Германии последовали энергичные ответные действия. 8 ноября между Берлином и Виши было достигнуто соглашение о том, что французы предоставляют немцам воздушные базы в Тунисе и под Константиной. Соответствующее распоряжение было передано исполнителям – из рук в руки. 9 ноября «в Тунисе приземлился самолет с адмиралом Платоном, доставившим из Виши приказ адмиралу Эстева...и адмиралу Дерье-ну, морскому префекту Бизерты, открыть проход немцам. И действительно, в течение этого же дня немцы высадили на территории Эль-Алауина (аэродром возле г. Тунис – М.В.) парашютный десант, не сделав при этом ни одного выстрела»⁴⁵. Однако парашютистами дело не ограничилось.

Они имели задание наладить воздушный мост; и вскоре в Тунисе, где до сих пор не было немецких военных частей, один за другим стали приземляться самолеты люфтваффе. Тихоходные, но большегрузные машины транспортной авиации, которая составляла одно из оперативных преимуществ германского командования, были способны перебрасывать в Тунис из Италии и Южной Франции до 1000 человек ежедневно. Уже 9 ноября в Италии опустились три группы немецких самолетов, имевшие в своем составе гигантские планеры «Голиаф» грузоподъемностью 16 тонн каждый. Это позволило на вторые сутки перебросить в Тунис в качестве первого эшелона немецкий охранный батальон. Немцам не доставало истребительной авиации, так что многие самолеты, сбитые союзниками, па-

⁴⁴ Там же, с. 54. По мнению военных историков, именно англичане настаивали на том, чтобы высадка осуществлялась между Касабланкой и г. Алжир, рассчитывая подойти к Бизерте и Тунису не морем, а сушей. После неудачного рейда в Дьепп 19 августа 1942 г. и потери конвоя судов, шедших на Мальту, в Лондоне опасались высадки на африканский берег в пределах радиуса действия неприятельских истребителей с Сицилии и Сардинии (Фуллер Дж. Ф. С. Указ. соч., с. 305, 316–318).

⁴⁵ де Голль Ш. Указ соч., с. 55–56.



дали в море вместе с людьми и вооружением. Тем не менее, северо-восточный угол Туниса был стремительно оккупирован. Для охраны больших портов Суса и Сфакса, а также городов Габес и Кайруан войскам «оси» пришлось выделить крошечные итальянские гарнизоны⁴⁶.

На следующий день после получения в Тунисе одного приказа из Виши появился диаметрально противоположный из Алжира. К вечеру 10 ноября от Дарлана поступило распоряжение всем французским войскам в Северной Африке не вступать в бой с союзниками. Оно пришло глубокой ночью; и было уже поздно. 11 ноября в Тунис вошли немецкие войска с танками и тяжелым вооружением. Вишисты 14 ноября капитулировали в Бизерте, где немцам досталось девять подводных лодок и три миноносца⁴⁷. Спустя неделю-другую здесь было до 20 тыс. военнослужащих Италии и Германии с сотней танков и противотанковыми орудиями, пикирующими бомбардировщиками, взлетающими с твердой полосы⁴⁸, под Новый год солдат и офицеров стало 130 тыс., и затем эта группировка только наращивалась.

Гитлер приказал 30 ноября разоружить все французские силы, находившиеся в стране. (Часть из них, правда, уже перешла к союзникам и действовала против немцев). В конце этого месяца по запруженным улицам Туниса «беспрерывно шли грузовики, повозки, танки, пушки... День за днем разгружались все новые суда с оружием и новыми войсками»⁴⁹.

⁴⁶ *Moorehead A.* The End in Africa, London, 1943, p. 83. Эти гарнизоны состояли из 20-30 человек. Больше и не требовалось, ибо к моменту итало-немецкой высадки в Тунисе французская армия, которая насчитывала здесь 25 тыс. человек (по другим данным 15 тыс.), была подтянута к столице и Бизерте. Восточное побережье оставлено почти без прикрытия. Часть этих войск генерал Барре отвел в ноябре на западные оборонительные рубежи между Беджей и Меджес-эль-Бабом, сделав на месте выбор в пользу союзников.

⁴⁷ *Churchill W.* Op. cit., p. 193.

⁴⁸ Самый крупный и по сути единственный аэродром, пригодный для тяжелой авиации, находился возле столицы. Для его ремонта и расширения немецкое командование создало трудовые лагеря, загнав в них евреев. На восьмой день после захвата этого аэродрома немцы потребовали собрать всех евреев от 18 до 40 лет и направить в лагеря. «Наша первая мысль, — пишет Альбер Мемми, — была просить совета и помощи в генеральной резиденции». К их изумлению, делегаты были выставлены за дверь. «Господа, я и сам подчиняюсь приказу немцев» — заявил им адмирал Эстева (*Memmi A.* La Statue de sel, Paris: Gallimard, 1966, p. 297).

⁴⁹ *Gide A.* Deuxième journal. Souvenirs 1939-1949, Paris: Gallimard, 1953. (Писатель пережил немецкую оккупацию в Тунисе, где 7 мая 1943 г. выступал по радио).



бродили слухи, что в городе вот-вот будут американцы, но где они есть, вроде бы близко, а где именно — толком никто не знал. «Но я думаю, что они встретятся с серьезным сопротивлением, которому дали организовать», — записал в своем дневнике 30 ноября Андре Жид.

На самом деле американцы держали главный контингент своих войск ближе к Гибралтару: в Марокко, где высадилась западная оперативная группа (Western Task Force), которая прибыла прямо из США под командованием генерала Паттона, и в Западном Алжире, или Орании (Centre Task Force)⁵⁰. Осуществление и командование действиями на тунисском направлении взяли на себя англичане, которых 11 ноября снова погрузили на корабли и доставили в Бужи, других — десантировали в Боне, чтобы оттуда им двинуться на восток. Наступление генерала Андерсона, начатое 16 ноября силами 1-й армии с целью прорваться к портовым городам Бизерте и Тунису, захлебнулось. Позднее генерал Брэдли, принявший командование 2-м американским корпусом, который взаимодействовал с 1-й британской армией, объяснял неудачу этой сухопутной операции тем, что разразились небывалые для Туниса зимние дожди, и колонны войск застряли в грязи⁵¹. Об этих ливневых дождях, местами превративших плоскогорье в болото, мало кто из военных мемуаристов забыл упомянуть.

⁵⁰ В их задачу входило отражение возможного нападения немцев через Испанское Марокко. Войска, высадившиеся в зоне Сафи — Касабланка — Порт Лиоте (ныне Кенитра) и под Ораном, всего 45 тыс. человек, образовали американскую 5-ю армию. В направлении Туниса двинулись головные отряды 1-ой британской армии: около полка танков и собранная из разбросанных частей пехотная дивизия. К ним подтягивались другие силы, сформировавшие 1-ю армию на базе Восточной оперативной группы (около 20 тыс. человек), которая высадилась возле г. Алжир. Здесь десанты были смешанными, но английские солдаты и офицеры переодеты в американскую униформу, так как всю операцию было решено начать под флагом США, чтобы не раздражать французов, загнавших злобу на англичан после их нападения в 1940 г. на гавань Мерс-эль-Кебир, где на сожженных судах погибли 6 тыс. моряков. Данные о численности высадившихся войск см.: *Луконин Ю. В.* Указ. соч., с. 33. В некоторых публикациях указываются иные сведения о количестве личного состава союзнических войск в Северной Африке, которые получали подкрепления по ходу операции; соответственно, менялись и цифры. (См. также: Вторая мировая война 1939-1945. Альбом схем, М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1958, Схема 15).

⁵¹ *Брэдли О.* Записки солдата, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1957, с. 43. Автор этих мемуаров прибыл в Северную Африку из США в феврале 1943 г., отпраздновав свое 50-летие. Становится заместителем, а потом командующим армейским



В итоге 1-ая армия Андерсона, далеко не полная, чтобы называться армией (одна бронедивизия и две пехотные), закрепилась в г. Мэджез-эль-Баб, расположенном в 60 км на юго-запад от г. Тунис. Но господствующие высоты остались у неприятеля. Американцы в составе этой армии, направленные в центральную часть Туниса, имели одну бронетанковую и одну пехотную дивизии, которые в результате контратак неприятеля потеряли основную массу техники и живой силы. Войска «оси» возглавлял опытный военачальник, генерал танковых войск Неринг, который с июня 1941 г. воевал на советско-германском фронте, с марта по август 1942 г. командовал танковым корпусом в составе армии Роммеля в Ливии, а в ноябре того же года перерезал путь Андерсону в Тунисе⁵². Линия фронта более или менее установилась в начале декабря и протянулась с севера на юг, разделив Тунис пополам, при этом густонаселенные приморские районы оказались в руках у немцев.

В тунисских тюрьмах к моменту немецкой оккупации находились десятки антифашистов, коммунистов, сотни дустуровцев⁵³. Ранее было при-

корпусом. После тунисской кампании, в которой он получил первое боевое крещение, командовал армией на европейском театре военных действий; участник высадки через Ла Манш; закончил войну на Эльбе во главе 12-й группы армий. Во время Корейской войны Омар Брэдли – председатель Объединенного комитета начальников штабов американских вооруженных сил.

⁵² Вальтер Неринг оставался в Тунисе до 10 февраля 1943 г., затем вернулся на восточный фронт. Советская армия встретится с «группой Неринга» во время зимнего наступления 1944 г. на Висле. С 22 января 1945 г. он командовал элитным танковым корпусом «Великая Германия» и 1-й танковой армией, с ней капитулировал.

⁵³ Часть арестантов, задержанных в ноябре 1939 г. и получивших приговор 14 февраля 1940 г. за взрыв у казармы в Касбе (г. Тунис), а также за попытку восстановить распущенную партию, содержалась на территории Алжира, в лагере Lambèse. Среди них Бахи Ладхам, будущий руководитель администрации президента, а также Хеди Саиди, Хассуна аль-Каруи и адвокат Хеди Кефаша – это далеко не все; с ними вместе были менее известные лица, в том числе студенты «зейтуновцы». В гражданской тюрьме г. Тунис (Prison Civil) и в бывшей пиратской крепости Порто-Фарина (ныне – Гар аль-Мильх) под Бизертой содержались осужденные за различные акции саботажа, среди них группа «метвия», арестованных в августе 1941 г. Другую группу составляли задержанные в том же месяце Рашид Дрис, Хасин Трики, Слиман Ага и др. В гражданской тюрьме Туниса находились двое лидеров подпольного 6-ого политбюро, Хабиб Тамер и Тайеб Слим. После его провала в январе 1941 г. они сумели скрыться, но были задержаны при попытке уйти в Ливию и в феврале 1942 г. осуждены на 20 лет каторги.



ложено много усилий, чтобы их выпустили: за них просил Монсеф-бей, проводились уличные демонстрации с требованием свободы для заключенных. Генеральный резидент – адмирал Эстева, видимо, находившийся в смятении, получая разные указания то из Виши, то из Алжира, и обуреваемый беспокойством за свое персональное будущее, пошел на уступки.

11 ноября из городской тюрьмы Туниса освободили французов, задержанных по подозрению в сочувствии де Голлю, 12 ноября – группу итальянцев-антифашистов. Коммунистов выпустили только 14 ноября ближе к полудню, когда немцы уже контролировали столичные улицы. Дустуровцы же, которые подняли 11 ноября восстание заключенных, оставались в камерах. Подпольное руководство компартии решило отправить одного из своих членов – Мориса Низара, кстати еврея, которому раньше был вынесен смертный приговор военным трибуналом, в Бизерту, чтобы встретиться там с адмиралом Эстева и передать ему письмо с требованием освободить дустуровцев. Он взял велосипед и двинулся в путь, но не сразу нашел кого нужно. 15 ноября ему все же удалось встретиться с Робером Лафоном, заместителем Эстева. 1 декабря из Резиденции поступил приказ об освобождении всех политзаключенных на территории Туниса.

Несмотря на то, что коммунисты способствовали появлению этого приказа, отношения между ними и дустуровцами не улучшались. Коммунисты предложили политбюро партии Новый Дустур встретиться и обсудить план действий в условиях фашистской оккупации. Однако члены политбюро сначала согласились на собрание с активом ТКП, а потом отказались под предлогом, что не смогли выработать для себя определенную точку зрения. «Так в декабре 1942 г. коммунисты решили противостоять немцам в полном одиночестве»⁵⁴. Они выпускали свой подпольный бюл-

⁵⁴ Каздагли Х. *Татаввур аль-харака аш-шуйу'ийа би тунис* [Развитие коммунистического движения в Тунисе], 1919/1943, Тунис: Изд-во Тунисского университета, 1992, с. 317-318. Информацию из первых рук дает Поль Себа, который рассказывает, что между дустуровцами и коммунистами еще в тюрьме велись переговоры о сотрудничестве. Но этому помешали два обстоятельства. Во-первых, в политбюро Нового Дустура имелись персональные расхождения (как выразился автор, «разные тенденции») по отношению к войне. Во-вторых, резко изменилась ситуация. 8 ноября 1942 г. члены политбюро практически уже согласились на сотрудничество с ТКП в оказании поддержки союзникам, но 9 ноября пошли на попятный, объяснив, что боятся за судьбу Бургибы и других товарищей в Марселе, об освобождении которых хлопочет бей. 11-ого немцы были уже рядом.



летень, с их помощью в оккупационных войсках распространялась нелегальная газета итальянских коммунистов «Il soldato italiano».

Официальная позиция тунисских властей, которую выражал бей, заключалась в нейтралитете к воюющим сторонам. Заявление об этом в письменной форме было послано на имя президента Рузвельта и английского короля Георга VI, рейхсканцлера Гитлера и Виктора Эммануэля III, короля Италии⁵⁵. Позже из дворца раздалась также просьба считать Хаммам-Лиф – малую столицу бея «свободным городом» и не подвергать его бомбардировкам. Пощадить простое мирное население тунисские власти тоже умоляли; между тем оно становилось жертвой обстрелов и бомбометаний с обеих сторон. Достаточно привести только один пример. Когда немецко-фашистские войска захватили горный проход Кассерин в центральной части страны, близ границы с Алжиром (февраль 1943 г.), вытеснив отсюда американцев, полк «летающих крепостей» вылетел на бомбежку неприятельских позиций. Во время ночного полета американские летчики сбились с курса, и самолеты сбросили бомбы над расположенным гораздо севернее г. Сук эль-Арба (ныне Джендуба). «Было убито и ранено много арабов и уничтожено множество имущества мирных граждан»⁵⁶.

В январе на конференции в Касабланке представители союзных войск, занимавшиеся планированием, решили поставить тунисский фронт под единое командование, подчинив его Эйзенхауэру, а группе действующих на суше армий дали номер 18, сложив номера 1-й и 8-й британских

(Sebag P. Communistes de Tunisie (1939-1943), Paris: L'Harmattan, 2001, p. 98-101).

⁵⁵ Этому заявлению предшествовало письмо президента Рузвельта с просьбой пропустить союзников через территорию регентства, датированное 7 ноября 1942 г. и адресованное «Его Высочеству Сиди Монсефу, паша-бею, Бео Туниса...». Оно произвело огромное впечатление во дворце прежде всего тем, что впервые после 1881 г. к монарху обращались как к полноценному главе государства. Но получил его Эстева, к нему оно попало одновременно с письмом Петэна, который требовал считать американцев агрессорами. Дождавшись 12 ноября очередной церемонии «приложения печати», Генеральный резидент вручил оба письма бео. После бурных обсуждений и родились четыре аналогичных послания, которые в пятницу 13 ноября были переданы тому же Эстеве (по штату: «министру иностранных дел» Туниса) для рассылки. Дальнейшая судьба их неизвестна, кроме одного – к Рузвельту, его утратил в бегстве консул США (Mestiri S. Moncef Bey, Tome I: Le règne, Tunis: Ed. Arcs, 1998 p. 106-112).

⁵⁶ Eisenhower D. Crusade in Europe, Garden City (N.-Y.): Doubleday, 1948, p. 145.



армий. Командный пункт развернули в Константине, ближайшем к линии фронта алжирском городе. 18-й армейской группе были приданы 2-й американский корпус и 19-й французский, насlex сформированный и разношерстный⁵⁷. Перед этой группой, которую в последней декаде февраля возглавил британский генерал Гарольд Александер, «была поставлена основная задача: взять Тунис в клещи, зажать войска оси в их прибрежном коридоре и затем отбросить на севере в ловушку и уничтожить... Александер прежде всего положил конец беспорядочной переброске войск на фронте Андерсона. Войска каждой страны сосредоточивались в определенном районе, и на них возлагалась полная ответственность за оборону своего сектора фронта. В первый раз на южном участке фронта в Тунисе Фредендолл (генерал США, в апреле 1943 г. передал командование своими частями Омару Брэдли – М.В.) почувствовал себя командиром корпуса по существу и по форме»⁵⁸.

Американцы, на которых высшие английские офицеры, кутавшиеся в свитера и бедуйские бурнусы, смотрели как на провинциалов, а зачастую и с «плохо замаскированной насмешкой»⁵⁹, стали действовать более эффективно, получив оперативную самостоятельность. Одновременно Эйзенхауэр, чей командный пункт находился в Алжире, объединил через своих заместителей руководство военно-воздушными и военно-морскими силами в бассейне Средиземного моря. Тем самым готовился направленный удар, о котором в начале высадки союзники и не думали, рассчитывая встретить в худшем случае сопротивление плохо вооруженной вишистской армии из 110 тыс. человек, разбросанной по гарнизонам (возможно, она насчитывала вместе с полувоенными формированиями до 180 тыс. человек).

«В декабре англо-американцы, – писал Черчилль Сталину, – отказались от попытки захватить Тунис и Бизерту с ходу из-за силы противника, предстоящего сезона дождей, уже наступившей сырости и того факта, что коммуникации растягивались на 500 миль из Алжира и 160 миль из Бона по плохим дорогам и однопутным французским железным дорогам, передвижение по которым требует целой недели. Доставка снабжения

⁵⁷ В штатах 19-ого корпуса на 1 мая 1943 г. числилось 53,7 тыс. человек, из них 23,5 тыс. европейцев, остальные «арабо-берберы» (Луконин Ю. В. Указ. соч. с. 76).

⁵⁸ Брэдли О. Указ. соч., с. 55.

⁵⁹ Там же, с. 77.

* Джихад без войны. Т. I. Кн. 2.





для армии была возможна лишь морем в небольшом размере вследствие интенсивности атак противника с воздуха и частых нападений подводных лодок... То же самое было справедливым в отношении снабжения по воздуху, так как импровизированные аэродромы превратились в трясины. Когда мы прекратили там наступление, в Тунисе было 40 тысяч немцев, не считая итальянцев и Роммеля, который все еще находился в Триполи. Количество германских сил в Северном Тунисе в настоящее время более чем в два раза превышает эту цифру, и они подбрасывают сюда кого только могут на транспортных самолетах и эсминцах. В конце прошлого месяца (февраль 1943 г. — *М.В.*) были некоторые серьезные местные неудачи, но в настоящее время положение восстановлено. Мы надеемся, что задержка, вызванная этими неудачами, будет исправлена более ранним наступлением армии Монтгомери, которая должна будет состоять из шести дивизий (приблизительно 200 тысяч человек) и которая начнет свои операции из Триполи с достаточным количеством вооружения против позиции Марета до конца марта... Британские и американские армии в северном секторе Туниса будут координировать свои действия с операциями Монтгомери. Я полагал, что Вы пожелаете ознакомиться с этими деталями, хотя масштабы этих операций невелики по сравнению с громадными операциями, которыми Вы руководите... К концу апреля мы будем иметь в Северном Тунисе пять британских дивизий, или приблизительно 200 тысяч человек, помимо армии генерала Монтгомери... и мы перебрасываем две специально подготовленные британские дивизии из Ирана». (Личное и строго секретное послание от премьер-министра, 11 марта 1943 г.)⁶⁰

Тем временем немцы надеялись превратить Тунис в свою опорную крепость в Северной Африке и начали формировать отдельный арабский батальон. Их усилия, не особенно плодотворные в последнем деле, поддержал своими призывами Амин аль-Хусейни, курсировавший между Римом и Берлином. Его римская вилла находилась как раз рядом с той, куда поселили бывших узников Fort Saint-Nicolas. (Правда, палестинского муфтия в то время здесь не было, но он вступил в переписку с Бургибой и получил от него письмо, в котором говорилось, что «сначала независимость Туниса, а потом все остальное, но вряд ли первое дадут»). Сами же они после своих без малого пяти лет мытарств по тюрьмам оказались на Апеннинском п-ове в самый тревожный период войны. Куда качнется чаша весов, было неизвестно.

⁶⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР... Том Первый, с. 98-99.



Весной, когда хлопотами Монсеф-бея все его товарищи, в том числе старший брат Махмуд, были уже возвращены в родные края⁶¹, Хабибу Бургибе пришлось выступить с обращением к своим согражданам по радио, транслировавшем передачи на арабском языке. Это составляло условие, под которое римские хозяева, поместившие его если не в золотую, то золоченую клетку, готовы были с ним расстаться и обещали вывезти в Тунис.

Подыскивая слова перед микрофоном Радио-Бари (6 апреля), он сначала выразил свою верность царствующей особе и трону Хусейнидов, затем поблагодарил державы «оси» за похвальный жест — освобождение людей, томившихся в тюрьмах и концентрационных лагерях как в Тунисе, так и во Франции. Следом выразил признательность итальянскому правительству за оказанное гостеприимство. «Но все это, — продолжал оратор, — не заставит нас забыть свой долг по отношению к Священной Родине... Где бы мы ни были, в темнице или под заботливым попечением великих держав, наша позиция по отношению к святому нашему делу остается неизменной... Дорогие мои соотечественники! Настал критический час, положение — крайне сложное... Долг вам велит в этих условиях собраться в ряды вашей мощной партии, держаться плечом к плечу вокруг нашего возлюбленного Государа, слушаться его бесценных советов и следовать его указаниям... И вы, молодые герои, защитники нашего наследия и верные стражи Родины! Я восхищаюсь вашей активностью и организованностью. На вас ответственная миссия, будьте ее достойны... Я должен, наконец, предупредить тунисский народ: не надо думать, что время борьбы окончилось. Будьте бдительны...»⁶²

Итак, в апреле 1943 г. Бургиба, наконец, возвращается домой, где настроения общественности были весьма неопределенными. Мусульманское население, недоверчиво относившееся к итальянцам, напротив, отчасти равнодушно, отчасти с удовольствием встретило немцев, которые вели себя в Тунисе отнюдь не так, как в оккупированной Европе, даже обхаживали местных жителей. Англичанин, участник боев в Тунисе, рассказывает, что союзники хоронили своих погибших, кладя каждому в карман гранату с выдернутой чекой, чтобы братские могилы не тронули арабы⁶³. Конечно, так хотели отвадить грабителей, но и массовость случаев осквернения солдатских захоронений, оставленных позади себя войсками,

⁶¹ Шестерых лидеров Нового Дустура отправили из Рима в Тунис 26 февраля 1943 г. в сопровождении итальянского офицера Умберто Эрмирио (*Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 97*).

⁶² Текст выступления см.: *Bourguiba H. La Tunisie et la France...*, p. 182-184.

⁶³ Рольф Д. Кровавая дорога в Тунис, М.: Аст, 2003, с. 381.



которые гнали немцев, говорит о многом. Этот факт даже ярче других, а их немало (хотя бы столы, накрытые для солдат вермахта в бедняцких домах Эль-Хаммы), показывает, каково было отношение простых тунисцев к войне. Не одни египтяне кричали: «Вперед Роммель!». Причем искушение поддаться мысли, что немцы – армия освободителей, а их неприятели – армия захватчиков, у мусульманского населения Туниса, единственной арабской страны, оккупированной немцами, было особенно велико. (Итальянская колония Ливия, где развернулись шесть военных кампаний, это – особый случай).

Бей Монсеф, старинный друг дустуровцев⁶⁴, которого иные советники уговаривали бежать через линию фронта, когда страну занимали гитлеровские войска, казалось бы, тоже выиграл от того, что в его столице, в отеле «Мажестик» на авеню де Пари, расположился немецкий штаб. Бей объявил реформы, создал правительство «национального доверия», в которое вошли Махмуд Матри – бывший председатель Нового Дустура и Салах Фархат – генеральный секретарь Старого Дустура. Премьером этого правительства, впервые созданного по государевой воле и указу, без санкции на то Генерального резидента, был назначен Мухаммед Шеник, не один год занимавший пост вице-председателя туземной секции Большого Совета. Это было еще в январе⁶⁵. Можно добавить, что Бахри Гига – один из основателей Нового Дустура и член политбюро (распущенного в 1938 г.) был назначен главным инспектором каидатов⁶⁶. Самого Монсеф-бея стали величать «королем Дустура».

Еще до вторжения немцев наблюдался стремительный рост авторитета бея, и поползла легенда о втором пришествии эмира Абд аль-Кадера Алжирского – «меча, карающего французов», вселившегося в человека, подходившего на этот случай даже по своей наружности, которую выгодно оттеняли позументы, эполеты, каскад орденов на маршальском

⁶⁴ Подробнее о нем, его друзьях и родственниках см.: Биографическое приложение.

⁶⁵ По некоторым данным, именно д-р Матри был инициатором создания «патриотического кабинета», сформированного 1 января 1943 г. Он же ранее посоветовал Монсефу заявить воюющим сторонам о своем нейтралитете (*Rey-Goldzeiguer A. L'opinion publique tunisienne 1940-1944 // La Tunisie de 1939 à 1945, Actes du 4-ème séminaire sur l'histoire du mouvement national, juin 1987, Sidi-Bou-Said, Tunis: Impr. Officielle, 1989, p. 139; Bessis J. Les Etats-Unis et le Protectorat Tunisien dans la deuxième guerre mondiale // Ibid., p. 207).*

⁶⁶ *Garas F. Op. cit., p. 142.*



мундире и тройная золотая кокарда на шее, заменявшей ему корону. Впрочем, представлять во всем параде без особой нужды он не любил и на следующий день после 19 июня 1942 г., когда к его имени добавилась приставка «паша-бей» (напомним, официальный титул тунисского монарха), сказал Махмуду Матри: «Вот увидите, я не такой бей, как другие. Я такой же, как вы, горячий патриот...и костыли лягу за наш народ»⁶⁷. Однако в сущности это был слабый человек, нуждавшийся в чужом мнении, который, к тому же, оказался в крайне сложных обстоятельствах. Правда, что касается реформаторской инициативы, то ее он проявил самостоятельно.

Во дворце Монсеф-бея и на улице. По рассказу д-ра Матри, бей призвал к себе друзей-советников, а именно его самого, Садока Змерли и Мухаммеда Саадаллаха, чтобы они собрали лучшие умы для подготовки проекта реформ, сделав его умеренным и приемлемым для маршала Петена. В первой декаде августа меморандум был готов, и государь, внося несколько поправок, вручил его адмиралу Эстева для отсылки в Виши. Генеральный резидент крайне удивился, но обещал исполнить просьбу. Прошли недели без каких-либо новостей. Все были поглощены Рамаданом, начавшимся 11 сентября. По окончании поста – на праздничном приеме во дворце Бардо – случилась размолвка между беем и адмиралом, в результате которой импульсивный монарх составил телеграмму в Виши, заявив о невозможности своего дальнейшего сотрудничества с Эстева.

Текст этого послания адмиралу показали, и он застыл в изумлении. Затем вымолвил: «Ну вот и хорошо!». Спустя сутки вместо телеграфа во Францию отправился собственной персоной Робер Лафон – делегат Резиденции, который вернулся около 20 октября с посланием Петена, где в туманных словах говорилось о традиционно сердечных отношениях между Францией и домом Хусейнидов, отвечивались поклоны бею и пожелания здоровья. «Я так и не понял, – пишет д-р Матри, – что имелось в виду: план реформ, изложенный в августовском меморандуме, или телеграмма». Г-н Лафон, карьерный дипломат с учтивыми манерами, рассыпался в любезностях от лица французского правительства⁶⁸. Тем временем на территории Туниса появились немцы. Полагая, что оккупация – это надолго, советники бея пытались в буквальном смысле подsunуть план реформ и

⁶⁷ *El-Materi. Op. cit., p. 183.*

⁶⁸ *Ibid., p. 188.*



представителям вермахта, и германским дипломатам, и новым эмиссарам, понаехавшим из Виши, но с тем же успехом, что и раньше.

Стечение двух обстоятельств: появление на троне бея-патриота и немецкая оккупация, ослабившая зависимость дворца от Резиденции, возбудили в народе веру в десницу божью, приславшую ему избавителя. Им-позантная фигура Монсеф-бей естественным образом заполнила собой политический вакуум, возникший в результате разгрома Нового Дустура весной 1938 г., его ухода с легальной политической сцены и последующих арестов подпольных лидеров. Выжидательное настроение, «*attentisme*», превалировавшее в тунисском обществе с начала войны, сменилось лихорадочной активностью в рядах националистов; причем инициатива перешла к автономным партийным ячейкам и группам «сочувствующих».

Специфика этого периода, который занял полгода (между вторжением немцев в Тунис и победой союзников) заключается в том, что на поверхности вскипевшей политической жизни оказались десятки молодежных и юношеских организаций, выступавших под эмблемой Нового Дустура. В этой атмосфере сам собой сложился лозунг «единства партии и трона», к которому освобожденным в ноябре – декабре 1942 г. неодолеваемым лидерам оставалось лишь присоединиться.

Некоторые факты, проливающие свет на войну, увиденную глазами тунисцев, можно найти в мемуарах д-ра Бен Салема, который описывает два эпизода из своей жизни. Первый эпизод: Париж, 14 июня 1940 г. Молодой человек из Туниса, президент Ассоциации североафриканских студентов-мусульман (AEMNA), работающий в больнице для выходцев из Магриба, узнает, что немецкие танки в Париже. Это заставляет его вспомнить, как четыре года тому назад французские солдаты и жандармерия заняли улицы Туниса и все печальное, что за этим последовало. На третий день в Париж «вместе с оккупационными войсками прибывает Абдеррахман Ясин, он же командир Мурад (служивший абверу сириец, выдававший себя за дустуровца, против которого неоднократно предостерегал Бургиба, — *М.В.*)⁶⁹. Вместе с ним мы отправились громить полицейский участок по делам североафриканцев... В тот же день командир Мурад

⁶⁹ В сентябре 1941 г. Бургиба отправил в Тунис письмо М. Бадре с просьбой всеми средствами «дезаурировать» А. Ясина, который обретался в Берлине на иждивении министерства пропаганды, разъезжая в персональном авто, получал 30 тыс. в месяц в пересчете на франки и по радио давал указания парижской ячейке Нового Дустура. Его семья обосновалась в Тунисе, а он сам — человек, близкий к Шекиму Арслану, еще во время гражданской войны в Испании вел пронацистские передачи на радио франкистов (*Rey-Goldzeiguer A. Op. cit., p. 139-140*).



представил меня полковнику Шнейдеру из разведуправления и службы «*Action directe*». В течение долгих месяцев я проходил интенсивное обучение на радиостанциях...». Второй эпизод: Тунис, глубокая осень 1942 г. Точная дата автором не указана, но очевидно дело происходит в конце ноября или в самом начале декабря, когда немцы ввели войска в город и прочно в нем расположились. «Я немедленно связался с их командующим Фидлером, который занял виллу в Бельведере (квартал особняков на холме возле лесопарка — *М. В.*). Было около 22 часов, ракетные снаряды и всполохи от артиллерийских залпов освещали небо, затянутое тучами. Вместе со мной были Тайеб Слим, д-р Мокаддем и Хабиб Тамер, все трое члены политбюро Нового Дустура. Мы поднялись пешком на Бельведер; некоторые были объаты паническим страхом, не стану называть их имена. Я не был прогитлеровцем. Но тогда думал, что с помощью немцев можно победить французский колониализм. Ведь когда упрекали турецкого султана Абдулхамида за его союз с Россией, он изрек: «Тонуший схватится и за змеем». Мы шли спросить, почему немцы оккупировали Тунис, который не воюет с Германией. Нам было сказано, что тунисская территория принадлежит Франции, а Рейх воюет против своих врагов. И если мы хотим в один прекрасный день стать независимыми, надо помогать войскам оси. Встреча не дала ничего определенного, ибо немцы, видимо, сами не знали, где они есть»⁷⁰.

В период, когда немцы заняли добрую половину тунисской территории, пишет Мухаммед-Хеди Шериф, оккупанты, озабоченные развитием военных операций, а также тем, «чтобы поддержать расположение к себе тунисцев... и зарезервировать будущее для итальянцев», избрали по отношению к автохтонному населению политику «*laissez-faire*», которая в сочетании с ослаблением и развалом французского управленческого аппарата создала у большинства тунисцев ощущение явившейся, наконец, свободы. «В течение нескольких месяцев все казалось возможным: независимость страны, национальное самоутверждение, в том числе и возвращение земель, отъятых колонизаторами. Короче, это был реванш колонизованного, униженного и угнетенного»⁷¹. Несмотря на то, что война, обрушившаяся на страну, отнюдь не улучшила материальное положение населения (даже самые крупные магазины в столице открывались два раза в неделю, цены высоко подскочили, для снабжения все прибывавших войск

⁷⁰ *Ben Salem M. L'Antichambre de l'indépendance. 1947-1957, Tunis: Cérès Prod., 1988, p. 32-33.*

⁷¹ *Cherif M.-H. Mouvement national et occupation germano-italienne de la Tunisie (novembre 1942 – mai 1943) // La Tunisie de 1939 à 1945, ... p. 157.*



проводились реквизиции продовольствия в деревне), все неудобства компенсировались избавлением мусульман от комплекса неполноценности.

На этот факт указывают многие историки, обращающиеся к архивам военного периода или мемуарной литературе, да и к собственной памяти. К тому же с конца декабря на линии фронта установилось относительно затишье, продлившееся почти до весны, и в оккупированной зоне людям казалось, как то ни странно, что «война идет на другой планете».

В этой связи стоит несколько подробнее обрисовать картину, сложившуюся при государевом дворе, где 18 ноября 1942 г. появились необычные гости – группа немецких и итальянских офицеров, представленных сотрудниками германской дипломатической миссии. Этот двор, напомиравший при Монсеф-бее разбуженное сонное царство, представлял собой пеструю мешанину людей разного типа и всех политических оттенков. В его окружении, наряду с родней и профессиональными царедворцами, подвизались поэты-панегиристы и представители интеллигенции современной складки, деловые люди и политики дустуровского круга. Среди них образовалось несколько кланов. Аполитичный клан «царедворцев», объективно игравший на руку немцам, был ослаблен в результате смещения премьера Хеди Лахва⁷² и создания 1 января 1943 г. нового правительства, а точнее «полукабинета», ибо министры – всего четверо заняли те посты, которые и раньше предназначались тунисцам. Портфели были розданы следующим порядком: первый министр М. Шеник, министр юстиции С. Фархат, «министр пера» М. Матри, попросивший, чтобы эту архаику заменили на должность министра внутренних дел, и назначенный чуть позже министр по делам хабусов А. Желлули, сложивший с себя обязан-

⁷² Семидесятилетний премьер-министр занимал этот пост с 1932 г., а ранее свыше сорока лет подвизался на разных административных должностях, в основном по ведомству столичного муниципалитета. 31 декабря 1942 г. Монсеф-бей, давно мечтавший избавиться от «наследства» своего дяди Ахмед-бея, решился на этот шаг. В тот день состоялись похороны его мачехи и бывшей «первой дамы сераля» Лаллы Кмар – красавицы черкешенки, которая последовательно была женой трех беев, царствовавших в 1882–1922 г., Али-бея, Мухаммед-бея и Насер-бея. На кладбище Желлаз Монсеф-бей отказался воспользоваться предложенным ему переносным креслом и, напротив, предложил его премьер-министру, произнеся что-то вроде: «Садитесь, Вы старше». Поскольку «сесть» и «уйти в отставку» выражаются в арабском языке одним и тем же словом, все поняли, о чем идет речь. Во второй половине дня отставка премьера и других тунисских министров была объявлена.



ности градоначальника медины. Шефом своего кабинета Шеник назначил Мухаммеда Бадру, который был его земляком (оба – уроженцы Джербы) и неизменным помощником во всех делах. Одну из ответственных должностей в кабинете занял адвокат Мустафа Каак, умеренный националист.

Правительство, получившее за свой необычный состав эпитет «патриотическое», заседало, как и положено, во дворце Дар Эль-Бей (ныне это красивое здание в мавританском стиле на площади Касбы занимает министерство иностранных дел Тунисской республики). Но при этом оно висело в воздухе. Д-р Матри потребовал, например, чтобы ему как министру внутренних дел были переданы в подчинение каидаты, то есть районные управы, а также полиция и муниципалитеты. Шеник спросил его: «Вы еще что-нибудь хотите?». Он ответил: «Пожалуй, достаточно»⁷³. Излишне говорить, что никаких рычагов влияния новый кабинет не имел. Одной из новаций, которая позднее закрепилась, был отказ министров от ношения фантазийной военной униформы. Шеник настоял, чтобы их одежда была цивильная: обычный европейский костюм и феска, моду на которую ввел в свое время Али Баш Хамба – лидер младотунисской партии, и этот головной убор стал в Тунисе своего рода символом националистов⁷⁴.

Кабинету Шеника, созданному под немецкой оккупацией декретом государя-бея, не испросившего на то санкции адмирала Эстева (в этом и заключалась «революция»), удалось провести, кажется, одну единственную реформу: сравнять на это время зарплаты французских и тунисских служащих. Были также приняты законы в интересах тунисцев по части землепользования. Но понятно, что в условиях возобновления боев на южном участке фронта в начале марта 1943 г. и генерального наступления союзников, развернутого в апреле, новые аграрные законы некому и негде было исполнять. К тому же северо-западная часть Туниса между Эль-Кефом и Беджей находилась в руках союзников. Многие французские поселенцы бежали из этих краев в самом начале военных действий: одни в Тунис-столицу, другие в Алжир, где образовалась целая колония таких временных эмигрантов. При этом в Эль-Кефе под крылом штаба 1-й британской армии было создано нечто вроде параллельной французской Рези-

⁷³ Mestiri S. Op. cit., p. 132.

⁷⁴ Так одевались – по парадным случаям – в одинаковые костюмы белого цвета, белые туфли и все с красной феской на голове члены «второго» кабинета М. Шеника, сформированного в 1950 г., а также члены кабинета Бургибы в 1956 г.



денции, куда были собраны наличные в союзнической зоне Туниса чиновники и присланы дополнительные кадры из Марокко или Алжира. Таким образом даже та, выражаясь современным языком, «виртуальная» власть, которой обладали министры-патриоты, простиралась в основном на столицу страны с окрестностями. Полиция и жандармерия остались в распоряжении вишистов и над ними – немцев; а министру внутренних дел подчинялась разве что бейская гвардия, в которой числилось к тому времени около 400 человек, да и ею командовал полковник-француз.

Между тем положение партии Новый Дустур изменилось. Если она и не сотрудничала с оккупантами, то получила при них возможность проводить митинги и собрания, выпускать газеты, открыть помещения своих ячеек и пользовалась покровительством дворца. В Тунисе объявился Рудольф Ран, дипломат и доктор философии. Ему было 42 года. В начале своей карьеры он служил по ведомству Имперского министерства иностранных дел. В июне 1933 г. вступил в Национал-социалистскую рабочую партию Германии. С августа 1940 г. возглавлял управление радио и пропаганды в составе германского посольства в Париже, на следующий год выезжал с особой миссией в Сирию, где его задачей, с которой он провалился, была поддержка через Мосул антибританского военного переворота Рашида Али аль-Гайлани; в 1942 г. получил дипломатический ранг посланника⁷⁵. И в этом качестве прибыл 13 ноября в Тунис с небольшим штатом сотрудников и технического персонала, образовав здесь нечто вроде германского посольства. Оно устроилось в частном доме, во «дворце» Дар Хусейн прямо в медине – среди арабов, а свои вспомогательные службы разместило на rue de Londres в прилегающей европейской части города⁷⁶.

Убежденный нацист, Рудольф Ран всячески стремился наладить контакты с дустуровцами, начав с околопартийных кругов и людей, пользовавшихся определенным общественным весом (Хасан Геллати, Бахри Гига, Тахар Лахдар и др.). Предлогом этих контактов была идея организации четырехсторонних «международных экономических комиссий» (немецко-

⁷⁵ См.: Залесский К. А. Кто был кто в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь, М.: Арстель. Аст, 2003, с. 531; Eberhard J. La France dans l'Europe de Hitler, Paris: Fayard, 1968, p. 236. Его мемуары: Rahn R. Ruheloses Leben, Aufzeichnungen und Erinnerungen, Düsseldorf: Diederich, 1949.

⁷⁶ Mestiri S. Op. cit., p. 118.



итало-франко-тунисских) с целью наладить снабжение населения предметами первой необходимости. А также – оживить производственную деятельность в стране. Лакомым куском служило обещание, что тунисцы будут заседать в таких комиссиях на равных с остальными. Однако Мухаммед Шеник и его группа, считавшая, что главное – соблюдать нейтральность, выступили против того, чтобы в работе комиссий приняли участие члены тунисских экономических палат и Большого Совета, распущенного с 1940 г. на бессрочные каникулы. За слишком громкое осуждение этого проекта на чаепитии в селе Сиди-Бу-Саиде у Хасин-бея, в салоне которого собиралось по четвергам изысканное общество, Мухаммед Шеник был даже арестован и прошел слух, что его расстреляли⁷⁷. Но слух оказался ложным.

Обладая изрядным культурным багажом, д-р философии Ран проник в здешние интеллектуальные салоны и, следуя инструкциям, старался, чтобы оккупационные войска в Тунисе не зверствовали. Его задача, видимо, состояла в том, чтобы сориентироваться в обстановке, а пока оставить все как есть. Он сам потом писал в мемуарах, что прибыл сюда с поручением «обеспечить спокойствие во фронтовом тылу». Фактически же дублировал Генерального резидента – Эстева, а точнее, им верховодил. Появился здесь и некто Гильбо⁷⁸, создавший профашистскую организацию,

⁷⁷ Этот эпизод относится к началу декабря 1942 г. (Mestiri S. Op. cit., p. 121-122).

⁷⁸ Жорж Гильбо (Guilbaud) состоявший до 1938 г. в ФКП, а затем во Французской народной партии (PPF) Жака Дорио, явился в Тунис как представитель Виши, «генеральный делегат» министерства информации и пропаганды. Официальный ежедневник «Tunis Journal» (единственная газета, издававшаяся в Тунисе к осени 1942 г., еще до его приезда) он сделал органом «нового порядка» и пресловутой национальной революции Петэна, под флагом которой творились социально-политические преобразования вишистского режима. Прилагал усилия к унификации французского и мусульманского скаутского движения. Идея была не новая. Бейский декрет от 5 июня 1941 г. о молодежных ассоциациях требовал, чтобы объединение «Scouts Musulmans de Tunisie» примкнуло к системе «Eclaireurs de France» («Дозорные Франции»). Скауты, уклонившиеся от этого декрета, действовали нелегально. Многие молодежные группы, возникшие в начале 1943 г., были эфемерными. Основная их деятельность, чаще не выходившая за рамки одного квартала или пригорода (вроде Ла Марсы, где золотая молодежь создала союз «аль-Монсефийа»), проявлялась в уличных дефилах, пении национального гимна; на время они «оккупировали улицы». Зачастую несли рядом портреты Бургибы и Монсеф-бея (Belaid H. Aperçu sur les mouvements de jeunesse tunisienne pendant la deuxième guerre mondiale. Groupement et action // La Tunisie de 1939 à 1945..., p. 318-327).



выдававшую людей немцам. Адмирал Эстева наделил его полномочием «задерживать любого француза, подозреваемого в оппозиции к политике маршала Петена»⁷⁹. Само собой разумеется, расправили плечи французские крайне правые и «фалангисты», активизировались итальянские фашистские лиги, которые действовали в стране еще перед войной под прикрытием и с поддержкой своего консульства.

Жертвами Гильбо, возглавившего в Тунисе Comité d'Union et d'Action Révolutionnaire (CUAR), эманацию Французской народной партии, стали несколько бывших высоких чиновников и офицеров в отставке, заподозренных в симпатиях к деголлевцам, а также социалисты и франк-масоны. Депортации в Германию подверглись генерал Роллан и адмирал Риве, супруги Фише, Альбер Бузанке, Серж Моатти и др., всего 38 человек. Правда, из Германии почти всех отправили во Францию, кроме евреев и Дюрана-Анливьера, принятого за еврея. Под сенью CUAR были созданы добровольная милиция, державшая в страхе своих соотечественников, и Légion des volontaires français (сформированный 18 марта 1943 г. из 500 человек)⁸⁰.

Гильбо на либералов во дворце всерьез не смотрел, а насчет самого монарха поделился в начале января 1943 г. с одним французским собеседником следующей мыслью: «Для меня бей Туниса все равно что негритянский король, которого можно быстро усыпить под стук там-тама»⁸¹. Зато его стараниями на Радио-Тунис появилась специальная еженедельная передача для школьников, эфир охотно предоставлялся «Дустуровской молодежи», которая самовозродилась при немцах и в феврале 1943 г. избрала своим почетным председателем Монсеф-бея.

Не без влияния Гильбо в начале 1943 г., когда многим казалось, что немцы уверенно побеждают, изрядное воодушевление наблюдалось среди скаутских, спортивных, религиозных и прочих молодежных организаций, одни из которых возникали на местной основе, другие создавались как ответвления или дубликаты молодежных союзов петеновской Франции и ее «национальной революции». Как правило, эти организации провозглашали свою приверженность и готовность следовать Новому Дустуру – партии, в наибольшей степени пострадавшей накануне войны. Вместе с

⁷⁹ Mestiri S. Op. cit., p. 156.

⁸⁰ Aleya Sghaier A. La Droite Française en Tunisie entre 1934 et 1946, Tunis: ISHMN, p. 206, 210.

⁸¹ Mestiri S. Op. cit., p. 158.



тем зафиксированы случаи, когда неодустуровцы, внедряясь в мелкие фашиствующие группировки, сдавали их французской полиции. Она все же, хоть и служила немцам, но не терпела публичных тирад на митингах в том духе, что «с Францией покончено», или оскорбления европейцев, с которых юные патриоты срывали шляпы, если их обладатели не спешили сами обнажить голову при прохождении «арабских дефиле».

Из воспоминаний Слимана Бен Слимана: «Приехав в Загуан (из Рима – М.В.), я узнал, что мой отец умер в начале ноября, когда сюда входили немцы. Для него это стало последней хорошей новостью. Люди примчались с ней к постели больного. И кажется, он был счастлив, испустив дух с просветленным лицом. Эту радость я обнаружил в селе Загуан, где народ разгулялся, особенно молодежь. Было от чего! Французы уже не являлись хозяевами страны; хозяевами являлись Новый Дустур и Монсеф-бей. Улица бурлила, целый день по ней двигались дефиле Дустуровской молодежи, распевавшей патриотические гимны. Манифестанты специально останавливались под окнами французов. Организаторы этих дефиле не всегда были дустуровцами, это были восставшие... В стороне от подавляющего большинства тунисцев, ликовавших в те дни, стояли немногие, их можно было пересчитать на пальцах; в основном это были члены Старого Дустура, spahis (служащие военно-полицейских частей – М.В.) и другие, продавшие свою душу французам. Они разделяли боль и надежды последних. Народ называл их «деголлевцами», что было равнозначно понятию предатели...»⁸².

Еще в период с конца ноября до Нового года в Тунисе высадился «почти в чемодане вермахта» целый десант арабских студентов – иракцев, сирийцев, палестинцев, которые прибывали из Парижа, Берлина и Рима, некоторые были одеты в немецкую форму. Они служили в разных амплуа: пишущей братии, переводчиков, организаторов конференций, на которых они выступали от имени Шекиба Арслана и Иерусалимского муфтия Амина аль-Хусейни. Среди прочих высадился из Италии его брат, Муса аль-Хусейни⁸³. Миссионеры явились на оккупированную территорию Туниса не с пустыми руками. Помимо оказания помощи жертвам войны, а именно семьям, пострадавшим от бомбардировок союзников, они раздавали деньги и еду нуждающимся, в том числе вечно голодным учащимся аз-Зейтуны. Бесплатный плов (имеется в виду его магрибинское подобие – «кускус») устраивался для студентов публично, в присутствии немецких офицеров, проводивших беседы за угощением.

⁸² Ben Sliman S. Op. cit., p. 185-186.

⁸³ Mestiri S. Op. cit., p. 120.



На стыке между светскими и религиозными учебными заведениями возник целый рой культурно-просветительских, в том числе театральных обществ. Явно коричневый оттенок имела «Шабаб Мухаммед» («Молодежь Мухаммеда»), подавшая 8 апреля 1943 г. запрос на регистрацию и субсидируемая державами «оси» через посредничество неустанного Амина аль-Хусейни⁸⁴. Выезды за город, тренировки были увлекательным занятием членов юношеских организаций. Среди них: «аль-Кашиаф аль-мулюки» («Королевские скауты») под руководством Рауф-бея – сына государя, «Дустуровская молодежь» и ассоциация «аль-Хадра» («Зеленая»), взятая под патронаж Монсеф-беем⁸⁵, и проч. Они иногда не только заявляли о своей верности Новому Дустуру, но и выступали от его имени.

Следует иметь в виду, однако, что разрозненные ячейки неодустуровской партии в провинциальных городах, не то чтобы не подчинявшиеся, а просто не имевшие связи с политбюро, действовали самостоятельно и не всегда в пользу немцев. В ряде случаев они занимались распределением нормированного продовольствия, боролись с черным рынком. Само политбюро, находившееся в столице, главным образом было занято изданием газеты «Ифрикия аль-Фатат» («Молодая Ифрикия»), которая выходила с конца декабря 1942 г. В ее редакции не замедлил произойти раскол. И на свет появилась еще одна газета «аш-Шабаб» («Молодежь»). Несмотря на ссору между издателями этих газет, обе выражали идею, что война открыла благоприятную возможность арабским странам обеспечить собственную независимость. Однако агитацию за вступление в арабский батальон или за другие формы прямого содействия оккупантам «Ифрикия аль-Фатат», выходившая под редакцией Рашида Дриса (а затем Хабиба Тамера), не вела. В ней регулярно ставился вопрос о возвращении лидера партии, насильно удерживаемого в Италии, а также о том, чтобы он вошел в правительство Шеника.

Когда же Бургиба приземлился 7 апреля на военном аэродроме в г. Мензель-Темим, встреченный женой и подростком сыном, а на следующий день поспешил во дворец засвидетельствовать свое почтение Монсеф-

⁸⁴ Bourguiba H. Ma vie, mon œuvre, 1938-1943, Paris: Plon, 1986, p. 64.

⁸⁵ Просветительское общество «аль-Хадра» существовало еще с 1936 г. под руководством частных лиц. В феврале 1943 г. «Дустуровская молодежь» образовала вместе с «Королевскими скаутами» и «аль-Хадра» полувоенное формирование, насчитывавшее до 8 тыс. человек (Belaid H. Op. cit., p. 320, 323).



бею⁸⁶, на юге Туниса уже прогремели тяжелые бои. Речь идет о сражениях на «линии Марет», которую французы возвели еще до войны в 130 км от границы с Триполитанией, чтобы помешать вероятному вторжению итальянцев с юго-востока. Она проходила по малообитаемой пустынной местности между отлогим берегом залива Малый Сирт (Габес) и холмами Матмата, перекрывая путь к приморским городам. Теперь эта 20-мильная полоса укреплений служила преградой союзникам.

Good news, Монтгомери атакует. Отступавшие войска фельдмаршала Роммеля 26 января 1943 г. пересекли границу с Тунисом и в середине февраля окопались на позициях «линии Марет». К ним прибывали свежие силы, переброшенные из Италии. Однако превентивное наступление, которое они предприняли 6 марта возле Меденина, было отбито. Со второй декады этого месяца союзники пытались взять их в окружение. Тем временем фельдмаршал Роммель передал командование фон Арниму и генералу армии Джиованни Мессе (номинальный главнокомандующий войсками «оси» в Тунисе). Страдавший от тропических язв, он уехал лечиться, а заодно хотел все-таки спасти свои войска от неизбежной катастрофы, убедив Верховное командование сократить фронт в Тунисе с 400 до 100 миль. Фюрер наградил его Бриллиантами к Рыцарскому кресту с Дубовыми листьями и Мечами, а совету не внял. Союзники только 18 марта, расшифровав радиogramмы противника, узнали, что Роммель покинул Африку. До командования 8-й армии эта новость дошла 24 марта, когда уже в разгаре была операция «Боксерский галоп», которой увенчалась многомесячная погоня в пустыне, начатая после битвы при Эль-Аламейне.

Преследовавшая фельдмаршала 8-я армия Монтгомери, в состав которой, помимо британцев, входили новозеландская и индийская дивизии, подошла с юга. Американский 2-й корпус успел закрепиться севернее, в

⁸⁶ Накануне приезда Бургибы некие «столичные друзья» послали за Бен Слиманом машину с немецким водителем, которая доставила его из Загуана на аэродром. Затем он сопровождал Бургибу во дворец, где при входе их поджидали Хасан Геллати и Бахри Гига, с которым пришлось обняться. В следующие дни состоялись визиты вежливости к адмиралу Эстеве и д-ру Рану. Последний жаловался на Хабиба Тамера, с которым «не найти общего языка», и пытался вручить гостям (это Бургиба с сыном, Салах Бен Юсеф и д-р Бен Слиман) толстую пачку банкнот, которую те оставили в его руках (Ben Sliman S. Op. cit., p. 188).



Гафсе, но не пробился к побережью. Французская бригада Леклерка, моторизованная колонна и 20 самолетов сопровождения («Forse-L», сформированная в Чаде), отбила атаку противника в другом месте, нанеся ему тяжелые потери. Однако попытка фронтального штурма 20-22 марта не удалась. В этой обстановке Монтгомери решил перенести центр тяжести действий своих сил на левый фланг, оставив под прицелом «линию Марет»⁸⁷.

26 марта во второй половине дня, когда солнце и песчаная буря ослепили неприятеля, союзники нанесли решительный удар. Это наступление, по оценке Монтгомери, явилось самым лучшим на тот момент примером взаимодействия сухопутных и воздушных сил, которого раньше не удавалось достигнуть. «20 марта я обратился к армии со следующим посланием: “5 марта Роммель, обращаясь к своим войскам в горах, откуда просматривались наши позиции, сказал, что если они не возьмут Меденин и не заставят 8-ю армию отступить, то дни сил держав оси в Северной Африке будут сочтены... Теперь мы покажем Роммелю, что он не ошибся... 8-я армия и Западные ВВС в пустыне, вместе составляющие единую боевую машину, готовы к наступлению... С верой в Бога и с уверенностью в справедливости нашего дела двинемся к победе. Вперед на Тунис! Сбросим врага в море!”... К 9 часам 28 марта, — продолжает вспоминать виконт Аламейнский, — мы полностью овладели знаменитой линией Марет, после сражения, продолжавшегося всего одну неделю. Отступив на правом фланге, мы быстро восстановились и нокаутировали врага “левым хуком”»⁸⁸.

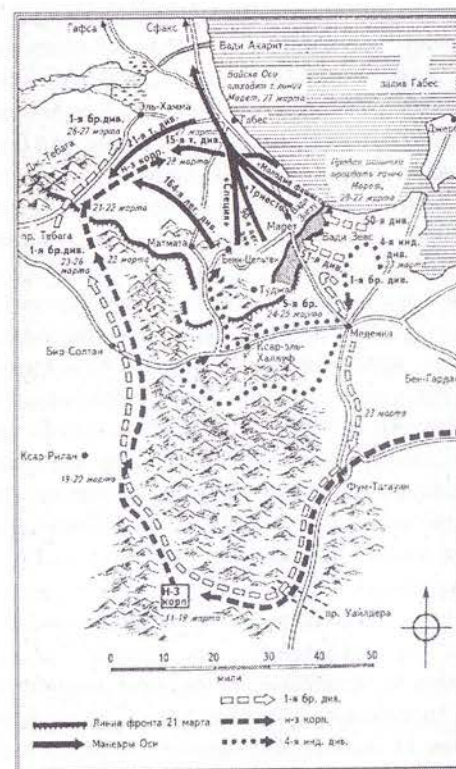
Фон Арним решил отступать к вадии Акрит, сухому руслу между заливом Габес и солончаком Шотт-эль-Феджадж, чтобы там осуществить перегруппировку войск. Подойдя к вадии Акрит своей дорогой, Монтгомери 6 апреля атаковал противника у городка Эль-Хамма, начав бой безлунной ночью, не дожидаясь рассвета. После этого столкновения, бросая за собой убитых, сдающихся в плен и покореженные танки, остатки Afrika Korps откатывались вдоль побережья все дальше на север; сумели сделать

⁸⁷ Подробнее о тактике союзников, которые в феврале – марте 1943 г. предпринимали ложные наступления, чтобы «заставить танки противника метаться по всему Южному Тунису», см.: Брэдли О. Указ. соч., с. 68-71. Описание хода операции Монтгомери «Боксерский галоп» по штурму линии Марет см.: Рольф Д. Кровавая дорога в Тунис, М.: Аст, 2003, с. 211-244.

⁸⁸ Мемуары фельдмаршала Монтгомери, виконта Аламейнского. М.: Изографус-Эксмо, 2004, с. 159-160.



бросок к возвышенностям Энфида (у залива Хаммамет), соединившись здесь с итало-немецкими войсками, сосредоточенными против 1-й армии. Но за ними следовали по пятам союзники, которые уже готовили наступление с позиций, занятых у Меджез-эль-Баба, и со стороны Алжира. Основные усилия были направлены на то, чтобы перерезать морские коммуникации между Италией и Тунисом. Авиация нещадно бомбила порты.



Бои на линии Марет (по книге Дэвида Рольфа)

Бен Слиман так описывает конец марта – начало апреля 1943 г. в оккупированном итало-немецкими войсками Загуане: «Если день принадлежал Оси и дустуровцам, то ночь – союзникам, воздушные налеты которых заставляли нас погружаться в полную темноту. Из Загуана было видно



небо над Тунисом, освещенное их ракетами, и слышались разрывы бомб, падавших на столицу. Люди пристально следили за домами деголлевцев, которые могли подать сигнал летчикам союзников и привлечь их разрушительные снаряды на наши головы»⁸⁹.

30 марта генерал сэр Гарольд Александер докладывал генералу сэру Алану Бруку: «Сейчас инициатива у нас в руках, и я намереваюсь удерживать ее, нанося удары то тут, то там. Я заставлю врага плясать под мою дудку»⁹⁰. К этому времени 8-я армия уже вошла в Габес, «небольшой городишко» (отметил Д. Рольф), но самый крупный на ее пути после Триполи. Буквально за несколько часов до этого отсюда ушли немцы, взорвав за собой мост на окраине города. Англичанам показалось, что большинство населения Габеса составляют европейцы, они ликовали, на улицы высыпали девушки в красивых платьях (тунисцы, видимо, разбежались или попрятались). Однако времени на братание с французами у солдат не было.

6 апреля Черчилль сообщал в Кремль хорошие новости: «На нынешней неделе начнется генеральное сражение в Тунисе. Британские 8-я и 1-я армии, а также американские и французские вооруженные силы – все вступают в бой согласно плану. Противник готовится к отступлению на свое последнее предмостное укрепление. Он уже начал производить разрушения и вывоз береговых батарей из Сфакса... Гитлер с его обычным упрямством отправляет в Тунис дивизию «Герман Геринг» и 99-ю германскую дивизию главным образом воздушным транспортом в составе по крайней мере 100 крупных машин. Головные эшелоны обеих этих дивизий уже прибыли... Наши силы обладают значительным превосходством как в численном отношении, так и в вооружении». Второе «личное и секретное послание от премьер-министра господина Уинстона Черчилля маршалу И.В. Сталину» в тот же день: «Верховное Командование в Северной Африке только что донесло мне, что армия генерала Монтгомери прорвала линию Акарит, захватив врасплох и подавив противника... Преследование продолжается». Из послания премьер-министра 11 апреля: «Все нацистско-фашистские войска отступают на линию Энфидавилла, о которой я Вам сообщал. Наши бронетанковые силы прорвались с запада к Кайруану. 8-я армия продвигается в северном направлении, и мы готовимся нанести сильный удар 1-й армией. Прилагаются большие усилия, чтобы нанести противнику тяжелые потери

⁸⁹ Ben Sliman S. Op. cit., p. 187.

⁹⁰ Цит. по: Рольф Д. Указ. соч., с. 246.



при попытке бежать морем. Я надеюсь вскоре получить из Африки хорошие вести для Вас»⁹¹. И действительно, 8-я армия вступила 12 апреля в Сус, двумя днями раньше в Сфакс; итапо-германские войска были заперты на северо-востоке страны и начали сдаваться.

2 мая Черчилль пишет Сталину, похвалив его первомайскую речь, в которой упоминалось значение единства антифашистской коалиции: «На тунисском выступе сражение продолжается с большим ожесточением и со значительными потерями с обеих сторон. Со времени нашего вступления в Тунис мы захватили около 40 000 пленных; кроме того, противник потерял 35 000 убитыми и ранеными... Общие потери союзников составляют приблизительно 50 000 человек, 2/3 из которых являются англичанами. Сражение будет продолжаться по всему фронту с крайней интенсивностью, и генерал Александер перегруппировывает свои войска для нанесения в скором времени сильного удара. В настоящее время окружено до 200 000 человек войск противника. Однако он неуклонно посылает подкрепления... Особый характер местности, в виде плоских степей, над которыми господствуют зубчатые, вертикально возвышающиеся шпиль, каждый из которых является крепостью, способствует обороне противника и задерживает наше продвижение»⁹².

Тем временем американские батальоны уже прорывались с запада к Бизерте, французские – к долине р. Эль-Кебир, а британские войска, поддержанные авиацией, которая буквально вырыла бомбами ров от Меджез-эль-Баба до г. Тунис, сделав 6 мая за один день 2 146 вылетов⁹³, были на марше по направлению к столице. Рев их моторов Бургиба услышал 7 мая (должно быть, около 3-х часов пополудни) в квартале Бэб Свика. Он сказал тогда, что ожидал подобного развития событий, но не думал, что оно будет столь стремительным. В сложившейся обстановке Бургиба принимает решение на время скрыться.

⁹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР... Том Первый, с. 111-115.

⁹² Там же, с. 125-125. Аналогичный текст см.: Churchill W. The Second World War. Victory in Africa. London: Cassell, 1972, p. 329-330. Президент Рузвельт приводил другие цифры касательно потерь, понесенных в Северной Африке неприятелем. «Эти цифры, – писал он 20 мая 1943 г., – в основном совпадают с оценками англичан, за исключением потерь личного состава», по американским данным: 625 тыс. за период с 8 декабря 1940 г. по 12 мая 1943 г. Дополнительно к этому потери итальянцев в Восточной Африке – 150 тыс. человек, «исключая туземцев» (Переписка Председателя Совета Министров СССР..., Том Второй, с. 64-65).

⁹³ Фуллер Дж. Ф. С. Указ. соч., с. 327.



Итак, взяв в полукольцо портовые города Бизерту и Тунис, которые были заняты с разрывом в 20 минут, союзники завершили главную операцию⁹⁴. Вслед за танкистами в черных беретах 11-го дербиширского полка, которые первыми вступили на окраины Туниса, к столице подтянулись другие силы, в том числе французский 19-й корпус генерала Жюэна, сформированный в Алжире⁹⁵. По окончательным подсчетам французов, их потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести в Тунисе, составили 16 тыс. человек из общего контингента под триколором около 60 тыс. человек. Благодаря им, этим героям, писал годы спустя член Французской Академии Жак Шастене, «Франция по-настоящему вступила в войну, их мужество и стойкость достойны вечной славы»⁹⁶. Тогда же, в сорок третьем, легендарный капитан Леклерк (позже генерал армии), который в 1942 г. поклялся в

⁹⁴ Последние очаги сопротивления неприятеля были подавлены 13 мая.

⁹⁵ Кроме него в кампании участвовал отдельный Французский африканский корпус, который пробивал дорогу от Алжира вдоль гряды высот на побережье, где растут леса пробкового дуба вперемежку с кустарником. Этот корпус, всего лишь «отряд, сформированный из французских политических эмигрантов и берберских племен, — по словам Брэдли, — прорубал с помощью специальных тесаков (мачете) дорогу в направлении на Бизерту», а командовал им полковник Маньян, которого генерал Ногес, Генеральный резидент в Марокко, посадил было в тюрьму за оказание помощи союзникам при их высадке у Касабланки на рассвете 8 ноября 1942 г. Полковника выпустили «после перехода Дарлана на сторону Эйзенхауэра. В состав его отряда входили три плохо вооруженных батальона пехоты, батальон морской пехоты и батальон алжирских стрелков. Среди его солдат были испанские республиканцы, которые нашли убежище во Франции, и французы, бежавшие из вишистской Франции. Мне рассказывали, что одной ротой командовал испанский адмирал, а другой — еврей-доктор» (Брэдли О. Указ. соч., с. 109). В горные массивы центрального Туниса, что вздымаются западнее Кайруана, был еще в декабре 1942 г. направлен полк марокканских стрелков. Они взаимодействовали с британскими и американскими частями, защищая их тыловые коммуникации. При вступлении в южную часть страны Роммеля в начале 1943 г. эти стрелки-пехотинцы участвовали, но без особого успеха, в нескольких контратаках союзников, которые были в целом неудачными. До 6 марта Роммель побеждал. Марокканские войска, батальоны которых назывались «таборами», а общая численность к концу кампании достигла 35 тыс. человек, были плохо экипированы, передвигались исключительно в пешем порядке, артиллерия — на конной тяге (Сергеев М.С. История Марокко. XX век., М.: ИВ РАН, 2001, с. 113–114).

⁹⁶ Chastenet J. De Pétain à de Gaulle, Paris: Fayard, 1970, p. 155.



ливийском оазисе Курфа, что не остановится, пока не дойдет до Страсбурга, и другие офицеры, боровшиеся не за славу, а за честь, с неподдельным изумлением наблюдали, с какой подавленностью встречало местное население победоносные колонны союзников, входившие в освобожденные от гитлеровцев города⁹⁷. Испуганные мусульмане, жители столицы, бросились толпой в пригород Хаммам-Лиф — к резиденции бея под защиту «возлюбленного государя», чтобы увидеть, как англичане увели его пленником.

Смятение царило и в штабах Нового Дустура. В первую неделю мая, нарушив директиву Бургибы всем оставаться на месте, несколько видных активистов и членов 6-ого политбюро покинули страну. В их числе Хабиб Тамер, Тайеб Слим, Юсеф Руисси, Рашид Дрис... Прощальным криком последнего стала статья в «аш-Шабаб», опубликованная 1 мая 1943 г., в которой он обвинял правительство Шеника и всю «королевскую рать» в том, что они не воспользовались моментом, чтобы провозгласить независимость Туниса!⁹⁸ Но если в целом позиция руководства Нового Дустура в годы войны выглядела двусмысленной, а сама партия находилась в разброде, то сам Бургиба, невзирая на риск потери своей популярности, взял курс на сотрудничество с французами, которые стояли на стороне де Голля, и в ряде своих заявлений продемонстрировал, что делает ставку на победу антифашистской коалиции.

Еще находясь в Fort Saint-Nicolas, 8 августа 1942 г., когда до коренного перелома в общем ходе войны было далеко, Бургиба, воспользовавшись свиданием с женой и сыном, обращался письмом из тюрьмы в тюрьму к своим партийным коллегам в Тунисе:

«Дорогой Тамер! Дорогие товарищи! Мои дорогие соотечественники!

Я пользуюсь случаем, который, возможно, больше не представится, чтобы вам тайно передать мои инструкции, которые я рассматриваю как мою последнюю волю, почти политическое завещание... Имейте в виду, что, если мне больше не видать свободы, тунисский народ, которому станет известно об этих указаниях, сочтет вас виновными (тебя, особенно, мой дорогой Тамер) в случае, если вы не сумеете либо не захотите их буквально исполнять...

⁹⁷ См.: Catroux G. Dans la bataille de la Méditerranée. Egypte — Levant — Afrique du Nord, Témoignage et commentaires, Paris: Juillard, 1949.

⁹⁸ Cherif M.-H. Op. cit., p. 162.



Так вот,...у меня складывается впечатление (после свиданий с адвокатом⁹⁹ и некоторыми земляками, в том числе со студентами из Марселя – *M.B.*), что все или почти все уверовали в победу держав оси. Подобное состояние умов фатально совпадает с темными чувствами тунисского народа, забитого тяжестью слепых и жестоких репрессий, которые длятся с 9 апреля 1938 г., а после капитуляции Франции были продолжены с той же свирепостью, под безразличным взором комиссии по перемирию.

Наивная вера в то, что поражение Франции – ниспосланная ей божья кара, что с ее господством кончено, а независимость придет к нам с неминуемой победой держав оси, такая вера поселилась в душах. И это можно понять. Но я вам говорю, это – ошибка, страшная и непростительная ошибка...

Германия не выиграет войну,... время работает против нее, и можно математически просчитать, что она будет раздавлена. Между русским колоссом, которого не удалось свалить в прошлом году – и он уже возобновляет наступление – и колоссом американским, или англо-саксонским, который держит моря и чьи промышленные возможности неисчерпаемы, Германия будет размолоката, как в тисках мощных челюстей. Это лишь вопрос времени. Поэтому наша роль, ваша роль и всех, кто имеет определенное влияние на массы, – действовать таким образом, чтобы к исходу войны тунисский народ и в особенности его передовой отряд, Новый Дустур, не оказался в лагере побежденных... В этих условиях следует дать активистам указание, дать под мою личную ответственность: войти в контакт с французами-деголлевцами в Тунисе (должны же они быть, хотя бы некоторые наши друзья-социалисты, например) с целью согласовать, по возможности, нашу подпольную деятельность с их задачами, оставив на потом, будем думать об этом после войны, проблему независимости.

Постарайтесь также, насколько возможно, с их, друзей, посредничеством, установить контакты с английскими или американскими агентами, которые должны сейчас кишеть в Тунисе... Но это надо делать с большими предосторожностями, не теряя связи с французами, поскольку вполне вероятно, даже не стоит сомневаться, что это вызовет их разочарование. Однако, неважно. *От нас сейчас требуется безусловная поддержка союзников.* (Подчеркнуто автором письма – *M.B.*). Главное для нас, чтобы к

⁹⁹ В данном случае имеется ввиду Хасан Геллати, который был одним из защитников по делу Бургибы и других обвиняемых за подстрекательство к мятежу 9 апреля 1938 г.



концу войны, а он уже не за горами, мы оказались в лагере победителей, внеся хоть малую лепту в общую победу...

Я вам повторяю: для Туниса это вопрос жизни и смерти! И если, несмотря на все мною сказанное, я не смог вас убедить, подчиняйтесь! Это приказ, который я вам даю. Его не обсуждайте! Я принимаю на себя всю ответственность перед Богом и перед историей...»¹⁰⁰.



¹⁰⁰ Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 177-181. Текст этого письма опубликован также в серии документальных сборников «Histoire du mouvement national», на отдельные тома которой мы ссылаемся. Надо сказать, что у некоторых историков возникали сомнения в его аутентичности, так как оригинал не сохранился, а существуют две копии, несколько отличающиеся по стилистике, но не по смыслу. Например, Софи Бессис и Сухейр Бельхассен пишут, что многие опрошенные ими ветераны партии об этом письме во время войны ничего не знали (*Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 96*). Однако из мемуаров Поля Себа, который находился в одной тюрьме с дустуровцами, следует, что ему было известно о наличии такого письма. Камеры приговоренных к каторге членов политбюро Нового Дустура и коммунистов находились рядом, они перестукивались. Кроме того, заключенных выводили на прогулку в тюремном дворе, где можно было перекинуться словами; таким образом регулярно встречались Хабиб Тамер, Тайеб Слим и коммунист Валенси. Но обсуждавшееся ими сотрудничество «пéос» и ТКП сорвалось. Что касается передачи писем в тюрьму и обратно, то они закладывались между стенками термосов с домашней едой или доставлялись с помощью других классических ухищрений (*Sebag P. Op. cit., p. 98-101*).

Бургиба под чадрой и мистер Хукер Дулиттл

12 февраля 1943 г. вернувшийся из Касабланки Рузвельт произнес речь на ежегодном обеде Ассоциации корреспондентов Белого дома в день празднования годовщины рождения Линкольна. Осторожно коснувшись вопроса отношений США с Францией, он сказал, отметив тождество демократических идеалов американской и французской революций: «Одна из целей этой войны, зафиксированная в Атлантической хартии, заключается в том, чтобы поработанные сейчас народы вновь могли стать хозяевами своей судьбы. Ни у кого не должно быть никаких сомнений, что Объединенные Нации ставят перед собой твердую цель – возвратить поработанным народам их священные права... И весь мир может быть уверен, что нынешняя тотальная война – это принесение в жертву жизней людей на всем земном шаре – не ведется с целью или хотя бы с отдаленным намерением сохранить квислингов и лавалей у власти где бы то ни было на земле»¹⁰¹. Право самоопределения, уточнил президент, «не предусматривает права какого-либо правительства на массовое истребление или поработение своего собственного народа или каких-либо других народов мира».

Марокканским националистам, у которых в то время не было никакой организации, это и подобные заявления Рузвельта, подали знак, что США на их стороне. Алжирские мальчишки налаживали бизнес по чистке солдатских ботинок за доллары, а Фархат Аббас оставил аптечное дело и бросился объезжать страну, собирая подписи под планом реформ, чтобы представить его как «Манифест алжирского народа» в штаб Эйзенхауэра и новоявленному генерал-губернатору Пейрутону, доставленному из Буэнос-Айреса в американском обозе. Тем временем в Тунисе, где алые маковые ковры поливала солдатская кровь, свое слово говорили пушки, а народ все еще предавался мечтаниям о свободе, принесенной на немецких штыках.

Не чужды таким мечтаниям были и члены 6-ого подпольного политбюро Нового Дустура, выпущенные на свободу приказом адмирала Эстева после того, как бей пригрозил, что сам пойдет ломать тюремные засло-

¹⁰¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца, Т. 2, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1958, с. 365-366.



ны, и большинство легально избранных руководителей партии, которых в весны 1938 г. таскали по тюрьмам и в конечном итоге освободили даже не нацисты, а гестаповцы. И ведь никому другому из арабских лидеров, кроме Бургибы, не предлагалось со стороны держав «оси» столь выгодной сделки – возглавить национальное правительство – после того, как французы продержали его почти пять лет под арестом и намеревались уничтожить; о чем семеро «пéос» сначала догадывались, а затем и узнали от немецкого лейтенанта, который вывозил их из лагеря, держа наготове пулемет, чтобы отстреливаться в случае, если в последний миг его подопечных попытаются уложить огнем с вышки. Лишь с учетом всех этих обстоятельств, даже мелких деталей, можно по достоинству оценить «одинокую позицию» Бургибы в пользу союзников и мрачное предвидение, что тунисцев ждут не льготы похуже испытаний, выпавших на их долю после 9 апреля 1938 г., если народ пойдет на поводу у чувства мести и веры в освобождение милостью пермахта. Увы, он оказался прав¹⁰², а в своей позиции был последователен.

Еще в сентябре 1939 г. Бургиба говорил своим товарищам, что хочет записаться добровольцем во французскую армию¹⁰³. Допустим, он надеялся таким образом вырваться из тюрьмы. Однако их отправили в худшую. Его послание от 8 августа 1942 г., написанное в тот год, когда отчаяние охватило тысячи людей на дорогах войны и Стефан Цвейг с отчаяния покончил жизнь самоубийством в Америке, где ему лично ничто не угрожало, а в вишистской зоне Франции, где находился Бургиба, подвизались многие бывшие левые и демократы, готовые примириться с «новым порядком»; это письмо, в котором он подчеркнул: «От нас сейчас требуется безусловная поддержка союзников», не нуждается в пространных комментариях. Стоит, однако, вспомнить, какова была общая атмосфера тех дней, когда шло на закат лето сорок второго, названного Р. Шервудом годом «крайнего предела», в частности, о том, каков был градус температуры первой декады августа, когда стратегические замыслы Лондона и Вашинг-

¹⁰² В самом деле, когда Тунис заняли союзники, за этим потянулись чистки, репрессии и судебные разбирательства, под них подпало около 10 тыс. тунисцев-мусульман, обвиненных в коллаборационизме (Martin J.-F. Op. cit., p. 151). По официальным данным, к 10 декабря 1943 г. были арестованы 9536 тунисцев, из них 154 приговорены к смертной казни (Kraïem M. Le Parti Communiste Tunisien..., p. 231).

¹⁰³ Ben Sliman S. Op. cit., p. 138.



тона окончательно определились, а из глубины одной из тюремных камер полетел в другую «приказ» одного из миллионов заключенных.

В те знойные августовские дни многие политические деятели с громкими именами не сидели на месте. Шарль де Голль, вылетевший 5 августа 1942 г. из Лондона в Дамаск, сделал по пути остановку на Гибралтаре, где его внимание привлекло необычное поведение генерала Макфарлана, местного губернатора, за спиной которого кипели работы на оборонных сооружениях крепости. «Все это были ясные признаки того, что вскоре в районе Средиземноморья должны разыгаться события без нашего участия» — заключил де Голль, которому бросилась в глаза и странная замкнутость Аверелла Гарримана, его спутника в полете, назначенного послом в Москву. «Этот дипломат, обычно откровенный и словоохотливый, на этот раз, казалось, изнемогал под бременем тяжелой тайны». 21 августа генерал смог уверенно сообщить своим сотрудникам в Лондоне: «Соединенные Штаты решили высадить войска во Французской Северной Африке». Это его совсем не радовало. Вашингтон продолжал поддерживать официальные отношения с Виши, и «можно ли было верить в искренность заявлений Лондона, который... твердил о правах арабов на независимость, когда англичане посадили в Индии за решетку Неру и Ганди, сурово карали в Ираке сторонников Рашида Али (аль-Гайлани — *М.В.*) и диктовали Фаруку, королю Египта, состав его правительства?»¹⁰⁴.

Заявления официального Лондона в пользу арабов де Голль трактовал как желание англичан оправдать свое вмешательство в дела подмандатных Франции территорий. Несмотря на боевое братство «свободных французов» и англичан, первых по-прежнему приводил в ярость британский флаг после злосчастной операции «Катапульта» в Мерс-эль-Кебире (3 июня 1940 г.). В Египте стояли небольшие чисто французские воинские части, которые генерал проинспектировал, в Сирии и Ливане — «специальные», то есть местные под командованием французских офицеров. Это тревожило де Голля, ибо он понимал, что вермахт движется к предгорьям Кавказа, и если немцы одержат там победу, преодолев хребты, или совершат прорыв к Суэцкому каналу, путь в Малую Азию будет им открыт.

Германская летняя кампания на территории СССР развивалась стремительно. Ее задачей было ударить по материальной основе вооруженных сил противника: лишить Россию донецкого промышленного рай-

¹⁰⁴ де Голль Ш. Военные мемуары, Том 2..., с. 21, 34.



она, кубанской житницы и кавказской нефти. 1 июля пал Севастополь и был занят Крым, 7-ого пал Воронеж. В течение последней недели июля и первой недели августа 1942 г. войска фон Гота спустились по течению Дона и затем форсировали его на участке, ближайшем к Волге. 4 августа пал Ворошиловск, 8 августа советские войска разрушили и оставили майкопские нефтепромыслы, начав отступление к Грозному. 20 августа немцами был занят Краснодар, 25 августа они достигли Моздока, наконец, 10 сентября пал Новороссийск. Германские войска рвались к Батуми и Баку. Однако движение на кавказском направлении приостановилось. Все было брошено на захват Сталинграда...

Между тем Япония за первые шесть месяцев войны на Дальнем Востоке захватила территорию, примерно равную половине площади США, заплатив за это малую цену: если верить официальным данным, то она составила 15 тыс. убитых и 381 самолет. Правда, некоторые надежды на успех союзников подавала большая операция в центральной части Тихого океана у о-ва Мидуэй (июнь 1942 г.), которая «вылилась в решающий морской бой, возможно, самый решающий... со времен Цусимы, потому что здесь японская авиационная мощь на море навсегда была подорвана»¹⁰⁵. 5 августа Рузвельт направил сообщение в Кремль: «До меня дошли сведения, которые я считаю определенно достоверными, что Правительство Японии решило не предпринимать в настоящее время военных операций против Союза Советских Социалистических Республик. Это, как я полагаю, означает отсрочку какого-либо нападения на Сибирь до весны будущего года. Будьте любезны передать эту информацию вашему гостю»¹⁰⁶. Будущий гость Сталина в этот день еще находился в Каире, где проводил инспекцию вооруженных сил (и вечером 10 августа вылетел в Москву через Тегеран). Невозмутимый Черчилль имел основание тревожиться не только о том, как далеко вторгнется враг на юге России, но и о положении дел в британской империи: угроза японской оккупации нависла над Индией; под ударом находился Египет, куда вошла армия Роммеля, заняв оборону между побережьем и впадиной Каттара, в двух часах гусеничного хода от Дельты.

Вафдистское правительство, приведенное к власти благодаря нажиму английского посла Майлса Лэмпсона, картинно въехавшего 4 февраля 1942 г. на танке во дворец Фарука, пригрозив ему низложением, сдер-

¹⁰⁵ Фуллер Дж. Ф. С. Указ. соч., с. 203-204.

¹⁰⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР ... Том Второй, ... с. 29-30.



живало антибританский пыл египтян, обращавшийся в восторг перед немцами, но преуспело оно в этом лишь частично¹⁰⁷. Генерал де Голль по прибытии в Каир 7 августа 1942 г. заметил, что «атмосфера там была столь же удушливая, как и жара... В правительственных кругах, в посольстве, в генеральном штабе – повсюду англичане с беспокойством следили за загадочными действиями короля Фарука и многих видных египтян, которые, по-видимому, готовы были примкнуть к державам оси, в случае если они одержат победу... Наххас-паша сказал мне в прошлом году: “У нас с вами есть общая черта: и вы и я располагаем в наших странах большинством, но не властью”. Теперь он был у власти. Но где окажется его большинство, если итало-германские войска продефилируют по улицам столицы?»¹⁰⁸.

Вторжение Роммеля в Египет произошло еще в июне 1942 г.; его атака ночью с 30 на 31 августа повлекла за собой трехдневное сражение у горной гряды Алам эль-Хальфа, после чего противники замерли, накапливая силы. Продвижение вермахта на Кавказ в августе осложнило задачи британского командования, которое год тому назад укрепило индийскими войсками гарнизон Басры и послало их в Иран, чтобы открыть линию снабжения в Россию. Теперь понадобились дополнительные поставки из Индии – фонда, откуда черпались средства и людские резервы на покрытие непредвиденных потребностей. Кроме того, «агитация партии Индийский национальный конгресс помешала подготовке войск, ибо потребовала рассредоточения их по стране для обеспечения внутренней безопасности»¹⁰⁹. Но это не все: пришлось отозвать с фронта 57 батальонов англо-индийской колониальной армии, чтобы пресечь беспорядки, о которых вице-король Индии сказал: «Мы столкнулись здесь самым грозным бунтом со времен 1857 г.». Некоторые

¹⁰⁷ Раскрыв в Египте немецкую шпионскую сеть, правительство арестовало ее агентов, в том числе некоторых младших офицеров, а птиц покрупнее, известных за прогерманские симпатии, посадило под домашний арест. Подобным мерам подверглись: президент египетской Федерации спортивных клубов, свергнутый премьер Али Махер, бывший «профсоюзный босс» – принц Аббас Халим и др. Англичане пронюхали, однако, что преданный им кабинет Наххас-паши сочинил на всякий случай вежливое письмо Роммелю, не дошедшее до него. Мэр Александрии, которому поручалась роль почтмейстера, от нее благоразумно увиливал, да и физически трудно было ее выполнить (*Vatikiotis P.J.* Op. cit., p. 351).

¹⁰⁸ *de Голль Ш.* Указ. соч., с. 21-22.

¹⁰⁹ *Фуллер Дж. Ф. С.* Указ. соч., с. 277.



историки расценивают этот бунт как одну из самых крупных ошибок, когда либо допущенных Конгрессом и лично его основателем¹¹⁰.

После захвата японцами Малайи, Сингапура и Бирмы руководство ИНК с озабоченностью признавало, что «большинство людей убеждены в поражении англичан, более того – желают их поражения, не задумываясь о последствиях завоевания страны новым агрессором»¹¹¹. В ходе внутренних споров о месте Индии во второй мировой войне Конгресс раскололся: Ганди продолжал уповать на непреодолимую мощь ненасильственного сопротивления индийцев, Неру стоял за преодоление пассивности и подготовку активной обороны, то есть партизанской войны для отпора вероятному агрессору. Субхас Чандра Бос – бывший председатель ИНК, находясь весной 1942 г. в Германии, обращался к индийцам по радио, призывая их использовать критическое положение англичан для немедленного изгнания колонизаторов. Наконец, 8 августа 1942 г. сессия Всеиндийского комитета ИНК, созданная в Бомбее, приняла резолюцию, которую с легкой руки прессы называли резолюцией «Оставьте Индию!» («Quit India»). Она довершила провал миссии Стаффорда Крипписа, спикера палаты общин, направленного с проектом декларации, которую он обсуждал с индийскими политиками, в том числе с Неру, о предоставлении Индии по окончании войны статуса доминиона, а провинциям – права на самоопределение. В мае 1942 г. Ганди, недовольный как раз последним пунктом, выступил с письмом «Ко всем англичанам» и призвал колониальные власти сложить свои полномочия, бросив лозунг: «Оставьте Индию Богу! Если же этого слишком много, оставьте ее на произвол судьбы!». Эти слова услышали не англичане, а индийцы.

Бомбейская резолюция двусмысленно утверждала, что Конгресс готов участвовать в антифашистской борьбе, но при этом требует немедленного ухода англичан, ибо «крушение британского правления в Индии необходимо как для самих индийцев, так и для успеха дела союзников»¹¹². Это подало знак началу «августовской революции» в Индии, которую также называют «славной революцией». Несмотря на то, что по директиве Черчилля с раннего утра 9 августа начались повальные аресты лидеров

¹¹⁰ См., например: *The History Makers, New York* : St. Martin's Press, 1973, p. 113.

¹¹¹ *Черешнёва Л.А.* «Августовская революция» в Индии и ее последствия, «Восток-Ориент», № 4, 2002, с. 35.

¹¹² Там же, с. 40.



ИНК (Ганди был интернирован во дворце Ага-Хана в Пуне, а члены комитета – в форте Ахмаднагар), народ проснулся для мятежа.

За резолюцию проголосовали 227 из 240 участников сессии. Большинство из них очутились под стражей. Оставшиеся на свободе создали подпольный Всендийский комитет Конгресса (ВКК), который руководствовался письмом Ганди; оно было составлено им накануне ареста. В письме говорилось: «Пусть каждый солдат ненасильственной борьбы прикрепит к своей одежде лозунг “Свершить или погибнуть”...». Тем временем внутри ВКК образовались два течения: гандистов, выступавших за применение испытанного оружия *сатьяграха*, то есть ненасильственных форм сопротивления, и глашатаев «подлинно революционной борьбы против колонизаторов». Эта борьба, с энтузиазмом поддержанная студенческой и школьной молодежью, протекала в разных формах и с разной интенсивностью в различных районах, охваченных движением «Оставьте Индию!». Подпольный комитет, обосновавшийся в Бомбее, призывал к забастовкам, они сопровождались диверсионными актами. Сообщение между Мадрасом и Калькуттой прервалось на целый месяц. Южная Индийская железная дорога функционировала с частыми перебоями. Взрывались мосты. Партизанские отряды в провинции Бихар пускали под откос поезда с военными грузами. Вырвавшееся из-под спуда, это массовое движение руководствовалось не столько указаниями ИНК, сколько озлоблением против англичан¹¹³. Оно было подавлено лишь к концу сентября, но арьергардные бои революции продолжались и позже: в то время, когда в Северной Африке уже высадились союзники, а также немцы, и шла «Битва за Тунис».

Трудно, конечно, сравнивать события на индийском субконтиненте и в стране, население которой равнялось числу жителей какого-нибудь заштатного индийского города или сельского округа, но по сути они имели много общего. Разница состояла в том, что угроза японского вторжения в

¹¹³ Л.А. Черешнёва приходит к выводу, что движение под лозунгом «Оставьте Индию!» имело неоднозначные последствия. С одной стороны, оно продемонстрировало силу авторитета Махатмы Ганди и ИНК в обществе и в этом смысле приблизило независимость Индии, с другой, – подорвало возможность сохранения единства Индии в будущем. После разгрома «августовской революции» и до конца второй мировой войны Конгресс отсутствовал на политической сцене Индии. Этим воспользовалась Мусульманская лига, пополнившая свои ряды на два миллиона человек и развернувшая активную пропаганду «идеи Пакистана» (Там же, с. 47).



Индию так и осталась угрозой, тогда как крошечный – на фоне индийского пространства и населения – Тунис стал полем битвы гигантов.

Новый Дустур был расколот по отношению к войне, как и большинство националистических партий и движений колониального мира (достаточно вспомнить Сукарно, сотрудничавшего в 1942-1945 гг. с оккупантами из «Страны восходящего солнца», при наличии на индонезийском архипелаге разрозненного антияпонского подполья). Между тем партия «*peños*», скомпрометированная пусть и пассивной симпатией к немцам, сумела вернуться на политическую сцену Туниса вскоре после бегства членов 6-ого политбюро, не выполнивших приказ Бургибы, которому пришлось исправлять их «страшную ошибку».

Еще в Италии трем членам 4-ого политбюро, вместе и поодиночке, сулили золотые горы, надеясь заманить их в Берлин, в компанию пресловутого муфтия. Никто не поддавался. Наконец, в феврале 1943 г., когда итальянцы всех его спутников отпустили, а его задержали, Бургиба дал задание Салаху Бен Юсефу перейти в Тунисе линию фронта, чтобы пробраться к союзникам¹¹⁴. Он был вторым и единственным после Бургибы в их «семерке» заключенных, кто со времени «Битвы за Англию» разделял веру в победу союзников, но линию фронта, вернувшись на родину, почему-то не перешел. Об этом «забытом» поручении знал и Слимман Бен Слимман. Если бы они оба выдали тайну, нетрудно догадаться, что сделали бы с Бургибой в Риме; однако он рискнул. А когда сам вернулся в Тунис, шли переговоры о возможности его участия в кабинете Шеника как представителя Нового Дустура, но скоро вопрос отпал. Вроде бы отпал сам собой. Бесшумно отменились и мероприятия, посвященные 5-й годовщине «9 апреля», к которой готовились дустуровцы, обрадованные прибытием своего вожда накануне знаменательной даты. Немцы в этот день устроили для них концерт военной музыки. Между тем Бургиба делал все возможное, чтобы члены партийных ячеек в Сфаксе и населенных пунктах Сахеля, куда англичане вступили раньше, чем в г. Тунис, обеспечили благожелательную встречу союзникам. В некоторые города, например, Сус и Кайруан, была переправлена его листовка «*Le Destour aux cœurs des puissances unies*» («Дустур на стороне союзных держав») с заявлением, что тунисцы поддерживают принципы Атлантической хартии и западные демократии¹¹⁵.

¹¹⁴ Ben Sliman S. Op. cit., p.156-162, 183.

¹¹⁵ Она циркулировала с 15 апреля. Ее проект обсуждался на расширенном пленуме



В том же духе был написан манифест с призывом «За солидарность с Францией!», составленный Бургибой сразу после разгрома итало-немецкой группировки в Тунисе, однако уже отпечатанную 11 мая 1943 г. в газетной типографии листовку, подписанную лидером запрещенной партии, французская цензура не позволила распространить. Листовка, которую сам автор называл «коммунике» и которую он составил на свой страх и риск, не советуясь с друзьями, имела заголовок «За франко-тунисский блок». В ней подчеркивалось, что Тунис избежал опасности фашистского ига, что Франция напрасно обвиняла до войны Новый Дустур в симпатиях к Муссолини, возжелавшему восстановить Римскую империю, а во время его собственного, Бургибы, пребывания в Италии, он сумел не сказать ни одного слова ни против англичан, ни против американцев или евреев, теперь же отказался снова вернуться в Рим, чтобы «спасти свою шкуру», и т.д.

«Но все это в прошлом... На данный момент имеет значение лишь будущее. А оно требует союза между французами и тунисцами... Сейчас важнее всего выиграть войну. И мы ее выиграем!»¹¹⁶. Таким образом, Бургиба снова шел наперекор германофильскому поветрию и господствующему состоянию умов, снимая лозунг независимости, теперь уже разделяемый не только элитой, но и той самой «массой», которую Новый Дустур — со дня его основания — старался расшевелить. Вождь партии «национального действия» призывал народ к союзу со старым поработителем.

* * *

«Битва за Тунис» (о масштабах которой говорят и кресты военных кладбищ, и тот факт, что в итоге союзникам сдались в плен ¼ млн. военнослужащих противника)¹¹⁷ явилась одним из поистине крупных сражений

«старого» политбюро, то есть бывшими марсельскими узниками. Большинство пришло к выводу, что текст листовки слишком горячо выражает поддержку союзникам и это не понравится населению. Но автор, Хабиб Бургиба, отказался изменить хотя бы одно слово (*Mestiri S. Op. cit.*, p. 190; *Ben Sliman S. Op. cit.*, p. 195).

¹¹⁶ Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 186-187.

¹¹⁷ Churchill W. Op. cit., p. 336. Эта цифра — 250 тыс. немцев и итальянцев, сдавшихся в Тунисе, встречается во многих публикациях. Сопоставляя ее с данными о количестве пленных, взятых в Сталинградском котле, некоторые западные авторы стремились доказать равнозначность двух битв. Однако они не сравнимы хотя бы по использованному вооружению. Кроме того, на тунисском фронте под



второй мировой войны. Несмотря на то, что англо-американская десантная операция в ноябре 1942 г. затягивала открытие второго фронта в Европе, чем были недовольны как Советский Союз, где шла Сталинградская битва, так и лондонский комитет де Голля, готовивший свою подпольную сеть на территории Франции к тому, что высадка произойдет у ее берегов, и несмотря на то, что операция, которая задумывалась как вспомогательная и молниеносная, заняла целых полгода, Африка была теперь полностью освобождена от фашистских войск и стала плацдармом, с которого союзники смогли нанести удар по Сицилии, а затем и по материковой Италии (июль — август 1943 г.).

Но для тунисского населения она, эта битва, оставила за собой, кроме разрушений и ржавого оружия, горечь воспоминаний, грызнию над головой обывателя бывших назначенцев Виши с новыми деголлевскими чиновниками, а последних — с военными из лагеря генерала Жиро, составившего временный дуумвират с генералом де Голлем. Оставила битва шлейфом за собой судебные разбирательства по нередко надуманным делам о коллаборационизме, поражение в правах многих представителей здешней, в том числе еврейской, интеллигенции¹¹⁸. И обманутые ожидания у тех, кто поверил, что одна из «двух Франций», не та поверженная, откуда

конец превалировали итальянцы, которые особого рвения в бою не проявляли. В двух лагерях для военнопленных царили разные настроения. «Немцы уверенно говорили, что их поражение только передышка; Германия выиграла время, чтобы накопить новые силы. Итальянцы были довольны, что им не придется больше воевать, и радовались бесплатной поездке в Соединенные Штаты» (*Брэдли О. Указ. соч. с. 118*). Известно также, что среди итальянских солдат, направленных еще в начале войны в Ливию, было много противников Муссолини.

¹¹⁸ Аннулировав действие в Тунисе итальянских дипломов и аттестатов (врачебных, адвокатских и т.п.), администрация протектората подтолкнула к эмиграции часть «буржуазной элиты» еврейской общины, тяготевшей к итальянской среде, и поэтому сама община, по словам Жана Ганьяжа, дважды пострадала, сначала от немцев (конфискация имущества, направление в трудовые лагеря и т.п.), а после их поражения — от французов. Но в первую очередь сократилась, конечно, итальянская колония: 85 тыс. в 1946 г. против 94,2 тыс. в 1936 г., что было результатом вынужденных отъездов и перехода многих оставшихся во французское гражданство. (В чем ранее итальянцы в Тунисе не были заинтересованы; ибо старый франко-итальянский договор от 1886 г. извлял их от воинской повинности). Теперь 144 тыс. французских поселенцев получили, наконец, убедительный численный перевес (*Ganiage J. Op. cit.*, p. 510, 756).



сыпались декреты, начинавшиеся со слов «Мы, Анри Филипп Петен, глава французского государства...», а страна людей, идущих под лотарингским крестом (символ «Сражающейся Франции»), повернется, став победительницей, к колонизованным народам, своим протече и подданным «лучшим своим – демократическим лицом». К тому же в селах простолоюдины, не преминувшие во время военных действий отомстить за свои обиды хозяевам-французам, становились теперь жертвами обратного возмездия.

На сей счет в мемуарах Шарля де Голля, посетившего Тунис 26 июня 1943 г., сказаны следующие характерные слова. Отметив, что, «попавшись значительный материальный ущерб, регентство живет под знаком потрясений, вызванных вторжением врага», он пишет: «Перед моим приездом в Алжир (30 мая 1943 г. – *М.В.*) “гражданский и военный главнокомандующий” сместил бея Монсефа, чье поведение во время оккупации казалось Жиро нежелательным с точки зрения тех обязательств, которые связывали самого Жиро с Францией. Большинство членов обоих “Дестуров” были арестованы. В деревнях пришлось карать за покушения на жизнь и имущество французских колонистов, совершенные грабителями и фанатиками при попустительстве, а то и при прямом содействии захватчика»¹¹⁹.

Следует остановиться на личности несколько раз уже упомянутого генерала Жиро. Как известно, англоамериканские союзники, ревниво относившиеся к растущему авторитету главы Французского национального комитета (ФНК) в Лондоне, де-юре признанного 3 июля 1942 г. английским правительством, выбрали именно Жиро, а не де Голля в качестве координатора действий французских соединений в ходе операции «Торч». А в тунисских делах он потом сыграл не самую лучшую роль...

Анри-Оноре Жиро (1879-1949) боевой генерал, уроженец Парижа и выпускник Сен-Сира, начал военную карьеру с 1900 г. младшим лейтенантом полка зуавов в Бизерте; участник первой мировой войны и кампании в Рифе, в Марокко снискал славу «бесшабашного смельчака». С января 1939 г. – член Высшего военного совета Франции, затем командующий 7-й армией на линии «Мажино» и в Бельгии, совершивший отчаянно смелый побег из немецкого плена: крепость Кёнингштейн, сплетенная за долгие месяцы веревочная лестница, спуск по стене и ночные дороги, 100 000 марок, обещанных за его голову и расстрел всякому, кто его укроет... Он слыл патриотом и, по словам одного военного историка, олицетворял со-

¹¹⁹ *де Голль III*. Указ. соч., с. 145-146.



бой идеальный образ французского генерала «от дубовых листьев до усов»¹²⁰, но отклонил все приглашения де Голля перейти на его сторону.

Из средневековой немецкой крепости на р. Эльба, где он провел в заточении почти два года, Жиро бежал 17 апреля 1942 г., в день рождения Гитлера, воспользовавшись гулянкой охраны. С фальшивыми документами добрался до Эльзаса, оттуда в Швейцарию и вскоре объявился в Виши, где Лаваль и Дарлан ни много, ни мало уговаривали его вернуться в плен. Наличие этих документов подсказывало, что его побег, обросший легендами, был совершен не без помощи «2-ого бюро», которое стало в то время «государством в государстве» и имело свои каналы взаимодействия с британской разведкой. В той же крепости с 1940 г. находились многие высшие французские офицеры, захваченные в Бельгии, большая группа из них была отпущена в 1941 г., когда Дарлан вел переговоры о так называемых «Парижских протоколах», предполагавших крупные уступки Гитлеру в обмен на немецкие уступки, в частности, на освобождение военнопленных. Протоколы не были утверждены, но определенная категория военачальников получила свободу. Жиро в нее не попал.

Вывавшись из плена, он поселился в уединенном месте на юге Франции, дав маршалу Петену письменное заверение в своей лояльности и желании отдохнуть в тиши. Слегка его обманул, тайно поддерживая связь с небольшой «группой пяти» в Алжире, которую, в свою очередь, держал в поле зрения Роберт Мэрфи. Когда американские агенты связались с Жиро, чтобы вовлечь его в свой замысел, он поставил два условия: а) чтобы была предпринята одновременная высадка в Северной Африке и Южной Франции, а также в других странах Европы; б) чтобы ему было поручено общее командование объединенными французскими и американскими вооруженными силами. В итоге ушел на подводной лодке и только на скале Гибралтар с огорчением узнал, что командовать операцией будет Эйзенхауэр¹²¹.

В английской крепости его окружили высшие американские военачальники. Почти всю ночь с 7 на 8 ноября, которая была темна кромешной тьмой и поэтому задержала высадку до рассвета, они уламывали Жиро смириться с тем, что его не ждет роль Бонапарта, высадившегося с о-ва Эльба, или – хотя бы маршала Фоша, закончившего войну 1914-1918 гг. верховным главнокомандующим Антанты. Когда занялась заря, и времени на пререкания уже не оставалось, он согласился стать «губернатором се-

¹²⁰ Дубовые листья – украшение форменного кепи французских генералов наземных войск.

¹²¹ История Франции. Том 3, М.: Наука, 1973, с. 259.



роафриканских провинций и главнокомандующим французскими силами в этом регионе». Переброшенный лишь к вечеру в Алжир, куда он добирался снова подводной лодкой, а затем самолетом, попавшим в бурю, генерал Жиро встретился с новой неприятностью в лице Дарлана, с которым пришлось разделить власть. Экс-адмиралу досталась гражданская, а генералу армии – военная и переданы в подчинение французские войска, находившиеся в Северо-Западной и Западной Африке, требовавшие перевооружения и реорганизации. В эти задачи он и погрузился. Но выстрелы, раздавшиеся под Рождество, когда пробил час Дарлана, опять все изменили.

Генерал Жиро был назначен «гражданским и военным главнокомандующим» в Африке, получив вместе с этим странным титулом и слитную власть, вроде той, какой был облечен византийский экзарх (наместник императора в Равенне или в провинции Африка накануне арабского нашествия), пусть номинальную. Тем временем между Лондоном и Вашингтоном готовился компромисс, и в январе 1943 г. – на конференции союзников в Касабланке – Жиро и де Голль заставили пожать друг другу руки. Вернувшись в Лондон с этой малоприятной для него встречи, последний рассказывал советскому послу: «Жиро считает Пейрутона, Буассона и Ногеса прекрасными людьми и не мешает Ногесу иметь шифровсвязь с Петэном¹²² через своего представителя в Испании». В беседе с Жиро по ходу той же поездки в Касабланку генерал де Голль, пишет с его слов А.Е. Богомолов, «изложил свое мнение о форме объединения французских антигитлеровских сил... В ответ на это Жиро предложил повторить еще раз историю консульства во французской империи и предложил себя в качестве первого консула Франции. Де Голль сказал ему, что первый консул получил свое звание в свое время через плебисцит и что французским народом дано ему это звание за победы, которые он доставил Франции. За Жиро нет ни французского народа, ни побед»¹²³. В записи беседы С.А. Лозовского, заместителя народного комиссара иностранных дел СССР, состоявшейся у него 8 марта 1943 г. со Шмитлейном – заместителем представителя Французского национального комитета (ФНК) в СССР, читаем: «На мой вопрос, что представлял собою в прошлом генерал Жиро, Шмитлейн ответил, что Жиро много лет провел в армии в Марокко.

¹²² Прежнее русское написание фамилии Pétain.

¹²³ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы в двух томах. (Министерство иностранных дел СССР), Том 1. М.: Политиздат, 1983, с. 145.



Это один из лучших и храбрых французских офицеров. Что же касается его политического лица, то еще в 1938 г. Даладьё сказал о нем: «Это – фашист»¹²⁴. Возможно, сотрудник миссии ФНК в сердцах преувеличивал, сохранившись при этом на бывшего премьера Даладьё; сам же де Голль считал, что Жиро «безусловно хочет вести французские войска в бой с немцами, но политически он реакционен и беспомощен. Окружение Жиро – это фашиствующие элементы из кругов Петэна и 30 тыс. богатых колонистов Алжира»¹²⁵.

Как бы то ни было, генерал Жиро, чьи достоинства военного специалиста никто не отрицал, все еще продолжал воображать себя Наполеоном и правил как мог в Алжире, а с 3 июня 1943 г. – после переезда сюда де Голля – становится сопредседателем новообразованного Французского комитета национального освобождения (ФКНО), оставив за собой командование Африканской французской армией. Ее готовили к участию в дальнейших военных действиях и срочно мобилизовали не только французов, которые и сами катились на призывные пункты, захватывая по дороге случайные грузовики, но и арабов, берберов и чернокожих жителей французских колоний¹²⁶. И как ни «коротка была шпага Франции в тот момент, когда союзники ринулись на штурм Европы!», и как ни ограничены были при «столь серьезных обстоятельствах» вооруженные силы Франции, «еще никогда ее армия не обладала такими высокими качествами. Возрождение ее было тем более замечательно, что она поднялась из бездн унижения»¹²⁷. При этом, надо заметить, первая крупная экспедиция, направленная французами в Италию, называлась 2-й марокканской дивизией и в основном состояла из мусульман¹²⁸.

¹²⁴ Там же, с. 155.

¹²⁵ Из телеграммы А.Е. Богомолова в НКВД от 29 января 1943 г. (Там же, с. 399).

¹²⁶ Всего набралось для экспедиции вместе с экипажами авиации и восстановленного флота свыше 300 тыс. человек, кроме оставшихся на месте 150 тыс. пехотинцев в доукомплектованных охранных войсках и двух резервных бригад, подготовленных на случай их переброски в Индокитай (де Голль Ш. Указ соч., с. 291).

¹²⁷ де Голль Ш. Указ. соч., с. 286.

¹²⁸ Марокко – единственная страна Магриба, где французами было создано офицерское училище, в которое приглашались берберы. Один из таких офицеров – генерал Уфкир внес французское знамя в Рим, позднее участвовал в Индокитайской войне (в независимом Королевстве Марокко занимал посты министра обороны и внутренних дел, покончил жил самоубийством, ибо на него пало подозрение в покушении на жизнь Хасана II). Из других стран между 1943 и 1945 гг. было рекру-



Двоевластие в ФКНО закончилось осенью 1943 г., когда соперничество между Жиро и де Голлем решилось в пользу последнего. Отважный, но малообразованный дуумвир будущего президента Франции, сам признававшийся, что «никогда не читал газет и не слушал радио», занялся чисто армейскими делами, а с апреля 1944 г. ушел в запас. Те, кому приходилось иметь с ним дело в течение его правления и соправительства, называли старого солдата «в политическом отношении ребенком». Без лишних экивоков высказался о широте его кругозора Жан Моннэ¹²⁹, прибывший в Алжир из США с рекомендацией Рузвельта и написавший программную речь, которую Жиро произнес 14 марта 1943 г., заявив о своем намерении осуществить в Северной Африке «республиканскую реформу, основанную на свободном волеизъявлении народа», распахнуть тюрьмы и т.д. Эту речь во славу демократии и республики высоко оценили Лондон и Вашингтон, назвав ее содержанием «принципами Жиро». 18 марта он издал приказы, во многом отменяющие законодательство Виши¹³⁰. Между тем его спичрай-

тировано во французскую армию 170 тыс. алжирцев, 40 тыс. тунисцев, 60 тыс. африканцев, 30 тыс. мальгашей (Rajfid, № 5, 1999-2000, p. 14). Среди новобранцев в Тунисе, где продолжались расправы с жителями деревень, коллективно обвиненных в коллаборационизме (например в сельце Сиди-Юсеф просто расстреляли всех мужчин), наблюдалось дезертирство. Другие сражались до конца войны. Ветераны или их вдовы до сих пор получают французскую военную пенсию.

¹²⁹ Французский финансист. Родился в 1888 г. в семье торговца коньяком, занимался с 1905 г. экспортом коньяка марки «Моннэ» в Англии и Канаде. С 1914 г. работал в министерстве торговли, в 1919-1923 гг. занимал ответственный пост в Лиге Наций, затем сотрудничал в частных международных банковских корпорациях. В 1938 г. выступил с запоздалой инициативой модернизации французской авиации, занимался закупками самолетов в США. С 1939 г. находился с деловой миссией в Лондоне. Во время войны – сторонник сближения с Англией; в июне 1940 г. вместе с де Голлем разработывал план, предложенный Черчиллем и Полем Рейно, о слиянии двух империй, британской и французской. В августе 1940 г. включен на правах британского представителя в комиссию по военным закупкам в США; один из разработчиков англо-американского плана перевооружения «Victory Program». В феврале 1943 г. направлен Гарри Гопкинсом в Алжир для изучения технического состояния французских войск, 31 мая назначен де Голлем в состав Французского центрального исполнительного комитета в Северной Африке, вскоре вошел в новообразованный ФКНО (Dictionnaire biographique... p. 366).

¹³⁰ Правда, о торжестве гражданских свобод при Жиро говорить не приходится. Как сообщал Роже Гарро (представитель ФНК в СССР), к середине января 1943 г. в Северной Африке насчитывалось более 50 тыс. арестованных, «среди кото-



тер в беседе с Мэрфи дал «эксарху» следующую характеристику: «Когда генерал смотрит на вас своими глазами фарфорового кота, он не понимает ровным счетом ничего»¹³¹.

Не секрет, что интрига событий, разыгравшихся вокруг ФКНО и его конкурирующих сопредседателей, была подстроена англоамериканскими партнерами, которые, сражаясь вместе, утаивали друг от друга свои политические замыслы. Америка, которая сначала восприняла войну 1939-1945 гг. как вызов ее традиционному изоляционизму и поспешила на помощь Англии лишь после трагедии Пирл-Харбора, втягивалась не только в военные действия, но и в геополитическую игру многоопытных держав Старого Света. Оселком этой игры стала все та же операция «Торч», которой предшествовала мобилизация не затронутых войной внутренних ресурсов США на превращение их в средство ведения войны. Речь идет о

рых преобладают французы. В числе арестованных имеются, кроме того, члены интернациональных бригад в Испании, поляки, испанские республиканцы и т.д. Несмотря на заверения Рузвельта, ...арестованные до сих пор не освобождены. На днях генерал Жиро был вынужден заявить, что в настоящее время лишь составляются и проверяются списки арестованных. Более того, после убийства Дарлана в целях «обеспечения порядка» были произведены многочисленные аресты сторонников де Голля» (Советско-французские отношения... Том 1, с. 139). Не торопился Жиро и с ликвидацией вишистских установлений, пока американцы не дали знак, что пора это сделать. По рекомендации уже покойного Дарлана он назначил 17 января 1943 г. губернатором Алжира Марселя Пейрутона – автора расистских законов Виши. До возвращения к своему ремеслу колониального администратора «Сатрап» побывал послом в Латинской Америке, а еще раньше, с сентября 1940 по февраль 1941 г., занимал в кабинете Виши должность министра внутренних дел. В этот период петеновское правительство, объявившее себя правительством «национальной революции», приняло серию реакционных постановлений, в том числе антисемитские декреты. Так называемый закон Пейрутона от 7 октября 1940 г., подписанный Петеном, имел прямое отношение с Северной Африке: алжирские евреи, автоматически получившие натурализацию в 1870 г. (по «закону Кремье»), были поголовно лишены французского гражданства. Следствием этого явились погромы в Константине и других алжирских городах. Вишистские чиновники усердствовали в разжигании конфликтов на почве юдофобии. Генерал Жиро специальным ордонансом от 18 марта 1943 г. подтвердил отмену «закона Кремье». Насколько он был самостоятелен в этом, как и в других своих решениях, сказать трудно. Его «министром внутренних дел» был Пейрутон, который занимал пост генерал-губернатора Алжира до 31 мая 1943 г.

¹³¹ Цит. по: Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Указ. соч., с. 193.



помощи странам антигитлеровской коалиции в виде поставок займы или в аренду боеприпасов, военной техники, стратегического сырья и продовольствия по системе «ленд-лиз».

В главе своих мемуаров, посвященных обстановке на Британских островах летом 1942 г., де Голль писал: «Не скрою, что, наблюдая, как англичане идут на буксире у пришельцев, я испытывал некоторое беспокойство». Далее он констатирует, что под «сокрушительной тяжестью» поставок по ленд-лизу в руководящих кругах Англии не без боли в сердце, но приспосабливаются к зависимому положению, и даже сам Черчилль решил стать лишь «лейтенантом Рузвельта»¹³². Последний платил ему той же монетой. Президент США, наотрез отказавший британскому премьеру в просьбе, чтобы главу Французского национального комитета в Лондоне поставили в известность хотя бы за день до начала десантной операции, высказывался в том духе, что де Голль без достаточных к тому оснований претендует на роль современной Жанны д'Арк и к тому же с «сомнительными взглядами на демократию»¹³³. После высадки союзников в Северной Африке администрация США де-факто запретила использовать Би-Би-Си для передачи заявлений де Голля, в связи с чем он жаловался на «цензоров из Вашингтона», наложивших вето на его речь от 21 ноября, равно как на коллективное послание лидеров трех движений Сопротивления южной зоны Франции («Combat» и др.), а также подпольной ВКТ и Социалистического комитета действия, гласившее, что они признают де Голля бесспорным руководителем, который «ведет за собой всю страну»¹³⁴.

Известно и то, что по ходу операции в Северной Африке американцы поддерживали сначала Дарлана против Жиро и затем (когда первого не стало) Жиро против де Голля, которого в конечном счете предпочли, несмотря на его «строптивость», англичане. Вместе с тем спор двух генералов, происходивший в военной обстановке, в какой-то мере уже выявил тенденцию к будущим противоречиям между правительством Пятой республики и олигархами североафриканской поселенческой колонии, с которой Жиро связывал, как и многих других французских военачальников, опыт участия в растянувшемся на 20 лет «умиротворении» Марокко, где щедро лился

¹³² де Голль. Указ. соч., с. 10.

¹³³ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, New York: Macmillan, 1948, V.2, p. 1195.

¹³⁴ де Голль. Указ. соч., с. 66-67.



звездный дождь на погоны, а иногда и собственное их происхождение из потомственных алжирских или прочих колонистов.

Что касается Туниса, то здесь французскую администрацию – непосредственно после изгнания нацистских войск – возглавлял близкий к Жиро человек, генерал Альфонс Жюэн. Сын жандарма из алжирского г. Бон (ныне – Аннаба), он окончил во Франции общевойсковое училище Сен-Сир¹³⁵, сделал офицерскую карьеру в Марокко, где служил с 1912 г.; в первую мировую войну командовал в чине лейтенанта марокканскими «таборами» во Франции, потом вернулся в Африку и стал военным помощником маршала Лиоте, а в начале тридцатых подводил черту – вместе с Жиро – под «умиротворением Марокко» в оазисе Тафилалет. Позже служил в Константине, поднявшись до бригадного генерала. В 1940 г. попал в немецкий плен под Лиллем, через год освобожден по просьбе Вейгана и Петена. Участвовал в переговорах между Герингом и маршалом Кейтелем в Берлине. Затем он снова в Северной Африке, где в ноябре 1941 г. взял под свое начало французскую армию¹³⁶, которую антивишисты саркастически называли «армией

¹³⁵ Жюэн (в русских переводах также: Жюен, Жуэн) был однокурсником де Голля в Сен-Сире и сохранил с ним впоследствии, если не дружбу, то привычку обращаться «на ты». Де Голль ценил Жюэна как военачальника, отмечая, что «осью его планов всегда была одна-единственная идея, такая ясная, четкая, что она всегда была понята соратникам». Как о человеке писал: «всегда ровный, замкнутый», Жюэн «привлекал людей больше впечатлением солидности, которое он производил, нежели обаятельностью; прокладывая себе дорогу, он не пренебрегал иной раз хитростью...» (де Голль III. Указ. соч., с. 310-311, 575).

¹³⁶ С началом второй мировой войны управлявшиеся ранее раздельно Тунис, Алжир и Марокко были в военном отношении объединены. Назначение Жюэна на пост главнокомандующего войсками было связано с устранением Максима Вейгана, который держался той точки зрения, что Северную Африку надо защищать не только от англичан (что подразумевалось в соответствующем пункте франко-немецкого перемирия), но и от «любого покушающегося». Отозванный из запаса, 73-летний Вейган находился с осени 1939 г. в Ливане, а 17 мая 1940 г. был назначен главнокомандующим французскими вооруженными силами и вскоре предложил правительству подписать перемирие. В своих мемуарах он объяснял, что принял верховное командование в уже безнадежной обстановке и относился к перемирию как к «прекращению огня», но не как к прекращению войны. Петен назначил его генеральным делегатом в Северную Африку, откуда он был отозван 15 ноября 1941 г. и окончательно ушел в отставку. За время своего пребывания на последнем посту стремился всеми правдами и неправдами укрепить остатки французской наземной армии, конфликтовал с Дарланом, который, со своей сто-



перемирья», и однажды неосторожно заявил, что «сражаться под командованием маршала Роммеля – это честь»¹³⁷. Судьба назначила ему воевать на другой стороне. Взятый в плен 8 ноября 1942 г. при штурме г. Алжир, но тут же выпущенный американцами, он потом уверял, что союзники быстро добились здесь успеха вследствие его приказа своим войскам вступить с десантом в «эластичный контакт без агрессивности»¹³⁸.

Между тем он не лгал. В ходе подготовки операции «Торч» на Жюэна делали ставку англичане, и он был среди тех, кто поторопил Дарлана, переметнувшегося на сторону союзников, подписать 10 ноября 1942 г. приказ о «всеобщем прекращении огня»¹³⁹. Вскоре он уже храбро сражался в Тунисе¹⁴⁰. Прощенный за прошлые грехи, Жюэн 10 мая 1943 г.

роны, заботился о флоте, но готов был ради него отдать немцам все – и Сирию и Ливаном, и Бизерту как порт снабжения через Тунис немецкой армии в Ливии.

¹³⁷ *Landa P. Г. История Алжира, XX век...*, с. 80. Автор также сообщает, что генерал Жюэн являлся акционером транспортной компании «Лакдар», причастной к вывозу алжирской продукции в Германию.

¹³⁸ Там же, с. 86.

¹³⁹ *Churchill W. The Second World War...*, p. 180; *де Голль Ш. Указ. соч.*, с. 56.

¹⁴⁰ Английский журналист А. Верт писал, что в отличие от Дарлана, «который в 1942 году вообразил, будто может сделать у союзников ту большую карьеру, которую ему не удалось сделать у немцев», другие лица «обладали достаточным здравым смыслом, чтобы выдать себя хотя бы временно за людей, равнодушных к политике. Так поступил генерал (позже маршал) Жюэн, который после высадки союзных войск в Северной Африке попросту стал «солдатом», хотя годом раньше он с одобрения немцев был назначен в Северную Африку взамен «враждебного немцам» Вейгана» (*Верт А. Франция. 1940-1955*, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959, с. 109). После битвы за Тунис, где генерал Жюэн героически брал высоты (*Chastenet J. Op. cit.*, p. 154, 208), он проявил свой полководческий талант в Италии, возглавив направленный туда экспедиционный корпус, в 1944 г. назначен начальником Генштаба Национальной обороны и в день триумфального возвращения в Париж де Голль шагнул в ногу с ним по Елисейским полям. В конце ноября – начале декабря 1944 г. посетил Москву в составе французской правительственной делегации. В 1945 г. был личным представителем де Голля по улаживанию конфликтного вопроса о нахождении французских войск в Ливане и Сирии (*de Gaulle Ch. Mémoires de guerre. Le Salut. 1944-1946*, Paris: Plon, p. 183). При Четвертой республике характеризовался как один из крайне реакционных политических деятелей. Генеральный резидент в Марокко в 1947-1951 гг., а с апреля 1948 г. также военный главнокомандующий Северной Африки (*Dictionnaire biographique...* p. 282); в декабре 1950 г. был срочно переброшен с инспекцией в Тонкин «как раз вовремя,



был назначен и.о. Генерального резидента в Тунисе (вместо адмирала Эстева, которого немцы, уходя, вывезли в Париж) и оставался на этом посту до 25 июня 1943 г., передав свои полномочия генералу Масту¹⁴¹. За это время отличился в преследовании реальных и вымышленных коллаборационистов, действуя под началом своего шефа – генерала Жиро.

Последний, судя по всему, и был автором идеи низложения Монсеф-бея, вина которого, по мнению большинства историков, состояла не столько в германофильстве, сколько в несвоевременной и обреченной на провал попытке реализовать идею тунисской независимости. По другой версии, Жюэн являлся не исполнителем, а инициатором «сотрясения трона». Хотя сам он это отрицал, признав на старости лет, что бея не в чем было упрекнуть, а ответственность за непродуманный политический акт сваливал на «псевдоправительство в Алжире» (то есть на Жиро), которое, мол, плохо разбиралось в тунисских делах и принудило его, временного Генерального резидента, совершить династический переворот. Дальнейшие поступки Жюэна, чья настоящая военно-политическая карьера в 1943 г. только начиналась, заставляют не брать на веру эти его слова¹⁴². Но кто бы ни был *deus ex machina*, события разворачивались следующим образом.

чтобы спасти Ханой» (*Верт А. Указ. соч.*, с. 386).

¹⁴¹ Повышенный в звании до дивизионного генерала, Маст с декабря 1942 г. выполнял ряд поручений в Ливии, Египте и Сирии. 24 апреля 1943 г. был назначен Генеральным резидентом в Тунисе, где еще не закончились бои. Однако из-за ранения, полученного в авиационной катастрофе под Бейрутом, не сразу приступил к выполнению этих обязанностей (июль 1943 – февраль 1947). Ставленник социалистов, он проявил себя как относительно либеральный губернатор. Первым шагом в этом направлении стало его заявление, сделанное под конец 1943 г., что репрессии, начатые после освобождения Туниса, прекращаются и что будут закрыты концентрационные лагеря (крупнейший – в Татавине), где к этому времени содержалось около 3000 заключенных. Правда, аресты и ссылки продолжались, но уже единицами или небольшими группами; и по другим мотивам, нежели «коллаборационизм». То и дело под репрессии попадали студенты аз-Зейтуны, учинявшие беспорядки с требованием вернуть Монсеф-бея, вину за изгнание которого они возлагали и на генерала Маста (*Ayachi M. Le mouvement ызтounien dans le contexte de la seconde guerre mondiale // La Tunisie de 1939 à 1945...*, p. 291).

¹⁴² Третья версия, которой придерживаются, порывшись в архивах, некоторые современные историки, заключается в том, что свержением бея вплотную занимался хороший знаток «тунисских дел» Марсель Пейрутон, который не ограничивал свою деятельность на посту губернатора Алжира только вверенной ему террито-



В середине дня 7 мая столица и ее северные предместья были отвоены союзниками, но головные части английских войск, не останавливаясь, двинулись в сторону полуострова Кап-Бон, чтобы отрезать его от материка и там взять прижатого к морю противника. На пути англичан лежал Хаммам-Лиф, куда уже успели добраться сотни горожан, переполнив маленький городок рядом с бейской резиденцией. Все эти несчастные люди, которые надеялись на безопасность в «свободном городе», нейтралитет которого был вымышленным, оказались в западне вместе с бейской семьей и находившимися при нем министрами. Городок этот расположен на узкой (1-2 км шириной) полосе между морем и горой Бу-Корнин (Двурогой). Здесь немцы сдерживали натиск англичан в течение двух суток. Бейская гвардия разбежалась, придворные прятались в пещере, Монсеф-бей с многочисленными друзьями оставался во дворце, наблюдая в бинокль за ходом сражения. Под ноги ему осыпались оконные стекла, лопавшиеся от взрывов. Короче, к вечеру 9 мая одолевшие противника англичане явились в полупустой дворец и насильственно увезли бея в Тунис, где в «Maison de France», тоже опустевшем, устраивалась временная администрация. Благодаря вмешательству г-на Биноша – генерального секретаря правительства и на тот момент главного в Тунисе французского гражданского чиновника бей был отпущен и удалился в Ла Марсу, где пробыл до 13 мая.

В тот день сюда прибыл генерал Жюэн собственной персоной с требованием, чтобы Монсеф-бей добровольно отрекся от престола, но получил отказ. Следом появился приказ за подписью Жиро о низложении бея, которого вывозят в оазис Лагуат на юге Алжира, где 6 июля он все же подписывает письмо о своем отречении и направляет его новому Генеральному резиденту в Тунисе (генералу Масту). После этого бей был пере-

рией. Это мнение разделяет также Саид Мстири (зять Шеника), находившийся в первой половине 1943 г. в Алжире, наблюдая бурную кампанию в местной печати и на радиоволнах с разоблачением бея-коллорабациониста и его «министров в фесках», то есть в головном уборе младотунисцев, отличном от шешья с ниспадающей кистью – фирменной шапочки тунисских придворных. Рядом с Пейрутоном в Алжире оказались и другие старые «друзья» Нового Дустура. Это Робер Венек, латифундист из Беджи, и некто Жан Шерб – пресс-атташе французской Резиденции в Тунисе в бытность там Пейрутона на губернаторстве, а в рассматриваемый период заместитель Гильбо по председательству в CUAR. Тут же подвизался и бывший переводчик «Сатрапа» мальтиец Симони, который снабдил шефа свежей информацией из Туниса (*Mestiri S. Op. cit.*, p. 159-161).



везен в г. Тенес на севере Алжира. Окончательным местом его изгнания стал городок По на юге Франции, департамент Нижние Пиренеи¹⁴³.

Тень подозрений в коллаборационизме пала и на Бургибу, несмотря на то, что в начале мая 1943 г. он категорически отказался бежать из страны вместе с немцами, которые предоставили такую возможность интересовавшим их людям и даже в последний момент разыскивали Бургибу, приготовив для него место на военном самолете. И только заступничество американского консула Дулиттла позволило Бургибе оправдаться перед французскими властями, которые – по понятным причинам – проявили специальный интерес к его пребыванию в Риме. Но главная задача состояла в том, чтобы спасти честь партии, а заодно навести мосты, которые пригодятся в будущем. Скрываясь инкогнито во чреве мусульманских кварталов с их тупиками и кривыми улицами, даже под женским покрывалом, которое позволяло ему передвигаться, Бургиба сумел все же увидаться с Дулиттлом и нашел в нем спасительную руку. Сделано это было по всем правилам конспирации.

«Когда вошли союзники, – вспоминал через 17 лет президент, – первойшая задача состояла в том, чтобы спасти Национальное движение... Прежде всего я должен был избежать собственного ареста». Ровно в течение месяца с 7 мая 1943 г. Бургиба прятался на конспиративной квартире, опасаясь быть схваченным либо вишистами, которые составляли костяк французской полиции, либо союзниками, что было вполне реальным, ибо аресты шли повальные и даже Хасан Геллати – человек, столь лояльный Франции, оказался в тюрьме. Приют Бургиба получил в доме одного знакомого, жившего на бедняцкой улице Тронжа, где селились выходцы из южного городка Эль-Матвия, докеры, поденщики и т.п. (см. выше).

Узнав, что власти запретили публикацию его коммюнике, которое могло бы «оправдать и выручить партию», он твердо решил искать другое средство. В Тунис вместе с союзниками вернулся консул Дулиттл. С американцем Бургиба был не знаком, но надеялся, что на него произвело впечатление.

¹⁴³ Ibid., p. 205-206; *Kassab A. Op. cit.*, p. 448-449. Тот же эпизод в рассказе Жюэна, уверяющего, что все указания шли из Алжира, см.: *Juin A. Mémoires: Alger – Tunis – Rome, Paris: Fayard, 1959*, p. 182. Саид Мстири приводит доказательства в пользу того, что между 7 и 13 мая в Алжире бурно работала «группа давления» в лице Пейрутона, Венека и компании, которые акцентировали внимание на том, что Монсеф-бей симпатизирует Новому Дустуру (*Mestiri S. Op. cit.*, p. 225).



Бургиба под чадрой



чатление письмо, которое он ранее направил к нему из Марселя. Понимая, что официальный представитель США будет придерживаться нейтральной позиции между французами и тунисцами, Бургиба решил рискнуть. Через посредника он передал консулу просьбу о встрече и, к своему удивлению, сразу получил положительный ответ. Под темною чадрой Бургиба пробрался в дом Насера Махлуфа (активиста Нового Дустура – *М.В.*), жившего в пригороде Бардо. Сюда явился Дулиттл, и состоялась их личная беседа, в ходе которой консул пообещал Бургибе похлопотать о его делах.

Как результат, на 7 июня ему была назначена аудиенция у генерала Муро – шефа французской службы безопасности... Исход этого визита был не ясным, и ночь накануне Бургиба решил провести у себя дома, с семьей, снова совершив опасное путешествие переодетым в мусульманку. Наконец, наступил решающий час. Гигант Муро, человек двухметрового роста, начал беседу в угрожающем тоне. Однако Бургиба изложил ему подробности своего освобождения в Лионе и даже вызвал у генерала слезы на глазах повестью о том, как ему, бывшему арестанту, пришлось видеть страдания простых французов под немецкой оккупацией. Бургиба также подчеркнул, что когда он вернулся в Тунис из Италии, то первым делом нанес визит адмиралу Эстева, «который представлял Францию, пусть и петеновскую Францию, это не меняет дела». Раунд был выигран: «Я стал свободен, как и мои товарищи. Мы были под слежкой, но на свободе»¹⁴⁴.

Тот же самый рассказ, но с дополнительными деталями содержится в книге Бургибы «Моя жизнь, мои идеи и борьба», которая представляет собой запись цикла его лекций перед студентами Института журналистики. Он сообщает, что передал свой призыв к тунисскому народу «За франко-тунисский блок» Симону Зана – директору типографии газеты «Le Petit Matin» (один из либеральных органов местной французской прессы – *М.В.*), который счел тон листовки замечательным и в тот же день распечатал ее в количестве 500 или 600 экземпляров. Но Генеральный резидент – генерал Жюэн запретил ее распространение. «Когда я об этом узнал, то понял, что меня собираются поставить к стенке».

Бургиба сделал по памяти рукописную копию листовки и отослал ее Дулиттлу через верного человека, поручив эмиссару на словах передать,

¹⁴⁴ Из отдельной публикации рассказа Бургибы для женской передачи на Радио-Тунис (*Bourguiba H. Souvenirs et faits vécus. 7 juin 1943, Tunis: Publications du Secrétariat d'Etat à l'Information, 1960 [брошюра]*).



Мистер Хукер Дулиттл



что «я – единственный арабский лидер, который был за союзников». Дулиттл поставил французские власти в известность, что намерен встретиться с Бургибой, но предпочел сделать это в обстановке секретности. Первая короткая встреча состоялась на загородной ферме, куда Бургибу привели в кадруне (род мужской летней одежды). Вторая – в доме Насера Махлуфа, где собеседники провели в разговорах целую ночь. «И я имел полную возможность изложить нашу позицию...»¹⁴⁵.



Бургиба и Дулиттл в Каире, 1945 год

Сам по себе американец был любопытной фигурой. Хукер Дулиттл начал свою дипломатическую карьеру в 1917 г., неплохо знал Францию, с 1933 г. работал в Танжере, где потом и поселился, выйдя в 1950 г. на пенсию, и прожил шестнадцать лет в этом городе на ветрах, откуда в ясную погоду виден берег Испании; там и был похоронен.

В Тунисе же он появился в качестве главы консульской службы США в июне 1941 г. и пробыл здесь в первый раз до середины ноября

¹⁴⁵ *Bourguiba H. Ma vie, mes idées, mon combat, Tunis: Imprimerie officielle, 1977, p. 212-214.*



1942 г. За это время имел встречи с Таальби, уже глубоко больным человеком, не выходившим из дома. В госдепартамент консул сообщил об одной такой встрече, имевшей место в октябре 1941 г. На протяжении следующего года в его рапортах упоминались контакты с националистами, однако без указания имен и содержания бесед. Стараниями тунисских историков было установлено, что он навещал Таальби за несколько дней до высадки союзников, предметом их разговора явилось предложение консула сбить группу молодых людей, которые бы доставляли разведывательные данные и могли осуществить акции саботажа в случае появления немцев на тунисской территории. Шейх Таальби согласился, но не встретил понимания со стороны других членов стародустуровского ареопага¹⁴⁶. Судя по докладным запискам Дулиттла, о Новом Дустуре он имел тогда слабое представление, в основном почерпнутое из официальных французских источников. Но в отличие от своего непосредственного начальника, Мэрфи, консул Дулиттл не испытывал никакого расположения к вишистам. Основным объектом его «разработки» являлись близкие ко двору лица из местных буржуазных кругов (Шеник, Бадра и проч.), а также особы, принадлежавшие к бейской фамилии. На первом этапе усилия Дулиттла были направлены прежде всего на то, чтобы создать препятствия транспортировке через территорию Туниса военных материалов и товаров, предназначенных для немецко-итальянской группировки войск, сосредоточенной в Ливии¹⁴⁷. В феврале 1942 г. он даже замыслил «дворцовую революцию» и испрашивал на нее денег (у генерала Донована) с целью смещения премьер-министра Хеди Лахва, пресмыкавшегося перед французской Резиденцией. Имелось в виду заменить его человеком более

¹⁴⁶ Hamza H.R. Les Etats-Unis et la question tunisienne (1939-1943): à la recherche d'une politique / La Tunisie de 1939 à 1945..., p. 233-235.

¹⁴⁷ Американцам было известно, что Виши разрешило отправлять из Туниса снабжение для германской армии в Ливию. Отсюда отгружался бензин; морем из Марселя в Тунис перевозились военные грузовики и другие материалы, которые затем доставлялись в Ливию. Эта возможность вытекала из «Парижских протоколов» 1941 г., согласно которым Дарлан (их инициатор) предоставлял в распоряжение германских сил порт Бейрут и французские аэродромы в Сирии, а также военно-морскую базу в Бизерте как транзитный пункт для снабжения Ливии. Не без давления Вейгана, 6 июня того же года правительство Виши отказалось ратифицировать данные протоколы. Сирия и Ливан спустя несколько дней были уже в руках союзников. Негласные перевозки через Тунис продолжались (Подробнее см.: Eberhard J. La France dans l'Europe de Hitler, Paris: Fayard, 1968, p. 226-258).



самостоятельным и способным повлиять на Ахмед-бея, чтобы хоть как-то ограничить поток снабжения через Тунис неприятеля. Идею пришлось забросить из-за сопротивления Мэрфи¹⁴⁸. Все же Дулиттлу, как выясняется из его докладов в госдепартамент, удалось найти подходящих людей среди ливийских беженцев в Тунисе, которые устраивали акции саботажа на пути следования товарных конвоев и затевали мелкие беспорядки в тылу итальянских войск.

Смена власти во дворце – восхождение на трон Монсеф-бея, который премьера Лахви, да и всю камарилью, доставшуюся ему от предшественника, не любил (хотя не сразу решился на свою дворцовую революцию и сделал это при других обстоятельствах), облегчила Дулиттлу его задачи по работе с тунисской элитой. Новый монарх и сам приглашал к себе консула, выражая ему в устной форме симпатию к союзникам и даже ознакомил его с содержанием своей программы «16 пунктов», направленной в Виши и оставшейся без ответа.

С приближением даты высадки Дулиттл и небольшой штат его сотрудников сосредоточились на том, чтобы обеспечить если не поддержку, то хотя бы нейтральность местного населения¹⁴⁹. Делалось это, разумеется, в самой общей форме, за разговорами о том, что в послевоенном мироустройстве США будут содействовать удовлетворению справедливых требований тунисской общественности. Разговоры такие шли не на улице, а в респектабельных домах, и никакой независимости Дулиттл тунисцам не обещал. Тем не менее, в сентябре 1942 г. адмирал Эстева отметил в своем докладе, направленном в министерство иностранных дел, возросшую «настойчивость» поборников тунисской независимости, связываемой с Соединенными Штатами. В октябре спецслужбы Резиденции сообщали: среди французов и тунисцев расползаются слухи, что США могут захватить Тунис, а виной всему Дулиттл, который «то и дело является с подарками к Монсеф-бею и членам его семьи...»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Hamza H.R. Op. cit, p. 236; Mestiri S. Op. cit, p. 126.

¹⁴⁹ О том, что первоначально планировалась высадка союзников не только в Марокко и Алжире, но и в Тунисе, косвенно свидетельствует тот факт, что с одним из интронизированных в Тресе членов Национального Совета Нового Дустура, Хеди Шакером, вступил в контакт английский агент на предмет выяснения, какой именно порт лучше всего для этого бы подошел (Ben Sliman S. Op. cit., p. 165).

¹⁵⁰ Информационно-аналитическая сводка спецслужб за истекший месяц (Цит. по:



письмо с пометкой «конфиденциально» и сопроводительной запиской Дулиттла было отправлено авиапочтой в Вашингтон, а копия – Роберту Мерфи в Алжир. Факсимиле письма, обнаруженного в архивах госдепартамента США, было подарено президенту Бургибе в сентябре 1983 г. во время официального визита в Тунис высокой американской делегации во главе с вице-президентом¹⁵⁴. Характерно, что послание аналогичного содержания Бургиба направил Георгу VI, что свидетельствовало о надеждах лидера Нового Дустура на мощь англо-американских союзников и возможность, в перспективе, заручиться их содействием.

Однако ни американцы, ни тем более – англичане не были намерены вмешиваться во внутренние дела Франции, которая поднималась с колен. Им предстояли другие задачи. Европу окутывал дым сражений... Тунис остался в тылу, для него война закончилась.



¹⁵⁴ Текст этого письма и копия (факсимиле) машинописной сопроводительной записки Дулиттла от 7 июня 1943 г. опубликованы в приложении к сборнику французских материалов: *Khaled A. Documents secrets du 2-ème bureau...*, p. 747-750.

Побег на рыбацкой лодке. Каирская эмиграция

«Именно здесь, в Северной Африке, занялась заря французского обновления, именно Северная Африка стала для Франции средоточием ее сил и неиссякаемых надежд. Здесь возрождаются ее свободы... Здесь находится ее правительство, созданное для руководства войной... Здесь, в Северной Африке, все население щедро проявило свою преданность Франции, и это... не только глубоко волнует Францию, но уже теперь ко многому ее обязывает»

[Генерал де Голль, речь на площади в Константине 12 декабря 1943 г.]

Как известно, восстановление в Магрибе прежнего колониального порядка, поначалу направляемое из Алжира – временной «столицы империи и Сражающейся Франции»¹⁵⁵, вызвало глубокое разочарование в рядах местных национальных деятелей. Этот порядок в некоторых отношениях становился даже худшим, чем довоенный. «Друзей Манифеста и Свободы» в Алжире не услышали; и дело кончилось жестоким и потопленным в крови восстанием в тот самый день, когда мир праздновал победу, 8 мая 1945 г. А в марокканских Фесе и Рабате еще 29 января 1944 г. вспыхнули беспорядки в ответ на аресты известных национальных деятелей. «Слово “независимость” (истикляль – М.В.) должно быть вырвано из уст и сердец»¹⁵⁶ – сокрушенно сказал своим визирям султан Мухаммед бен Юсеф, ко двору которого срочно прибыл Рене Массигли, комиссар ФКНО по иностранным делам. На усмирение горожан были брошены, помимо полиции и добровольцев, армейские части¹⁵⁷. Молодую партию Истикляль, казалось

¹⁵⁵ *de Голль Ш.* Указ. соч., с. 147.

¹⁵⁶ *Julien Ch.-A.* Op. cit., Volume 2, p. 516.

¹⁵⁷ В литературе бытует версия, что в подавлении городского бунта участвовала 2-ая бронетанковая дивизия генерала Леклерка, сформированная в Марокко на базе «Force-L», которая до этого принимала участие в освобождении Кайурана, Габеса и Суса, закончив бои в 60 км. от г. Тунис. Однако король Хасан II опровергал эту версию. Он был непосредственным наблюдателем январских событий 1944 г. и, по его рассказу, сам выбежал на улицу из лицея в Рабате, чтобы присоединиться к демонстрантам. С его слов, Леклерк отказал Генеральному резиденту (Габриэлю Пюо) дать «хотя бы одного



бы, задушили в зародыше [30]. Обещанные в Тунисе административные реформы, частично реализованные за вторую половину 1943 г. и 1944 г., вылились в дополнительное нарушение принципов договора о протекторате, расширив сферу контроля французского Генерального резидента¹⁵⁸.

Между тем Хабиб Бургиба, несмотря на то, что его политическая активность была скована всевозможными запретами (и в условиях осадного положения, действовавшего с сентября 1939 г.), возобновил свои агитационные поездки по стране, возрождая партию и ее подпольные ячейки. Уладив свои отношения с комиссариатом полиции г. Тунис, он отправился в Сахель, где даже жители родного города встретили вернувшегося соседа с опаской. Некоторые, завидев бывшего кумира, переходили на другую сторону улицы. Народ был подавлен и надо было заново приобретать его доверие. Такие мелкие «акции», как участие Бургибы в погоне за мародерами, о чьих разбойных делах (в Кальа-Кебира) он предупредил французского полковника Шмидта, позволили лидеру Нового Дустура это доверие завоевать. Расположил он к себе и самого полковника, который был назначен командующим гарнизоном города Сус и осуществлял военный контроль над всем районом Сахеля. Его решением Бургиба полу-

безоружного солдата» для столь неблагоприятного дела, как сражение с обывателями (*Hassan II. La Mémoire d'un Roi, Entretiens avec Eric Laurent, Paris: Plon, 1993, p. 10*).

¹⁵⁸ Реформы, осуществленные в Тунисе после его освобождения от итало-немецких оккупантов, означали один шаг вперед, другой назад. В 1944 г. возобновил свою деятельность Большой Совет, прекративший заседания при режиме Виши; декретом от 15 сентября 1945 г. уравнивался численный состав французской и туземной секций совета. Но если 53 делегата французской секции, избираемых путем прямых всеобщих выборов с участием французов и француенок старше 21 года, представляли менее 1/20 общего населения, то столько же делегатов туземной секции, избираемых по более сложной процедуре, представляли 3 млн. тунисцев. Законодательных прав Большой Совет не получил, и все оставалось по старому. Лишь в феврале 1945 г. были образованы три новых министерства: социальных дел, земледелия, торговли и ремесла, управление которыми было доверено тунисцам-мусульманам. При этом упразднялось министерство хабусов, что насторожило местную публику. Но главное ее недовольство вызывало обусловленное декретами ФКНО (от 21 июня 1943 и 27 марта 1944 г.) расширение прерогатив французского «генерального секретаря» тунисского правительства. Сугубо формальное право государя назначать то или иное лицо на эту должность перешло напрямую к ФКНО, а затем ко Временному правительству Франции, которое представлял Генеральный резидент в Тунисе (Подробнее см.: *Себа II. Указ. соч. с. 232-235; Julien Ch.-A. Op. cit., p. 262-263; Kassab A. Op. cit., p. 452*).



чил возможность совершать пропагандистские турне с целью переломить в пользу союзников настроения тунисского населения, которое воспринимало освобождение Туниса от фашистских захватчиков отнюдь не как свое «освобождение». (Иногда мусульмане даже укрывали не успевших вовремя сдаться немцев). Через некоторое время тревогу по поводу разъездов агитатора поднял гражданский контролер области Сфакс, который воскликнул: «Да, он за союзников, но не за Францию!»¹⁵⁹.

Как результат, к Бургибе были применены административные санкции: ему было дозволено проживание только в г. Тунис под надзором полиции, каждый выезд домой (в Монастир) требовал особого разрешения. Купленную с рук машину марки Рено он не смог использовать для своих турне. Однако начатое им дело восстановления партийных ячеек взяли на себя другие люди, а он сумел добиться встреч на высоком уровне. Через посредничество Шедли Хайраллаха ему удалось передать записку, целый меморандум, в «Дом Франции», а затем и попасть на прием к генералу Масту. В отличие от своего предшественника, развязавшего борьбу с коллаборационистами, огульно обвинив все мусульманское население Туниса в пособничестве немцам, новый Генеральный резидент был более внимателен к местным проблемам. Но после продолжительной аудиенции заметил Бургибе: «Имейте в виду, месье, нам еще надо защитить империю»¹⁶⁰.

Подобной была в сущности позиция даже самых «либеральных» по отношению к тунисским националистам французов. Тем не менее, партия «пéос» восстановилась к концу 1944 — началу 1945 г. настолько, что рассылала циркуляры по своим секциям, а секретные службы с беспокойством сообщали, что в ее подпольных структурах якобы снова насчитывается до 100 тыс. человек¹⁶¹. Но в это время на поверхность вышли другие политические силы, включая Старый Дустур и движение «зейтуновской молодежи», возглавленное теперь энергичным Фаделем Бен Ашуром, преподавателем аз-Зейтуны, а также заявившую о себе после многолетнего

¹⁵⁹ Histoire du mouvement national tunisien. (Documents X), Pour préparer la troisième épreuve. Le Néo-Destour brise le silence 1944/49. Textes réunis et commentés par Mohamed Sayah. Tunis: CDN, 1972, p. 20.

¹⁶⁰ Ibid., p. 23.

¹⁶¹ Hamza H.-R. Le Néo-Destour, des lendemains d'avril 1938 à la veille de l'Indépendance: Hégémonie et Institutionnalisation // La Tunisie de l'après-guerre (1945-1950), Tunis: ISHMN, 1991, p. 209-229.



перерыва Реформистскую партию под руководством Хасана Геллати¹⁶² и, наконец, компартию (ТКП), которая одна, в знак благодарности за посильное участие в Сопротивлении, получила легализацию¹⁶³.

Точкой сближения этих сил послужило требование за возвращение в страну изгнанника Монсеф-бея, что стало эпизодическим моментом в динамике тунисского национального движения, когда разнородные течения готовы были сплотиться вокруг жертвенной фигуры законного и несправедливо обиженного государя (как это произойдет, спустя 10 лет, в других условиях и с иными результатами в Марокко). Новый Дустур остался, однако, в стороне от «монсефизма»¹⁶⁴. И стоит ли удивляться, что

¹⁶² Хасан Геллати возобновил журналистскую деятельность в конце второй мировой войны, но данные о возвращении к жизни Реформистской партии следует понимать скорее как заявления от имени Геллати, известного в Тунисе человека со связями, и его персональное участие в различных политических акциях.

¹⁶³ Напомним, что с 1939 г. Тунисская компартия (ТКП) во главе с генеральным секретарем Али Джрадом существовала как автономная организация, формально независимая от ФКП. Стала вновь открыто издаваться ее газета «L'Avenir social» (с 18 марта 1944 г. поменяла свое название на «L'Avenir de la Tunisie»). Вышедшая из подполья, ТКП пользовалась вплоть до 1947 г. небывалым для нее влиянием, которое потом к ней уже не вернулось.

¹⁶⁴ «Монсефизм», который – независимо от политических пристрастий самого Мухаммеда аль-Монсефа – можно квалифицировать как элемент проявления традиционализма в тунисском национальном движении, сошел на нет вместе с кончиной низложенного бея, в 1948 г. Присоединение ТКП к платформе «монсефизма» было сугубо временным. Что касается позиции Бургибы, то он в 1944 г. уклонился от подписания опубликованного в печати совместного манифеста «тройки» (старые дустуровцы, реформисты и коммунисты) против депортации Монсеф-бея (Garas F. Op. cit., p. 149), хотя и присоединился к хору голосов, выражавших возмущение по поводу этого факта. Об этом свидетельствует, например, записка Бургибы, направленная 28 марта 1944 г. в адрес главы кабинета французского Генерального резидента. В ней помимо других вопросов содержались доводы в пользу реабилитации Его Высочества (Histoire du mouvement national tunisien, (Documents X)..., p. 131). Одним из ярких выразителей идеи «монсефизма» стал маргинальный тунисский деятель Абид Бухафа, автор Белой книги по данному делу (1946) и воззвания от 14 мая 1947 г. со словами: «Тунисский народ! Знамя твоей свободы – Монсеф бей, залог твоего счастья – Монсеф-бей». Текст этого воззвания, выпущенного за подписью «Комитета освобождения Северной Африки в Нью-Йорке» под председательством самого А. Бухафы, см.: Змерли С. *Тунис фи ахд монсеф бей* (1942-1943). Бейрут: Дар аль-гарб аль-исламий, 1989, с. 126, 137-138). Различные петиции подобного рода исходили от Старого Дустура.



Бургибу – уже признанного национального вождя, главного и даже временами неформального руководителя партии дустуровских радикалов, не устраивала монархическая легенда, грозившая нанести ущерб его лидерству.

Со своей стороны, Бургиба организует 22 февраля 1945 г. нелегальное общественно-политическое совещание с участием известных национальных деятелей, членов студенческих организаций, в том числе слушателей мусульманских учебных заведений, и внепартийной Интеллигенции. Это «Собрание шестидесяти» подтвердило ранее уже обсуждавшуюся в более узком кругу декларацию о внутренней автономии тунисской нации с уточнением: self-government (так в тексте – *М.В.*) «на демократической базе и в той форме, какую определит, после общенациональных консультаций, представительная ассамблея»¹⁶⁵. Перспективы этого проекта выглядели, правда, еще туманными.

Питая надежды на «интернационализацию» тунисского вопроса и помощь от Лиги арабских государств, образованной 22 марта 1945 г., Бургиба в том же месяце тайно покидает Тунис. Французская пресса распространила слухи, что он бежал на американском самолете¹⁶⁶. В действительности, маршрут через южный г. Сфакс был заранее подготовлен членами подпольного политбюро, а деньги эмигранту обеспечила партийная касса, пополненная на этот случай за счет продажи кое-каких земельных участков¹⁶⁷. Отплыв 26 марта под видом контрабандиста на рыбацкой шхуне к берегу Триполитании с одного из тунисских островов и продолжая свой путь через

¹⁶⁵ Позднее эта февральская декларация 1945 г. упоминалась под названием «Манифест Тунисского фронта». Сразу получила резкую критику со стороны ТКП, пропагандировавшей в то время, как и другие компартии стран Северной Африки, социальное освобождение трудящихся и построение ими демократии вместе с французским пролетариатом. Еще при появлении первого варианта декларации в ноябре 1944 г. тунисская коммунистическая пресса обрушилась на блок «автономистов» за желание развести по разные стороны баррикад тунисцев и французов. Особо подчеркивалось участие в этом блоке «феодалов» и буржуазных политиков, вроде Мухаммеда Шеника и Альбера Бессиса, «представляющего крупную еврейскую буржуазию». Так и говорилось в Манифесте национальной конференции ТКП («L'Avenir de la Tunisie», 16. 12. 1944. Цит. по: Histoire du mouvement national tunisien. (Documents X)..., p. 157-162. 171-177; Kraïem M. Op.cit., p. 235).

¹⁶⁶ El Mechat S. Tunisie. Les chemins vers l'indépendance (1945-1956), Paris: L'Harmattan, 1992, p. 16.

¹⁶⁷ Histoire du mouvement national tunisien. (Documents X)..., p. 30.



Побег на рыбацкой лодке



стоянки ливийских племен, Бургиба после долгих приключений пробирается на землю формально независимого Египта, где встречен был отнюдь не с распростертыми объятиями. И даже задержан полицией.

Остановили его уже в районе Дельты, куда незнакомец с фальшивыми документами добрался от ливийско-египетской границы на попутных военных машинах. Сначала Бургибу препроводили в службу пограничного контроля в Александрии, затем – в каирский полицейский участок, где подвергли новому допросу. Его выручил старый приятель по Тунису, французский учитель, который работал в Монастире, а теперь, приняв ислам и отставив бороду, жил в Каире и преподавал в городском лицее. Он-то и подтвердил личность Бургибы и дал ему первую крышу над головой. Подобным же образом – через случайных людей приходилось налаживать связи с египетскими политическими персонами и представителями ЛАГ. На счастье Бургибы, ему во многом помог Дулиттл, который в это время возглавлял американское консульство в Александрии. Визит к нему Бургиба нанес, едва устроившись на новом месте, что не осталось без внимания французского посольства, откуда об этом 19 мая полетела депеша парижскому начальству.

Поднятые ныне архивные документы госдепартамента США и другие аналогичные источники свидетельствуют, что американский консул оказывал Бургибе скорее персональную, чем официальную поддержку. Версия о том, что Хукер Дулиттл организовал побег Бургибы, принадлежала французским властям в Тунисе, прежде всего – Генеральному резиденту, чьи подчиненные проглядели заговор конспираторов. Чиновники Кэ д'Орсэ в конечном итоге решили, что преследовать лидера Нового Дустура невыгодно, поскольку он представлял собой более умеренно настроенного политика, нежели другие эмигранты из Магриба. Что касается англичан, к которым Бургиба еще в Тунисе напрасно обращался с просьбой о выдаче ему въездных документов в Ливию, которая находилась под их оккупационным контролем, то в намерения Форин оффис не входило портить дипломатические отношения с Францией. Такую же позицию занимало египетское правительство, но все же, вняв просьбам Аззам-паши, а также одного из шейхов аль-Азхара (тунисца по происхождению), министерство внутренних дел разрешило Бургибе пребывание в Каире с условием не заниматься политической деятельностью, которая наносила бы ущерб египетским интересам. После долгих мытарств он, наконец, получил осенью 1945 г. временный паспорт во французском посольстве, куда поступило личное распоряжение Жоржа Бидо-министра иностранных дел Франции, указавшего, что разумнее «успокоить» Бургибу накануне конгресса ЛАГ и «не сжигать мосты». Более того, предлагалось выделить ему небольшую материальную помощь. От этого Бургиба отка-



Каирская эмиграция



заялся (в дальнейшем он жил на помощь от коммерсантов-земляков и на партийные средства), но, по словам тунисской исследовательницы Самии Мешат, «не отказался от своего двойного языка». Он не полностью разочаровался во Франции и, наверное, сознательно преувеличивал сердечность своих отношений с Дулиттлом, ибо это могло подтолкнуть французов к переговорам, и публично выражал надежду на то, что «Франция пойдет по пути либеральной политики, подразумевающей пересмотр статуса ее заморских территорий» (интервью Бургибы каирской газете «аль-Ахрам», 3.11.1945 г.)¹⁶⁸.

Таким образом, его собственный, Бургибы, статус в Каире был более или менее урегулирован. Но в заседаниях ЛАГ, членами которой, согласно ее учредительному пакту, состояли государства, обладавшие суверенитетом, признанным международным публичным правом, он не смог принять участия. В начале 1946 г., встретившись с де Голлем и получив его отрицательную реакцию на соответствующий вопрос, Аззам-паша совершенно ясно дал понять, что никакого представительства Туниса в ЛАГ, даже на уровне специализированных комиссий, не предвидится. Что, впрочем, относилось и к другим странам Магриба; лишь двое марокканцев из испанской зоны (с согласия генерала Франко) были приняты в комиссию по культурным вопросам¹⁶⁹. Главное содержание деятельности Бургибы и его коллег сводилось к обращениям в Совет Арабской лиги с просьбой поставить вопрос о положении в Северной Африке, вывести его на уровень ООН, объявить Франции экономический бойкот.

В каирский период своей биографии (апрель 1945 г. – сентябрь 1949 г.), Бургиба, повстречавший здесь других беглецов из Туниса, в том числе д-ра Тамера, перебравшегося в Египет через Мадрид, организует род заграничного центра своей партии (Bureau tunisien)¹⁷⁰, затем становится активным деятелем и даже инициатором создания эмигрантского Комитета ос-

¹⁶⁸ El Mechat S. Op. cit., p. 18.

¹⁶⁹ Ibid., p. 26.

¹⁷⁰ «Тунисское бюро», обосновавшееся в доме №10 на каирской улице Дарих Саад, выполняло прежде всего информационные функции, а также задачи по связям с ЛАГ и арабской общественностью. Его состав усилило прибытие так называемой мадридской группы – Хабиб Тамер, Рашид Дрис, Тайеб Слим, Хеди Санди, Хасин Трики, которым удалось, не без помощи Бургибы, получить иракские паспорта с транзитной египетской визой (май 1946 г.) и вылететь из Испании в Египет. Организацию стали называть «Бюро Нового Дустура в Каире». Через год по тому же адресу на улице Дарих Саад прописалось «Бюро Арабского Магриба», состоявшее из трех секций: тунисской, алжирской и марокканской.



Побег на рыбацкой лодке



вобождения Арабского Магриба (КОАМ)¹⁷¹. Но главное, зачастую лишенный регулярных известий с родины, он старается привлечь к ней внимание генерального секретаря Аззам Паши и других руководителей ЛАГ, более всего озабоченных, тем временем, ближневосточными делами и возникшей проблемой раздела Палестины. Из египетской столицы, которая на его глазах пережила шок поражения в первой арабо-израильской войне 1948 г., Бургиба неоднократно выезжал в другие страны Ближнего Востока. Отправлялся паломником в Мекку, рассчитывая увидеться с влиятельными людьми во время мусульманского хаджа, и в святых местах пользовался, к собственному удивлению, гостеприимством короля Ибн Сауда, приказавшего разместить тунисского изгоя в лучшем отеле. Появлялся в безопасной для него Женеве и однажды совершил поездку в США (декабрь 1946 – январь 1947 г.).

Как подчеркивала партийная историография, Бургиба стал «первым африканским националистом, обратившим свои взоры к Америке и пустив-

¹⁷¹ Помимо «Бюро Арабского Магриба», предшественником КОАМ являлся созданный в Каире несколько раньше, еще 18 февраля 1945 г., «Фронт в защиту Северной Африки». Его основателем выступил один из шейхов аль-Азхара – некий аль-Хадер Хусин (Хусейн), выходец из Туниса. Среди постоянных членов его организации было всего около 20-и человек, люди самого разного покроя и происхождения, которые рассылали телеграммы то в адрес президента Трумэна или в ООН, то в адрес короля Саудовской Аравии или глав других арабских государств с призывом поддержать борьбу за независимость Магриба. Появившись в Египте, Бургиба сначала использовал связи, имевшиеся у Фронта, но затем его «бюро» оттеснило эту организацию. Напротив, на нее пытался опереться Мохиддин Клиби, который тоже отправился в Каир с целью побороть влияние Бургибы, но в конечном итоге вошел вместе с ним в КОАМ. Этот комитет, созданный в 1947 г., возглавили такие деятели, как Алляль аль-Фаси от партии Истикляль, Абдель Халик Торрес – от партии Национальных реформ (испанская зона Марокко), Шазли Мекки – от Партии алжирского народа, Мохиддин Клиби – от партии Старый Дустур, Хабиб Тамер (казначей) – от Нового Дустура и Хабиб Бургиба (генеральный секретарь). Якобы по его личной инициативе президентом Комитета освобождения Арабского Магриба в декабре 1947 г. становится герой Рифской войны – Абд аль-Крим аль-Хаттаби. Этого легендарного человека Бургиба нашел на канадском судне, бросившем якорь в Порт-Саиде, уговорил сойти на берег и просить убежища в Египте. Тем самым Бургиба, принимавший в расчет авторитет «Льва Рифа», сломал не только его маршрут на Корсику, но и прежнее решение оставить всякую политическую деятельность (См.: *Histoire du mouvement national tunisien. (Documents X)...*, p. 54-55). Вице-президентом КОАМ становится Мухаммед аль-Хаттаби – родной брат и бывший соратник Абд аль-Крима.



Каирская эмиграция



шемся за океан»¹⁷². В Нью-Йорк он добирался из Антверпена почти без денег на случайном грузовом судне, где был единственным пассажиром, а в гостиницах иногда голодал. Однако благодаря знакомствам в кругах египетских и саудовских дипломатов, аккредитованных в Вашингтоне, сумел побывать на официальных приемах, где у него завязываются контакты с деятелями американской администрации, и появлялся в кулуарах походившей к концу второй сессии Генеральной ассамблеи ООН. (Вторично побывал в Америке в сентябре 1951 г., приглашенный на съезд American Federation of Labor в Сан-Франциско). Поездка в США как раз и планировалась им с целью попасть на сессию Генеральной ассамблеи (сентябрь – ноябрь 1947 г.), чему французы, пользуясь дипломатическими каналами, пытались всячески воспрепятствовать. Но тут пришел на помощь Дулиттл. Американский консул воспользовался своим правом выдавать одну визу раз в год по личному усмотрению и решил этот вопрос в пользу Бургибы. Тот хотел ехать через Лондон, но британское посольство в Каире отказало ему в этой возможности. Тогда он отправился 7 октября 1946 г. сначала в Женеву, где встретился с тунисскими студентами, обучавшимися во Франции; те помогли ему оплатить долг за гостиницу (для чего пришлось кому-то продать арабский ковер) и, видимо, собрали денег на дорогу. Организация путешествия оказалась трудной, отплыть в Нью-Йорк Бургиба смог только 14 ноября и прибыл туда с опозданием. Он едва успел застать разъезжавшиеся под конец сессии арабские делегации и представил через них свой меморандум, которому в кабинетах ООН не дали хода. Напрасно он пытался попасть и в кабинеты высоких американских чиновников. Наконец, 15 января ему устроили встречу с государственным секретарем Дином Ачесоном, которая состоялась на приеме – среди прочих гостей – в посольстве Саудовской Аравии. Следовательно, этот контакт не мог рассматриваться как нечто большее, чем частная беседа. Однако Бургиба был исполнен оптимизма и писал 20 января брату Махмуду «Ты не можешь себе вообразить то впечатление, которое я произвожу на тех, с кем встречаюсь... Я употребляю для этого всю силу убеждения, на которую способен»¹⁷³. Он явно преувеличивал свой успех, однако французские информационные агентства не оставили без внимания его демарши в американских политических кругах. Этого уже было достаточно. Ведь важна была демонстрация силы; к тому же, пока он верил, что сумеет «протащить» тунисский

¹⁷² *Histoire du mouvement national. (Documents X)...*, p. 290.

¹⁷³ Цит. по: *El Mechat S. Op. cit.*, p. 24.



Побег на рыбацкой лодке



вопрос в международные организации, которые, в свою очередь, повлияют на Францию. А второе, во что он всегда верил – вода камень точит. Его собственными словами: «Малая, но терпеливая и настойчивая сила может одолеть большую силу... Я сотню раз приводил пример колодезной веревки, которая рано или поздно перетирает верхний край каменной кладки колодца»¹⁷⁴. На обратном пути из Америки, в феврале 1947 г., Бургиба вновь остановился в нейтральной Швейцарии. Это путешествие тоже не обошлось без приключений, самолет сделал вынужденную посадку на территории Франции, что грозило Бургибе возможным арестом. Но к счастью, документы пассажиров не стали проверять, и все обошлось благополучно.



Бургиба с Дином Ачесоном на приеме

Непосредственные результаты первого визита Бургибы в США, где его гидом и переводчиком оказался тунисец – хозяин восточного рестораника, были более чем скромными. Да и в арабских столицах он чувствовал себя, за редким исключением, скорее пилигримом, чем почетным гостем. Первое, что поразило Бургибу в Каире, это то, что его имя – лидера

¹⁷⁴ Bourguiba H. La leçon de trente années de lutte. Discours prononcé le dimanche 1-er mars 1964 à Ksar Hellal, Tunis: Secrétariat d'Etat aux Affaires Culturelles et à l'Orientation, 1964, p. 34, 52).



Каирская эмиграция



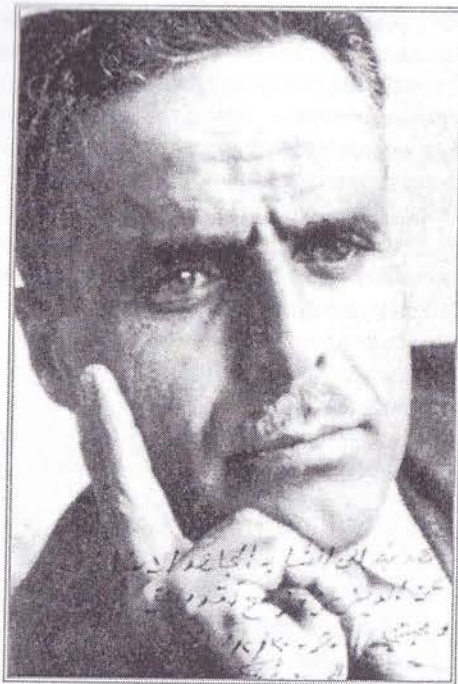
крупной партии здесь почти никому не известно, а люди с улицы порой имеют смутное представление, где находится такая страна, Тунис.

В своей официальной риторике, рассчитанной на партию и тунисскую публику, а также в очерках мемуарно-исторического содержания, появившихся позднее – в годы его президентства, Бургиба прославлял свою послевоенную политическую одиссею, равно как и личный вклад в создание первичных структур организации, выражавшей общие интересы угнетенных народов Арабского Магриба. Но для себя он в то время не строил больших иллюзий. В этой связи представляет интерес его письмо к алжирцу Фархату Аббасу, датированное 29 июля 1946 г. и проливающее свет на ту оценку, которую автор письма давал ситуации, складывавшейся в Северной Африке и вокруг нее. Вот что писал Бургиба человеку, к которому испытывал заочную симпатию:

«Дорогой товарищ!

Не имея чести быть лично знакомым с Вами, я давно слежу – издали – за Вашей деятельностью. И обнаруживаю в Ваших идеях, концепциях и тактике определенное родство с движением Нового Дустура. Как и Вы, я всегда хотел смотреть реальности в глаза, учитывать ее и адаптироваться к ней. Подобно Вам, я стремился устранить из наших требований все то, что начинало выглядеть анахронизмом, химерическим и невыполнимым... Подобное наше родство в складе мышления (formation intellectuelle), равно как и в «стратегии борьбы», побуждает меня обратиться к Вам напрямую, чтобы изложить – в сугубо конфиденциальном порядке – свои соображения по поводу Вашей позиции в алжирском вопросе»¹⁷⁵.

¹⁷⁵ В апреле 1946 г. Фархат Аббас, отказавшийся от своего «ассимиляционизма» тридцатых в пользу идеи алжирской идентичности, решил основать партию Демократический союз Алжирского манифеста (УДМА) – L'Union démocratique du Manifeste algérien (UDMA). Вскоре он опубликовал «Призыв к французской и мусульманской алжирской молодежи», в котором анализировались прискорбные события 8 мая 1945 г., «возродившие дух крестовых походов», и приводились аргументы в пользу франко-мусульманского сотрудничества. Основные тезисы «Призыва» были изложены 26 июня в парижской газете «Combat». Представители УДМА подчеркивали, что они не «сепаратисты», а «федералисты», отстаивающие идеал «Алжира в рамках Французского союза, где алжирский и французский народы пойдут рука об руку». (См.: Julien Ch.-A. Op. cit., p. 463, 467-469).



Хабиб Бургиба в Каире, 1947 год

Рассказав вкратце начальную историю своей деятельности, Бургиба, в частности, заметил, что Франция, к несчастью, не хотела или не решилась принять его искреннее стремление добиться такой независимости, которая послужила бы солидной базой для франко-тунисского союза «Французы в глубине души были уверены, что юридические формулы (протекторат, мандат...) всего лишь инструмент завоевания, а цель их присутствия в Тунисе... сделать из него продолжение Франции – новый французский департамент; и после 60 лет такой политики теперь они верят, что достигли, а если нет, то совсем приблизились к этой цели... Более того, с каждым новым потрясением Франция тешит себя мыслью, что оно – последнее и что ценой систематических репрессий она получит мир... Она предпочитает жить в состоянии скрытой борьбы с народами Северной Африки, нежели анализировать проблему в свете событий и придать новое

направление своей политике; в этом ей, к сожалению, не достает практицизма англичан. Между Францией и нами стоял вопрос соотношения сил. И сила всегда была на стороне Франции – такова *grosso modo* ситуация, которая имела место до второй мировой войны».

Сейчас, продолжал Бургиба, положение вещей во многом изменилось. Острая международная конкуренция развивается вокруг «той великолепной платформы, какую представляет из себя Северная Африка. Не говоря уже о ее природных ресурсах, если лучше их использовать, – неисчерпаемых, не говоря о ней, если хоть чуть поднять здесь уровень жизни населения, как о прекрасном рынке сбыта – 20 миллионов потребителей; эта страна сама по себе имеет стратегическую ценность для защиты западного полушария, для обеспечения господства на Средиземном море и безопасности Британской империи... Я имел продолжительные и серьезные беседы как с английскими, так и с американскими политиками. Все они в один голос говорят, что на данный момент международная обстановка не позволяет Великобритании открыто демонстрировать свой интерес к Северной Африке, но в ожидании иного момента, который недалек, она пристально следит за тем, что там происходит. С некоторого времени англичане стараются привлечь внимание британской публики к дустуровскому движению. Наш друг Дулиттл – генеральный консул США в Александрии, со своей стороны, работает с госдепартаментом в нашу пользу... Если я говорю здесь без различия об Англии и Америке, это потому, что по данному вопросу их интересы солидарны. В едва завуалированной борьбе англосаксонского мира против большевистского Востока каждый хочет иметь козырную карту. Так вот, в глазах англосаксонского мира прекрасным козырем является Северная Африка – ключ к центральному Средиземноморью и идеальная база операций против Европы, подпадающей под большевистское влияние. Для нас же существенно, что англосаксы проявляют все больший интерес к нашей судьбе. Что вы хотите? Перед упрямой непримиримостью французского колониализма, который не хочет нас понять и который угрожает нашему существованию – как арабского народа, нам не остается выбора. На наш взгляд, некая неопределенная гегемония, будь она английской или американской, если она опирается на стратегические базы, но не затрагивает внутренний суверенитет (как в египетском случае), является менее опасной, чем та политика заселения, ассимиляции и денационализации, которой придерживается французский



колониализм. Разумеется, если через какое-то время Франция сумеет переосмотреть свою политику, мы с облегчением протянем ей обе руки... Но где тот человек во французских политических кругах, который способен заставить французских колонистов в Тунисе или Алжире прислушаться к голосу разума, осознать необходимость пойти на уступки. Я его не вижу... Это прискорбно, но это так. А пока ждем, умелая и интенсивная пропаганда на всем Ближнем Востоке нам принесет большую пользу. Нас так мало здесь знают, что мне пришлось начинать с нуля».

Под конец Бургиба пытается убедить своего адресата в том, что «невнятная идея административной автономии (Алжира — *М.В.*) в рамках французской родины», она, эта идея Фархата Аббаса, «о которой трубят по всему свету,... дезориентировала наших арабских братьев на Ближнем Востоке и выглядит в их глазах как поражение и акт отчаяния... Арабской лиге все труднее будет защищать алжирский народ, на который уже смотрят как на окончательно потерянный для большой арабской семьи... Вступайте в блок с Мессали, вступайте в блок с Партией алжирского народа, и Вы увидите через несколько недель, как станете неоспоримым лидером всего алжирского народа, преодолевшего внутренние разногласия. Французский союз считается сейчас только с Вами. И вы один сможете одним жестом сорвать этот маневр колониализма...»¹⁷⁶.

С интервалом в четыре месяца, 24 ноября 1946 г., Бургиба направил французскому послу в Каире нечто вроде объяснительной записки политэмигранта, в которой он отмечал следующее:

«К прискорбию, еще до освобождения территории метрополии, когда Франция стонала под нацистским сапогом, она своим официальным голосом дала понять миру, что Комитет национального освобождения не намерен признать за народами, находящимися под французской опекой, хоть какое-нибудь право на независимость».

¹⁷⁶ Цит. по: *El Mechat S.* Op. cit., p. 259-263. Автор книги приводит письмо Бургиба к Фархату Аббасу по рукописному оригиналу, обнаруженному в частном архиве. Намного раньше это письмо было опубликовано самим Бургибой в сборнике «Тунис и Франция»; в этом варианте текста (возможно, копии, снятой с черновика) имеются разночтения с рукописью или следы редакционной правки. Изменены некоторые выражения, например: вместо «большевистской» угрозы — «коммунистическая» и т.п. (см.: Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 189-200).



Ссылаясь далее на заявление Рене Плевена¹⁷⁷, открывавшего 30 января 1944 г. Африканскую конференцию в Браззавиле, где тот сказал, что нет-де больше в колониях Франции «народов, которые надо освобождать, а есть группы французского населения (populations françaises), которые хотят соблюдать демократическую Конституцию... и не стремятся к другой независимости, кроме независимости Франции», Бургиба восклицает: «туниисцы — не “население”! Веками они представляли собой отдельную нацию (une nation nettement différenciée), которая знавала минуты славы; “маленькую нацию”, полную теперь решимости перескочить через этапы, чтобы наверстать упущенное время».

«Тунис, — продолжал Бургиба, — это государство, организовавшееся с давних времен. И некоторые французы, например, генерал Катру¹⁷⁸, готовы это признать. Но корень зла в позиции французской переселенческой колонии,... зараженной расистскими предубеждениями, и до сих пор за ней, к несчастью, оставалось последнее слово... Пример Англии, которая признала независимость народов, находившихся под ее опекой, должен был бы ей (Франции — *М.В.*) показать, что подобный курс вовсе не ослабил положение Англии в мире, напротив, он обеспечил ей поддержку этих народов в борьбе против любой попытки навязать гегемонию, откуда бы такая попытка ни исходила... Чего требует Тунис, так это признания за ним статуса суверенного государства, связанного с Францией договором о свободном альянсе, который гарантировал бы ее стратегические, экономические и культурные интересы. Учредительное собрание даст стране современную демократическую конституцию. Правительство Туниса будет национальным, конституционным и демократическим под эгидой легитимного государя... Мне известно, что генерал Катру в одной из своих речей пообещал содействовать приобщению “туниисских элит к управлению страной”. Так нет же, не административных постов мы хотим. Мы желаем

¹⁷⁷ Рене Плевен — участник Сопrotивления, 5 августа 1940 г. отправился в Африку, сыграл большую роль в мобилизации французов на сторону Лондонского комитета и в переговорах с Феликсом Эбуэ, губернатором Чада, где была сформирована знаменитая бригада капитана Леклерка. В июне 1943 г. был назначен ФКНО комиссаром по делам колоний, с ноября 1944 г. — министр финансов Временного правительства, при Четвертой республике неоднократно член правительства, в 1950-1952 гг. премьер-министр.

¹⁷⁸ Жорж Катру — французский генерал и дипломат, в 1945-1948 гг. — посол Франции в СССР. Подробнее о нем см.: Биографическое приложение.



управлять страной, полностью выполняя долг элиты, пользующейся доверием народа. Все это, конечно, не случится в один день... Мы ждем от новой Франции – и в скором времени от лучшей Франции – убедительного жеста, который покажет, что она поведет свою политику в данном направлении»¹⁷⁹.

Говоря о «маневре империализма» в одном письме и о «лучшей Франции» в другом, Бургиба имел в виду проект конституции, обсуждавшийся в Учредительном Национальном собрании. С принятием этого проекта, вынесенного на референдум 13 октября 1946 г., закончился период так называемого Временного режима, когда новый облик государства складывался еще под солнцем великой победы над фашизмом. Одним из вопросов повестки дня учредительного собрания, работавшего в двух сессиях (избранных 21 октября 1945 г. и 2 июня 1946 г.) и сложившего свои полномочия после выборов в парламент – Национальное собрание (10 ноября 1946 г.), стало преобразование французской колониальной империи.

Начало этому процессу было задано де Голлем. Он излагал свою мысль следующим образом: «После всего, что произошло на пространствах наших африканских и азиатских владений», было бы хорошей миной при плохой игре не позаботиться о том, «как удержать народы, за которые мы ответственны, чтобы они были с нами и завтра... для этого следует превратить их положение подданных в автономии, а те отношения, которые ныне для них не означают ничего, кроме зависимости – в ассоциацию... Я дал такую директиву еще в Браззавиле (на конференции 1944 г. – М.В.). Сейчас надо немедленно приступить к этому делу с Индокитаем и Северной Африкой»¹⁸⁰.

Конституция Четвертой республики отказывалась от понятия «империя», заменив его понятием «Французский союз». Впервые, вспоминал Жак Сустель, оно было упомянуто 24 марта 1945 г. в декларации Временного правительства по Индокитаю. Она гласила: «Индокитайская федерация составит вместе с Францией и другими частями Сообщества (Communauté) Французский союз, внешние интересы которого будет представлять Франция»¹⁸¹. С точки зрения де Голля, при ко-

¹⁷⁹ Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 202-205.

¹⁸⁰ de Gaulle Ch. Mémoires de guerre. Le Salut. 1944-1946, Paris: Plon, 1959, p. 223.

¹⁸¹ Soustelle J. Vingt-huit ans de Gaullisme, Paris: La Table Ronde, 1968, p. 281. Автор – человек, в свое время близкий к генералу де Голлю; в период Пятой республики их пути разошлись. Будучи известным ученым-этнологом, Сустель незадолго до второй мировой войны вошел в руководство организации «La Ligue des intellectuelles anti-fascistes». В июле 1940 г. прибыл в Лондон, чтобы присоединиться к де Голлю и по его поручению выполнял пропагандистскую миссию в Латинской Америке.



тором родилась идея французского «союза», или «сообщества», Франция должна была распоряжаться всеми без исключения землями и государствами, над которыми положится французский флаг. Как это представлял себе глава Временного правительства, будущий союз должен был обрести «общие для всех его членов институты федеративного характера, при этом являться именно французским, где Франция осуществляет непосредственную власть в области общественного порядка, государственной безопасности, внешней политики и общей экономики. К сожалению, – комментировал дальнейшее развитие событий Сустель, – авторы конституции 1946 г. не хотели или не смогли сделать четкий выбор между унитарной концепцией и федеративной... Века централизации и господства унитарного административного порядка не располагали французский ум к тому, чтобы оценить достоинства иерархии различных уровней регламентации и законодательства, прав и обязанностей, какие можно наблюдать в таких государствах, как Швейцарская конфедерация или Соединенные Штаты»¹⁸².

В преамбуле Конституции после ряда общих тезисов, дословно воспроизводивших положения знаменитой Декларации прав человека и гражданина 1789 г., говорилось: «Франция вместе с народами заморских территорий образует союз, основанный на принципе равенства прав и обязанностей без различия расы и вероисповедания. Французский союз состоит из наций и народов, которые объединяют или сочетают свои ресурсы и свои усилия с тем, чтобы каждый из них мог развивать свою культуру, увеличивать свое благосостояние и обеспечивать свою безопасность. Будучи верна своей традиционной миссии, Франция намерена привести народы, заботу о которых она на себя приняла, к свободе управлять собой и вести свои собственные дела демократическим образом. Отвергая всякую

летом 1942 г. становится комиссаром по делам информации, координировал работу по связям лондонского комитета с тайными организациями движения Сопротивления на территории Франции. После ее освобождения – комиссар республики в Бордо. С 30 мая 1945 г. возглавлял министерство информации, затем – министерство колоний во Временном правительстве. После ухода в отставку де Голля (21 января 1946 г.), последовал за ним. В мае 1947 г. становится генеральным секретарем партии Объединение французского народа (РПФ), созданной и возглавленной де Голлем. Генерал-губернатор Алжира (1955 – январь 1956 г.). Один из организаторов майского путча 1958 г. в Алжире и на Корсике, в результате которого де Голль вернулся к власти. Обвиненный за участие в ОАС (Organisation armée secrète), созданной колонистскими «ультра» под конец алжирской войны, бежал из Франции в 1961 г., вернулся через семь лет, воспользовавшись всеобщей амнистией, объявленной в 1968 г.

¹⁸² Ibid., p. 285.



форму колонизации, базирующейся на произволе, она гарантирует всем равный доступ к отправлению государственных функций, к использованию индивидуальных и коллективных свобод...».

Что стояло за этими формулировками? Согласно толкованиям положений французской конституции 1946 г., Тунис и Марокко, а также страны Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Лаос, Вьетнам) не могли быть зачислены ни в какую иную категорию, кроме как в категорию будущих «присоединившихся государств» («Etats associés»). Конституция устанавливала (ст. 61), что положение таких государств «вытекает для каждого из них из того акта, который определяет его отношения с Францией».

На основании этого «можно было рассчитывать, — писал Поль Себа, — что между Францией и Тунисом будет заключен новый договор», заменяющий Бардоский (дополненный конвенцией, подписанной в Ла Марсе), который определял их прежние отношения. «Но вскоре оказалось, что французское государство... не намерено вносить никаких реальных изменений в политический статут Туниса». В юридическом смысле Тунисское регентство даже находилось «вне Союза» и не было представлено «в органах нового строя — Высшем совете и Собрании Французского союза»¹⁸³. Формально устаревшие, если придерживаться духа и буквы конституции Четвертой республики, соглашения о протекторате продолжали действовать со всеми накопленными отклонениями от их первоначального содержания. В общих чертах то же самое относилось к Марокко.

Что касается Алжира, то велось обсуждение нескольких проектов его положения в рамках Французского союза, выдвинутых как правительством метрополии, так и со стороны алжирских национальных партий, за исключением МТЛД¹⁸⁴, которая заявила, что алжирский народ не признает права других навязывать ему свои законы. На ходе обсуждения проектов так

¹⁸³ Себа П. Тунис. Опыт монографии, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1953, с. 237-238 (Собрание Французского союза состояло наполовину из представителей метрополии, наполовину из представителей других членов союза).

¹⁸⁴ «Движение за победу демократических свобод» (МТЛД) — Mouvement pour le Triomphe des libertés démocratiques (MTLD) было образовано на базе Партии Алжирского народа (ППА) — Parti du Peuple Algérien (PPA). Первый съезд участников движения, среди которых были как ветераны-подпольщики из ППА, так и сторонники легальных форм деятельности, состоялся в феврале в 1947 г. Почетным президентом МТЛД и одновременно — председателем ППА считался Мессали Хадж. (Подробнее см.: Ланда Р.Г. Указ. соч., с. 100 и след.).



называемого Органического статута Алжира, отмечает Р.Г. Ланда, «самым отрицательным образом сказался сдвиг вправо в политической жизни Франции»¹⁸⁵. Окончательный текст документа был опубликован 20 сентября 1947 г. Он гарантировал всем алжирцам права французских граждан. Кроме того, содержал ряд «обещаний», в частности, отмену специального режима территорий Юга (аналогичного существовавшему в Тунисе), равноправие арабского и французского языков. Все это осталось на бумаге.

Статут, введенный осенью 1947 г., был хуже любого представленного ранее проекта. «Он сохранял в неприкосновенности не только основы, но и все учреждения колониального режима в Алжире»¹⁸⁶. Вся полнота власти осталась в руках генерал-губернатора. Алжир теперь рассматривался как «группа заморских департаментов», в отличие от «центральных»: Франции и Корсики. Эрзацем парламента служило Алжирское собрание из 120 человек, по 60 от двух коллегий выборщиков (одна на тот момент насчитывала 1,4 млн. алжирцев, имеющих право голоса, другая — 464 тыс. французских граждан и 58 тыс. алжирцев с особыми привилегиями). Это собрание обсуждало бюджет, в чем состояла его главная функция, и было наделено регламентарной властью: правом либо модифицировать законы, принятые французским парламентом, либо одобрять их прямое действие. При этом генерал-губернатор мог признать некомпетентность Алжирского собрания в том или ином вопросе. Националисты, даже самые умеренные, называли новшества маскараром.

Итак, учрежденный Четвертой республикой Французский союз был заранее обречен на провал. Как и следовало ожидать, записанный в Конституции «принцип равенства прав и обязанностей без различия расы...» не соблюдался. Едва восстановившая свою армию после поражения 1940 г., которое означало для нее несчастье не только военного, но и психологического характера; отброшенная в разряд второстепенных европейских держав, хотя и принятая в концерт «великих», Франция тут же вступила в колониальные войны, как известно, начавшиеся с Индокитаея. С точки зрения лидеров большинства политических партий, а тем более власть имущей верхушки поселенческой колонии в Магрибе, неважно — заморские это территории, заморские департаменты (Алжир), или протектораты, Франция оставалась «Республикой и ее империей»...

¹⁸⁵ Там же, с. 139.

¹⁸⁶ Там же, с. 140.



Вместе с тем, как это ни парадоксально, опыт самой Франции оказался заразительным для североафриканских патриотов. Со слов не лишнего проницательности комиссара полиции г. Тунис — Роже Каземайора (кстати, от которого в марте 1945 г. и ускользнул Бургиба), «через прессу, радио и по кинолентам образованные тунисцы в подробностях узнавали о разных этапах французского Сопротивления и знакомились с методами, которыми пользовались наши внутренние силы, чтобы выгнать из Франции ненавистных оккупантов. Пример генерала де Голля, покинувшего страну, чтобы организовать за границей «Комитет Свободной Франции» и вернуться на родину главой правительства... не оставил равнодушной интеллектуальную элиту, полагающую своей обязанностью просвещать и направлять тунисское общественное мнение. Так же, как французы под немецкой оккупацией поворачивали свои взоры к Лондону — очагу свободы, так и все арабы смотрят теперь на Каир, где сорганизовалась Лига арабских государств. Безусловно, с этого момента и зародилась в умах националистов, Бургибы в частности, идея добраться до этого нового очага свободы и независимости, что зажегся в Египте, которому завидуют во всем Магрибе, воспринимая его как страну, находящуюся в привилегированном политическом положении... «Тунисский вопрос», списанный с «сирийского вопроса», ныне запущен в оборот националистами, которые формулируют свои требования и действуют таким образом, чтобы произвести впечатление не только на Лигу арабских государств, но также и на Великие державы, вероятной помощи которых они намерены домогаться... Кажется, будто Правительство и националисты завязали между собой гонку на скорость: первое то и дело возвращается к жестам милосердия, добавляя к ним все более щедрые реформы, второе, пренебрежительно относясь к полученным преимуществам, а между прочим, — подчеркнул автор, — немалым преимуществам, становятся все более требовательными. И разве не было уже так, что Францию отселяли в сторону ее могущественные союзники, небескорыстно внимательные к ее поражениям?»¹⁸⁷

Но вернемся в Каир, где эмигрантские круги еще более решительно, нежели дустуровцы в Тунисе, критиковали ложные — по их мнению — реформы, предпринятые у них на родине, усиливая давление на Лигу арабских государств с тем, чтобы она поставила тунисский и — шире — североафриканский вопрос на Генеральной ассамблее ООН. Руководство же Лиги, проявившее на определенном этапе интерес к Магрибу, посулив даже

¹⁸⁷ Casemajor R. L'Action nationaliste en Tunisie. Du Pacte fondamental de M'hamed Bey à la mort de Moncef Bey, 1857-1948. Tunis, 1948. (Цит. по: Histoire du mouvement national tunisien. (Documents X)..., p. 445-446). Паритетная книга комиссара Каземайора появилась как документ «для служебного пользования». Отпечатанная тиражом 200 экземпляров, она предназначалась высшим чиновникам. Содержала краткий исторический обзор и сведения о националистах, почерпнутые из материалов сыскной службы и собственных наблюдений автора.



содействовать освобождению стран региона¹⁸⁸, заметно теряло этот интерес... Начиналась большая игра, соучастницей которой являлась ЛАГ, во круг решения проблемы Палестины. Вместе с тем администрация Трумэна предала забвению и многие положения Атлантической хартии, и многообещающие заявления Рузвельта¹⁸⁹, кончина которого в апреле 1945 г. послужила в Тунисе предлогом первой с довоенных времен массовой антифранцузской демонстрации...

Тем не менее, активная роль, сыгранная США и Великобританией в деле отмены мандатного режима в Сирии и Ливане, а также оказанное англичанами, не без помощи ЛАГ, давление на Францию, которая неудач-

¹⁸⁸ Аззам-паша 14 октября 1945 г. впервые официально заявил, что Лига арабских государств признает за Тунисом и Марокко право «высказаться по поводу их будущего положения», а также право присоединиться к ЛАГ в рамках ее комиссий по культуре и экономике, «чтобы осуществить таким образом подготовительный этап к своей полной независимости» (Julien Ch.-A. Op. cit., p. 524-525; Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 204). Скорее всего, это заявление носило конъюнктурный характер и должно было послужить средством косвенного давления на Францию, пытавшуюся удержаться на Ближнем Востоке. Напомним, что в декабре 1943 г. из конституций Сирии и Ливана были изъяты статьи о французском мандате. Под конец второй мировой войны правительства обеих стран, которые в марте 1945 г. вступили в ЛАГ, все настойчивее требовали вывода с их территории союзных войск. Между тем 6 мая 1945 г. возле Бейрута был высажен новый французский контингент (под предлогом замены состава воинских частей, дислоцированных в Ливане). Это было расценено как намерение Франции развязать колониальную войну. Подыгрывая Англии, которая стремилась ослабить влияние Франции в данном регионе, ЛАГ выступила с бурными протестами. В конце 1945 г. Париж и Лондон подписали соглашение о выводе своих войск из Сиро-Ливанской зоны. Но дело затягивалось, в районе Дамаска вспыхнули партизанские бои. После решения Совета Безопасности ООН, принятого в феврале 1946 г., эвакуация иностранных войск состоялась 17 апреля из Сирии, 31 декабря — из Ливана.

¹⁸⁹ Его политика, заложившая основу послевоенной борьбы США за расширение сферы влияния на Ближнем Востоке и в других районах мира, представляла собой, на взгляд Генри Киссинджера, «возвышенную мешанину из традиционных представлений об американской исключительности и вильсоновского идеализма, проникшего в американскую душу...». В подтверждение своей мысли автор ссылается на фразу Ф. Рузвельта: «Когда мы выиграем войну, я посвящу все свои силы тому, чтобы Соединенными Штатами более не принимались какие бы то ни было планы, поощряющие империалистические амбиции Франции, или планы помощи словом и делом Британской империи в ее имперских амбициях» (Киссинджер Г. Дипломатия, М.: Ладомир, 1994. с. 356).



но попыталась возместить потерю своих прав на управление Левантом (принятое тогда общее название Сирии и Ливана) наращиванием своего военного присутствия в Восточном Средиземноморье; все это вместе взятое побуждало Бургибу к тому, чтобы оставить традиционный для него тон разговора о диалоге с метрополией (как оптимальном варианте решения тунисского вопроса) и одновременно делать ставку на развитие арабской солидарности.

«Недопустимо, — говорил Бургиба 17 августа 1946 г. в Дамаске, — чтобы в современном мире, который боролся и принес такие жертвы за свободу народов, страна у самого порога Европы продолжала оставаться закрепощенной, тогда как Хартия Организации Объединенных Наций признает даже за примитивными народами Африки право на свободу. В то время, когда за этими народами в Кении и Танганьике признаны их права, Франция применяет в Тунисе политику порабощения... Создание Арабской лиги пробудило в Северной Африке огромные надежды, тем более, что протокол №1 Учредительного пакта ЛАГ предусматривает оказание помощи независимым государствам еще угнетенным арабским странам в завоевании ими права на жизнь. Эта надежда с тех пор возросла. Различные декларации Генерального секретаря и особенно его заявление, сделанное в феврале этого года, когда он потребовал вывода иностранных войск из Северной Африки и независимости трех стран Магриба, вызвало подлинное иступление. Из-за этой декларации Аззам-паше пришлось отказаться от плана приехать в Париж на время встречи министров иностранных дел четырех великих держав, поскольку французское правительство не забыло ему, что он от имени Лиги поощрил магрибинцев на борьбу за свою свободу и независимость... Арабский Восток и Арабский Магриб — две половины целого. Поддержка, оказанная магрибинцам с этой стороны Средиземноморья, заставила французский империализм перейти к более гибкой политике, и вот недавно мы узнали об освобождении некоторых лидеров, много лет находившихся в местах лишения свободы...»¹⁹⁰.

¹⁹⁰ Речь шла о возвращении из ссылки Алляля аль-Фаси и Хасана аль-Ваззани, чему содействовал Э. Лабонн, который являлся в 1946 г. Генеральным резидентом в Марокко. Процитированный отрывок — часть интервью Бургибы информгентству «Bureau Arabe de Presse et de Publication». Беседа состоялась во время поездки Бургибы по странам Ближнего Востока. (См.: Histoire du mouvement national tunisien. (Documents X)..., p. 272-274).



Не нужно доказывать, что независимость Сирии и Ливана, обещанная правительством Народного фронта еще в 1936 г., и лишь после войны претворенная в действительность, произвела огромное впечатление во французских владениях в Северной Африке. Идея единства народов Ближнего Востока и Магриба завладевала умами. И теперь уже не Женева, как после первой мировой войны, а Египет — местопребывание ЛАГ и страна, где «бьет сердце ислама», становится Меккой арабского национализма. Сюда устремились видные политические деятели из Феса и Рабата, из Тетуана — административного центра Испанского Марокко, из Туниса и Алжира...

Знаменательным событием стал Конгресс Арабского Магриба, заседавший с 15 по 22 февраля 1947 г. в египетской столице. По его рекомендации здесь создавался постоянный орган взаимодействия патриотических сил региона. Одним из утопических решений конгресса (которому Бургиба послал с пути из США приветственную телеграмму), была рекомендация объединиться (слиться в одну) национальным партиям каждой из трех стран Северной Африки. Делегаты съезда явно находились в эйфории, хотя открывший его Аззам-паша был сдержан и давал лишь туманные обещания поддержки. Резолюция отвергла законность присутствия Франции в Алжире по праву завоевания. Признала утратившими силу конвенции, заключенные в Альхесирасе [31] и в Ла Марсе. Требовала немедленного вывода французских войск со всей территории Северной Африки. Наконец, высказалась против включения Магриба в состав Французского союза и объявила начало совместной борьбы за независимость¹⁹¹.

Информационно-координационным центром деятельности политэмигрантов из Северной Африки отныне должно было служить Бюро Арабского Магриба, позже дополненное Комитетом освобождения Арабского Магриба (КОАМ), истинным вдохновителем которого, возможно, следует считать не Бургибу, а д-ра Хабиба Тамера. Последний, однако, уступил лидеру Нового Дустура роль генерального секретаря вновь созданной организации. Работая в том же помещении, где раньше находилось «Тунисское бюро», но привлекая теперь на свои пресс-конференции возросшее число каирских журналистов, эта организация заставила всерьез заговорить о себе

¹⁹¹ El Mechat S. Op. cit., p. 38, см. также: Ben Abboud M., Cagne J. Le congrès du Maghreb arabe de 1947 et les débuts du bureau du Maghreb arabe au Caire: l'opération Abdelkrim, «Revue de l'Histoire maghrébine», Tunis, № 25-26, 1982, p. 17-23.



лишь с того момента, когда Бургиба заодно с марокканскими друзьями склонил к побегу бывшего главу Республики Риф – эмира Абд аль-Крима.

Дело было 31 мая 1947 г. Не вернувшийся в Порт-Саиде на борту австралийского, по другим данным – канадского судна, которое было захвачено французами, чтобы доставить его вместе с семьей на Корсику, Абд аль-Крим получил статус беженца в Египте, хотя это и повлекло для Каира дипломатические осложнения¹⁹². Забегая вперед, следует сказать, что этот человек, осененный рыцарской славой, которому в момент, когда он вновь ступил на землю Африки, было уже под шестьдесят, оставался вдали от родины до конца своих дней и умер в Египте (1963 г.), похороненный с почестями президентом Насером. Последнему он в какой-то мере передал частицу своей ауры, несмотря на противоположность политических образов того и другого. А точнее, обратную связь между личностью актера и легендой, которая в первом случае шла за носителем образа, во втором – влекла его за собой.

«Дьявол для одних..., Абд аль-Крим был для других Архангелом, спустившимся на землю с огненным мечом»¹⁹³. Лишь пронеслась весть о первом его подвиге, когда рифы, вооруженные кремневыми ружьями, уложили на поле боя тысячи солдат противника, а потерпевший неудачу главнокомандующий – испанский генерал, не стерпев позора, свел счеты с жизнью, народ уверовал, что «сбудется триумф ислама и что в горах явился новый султан Сиди Моханд (Мухаммед – М.В.), он ведет священную войну и уберет другого султана, который сидит в Рабате пленником у христиан»¹⁹⁴. Даже побежденным, Абд аль-Крим сохранил образ богатыря, сражаю-

¹⁹² Полагают, что принятое без проволочек решение египетских властей приютить Абд аль-Крима объяснялось желанием официального Каира косвенно выразить неудовольствие тем, что Франция не пропустила в Тунис судно с продовольственной помощью голодающим. Она была собрана в Египте – на денежные пожертвования ряда арабских стран – усилиями Красного креста и при участии Тунисского бюро в Каире, в том числе Бургибы. (Инцидент с пароходом «Принцесса Фавзия»). Но имелись, видимо, и более веские причины, повлиявшие на судьбу Абд аль-Крима. «Египетское правительство от которого «Братья-мусульмане» требовали разрыва дипломатических отношений с Францией, не решилось запретить беглецу политическую деятельность, несмотря на протесты Кэ д'Орес» (Julien Ch.-A. Op. cit., p. 551).

¹⁹³ Ayache G. Les origines de la guerre du Rif. (Цит по: Lugan B. Histoire du Maroc des origines à nos jours, Paris: Critérion, 1992, p. 253).

¹⁹⁴ Julien Ch.-A. Op. cit., p. 216. Речь шла о Мулай Юсефе (1912-1927), в пользу которого отрекся от престола Мулай Абдель Хафиз (1908-1912), подписав договор



шегося с могучей вражьей силой, наступающей с двух сторон; и этот миф, подхваченный устным преданием и книжной литературой, проник в сознание людей, настроив на свой камертон психологию марокканского национализма... Вместе с тем очевидно, что мятеж в области Риф, расположенной в десятке морских миль от южных берегов Европы, как и почти синхронное восстание в сирийских горах Джебель Друз – линия водораздела между различными историческими стадиями развития колониальной системы и ее отрицания. Действительно, сама «Конфедеративная республика племен Рифа»¹⁹⁵ – она и возникла на стыке времен. В преддверии эпохи кризиса, а затем и распада колониальной системы и на завершающем витке европейской колониальной экспансии, которая, можно заметить, совершила круг: когда-то начиналась с территории Марокко, если условно взять за отправную точку взятие португальцами Сеуты (1415 г.), и там же подошла к концу. В процессе так называемого умиротворения Марокко, когда последний очаг сопротивления был уничтожен в горах Антиатласа и в долине р. Дра (1934 г.). Самым крупным эпизодом подобного сопротивления, силы которого исходили из провинции, явилась борьба за независимость народа рифов, военно-политического союза 12-и оседлых сельских общин горного массива Риф на севере страны. Избранный президент этого государства – осажденной крепости, который заявил, что он не ведет джихад с неверными, но готов бороться за свободу горной республики «хоть со всем миром», Абд аль-Крим сдался в 1926 г. лишь под напором 400-тысячной европейской армии, численно удвоенной иррегулярными частями марокканцев, выступивших из-под Марракеша. По справедливому мнению историков, этому человеку, чья воинская, да и последующая судьба будто эхом повторила судьбу эмира Абд аль-Кадера Алжирского и Шамиля Кавказского – героев позапрошлого столетия, принадлежит место «замыкающего» в ряду традиционных вождей сопротивления колониальным захватам. Военные специалисты, начиная с М.В. Фрунзе, считали его основоположником тактики партизанских войн XX века. За ходом мужественного сопротивления рифов следили отовсюду, докеры французских портов отказывались грузить оружие на военные корабли, отплывавшие в Марокко, протестовали левые партии... Возбуждена была тогда и дусту-

о протекторате, вызвавший в Фесе стихийный мятеж.

¹⁹⁵ Провозглашена 1 февраля 1922 г. Само слово «*республика*», вошедшее в их язык, марокканские берберы позимствовали, видимо, у испанцев, а скорее всего у французов, которые начали этнографические исследования в горном Марокко, обнаружив различные варианты самоорганизации сельских общин, в том числе устойчивые объединения «династического» типа, имеющие наследственного вождя, и подобные им союзы с коллегиальным управлением – во главе с синклитом равноправных старейшин. Последний вариант был описан как «берберские республики». Русские ученые и офицеры, принимавшие участие в кампании 1817-1864 гг. на Кавказе, столкнулись с похожим явлением, которое они называли «кавказскими республиками». (См.: Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в., Москва: Наука, 1988).



Побег на рыбацкой лодке



ровская печать в Тунисе, обличавшая французское вмешательство в борьбу с непокорным населением испанской зоны. Характерно, что, пощадив ему жизнь, победители надолго запретили пленнику, отправленному на о-в Реюньон, любые сношения с внешним миром. И эта позиция Франции лишь постепенно смягчалась, пока, наконец, де Голль, еще находившийся в Лондоне, не дал слово предоставить Абд аль-Криму полную свободу после победы союзников. Но с выполнением обещанного не спешили...

Если Бургиба являлся инициатором (или соавтором) идеи пригласить Абд аль-Крима во главу эмигрантской организации, в общем-то слабой, и тем самым укрепить ее авторитет именем человека, который провел 20 лет изгнанником, но оставался знаменитостью, то этот факт свидетельствует, что председатель¹⁹⁶ Нового Дустура, во-первых, готов был на альянс с националистами разной окраски, во-вторых, искал способ привлечь внимание международной общественности к каирскому Бюро и его задачам. Он не ошибся: французская пресса, почти не придавшая значения ни конгрессу, состоявшемуся в феврале 1947 г, ни существованию Бюро Арабского Магриба, взволнованно откликнулась на заявления, поступившие от исторического вождя горских повстанцев¹⁹⁷. Бюро стало рассматриваться как опасный центр подрывной агитации против французского и испанского колониальных режимов.

Но в то же время этот ход оказался проигрышным в том плане, что Бургиба, не разделявший идею национальной «революции», был в конечном итоге вытеснен из Комитета освобождения Арабского Магриба, где возобладало влияние Абд аль-Крима и его окружения. Даже независимо от его собственной позиции и взглядов конца сороковых — начала пятидесятых, ветеран марокканской герильи 1921-1926 гг. символизировал для молодого (и уже третьего по отношению к нему) поколения националистов Северной Африки романтизм повстанческого движения [31].

При этом на первых порах «Эмир», как обычно называли Абд аль-Крима между собой члены КОАМ, не только фактом своего присутствия,

¹⁹⁶ Халиб Бургиба считался уже не генеральным секретарем, а председателем партии.

¹⁹⁷ 6 июня 1947 г. парижская «Le Monde» сообщала: Абд аль-Крим в Каире заявил себя сторонником «единого и независимого Магриба», сказал, что эта цель может быть достигнута с опорой на Лигу арабских государств и, наконец, что Америка, «враждебная коммунизму и исповедующая идеалы справедливости, свободы и демократии, должна встать на защиту нашего справедливого и законного дела».



Каирская эмиграция



но и словом воодушевлял новоприобретенных друзей и коллег на то, чтобы поднять в Магрибе одновременное и скоординированное вооруженное восстание. Исполдволь оно уже готовилось. Так, в начале 1947 г. каирская газета «аль-Ахрам» сообщала о формировании в Алжире секретной армии; тогда же прошел слух об активизации боевой организации «Черный полумесяц», связанной с Новым Дустуром¹⁹⁸. А по сведениям, исходившим, правда, от Генерального резидента в Тунисе (служебная записка Монса), каирский центр якобы поручил партиям на местах произвести учет молодых людей в возрасте от 18 до 40 лет, способных носить оружие¹⁹⁹. Было это так или нет, неизвестно, но подобный план, которого опасались в официальном Париже, план широкого восстания в

¹⁹⁸ Частично это соответствовало действительности. На состоявшемся в феврале 1947 г. учредительном съезде алжирского Движения за победу демократических свобод (MTLD) было решено, что оно останется в рамках легальности, но параллельно будет создана Organisation spéciale (OS) — «Особая организация» боевиков, которая займется сбором оружия и т.п. Если иметь в виду «Черный полумесяц» в Тунисе, то от имени таинственной организации с похожим названием — «Черная рука» здесь появлялись листовки еще в начале второй мировой войны, произведенное тогда расследование французской полиции показало, что группа была фиктивной (Rey-Goldzeigner. Op. cit., p. 138). В том же Тунисе с 1945 г. распространялись призывы к подрывным актам за подписью группировки «Черный полумесяц», но, по мнению Роже Каземайора, их авторами были некие разрозненные «окальтивированные юноши» (Цит. по: Histoire du mouvement national (Documents X)..., p. 450). Первая маленькая вооруженная группа из 4-х человек, кстати, направлявшихся в Палестину, была обнаружена в Сахеле и обезврежена в начале 1946 г. около местечка Зерамдин. Эта история, в которой не обошлось без предателя, наделала много шума, а сама «зерамдинская группа», для уничтожения которой понадобилось стянуть целое войско, стала рассматриваться в патриотических кругах как основоположница тунисского «Сопrotивления» (Ibid., p. 512). Несколько лет спустя, а именно в конце 1955 г., в разгар партизанских действий на территории Марокко, получили известность террористические сообщества под названиями: «Черный полумесяц», «Лев освобождения», «Черная рука», «Сражающаяся молодежь», «Секретная организация» и т.п. Первое из них, действовавшее в Касабланке и других городах, было наиболее активным и имело в своих структурах представителей Марокканской компартии (Сергеев М.С. Указ. соч., с. 151). На последний факт указывали Ш.-А. Жюльен и Ж. Лакутор. Одним из основателей и вдохновителей «Черного полумесяца» называют Абделькрима бен Абдаллаха, который после провозглашения независимости Марокко был убит неизвестными лицами, а отряды этой организации ликвидированы войсками сил национальной безопасности (Максименко В.И. Указ соч., с. 200).

¹⁹⁹ El Mechat S. Op. cit., p. 49.



лись в официальном Париже, план широкого восстания в Северной Африке – под общим руководством эмира Абд аль-Крима – по многим причинам выглядел фантастическим.

Комитет освобождения Арабского Магриба, учрежденный в начале 1948 г., сначала дублировал, а позже и заменил собой Бюро Арабского Магриба. Не вполне внятное соотношение двух этих органов отражало плохо скрываемые противоречия между землячествами, партиями, людьми и борьбу личных амбиций, не замедлившую разгореться в эмигрантских кругах и типичную для подобной среды. На самом деле каждая из пяти партий, входивших в Комитет освобождения, действовала за себя и согласно своим представлениям. А в условиях, когда Лига арабских государств выделяла лишь скудные средства на поддержание Бюро и Комитета, вопрос о том, кому именно и на какие цели должны идти дополнительные сборы (пожертвования и проч.), вызывал самые острые разногласия. Подобные трения возникли и внутри тунисской группы, которая, не говоря уже о присутствии в ней представителей «archéos» и «néos», еще и разделилась на «бургибистов» и «тамеристов» (сторонников д-ра Тамера). Оба клана продолжали соперничать, когда Бургибы в Каире уже не было, а вскоре не стало и Хабиба Тамера, который погиб в конце 1949 г. при перелете из Карачи.

Поясним, что бывшие подпольщики и члены 6-ого политбюро, бежавшие из Туниса в 1943 г., являлись, но не все, носителями, так скажем, «экстремистских» настроений. А точнее сказать, пользуясь их собственной (членов Нового Дустура) терминологией, они представляли собой так называемых активистов в отличие от «легалистов», что в данной ситуации, как и в 30-е годы, означало различие между сторонниками решительных действий – вплоть до сбора оружия и подготовки восстания, и теми, кто ориентировался на легальные формы борьбы и требования, укладывающиеся в существующие юридические рамки. В этом и заключалась суть разногласий «тамеристов» с Бургибой в период их общей каирской эмиграции, если не считать каких-то личных мотивов взаимной антипатии или конкуренции²⁰⁰.

²⁰⁰ Один из участников Конгресса Арабского Магриба, тунисец Аззедин Аззуз (1918–1983), сообщал в своих мемуарах, изданных посмертно, якобы Хабиб Тамер признался ему в Каире, что организовал этот конгресс, воспользовавшись отсутствием Бургибы, который в феврале 1947 г. еще проделывал обратный путь из американской по-



Все это, конечно, перевернутые страницы истории, даже ее боковые сюжеты, ныне представляющие лишь частный научный интерес. Нельзя не отметить, однако, напряженные отношения, сложившиеся в Каире между тунисскими и марокканскими политэмигрантами, которые составили здесь две наиболее значительные группы. Среди последних выделялся Алляля аль-Фаси, который, будучи не только политиком, но и поэтом, историком и знатоком ислама, заслужил стойкий авторитет «родоначальника марокканского национализма». Этот отдаленный потомок жителей мусульманской Испании (аль-Андалуса) и выходец из образованной семьи, которую он собой украсил, к тому времени, о каком здесь идет речь, являлся уже крупной общественной фигурой. После девяти лет ссылки, проведенных во Французской Экваториальной Африке, он в июне 1946 г. вернулся на родину и возглавил партию Истикляль²⁰¹, но вскоре эмигрировал в Египет и 25 мая 1947 г. появился в Каире, где встретился с Бургибой. Сотрудничество двух лидеров быстро переросло в соперничество.

Дискуссии собравшихся были долгими, а порой и ожесточенными из-за настроения части тунисских делегатов. Со слов Аззуза, среди них явственно обозначились две враждебные друг другу тенденции. Первую представляли Хабиб Тамер, Юсеф Руисси и Хасин Трики, выступавшие «за единство сил, методов и действий по всему Магрибу против французского колониализма». Вторую – Тайеб Слим, Рашид Дрис и прочие «сепаратисты», заявлявшие, что Тунис «должен бороться один... без всяких обязательств перед алжирскими и марокканскими братьями». На конгрессе сепаратисты уступили, но «сегодня, когда я слышу этих господ (иные из них вошли в руководство Тунисской республики – М.В.), как они проповедуют североафриканское единство, ратуя за политическое, экономическое и культурное сотрудничество между Тунисом, Алжиром и Марокко, это лишь вызывает у меня улыбку...» (Azzouze A. L'histoire ne pardonne pas. Tunisie: 1938-1969, Paris: L'Harmattan, Tunis: Dar Ashraf, 1988, p. 113-115).

²⁰¹ Хизбу-ль-Истикляль, то есть партию Независимости (или «Освобождения») основали Ахмед Балафредж и другие бывшие соратники Алляля аль-Фаси, которые подписали и обнародовали 11 января 1944 г. так называемый Манифест независимости, за что четверо из них были арестованы. В конце 1945 г. партия Истикляль получила организационное оформление, Ахмед Балафредж становится ее генеральным секретарем. Партия имела систему ячеек и комитетов в городах, где предусматривалось индивидуальное членство, в сельской местности практиковалось коллективное (общинное) членство. Подпольный центр находился в Фесе и запасной в Танжере. Партийные взносы принимались только от зажиточных людей, главное финансирование шло от нескольких богатых семейств. (Подробнее: Julien Ch.-A. Op. cit., p. 512, 518, 525. См. также наш комментарий [30]).



Различие их точек зрения обнаружилось уже в декабре 1947 г., на стадии подготовки программного документа КОАМ, когда пришлось долго согласовывать формулировки этого текста перед тем, как он был обнародован и получил название «Манифеста Абд аль-Крима». В частности, по настоянию Бургибы вместо фразы «независимость прежде всего» появились слова о «независимости как конечной цели». Бургибу не устраивали также статьи об отказе национальных партий участвовать в правительстве до обретения независимости, что не соответствовало позиции Нового Дустура; поэтому было решено проконсультироваться с членами политбюро в Тунисе, но в конечном итоге соответствующие пункты были просто опущены. В порядке компромисса в документ было включено и положение о том, что партии — участницы Комитета освобождения готовы начать отдельные переговоры с Испанией и Францией²⁰².

Показательно, что в том же году, когда был создан КОАМ, вышла в свет объемистая книга Алляля аль-Фаси, в которой он негативно отзывался о деятельности партии Новый Дустур в период французского правительства Народного фронта, указав, что политика Бургибы, «именуемая политической etapов, ввела в заблуждение многих патриотов не только в Тунисе, но даже в Дальнем Магрибе (Марокко — М.В.)»²⁰³.

В июне 1948 г., минуя процедуру перевыборов, аль-Фаси сменил Бургибу на посту генерального секретаря Комитета освобождения Арабского Магриба. Однако, в силу объективных причин, деятельность самого комитета надолго замерла. Как известно, 14 мая 1948 г. семь государств — членов ЛАГ, намереваясь сорвать решение ООН о разделе Палестины, объявили войну Израилю, она до первой декады июня включительно шла с успехом для арабов, а к январю кончилась их тяжким поражением и изменила всю расстановку сил как на Ближнем Востоке, так и внутри Египта...

²⁰² El Mechat S. Op. cit., p. 47. «Манифест» КОАМ появился 5 января 1948 г., был подписан председателем комитета и представителями пяти партий-участниц. Главный пункт манифеста провозгласил объединение их усилий и координацию действий с государствами Арабского Востока «с целью достижения тремя странами Арабского Магриба полной независимости».

²⁰³ аль-Фаси А. *Аль-харакаят аль-истилялия фи-ль-магриб аль-арабий* [Освободительные движения в Арабском Магрибе], Каир, 1948 г., с. 68.



Эмир Абд аль-Крим в Каире между Аллялем аль-Фаси и Бургибой

Последняя поездка Бургибы по арабским странам состоялась буквально накануне Палестинской войны, в марте-апреле 1948 г. Вместе с Тайебом Слимом, тоже членом Нового Дустура, они отправились сначала в Амман по приглашению короля Абдаллаха. Здесь их застало распоряжение Абд аль-Крима прекратить турне, но тунисцы отказались это сделать, заявив, что продолжают посещение других арабских столиц (Багдад, Дамаск, Бейрут) в качестве представителей своей партии. По возвращении 3 мая этой маленькой делегации в Каир и разгорелась злополучная ссора по поводу собранных в ходе поездки денежных средств: кому они принадлежат и были ли вообще...

О содержании бесед, которые велись Бургибой и его спутником с руководителями арабских государств, известно мало, если не считать доносений из французских посольств по пути следования делегации. Судя по всему, Бургиба обсуждал в Аммане вариант предоставления Тунису статуса, аналогичного положению британского доминиона, и просил соответствующей поддержки. Но было ясно, что мысли короля Абдаллаха поглощены вопросом о судьбе Иерусалима. Лучшее всего прошел визит в Ирак, од-



нако в Сирии, посещением которой заканчивалась поездка, делегаты получили холодный прием. Президент Шукри Куатли не нашел времени для встречи. А главное, расчет Бургибы на то, что в сложившейся обстановке (стремительного обострения отношений между еврейским и арабским населением Палестины) ООН пожелает, чтобы задобрить арабов, сделать хоть какой-нибудь шаг в пользу Туниса или Магриба в целом – этот в общем-то правдоподобный расчет не оправдался²⁰⁴.

Сами же арабы, в смысле – руководители ЛАГ или отдельных стран-участниц, без особого понимания отнеслись к неоднократно уже высказывавшейся Бургибой концепции подхода к палестинскому вопросу. Концепции, согласно которой данный вопрос не рассматривался как центральный для арабского мира, напротив, проводилась параллель между положением в Палестине и Северной Африке, в том и другом случае – объектах поселенческой колонизации.

Еще летом 1948 г. Бургиба стал обдумывать решение вернуться домой, но разные обстоятельства пока его останавливали. Когда в Каире объявили холерный карантин (эпидемия разразилась в сентябре и только через три месяца пошла на спад), Бургиба писал своему сыну, который заканчивал учебу во Франции, что «мы живем здесь, как в могиле». И добавлял: «Привязанность к семье всегда была моим слабым местом, и я вечно испытывал ностальгию, тем более мучительную, что неумолимая судьба приговаривает меня к одиночеству...»²⁰⁵. Работа с ЛАГ становилась все более бесплодной, склоки внутри Бюро и Комитета освобождения Арабского Магриба продолжались, беспокоило также развитие партии, уходившее из-под его – Бургибы – контроля. В отличие от остальных стран Северной Африки, в Тунисе царило относительно затишье. Бургибе казалось, и не совсем правильно, что все стоит на месте. В другом письме к сыну (1949 г.) он писал: «Я в отчаянии! Особенно после всего, что я сделал за двадцать лет, чтобы разбудить сознание этого народа. Иногда я думаю вернуться, организовать пропагандистское турне и, быть может, кончить мою карьеру во французской тюрьме или где-нибудь на острове в Тихом океане, или в Индийском. Уверяю тебя, что буду менее несчастным, чем наблюдая в бессилии, как рушатся все наши надежды...».

²⁰⁴ El Mechat S. Op. cit., p. 53.

²⁰⁵ Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 217.



Предчувствие не обмануло автора письма, и остров его ждал, правда, не в Тихом океане. Теперь Бургиба снова обивает пороги французского посольства. Начались затяжные хлопоты по оформлению въездных документов в Тунис...

Подводя итог деятельности Бургибы в военные годы, которые были отмечены спадом национального движения, а также во вторую половину сороковых, можно отметить, что этот период политической активности лидера Нового Дустура стал временем поиска новых подходов и формулировок, которые отольются в развернутую программу «почетного компромисса» с Францией. Программу, выдвинутую в 1950 г., когда монополию в национальном движении партия станет разделять со своим новым сильным помощником, и отчасти конкурентом, Всеобщим Тунисским союзом труда (ВТСТ/UGTT), создавшим под свои знамена основную массу транспортных и заводских рабочих, служащих, учителей и т.д. – с организацией, имевшей собственный растущий авторитет и популярных в народе лидеров (создана в январе 1946 г. по инициативе снизу, независимо от партии Новый Дустур, хотя не без участия ее давнишних активистов)²⁰⁶.

Вместе с тем, из анализа конкретных шагов, а также из содержания многочисленных писем, обращений и манифестов, вышедших из пера Хабиба Бургибы за 1943-1949 гг., явствует, что для его взглядов были характерны, с одной стороны, идеализация британской системы колониального управления, не прибегавшей, в отличие от французской, к политике «ассимиляции», с другой, – надежды на потенциал арабской солидарности. Отсюда его попытки ввести тунисскую проблему в русло общих задач антиколониального движения Магриба и достучаться с ней в двери еги-

²⁰⁶ Рассказ о днях основания ВТСТ можно найти в мемуарах одного из главных руководителей этой организации, Хабиба Ашура, который к этому времени уже много лет состоял в партии Новый Дустур и, кстати, был среди людей, помогавших осуществить в марте 1945 г. глубоко законспирированный план отъезда Бургибы в Каир. В свое время Ашур не принял участия во «второй» Всеобщей конфедерации тунисских трудящихся (ВКТТ), оставаясь членом Департаментского отделения ВКТ (ДО ВКТ), а к началу 1946 г. возглавлял одно из его отделений в Сфаксе. Там же работал Фархат Хашед, который до войны симпатизировал социалистам и к дустуровскому движению отношения не имел. С января 1946 г. он генеральный секретарь ВТСТ, Хабиб Ашур – глава региональной федерации ВТСТ Сфакса и Южного Туниса. *Achour Habib. Ma vie politique et syndicale. Enthousiasme et déceptions. 1944-1981. T. 1, Tunis: Alif, 1989, p. 11-13.*



петских политиков эпохи короля Фарука, державших в своих руках руководство Лигой арабских государств. И то и другое принесло ему незабываемое разочарование.



Программа почетного компромисса с Францией

«Человека, меняющего свои взгляды – как бы он ни был честен, – всегда подзревают в том, что он делает это из каких-то личных соображений»

[Дэвид Ллойд Джордж]²⁰⁷

Возвращение Бургибы на родину состоялось 8 сентября 1949 г. с разрешения Генерального резидента Жана Монса (1947-1950), которого удовлетворило обещание председателя Нового Дустура не возмущать общественное спокойствие²⁰⁸. В свою очередь, Бургиба был настроен на переговоры. В аэропорту его встретила огромная толпа тунисцев, выражавших искренний энтузиазм. И вот что писала об этом партийная газета в номере, посвященном радостному событию:

«Четверг, 8 сентября...! Уже с утра известие о приезде Бургибы разнеслось до самых отдаленных уголков Туниса. Тысячи и тысячи наших соотечественников, мужчин и женщин, люди всех возрастов и разного состояния, устремились к столице, чтобы его приветствовать. Ближе к полудню вдоль всей дороги, по которой предстояло проехать лидеру, собралась толпа, состоявшая из дустуровской молодежи и членов профсоюзных организаций. Через час к аэродрому Эль-Алауин проследовал кортеж из тридцати машин, в которых находились члены политбюро Нового Дустура и представители различных национальных организаций».

Далее автор репортажа уточняет: «Мы заметили присутствие господ адвокатов Салаха Бен Юсефа, Монжи Слима и Хеди Нуиры, д-ра Слимана Бен Слимана и Хеди Шакера (членов политбюро), г-на Фархата Хашеда во главе делегации ВТСТ, Ферджани Бен Хадж Аммара – генерального секретаря Тунисского союза торговцев и ремесленников, Брахи-ма Абдаллаха – руководителя Всеобщего союза тунисских земледельцев,

²⁰⁷ Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах, Том Первый, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1957, с. 219.

²⁰⁸ Ganiage J. Op. cit., p. 545.

Сахби Фархата – секретаря Федерации тунисских госслужащих и большую делегацию Мусульманского союза женщин во главе с г-жой Беширой Бен Мрад. Присутствовали важные персоны со всех горизонтов: принцы Монжи-бей и Насреддин-бей, д-р Ахмед Мрад – президент федерации тунисских скаутов, а также главы дустуровских федераций из внутренних районов страны. Наконец, слегка запоздавший по расписанию четырехмоторный аэроплан покружил в воздухе и опустился на тунисскую землю. Когда фигура Бургибы появилась в открытом люке, разразилась буря оваций. Крики: «Да здравствует Бургиба!» – летели из всех сердец».

Еще один репортаж из того же номера, описывающий окончание встречи: «Вот образуется бесконечная вереница машин, которая берет направление к Карфагену. Во главе колонны реет тунисский флаг, далее следует открытое авто, где разместился Хабиб Бургиба, рядом сидят его сын и Салах Бен Юсеф – генеральный секретарь Нового Дустура. Едва коснувшись тунисской почвы, Бургиба наносит визит государю Его Высочеству Сиди Ламину, паша-бею. К трем часам пополудни Бургиба прибыл вместе с сопровождающими лицами в Карфагенский дворец, где его приветствует принц Сиди Шедли – старший сын государя; через несколько мгновений он уже перед ним самим. В нарушение протокольных правил, тот поднимается с места и протягивает обе руки навстречу своему знаменитому гостю...». Все увенчалось выходом Бургибы к народу вместе с государем-беєм.

В другой заметке, написанной в не менее приподнятом тоне, говорилось: «В прошлый четверг... тунисский народ встретил своего любимого лидера Хабиба Бургибу... Четыре года он провел в служении национальному делу, в борьбе повсюду – где бы ни был – и везде Бургиба, пользуясь его собственными словами, оставался самим собой, не изменяя своим убеждениям и вере в будущее страны, ради которой он всем жертвовал. Четыре года! Целый этап, который довелось пройти тунисскому народу после других этапов, которые он раньше преодолел»²⁰⁹.

Что же сказал сам Бургиба в тот знаменательный день? Мы знаем, например, что на аудиенции во дворце он заявил: «Моя миссия [в Египте] закончилась. Я возвращаюсь в Тунис, чтобы продолжить активную деятельность в рядах своей партии... Думаю, я – единственный, кто способен найти выход из тупика, в котором сейчас находится Регент-

²⁰⁹ «Mission», 16. 9. 1949. (Цит. по: Histoire du mouvement national. (Documents X)..., p. 552-555).

ство. Не составит труда найти почву для взаимопонимания, соблюдая интересы одних и других...»²¹⁰.

Он снова шел на рассчитанный риск. Во-первых, потому что отказывался или откладывал на неопределенный срок идею поставить тунисский вопрос на обсуждение ООН и косвенно признавал тщетность потраченных на это усилий и времени. Во-вторых, стопроцентной уверенности в том, что его популярность в Тунисе не иссякла, и можно будет восстановить «священный союз» вокруг имени Бургибы, такой уверенности не было. В-третьих, он и лично рисковал. То, что он смог вернуться не тайными тропами, а на борту самолета, отнюдь не означало, что французские власти, шадившие его в Египте, не арестуют через час в Тунисе. Этому могла помешать лишь демонстрация всенародной поддержки, которая была отчасти спонтанной, отчасти – заранее подготовленной его сторонниками. Среди них, видимо, самым надежным человеком был Хеди Нуира, который, вполне возможно, выступил одним из дирижеров пышной встречи на аэродроме и наверняка – организатором освещавших ее публикаций. Тех, что процитированы выше.

«Нельзя отрицать, – писал сам Хеди Нуира спустя два месяца, – что присутствие Хабиба Бургибы в Тунисе создало новую картину... Нет ничего удивительного в том, что Протекторат со своими людьми пристально следят за его делами и жестами. Нынешние власти не могли не заметить, с каким энтузиазмом встречали неоспоримого лидера Нового Дустура повсюду, где бы он ни появлялся. Не могла пройти мимо их внимания и та сплоченность, которая образуется вокруг него – как символа национального освобождения. Не могла, наконец, пройти незамеченной и та позиция, которую он занял в отношении современной конъюнктуры. Эту свою позицию Хабиб Бургиба изложил и обосновал, выступая в Бизерте, Сфаксе, Эль-Кефе и Кайруане, но нигде она не была столь четко сформулирована, как на прошлой неделе в Бедже. И это, поверьте, не случайно»²¹¹.

В дождливую и холодную пятницу, рассказывает дальше автор статьи, городская площадь Беджи не вмещала людей, собравшихся со всей округи. На трибуне они могли увидеть и дустуровцев, «как активиста, так и сочувствующего, и члена Большого Совета, и беспартийного интеллигента, и социалиста-патриота. Из окон напротив местные власти могли все сами

²¹⁰ «Le Monde», 10.9.1949.

²¹¹ «Mission» 17.11.1949. (Histoire du mouvement national. (Documents X)..., p. 564.

наблюдать и слышать, о чем говорят ораторы. Кое-кто думал, что в Бедже, главном центре колонизации (аграрной колонизации — *М.В.*), дустуровцы не устоят от соблазна вовсе обрушиться на колонистов. Но ничего подобного Бургиба поднял дискуссию на другую высоту. Вождь партии — партии оппозиции, он продемонстрировал политическую дальновидность... Если быть в оппозиции — не синекура, то это и не призвание само по себе. Для дустуровцев важно не систематически держаться в оппозиции, а чтобы она была конструктивной и приносила плоды... Дустуровская партия отвечает этому условию; к чему добавился еще один немаловажный момент — благосклонность, выказанная к ней Государем. Редко удается достичь столь совершенной гармонии между реальным миром страны и легальной формой ее существования (*entre le pays réel et le pays légal*)»²¹².

Таким образом, партийная пропаганда подчеркивала, во-первых, что страна, куда Бургиба вернулся, уже не та, которую он покидал, а во-вторых, что возвращение на родную землю «символа национального освобождения», в свою очередь, выводит жизнь на новые рубежи.

В чем же состояли главные изменения, произошедшие в Тунисе за четыре с лишним года: между тем мартовским днем 1945 г., когда рыбацкий шхуна отплыла с крошечного острова, чтобы высадить «контрабандиста» на чужом берегу, а там уж он побредет за верблюжьим караваном через Ливийскую пустыню к Долине Нила, и сентябрьским днем 1949 г., когда пассажирский аэроплан закружил с ним на борту в небе над столицей?

В отсутствие Бургибы партию Новый Дустур возглавлял Салах Бен Юсеф, который с довоенных лет являлся заместителем генерального секретаря и становится генеральным секретарем в связи с тем, что для

²¹² Ibid., p. 565-566. Обратим внимание на последнюю формулировку, часто встречающуюся в лексиконе Нового Дустура. В антитезе «*le pays réel*» — «*le pays légal*», позаимствованной из французского политического словаря (употреблявшейся во Франции в разных целях, не всегда благовидных), первое подразумевало действительно существующее, реальное общество, выразительницей интересов, а точнее: создательницей, творящей силой и даже сутью которого мыслилась сама же партия. Второе подразумевало юридическую оболочку этого общества, которая в колониальных условиях не соответствовала своему содержанию. В данном контексте автор имел ввиду достигнутое согласие между обществом и монархией в лице Сиди Ламина, признанного, наконец, законным блюстителем престола, то есть гармонию, обеспеченную на самом деле по инициативе партии, а не двора.

Бургибы был восстановлен пост председателя²¹³. Этот его новый пост, а скорее — титул («*фрис*», или «*président*»), которым он начал пользоваться раньше, чем партия приняла на сей счет свое решение, был в некотором роде им узурпирован, чтобы повысить личный престиж, поскольку в Каире само слово «секретарь» якобы воспринималось как обозначение второстепенной, если не технической должности.

Салах Бен Юсеф, надо сказать, проявил немалый организаторский талант, сделав многое для укрепления самой партии, а главное — для создания системы общественных, в том числе предпринимательских организаций, связанных с национальным движением. После снятия цензуры на печать партия выпускала новую газету «*Mission*», главным редактором которой являлся Хеди Нуира. Постоянными авторами этого еженедельника становятся генеральный секретарь ВТСТ — Фархад Хашед и молодые политики, представлявшие послевоенное поколение ведущих деятелей Нового Дустура: Бахи Ладхам, Ахмед Мстири (Местири), Хамади Сенуси и др.

Как известно, партия официально считалась распущенной после событий 9 апреля 1938 г., однако с середины 40-годов шел процесс восстановления ее рядов и подпольных ячеек, кроме того она активно вербовала новых членов, в ее орбите находились вновь созданные национальные организации: Тунисский союз торговцев и ремесленников, Всеобщий союз тунисских земледельцев. Представители руководства обоих союзов становятся членами Национального Совета Нового Дустура. С помощью Торговой палаты, в которую также были внедрены члены партии, удалось создать кооперативы мелких тунисских предпринимателей, работающих в сфере строительства и пищевой промышленности. Заметную роль стал играть Мусульманский союз женщин Туниса — филантропическое общество, связанное с обеими дустуровскими партиями, которое всегда было готово присоединиться к демонстрациям и акциям протеста²¹⁴. Возобновили свою

²¹³ Напомним, что до января 1938 г. этот пост занимал Махмуд Матри, в дальнейшем он оставался вакантным.

²¹⁴ В стране было несколько женских организаций. Некоторые возникли еще до войны. Это относится к основанному в 1936 г. и распущенному в 1956 г. Мусульманскому союзу женщин Туниса (*L'Union Musulmane des Femmes de Tunisie*), который был отнюдь не феминистской организацией. Его возглавляла Бешира Бен Мрад, дочь шейх-уль-ислам Мухаммеда Салаха Бен Мрада (врага №1 Тахара аль-Хаддада). Этот союз стал клубом благородных и столь же благочестивых дам из столичных кругов, имел свои филиалы в провинции. Его основной сферой дея-

активность молодежный отдел партии и находившиеся под влиянием Нового Дустура скаутские организации учащейся молодежи.

Политбюро состояло из бывших узников марсельской тюрьмы. Вместе с Салахом Бен Юсефом их было пятеро, это – Али Бельхаван, Слим Бен Слим, Хеди Нуира и Монжи Слим. Генеральный секретарь Нового Дустура, который еще в 1935-1936 гг. отбывал ссылку вместе с Бургибой, считался самым заслуженным ветераном партии. Обладавший ярким ораторским талантом, он мог поспорить популярностью с Бургибой. Однако, в отличие от последнего, Бен Юсеф не был склонен полностью отдавать себя партийной деятельности, в послевоенные годы он вновь занялся адвокатской практикой. Отчасти поэтому специально для Монжи Слима, который возложил на себя груз текущих дел, был создан пост «директора» Нового Дустура. (Он сохранился в структуре высшего руководства правящей партии и после обретения Тунисом независимости). Бывшая адвокатская контора Бургибы на улице Бэб Свика служила рабочим местом Монжи Слима и штаб-квартирой «пéос».

Подчеркивая большую организаторскую роль Салаха Бен Юсефа и Монжи Слима, которым удалось восстановить сеть Нового Дустура на территории страны, партийный историограф Мухаммед Саях отмечал впоследствии, что все же крупнейшей силой в конце сороковых являлся национальный профцентр ВТСТ, находившийся на легальном положении и способный поднять массы людей на забастовки. Личность его руководителя – Фархата Хашеда наложила свой отпечаток на эту мощную и влиятельную организацию, «не имевшую себе равных в Магрибе»²¹⁵. Можно добавить, что и на Ближнем Востоке. Из памятных высказываний Фархата Хашеда, которому до сих пор поклоняются рядовые тунисские синдикалисты: «Достоинство дороже хлеба!» («аль-карама кабля аль-хубз») ²¹⁶.

тельности была помощь бедным и голодающим, а также студентам, обучающимся за границей. Еще более рьяно выступала против всяких западных новшеств Женская секция Ассоциации молодых мусульман, созданная в 1944 г. супругой председателя этой ассоциации. Союз женщин Туниса (L'Union des Femmes de Tunisie) был связан с ТКП, с 1951 г. полностью «тунисифицировался» (См.: Actes du IX^e Colloque international sur Processus et enjeux de la décolonisation en Tunisie (1952-1964), Tunis: Univ. de Tunis, ISHMN, 1999, p.189-192).

²¹⁵ Histoire du mouvement national. (Documents X)...., p. 83-85.

²¹⁶ *Ат-тадамун даман аль-мустакбаль* [Солидарность во имя будущего], Тунис: Аль-иттихад аль-'амм ат-тунисий ли-лигуль, декабрь 1993, с. 3. (Брошюра

Выступая в декабре 1946 г. перед студентами из Северной Африки, обучающимися в Париже, генеральный секретарь ВТСТ сообщил, что в объединенных тунисских профсоюзах состояло уже 85 тыс. человек. На праздновании пятилетней годовщины основания этой организации Фархат Хашед выразил уверенность, что ВТСТ способствовала формированию сознания трудящегося, дала ему воспитание, основанное на понятии национальной эмансипации (l'émancipation nationale), равно как на понятии личной свободы – залога процветания общества. «Трудящийся не может чувствовать себя свободным, если он не обрел индивидуальную свободу и если не солидарен с коллективной борьбой, которую его народ ведет за освобождение своей страны»²¹⁷ – так сформулировал он свое кредо.

Характерной чертой раннего послевоенного периода истории Туниса являлось также наметившаяся еще в 1943-1945 гг. тенденция к сближению «двух Дустуров». Представители обеих партий не всегда дружно, но сотрудничали в каирском Бюро Арабского Магриба и в КОАМ под председательством Абд аль-Крима, выступали с совместными Петициями и обращениями к международной общественности. За всем этим стояла идея создания национального фронта – объединения различных патриотических сил, которая распространялась в Северной Африке, начиная с появления «Манифеста алжирского народа» (1943 г.) и затем аналогичных по характеру документов в Марокко и Тунисе, тоже названных манифестами²¹⁸.

В отличие от довоенных документов подобного рода, эти манифесты, содержавшие определенный план реформ, были обращены к новым адресатам. Инициатива в этом деле принадлежала, пожалуй, Фархату Аббасу, который 22 декабря 1942 г., вскоре после высадки союзников в Алжире, выступил с обращением к ответственным властям (autorités responsables), а не только к французским²¹⁹. Затем, в марте 1943 г., появился «Манифест алжирского народа», также адресованный Фархатом Абба-

ВТСТ, посвященная 41-й годовщине гибели Ф. Хашеда).

²¹⁷ Текст выступлений Ф. Хашеда цитируется по: «Ech-Chaab/Le Peuple», Organe de l'Union Générale Tunisienne du Travail. Numéro Spécial, 5 décembre 1959, p. 7, 31.

²¹⁸ Об элементе подражания говорит и тот факт, что «Манифест алжирского народа» был подписан 56-ю национальными деятелями, «Манифест марокканского народа» (январь 1944 г.) подписали 59 человек, «Манифест тунисского фронта» (февраль 1945 г.) был принят на «Собрании шестидесяти» (см. выше).

²¹⁹ Renouvin P. Histoire des relations internationales, T: 8, Les Crises du XX-e siècle. De 1929 à 1945, Paris: Hachette, 1958, p. 390.

сом генерал-губернатору и союзнической администрации. По окончании войны ЛАГ и ООН становятся теми инстанциями, к которым апеллировали арабские националисты, в том числе тунисские²²⁰.

Так, по обоюдному согласию «archéos» и «néos», в августе 1946 г. состоялся Национальный конгресс патриотических сил. Он считался объединительным, ибо на нем присутствовали синдикалисты (в том числе Фархат Хашед), лидеры обоих Дустуров и беспартийные политики, например, бывший премьер «монсефистского» правительства – Мухаммед Шеник и его экс-министр Махмуд Матри, а также представители религиозных кругов и, наконец, просто известные и уважаемые лица. Много было журналистов, судей и адвокатов. В зале толпились активисты студенческого движения, ожившего в аз-Зейтуне. Они пришли во главе со своим энергичным лидером, шейхом Фаделем Бен Ашуром – одним из главных инициаторов проведения съезда. Не отказались в нем участвовать и коммунисты. Задним числом он получил двойное название: «Съезд Независимости» или «Съезд ночи Предопределения» (*mu'tamar leyilat аль-кадар/Congrès de la Nuit du Destin*).

Дело в том, что собрание было назначено в столичном пригороде Ла Марса поздним вечером 23 августа 1946 г., а по лунному календарю в ночь 27 рамадана, когда, по мусульманскому поверью, для человека определяется его грядущая судьба²²¹. Впрочем, такое многозначительное совпадение было не столько замыслом, сколько случайностью из-за переноса запланированной даты. Оттянули же созыв конгресса, чтобы уладить противоречия между пониманием концепта «независимость», которая одним виделась как абсолютная, другим – как нечто близкое к идеалу свободного ассоции-

²²⁰ Египтяне не составляли исключения. К лету 1946 г. зашли в тупик переговоры Каира с Лондоном, который шел на частичные уступки в вопросе об эвакуации английских военных баз (британский флаг был спущен в каирской Цитадели), но отвергал все притязания Египта на Судан. В декабре правительство Махмуда Нукраши обратилось с жалобой в Совет Безопасности. Франция поддержала позицию Великобритании.

²²¹ Считается, что под конец мусульманского поста, в урочный час последней ночи рамадана, человеку бывает начертана его судьба на следующий год. Именно в эту ночь *лейлат аль-кадар* («ночь предопределения» или «ночь могущества») Мухаммеду пришлось первое откровение, зафиксированное в 1-5 айатах 96-ой суры Корана. Сура 97 гласит: «...Ночь могущества лучше тысячи месяцев. Нисходят ангелы и дух в нее с дозволения Господа их для всяких повелений. Она - мир до восхода зари» (См. Коран в переводе И.Ю. Крачковского).

рованного государства, связанного добровольной унией с Французским союзом. Речь идет, соответственно, о руководстве «archéos» и «néos». В конечном итоге, организаторы согласовали текст проекта резолюции, который предполагалось обсудить на съезде, и сошлись на том, что итоговый документ будет направлен в адрес ООН и Лиги арабских государств, а также в местные представительства англосаксонских стран.

Когда действие началось, почетным главой президиума избрали престарелого Ларуси аль-Хаддада, бывшего председателя уголовного суда, который заявил, открывая собрание: «За свою жизнь я вынес немало смертных приговоров. Сегодня выношу приговор франко-тунисским отношениям»²²².

Участников съезда выследила полиция, она ворвалась в помещение, где находилось свыше 300 человек, около 50 из них были арестованы. Но Салах Бен Юсеф, державший речь после Салаха Фархата (генерального секретаря Старого Дустура), успел провозгласить основной пункт резолюции – курс на борьбу за независимость. Собственно, он лишь успел в сумятице задать вопрос: «Вы за независимость Туниса?». Все закричали: «Да!». Сам текст проекта решений съезда остался в руках Хеди Нуиры, который воспользовался то ли окном, то ли чердачной лестницей и сумел бежать по крышам из окруженного квартала. Дальнейший путь документа, судя по всему, был таков: в сейф адвокатской конторы Хасана Геллати, а затем с пешим курьером через Ливию в Каир, где текст был передан Бургибе и опубликован д-ром Тамером в бюллетене Тунисского бюро.

В качестве курьера, как заподозрил комиссар столичной полиции Роже Каземайор, послужил личный секретарь и доверенное лицо Бургибы – его земляк Алляль Лауати, который взял на себя роль серого кардинала будущего президента еще с той давней поры, когда тот начинал свою адвокатскую карьеру. Действительно, Лауати исчез; а соляные озера-себхи на южном участке границы между Тунисом и Ливией (в сухую погоду их можно перейти вброд) были традиционной «тропой контрабандистов», которой постоянно пользовались дустуровцы, чтобы поддерживать нелегальные контакты с эмиграцией в египетской столице.

Резолюция «Съезда Независимости» констатировала, что: 1) гибридная администрация, сложившаяся в Тунисе за годы протектората, суть ни аннексия, ни автономия; 2) Франция не справляется с миссией «защиты протектируемого государства»; 3) Тунис для нее – лишь объект финансово-

²²² Histoire du mouvement national tunisien (Documents X)...., p. 463.

го грабежа. В своей итоговой части резолюция заявила о «воле тунисского народа обрести полную независимость и войти как суверенное государство в ЛАГ и ООН», а также потребовала возвращения в страну Монсеф-бея²²³.

На следующий день после Ночи Предопределения профсоюзы объявили трехдневную забастовку, впоследствии сокращенную, с требованием отпустить арестованных. Некоторых, например, Мухаммеда Шеника и Махмуда Матри, сразу освободили. Еще 14 человек – спустя неделю, когда состоялась новая 24-часовая забастовка, объявленная совместно ДО ВКТ и ВТСТ. Старый Дустур, воспользовавшись праздником розговенья, устраивал застолия, под видом которых проходили политические собрания, направлявшие свои протесты в разные адреса.

Особенно активным был «Комитет действия», возглавленный Хеди Нуирой, его стараниями арабский текст резолюции съезда, перепечатанный на машинке, был пущен в продажу по всей стране. Листки расхватывались моментально, а стены городов украсили огромные надписи: «Независимость!», «Верните Монсеф-бея!», «Французы, выбирайте: чемодан или гроб» и т.п. Столь же угрожающим был тон подпольных газет «*аль-Хильяль*» («Полумесец») и «*аль-Кифах*» («Борьба»), которые выпускались малоизвестными молодежными группировками. Между тем Сиди Ламин, ставленник французов, которому приходилось выдерживать афронт даже со стороны собственной дочери – принцессы Закии²²⁵, и некоторых му-

²²³ *El Mechat S. Op. cit.*, p. 80.

²²⁴ «Полумесец» – листок группы зейтуновской молодежи. Его печатали на украденном в апреле 1945 г. ронеотипе. Уже третий номер, вышедший после майской демонстрации тех же студентов, был запрещен. Газета требовала от Франции выполнения ее обещаний и при этом содержала угрозы в адрес тех, кто сотрудничает с колонизаторами. Той же печатной базой пользовался орган «Черный полумесец», который выдвигал триединый лозунг: «Независимость, возвращение Монсеф-бея и арабское единство». В своем выпуске 18 сентября 1945 г. он призывал к арабскому братству и созданию Соединенных Штатов Северной Африки, а также предупреждал, что «близится час наказания» и содержал список лиц (тунисцев), которые ему подлежали. Оба «полумесца» эпизодически распространялись в провинции (*Ayachi M. Le mouvement zeytounien dans le contexte de la seconde guerre mondiale // La Tunisie de 1939 à 1945...*, p. 300-301).

²²⁵ В многочисленной бейской семье не обошлось без раскола по поводу низложения бея Монсефа и сомнительной легитимности его преемника, которого злые языки называли «Беем французов». Официальный визит Сиди Ламина в Париж (июль 1945 г.) не прибавил ему популярности. Особенно выделялась «монсефит-

сулманских иерархов, побоялся устраивать традиционные церемонии во своем дворце по случаю завершения Рамадана. Этот шаг был истолкован двояко, одни предположили, что бей разделил «траур националистов»; другие сочли, что он подчинился совету Резиденции, где хотели избежать скандалов при появлении монарха на публике.

По состоянию на 7 сентября под арестом оставались всего двенадцать лидеров, среди них Салах Фархат и Ахмед Бен Милед (Старый Дустур), Салах Бен Юсеф, Монжи Слим, Али Бельхаван, Бахи Ладхам (Новый Дустур), Хассуна аль-Каруи (ВТСТ) и др. Во Франции за них дружно заступились как коммунисты, так и представители СФИО, которые имели своих влиятельных министров и – совокупно – почти половину мест в парламенте: соответственно, 183 и 105 депутатов из 618, избранных в Национальное собрание 10 ноября 1946 г. Постепенно возвращалась к жизни тунисская национальная печать, которая перестала выходить с 23 августа по причине запрета большинства изданий или в знак солидарности с ними. Словом, волна репрессий улеглась.

Спустя три месяца после съезда, 24 ноября, была опубликована программа национальных требований от имени партии Новый Дустур. Конкретизируя лозунг независимости, партия требовала предоставить Тунису «статус суверенного и независимого государства, связанного с Францией договором о союзе, гарантирующем ее стратегические, экономические и культурные интересы»²²⁶. К этому времени под давлением общест-

стскими настроениями принцесса Закия, супруга д-ра Бен Салема – молодого врача, который в период своей учебы в 1939-1941 гг. возглавлял Ассоциацию североафриканских студентов-мусульман во Франции, вложил много сил в развитие тунисского спорта и был близок к дустуровцам. Г-жа Бен Салем, которую ее прогрессивный муж побуждал к хождению без чадры и современному образу жизни, занималась еще и сочинением театральных пьес. Постановка одной из них, которая прозрачно намекала на несчастную судьбу монарха-изгнанника, вызвала целый скандал в Муниципальном театре столицы, поскольку одна зрительница – дама из окружения царствующей особы, стала громко выражать свое возмущение. В зале возникла потасовка, потребовавшая вмешательства четырех си-пахиев, с трудом восстановивших порядок. Зато создательница сценария и принцесса Софья – разведенная генеральша, которая сочинила музыку к спектаклю, обе получили восторженную овацию публики. (Донесение спецслужб от 21 апреля 1945 г. Факсимиле документа: «*Watha'iq*», № 22-23, 1996-1997, p. 44).

²²⁶ Новейшая история арабских стран Африки, М.: Наука, 1990, с. 278.

венности все задержанные участники то ли состоявшегося, то ли сорванного объединительного съезда, включая генеральных секретарей обоих Дустуров, получили свободу, однако вторичная попытка создания Национального фронта, повторявшая эксперимент «Собрания шестидесяти» 1945 г., не удалась из-за разногласий между партиями.

Как уже говорилось выше, сама Франция приближалась к концу переходного периода, который занял весь 1946 г. и первые месяцы следующего года. Принятая конституция Четвертой республики предполагала хотя бы минимальные изменения в системе управления заморскими территориями. Но многое зависело и от обстановки, которая там складывалась, и от лица, которому выпала роль официального представителя французского правительства.

Давно было замечено: губернатор, назначенный в Алжир, или Генеральный резидент, посланный в один из протекторатов, сев на корабль, как будто забывал о своей чиновничьей должности, чувствуя себя правителем, отплывающим на собственный остров. Ждавшие их дворцы, салютующие войска, толпы встречающих, «все заставляло их воображать себя скорее восточными монархами, чем служащими республики»²²⁷. Брюзжа, они выполняли распоряжения вышестоящего парижского начальства, едва сносили парламентский контроль и не прислушивались к критике в свой адрес французской прессы. Иногда эти «проконсулы», зачастую — военные с дубовыми листьями на кепи, вопреки веяниям в политической жизни метрополии, оказывались более реакционными, чем само французское правительство, иногда, напротив, Генеральный резидент, прислушивавшийся к мнению политической партии, которой он сочувствовал, проводил «личную политику», более либеральную, чем того требовали в Париже. Но волей или неволей он должен был также внимать настроениям французских колонистов, которые в Северной Африке были крепче связаны между собой общими интересами, чем национальные партии отдельных частей этого региона.

Депутатские запросы избранных от Алжира, где проживало свыше 1 млн. французов против 150 тыс. в Тунисе и больше, чем во всех других «заморских владениях» Франции, вместе взятых, отнюдь не ограничивались сугубо алжирскими проблемами. Речь шла о защите позиций европейского меньшинства, где бы оно ни находилось. Делегаты от Северной Африки в обеих палатах французского парламента — Националь-

²²⁷ Julien Ch.-A., *Op. cit.*, p. 592.

ном собрании и Совете республики составляли солидарное и влиятельное колониистское лобби²²⁸. Среди них изрядной активностью выделялся «сенатор» от Туниса — Антуан Колонна (о нем упоминалось выше), который являлся вовсе не латифундистом или представителем буржуазии, связанной финансово-промышленными трестами, а напротив, был мелким чиновником. И в этом крылась его сила. Такие люди, как этот бывший левый синдикалист, персонифицировали того «среднего француза» — старожила Северной Африки, у которого нет другого места под солнцем.

Наконец, еще одна черта, присущая «колониальному лицу» Франции, состояла в том, что консервативный чиновничий аппарат министерства иностранных дел, ответственного за политику в протекторатах, мог и не реагировать на частые перестановки в правительстве, а за 12 лет существования Четвертой республики средний срок работы одного и того же кабинета не превысил полгода. Причем вопрос о доверии правительству ставился в парламенте только с января 1947 г. по июль 1952 г. 93 раза²²⁹. Бывали случаи, совсем не редкие, когда кабинет держался 30–40 дней, например, кабинет социалиста Леона Блюма (с 16 декабря 1946 г. по 16 января 1947 г.), или всего два дня, как второй кабинет Робера Шумана — представителя партии МРП (5–7 ноября 1948 г.) и второй кабинет радикала Анри Кея (2–4 июля 1950 г.). Помногу дней Франция жила без законного правительства. На Кэ д'Орсэ тоже менялись хозяева, приходившие, каждый, со своей концепцией, но в таких условиях аппарат министерства решал текущие, а зачастую и принципиальные вопросы по своему усмотрению.

Что же касается ротации высших административных кадров в колониях, то она зависела от многих причин, которые здесь не место рассматривать. Достаточно лишь отметить весьма неудачное в этом смысле положение Марокко, где в губернаторском кресле после высадки союзников остался вишист²³⁰, а позднее Резиденцию возглавляли в основном представители правого, и даже ультраправого, крыла французского поли-

²²⁸ С 1945 г., французы Туниса получили право избирать своих депутатов в законодательные органы Франции.

²²⁹ Жекова-Цветкова Е. К вопросу о парламентском большинстве и правительственных кризисах в годы Четвертой республики. / Французский ежегодник. 1974, М.: Наука, 1976, с. 126.

²³⁰ Речь идет о генерале Ногесе, бежавшем в Португалию после того, как ФКНО принял закон «о чистках».

тического спектра. В Тунисе же после того, как в июне 1943 г. генерал Жюэн сложил свои временные полномочия Генерального резидента, на этот пост трижды назначались сторонники СФИО. В зависимости от своих субъективных взглядов, темперамента, профессионального опыта и, разумеется, тех рамок, в какие их ставило политическое развитие в самом Тунисе и метрополии, они стремились найти взаимопонимание с националистами и не обострять ситуацию.

В марте 1947 г. генерал Эмманюэль Маст, который по отзыву другого генерала «легко маневрировал между планами реформ и способностью власть употребить» (*entre les plans de réformes et les actes d'autorité*)²³¹, отбыл во Францию. Его сменил Жан Монс – социалист и участник Сопротивления, бывший префект, а по образованию агротехник, которого многие сравнивали, имея в виду его благие намерения и стиль работы в Тунисе, с Арманом Гийоном, хозяином «Maison de France» в 1936-1938 гг. Вступление в долж-

²³¹ *De Gaulle Ch.* Op. cit., p. 223. Среди таких самочинных актов «употребления власти» были прежде всего: нежелание Генерального резидента снять в Тунисе осадное положение, соответствующее военному времени, те ежовые рукавицы, в каких он держал печать (в частности, приостановил 9 августа 1946 г. издание газеты «*Нахда*»), наконец, вмешательство в дела культа. Это выразилось в отстранении Мухаммеда Салаха Мрада (шейху-ль-ислам от ханифитов), которому вменялись в вину его нескрываемая симпатия к низложенному бею Монсефу и декларация в защиту взятых под стражу участников августовского «Съезда Независимости». Между тем еще до съезда генерал Маст имел приватные встречи с Салахом Бен Юсефом, обещая ему реформы, даже более глубокие, чем предусматривала в своих резолюциях социалистическая партия; факт этих встреч, который губернатору не хотелось раскрывать, объясняет и не слишком жестокое преследование участников нелегального собрания, отделавшихся несколькими неделями тюрьмы. Между тем главнокомандующий французскими войсками в Тунисе, генерал Дюваль, требовал, чтобы задержанные лица были преданы, согласно режиму осадного положения, суду военного трибунала. Конфликт между двумя генералами не ускользнул от внимания общественности и, видимо, послужил одной из причин, по которым Эмманюэль Маст был отозван из Туниса. Во Франции возглавил Высший институт национальной обороны, получив звание генерала армии. На этот пост его предложил Леон Блюм, сформировавший в декабре 1946 – январе 1947 гг. свой третий «короткий кабинет». С 7 января 1950 г. Маст – член генштаба армии. Вскоре оказался замешанным в крупном скандале («дело генералов»), вскрывшем коррупцию, которая сопутствовала войне в Индокитае, которую левые депутаты, сначала проголосовав за военные расходы, называли не иначе, как «грязной». 22 июня 1950 г. Э. Маст вышел в отставку.

ность нового Генерального резидента сопровождалось ослаблением режима осадного положения, обещанием восстановить политические свободы и продолжить административные реформы в интересах местного населения. Об этом он сказал в обращении, переданном по Радио-Тунис 25 апреля 1947 г., тогда же объявил о снятии предварительной цензуры на печать. Новый Дустур встретил эти обещания призывом не торопиться и ждать реальных результатов; со своей стороны, монсефисты и старые дустуровцы сочли момент благоприятным для того, чтобы потребовать возвращения в страну Монсеф-бея и выразить недоверие к царствующему монарху.

Первоначально предполагалось, почти было решено, что французскую Резиденцию возглавит Пьер Берто²³², тоже социалист, а в прошлом – шеф кабинета заместителя министра иностранных дел Пьера Вьено; и Новый Дустур связывал с этим надежду на полное разрешение назревших проблем²³³. Между тем представители правых сил поселенческой колонии находились в самом мрачном ожидании. В Париже остановились на кандидатуре Монса. Он сразу же совершил инспекционную поездку по районам Туниса, в том числе на юг, где положение населения всегда было наихудшим, и вернулся в Париж для консультаций.

Одновременно новый губернатор предпринимал негласные попытки установить контакты с руководителями Нового Дустура. Об этом свидетельствует письмо Бургибы к его старшему брату М'хамеду, направленное адресату 8 мая 1947 г. Сначала речь идет в письме о трудностях, связанных с организацией миссии Красного креста, направлявшейся в Тунис, и других вопросах, которые мы здесь опускаем, затем автор сообщает:

«Вчера меня неожиданно-негаданно посетил г-н Виктор Баранес из Туниса, которому очевидно было поручено прозондировать мое мнение о возможности договора с Францией по формуле “независимости в рамках Французского союза” (*sic*). Я ему ответил по сути следующее, что наша позиция по отношению к Французскому союзу зависит от содержания, которое вкладывается в слово независимость... Баранес пообещал, что он телеграфирует Сержу Моатти, большому другу Венсана Ориоля (президент Франции с 16 января 1947 г. – *М.В.*), и попросит его приехать в Каир, чтобы продолжить начатый разговор,... можно это сделать в

²³² Профессор, во время войны один из героев Сопротивления, создатель подпольной сети «Réseau Bertaux», с 1946 г. работал в министерстве транспорта и общественных работ, в июне 1947 г. назначен префектом Роны.

²³³ *El Mechat S.* Op. cit., p. 82.

бы продолжить начатый разговор,... можно это сделать в нейтральной стране, поближе к Франции, например, в Женеве. Во всяком случае, я ничего не решаю без согласия политбюро, которое могло бы направить Салаха Бен Юсефа ко мне в Женеву. Нельзя, чтобы товарищи дали себя за гипнотизировать страхом показаться менее патриотичными, чем некоторые безответственные демагоги, которые думают больше о своих интересах... Я считаю, нам выгодно начать официальные переговоры, пусть они и сорвутся в конце концов из-за того или иного пункта, поскольку подобные переговоры, даже в случае их провала, создадут нам в глазах иностранных держав, равно как и арабских государств, превосходный авторитет и помогут нам, при худшем исходе, вести переговоры с другими сторонами... На сей же час я сомневаюсь, что нынешнее французское правительство²³⁴ пойдет на формирование гомогенного тунисского правительства, имеющего реальную публичную власть, и что оно согласится с созданием законодательного собрания, чисто тунисского по составу и избранного всеобщим голосованием, с упразднением гражданских контролеров и французской жандармерии...»²³⁵

Далее Бургиба перечисляет фактически те же «7 пунктов» национальных требований, которые он через три года назовет в Париже, и заканчивает мысль словами: «Реформированный таким образом Тунис, по моему мнению, не отказался бы войти во французский блок. Это, кстати, пример Индонезии, которая, получив весомую независимость, согласилась на союз с Нидерландами»²³⁶. И это то, о чем заявляет Вьетнам. А ведь эти два народа располагают армией, которая нанесла урон военным силам белого колонизатора,...пока не наш случай. Подобную идею, между прочим,

²³⁴ Второй кабинет Поля Рамадье, из которого 4-5 мая 1947 г. были удалены министры-коммунисты.

²³⁵ Цит. по: Histoire du mouvement national (Documents X)..., p. 344-346.

²³⁶ Очевидно, имеется в виду Лингаджатское соглашение, подписанное 25 марта в Джакарте на основе предварительных голландско-индонезийских договоренностей. Оно признавало Республику Индонезия как де-факто существующую власть на о-вах Ява, Суматра и Мадур; в одном из пунктов предусматривало, что Соединенные Штаты Индонезии войдут как федеральное государство в состав Нидерландско-Индонезийского союза. Представляло собой компромисс между Нидерландами и Республикой Индонезия, достигнутый на основе уступок обеих сторон. Давало Республике Индонезия не только передышку в военных действиях, но и определенный международный статус, т.е. значительно лучшие условия для борьбы за полную независимость.

разделяет и Аззам-паша, который сказал, что вхождение во Французский союз не противоречит вступлению в Арабскую лигу. Наконец, это был бы громадный этап на пути к подлинной независимости, в том смысле, что он позволил бы создать кадры – которых нам не хватает – и выстроить изнутри здание тунисской родины».

31 июля 1947 г. Жан Монс вторично выступил по радио, разъясняя свою программу. Он подчеркнул, что за истекшие месяцы имело место отнюдь не бездействие властей, велась продуманная работа и оценка ситуации. Помимо новой схемы правительства, уже подготовленной, было обеспечено полное равновесие между тунисцами и французами в гильдии адвокатов. Многие тунисцы продвинуты на ответственные административные посты. Но самая острая проблема, подчеркнул Монс, лежит в области экономики... Действительно, не успев оправиться от последствий войны, Тунис снова попал в лапы голода. С 1944 г. наблюдалась очередная полоса засух. Падал скот, сбор твердой пшеницы в 1947 г. составил всего две трети от уровня 1942 г., катастрофически низким был урожай оливковых плантаций²³⁷.

Ссылаясь на эти обстоятельства, Генеральный резидент отметил, что за предыдущий год Франции пришлось отгрузить в Тунис или оплатить третьим странам поставку продовольственной помощи в размере 500 тыс. ц. пшеницы и выделить громадную субсидию на поддержание разумной цены на хлеб, тогда как внешнеторговый баланс регентства находится в дефиците. «В этой связи абсолютно необходимо...повысить объем

²³⁷ См.: Annuaire statistique de la Tunisie 1947. Еще в предыдущем году, описывая трагическое положение в южном Тунисе, Пьер Жорж отмечал, что полуседлое племя *ауляд аскари*, состоящее из 7 тыс. человек, засеяло только 200 га на площади в 10 тыс. га, которой оно сообща владело, их соседи вообще не сеяли. Они были «вовлечены в новый номадизм – номадизм голода и отчаяния». Самые счастливые из них, у кого остались верблюды или ослик, кочуют в поисках батрацкого заработка, сбиваясь в караваны и навьючив на животных свое добро. Численность таких «неономадов» оценивалась по состоянию на июнь 1946 г. в 500 тыс. человек, основной пищей которым служили корни, смешанные с отрубями. Опасаясь распространения эпидемий, власти поворачивали этих людей назад или загоняли в лагеря для голодающих. Автор статьи возлагал вину за их беды на французскую администрацию, которая тянет с осуществлением инженерно подготовленного проекта «малой ирригации», рассчитанного на создание локальных оросительных систем на площади 170 тыс. га в различных районах страны (George P. Problèmes de la Tunisie contemporaines, «La Pensée», № 7, 1946, p. 51-52).

экспорта, а между тем Тунис — страна, которая по всем статьям своей продукции встречает на международных рынках опасных конкурентов: цены на фосфаты, соль, железо, траву альфа — эти цены, например, являются международными, мировыми, на которые мы никак не можем повлиять. Надо поэтому добиваться снижения стоимости производства, чтобы не дать погибнуть добывающей промышленности». Отсюда вытекает вывод — в ближайшее время придется поддерживать низкий уровень заработной платы в основных отраслях экономики, чтобы избежать инфляции. «Я хочу, чтобы вы поняли: речь идет о жизненно важном вопросе... Тунис должен переоборудоваться. Он должен производить больше. Должен делать это дешевле. Должен больше продавать за границу и предпочтительно в страны с твердой валютой (*pays à devises hautes*)»²³⁸.

Все это выглядело разумным, но вряд ли могло убедить всех радиослушателей, а тем более тех, кто не имел не только радио, но и понятий о мировой торговой конъюнктуре. К тому же, скажем, на шахтах, которые становились ареной забастовочной борьбы, да и в любых сферах применения физического труда шкала заработной платы арабов и европейцев была различной. И первые возмущались тем, что «неграмотный итальянец с французским гражданством» получает больше, чем грамотный и квалифицированный тунисец, что не действует принцип «равная оплата за равный труд»... Но вернемся к обещанным Монсом реформам.

Декретами от 7 и 9 августа 1947 г., скрепленными печатью Сиди Ламина, вносились некоторые изменения в структуру тунисского правительства и внутреннее распределение обязанностей членов кабинета. Совет министров отныне состоял из шести тунисцев (против четырех прежде) и семи французов, включая Генерального резидента, он же — министр иностранных дел регентства, генерального секретаря правительства и главнокомандующего французскими войсками, дислоцированными в Тунисе²³⁹. Премьером сме-

²³⁸ Histoire du mouvement national (Documents X)..., p. 429-430.

²³⁹ Другие сферы управления делились следующим образом. Тунисцам помимо поста премьера доверялось возглавить пять министерств: юстиции, земледелия, торговли и ремесла, здравоохранения, труда и социального обеспечения (последние два министерства были созданы путем разделения одного в прежнем кабинете). Французы возглавляли четыре правительственных департамента: финансов, просвещения, связи (департамент «РТТ» — почта, телеграф, телефон), управления общественными работами (См.: Себа П. Указ. соч., с. 233).

шанного правительства с 20 июля стал Мустафа Каак. Он пользовался уважением в кругах мусульманской элиты, слыл меломаном и возглавлял общество Рашидийа²⁴⁰. Незадолго до того дня, как ему поручили сформировать правительство, был избран старшиной адвокатской гильдии (впервые это место занял тунисец), а при Монсеф-бее входил в «патриотический» кабинет Шеника и год тому назад присутствовал на «Съезде Независимости».

На первый взгляд, все эти новшества были определенным прогрессом, в отличие от прежних реформ 1943-1944 гг., которые по сути свелись лишь к отмене режима, установленного в Тунисе при адмирале Эстева, согласно указаниям правительства Виши.

Премьер был наделен более широкими полномочиями, чем до принятия августовских декретов. Однако в действительности он выполнял скорее протокольные функции. Все рычаги управления остались в руках французов, которые помимо зарезервированных за ними министерских портфелей выполняли роль официальных советников при тунисских министрах, а фактически — их дублеров. Кроме того, наличие в правительстве должности «генерального секретаря», из-за которой давно ломали копы дустуровцы, отнимало у министров-тунисцев всякое право принимать какие бы то ни было самостоятельные решения. Этот секретарь, второе лицо после Генерального резидента, обладал правом осуществлять контроль над расходами правительства и визировать все его постановления законодательного характера.

Тем не менее, французские поселенцы били тревогу, с их точки зрения перераспределение министерских постов в пользу «туземцев» было непростительным шагом. Напротив, с точки зрения националистов — уловкой колонизаторов; и дело обстоит тем хуже, что Мустафа Каак, не успев приступить к своим обязанностям, растерял личный авторитет и выглядел в глазах местной общественности французской марионеткой. Работа нового премьера с самого начала не задалась. Пока он медлил с назначениями, 5 августа 1947 г. в Сфаксе произошел инцидент с тяжкими последствиями: разгон забастовщиков, требовавших увеличения заработной платы. Это была крупнейшая в послевоенный период общенациональная забастовка, объявленная ВТСТ и полностью парализовавшая жизнь южной «экономи-

²⁴⁰ Основанное в конце XIX в. как религиозно-просветительское, общество Рашидийа поддерживает традицию андалусской музыки и хорового пения в стиле «малюф». Находится на улице Паши в старых кварталах Туниса.

ческой столицы». В помещение вокзала и депо железнодорожной компании Сфакс – Гафса ворвались войска, которые расстреляли рабочих, оставив, по разным сведениям, от 30 до 40 убитых и 150 раненых. В ответ по всей стране прокатились стачки национальных профсоюзов. Пассивную позицию, занятую премьером по поводу этих событий, ему никогда не простили, патриотическая пресса поливала его грязью, окрестив «тунисским Квислингом».

Бедняга опасался даже показаться на улице, боясь оскорблений от прохожих, и в полном смысле слова влачил свое премьерское существование. Пренеприятнейшая история произошла с ним летом 1948 г., когда он все же отправился в народный квартал, посетив маленькую, но весьма почитаемую мечеть Юсефа Сахиб ат-Табиа возле площади Халифавин, где получил при людях пощечину от Мухаммеда Джрада – молодого парня с улицы Тронжа, активиста Нового Дустура. Немедленно откликнувшаяся газета «Mission» писала: «двор мечети, это в некотором смысле – античный форум, а тут сцена разыгралась прямо среди колоннады молельного зала». Пощечина, отпущенная главе правительства, символична. Она демонстрирует презрение народа к «горстке парвеню», которые не имеют ни общественного доверия, ни легитимности, что естественно в стране, где «никакая конституция не определяет отношений между государством и индивидом»²⁴¹.

Салах Бен Юсеф занял в отношении правительства Каака (июль 1947 – август 1950) резко негативную позицию, утверждая, что подобные половинчатые решения, то есть выделение дополнительных министерских кресел тунисцам, создающие лишь видимость реформирования исполнительной власти, дезориентируют население и отодвигают на задний план лозунг независимости. К такому мнению присоединились лидеры Старого Дустура и ВТСТ. Тем временем между руководителями и ячейками обоих Дустуров начались мелкие стычки, Старый Дустур обрушился с критикой на Бургибу, подчеркивая безрезультатность его поездки в США, разрекламированной новодустуровской печатью; усиливались разногласия «бургибистов» с их оппонентами в центральном аппарате партии, а также между самим Бургибой и д-ром Тамером в каирском бюро (см. выше).

Между тем смерть бея Монсефа, который скончался 1 сентября 1948 г. во Франции и был с почетом похоронен в Тунисе (вопреки ожида-

²⁴¹ Histoire du mouvement national (Documents X)..., p. 516-518.

ниям, многолюдная церемония прошла без эксцессов), создала новую обстановку. Она стала предметом обсуждения в руководстве Нового Дустура, которое при жизни бея-изгнанника солидаризировалось, но достаточно сдержанно, с требованиями восстановить на троне законного государя, а теперь решило пойти на примирение с Сиди Ламином. К этому располагало и то обстоятельство, что неофициальный «дофин» Шедли²⁴² и некоторые другие члены бейской фамилии откровенно сочувствовали националистам. У «пéос» был шанс получить поддержку дворца. Салах Бен Юсеф, летом посетивший Каир, где имел разговор с Бургибой, явно был настроен на то, чтобы консолидировать партию и закрепить ее авангардную роль в национальном движении. Был сделан еще один шаг в сторону развития взаимодействия с национальными профсоюзами.

16-17 октября 1948 г. состоялся III съезд Нового Дустура, на котором присутствовало около 200 делегатов. Среди гостей был Фархат Хашед²⁴³. В краткой резолюции съезда указывалось, что его участники «рекомендуют всем патриотам воздерживаться от сотрудничества с властями, поскольку те придерживаются старой политики, опираясь на фиктивное правительство, не имеющее народного мандата, и столь же фиктивную ассамблею (Большой Совет – М.В.), сформированную с нарушением всех

²⁴² По традиции Хусейнидов, престолонаследником являлся не сын государя, а следующий по старшинству член их рода, что устраивало французов, ибо каждый раз в правителях оказывался пожилой и усталый субъект, которым легко было манипулировать. (Монсеф-бей – исключение). Однако Сиди Ламин, который стал выказывать признаки активности после того, как бей-изгнанник умер, и его собственное положение утвердилось, решил последовать примеру марокканского султана Мухаммеда бен Юсефа. Тот сам в свое время вззошел на трон «вне очереди» (благодаря интриге французов), а с 1931 г. объявил, и тоже в нарушение местной традиции, своим наследником любимого сына Мулай Хасана – будущего короля Хасана II (1961-1999), чье имя следовало вторым в пятничной молитве (*хутба*). Некая самостоятельность взбодрившегося Сиди Ламина, прочившего себе в наследники старшего сына Шедли, повернула к нему общественные симпатии в Тунисе. И вроде бы сулила воспроизведение сценария 1922 г., когда Дустур и дворцовые круги – какое-то время – выступали заодно.

²⁴³ *El Mechat S.* Op. cit., p. 88. Съезд происходил в Тунисе, где площадкой ему послужил большой частный дом под названием Дар Слим. (Отсюда и название съезда – «Съезд в Дар Слиме»). Партия тогда не скрывалась, но в отличие от профсоюзов, действовала нелегально. Последние зачастую служили ей прикрытием.

Программа почетного компромисса с Францией

правил свободных выборов²⁴⁴, не желают предоставить народу те свободы, на которые он имеет полное право, и удовлетворить его законные требования». Резолюция заканчивалась словами, что «конгресс подтверждает свое доверие лидерам, находящимся за границей»²⁴⁵. Дебатам, которые вспыхнули по этому поводу, положил конец Салах Бен Юсеф, высказавшийся за единство партийных рядов, которые должны «твердо следовать за основателем партии и символом национальной борьбы»²⁴⁶.



Хабиб Бургиба с Фархатом Хашедом

²⁴⁴ Еще в декабре 1945 г. националисты вели кампанию за бойкот выборов в Большой Совет. К ней тогда присоединился и Фархат Хашед, тогда еще будущий генеральный секретарь ВТСТ. Это свидетельствовало о его политической позиции, хотя некоторые тунисские историки считают, что превращение Хашеда из чисто синдикалистского лидера, интересовавшегося прежде всего «классовой борьбой», в одного из главных вождей национального движения состоялось не раньше 1949 г. Полного единства мнений по этому дискуссионному вопросу нет и среди ныне здравствующих соратников Хашеда — отцов-основателей ВТСТ. (См. Actes du I-er Congrès international sur: Farhat Hached. Mouvement ouvrier et lutte nationale, Zghouan: FTESI, Janvier 2002).

²⁴⁵ Histoire du mouvement national (Documents X)..., p. 511.

²⁴⁶ Ibid., p. 110.

Программа почетного компромисса с Францией

Съезд формально утвердил Бургибу в должности председателя партии, а Салаха Бен Юсефа — на посту генерального секретаря. Одновременно в состав политбюро были введены три новых члена: Хеди Шакер — глава партийной федерации г. Сфакс с прилегающими районами, а также два эмигранта — д-р Хабиб Тамер, находившийся в Каире, и Юсеф Руисси, который к тому времени переехал из Египта в Сирию, чтобы возглавить открытое в Дамаске бюро пропаганды Нового Дустура. (Другое подобное бюро функционировало с начала 1947 г. в Лондоне). Все трое составляли внутривнутрипартийную оппозицию Бургибе, так что введение их в политбюро должно было обеспечить искомое равновесие сил.

Подспудная борьба в партийных верхах, однако, продолжалась и выплеснулась наружу в ходе очередного пленума Национального совета Нового Дустура, состоявшегося 4 августа 1949 г.²⁴⁷ Некоторые новые члены руководства, в том числе Ферджани Бен Хадж Аммар, глава Тунисского союза ремесленников и торговцев, а также ветеран партии Хеди Шакер и др. потребовали расследования заграничной деятельности Бургибы, осуждали его за грубое вмешательство в работу политбюро, муслировали вопрос использования партийных средств, подконтрольных председателю, и т.д. Словесная перепалка перешла в дебаты с рукоприкладством, и возмущенный Хеди Нуира покинул зал заседаний. Как интерпретировали все это впоследствии официальные тунисские историки, речь шла о столкновении личных амбиций внутри партии. Она, по словам Мухаммеда Сайяха (директора СДП и редактора-издателя архивных документов Нового Дустура), несмотря на лозунг борьбы за независимость, принятый ею еще на «Съезде Ночи Предопределения», и несмотря на отказ от сотрудничества с правительством Каака, занимала во второй половине сороковых выжидательную позицию, «впала в летаргию», допустив коррупцию в своих рядах²⁴⁸.

Другое — более глубокое — объяснение заключается в том, что за годы, когда нити организационного руководства находились в руках Бен Юсефа, усилились второстепенные для Нового Дустура, но все же присутствующие ему внутренние противоречия между «провинциальной» и «столичной» группировками в партийной элите. При этом личные и материальные интересы Бен Юсефа связывали его с последней группировкой, хотя сам он был выходцем из провинции, но не из Сахеля, а с большого острова

²⁴⁷ Ibid., p. 548.

²⁴⁸ Ibid., p. 105-115.

Джерба. Однако именно выходцы из этого района («джерби») традиционно составляли в столице и других крупных городах страны весьма влиятельную прослойку мелких предпринимателей, главным образом розничных торговцев. Не преувеличивая этот фактор, можно признать, что за раздорами внутри партии, которая явно расширила свою классовую базу, причем за счет весьма разнородных элементов, стояли определенные социально-местнические конфликты, которых не могла избежать внутри себя организация, претендовавшая на общенациональное представительство.

Еще одна вечная проблема Нового Дустура состояла в дискуссии между «экстремистами» и «умеренными» (иначе: «активистами» и «легалистами»), хотя такое размежевание было зыбким; и обе фракции, если их можно так назвать, являлись сообщающимися сосудами в том смысле, что отдельные лица и группировки менялись местами, в зависимости от времени и обстоятельств. Последнее в полной мере относится и к Бургибе, который славился типичной для него способностью делать крутые выражи, склонностью к резкой перемене взглядов, возможно, кажущейся (пресловутые «volte-face de Bourguiba»); но в целом выполнял в партии роль арбитра. Причем в рассматриваемый период, в отличие от тридцатых, когда существовал шаткий дуумвират Бургиба – Матри, к позиции председателя, будь-то в Каире или в Тунисе, тяготели скорее «умеренные». На их стороне находился и Салах Бен Юсеф, у которого с Бургибой идеологических расхождений или спора по принципиальным вопросам партийного строительства – на данном этапе – не было. Оба также отдавали предпочтение гибкому подходу к урегулированию франко-тунисских отношений²⁴⁹.

²⁴⁹ Несравненно более острая персональная борьба лидеров кипела в те же годы внутри Движения за торжество демократических свобод (МТЛД), которое в 1948–1954 гг. служило авангардом национализма в Алжире, включив в себя, а точнее, являясь прикрытием Партии алжирского народа, само название которой для властей было неприемлемым. Междоусобная борьба националистов по сути началась с 1946 г., когда Мессали Хадж вернулся к политической деятельности, и вскоре вылилась в противоречия между «активистами», «легалистами» и «центристами» в МТЛД. Мнивший себя вождем и привыкший к поклонению, Мессали сам говорил, что «отдаленный от партии в течение 10 лет, не зная большинства руководителей... был вынужден согласиться на второстепенную роль». Вместе с тем, отбиваясь от обвинений в оппортунизме и нападках личных конкурентов, он был заинтересован в уступках молодым радикалам, особенно выходцам из Кабилии, где с 1945 г. не затухали локальные очаги партизанских действий (Ланда Р. Г. Кризис колониального режима..., с. 227–228). Картина осложнялась тлею-

Наиболее последовательным «активистом» в составе политбюро выглядел Али Бельхаван, который оставался, как и в довоенный период, духовным лидером патриотической молодежи, одним из неустанных пропагандистов национальной идеи; постоянно выступал на страницах еженедельника «Mission» и других печатных изданий. С согласия руководства Нового Дустура, Али Бельхаван возглавил Тунисский комитет в защиту мира, образованный 7 мая 1949 г. В его бюро вошли также профсоюзный деятель Нури Будади (ВТСТ), который занял пост заместителя председателя комитета, журналист Мухаммед Джрад (ТКП) и представительницы женского движения. Наметившееся в данный период изменение позиции обеих компартий, французской и тунисской, по национальному вопросу²⁵⁰ совпало с появлением в руководящих структурах «néos» прокоммунистического крыла, правда, немногочисленного. (Его бесспорным лидером становится член политбюро Бен Слиман, который, по словам одного из ветеранов тунисской политической сцены, «начинал с осуждения коммунизма, а кончил сторонником коммуни-

шей враждой между берберскими и арабскими кланами. Дело кончилось тем, что осенью 1953 – летом 1954 г. партия распалась на «мессалистов» и «централистов» (сторонников ЦК МТЛД). «Обе фракции поливали друг друга грязью, дрались за обладание партийной кассой, помещениями и другим имуществом» (Ланда Р. Г. История Алжира. XX век..., с. 105). На этом фоне шел упадок влияния истинных «легалистов» во главе с Фархатом Аббасом, надеявшихся на изменение существующего порядка законным путем. Сузилось влияние созданной им УДМА, личный состав которой, если полагаться на оценку Роже Ле Турно, сократился после 1952 г. с 7 до 3 тыс. человек (Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord ..., p. 372).

²⁵⁰ На совещании шести коммунистических и рабочих партий в Польше (сентябрь 1947 г.), где с докладом выступал Жданов, была сформулирована проблема межблочного противостояния, закрывшая вопрос о борьбе с фашизмом в союзе с западными демократиями. Одновременно был выдвинут лозунг поддержки национально-освободительных движений, поскольку «кризис колониализма наносит удар в спину капитализма». Этот лозунг вынуждал французских коммунистов пересмотреть свою позицию в отношении Французского союза, идею которого они первоначально одобряли, нацеливая трудящихся на общую социальную борьбу в рамках этого «содружества наций». В том же году (в мае) представители ФКП были вытеснены из правительства, и компартия Франции стала выступать со все более резким осуждением войны во Вьетнаме, высказываясь за его независимость. Сделать аналогичное заявление в отношении североафриканских протекторатов ФКП решилась лишь на своем XII съезде в апреле 1950 г. Что касается ТКП, то она скользила по рельсам идеологической линии ФКП, хотя это слепое подражание вызвало разногласия в ее руководстве и среди рядовых членов партии.

стов, как Пьер Кот»²⁵¹. Отчасти это объяснялось возросшим влиянием ВТСТ, который в январе 1949 г. вошел, преодолев сопротивление нового Объединения профсоюзов трудящихся Туниса (ОПТТ)²⁵², во Всемирную федерацию профсоюзов (ВФП).

Сама партия Новый Дустур являлась в то время своего рода перекрестком, или полюсом притяжения различных по форме и социальной сущности течений в национальном движении, объективным фактором «полевения» которого в послевоенные годы стало то, что уже не ремесленник в своей лавке, бастующий, прекращая свою частную торговлю, составлял массовый тип представителя Нового Дустура. Ныне основным источником пополнения его рядов служили лица наемного труда из современного сектора, вливавшиеся в партию через национальные профсоюзы. Ряды «néos» росли, партийные ячейки на местах «реконструировались» и кроме того, они появлялись в тех районах, где раньше их не удавалось создать. Прямо противоположную картину можно было наблюдать в стане «archéos», претензии которых на лидерство уже не имели под собой никакого основания²⁵³.

Два фактора вызвали «асфиксию» Старого Дустура. Во-первых, со смертью Монсеф-бей улетучилась легенда о добром царе-спасителе, на которую полностью была ориентирована в 1943-1948 гг. идеология этой партии. Во-вторых, «archéos» безоговорочно связали себя с панарабизмом, которым в той или иной степени заразились все политические силы националистов Северной Африки после образования ЛАГ. Катастрофа 1948 г. подорвала и эту легенду.

²⁵¹ Из интервью М. Масмуди («Réalités», № 747, 13-19.4.2000). Пьер Кот – известный политик, впервые был избран депутатом нижней палаты парламента в 1928 г. от партии радикал-социалистов. Министр авиации в кабинете Леона Блюма. В 1940 г. одним из первых готов был примкнуть к де Голлю. В 1943-1944 гг. член временной Консультативной ассамблеи. При Четвертой республике вошел в Союз республиканцев-прогрессистов. Из своей партии был исключен.

²⁵² 27 октября 1946 г. ДО ВКТ преобразовалось в автономный профцентр Union Syndicale des Travailleurs de Tunisie (USTT/ОПТТ), который 13 декабря того же был принят в ВФП (Себа П. Указ. соч., с. 248). Со своей стороны ВТСТ вел переговоры с руководством Всемирной федерации профсоюзов о присоединении к ВФП. Однако его вступление задерживалось из-за сопротивления ОПТТ, руководство которого считало, что прежде два тунисских профцентра должны слиться, а вернее, воссоединиться и войти в ВФП как одна национальная организация.

²⁵³ El Mechat S. Op. cit., p. 89.

«Около 2 500 тыс. тунисцев-добровольцев, – пишет свидетель событий, – отправившихся в Палестину, вернулись измученными и раздосадованными. Поражение арабских армий нанесло суровый удар панарабским тенденциям в тунисском национализме; тенденциям, набравшим себе сторонников главным образом среди зейтуновцев, а также среди значительной части приверженцев обеих дустуровских партий»²⁵⁴. Наступило разочарование; оно прозвучало похоронным колоколом по Старому Дустуру (его стали тихо покидать даже самые известные лица, включая основателей)²⁵⁵ и, напротив, дало шанс конкуренту полностью завоевать общественную аудиторию.

Желая закрепить ведущую роль Нового Дустура, политбюро с февраля 1949 г. приступило к реализации принятого в начале того же года решения о создании четырех национальных комиссий. Так называемой Высшей политической комиссии и трех отраслевых: по социальным вопросам, по делам образования и по делам экономики²⁵⁶. Предполагалось, что в формировании названных структур примут участие все партийные ячейки. Нетрудно заметить, что это была попытка создать некий теневой кабинет. Но работа шла вяло, и партия переключилась с лета 1949 г. на подготовку проекта основного закона «конституционной монархии, символом суверенитета которой станет бей, источником – нация, представленная в национальной ассамблее». Такую информацию получил по своим каналам Жан Монс²⁵⁷.

²⁵⁴ Mestiri S. Le ministère Chénikà la poursuite de l'autonomie interne, Tunis: Arcs Editions, 1991, p.17.

²⁵⁵ Из личных биографий некоторых видных деятелей Старого Дустура, например, Шедли Хазнадара, Шедли Халлади и др., мы узнаем, что они прервали свое членство в партии с 1948 г. Другие сделали это уже давно. Так, Тайеб Бен Айсса, который в 1911 г. основал газету «аль-Вазир» и через десять лет был избран в Исполнительную комиссию Дустура, во второй половине сороковых все еще выпускал эту газету, правда, выходившую нерегулярно, а сам не принадлежал ни к какой партии. Его газета в основном давала местную хронику, освещала экономические проблемы, временами критикуя правительство и «откликаясь на тунисские требования». Так сообщала служебная справка для Генерального резидента о состоянии арабской прессы, составленная в марте 1947 г. (Факсимиле документа см.: «Watha'iq», № 22-23, 1996-1997, p. 137-139).

²⁵⁶ El Mechat S. Op. cit., p. 88.

²⁵⁷ Ibid., p. 88. Она совпадает с данными опубликованного дневника д-ра Бен Салема, бейского зятя, который зафиксировал 4 июня 1949 г., что «по случаю праздника розговенья большая делегация Нового Дустура под руководством своего генерального секретаря Салаха Бен Юсефа была принята Ламином I... Пожелания были высказаны следующие: 1.

Однако подобные инициативы разбивались о противодействие Резиденции, где шла своя подковерная борьба (либеральному начальнику противостояли другие влиятельные лица), если не тормозились из-за тех интриг и междоусобиц, которые отравляли дружбу ветеранов, прошедших вместе через тюрьмы, и расстраивали единство в партийном руководстве.

«Дисциплина в партии, — пишет М. Саях, — была восстановлена» по возвращении Бургибы, который обдумывал решение свернуть свою заграничную деятельность еще с середины 1948 г., но поспешил с этим делом, узнав о событиях на родине. Правдами и неправдами он добывает паспорт с въездной визой в Тунис. Не поддается на уговоры представителя французского посольства в Египте отложить свое возвращение хотя бы на две недели, заявив, что «решение принято, он несет за него всю ответственность, а уж дело Франции нести ответственность за свои дела и, если угодно, заточить его в тюрьму по прибытии домой»²⁵⁸.

однородное тунисское правительство (без участия французов — МВ.); 2. национальная тунисская ассамблея; 3. государственные должности — тунисцам. Ламин I все одобрил и сказал: «*Иниалла*» (Дай Бог). На следующий день, 5 июня, во дворец почти ворвался Жан Монс, потребовав беседы с беом *ife-à-ife*. Оказавшийся по случаю рядом д-р Салем все же оказался нужен как переводчик. Смысл требований Монса состоял в том, чтобы Сиди Ламин захлопнул дверь перед дустуровцами. На что вмешавшийся в разговор Бен Салем возразил: «Но ведь они сказали вчера Государю всего лишь то, о чем повсюду пишут». Ответ: «Так оно и есть, но одно дело, когда люди говорят и пишут за стенами Дворца, тогда они — профессиональные возмутители порядка. Но если они о том же самом толкуют во Дворце, а Его Высочество с ними соглашается... Это уже тяжелый случай» (*Ben Salem M. L'Antichambre de l'indépendance*,... p. 34-36)

²⁵⁸ В предисловии к сборнику партийных документов 1943-1949 гг. М. Сайях сообщает, что паспорт, с которым Бургиба мог подняться на борт самолета, отправляющегося в Тунис (его наличный паспорт для этого не годился), был выписан в одной из парижских префектур мелким служащим, которого подкупил или уговорил дустуровец Хеди Джеллули. Руководство партии в лице Салаха Бен Юсефа и Хеди Шакера передавало Бургибе пожелание, чтобы он не спешил с приездом, а члены партийных ячеек получали противоречивые указания: то ли готовиться к встрече лидера, то ли его приезд не состоится. Накануне скрывать уже было нечего, а тем временем сотрудник французского посольства в Каире пригласил Бургибу на обед, во время которого убеждал гостя отложить поездку. На что в ответ и последовала процитированная выше фраза (*Histoire du mouvement national (Documents X)*..., p. 117-118). Судя по всему, как у французских властей, так и в партийных «верхах» Нового Дустура существовали разногласия по поводу того, насколько желателен приезд Бургибы в Тунис.



Бей Сиди Ламин в форме маршала, справа М. Шеник

Восторженный прием, оказанный Бургибе уже в аэропорту, заставил власти отбросить подобную идею. Впрочем, появление партийного лидера на родной земле было им на руку. С его приездом были связаны серьезные изменения в тактике Нового Дустура. Рассчитывая на симпатии французских социал-демократов, «Верховный борец» снимает лозунг о

Программа почетного компромисса с Францией

немедленном предоставлении Тунису независимости, даже в рамках абстрактного Французского союза, сконцентрировавшись на программе внутренней автономии. Неудачи, которые его преследовали раньше (ссора с «арабскими братьями» в Каире), обернулись ему на пользу, будто оправдав его политическое чутье.

Формально не связанный обязательствами «консенсуса», достигнутого на августовском конгрессе 1946 г. («Съезде Независимости, или Ночи Предопределения»), он смог не столько восстановить свой прежний авторитет, но и перехватить роль духовного наследника «монсефизма». Прямой контакт с населением и то впечатление, которое Бургиба умел произвести на слушателей, всегда составляли его главное оружие. И в удивительно короткий срок, за несколько недель после четырех лет отсутствия, в течение которых его порой недобрый словом поминали критики из числа соратников, «верховный» снова взнуздal коня.

Как говорилось выше, едва ступив на родную землю, Бургиба не замедлил нанести визит Сиди Ламину, подчеркнув тем самым, во-первых, узы солидарности между националистами и дворцом, во-вторых, признание законности монарха, легитимность которого оставалась спорной до смерти низложенного Монсеф-бея. Не много времени потребовалось ему и для того, чтобы установить свой контроль над партией, потеснив Салаха Бен Юсефа.

Вполне радушно встретила Бургибу местная патриотическая публика, настроенная на арабо-мусульманский лад (тунисские историки называют их «arabisants»), хотя собственно религиозные круги в лице служителей ислама вряд ли испытывали особый энтузиазм по поводу возвращения «символа национального освобождения» к родным пенатам. Об этом можно судить по следующему архивному документу. Генерал Дювен, главнокомандующий войсками в Тунисе, отправил гневную записку начальству, докладывая о своем посещении столичного театра на авеню Жюль Ферри, где 13 сентября 1949 г. открывался Конгресс исламской культуры, созданный обществом Халдунийа (его в это время возглавлял Фадель Бен Ашур). Председательствовал Тахар Бен Ашур, ректор аз-Зейтуны. После него слово взял некий муфтий, собиравшийся огласить программу съезда. Рутинный ход заседания был прерван появлением «шефа Нового Дустура – Хабиба Бургибы, вернувшегося из каирской эмиграции несколько дней тому назад. Его восхождение на сцену вызвало долгую овацию всего зала». На

Программа почетного компромисса с Францией

этом фоне следующий оратор, шейх Абдельхай аль-Киттани²⁵⁹, вдруг почувствовал усталость от поездки и попросил отложить его речь на более поздний срок. Зато раздались вызывающие выступления других участников собрания, особенно шейха Тайеба аль-Окби из Алжира²⁶⁰, который настаивал на союзе трех стран Магриба, «где люди должны себя чувствовать не алжирцами, марокканцами или тунисцами, а бороться за свое будущее как мусульман, охваченных общей идеей». Рассказав о том, как он был вынужден покинуть зал, слыша подобные возмутительные речи, генерал Дювен сделал главный вывод: «наши военные структуры (*armature militaire*) это единственное, что может удержать Северную Африку». Другой вывод: увиденное им собрание, где не стеснялись его присутствия, агитируя за исламскую солидарность, «отражает состояние души североафриканской элиты», проникнутой религиозным фанатизмом и ксенофобией, а появление посреди действия «великого лидера Хабиба Бургибы разогрело атмосферу»²⁶¹. Разумеется, надо сделать скидку на впечатлительность автора записки, однако она лишняя раз свидетельствует, что популярность Бургибы брала верх над авторитетом целого ареопага улемов, съехавшихся в Тунис.

В конце 1949 г. он завязывает рабочее сотрудничество с генеральным секретарем ВТСТ, новым для него человеком. В то время Фархат Хашед становится все более заметной фигурой в международном профсоюзном движении, он уже одержал победу, добившись принятия ВТСТ во Всемирную федерацию профсоюзов (ВФП). Вместе с тем, это был первый в регионе национальный («неевропейский») профцентр, если не считать двух его предшественниц с одинаковым названием «ВКТТ» и тоже тунисских: одной под руководством Мухаммеда Али аль-Хамми (1924-1925) и другой – Белькасема Гнави, а затем Хеди Нуиры (1937-1938). В зале Халдунийа, где состоялось учредительное собрание ВТСТ, на стене висел портрет Мухаммеда Али, как бы благословлявшего новую организацию.

Фархат Хашед не без гордости отмечал накануне III съезда ВТСТ, назначенного на апрель 1949 г., что на нем ожидается участие 500 делега-

²⁵⁹ Шейх университета Карауин и глава религиозного братства *Киттанийа*. В дальнейшем – один из зачинщиков династийного переворота 15-20 августа 1953 г., в результате которого султан Мухаммед бен Юсеф был низложен и сослан.

²⁶⁰ Один из видных деятелей Ассоциации улемов-реформаторов.

²⁶¹ Цит. по: «Watha'iq», № 22-23, 1996-1997, p.146-147.

тов с мест. «Интегральная часть великой мировой рабочей семьи – тунисский рабочий класс озабочен проблемами, которые встают перед трудящимися всего мира. Трудящиеся Туниса собираются продемонстрировать, что они – достойные участники великой борьбы, которую ведут люди труда против своих эксплуататоров... За силами капиталистической реакции и поддерживающими ее силами колониализма маячит угроза войны, которая висит над планетой... Под знаком защиты мира и пройдет наш общенациональный съезд... Он подготовит рабочий класс к достойной и особенно торжественной встрече Праздника труда 1 мая. Он облечет неоспоримыми полномочиями представителей ВТСТ на Всемирном конгрессе сторонников мира, который ожидается 20 апреля в Париже. В свою очередь, участие ВТСТ на съезде ВФП, намеченном на июнь этого года, должно убедительно продемонстрировать жизнеспособность тунисского рабочего класса в составе этой международной профсоюзной организации...»²⁶².

Некоторых синдикалистов Бургиба знал уже давно и вступил с ними в контакт буквально через несколько дней после своего возвращения на родину. Так, вместе с Фархатом Хашедом он посетил Загуан, чтобы познакомиться с Хабибом Ашуром – неуступчивым и профсоюзным лидером, который волей судьбы оказался хозяином бензоколонки²⁶³. Этот «киоск», принадлежавший компании «Шелл», рассказывает сам Хабиб Ашур, «стал местом встречи руководителей разных национальных организаций». В тот день, о котором он вспоминает, к нему на заправочную станцию подъехали четверо: Хабиб Бургиба и Фархат Хашед, а также Брахим Абдаллах – председатель Союза земледельцев и Жан Ру (французский социалист, редактор газеты «Franc-Tireur» – М.В.). Далее автор пишет:

«Представители национальных организаций поджидали их в киоске, где состоялось обсуждение итогов пребывания Бургибы за границей и ситуация в партии... Бургиба сетовал на неблагоприятное поведение некоторых дустуровских руководителей во главе с Бен Юсефом. Когда я представил ему присутствующих людей: делегатов от ВТСТ, от земледельцев, от торговли и промышленности, а также служащих (имеются в виду соответствующие организации ассоциативного типа – М.В.), Жан Ру сказал: “А вот у нас нет такого союза разных социальных слоев, в этом и состоит сила вашей партии”. Поутру мы вдвоем с Бургибой подни-

²⁶² Речь 7 апреля 1949 г. («Ech-Chaab/Le Peuple», 5 décembre 1959, p. 22-23).

²⁶³ Хабиб Ашур был осужден на 5 лет каторги после забастовки в Сфаксе (1947 г.), но затем эту меру пресечения заменили на высылку под надзор полиции в Загуан, где он арендовал бензоколонку, тем и жил.

лись в гору, и он мне говорил об обуржуазивании партии по вине клики, которая даже не хочет его признавать, и о своем намерении совершить турне вместе с Фархатом и руководителями предпринимательских организаций (organisations patronales), чтобы мобилизовать массы и подготовиться к борьбе»²⁶⁴.

На старых фотографиях с пожелтевших газетных страниц 1949-1951 гг., а также в иллюстрированных книгах и документальных сборниках по истории Туниса нередко можно видеть Бургибу рядом с Фархатом Хашедом. Иной раз на снимке фигурирует «тройка» – те же в компании Салаха Бен Юсефа. Вот они едут втроем в открытой машине или выступают на многолюдном митинге, идут вместе через приветствующую толпу. Как правило, с открытыми, радостными лицами. Под одним из таких снимков, иллюстрирующих его последнюю монографию, которая является чем-то вроде продолжения «L’Afrique du Nord en marche», Ш.-А. Жюльен сделал подпись: «три ключевые фигуры тунисской независимости»²⁶⁵.

Сам же Бургиба писал в статье, посвященной профсоюзному движению: «сколь странным это ни покажется, я мало знал Фархата Хашеда... Впервые увидел его в 1949 г. по своему возвращению из Египта. Мы случайно встречались то там, то здесь на наших публичных собраниях, в ходе агитационных поездок или когда меня звали в помещение руководства ВТСТ по поводу какого-нибудь праздника. У каждого из нас были свои не легкие обязанности, каждый работал в своей сфере деятельности и по собственному плану, но всегда с живой мыслью о том, что две организации – ВТСТ и Новый Дустур связаны узами солидарности и должны идти рука об руку. И лишь во время моего пребывания в Америке в сентябре 1951 г. я смог познакомиться с ним поближе. Это было в Сан-Франциско...»²⁶⁶.

Оба человека имели немало общего, несмотря на разницу в происхождении, карьере, возрасте и личных темпераментах. Спокойный и немногословный Фархат Хашед – сын рыбака из деревни аль-Аббасия на одном из крошечных о-вов Керкенна, где его мать родила на свет шестнадцать дочерей и сыновей (выжили трое братьев), он закончил всего шесть классов начальной школы, покинул дом и стал самостоятельно зарабаты-

²⁶⁴ Achour Habib. Ma vie politique et syndicale. Enthousiasme et déceptions. 1944-1981. T.1. Tunis: Alif, 1989, p. 28.

²⁶⁵ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante...(1951-1957), Paris: Les Editions Jeune Afrique, 1985, c.128.

²⁶⁶ Bourguiba H. La Tunisie et la France, Paris: Julliard, 1954, p. 388.

вать себе на хлеб. Служил в конторах, но производил впечатление настоящего рабочего; некоторые биографы ошибочно называли его бывшим докером²⁶⁷. После беседы с ним иностранные журналисты оставались в уверенности, что вождь «мусульманского профцентра» получил парижское образование. Между тем его собственная жена была неграмотной. Следившая за его деятельностью с 1950 г., американская разведка отмечала, что этого потомка греков, некогда обосновавшихся колонией на о-вах Керкена, французские власти считают самой злойшей для себя фигурой (*sinister figure*) и потенциальным соперником Бургибы – более сильным из двоих²⁶⁸.

Встретившийся с ним за несколько месяцев до его трагической гибели, Александр Верт позднее писал: «блондин с голубыми глазами, принявший меня в очень скромном помещении правления ВТСТ, очень походил на французского профсоюзного деятеля. Он был обязательным человеком и говорил на прекрасном французском языке, правда, с сильным местным акцентом... Фархат Хашед пользовался большим личным авторитетом... и был прежде всего националистом, а затем уже социалистом; признавая, что местные предприниматели вели себя часто хуже, чем французы, он все же считал главной целью профсоюзного движения национальное освобождение Туниса. Только после этого профсоюзы должны были заняться вопросом взаимоотношений между туземными рабочими и капиталистами. Он выступал как ярый противник коммунистов. И все же один из министров Бакуша²⁶⁹ – крупный помещик заявил, что, если когда-либо французы передадут Тунис в руки тунисцев, тунисская буржуазия не поблагодарит французов за оставленное ими “беспокойное наследство” – то национальное профсоюзное движение, которому они по глупости позволили возникнуть!»²⁷⁰. Впрочем, «антикоммунизм» Хашеда, который начинал свой путь синдикалиста в рядах ДО ВКТ с 1936 г. и оставался в них до 1944 г., не был *ab ovo* его идеологией, скорей

²⁶⁷ Одним из создателей этой легенды был Р. Лузон, который восхищался Хашедом и написал о нем в 1954 г. в журнале IV Интернационала «*La Revue Prolétarienne*» как о профессиональном докере (*Actes du I-er Congrès international ...*, p. 92-93). О прошлой деятельности самого Лузона в Тунисе см. наш комментарий [3].

²⁶⁸ *Hached Chaari J. Farhat Hached: documents inédits. / Actes du I-er Congrès international ...*, p. 49.

²⁶⁹ Премьер-министр тунисского правительства в 1952-1954 гг.

²⁷⁰ *Bepm A. Франция 1940-1955, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959, с. 476-477.*

явился тактическим ходом и результатом оценки меняющейся ситуации (о чем ниже). А с Бургибой его, видимо, сближали присущие обоим реализм мышления и способность к лидерству.

Заручившись поддержкой профсоюзов, Бургиба направляет свои усилия на переговоры с правительством метрополии. Весну 1950 г. он проводит в Париже, где 15 апреля обнародовал через агентство Франс-пресс свои знаменитые «7 пунктов», составивших новую программу-минимум требований Нового Дустура. Они сводились к следующему:

1) возрождение тунисской исполнительной власти – хранительницы тунисского суверенитета; 2) создание ответственного тунисского правительства, руководимого тунисским премьер-министром и назначаемого государем; 3) упразднение поста генерального секретаря правительства, деятельность которого сводит на нет весь тунисский аппарат управления; 4) упразднение французской жандармерии; 5) ликвидация института гражданских контролеров; 6) образование выборных муниципалитетов с обязательным французским представительством во всех населенных пунктах, где проживают французы; 7) создание на основе всеобщих выборов Национального собрания, первой задачей которого станет разработка демократической конституции, которая должна уточнить форму будущих франко-тунисских отношений на основе уважения законных интересов Франции, равно как и тунисской государственности.

По сравнению с тем планом реформ, который Бургиба излагал еще три года тому назад в частном письме²⁷¹, его программа «7 пунктов» – так ее нарекли журналисты, присутствовавшие 18 апреля на пресс-конференции председателя Нового Дустура в зале отеля Лютеция, не включала вопрос о создании самостоятельной тунисской армии. Предложенные им реформы, пояснял он, нацеленные на достижение независимости, «должны усилить и укрепить дух кооперации...». Повторяя в некотором смысле тезисы своей речи на II съезде партии, он убеждал, что Тунис – страна слишком слабая, чтобы сама защитить себя, и слишком уязвимая в стратегическом отношении; она не сможет обойтись без покровительства великой державы, «и мы хотим, чтобы ею была Франция»²⁷².

²⁷¹ Письмо, адресованное М'хамеду Бургибе из Каира (см. выше).

²⁷² *Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 126.*

В Париже, где Хабиб Бургиба задержался на три месяца, ведя «буржуазную» жизнь с семьей – женой и сыном – в отеле на бульваре Осман, он имел множество встреч, возобновил дружбу с профессором Ш.-А. Жюльеном и завел новые знакомства в европейских политических кругах. Тем временем во французской столице появились Фархат Хашед и Тахар Бен Аммар – член Большого Совета и председатель тунисской Сельскохозяйственной палаты. Имея связи в МРП, последний передал в правительство Франции меморандум, составленный в унисон с идеями Бургибы. Их подкрепило и бейское послание (о котором дома позаботился Салах Бен Юсеф) на имя президента Ориоля. В пользу решения тунисской проблемы высказался 42-й национальный съезд СФИО²⁷³. К этому следует добавить еще одно обстоятельство: 21 ноября 1949 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию о предоставлении независимости Ливии (к 1 января 1952 г.), а на ситуацию в соседней стране тунисцы всегда чутко реагировали, и официальный Париж брал это в расчет.

Французское правительство в принципе согласилось с предложениями Бургибы, по крайней мере выразило готовность обсудить хотя бы половину требований, сформулированных лидером Нового Дустура, и при этом, видимо, хотело убить двух зайцев. Во-первых, завоевать голоса социалистов, без чьей поддержки нельзя было провести реформу избирательного кодекса²⁷⁴, а Франция уже готовилась к грядущим парламентским выборам. Во-вторых, сбалансировать политику репрессий в Алжире, и непреклонности – в Марокко, куда пришлось послать генерала Жюэна, чтобы держать в повиновении султана [33].

Между тем Жан Монс по ряду причин отзывался из Туниса²⁷⁵, и некоторые здесь считали, что это решение было принято из-за истории «стулом и стульчиком», то есть эпизода, имевшего место в середине апреля, когда Генеральный резидент сопровождал Сиди Ламина в его поездке по стране и на митинге в Сусе вместо того, чтобы занять кресло рядом с беом,

²⁷³ 29 мая съезд заявил, что СФИО «осуждает всякую политику в Тунисе, направленную на сохранение статус кво, и требует, чтобы незамедлительно были открыты переговоры с квалифицированными представителями тунисской нации» (Цит. по: *Auriol V. Mon septennat*, Paris: Julliard, 1970, p. 263).

²⁷⁴ *Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante...*, p. 27.

²⁷⁵ С июня 1950 г. постоянный генеральный секретарь французского комитета по Национальной безопасности.

как полагается соправителям, уселся ниже. Такое faux pas наносило ущерб моральному престижу державы-протектора. Как бы то ни было, в замену Монсу была подобрана другая кандидатура лично министром иностранных дел, который в свое время избирался депутатом Национального учредительного собрания от Мозеля. Там он и нашел подходящего человека. Бывшего военного, но отнюдь не генерала, который на тот момент занимал должность префекта в этом крупном промышленном районе Франции рядом с Люксембургом, где в 1886 г. родился сам министр – выходец из потомственных лотарингских крестьян.

Итак, 31 мая 1950 г. было объявлено о назначении в Тунис нового Генерального резидента – Луи Перийе²⁷⁶. Ему поручалось подготовить и провести реформы, которые должны были «постепенно привести Тунис к внутренней автономии»²⁷⁷. Действительно, подобные слова прозвучали в напутственной речи министра иностранных дел, произнесенной на приеме в честь отъезжающего Перийе в здании старинной ратуши г. Тионвиль²⁷⁸. Более того, в этой речи, которую 9 июля вместе с виновником торжества услышали приглашенные на прием депутаты от заморских территорий, а также репортеры, промелькнуло сокровенное слово «независимость». Оно вызвало в Тунисе у людей из числа «туземцев», раскрывших на следующий день утренние газеты, всеобщее воскресение духа и замешательство – в Париже.

События во Франции, имевшие отношение к тунисскому вопросу, происходили в момент, когда подоспела очередная передача кресел в отеле Матиньон, куда то являлись новые персоны, то возвращались старые. Звон бокалов в Тионвиле звучал еще при правительстве Жоржа Бидо, которого 23

²⁷⁶ Подполковник в запасе, 50-летний Луи Перийе после первой мировой войны, в которой он успел принять участие, закончил Сен-Сир и затем служил в Тунисе лейтенантом корпуса зуавов. Потом вел в Сен-Сире курс войсковой связи, в тридцатых – работник префектур. Мобилизован в начале войны, с 16 ноября 1941 г. направлен в префектуру Алжира, после высадки союзников снова вступил в войска и принял участие в битве за Тунис. В 1943-1950 гг. префект Константины, затем Алжира и с 1947 г. – Нанси (в Мозеле). Приступив к обязанностям Генерального резидента в Тунисе с июня 1950 г., стремился содействовать мобилизации инвестиций в хозяйство, развитию жилищного строительства и социальной инфраструктуры. (*Dictionnaire biographique...*, p. 395).

²⁷⁷ Новейшая история арабских стран Африки, М.: Наука, 1990, с. 281.

²⁷⁸ Металлургический центр между Нанси и Страсбургом, на правом берегу р. Мозель, северо-восточная Франция.

июня должен был сменить на посту премьера Рене Плевен. Ему было дано президентом Франции поручение сформировать правительство. Он от этого уклонился, правда, выполнял функцию министра обороны в «коротком» кабинете Анри Кея (2-4 июля), затем все же подобрал состав своего кабинета (с преобладанием членов МРП), который получил 11 июля 1950 г. одобрение парламента. Однако мало кто сейчас даже в Европе и, наверное, в самой Франции помнит имена и биографии участников министерской чехарды Четвертой республики, хотя среди них были люди яркой и противоречивой судьбы. Кроме одного, пожалуй, имени, которое еще мелькает на газетных страницах²⁷⁹, а принадлежало оно хозяину главного кабинета на Кэ д'Орсе в течение четырех с половиной лет при нескольких сменявших друг друга в 1948-1952 гг. правительствах. Это имя – Робер Шуман.

Его чаще всего вспоминали в ночь на 1 января 2000 г., когда многие европейцы то ли радовались, то ли огорчались, прощаясь не только со вторым тысячелетием, но и со своей национальной валютой. Почти все СМИ уделили тогда внимание истории ЕС и самого процесса европейской интеграции, исходной точкой которого, как известно, послужило создание в 1950 г. Европейского объединения угля и стали, инициатором которого выступил Робер Шуман, глава французского МИД. Точной датой начала этого процесса можно считать 9 мая 1950 г., когда министр, будучи в Лондоне, сделал свой проект, получивший название «Pool Charbon-Acier», достоянием прессы... Однако будущие контуры Европы XXI века закладывались еще в недрах реального для того времени процесса формирования послевоенного, так называемого двуполярного мира. Мира холодной войны, или соревнования двух сверхдержав, просуществовавшего 40 лет. Косвенно это состояние относительного равновесия, частью которого было и острое соперничество между ведущими державами Запада, ускорило процесс деколонизации афроазиатских стран. В этой связи позволим себе небольшое отступление.

Наряду с образованием НАТО, потянувшим за собой появление различных альтернативных организаций и структур, составивших каркас двуполярной системы международных отношений, вокруг 1950 г. сконцентрировалось еще много важных эпизодов, которыми был отмечен переход послевоенного мира в новое качественное состояние. Если взглянуть только на хронику

²⁷⁹ См., например, интервью Жака Сантера – депутата Европейского парламента от Люксембурга, бывшего председателя Комиссии Европейского союза в 1995-1999 гг. («Независимая газета», Дипкурьер № 6, 5.4. 2001).

событий 1949 г., то среди них обращают на себя внимание: совещание в Лондоне (27-28 января) министров иностранных дел стран-участниц Брюссельского договора и принятие на нем решения о создании Совета Европы; интервью 30 января генералиссимуса И.В. Сталина американскому International News Service, открывшее процесс, названный в прессе «советским мирным наступлением»; подписание 4 апреля в Вашингтоне Атлантического пакта; снятие по приказу маршала Чуйкова с 0 часов и 01 минуты 12 мая блокады Берлина, совещание в Париже (23 мая – 20 июня) министров иностранных дел четырех великих держав по вопросу о будущем Германии; провозглашение 1 октября Китайской Народной Республики и 7 октября – ГДР. Наконец, в ноябре-декабре: создание новой организации, учрежденной в Лондоне тред-юнионами западных стран под названием Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП)²⁸⁰, совещание начальников военных штабов стран НАТО, визит Мао Цзэдуна в Москву, провозглашение независимости Индонезии, решение ООН о признании государства Израиль и международного статуса Иерусалима...

В рамках Французского союза 1949 г. был ознаменован прежде всего подписанием в Елисейском дворце мартовских франко-вьетнамских соглашений, результатом которых стало включение Южного Вьетнама (под руководством бывшего аннамского императора Бао Дая) в состав сообщества «на правах независимого ассоциированного государства», на что Вьетминь ответил военным наступлением... Во внутренней жизни Франции, помимо бюджетных баталий, поступления в свободную продажу бензина, автомобилей и сельскохозяйственной техники (одна из мер на пути к «либерализации рынка»), избрания Жоржа Бидо председателем МРП, прихода к власти в октябре его кабинета министров, сменившего предыдущий «хрупкий» кабинет Кея, чрезвычайного 41-ого съезда СФИО и проч., большое место заняла развернутая коммунистами кампания в защиту мира, которой – как считали ее противники – подала знак 9 февраля передача московского радио на французском языке, предупреждавшая, что «в силу своего участия в Атлантическом блоке... Франция будет вынуждена наращивать военные расходы» и что Североатлантический пакт «наносит по-

²⁸⁰ International Confederation of Free Trade Unions возникла в результате раскола ВФП, объединив «реформистские» профцентры Запада. Вскоре к ней присоединились профцентры некоторых стран «третьего мира». К 1977 г. включала 120 национальных организаций (88-и стран) с общей численностью свыше 53 млн. человек.

Программа почетного компромисса с Францией

следний удар по независимости Франции, которая своим присоединением к пакту растоптала свой договор о дружбе и союзе с СССР»²⁸¹.

Первую веху в этой кампании поставила статья Пьера Куртади «Французский народ никогда не станет воевать с Советским Союзом» («L'Humanité» 11.2.1949), вторую – речь Мориса Тореза 22 февраля на сессии ЦК ФКП, где он заявил: «Французское правительство активно сотрудничает с агрессивными англосаксонскими империалистами. В Фонтенбло находится иностранный военный штаб, а Франция и ее заморские владения превращаются в базы агрессии против СССР и стран народной демократии...». На заседании Национального собрания 24 февраля депутат правого крыла потребовал, чтобы ФКП была объявлена вне закона, но предложение предъявить Торезу обвинение в государственной измене получило поддержку лишь 52 голосов против пятисот²⁸². 20 апреля в Париже состоялся праздник «Journée nationale de la paix», в том же месяце прошел Всемирный конгресс сторонников мира (Париж – Прага) и было основано Движение сторонников мира во главе с постоянным комитетом – Всемирным советом мира. Левоцентристская СФИО и английские лейбористы расценили это мероприятие как инспирированный Москвой коммунистический трюк и указали членам своих партий воздержаться от участия в конгрессе, к которому Пикассо нарисовал своего «Голубя мира», ставшего символом антимилитаристского движения, которое вскоре приобрело широкий размах.

Следующий политический год открылся 18 января признанием правительства Хо Ши Мина со стороны Китая (спустя две недели за Пекином последовала Москва) и заключением 26 января между США и Южной Кореей соглашения о «совместной обороне и взаимопомощи». 19 марта раздалось Стокгольмское воззвание Всемирного совета мира с требованием запрещения атомного оружия, и тысячи людей ставили свои подписи под этим документом. К ноябрю в разных странах и государствах это сделали около 500 млн. человек, из них 14 млн. во Франции. В июне 1950 г. грянула корейская война, за несколько дней до начала которой госсекретарь Дж.Ф. Даллес заявил в Сеуле о готовности США всемерно поддерживать Южную Корею как «форпост борьбы против коммунизма»...

²⁸¹ «L'Année politique 1949», Paris: Ed. du Grand Siècle, p. 55.

²⁸² Берт А. Указ. соч., с. 273.

Программа почетного компромисса с Францией

Тем временем на Кэ д'Орсэ 20 июня состоялось первое заседание «Шестерки» под председательством Жана Монне²⁸³. Страны-участницы (Франция, Италия, ФРГ, Бенилюкс) были представлены лишь на уровне экспертов. «Но этот спектакль, – заметил шеф протокола французского МИДа, – представлял собой драматическую картину из-за присутствия в конце стола немецкой делегации. Группой они вошли в зал, вдохнув полной грудью кислород больших переговоров, в которых никто из них раньше не участвовал. Они почувствовали себя принятыми в клуб... Вид у них был усопших душ. Физиономия немецкого официального лица, если не похожа на змеиную, то имеет сходство с головой ящерицы или черепахи» – закончил свою дневниковую запись шеф протокола, выдав этими словами еще неизбытую ненависть француза к вчерашнему военному неприятелю²⁸⁴.

Конкретной датой не отмечено другое явление, хотя оно может быть условно отнесено все к той же «точке» – хронологической середине прошлого века. На это обратил внимание Поль Байрох, известный экономист, который строит свои рассуждения в форме развенчания мифов. Один из таких мифов, по его мнению, развеяла сама жизнь: это представление о том, что мир передового капиталистического хозяйства, или индустриальных стран, не мог существовать без эксплуатации колоний²⁸⁵. Но если все же эксплуатация «мировой деревни мировым городом» (Франц Фанон) исторически была необходима последнему ради прямого доступа к сырьевым ресурсам, отчасти – для покрытия собственных нужд в продовольствии (вспомним хотя бы поставки хлеба из Алжира и пресловутый «удар опаха-

²⁸³ Монне, которого считали истинным автором «плана Шумана», а недоброжелатели – технократом, одержимым страстью к наднациональным институтам, в 1955 г. возглавлял Европейское объединение угля и стали.

²⁸⁴ Dumaine J. Quai d'Orsay 1945-1951, Paris: Julliard, 1955, p. 505.

²⁸⁵ Автор доказывает, что в эпоху промышленной революции экономический рост был ниже у «метрополий», включая Англию, чем у стран Запада, не имевших колоний. К 1950 г. производительность сельскохозяйственного труда в «третьем мире» была в 7 раз ниже, чем в странах Запада и на 30-40% ниже их среднего индекса 1800 г. Совокупный экспорт колоний находился в 1950 г. на том же уровне, что и в 1913 г., составляя 3,2 млрд. долл.; правда, их территория к этому времени почти вдвое сократилась. Экспорт «метрополий» (mother countries) возрос за 1913-1950 гг. с 8 до 20,5 млрд. долл. и достиг 63,7 млрд. к 1963 г., а значит, скакнул вверх после потери колоний (Bairoch P. Economics and World History. Myths and Paradoxes, Great Britain, Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1993, p. 82-96).

лом)), то к 1950 г. этот мир, который нынче называют «золотым миллиардом», уже осознавал свою относительную самодостаточность. И не только интуитивно, некоторые колонии на самом деле были дотационными (например, Камбоджа — изначально, другие в канун или после второй мировой войны). Иными словами, колониальная эпоха исчерпала себя не только потому, что национально-освободительное движение было уже не остановить.

Не надо доказывать, что в значительной мере факторы, заставившие Францию в течение пятнадцати лет — даже больше, если считать с момента, когда 23 ноября 1946 г. раздались выстрелы с крейсера «Сюффрен» по Хайфону, или с того дня, 19 декабря 1946 г., когда вспыхнули бои на улицах Ханоя, и вплоть до Эвианских соглашений, давших свободу Алжиру, вести изнурительную борьбу за удержание своей империи, лежали не в экономической, а совсем в иной плоскости [34]. Конечно, определенная часть деловых кругов метрополии имела спекулятивные интересы в Индокитае, особенно в Кохинхине (Южный Вьетнам). «Отчасти вследствие помощи по плану Маршала и исчезновения “черного рынка” в самой Франции для аферистов уже не было прежнего простора, и Индокитай стал для них в 1949–1950 годах излюбленным полем деятельности»²⁸⁶.

Теневой бизнес, опутанный связями с министрами, парламентариями и политиками-невидимками, был заинтересован в продолжении войны во Вьетнаме, крайне непопулярной, которая теперь стоила 150 млрд. франков в год и оказывала все большее влияние на ход политической борьбы во Франции. Между тем широкая публика метрополии оставалась довольно равнодушной к Юго-Восточной Азии, чего нельзя сказать о Северной Африке, которая пришла в брожение и служила источником постоянных тревог из-за наличия здесь большого французского населения. Оно еще прибывало в такие города, как Касабланка, привлеченное освоением минеральных ресурсов Марокко. По всему региону бурно развивались предприятия обрабатывающего комплекса, в довоенном Тунисе — зачаточного²⁸⁷. Однако, несмотря на из-

²⁸⁶ Верт А. Указ. соч., с. 394.

²⁸⁷ В довоенный период Тунис обладал относительной финансовой автономией. Бюджет протектората формировался за счет внутренних налогов и внешних займов (у той же Франции), за счет которых производились общественные работы, инфраструктурное строительство и т.п. После второй мировой войны Тунис, где велики были военные разрушения, а частные инвестиции стагнировали еще с 1930 г., потребовал крупных финансовых вливаний из метрополии. В этой связи был разработан первый пятилетний

вестный подъем современного сектора хозяйства, в том числе земледелия, освоившего кредиты, выделенные Алжиру и обоим протекторатам согласно первому плану (1946–1952 гг.) модернизации экономики стран-участниц Французского союза, общие затраты на укрепление так называемого французского присутствия (*présence française*) в Северной Африке явно превосходили экономические выгоды, извлекаемые на этой территории метрополией, как таковой. И может быть, это простое совпадение, но оно символично — именно Робер Шуман выступил в 1950 г., пусть не решительно, за смягчение политики по отношению к тому владению, которое стало обузой для Франции²⁸⁸. Выступил официально за «существенные реформы» в Тунисе и бессознательно, оговоркой, за его независимость.

план «реконструкции», вступивший в силу с 1 марта 1945 г. и позднее включенный в общий план модернизации Франции и ее заморских территорий. Помимо восстановительных работ, план для Туниса предусматривал развитие энергетики и транспортной сети, подъем земледелия (программа «Paysannat»), создание пищевой и легкой промышленности (в том числе консервных заводов). До 1948 г. источником финансирования служили обычный бюджет, выпуск облигаций (*bons d'équipements*) и кредиты из французской казны. Затем Тунис стал получать средства по плану Маршала: около 20% от выделенных для всей Северной Африки. В 1949–1950 гг. французское казначейство авансировало Тунису 750 млрд. ст. франков, которые законом от 31 декабря 1951 г. были консолидированы в долгосрочный кредит. Архивы министерства финансов метрополии свидетельствуют, что чиновники этого ведомства выражали постоянное беспокойство растущей «ценой» Туниса. Его внутренний доход вырос к 1952 г. в постоянных франках на 8%, по сравнению с 1938 г., а государственные (общественные) расходы в абсолютном измерении удвоились (Подробнее см.: *Dougui N. Le financement des investissements en Tunisie // Actes du IX-e Colloque international sur Processus et enjeux de la décolonisation en Tunisie (1952–1964), Tunis: Université de Tunis, ISHMN, 1999, p. 239–251*).

²⁸⁸ Любопытно, что еще откликаясь на кризис 1922 г., Родд Бале (литературный псевдоним Шарля Моншикура, означающий на тунисском диалекте арабского «Обернись!») писал, что после первой мировой войны многие в регентстве зря воображали, что жизнь снова будет такой, как прежде, какой она была до августа 1914 г. «Становилось ясно, что Тунис — самое слабое место нашей Северной Африки из-за незначительной численности нашего этнического элемента, наличия европейцев-иностранцев, образующих компактный блок, из-за беспокойного соседства Триполитании, из-за сотен окон, распахнутых на Египет и на Восток, откуда налетали ветры национализма и большевизма» (*Rodd Balek. La Tunisie après la guerre, «L'Afrique Française, Paris, № 3, 1922, p. 136*).

Разумеется, очередные проводы в Париже губернатора, отъезжающего в теплые края, лишь крохотное пятно на «шахматной доске» большой мировой политики середины XX века; но для тунисцев, равно как и для полутора миллионов французов Северной Африки, это событие не прошло незамеченным. Что же сказал министр тем вечером в Тионвиле?

Он сказал, что Луи Перийе, вступающему в новые для него служебные обязанности, доверена «миссия понять Тунис, содействовать полному расцвету его богатств и повести к независимости, которая является конечной целью для всех территорий в системе Французского союза» («mission de comprendre et de conduire la Tunisie vers le plein épanouissement de ses richesses et de l'amener vers l'indépendance qui est l'objectif final pour tous les territoires au sein de l'Union française») ²⁸⁹. По смыслу и по духу это не противоречило преамбуле конституции Четвертой республики. Однако в речь закралось одно каверзное слово...

«Кто из моего поколения, – восклицает известный тунисский хирург и автор серии книг в мемуарно-историческом жанре, – не сохранил в памяти эту знаменитую декларацию в Тионвиле? Впервые после установления протектората действующий французский министр, глава ответственного ведомства, произнес в отношении Туниса магическое слово “независимость”. Это событие, а речь шла действительно о маленьком событии, вызвало благоприятный отклик в самых разных тунисских кругах, почти что эйфорию. Многие даже и не потрудились целиком прочесть эту декларацию... Опередившая других, “Le Petit Matin” (напомним, тунисская утренняя газета – М.В.) сообщила горячую новость, опустив последнюю часть фразы, где говорилось о Французском союзе. Другие газеты так ее и перепечатали» ²⁹⁰.

Словом, произошло недоразумение. Фраза Шумана, понятая буквально, означала бы готовность, если не всего правительства метрополии, то главы министерства, непосредственно курирующего протектораты, пойти не только на почетный компромисс, но и дальше требований программы-минимум Нового Дустура. На самом деле министр, принадлежавший к той же буржуазной католической партии ²⁹¹, что и Жорж Бидо – в недавнем прошлом видный участник Соппротивления, носившийся теперь с идеей «войны креста и

²⁸⁹ Mestiri S. Le ministère Chenikà la poursuite de l'autonomie interne, Tunis: Arcs Editions, 1991, p. 29.

²⁹⁰ Ibid., p. 30.

²⁹¹ Таковой по сути являлась партия МРП, хотя это не отражалось в ее названии.

полумесяца» (которая далеко его заведет), – был не больше, чем за ускорение реформ в Тунисе, о чем он и раньше неоднократно говорил президенту республики ²⁹². Оба разделяли мнение, что реформы эти назрели и пора договариваться с тунисскими националистами, но оба же не пришли к ним на выручку, когда «политическая весна» 1950 г. закончилась унылой осенью 1951 г.

«Вообще говоря, – заметил Александр Верт, – во Франции шла борьба двух направлений: политики грубой силы, с одной стороны, и политики соглашения, добровольного сосуществования, постепенной эмансипации и самоуправления, – с другой. Оба направления обвиняли друг друга в пропаганде курса, который может привести только к потере Северной Африки: политика грубой силы приведет к сопротивлению и восстанию, политика самоуправления – к быстрому вытеснению Франции из ее Североафриканской империи... Правые и МРП полностью поддерживали “жесткую политику”. Социалисты, выступая на словах за “эмансипацию”, на деле сдерживали свой антиколониалистский пыл, равняясь на французские социалистические организации в Северной Африке (а эти организации, составлявшие часть “белого общества”, были настроены отнюдь не “антиколониалистски”)» ²⁹³.

Ту же мысль более абстрактно высказал известный тунисский писатель Альбер Мемми в своем эссе «Портрет колонизованного, предваренный портретом колонизатора», которое публиковалось частями и впервые было издано книгой в 1957 г. «Этот человек, – пишет он о второй фигуре своего диптиха, – быть может, нежный друг и заботливый отец, который у себя на родине по своему социальному положению, семейному окружению и естественным дружеским связям был бы демократом, уверенно превращается в консерватора, реакционера и даже колониального фашиста... Из людей, принадлежащих к одному и тому же классу, житель колонии натурально более правый, чем житель метрополии. Один товарищ, недавно приехавший, поделился со мной наивным удивлением: он не понимает, почему это... члены СФИО или радикалы в метрополии становятся реакционерами или фашиствующими в колонии» ²⁹⁴.

²⁹² Aurial V. Journal du septennat 1947-1954, Paris: Colin, 1970, T. 3, 1949, p. 440-441, T. 4, 1950, p. 266.

²⁹³ Берт А. Указ. соч., с. 425.

²⁹⁴ Memmi A. Portrait du colonisé précédé de Portrait du colonisateur, Paris: Gallimard [переиздание], 1985, p. 79, 88.

Однако в каждом правиле есть свое исключение. Тунисская федерация СФИО, которая изначально, то есть еще до Турского съезда (раскола партии на социалистов и коммунистов) имела в своем составе «автохтонный элемент», а с 1947 г. ратовала за срочные социально-экономические и политические реформы в регентстве, определенно высказалась в 1949 г. за его поэтапное движение к внутренней автономии. Иными словами, подали идею, созвучную той, которую вынашивали «умеренные» в рядах Нового Дустура. Она получила одобрение на 42-м съезде СФИО. Эта позиция «была самой смелой из когда-либо занятых ранее Французской социалистической партией по колониальному вопросу»²⁹⁵.

Надо сказать, что благоприятное для Туниса расположение звезд на политическом горизонте Франции начала 1950 г., было результатом стечения целого ряда обстоятельств. Исполнительная власть в лице коалиционных правительств, в которых главенствовало Движение народных республиканцев (МРП), споривших с социалистами по многим вопросам, в частности по поводу школьных субсидий и светского обучения, отставяемого антиклерикальной СФИО, имела основание опасаться атак с ее стороны. Эта старейшая французская партия, несмотря на ощутимую потерю личного состава²⁹⁶, сократившегося больше, чем вдвое, по сравнению с «пиком» 1946 г., и опустившегося ниже показателя 1936 г., сваливала один за другим кабинеты министров, начиная с правительства Рамадье —

²⁹⁵ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 264 См. также: Cohen-Hadria E. Du protectorat français à l'indépendance tunisienne. Souvenirs d'un témoin socialiste, Nice: C.M.M.C., 1976, p. 320-322.

²⁹⁶ Личный состав этой единственной французской партии, все еще считавшей себя филиалом какой-либо международной организации и пользовавшейся официальным названием «Французская секция Рабочего интернационала» (SFIO), упал с 354 тыс. человек в 1946 г. (максимальный показатель) до 150 тыс. в 1949 г. и 136 тыс. в 1950 г., 127 тыс. — в 1951 г. Количество поданных за нее голосов на парламентских выборах сократилось с 4,6 до 2,7 млн. за 1945-1951 гг. По неофициальным данным, в ее рядах к этому времени рабочие и государственные служащие составляли почти 50%, но среди партийных функционеров первые — 11,4%, а вторые — 37,4%. Служащие частного сектора составляли 8,8% рядовых членов партии и 13,5% партийных функционеров. Лица свободных профессий, соответственно, 2,6 и 10%. Среди рядовых было много пенсионеров и лиц с неопределенными либо не известными занятиями — всего 19,7%, которые в категории функционеров не были представлены (См.: Салычев С.С. Идеология и политика Французской социалистической партии, М.: Мысль, 1966, с. 15-16).

между тем «одного их своих»²⁹⁷. Она же подточила и кабинет Бидо, который поначалу выглядел вполне жизнеспособным.

Политической подоплекой обострения конфронтации СФИО с МРП было «дело генералов», суть которого состояла в том, что генерал Мاست (бывший Генеральный резидент в Тунисе) метил на пост Верховного комиссара в Сайгоне; и его как человека, настроенного на ограничение военных действий в Индокитае, даже на мирные переговоры с Хо Ши Мином, поддерживали социалисты. Однако все запутали таинственные махинации лиц, заинтересованных в экспортно-импортных прибылях и спекуляциях на индокитайском пиастре, дискредитировавшие самого Маста и социалистов. На парижской сцене появился некий вьетнамец Ван Ко — агент Бао Дая, тративший несчетные деньги в ресторанах и на подкуп разных политических деятелей и газетчиков. Секретные документы были обнаружены в трамвае...

Как результат, после шумного заседания парламента 7 февраля 1950 г. министр внутренних дел Жюль Мок вышел вместе со всеми социалистами из правительства, и они временно находились в оппозиции. Это грозило развалить «третью силу», то есть центристский блок СФИО — МРП с довеском из партии радикалов и радикал-социалистов; блок, который с мая 1947 г. в основном формировал правительства, балансируя во «всевластном» парламенте Четвертой республики между собственно левыми (коммунистами и прогрессистами), с одной стороны, и оппозицией справа, включая голлистов и крайне правых, — с другой.

Ссора в политических верхах метрополии создавала лазейку для предложений Нового Дустура. То ли заигрывая с социалистами, то ли искренне с ними соглашаясь, Робер Шуман приступил к своему тунисскому «эксперименту» по поиску модус вивенди с дустуровцами и при этом, возможно, следовал мудрости здравого смысла «плохой мир лучше хорошей драки». Но так, разумеется, не думали другие националисты — защитники «présence française» в Северной Африке, запротестовавшие сразу после первых сообщений прессы о «7 пунктах». Запевалой в этом хоре голосов был Антуан Колонна, который возглавил Французское объединение Туниса (Rassemblement Français de Tunisie), куда вошли сторонники правых и правоцентристских французских партий, в том числе республиканцы, голлисты, радикалы, а также беспартийные политики правого политического спек-

²⁹⁷ Dumaine J. Op. cit., p. 506. Второй кабинет Рамадье пал 19 ноября 1947 г.

тра²⁹⁸. Их «тенор», чиновник ведомства общественных работ в Тунисе, он же — член верхней палаты французского парламента, забил тревогу еще до того, как прозвучала сенсационная «Тионвильская декларация».

Президент Франции (социалист) Венсан Ориоль, записал 30 мая 1950 г. в своем дневнике, после аудиенции, которую он дал сенатору Колонна, что тот боится угрожающего развития событий, которые «обернутся кровавыми», и требует навести порядок, чтобы вернуть доверие тунисцев к французским властям. Каким образом? — «Дустур поставить вне закона. Надо его вновь разрушить, преследовать Бургибу... Когда это будет сделано, привлечь тунисцев к общественным делам...»²⁹⁹. Продолжая запись о своем визитере, президент Ориоль заключил: «Правда этой истории состоит в том, что надо было еще год тому назад осуществить реформы и не ждать, пока их у нас вырвут; так пропадает весь положительный эффект операции... А что делается: сначала отказывают в реформах, прибегают к авторитарному нажиму, чтобы снова вернуться к реформам. Такая политика до добра не доведет!».

Обращает на себя внимание, что мрачный прорицатель Колонна явно напоминал грозившего «пролитием крови» в 1937 г. Венека, тогдашнего главу французской Сельскохозяйственной палаты Туниса (см. выше).

²⁹⁸ Rassemblement Français de Tunisie — организация, сложившаяся в конце 1944 г., официально была учреждена в марте 1945 г. и первоначально имела название Union Française de Tunisie. Инициаторами ее создания стали различные ассоциации колонистов во главе с крупными землевладельцами, настроения которых выражал выходивший со 2 мая 1944 г. еженедельник «L'Opinion de Tunisie», полемизировавший с социалистами и сторонниками «Сражающейся Франции». Поначалу группировка «рассамблистов» выглядела как клуб богатых, но стремилась привлечь многочисленную чиновничью братию и выбрала себе в председатели Антуана Колонна. Очертания партийной организации приобрела накануне выборов в Учредительное Национальное собрание Франции, которые почти совпали по времени с выборами в тунисский Большой Совет. Они принесли победу правым. На выборах во второе Учредительное собрание (2 июня 1946 г.) им досталось 66% голосов французов Туниса. Электорат подкупили два лозунга, с которыми выступил Колонна: во-первых, забыть и простить все грехи коллаборационистов вишистской эпохи и периода итало-немецкой оккупации, во-вторых, быть в стороне от идеологических конфликтов метрополии, ибо французы Туниса имеют свои проблемы и своего врага — тунисский национализм (Aleya Sghaier A. La Droite française en Tunisie entre 1934 et 1946, Tunis: ISHMN, 2004, p. 239-242).

²⁹⁹ Auriol V. Mon septennat, Paris: Julliard, 1970, p. 263-264.

Да и другие участники нового раунда обмена обещаниями, с одной стороны, знаками доверия, — с другой, и агрессивным протестом, — с третьей, походили в спектакле «Почетный компромисс» на актеров римейка пьесы «Благоприятное предрасположение», сыгранной в эпоху правительства Народного фронта. Но если в «роли Вьено» на сей раз выступал Р. Шуман, а в «роли Гийона» — Л. Перийе, то последнего заведомо ожидал провал, еще не очевидный в первой сцене действия с предыдущим исполнителем.

Дело в том, что Шуман всячески откешивался от своих слов на банкете в Тионвиле, опубликовал в газетах опровержение, пытался навести туман и разъяснить, что его неправильно поняли. Но фраза уже вылетела, и Перийе был ею «с самого начала приговорен»³⁰⁰. Одни от него слишком много ждали, другие с ходу бросились в превентивную атаку.

Согласно официальным заявлениям, ближайшие преобразования в Тунисе должны были включать: изменение порядка деятельности местного правительства (расширение сферы полномочий тунисского премьера, отмену практики назначения французского советника при каждом министре и т.д.), создание условий для более широкого доступа тунисцев к замещению должностей на государственной службе и муниципальную реформу. Благодаря этому тунисцы будут вовлечены в сферу управления с тем, чтобы «взять на себя большую долю ответственности позже». Таковы были планы, обрисованные 13 июня 1950 г. в радиообращении Генерального резидента к населению регентства, а также в речи главы МИД, которого заслушала парламентская комиссия по иностранным делам. При этом Шуман подчеркнул: «французские приобретения» («des acquis français») в Тунисе останутся под защитой³⁰¹.

Политика Перийе, продолжавшего курс Ж. Монса, который пытался найти формулу сотрудничества с тунисской оппозицией, натолкнулась на серьезные трудности. В стране не утихали волнения и забастовки. Французское объединение Туниса требовало: а) покончить со слабостью власти, а следовательно, отказаться от реформ, которые способны лишь усложнить кризис; б) вежливо, но твердо напомнить бею, что ему надлежит блюсти уважение к прерогативам державы-протектора; в) объявить Новый Дустур вне закона как нелегально восстановленную организацию и уволить состоящих в нем служащих; г) возбудить судебное преследование

³⁰⁰ Garas F. Op. cit., p. 168.

³⁰¹ Mechat S. Op. cit., p. 121-122.

его лидеров и руководителей 125 партийных ячеек по статье «покушение на государственную безопасность»; д) распустить профсоюзы, объединенные под эгидой ВТСТ; ж) восстановить цензуру в полном соответствии с режимом осадного положения.

Автором этого ультиматума был Антуан Колонна, обретавший все большее влияние и даже знаменитость. Тот самый Колонна, который стал именем нарицательным не только в Тунисе, но и во Франции. Программе «7 пунктов» Бургибы он противопоставил свои «6 пунктов». Они были опубликованы на страницах «Le Monde», где развернулась полемика вокруг предложений Нового Дустура (на стороне тунисцев в ней выступал Ш.-А. Жюльен), а 25 мая поданы в виде закрытого письма на Кэ д'Орсэ от имени Французского объединения Туниса. Получателями подобных нот были и другие министерства, Елисейский дворец, спикер Национального собрания – его «патриарх» Эдуард Эррио и парламентские комиссии.

«Мы еще не отметили, ... что европеец в колониях вдвойне привилегированный: по отношению к колонизованному и по отношению к жителю метрополии, ... чиновник больше получает, коммерсант платит меньше налогов, промышленник меньше тратит на закупку сырья и оплату рабочей силы. ... Колониалист не пребывает в неведении насчет того, что он вынуждает метрополию содержать армию и что колония, дающая ему все преимущества, стоит жителям метрополии больше, чем она им приносит. ... Он должен все время бдительно, а если нужно, и вмешиваться, чтобы метрополия продолжала содержать свои войска, которые его защищают, хранила политические привычки, обеспечивающие терпимое к нему отношение, и сохраняла, наконец, это свое лицо, которое ему подходит и которое он может обратить против колонизованного. А колониальные бюджеты будут ценой, заплаченной метрополиями, убежденными в сомнительном величии быть метрополиями»³⁰².

«Отражая структурные изменения, которые претерпела после второй мировой войны сама французская колония, – пишет Саид Мстири, – Французское объединение Туниса включало, наряду с выразителями “традиционных” интересов магнатов земельной колонизации, акционеров промышленных и добывающих компаний, еще и многочисленных “маленьких белых” (petits blancs), в том числе натурализованных итальянцев и евреев»³⁰³. Эта ассоциация, подозрительно напоминавшая своим названием

³⁰² Memmi A. Portrait du colonisé précédé de Portrait du colonisateur..., p. 87, 89.

³⁰³ Mestiri S. Op. cit., p. 20.

партию голлистов Объединение французского народа (РПФ)³⁰⁴, предусматривала индивидуальное членство и коллективное; в нее вошли местные отделения всех французских партий, кроме СФИО.

Созданная в полном соответствии с нормой демократической процедуры, она «имела за своей спиной тысячи мелких чиновников, которым грозила потеря места в случае, если Тунис получит независимость»³⁰⁵. Они предупредили, что сами начнут бессрочную забастовку. Не дремали и члены французской секции Большого Совета, избранного в предыдущем году. Они явились 4 июля 1950 г. к Генеральному резиденту Перийе, высказав свое возмущение «политикой ухода» («politique d'abandon»), и потребовали, чтобы до любой реформы «в стране была восстановлена власть Франции», а также отринута мысль «вести дискуссию с теми, кто французский суверенитет в Тунисе обсуждает и тем паче отрицает»³⁰⁶.

10 июля бюро этой секции подало в коллективную отставку, мотивируя ее категорическим несогласием с тем, что тунисских министров собираются оставить без французских советников-дублеров и, значит, ан-

³⁰⁴ Rassemblement du Peuple Français (RPF) – партия, основанная и возглавленная де Голлем. Существовала в 1947–1953 гг., придерживаясь тактики активной оппозиции, если не бойкота по отношению к правительствам Четвертой республики. Слова «партия» в названии своей организации де Голль – сторонник «авторитарной демократии» избегал, так как выступал против партий, которые должны были, по его мысли, уступить место «объединению всех французов». По словам Жака Сустеля, считавшего себя, а не де Голля истинным теоретиком голлизма, эта доктрина, восходящая к Бразавильской конференции 1944 г., якобы представляла собой реальный проект «деколонизации», который покоился на тезисе о том, что только Франция способна обеспечить свободное развитие колонизованных народов и что у нее самой «нет будущего, если она оставит свою миссию в рамках Французского союза» (Soustelle J. Op. cit., 292). В Тунисе отделение РПФ возглавлял некий де Клюгено, который писал в газетах, «превосходя своей ретивостью» самого Антуана Колонна, и забрасывал докладами о положении в Тунисе центральное руководство РПФ (Mestiri S. Op. cit., p. 181). Сам он вышел из этого руководства в марте 1953 г., когда де Голль, посетивший Черную Африку, а затем Тунис, холодно встретил призыв де Клюгено «осудить Дустур за террористическую деятельность» (Julien Ch.-A. Op. cit., p. 101).

³⁰⁵ Garas F. Op. cit., p. 166.

³⁰⁶ Ibid., p. 170.

нулировать принцип «co-souveraineté», а их собственное мнение, представителей французских граждан в Большом Совете, заранее не спросили³⁰⁷.

В Париже «рассамблисты» — члены Французского объединения Туниса усиленно обрабатывали парламентариев, среди которых политическим тяжеловесом был алжирский «король виноделия» Анри Боржо, швейцарец по происхождению, который считался в Алжире первостатейным богачом и по-жаком твердолобых реакционеров. Во главе с ним «рассамблисты» отправились делегацией к премьеру Кею, тем самым продемонстрировав солидарность всех «белых поселенцев» Северной Африки³⁰⁸. Именно организованный характер этого натиска составлял отличие от прошлых времен, когда в Париже делали погоду отдельные колониальные бароны. И хотя развитие упреждающего удара против «почетного компромисса» осуществляли сенатор Колонна и иже с ним, мало кто сомневался, что закулисным дирижером кампании «антиперийе» являлся Генеральный резидент в Марокко — Альфонс Жюэн, избранный (18 ноября 1949 г.) в парижскую Академию колониальных исследований, надо думать, не за научные заслуги. Этот уроженец Восточного Алжира, женатый на дочери богатых колонистов из Константины и любивший называть себя «старым марокканцем», явно получил в Рабате экстраординарные полномочия и возглавлял военное каре идеологов французского присутствия в Северной Африке³⁰⁹. Они группировались вокруг вышеупомянутой академии с почтенным возрастом (основана в 1876 г.), Комитета Французской Африки (1880 г.), Французской колониальной лиги (1913 г.), а также вокруг других общественных комитетов, ассоциаций и солидных журналов, возникших после второй мировой войны.

Луи Перийе и сам поспешил в Париж, где ни в какой инстанции не получил убедительной поддержки. Все это происходило в те дни, когда высшие политические круги во французской столице были поглощены своим министерским кризисом, им было не до трудностей Генерального резидента в Тунисе, который оказался перед дилеммой: как поддерживать порядок в стране и одновременно проводить реформы³¹⁰. На всякий случай он запретил митинги и демонстрации, хотя свободу прессы ущемлять не стал.

³⁰⁷ Mechat S. Op. cit., p. 123.

³⁰⁸ Garas F. Op. cit., p. 167.

³⁰⁹ См., например: Juin A. Présence française en Afrique du Nord, «Hommes et Mondes», février 1950, p. 194-202.

³¹⁰ Одним из требований националистов было снятие режима осадного положения,

Современники характеризовали Луи Перийе как человека умного и гибкого, лучшего из всех побывавших в протекторате французских администраторов высшего ранга, который мог бы вытянуть воз из болота. Несчастье заключалось в том, что он не имел надежных покровителей на Кэ д'Орсе, если не считать министра, который 19 июля заявил в верхней палате парламента: «Мы не можем бесконечно сохранять (в Тунисе — М.В.) прямое управление французов; отказ от него является целью задуманных нами реформ»³¹¹. Однако внимание Р. Шумана было приковано к европейским делам, а Перийе, недооценивший силовую мощь «рассамблистов», начинал говорить их словами, менял собственные планы на противоположные и совершал одну ошибку за другой, отталкивая от себя тех самых людей, с которыми хотел вести диалог.

Во Франции вспышка интереса к Тунису сошла на нет. Корейская война, известие о которой достигло Парижа 25 июля, в воскресенье, когда почти все политические деятели отдыхали за городом, вначале была опростметчиво воспринята как локальный конфликт, потом вызвала всеобщее осуждение, а в августе Франция пережила своего рода панику. Ощущение инерционного движения к неведомой катастрофе сменилось настроением «перед потоком». Домохозяйки стали запасаться продуктами, говорили о третьей мировой войне, одни воображали американцев, употребивших атомное оружие под Ленинградом, другие — русских на берегах Луары. Так или иначе, война на Корейском п-ове проложила глубокий исторический рубеж; и для Франции в том числе. Она подстегнула гонку вооружений и, следовательно, рост цен и стоимости жизни. На этом фоне «первозданный хаос» напряженного 1949 г. с его ворохом проблем, которые либо «ставились и не решались», либо получали «поспешные и поверхностные» ответы³¹², стал казаться эрой стабилизации. Не случайно Эдгар Фор позднее «упомянул о “вираже” — резком повороте 1950 г., жестоко нарушившем

которое после войны в полном объеме не соблюдалось, но и не отменялось. В этой связи Луи Перийе обратился за консультацией к генералу Жюэну, спросив его: «не вызовет ли такая мера инциденты в Марокко?». Из Рабата поступил однозначный ответ, что снятие режима осадного положения в Тунисе нежелательно (Цит. по: Mechat S. Op. cit., p. 123).

³¹¹ Бепм А. Указ. соч., с. 472.

³¹² Siegfried A. Introduction à l'Année politique 1949 // L'Année politique 1949, Paris: Ed. du Grand Siècle, 1950, p. VIII.

финансовое и экономическое равновесие, которого Франция почти уже достигла в начале указанного года, впервые после Освобождения»³¹³.

Естественно, что экономика Магриба испытала на себе этот «впечатление» в виде инфляции, и тунисские профсоюзные лидеры обоих направлений: ОПТТ под началом коммунистов и ВТСТ в альянсе с Новым Дустуром, настраивали свои ряды на сопротивление. Фархат Хашед участвовал в заседаниях политбюро Нового Дустура, оно шло на переговорный процесс с властями, однако на той же полосе газет, где публиковались статьи в пользу этого процесса, рабочий лидер призывал трудящихся к экономической борьбе. Речь шла в первую очередь о пересчете заработной платы в связи с инфляцией (в самой Франции «подтягивание» шкалы заработной платы к ценам производилось уже в десятый раз после войны), но жизнь в Тунисе «была политизирована, и каждая стачка превращалась в демонстрацию против колониализма». Штрейкбрехерам не давали спуска; «касса взаимопомощи ВТСТ пополнялась пожертвованиями от населения, и это позволяло не оставлять бастующих на произвол судьбы»³¹⁴.

Было очевидно, что ни партия, ни профсоюзы не примут мелкие политические податки. В свою очередь, Старый Дустур и представители религиозных кругов, в том числе зейтуновская молодежь, выступили против программы «почетного компромисса», они объявили лидеров Нового Дустура предателями и коллаборационистами. Коммунисты заявили о недопустимости соглашения с империализмом³¹⁵. В самом руководстве Нового Дустура не было единодушия, многие активисты не верили в успех нового «эксперимента» Бургибы. Резко высказала свое неприятие этой

³¹³ Верм А. Указ. соч., с. 402.

³¹⁴ Achour H. Ma vie politique et syndicale..., p. 29.

³¹⁵ 22 августа 1950 г. ТКП выступила с коммюнике, которое опубликовала «Le Petit matin», где говорилось, что сделка Нового Дустура с властями – всего лишь «подшутка» протектората. Коммунисты потребовали отмены чрезвычайного/осадного положения и всеобщей политической амнистии, роспуска Большого Совета и выборов в Национальное учредительное собрание, перед которым будет нести ответственность правительство (Цит по: Mestiri S., Op. cit., p. 62). IV съезд ТКП в мае 1951 г. подчеркнул бесплодность «политики сотрудничества», курс на которую взяли «пéос», и призвал тунисский народ к решительной борьбе за «подлинную национальную независимость». Заключительная глава книги Поля Себа, которая в оригинале вышла из печати 15 ноября 1951 г., отражает и подробно обосновывает эту точку зрения (Себа П. Указ. соч., с. 244-253).

идеи радикальная часть каирской группы, представлявшей «пéос» перед ЛАГ³¹⁶. Тем не менее, 4 августа 1950 г. после утомительной дискуссии Национальный Совет партии, созданный в расширенном составе (то есть с участием постоянных членов НС как ЦК партии, а также секретарей региональных секций и федераций), поддержал политику Бургибы, и начались официальные контакты с властями – сначала на предмет определения состава кабинета министров, который решено было заменить.

Формально это была прерогатива бея, он даже «назначал» своим указом вновь прибывшего Генерального резидента министром иностранных дел регентства. Такая процедура была не лишена элементов театра абсурда: наместник Французской республики приплывал в заморский бейлик на военном корабле, сходил на землю под салют, а потом облакался грамотой вассального паши (и «маршала» распушенной армии) правами его министра внешних сношений. Традиции, введенные в конце XIX века Полем Камбоном, соблюдались.

На практике же узловые кадровые вопросы всегда решал Генеральный резидент, поэтому вполне можно поверить Луи Перийе, который утверждал в своих мемуарах, что выдвижение кандидатуры Шеника на пост премьера было его личной идеей, равно как и включение в состав этого кабинета представителя Нового Дустура³¹⁷. Впрочем, в воспоминаниях самих участников двухнедельных согласований по поводу личного состава правительства есть разночтения. Но ясно одно, Перийе торопился, чтобы закончить дело до конца августа: мертвого сезона французской политической жизни и парламентских каникул. Вместе с тем он пообещал, что ка-

³¹⁶ Предупреждая сопротивление каирского отдела партии, Бургиба резко возразил против назначения на главу тунисской секции Бюро Арабского Магриба (вместо погибшего д-ра Тамера) Юсефа Руисси – одного из основателей Нового Дустура и члена политбюро партии. Наложив вето на его назначение, он провел свою кандидатуру, а именно Тайеба Слима, который представлял «бургибистское» крыло эмиграции вместе с Рашидом Дрисом и др., в отличие от того же Руисси («колеблющегося») и «твердых тамеристов» в лице Х. Трики, Ибрахима Тубаля и Юнуса Дармуны (Ben Fredj Abid Kh. Les significations du conflit Bourguiba – Thameur en Egypte et ses ramifications: 1947-1950 // Habib Bourguiba et l'établissement de l'Etat national: Approches scientifiques du bourguibisme, Zghouan, 2000, p. 33). Между тем само бюро 21 апреля 1950 г. закрылось и вновь открылось 17 июля в том же помещении на каирской улице под вывеской «Отдел пропаганды КОАМ».

³¹⁷ Perillier L. La Conquête de l'indépendance tunisienne, Paris: Laffont, 1979, p. 78.

Кабинет Шеника (слева направо: Бен Салем, Бен Юсеф, Шеник, Матри, Бадра, Мзали, «генерал» Саадаллах)

174

175

нию тунисской проблемы». Участие Нового Дустура в правительстве, продолжал крупный заголовок материалов, посвященных теме дня, «доказывает, что наша великая партия, верная своей миссии и опирающаяся на мощную народную поддержку, идет на этот эксперимент с чистосердечными и ясными намерениями»³²⁰.

То обстоятельство, что весь корпус местного правительства был неоднородным, франко-тунисским, а из «7 пунктов» предложений Бургибы учитывалась лишь малая их часть, использовался для критики еще и не начатых реформ как коммунистами, так и Старым Дустуром, который дистанцировался от эксперимента «Бургиба – Шуман». Возобновив словесную перепалку между двумя Дустурами, «archéos» обратились за моральной поддержкой в Каир к арабским братьям, направив телеграмму эмиру Абд аль-Криму и Аллялю аль-Фаси, которые от имени Комитета освобождения Арабского Магриба осудили участие Нового Дустура в правительстве. Политбюро не было к этому абсолютно равнодушно. В сентябре оно организовало в Тунисе конференцию североафриканских студентов, на которой представитель Истикляль заявил, что «néos», безусловно, действуют в интересах тунисского народа, но в целом «против интересов магрибинского национализма»³²¹. Смысл данного заявления становится вдвойне понятным, если учесть, что в это самое время султан отказывался подписывать ряд дахиров, в частности, указ о муниципальных выборах, усматривая в них попытку увековечить «совместное управление», тогда как он желал пересмотра Фесского договора о протекторате. С этой целью Его Величество и нанес во второй декаде октября официальный визит в Париж, где ничего не добился. Затем разразился скандал в так называемом Правительственном совете, где члены Истикляль (А. Лиазиди и М. Лагзави) подвергли критике бюджет, а во дворец залетел буреизвестником 82-хлетний паша Марракеша, пригрозив, что султану долго не царствовать³²².

В ноябре Бургиба направил Бахи Ладхама в Каир, надеясь на его дипломатические способности, чтобы уладить отношения с КОАМ и не доводить дело до ссоры с «Эмиром». Окончательно терять политический плац-

³²⁰ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 128.

³²¹ Из донесений в госдепартамент США американского консульства в Рабате (Цит. по: Mechat S. Op. cit., p. 127).

³²² Abun-Nasr. A History of the Maghrib. London, New-York Melbourne: Cambridge University Press, 1977, p. 374; Ganiage J. Op. cit., p. 540.

дарм, выстроенный в Египте, было невыгодно. Правительство Шеника, в которое вошли член политбюро Нового Дустура и сочувствующие этой партии независимые политики, сразу приступило к переговорам. Но они сильно затянулись. Кровавое столкновение 20 ноября 1950 г. между забастовщиками и службами охраны порядка на крупнейшей оливковой плантации Энфида сгустило атмосферу³²³. Тем не менее шли консультации, в них участвовали Шеник, Бадра и Бен Юсеф (их тройке было доверено образовать «переговорную группу»), а также Хеди Нуира и другие члены руководства Нового Дустура. Результатом стала серия декретов, менявших систему управления протекторатом, однако, лишь в некоторых деталях, касавшихся исполнительной власти. Это было нечто среднее между проектом Шеника и предложениями Перийе, который убеждал, что сначала необходимо заняться животрепещущими социально-экономическими проблемами Туниса, поднять уровень жизни населения, а уж потом браться за политические вопросы.

8 февраля 1951 г. было объявлено о «первой очереди» реформ. Министр здравоохранения, напомним, зять царствующей особы, описал в своем дневнике церемонию приложения печати, происходившую во дворце. Вот Шеник подносит бею заготовленные документы о реформах, которые, с точки зрения автора дневника, ровно ничего не изменяют... «Я сказал Государю, что нет ничего позитивного в этих реформах». Сиди Ламин развел руками: «Если Дустур согласен, что я могу поделаться?»³²⁴.

³²³ Эта плантация между и Хаммаметом и Сусом в свое время являлась имением Хайрадин-паши, продана и в конечном итоге принадлежала французской акционерной компании. Работники Энфиды проводили легальную забастовку. Ее поддерживали ВТСТ, ОПТТ и министерство труда. Луи Перийе был в Кайруане и там получил телеграмму о случившемся: управляющий решил нанять рабочих из другого района, а для защиты «свободного рынка труда» вызвал жандармов, которые открыли огонь на поражение. 8 человек были убиты и около 50 ранены. На следующий день похороны погибших состоялись в столице, вылившись в огромную манифестацию, Мухаммед Бадра произнес гневную речь, а в неодустуровской газете «аль-Хуррия» («Свобода») появилась статья Али Бельхавана, который поставил вопрос о бессмысленности общеполитических переговоров с французскими властями. Бургиба, находившийся в Париже, куда он уехал вторично, звонил министру Бадра и Бельхавану, попросив обоих снизить тон. Это было воспринято его недоброжелателями как намерение продемонстрировать французам, что он владеет и партией, и тунисским правительством (Mestiri S. Op. cit., p. 83-84).

³²⁴ Ben Salem M. L'Antichambre de l'indépendance..., p. 47.

Всего декретов было шесть. В соответствии с ними председательство в Совете правительства было передано тунисскому премьеру; это следует понимать так, что отныне присутствие Генерального резидента на его совещаниях стало необязательным. Были установлены квоты для тунисцев и французов в чиновном аппарате и государственных учреждениях. На высших и руководящих постах (разряды А и В) предусматривался паритет между французами и тунисцами, а при замещении должностей средней и низшей категории (разряды С и D) тунисцам выделялось от 2/3 до 3/4 рабочих мест. Кроме того, министры освобождались от необходимости получать на свои решения визу генерального секретаря правительства, хотя сам по себе этот пост не был упразднен. Решения, исходящие от тунисских министров, подлежали согласованию напрямую с Генеральным резидентом, и на практике это означало, что каждая бумага обсуждалась с ним до запятой. Но вопрос был делом принципа: виза Генерального резидента была предусмотрена договорами о протекторате, а виза генерального секретаря более поздними «бейскими декретами», теперь утратившими силу³²⁵.

Эти уступки никого не удовлетворяли. В газете «Mission» одно за другим появились заявления Хеди Нуиры и Мухаммеда Шеника, первый из которых назвал нововведения крайне «ограниченными», второй – «фикцией совместного управления», но оба выразили надежду, что это лишь промежуточный этап на пути к внутренней автономии. Национальный Совет Нового Дустура, собравшийся за неделю до утверждения декретов на экстренную сессию (30 января – 1 февраля), решил отозвать своего министра-представителя, если реформы будут топтаться на месте³²⁶. Ошестинил-

³²⁵ Комментируя эти реформы после того, как пресса обнародовала их полный список, Бургиба, который снова был в отъезде, отмечал: «Две главные реформы (виза секретаря и председательство в Совете министров) сопровождаются ограничительными оговорками, которые ведут к сохранению преобладающего французского контроля». Поскольку генеральный секретарь правительства продолжает в нем заседать, то получается, что оно состоит из 7 французов и 7 тунисцев, причем один из них – премьер-министр имеет расплывчатые обязанности. Одновременно создается новый орган – «Высший бюджетный комитет» под председательством Генерального резидента, в комитете представлены члены правительства и две секции Большого Совета, что в замаскированной форме «полностью передает французам контроль над финансами, которые сверх того находятся под общим контролем Кэ д'Оресэ» (Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 250).

³²⁶ Mestiri S. Op. cit., p. 91-92.

ся противоположный лагерь. «Французская колония в Тунисе, – заявил Марсель Касабьянка, глава французской секции Большого Совета, потерпела поражение, но не разбита, она в боевом порядке и сражается»³²⁷. Голоса французских социалистов (Дюран-Анливель, Коэн-Хадрия, Серж Моатти), которые много лет были друзьями и оппонентами Нового Дустура, а сейчас призывали других французов, живущих в Тунисе, к спокойствию и объективности, не получали поддержки.

Мишель Дебре – один из ведущих деятелей РПФ и будущий премьер-министр Пятой республики (1959-1962) выступил в парижской печати с рассуждениями о том, что диалог правительства с дустуровцами порочен изначально: «Националисты едва прячут ксенофобию, религиозный пыл и ненависть к Западу, желание восстановить феодальную власть больших семей, презрение к человеческой личности... Нет в нашем мире либеральных национализмов, и реальная политическая мысль, что движет руководителями Дустура, некоторыми она движет почти вопреки им самим, это – стремление к тираническим и тоталитарным формам власти, губительным не только для нашего влияния, но и для свободы Запада»³²⁸.

В ответ на реформы от 8 февраля 1951 г., в Тунисе был образован «Национальный фронт за независимость и против коллаборационизма». Коммунистов к этой инициативе не привлекли, однако они горячо ее одобрили³²⁹. Объединившиеся в «противоестественном альянсе», три силы: старые дустуровцы, коммунисты и зейтуновцы клеймили Новый Дустур за сговор с колониальными властями, советуя всему кабинету сложить свои полномочия вместо того, чтобы продолжать некрасивую игру. Эту идею поддержали Алляль аль-Фаси и эмир Абд аль-Крим из Египта, их послание опубликовала газета «Ирада»³³⁰. Оно в который раз осуждало коллаборационизм и компромисс. Зейтуновская организация «Саут ат-Талеб» («Голос студента») не жалела слов на критику реформ, ничего не суливших для решения большой проблемы учащихся богословского училища, вечно обиженных тем, что дипломы аз-Зейтуны не приравнивались к аттестатам

³²⁷ «Le Monde», 13. 2. 1951.

³²⁸ Цит. по: Hamza H.-R. Ambiguïtés et impasses de la politique colonial..., «Rawafid», № 5, 1999-2000, p. 37.

³²⁹ Kraïem M. Le Parti Communiste Tunisien pendant la période coloniale, Tunis: Institut Supérieur du Mouvement National, Université de Tunis, 1997, p. 355.

³³⁰ Mestiri S. Op. cit., p. 100.

средней школы светского типа (французских и франко-арабских школ). Отсутствие такой эквивалентности, писала еще раньше газета *«аль-Байан»*, просто «аномалия, наносящая оскорбление арабскому языку, а следовательно, и населению»³³¹.

Тем временем в Марокко вспыхнул конфликт между Жюэном и султаном, от которого Генеральный резидент потребовал публично отречься от партии Истикляль под угрозой, что в противном случае «повелитель правых» лишится трона. Этот конфликт последовал за их общим возвращением из Парижа, где Мухаммед бен Юсеф поставил вопрос о политических реформах в своих владениях, не получив в ответ ничего вразумительного. В феврале генерал Жюэн организовал с помощью паши Марракеша поход на Фес и Рабат 20 тыс. берберских всадников из Высокого Атласа, которые дали понять повелителю, что пора прекращать «забастовку печати». Карикатурист *«Franc-tigeu»* изобразил этих всадников в классическом обличье инспекторов тайной полиции – в котелке и подбитых гвоздями сапогах, с моржовыми усами и зонтиками. Даже газета *«L'Aube»*, рупор МРП, отпустила порцию критики в адрес генерала Жюэна, подчеркнув, что он действовал с одобрения Жоржа Бидо, но вопреки линии Робера Шумана, своего непосредственного начальника, который высказывался за продолжение франко-марокканского диалога, в частности, за то, чтобы расширить в Марокко профсоюзные свободы. Зато европейские поселенцы были довольны. Инценированный «марш племен» дал им повод утверждать, что западная окраина Магриба как была, так и осталась зоной неизбывной вражды между городом и деревней, сиречь между арабами и берберами, а французское присутствие в Марокко – единственная гарантия стабильности «Шерифской империи». Султан подчинился Жюэну, но не преминул сообщить корреспонденту *«аль-Ахрам»*, что над ним совершено насилие. Египетская печать распустила слухи, что Фес подвергнут бомбардировке; международные мусульманские организации подняли волну протеста против унижения, нанесенного Исламу в лице султана.

Кризис в одном протекторате немедленно отозвался в другом. Первым пострадал Дюран-Анливьер, опубликовавший в газете *«Tunis-Socialiste»* статью, которую судебные инстанции расценили как клевету на генерала. В свою очередь ВТСТ и Новый Дустур призвали 10 марта 1951 г. к забастовке в знак солидарности с Марокко. В ней приняли участие не

³³¹ Цит. по: «Watha'iq», № 22-23, 1996-1997, p.148.

только рабочие, но и служащие. Из французской Резиденции раздалась угроза, что последние будут уволены.

13 марта в административном порядке был приостановлен выпуск неуступорской газеты *«аль-Хуррийя»*, а Фарид Бургиба (племянник Хабиба Бургибы), выступивший с резкой статьей, выслан в Беджу под надзор полиции. 16 марта политбюро партии выпустило коммюнике, осуждающее эти меры, означавшие восстановление законов военного времени. Луи Перийе потребовал отставки Салаха Бен Юсефа, на что Шеник ответил отказом.

Следом возникли еще два повода для размолвки между «правительством национального единства» и благословившим его губернатором: спор вокруг Большого Совета и тронная речь Сиди Ламина. Полномочия этого органа истекали к концу года, и еще на начальной стадии переговоров Генеральный резидент обещал заменить его на «тунисскую ассамблею», избираемую всеобщим голосованием. Поэтому Шеник воспротивился переутверждению состава Большого Совета, а бей под его влиянием не желал ставить печать на соответствующий декрет. Кроме того министры отказывались подавать проекты своих решений, касающихся бюджетных проблем, на рассмотрение французской секции Большого Совета. К такого рода проблемам, которые по действующему правилу должны были обсуждаться обеими секциями, относились весьма серьезные: например, судьба сельскохозяйственных земель, конфискованных у итальянцев после войны, или хронический финансовый дефицит железнодорожной компании, из года в год покрываемый за счет государства.

Отношения между Шеником и Перийе ухудшились настолько, что они общались больше по переписке, и 19 мая 1951 г. последний заявил в письме: «Только с искренними друзьями Франции возможен диалог о будущем франко-туниских отношений»³³². Прозрачный намек, что Шеник и его министры таковыми друзьями не являются. Письмо было отправлено на четвертый день после тронной речи Сиди Ламина, которую он произнес 15 мая по случаю восьмилетия своего восшествия на престол. По иронии судьбы это была такая же годовщина отставки «патриотического», или «монсефистского» кабинета Шеника, а написал тронную речь Мухаммед Бадра, дважды входивший в состав его правительства: в январе – мае 1943 г. начальником канцелярии премьера³³³ и с августа 1950 г. министром труда и социальных дел.

³³² Mestiri S. Op. cit., p.109.

³³³ Этот пост назывался «директор кабинета первого министра». Его при Монсеф-

Оба текста речи – арабский оригинал и французский перевод были опубликованы, и в них содержались такие слова: «Наш народ достиг того, чтобы иметь право дышать воздухом свободы...», а дальше сказано, что необходимо продолжить реформирование исполнительной власти одновременно с созданием репрезентативного корпуса народных избранников. Как только это заявление стало достоянием широкой публики, Перийе был обвинен в недосмотре. Официальные речи монарха он должен был предварительно редактировать. Пришлось вызывать экспертов, проверять точность перевода текста с арабского на французский, чтобы снять вину с Генерального резидента, пустив дело в лингвистическую плоскость. Как он позже писал об этом в своих мемуарах, идея реформы законодательной ветви власти в Тунисе или, точнее, создания таковой вместо консультативного органа (в виде двухсекционного Большого Совета) была ему по душе, но служебное положение заставляло принимать меры пресечения вольнодумства³³⁴. И надев свою парадную форму префекта, а заодно «сапоги Жюзна», он явился с военным эскортом к Сиди Ламину снова требовать отставки Шеника и Бен Юсефа. Бей сказал, что подумает, и на завтра отправил жалобу президенту Ориолю.

Благоприятный климат для переговоров к лету 1951 г. менялся на ненастье; и Луи Перийе, который все же не терял надежды выполнить свое поручение, объявил «паузу».

Парламентские выборы, вторые после учреждения Четвертой республики, были назначены на 17 июня этого года, и каким будет расклад сил в Национальном собрании Франции, пока можно было только гадать. Это было еще одним поводом для «прекращения огня» в Тунисе.



бее занимал Мухаммед Бафра, на сей раз – Абдельазиз Бен Махмуд, член Тунисской федерации СФИО (*Mestiri S. Op. cit.*, p. 58, 143).

³³⁴ *Perillier L. Op. cit.* p. 103-104.

Кругосветное путешествие... на голый остров. Ответ Шумана

Что же делал тем временем Бургиба, который не вошел, да и не хотел войти в правительство Шеника, предоставив такую миссию Салаху Бен Юсефу? И почему он отстранился от нее? Некоторые историки, равно как и наблюдатели тех событий, до сих пор гадают на этот счет, хотя истинная причина могла крыться в сопротивлении французских властей такой идее, которую однажды высказал Шеник, даже по чисто формальным соображениям считавший, что партию, раз ее приглашают в правительство, надлежит представлять лицу №1.

Одна из версий состоит в том, что Бургиба не особенно верил в успех переговоров, которые расценивал как торг-игру на мусульманском базаре, иронически называя их «négo-conversations». Следовательно, вероятный провал подобных переговоров он не хотел бы связывать со своим именем. Другая версия, ее придерживается, в частности, Тахар Бельходжа, бывший министр Тунисской республики, вытекает из предположения, что председатель Нового Дустура не жаждал быть членом правительства под сенью растущего авторитета бей Сиди Ламина. Ведь он не мог не знать, что в апреле 1950 г. паша-бей посетил Кайруан, а затем Сус, где встретил небывалый для себя прием: возбужденную массу народа и здравицы в его честь. Вместе с выкриками «Независимость!» они сливались в сплошной радостный шум. Это был едва ли не первый после 1881 г. большой бейский выезд из столицы. «Кое-кому хотелось, – уверяет Бельходжа, – сделать из Государа противовес Новому Дустуру»³³⁵. Риск «воскрешения» легендарного Монсеф-бей в робком, но неожиданно осыпанном знаками народной любви Сиди Ламине не мог не насторожить Бургибу, и он принял ответные меры. Принялся разъезжать с одного митинга на другой. Его «Ситроен», купленный с вторых рук еще в 1943 г. и заменивший прежнего Россинанта – голубой «Пежо», замелькал на дорогах Сахеля.

Один из таких знойных августовских дней 1950 г. вспоминает Бельходжа, впервые в своей жизни (тогда 19-тилетний юноша) увидевший

³³⁵ *Belkhdja T. Les trois décennies Bourguiba, Deuxième éd., Arcantere: Publisud; Tunis: Imp. Signes, 1999, p. 12.*

Бургибу в своем родном городе Махдии. Горожане встречали председателя Нового Дустура еще у сельца Джебель-Бекальта: «Я втиснулся в толпу под палящим солнцем. Появился кортеж, впереди старые мотоциклы и грузовики, набитые людьми всех возрастов... Ошеломленный, онемевший от чувств, влекомый то вперед, то назад народом, находившимся в состоянии транса,... я вцепился глазами в этого героя: “За’им” (Вождь)! Я видел, как он обронил несколько слов своим знакомым, потом кортеж снова двинулся в сторону Махдии. Понадобилось два часа, чтобы преодолеть те пятнадцать километров, которые нас отделяли от города. Я был придавлен, полузадушен в кабине грузовика, где нас сгрудились пять или шесть человек»³³⁶.

Проведя серию митингов и приняв участие в бурных заседаниях партийного руководства, Бургиба ранней осенью 1950 г. снова вернулся в Париж и задержался там до зимы. Таким образом в указанном году он половину времени провел в отлучке из Туниса, наверное, считая свое присутствие в метрополии более важным. Еще перед первым отъездом, когда он только собирался представить свои «7 пунктов», ему пришлось сделать шаг, который произвел неприятное впечатление на многих его товарищей. Бургиба настоял на исключении из партии Слимана Бен Слимана, который отказался выйти из Тунисского комитета в защиту мира и, более того, возглавил этот комитет. А между тем «Верховный борец» любил и высоко ценил этого человека³³⁷, хотя много с ним спорил, в частности, во время их двухгодичного тюремного заключения в Fort Saint Nicolas, поскольку Бен Слиман был как раз среди тех, кто верил тогда в немецкую победу и на нее надеялся. После войны он, как говорилось выше, стал симпатизировать коммунистам. Те, в свою очередь, активно участвовали в антимилиитаристском движении, которое развернула ФКП, а главное, поменяли свою линию в отношении борьбы против колониализма и в тот момент, когда были завязаны переговоры о внутренней автономии Туниса, считали эту полумеру совершенно недостаточной.

Здесь мы подходим к вопросу, который заставлял отечественных авторов, ранее писавших о национально-освободительном движении в Тунисе, колебаться между положительной и отрицательной оценкой деятель-

³³⁶ Ibid., p. 12.

³³⁷ Об этом напомнил М. Масмуди, бывший министр иностранных дел Туниса (с 12 июня 1970 г. по 14 января 1974 г.), а в начале пятидесятых – молодой партизан, которого Бургиба к себе приблизил («Réalités», № 747, 13-19. 4. 2000, p. 33).

ности Бургибы в период поиска «почетного компромисса» с Францией. Так, отмечалось, что во изменение своей позиции, занятой в 1946 г. (на съезде патриотических сил в ночь 27 рамадана – М.В.), партия сняла «требование о немедленном предоставлении независимости, вместо этого была выдвинута программа внутренней автономии... Определенные надежды при этом возлагались на США. Пытаясь заручиться их содействием, Новый Дестур порвал с движением сторонников мира и обещал поддерживать военные усилия стран НАТО»³³⁸. Или: «В качестве аванса лидеры Нового Дестура... порвали все связи с международной прогрессивной ответственностью...»³³⁹. О том же сказано, но персонально в адрес Бургибы: «Установив тесный контакт с Ф. Хашедом, он пошел на диалог с европейской социал-демократией и американскими тред-юнионистами»³⁴⁰. Или: «Оба решили пойти навстречу своим западным “друзьям” и снять лозунг о немедленном предоставлении независимости...»³⁴¹.

Конечно, трудно вообразить, каким образом партия тунисских националистов могла в тот период оказывать помощь военным приготовлениям НАТО, но исторический факт заключается в том, что Новый Дустур, действительно, отозвал своих представителей из комитета защитников мира. Равно как и в том, что ВТСТ в июне 1950 г. вышел из ВФП и вскоре вступил в Международную конфедерацию свободных профсоюзов, первоначально создававшуюся под эгидой американских профсоюзных боссов. Фархат Хашед становится членом Генерального совета и Исполкома этой организации. (Членство в МКСП тунисский национальный профцентр сохранил и в дальнейшем, когда Тунис добился независимости)³⁴².

Напрашивается вывод, который и делали многие авторы, причем не только советские, что мелкобуржуазный деятель Бургиба негативно повлиял на рабочего лидера Хашеда, навязав ему свой прозападный курс. Однако генеральный секретарь ВТСТ был не тем человеком, на которого кто-то мог повлиять, а тем более диктовать ему линию поведения, хотя бы потому, что за ним стояла организация, не уступавшая по численности Новому Дустуру. «Люди, которые ведут политическую борьбу в общенациональном плане, –

³³⁸ Новейшая история арабских стран (1917-1966), М.: Наука, 1968, с. 514.

³³⁹ Новейшая история арабских стран Африки (1917-1987), М.: Наука, 1990, с. 281.

³⁴⁰ Тунисская республика. Справочник, М.: Наука, 1993, с. 106.

³⁴¹ Новейшая история арабских стран Африки..., с. 281.

³⁴² Вице-председателем МКСП длительное время являлся Хабиб Ашур.

говорил он, — будут находить поддержку организованных и мощных сил рабочего класса в той мере, в какой они будут содействовать осуществлению наших справедливых целей»³⁴³. Эта фраза достаточно ясно выражает представление лидера ВТСТ о самостоятельности национального профцентра как союзника, а не придатка партии «*néos*». Кроме того, Бургиба не имел никаких связей в международных профсоюзных кругах, в которые его ввел именно Фархат Хашед. Поскольку же заявление ВТСТ о его приеме в МКСП было удовлетворено в апреле 1951 г., не будем забегать вперед и остановимся на развитии ситуации предыдущего года.

Выбор момента для выдвижения программы «7 пунктов», как явствует из сказанного выше, был вовсе не случайным, и при сложившейся конъюнктуре Бургиба целиком полагался на помощь французской социал-демократии, к которой испытывал давние симпатии, выдержавшие испытание временем. Она тоже за это время, которое прошло с той поры, когда намечалось сотрудничество «*néos*» с правительством Народного Фронта, конец которому положил «марш Нового Дустура в пропасть», то есть к мятежу 9 апреля 1938 г., не стояла на месте. Не углубляясь в проблему эволюции СФИО и ее доктрины, отметим два аспекта: концепцию «демократического социализма», которая становится ее философией (означавшей официальный отказ от марксизма), и внешнеполитические взгляды, сочетавшие лозунг «Свобода и мир» с отрицанием всеобъемлющего пацифизма, характерного для «*main-stream*» идеологии французской социалистической партии в довоенный период.

Отчасти эти сдвиги были связаны со сменой лидеров. 31 марта 1950 г. умер и был торжественно похоронен Леон Блюм, который после падения своего третьего кабинета (январь 1947 г.) отошел от руководства партией, посвятив себя выступлениям в газете «*Populaire*» и на съездах СФИО. С едкой иронией Александр Верт пишет: «В своем, вероятно последнем, публичном выступлении на съезде социалистов в 1949 году Блюм распростер длинные руки и, готовясь обнять весь мир, пропищал своим тонким голосом: «Рабочий класс, рабочий класс, он — с нами, с НАМИ!»³⁴⁴. Более благожелательный портрет того же человека дает известная французская журналистка Женевьева Табуи, которая отмечала в книге, посвя-

³⁴³ См. Видясова М.Ф. Рабочий класс в социальной структуре Туниса, М.: Наука, 1975, с. 197.

³⁴⁴ Верт А. Указ. соч., с. 439.

щенной межвоенному периоду, что Л. Блюм, впервые избранный в 1936 г. председателем Совета министров, произвел «сенсацию» на совещании у генерального секретаря Лиги Наций. «Никто из присутствующих (иностранцев — *М.В.*) не представлял себе, чтобы нынешний лидер самой крупной политической французской рабочей партии так сильно отличался от Жана Жореса! Вместо того чтобы быть трибуном, воспламеняющим массы, глава Народного фронта оказался элегантным, утонченным человеком с умным лицом, с мягким голосом, со сдержанной страстностью, который внушает к себе особое уважение благодаря своей гибкой и настойчивой диалектике, украшенной блестящей культурой»³⁴⁵.

За свои ошибки и нетвердость характера этот политический деятель с долгой карьерой получил множество упреков, в особенности как практик (том числе за бестолковые шаги его правительства, позволившие разгореться Вьетнамской войне, убежденными поджигателями которой социалисты не были). Его теоретические взгляды, наверное, еще не раз будут переоцениваться. Воплощая собой «традиционный социализм», признававший идеологическую общность социалистов и коммунистов, именно Леон Блюм в своих последних работах поставил вопрос о «духовном синтезе учения Маркса и Жореса». Новый идеолог партии Жюль Мок — участник двух мировых войн, в последней из которых был в «маки» (партизанах), а затем избирался в парламент, работал в нескольких составах правительства и выпустил целую серию теоретических трудов, выглядел все же не тем человеком, который мог «объединить своих товарищей и командовать ими»³⁴⁶. Внутренние разногласия в СФИО, которая имела свои правое и левое крыло, равно как и — «центр», усиливались.

Тем не менее, по сравнению с довоенным периодом в идеологии СФИО, по прежнему эклектичной, наметились следующие сдвиги: в экономических взглядах социалисты «постепенно заменяют Маркса Кейнсом в качестве идеолога международного социализма», что вылилось в поддержку политики государственного вмешательства (по французской терминологии: «*dirigisme*») наряду с признанием качественного изменения капитализма под влиянием технического прогресса. Иначе говоря, возобладали те идеи, которые обосновывались еще в начале тридцатых так на-

³⁴⁵ Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960, с. 336.

³⁴⁶ Dumaine J. Op. cit., с. 506.

зываемыми французскими неосоциалистами (или «néos»). Их продолжателями развивалась мысль, что государственно-монополистический капитализм есть переходная фаза к социализму, которую разные авторы стали называть «государственной экономикой», «плановой экономикой», «организованным капитализмом» и т.д.³⁴⁷

В выступлениях лидеров французской социал-демократии все чаще стала звучать формулировка «гуманистический социализм», подобную которой так называемые еврокоммунисты выдвинули лишь в семидесятых. Вместе с тем в сфере внешней политики социалисты, отказываясь от довоенного пацифизма, поддержали образование НАТО и категорически разошлись в этом вопросе с ФКП. Так, вступая на 42-м съезде СФИО (1950 г.), генеральный секретарь партии Ги Молле – школьный учитель и автор трудов по английской фонетике заявил, что социалисты не могут согласиться с любым миром или с «интегральным пацифизмом» и, следовательно, осуждают «тайных коммунистов», прогрессистов или же нейтралитетов, которые «борются за мир любой ценой»³⁴⁸. (Движение нейтралитета получило тогда распространение среди левой некоммунистической интеллигенции). Ги Молле категорически подчеркнул: «в настоящих условиях нейтралитет невозможен».

Более того, лидеры СФИО, которые до середины 1949 г. высказывались за переговоры с Вьетминем, квалифицируя партию Хо Ши Мина как «подлинного представителя вьетнамского народа», стали отходить от этой позиции по мере углубления Индокитайского конфликта, перекликавшегося с Корейской войной и затянувшегося с ней в один узел³⁴⁹. По другому актуальному для того времени вопросу, о создании общеевропейской армии, социалисты, как и другие французские партии (кроме ФКП и голлистов), были в разброде мнений.

Вполне возможно, что Бургиба следил за идеологическими прениями в рядах социалистов, но мысль о независимости Туниса господство-

³⁴⁷ См., например: *Moch J. Confrontations*, Paris, 1952; *Philip P. La démocratie industrielle*, Paris, 1955; *Ramadier P. Le socialisme de Leon Blum*, Paris, 1951.

³⁴⁸ СФИО. 42 Congrès national (Compte-rendu sténographique) Paris, 1950, p. 349-350.

³⁴⁹ «Индокитай, – гласила резолюция 43-го съезда СФИО, – в международном плане представляет собой фронт борьбы против сталинского империализма, театр военных операций, где на долю Франции выпала задача внести свою лепту в защиту свободных наций и безопасность всей Юго-Восточной Азии». Резолюция была принята при одном против и пяти поддержавшихся (Le 43-ème congrès de la SFIO Paris: Ed. ouvrières, 1951, p. 143-144).

вала над всеми его помыслами. Он продолжал свою «игру в рулетку», а поскольку 42-й съезд СФИО высказался в пользу реформирования политической системы в регентстве, то как бы Бургиба ни относился внутренне к широкой проблеме «войны и мира», его тактическая задача состояла в том, чтобы та влиятельная французская партия, которая готова поддержать его партию, оставалась в союзниках. Что касается ФКП, собиравшей тогда ¼ голосов избирателей, обгоняя социалистов, то она тоже высказывалась в антиколониалистском духе, даже самом решительном, но с мая 1947 г. коммунисты, «уволненные» из правительства, стояли в оппозиции. Члены СФИО, напротив, либо входили в правительство, либо осуществляли курс его «поддержки без участия», а если не было хотя бы такой поддержки, кабинеты министров Четвертой республики оказывались «мотыльками». Логика прагматика не оставляла Бургипе выбора. В обстановке, когда антикоммунистический психоз становится оркестровкой всех политических баталлий на Западе, он и принимает то решение, о котором говорилось выше: отстраниться от деятельности защитников мира, исключить Бен Слимана из партии...

Пока год катился к концу, а французская сторона вела в переговорном процессе политику затяжек, Бургиба внешне бездействовал. Лишь 31 декабря у него состоялась встреча с Перийе, который приехал в Париж, предварительно положив на стол Шенику проект «первой очереди» реформ. Следуя своему неизменному принципу «брать что дают, а потом посмотрим», Бургиба всячески призывал своих товарищей к выдержке и терпению. Вернулся в Тунис, чтобы провести трехдневную сессию Национального совета партии, которая (см. выше) приняла положительное решение с оговоркой: одобрить реформы, но отозвать Бен Юсефа из правительства, если следующая их стадия будет задерживаться.

В день завершения пленума партийного руководства (1 февраля 1951 г.) Бургиба явился во дворец, где колеблющийся бей принимал визит Генерального резидента, который настаивал на безотлагательном введении предложенных им реформ. Премьер-министра на месте не было, и бей уклончиво сказал: «Шенику я полностью доверяю, если он согласен, то подпишу». Тут вмешался Бургиба со словами: «Коль скоро Франция соглашается с тем, чтобы премьер-тунисец председательствовал в правительстве, мы можем принять реформы»³⁵⁰. Между тем они в худшую сторону отли-

³⁵⁰ *Ben Salem M. L'Antichambre de l'indépendance: 1947-1957*, Tunis: Cérès Prod., 1988, p. 47.

чались от того, что было оговорено между самим председателем партии и Перией за несколько часов до наступления Нового года. Это было последнее появление Бургибы на родине в период оттепели, казалось, впервые растопившей лед во франко-тунисских отношениях после второй мировой войны.

2 февраля 1951 г. он снова берется за «посох пилигрима» и пускается в заграничную поездку, начавшуюся с Каира и включавшую затем Карачи, Калькутту, Джакарту, Дели, Бомбей, Каир, Джидду, Милан, Рим, Лондон, Стокгольм, Вашингтон, Сан-Франциско, Танжер, Стамбул, снова Каир и, наконец, Париж. В столицу метрополии он приехал 15 декабря 1951 г., чтобы встретиться с делегацией правительства Шеника во главе с премьером, остановившимся в отеле Риц. Вместе с министрами принял участие в званом обеде, который дала тунисская делегация для нескольких видных арабских деятелей. Вернулся домой из кругосветного путешествия 2 января 1952 г. и, едва минули две недели, был взят под стражу. Последовала тяжкая одиночная ссылка на унылый и почти необитаемый остров, где не растут ни пальмы, ни цветы. Она его физически заметно состарила. Когда его перевозили с одного острова на другой (вспоминал потом президент), он подумал: «Все кончено!». Фотография, запечатлевшая эту минуту на борту катера, где он сидит, опираясь на палку, рядом с охранником в штатском, каким-то чудом обнаружилась много лет спустя в одном из африканских государств, куда глава Тунисской республики прибыл с официальным визитом.

Итак, поездка 1951 г., в которой Бургиба посетил многие города и страны, где никогда не бывал, заняла больше десяти месяцев. Первую часть этого кругосветного путешествия, как всегда, разрекламированного неодустуровской печатью, составил бросок на Восток: Египет – Пакистан – Индия – Индонезия – Цейлон – Индия – Пакистан – Египет. Из последнего пункта был также сделан короткий перелет в Саудовскую Аравию и обратно. Многое из увиденного его изумило. «Все так странно, необычно», – пишет он сыну из Калькутты, где его сводила с ума высокая температура воздуха и влажность, делавшая жару невыносимой. «Несмотря на скорость средств сообщения, мир остается разделенным на отчетливые регионы, которые друг друга практически не знают и живут, каждый, по своим особым нормам, произросшим на вековых традициях и обычаях, меняющихся

с большим трудом. Я надеюсь получить в Карачи почту, которая сообщит мне новости из другого мира... из нашего»³⁵¹.



Бургиба с офицером охраны при переезде на остров Груа

Назвать эту поездку триумфальной было бы большим преувеличением. Почти везде слышались упреки в адрес Бургибы и его партии за соглашательство с империализмом. Только в Индии он встретил благожелательный прием, оставшись после беседы с Неру при убеждении, что формула англо-индийского урегулирования могла бы послужить моделью для франко-тунисских отношений. Вдогонку «из дома» раздавались сомнения в целесообразности дальнего вояжа Бургибы. «Некоторые, – писал ему Масмуди, – усматривают в этой поездке отрицание нынешней политики партии. Другие видят попытку с вашей стороны выскочить из колеи, в которой увязла партия, и бежать как можно дальше из опасной зоны, какой является Тунис»³⁵². Это письмо застало адресата в Дели. Но начнем по порядку.

³⁵¹ Bourguiba H. Op. cit., p.262-263.

³⁵² Цит. по: Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 131.

Первый месяц Бургиба провел в Пакистане, воспользовавшись приглашением на Международный исламский конгресс (9-12 февраля 1951 г.). По дороге он прихватил из Каира, где сделал остановку, спутника в лице Тайеба Слима, с которым три года тому назад без гроша в кармане кружил по Ближнему Востоку, накануне Палестинской войны. Теперь он чувствовал себя лучше – представителем признанной партии, участвующей в правительстве. Он выступил на пленарном заседании конгресса, призвав помочь Тунису в его борьбе за независимость, имел успех, хотя принял изрядную порцию критики от присутствовавшего здесь Аззам-паши, генерального секретаря ЛАГ, и от муфтия Амина аль-Хусейни – председателя конгресса. Оба упрекали Бургибу за дружественное отношение к Франции, которое вредит судьбе марокканского султана. Дело в том, что 12 февраля 1951 г. генерал Жюэн под топот берберской конницы (см. выше) вновь поставил пред султаном ультиматум: либо подписать документ об отречении от партии Истикляль, либо отречься от престола. Затем расставил танки вокруг султанского дворца и таким образом вынудил Мухаммеда бен Юсефа подчиниться. 24 февраля монарх распустил свой совет министров, 25-ого подписал протокол, который позволил французской полиции арестовывать, кого ей заблагорассудится. Жюэн сам сформировал новый кабинет и издавал указы, обходясь без султанской печати. Среди них был указ о создании сельских советов (*джема'а*), на решение которых отдавались некоторые местные вопросы. Этот акт демократизации рассматривался патриотами как акт надругательства над священной властью султана-шерифа. Национальное движение в Марокко все больше замыкалось на идее поддержки трона, а межпартийное «Танжерское совещание»³⁵³ призывало марокканцев к отказу от любых переговоров до обретения независимости. Со своей стороны арабские государства – члены ЛАГ подошли к решению вынести вопрос о Марокко на обсуждение ООН. Аналогия между положением в двух протекторатах бросалась в глаза, и дипломатия Нового Дустура расценивалась в мусульманских кругах как удар в спину марокканским братьям и готовность примириться с режимом «совместного управления».

³⁵³ В совещании, которое состоялось в апреле 1951 г., участвовали две партии французской зоны Марокко – Истикляль и Демократическая партия независимости (под руководством Хасана аль-Ваззани), а также две партии Испанского Марокко – Партия национальных реформ и Партия национального единства. Они подписали так называемый Танжерский пакт.



Следившее за ходом конгресса французское посольство в Карачи дружественных нот по отношению к метрополии в речах Бургибы не обнаружило. Он учредил в Пакистане «Комитет друзей Магриба» и 12 марта вылетел в Индию, где провел еще один месяц. Помимо трудностей, связанных с климатом, делавшим каждое его публичное выступление испытанием, неприятности чинили французские дипломатические представительства, которым с Кэ д'Орсэ поступила депеша, просившая обратить внимание на то, что Бургибу, чья судимость была «забыта», сопровождает человек, приговоренный к смертной казни. Из Индии самолет унес их в Куала-Лумпур, а затем в Джакарту, но в Индонезии Бургиба не пробыл и недели. Об этой стране и ее опыте он очень много думал, говорил и писал, а главное, надеялся, что Индонезия выдвинет тунисский вопрос на обсуждение ООН. В чем, собственно, и была его задача: собрать в пользу Туниса, как он выражался, «все козыри» («*tous les atouts*») за рубежом и найти те внушительные силы (Пакистан, Индия, Индонезия?), которые пойдут на то, чтобы поставить от своего имени тунисский вопрос на повестку дня Генеральной ассамблеи. Иными словами, он возвращался к той идее, с которой бежал из Туниса в 1945 г., но уже с надеждой не на ЛАГ, а на новые и крупные независимые государства Азии.

Примечательно в этой связи заявление, сделанное Тайебом Слимом 21 марта 1951 г. по ходу их совместной поездки в Нью-Дели: «Единственная сила, способная оказать сопротивление колониализму и спасти мир, состоит из тех наций Азии и Африки, которые остаются или были зависимыми; альянс между ними позволит создать третью силу... Индия, – добавил он, – государство с наилучшими возможностями для того, чтобы создать афро-азиатский блок, выступающий в пользу освобождения колониальных стран»³⁵⁴.

В Джакарте Бургиба и Тайеб Слим встречались с Сукарно, но впечатление у них сложилось такое, что президент и другие руководители Индонезии полностью поглощены внутренним кризисом в своих политических кругах и большого интереса к маленькой стране в Северном полушарии не испытывают. На обратном пути спутники провели три дня в Коломбо, откуда направились в Бомбей, где в Тадж-отеле состоялась пресс-конференция Бургибы, накануне которой он писал сыну, что «там будут все консулы арабских стран», и наверняка эхо его выступления «раздастся в Европе и Америке», а потом он заедет в Карачи, чтобы снова повидаться с

³⁵⁴ Документ из частных архивов (Цит. по: *Mechat S. Op. cit.*, p. 109).

потом он заедет в Карачи, чтобы снова повидаться с Али Ханом, может быть, совершит турне по арабским странам или только заглянет в Эр-Рияд, пробудет какое-то время в Каире, а потом двинется в Лондон.

Он опять страдает от тропического климата Индии. Здесь жарко и душно, особенно когда пройдет дождь, который льется как из ведра, горло болит, но худшее уже позади. «Я верю в свою звезду. И со мною Бог» (Бомбей, 23 апреля 1951 г.)³⁵⁵. Вместе с тем его одолевают недобрые мысли. Надо готовиться к тому, что Тунис не минуют репрессии, такие же жестокие, как в Марокко. «Вся беда в том, что нашим друзьям в Париже кажется, что мы получили все нужное, а у нас впечатление, что – близкое к нулю» (Там же и тогда).

Каир, май 1951 г. В египетскую столицу Бургиба прибыл в конце предыдущего месяца после своей «азиатской петли». Большой город на берегах Нила тогда бурлил, а политические страсти, как никогда за последние годы, были обращены на внутренние и отнюдь на общеарабские дела. К 1951 г. количество английских войск достигло на земле фараонов 75 тыс. человек. Хотя флаг Ее Величества уже не реял над цитаделью Саладина в Каире, фигура британского солдата была заметна в каждом городском населенном пункте, почти как во вторую мировую войну. И патриотический пыл египтян сфокусировался на ненависти к «британскому присутствию в их “возлюбленном” Египте»³⁵⁶. Быть патриотом в этой стране значило бороться за то, чтобы она была очищена от англичан, и за территориальную целостность родины – воссоединение Египта и Судана, иными словами, за «Единство Долины Нила!». Листовки, циркулировавшие среди военнослужащих-египтян, не осуждали вафдистское правительство, которое с апреля 1950 г. вело переговоры о досрочной эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала. Зато обличались пороки высшего командования самой египетской армии и беспутный образ жизни короля Фарука. В районе Суэцкого канала шла спорадическая партизанская война «*фидаев*», в нее ввязывались и феллахи, в стране усиливалось влияние «Братьев-мусульман». Новый наставник братства Хасан аль-Худайби, к насилию не призывал, опровергая слухи, что ассоциация имеет склады

³⁵⁵ Bourguiba H. Op. cit., p. 265.

³⁵⁶ Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century, Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 2003, p. 137.

оружия и готова осуществить военную подготовку 16 тыс. бойцов. Советовал правительству вооружить народ нравственно, закрыв публичные и игорные дома, «рассадник порчи». Наряду с тем взывал к египетскому патриотизму, утверждая: «Историческая Родина существовала до религии, и всякой верности религии предшествует верность Родине, ибо эта верность субъективна и не внушена богом. Родина есть опора и основа религии... Освободите сдерживаемую энергию» – бросал он загадочный клич своим «братьям»³⁵⁷. Наиболее активными весной 1951 г. были левые офицеры, члены армейской секции ХАДЕТУ (промарксистская группа, связанная с Насером), они ратовали за организованную партизанскую борьбу. В целом же страна выжидала, чем закончатся переговоры вафдистского кабинета, а они, как известно, к осени 1951 г. закончились провалом.

Деятельность каирского Комитета освобождения Арабского Магриба в описываемый период была на заднем плане. Еще меньше интереса привлек к себе визит Бургибы, который перед своей поездкой в Карачи смог заручиться поддержкой эмира Абд аль-Крима, но теперь вызывал у него лишь раздражение. Из самых ярких событий этого месяца для лидера Нового Дустура, который пригласил на встречу с ним в Каир некоторых членов партии из Туниса и Франции, было его развернутое интервью газете «*République Algérienne*», органу УДМА.

На вопросы корреспондента, каковы итоги его пребывания в Пакистане и Индонезии, он ответил, что «о нас там ничего не знают, кроме того, что мы мусульмане и, как они, боремся против западного колониализма». Вместе с тем он подчеркнул: «Несмотря на то, что нидерландская армия сумела подавить Индонезийскую республику, Голландия была вынуждена отказаться от своих целей, причем благодаря вмешательству Совета Безопасности ООН, и в конечном итоге восторжествовало международное право». Но отсюда он сделал вывод о пользе прямых переговоров Туниса – в лице правительства Шеника – с Францией. Передал горячий дружеский привет Фархату Аббасу, с которым недавно познакомился в Париже, а также Мессали Хаджу, лидеру ППА, и шейху Беширу Ибрагими, этому «достопочтенному старцу, который в двух планах, религиозном и культурном, ведет героическую борьбу за сохранение алжирской самобытности (*de la personnalité algérienne*)»³⁵⁸.

³⁵⁷ См.: Хамруи А. Революция 23 июля 1952 г. в Египте. М.: Прогресс, 1984, с. 114–117, 123.

³⁵⁸ Bourguiba H. Op. cit., p. 266–273.

В конечном итоге восточная поездка Бургибы дала два главных результата: делегаты Нового Дустура были приняты на высшем уровне в ряде азиатских государств, они открыли бюро пропаганды Арабского Магриба (ППА, Нового Дустура и Истикляль) в Нью-Дели и Карачи, а также свои информационные пункты в Джакарте и других городах. Завязали хорошие отношения с индийским премьером, которого Тайеб Слим знал и раньше. Правда, Джавахарлал Неру отклонил идею созвать под его эгидой конференцию о положении в Северной Африке. Общий итог был удовлетворительным. Настал черед броска на Запад.

Милан, июль 1951 г. Судя по его письмам, посланным с дороги, Бургиба собирался прямо из Каира выехать в Лондон, но некоторые обстоятельства, в частности, трудности с получением английской визы, задержали его в египетской столице. Оттуда он вылетел в Милан, где (4-12 июля) проходил II-й съезд МКСП. На нем присутствовали четыре делегата ВТСТ – Ф. Хашед, А. Тлили, Н. Будали, М. Мессади. Председатель Нового Дустура занял место рядом с ними за одним столом перед табличкой «Тунис». Он был приглашен на съезд наблюдателем по просьбе Хашеда и слушал его речь, в которой тот сказал:

«Франция для нас, колониальных стран, это больше не Франция 1789 года, это не свободная и демократическая Франция – такая, которую мы узнаем, попадая на территорию метрополии, ибо власть Франции над зависимыми странами, осуществляемая французским колониализмом, поругана самими французами»³⁵⁹. Касаясь проблемы защиты мира во всем мире, он подчеркнул, что реальную угрозу миру создают колониальные режимы. «Мы находимся в состоянии перманентной войны с колониальным режимом, чтобы обрести нашу свободу, без которой нет и не может быть мира... Мы просим МКСП развернуть через профсоюзы, с помощью прессы, конференций и митингов, систематическую кампанию борьбы против существования колониальных режимов». Активный участник подготовки итоговых документов II-ого съезда свободных профсоюзов, Фархат Хашед был избран в Милане вице-председателем исполкома МКСП (ответственным за африканский регион)³⁶⁰.

³⁵⁹ Цит. по: *Hached Chaari J.* Farhat Hached: documents inédits // Actes du I-er Congrès international sur: Farhat Hached. Mouvement ouvrier et lutte nationale..., p. 63.

³⁶⁰ *Kraïem M.* 1952, L'année ultime de la vie de Hached: son action de résistance et son

Выше уже говорилось, что с середины 1950 г. тунисский национальный профцентр порвал со Всемирной федерацией профсоюзов, это решение было принято после того, как Фархат Хашед в июне того года вернулся из Будапешта с заседания исполкома ВФП. Вернулся разочарованным, убедившись, что эта организация целиком подчиняет свою деятельность интересам советской политики, о чем свидетельствовало, в частности, исключение югославских профсоюзов из ВФП. Некоторые французские социалисты считали, что ВТСТ принял решение о собственном выходе из ВФП в знак солидарности с Югославией³⁶¹.

Действительно, этот мотив звучал при обсуждении вопроса, с кем быть, – с ВФП или МКСП, но все же главной причиной, по которой Фархат Хашед настоял на своем, преодолев сопротивление отдельных членов Административной комиссии ВТСТ и его Национального Совета (этот орган одобрил выход из ВФП на экстренном заседании 23 июля 1950 г.), оставались трения с тунисскими коммунистами. Они претендовали на пальму первенства в рабочем движении, вновь и вновь ставя вопрос о слиянии двух ведущих профцентров страны, чтобы ликвидировать «в высшей степени вредный раскол трудящихся»³⁶². За преодоление раскола ратовал и ВТСТ, предлагая восстановить единство профсоюзов под своей эгидой и под своим названием. Напротив, Объединение профсоюзов трудящихся Туниса, интернациональное по своему составу, подразумевало поглощение «мусульманского» профцентра своей организацией, хотя еще в середине 1949

assassinat // Actes du IX Colloque International sur Processus et enjeux de la décolonisation en Tunisie (1952-1964), Tunis: ISHM, 1999, p.153-155.

³⁶¹ *Rous J.* Chronique de la décolonisation, Paris: Ed. Présence Africaine, 1965, p. 55; Он же. *Habib Bourguiba*, Paris: Ed. Martinsart, 1984, p. 38. Мнению Жана Ру, который писал и повторял в своих работах, что «югославский вопрос» послужил толчком к «разводу» ВТСТ с ВФП, противоречит тот факт, что Фархат Хашед голосовал в Будапеште за исключение югославского профцентра из ВФП, еще раньше заместитель генерального секретаря ВТСТ – Нури Будали, член комитета Всемирного совета мира, отдал свой голос на сессии этого комитета в Риме (октябрь 1949 г.) за исключение из него Югославии. Солидарность с ней стала выражаться позже как следствие разрыва тунисского национального профцентра с ВФП; из Туниса в Белград выезжали профсоюзные делегации для изучения местного опыта управления предприятиями (См. *Ben Hamida A.* Le syndicalisme tunisien de la deuxième guerre mondiale à l'autonomie interne, Tunis, Publ. de l'Université de Tunis, 1989, p. 217-218).

³⁶² *Себа П.* Указ. соч., с. 248.

г. ВФП признала, что ВТСТ во главе с Ф. Хашедом насчитывал свыше 56 тыс. человек, а его соперник ОПТТ под руководством Хасана Саадави (члена ЦК ТКП) — 33 тыс. человек³⁶³; и в дальнейшем последний показатель падал.

Следуя общим лозунгам ФКП, принятым после варшавского совещания европейских компартий и создания Коминформа (1947 г.), тунисские коммунисты сосредоточились на критике «плана Маршалла» и вели пропаганду, отождествлявшую американский империализм и французский. Это обескураживало, с одной стороны, националистов, которых такая лобовая атака не устраивала, с другой, — многих членов самой тунисской компартии. Иные из них (арабы) уходили в Новый Дустур, другие в СФИО и даже в «рассамблисты»³⁶⁴. Фархат Хашед без труда уводил из ОПТТ целые регионально-отраслевые профсоюзы со вчерашним коммунистом во главе. В течение 1947-1950 гг. районные отделения ОПТТ закрывались в Сусе, Сфаксе, Кассерине, Бедже, Матире, Сук эль-Арба, Загуане и т.д. Только в столице и некоторых шахтерских районах, где рабочая сила была смешанной — среди мусульман берберы из алжирской Кабилии (традиционного очага отходничества), марокканцы и ливийцы, среди французских граждан этнические итальянцы, мальтийцы и проч. — наблюдалось равновесие между численностью и влиянием профсоюзов ОПТТ и ВТСТ³⁶⁵.

Третий по значению профцентр, образовавшийся поэтапно в 1947-1948 гг., это тунисское отделение ВКТ-«Форс увриер», состоял преимущественно из европейцев и вслед за своим центральным руководством во Франции, где среди лидеров «Форс увриер» находился и Андре Бузанке (бывший генеральный секретарь ДО ВКТ в Тунисе), примкнул к Междуна-

³⁶³ «Mouvement Syndical mondial», 4 août 1949, p. 6. (Цит. по: Ben Hamida A. Op. cit., p. 322). Здесь данные по ВТСТ несколько занижены. Количество его членов неуклонно росло: с 20 тыс. в 1946 г. до 100 тыс. к 1952 г.

³⁶⁴ Так, в 1950 г. два члена европейской секции Большого Совета расстались с членством в ТКП, чтобы войти во «Французское объединение Туниса» (Hamza H.-R. Communisme et nationalisme en Tunisie de la «Libération» à l'indépendance (1943-1956), Tunis: Université de Tunis, 1994, p. 285).

³⁶⁵ Своего рода вотчиной ОПТТ оставался район Гафсы, где было много отходников, заинтересованных прежде всего в том, чтобы скорее скопить денег и вернуться к семье на родину, в Алжир или Триполитанию. Забастовочные лозунги ОПТТ их привлекали больше, чем программа ВТСТ, тесно связанная с внутриполитической жизнью Туниса и выходившая за рамки чисто экономических требований трудящихся (Kraïem M. Op. cit., p. 336-337).

родной конфедерации свободных профсоюзов. Наконец, четвертый профцентр — восстановленное после войны местное отделение Французской конфедерации христианских трудящихся (ФКХТ), было малочисленным и по определению не привлекало тунисцев-мусульман, хотя некоторые из них, например, работники железнодорожного транспорта, имели членские билеты ФКХТ и участвовали в забастовках, которые она объявляла.

Несмотря на то, что лидеры ВТСТ и лично Фархат Хашед придерживались принципа Амьенской хартии 1906 г., то есть представления о профсоюзах как высшей форме организации рабочего класса и о всеобщей экономической стачке как средстве свержения капитализма, с конца сороковых наблюдалась неуклонная политизация национального профцентра, который стал постепенно приобретать «гибридные черты» партии и профсоюза. Своего рода двойника Нового Дустура со сходной социальной базой и программными установками. Резкий поворот в этом направлении произошел в 1950 г., когда ВТСТ поддержал инициативу Бургибы по началу переговоров с метрополией на основе «7 пунктов» и одновременно взял на вооружение антикоммунизм, бравировав им перед своими западными партнерами. Однако объяснение причин разрыва национального профцентра с ВФП одним только нажимом председателя Нового Дустура современные историки считают слишком упрощенным³⁶⁶.

Фархат Хашед неслестно отзывался о бюрократизме ВФП уже после ее миланского конгресса в апреле 1949 г., был раздосадован тем, что не находит в ней понимания своей идеи создания североафриканской конфе-

³⁶⁶ Такая прямолинейная интерпретация, базировавшаяся на утверждении, что сам Бургиба заключил союз с тунисской буржуазией в лице членов правительства Шеника, подавалась в многочисленных статьях Мухаммеда Нефаа — генерального секретаря ТКП (с 1948 г.). Члены ЦК компартии и деятели, стоявшие во главе ОПТТ, резко осуждали: а) конфессиональный характер ВТСТ, в руководство которого на первых порах был привлечен шейх аз-Зейтуны б) союз с патронатом, ибо членство мелких хозяев в ВТСТ не исключалось, а забастовки на предприятиях и сельских фермах, принадлежавших тунисцам-мусульманам, сдерживались. Затяжные в 1950 г. правительством Шеника и Новым Дустуром переговоры о внутренней автономии расценивались коммунистами как попытка решить тунисскую проблему «независимостью à la Bao Dai», как в Южном Вьетнаме (См., например: Ennassâa M. Qu'est que la question tunisienne?, «Démocratie Nouvelle», Paris, août 1950, p. 436-439).

дерации автономных национальных профсоюзов³⁶⁷. Вместе с тем некоторые его высказывания позволяют утверждать, что под конец своей жизни он сделался поклонником британской – двухпартийной политической системы. В 1951 г. Хашед написал двадцатистраничный документ с разъяснением позиции ВТСТ, в котором есть такие слова: «не стоит бежать из пастбища льва, чтобы влезть в волчью пасть, мы должны оставаться всегда свободными и в то же время защищать национальное единство»³⁶⁸.

Отсюда следует двоякий вывод, что Фархата Хашеда отпугивали тоталитарные устои стран «восточного блока» и что он, возможно, предусматривал двухпартийную политическую систему в независимом Тунисе. Однако проблема будущих отношений с Новым Дустуром, к которому принадлежали многие члены и секретари Административной комиссии ВТСТ, пока не являлась приоритетной. Независимость еще надо было завоевать.

В пользу перехода ВТСТ в конфедерацию «свободных» профсоюзов, а следовательно, дрейфа из московского лагеря в западный, действовали также сугубо прагматические соображения, которых не чужд был Фархат Хашед. В течение первых месяцев своего существования МКСП, за спиной которой стояли богатые и влиятельные американские профсоюзы, получила мощные рычаги влияния. Так, в марте 1950 г. ей был предоставлен статус члена-консультанта Совета по экономическим и социальным вопросам ООН, аналогичный статус она приобрела в ЮНЕСКО со штаб-квартирой в Париже, ФАО (в Риме), МОТ (в Женеве) и других специализированных международных органах. В МКСП перешли английские тред-юнионы, бельгийские, голландские профсоюзы и др.

Напротив, Всемирная федерация профсоюзов теряла позиции в Западной Европе, даже «географические». Начало 1951 г. было ознаменовано прибытием во Францию генерала Эйзенхауэра в качестве верховного

³⁶⁷ Эта идея не осуществилась, хотя имела определенные предпосылки. С 1944 г. в Марокко выдвинулись активные профсоюзные лидеры Тайеб Буазза и Махжуб Бенседдык, работавшие в рамках местного филиала французской ВКТ. Оба были арестованы в декабре 1952 г. за организацию демонстраций и беспорядков в Касабланке. Их усилиями 5 января 1955 г. был основан Марокканский союз труда (МСТ), который в 1960 г. раскололся вместе с расколом Истикляль (См., например: *Belouchi B. Portraits d'hommes politiques du Maroc, Casablanca: Afrique-Orient, 2002, p. 70-83*). В Алжире попытка создания автономного национального профцентра была сделана лишь в 1956 г.

³⁶⁸ *Débats du congrès // Actes du I-er Congrès international sur: Farhat Hached...*, p. 95.



главнокомандующего вооруженных сил Атлантического союза в Европе, в связи с чем правительство Плевена позаботилось о том, чтобы издать закон, запрещающий пребывание в Париже руководимых коммунистами международных организаций, среди них ВФП. Оппоненты правительства оспаривали покушение на роспуск ВФП, которая входила с правом совещательного голоса в ООН, но такой аргумент не подействовал, и федерации пришлось в конечном итоге перенести свою штаб-квартиру в Прагу.

Первые контакты с представителями МКСП были установлены в Париже 23 ноября 1950 г. одним из основателей ВТСТ – Нури Будади³⁶⁹, заместителем Фархата Хашеда, который ранее представлял этот профцентр в тунисском Комитете защитников мира и на различных международных мероприятиях. Если верить французским друзьям Бургибы, он с радостью воспринимал этот процесс, но не считал себя вправе в него вмешиваться.

Вопрос о присоединении к МКСП дебатировался на IV съезде ВТСТ 29-31 марта 1951 г., многие активисты были против, в их числе Ахмед Бен Салах – молодой профсоюзный лидер, еще в годы войны принимавший деятельное участие в работе подпольных ячеек «*néos*». Он произнес взволнованную речь за сохранение связей с ВФП. Однако после бурного обсуждения делегаты съезда поддержали линию Фархата Хашеда³⁷⁰, уже побывавшего в феврале на собрании исполкома МКСП в Брюсселе. Смирившийся Бен Салах (будущий «сверхминистр» Тунисской республики шестидесятых, а тогда – выпускник Сорбонны, филолог, начавший работать школьным учителем), осенью 1951 г. был направлен Хашедом в Бельгию на роль аппаратного сотрудника МКСП, где помимо своих прямых обя-

³⁶⁹ *Garas F. Op. cit., p. 196.* (В 1944-1945 гг. Нури Будади возглавлял Объединение автономных профсоюзов Севера, слившееся в 1946 г. с Объединением автономных профсоюзов Юга, которые и образовали ВТСТ).

³⁷⁰ За присоединение к МКСП было подано 287 голосов, против 96 при одном воздержавшемся и 14 недействительных бюллетенях (*Ben Hamida A. Op. cit., p. 337*). Съезд единогласно переизбрал Фархата Хашеда генеральным секретарем ВТСТ, хотя французские власти пытались это избрание сорвать, возбудив против него забытое судебное дело о проведении несанкционированного митинга. Его первыми заместителями были заново избраны фельдшер Нури Будади и преподаватель Махмуд Мессади, автор одного из самых известных произведений тунисской прозы XX века – романа «*ac-Cadd*» («Плотина»), созданного в экзистенциалистском стиле. Должность почетного председателя, которую в 1946 г. занял шейх Фадель Бен Ашур, в руководстве ВТСТ уже не фигурировала.

занностей, в которые входил перевод документов с арабского, выполнял функцию связного между неодустуровцами на родине, с одной стороны, и «блуждающими» в Европе, США и на Ближнем Востоке, — с другой.

В Милане Бургиба получил приглашение в Сан-Франциско на съезд американских профсоюзов от Ирвинга Брауна, европейского представителя АФТ, с которым он познакомился весной предыдущего года в Париже. Эта поездка планировалась на сентябрь.

Перспектива снова попасть в США была для него заманчивой, так как администрация Трумэна шантажировала Францию, словесно поддерживая националистов Марокко и Туниса в той мере, в какой надо было оказать давление на Бурбонский дворец и на шаткую исполнительную власть в Париже, чтобы они одобрили американский план перевооружения Европы, означавший ремилитаризацию Германии. А к этому французы относились подозрительно. Даже премьер Плевен, который внес на рассмотрение Национального собрания «план Плевена», не исключавший участия Германии в обороне Европы, делал оговорку, что это никоим образом не должно привести к возрождению германского милитаризма. Французские коммунисты, отрицавшие наличие какой-либо опасности со стороны СССР, заявляли: «Идея объединенной Европы — изобретение Гитлера». Генерал де Голль, выступая на пресс-конференциях, высказывался в пользу системы общей обороны. Но такой, чтобы на Тихом океане за нее несли ответственность Соединенные Штаты, на Востоке — туманный Альбион, а в Европе планы «взаимного обеспечения безопасности» составлялись бы Францией и командование европейской армией назначалось бы Францией. Еще в 1950 г. он заговорил о возрождении сильной и организованной «Европы от Атлантики до Урала», что сочеталось в его гордых и замысловатых планах, допускавших франко-германское согласие, с идеей возрождения империи Карла Великого³⁷¹. Эта мысль, которая несла в себе зерно «антиатлантизма», вылилась позже в прощальную резолюцию РПФ, гласившую, что Франция не может пожертвовать своим суверенитетом в Европе, ибо войдя в «континентальное сообщество», она потеряет свой суверенитет вне Европы, «отрезав себя от остального Французского союза»³⁷².

³⁷¹ *Верт А.* Указ. соч., с. 410-416.

³⁷² Резолюция Национального Совета РПФ от 1 марта 1953 г. (Цит по.: *Soustelle J.* *Vingt-huit ans de gaullisme*, Paris: La Table ronde, 1968, p 107-108).



На протяжении всего 1951 г. официальный Париж вел политику проволок по всем вопросам, касавшимся планов перевооружения Запада, которые обсуждались на серии «атлантических конференций», начавшихся менее чем месяц спустя после начала войны в Корее, а первая половина этого года была заполнена во Франции страстями предвыборной гонки, только затягивавшей решение общеевропейских вопросов, в которых были заинтересованы США. В этой обстановке тунисским националистам было удобно шантажировать Францию изъявлением надежд на реализацию их чаяний с помощью американской демократии³⁷³ и подыгрывать широкой антикоммунистической кампании, которую госдепартамент разжигал по своим каналам по всему свету, встречая охотную поддержку французских правых, заявлявших при этом, что Северную Африку американцам они не отдадут.

17 июня прошли выборы в законодательную ассамблею Четвертой республики, и определилось новое лицо парламента, где СФИО, которая отдала свой голос за мажоритарную избирательную систему (вместо пропорциональной), приобрела 7 дополнительных мест, ФКП и ее союзники потеряли 78 мандатов, почти 50 — из-за изменения системы подсчета голосов; а в целом левые депутаты уступили место так называемым классическим правым и «болоту». С успехом выступили деголлевы, собравшие в пять раз больше голосов, чем на предыдущих выборах, зато МРП потеряла 57 мандатов. На парламентской скамье появились депутаты от Национального центра независимых и крестьян (возник в 1949 г.). Отшумевшая избирательная кампания отличалась почти полным игнорированием международных вопросов, которые были отодвинуты на задний план внутренними — такими, как рост стоимости жизни или «вечный вопрос» освобождения от налога мелких виноделов. Перемещение политического центра тяжести далеко вправо, которое стало результатом этих выборов, должно было выясниться лишь через несколько месяцев в ходе формирования и перестройки правительства, сорванного с якоря «третьей силы», все же распавшейся³⁷⁴.

³⁷³ Как известно, «Четвертый пункт программы Трумэна», основная идея которой была впервые сформулирована в президентском послании к конгрессу 20.1.1949 г., а также принятый через год «Закон о международном развитии» содержали положение о помощи слаборазвитым странам в освобождении их от колониализма.

³⁷⁴ Давно обсуждавшийся «закон Баранже» о субсидиях религиозным школам был принят 10 сентября 1951 г. под нажимом МКСП. Это положило конец сотрудничеству социалистов с этой партией, которая разделяла склонность членов СФИО

Министерство иностранных дел, работавшее весь июль и начало августа в «техническом режиме» (выжидая конца мучительного процесса создания нового кабинета и его утверждения избранным парламентом), требовало остановить европейское турне Бургибы. Однако он сумел из Милана направиться в Лондон, где его сопровождал вышеупомянутый Жан Ру – один из членов издательской группы журнала «La Pensée Socialiste» (основан в 1946 г.), он же редактор газеты «Franc-Tireur»³⁷⁵ и председатель постоянно действующего «Конгресса народов Азии, Африки и Европы против империализма», членом которого являлся ВТСТ.

Лондон – Стокгольм, июль-август 1951 г. Вояж Бургибы на Британские острова прошел незаметно. Он выступил перед лейбористской группой членов Палаты общин, отобедал в парламентской столовой и участвовал вместе с другими арабскими деятелями в радиопередаче на Би-Би-Си, по поводу которой Кэ д'Орсэ сделало реприманд англичанам, принятый без оговорок. Ввиду собственных трудностей на Ближнем Востоке, они были далеки от той воинственной позиции, которую заняли в 1945-1946 г., вытесняя Францию из Сирии с Ливаном. И действовали так во исполнение планов Черчилля, который получил «на торге в Ялте от Рузвельта и Сталина свободу рук в Дамаске и Бейруте»³⁷⁶, намереваясь стянуть в английский кулак сухопутные, морские и воздушные коммуникации на стыке трех континентов.

Сам же «британский бульдог снова упустил кость»³⁷⁷, ибо его партия проиграла выборы 1950 г., но уже готовился к тому, чтобы оставить мемуарные труды, холст живописца и коневодство ради своего третьего премьерства, и яростно критиковал затрепавшее по всем швам лейбористское правительство. (В марте 1951 г. его покинула целая груп-

к экономическому «дирижизму» и некоторые их подходы к социальным проблемам, но расходилась с ними по вопросу о светских принципах государства.

³⁷⁵ Газета «Franc-Tireur» («Вольный стрелок») стала своего рода клубом левой интеллигенции, предупреждавшей об опасности сталинизма. В ее редакцию входили многие экс-коммунисты, исключенные из ФКП. (О полемике Сартра с этой группой в 1952 г. см.: *Bertr A.* Указ. соч., с. 482).

³⁷⁶ *De Gaulle Ch.* Op. cit., p. 185. Обиженный неучастием Франции в Крымской конференции, а также из-за Сирии, генерал де Голль с 1944 г. целых 14 лет не встречался с Черчиллем. Лишь в ноябре 1958 г. он примирился со своим бывшим противником, которому исполнилось 84 года, вручив ему медаль Освобождения.

³⁷⁷ *Hughes E.* Winston Churchill. British Bulldog. His career in War and Peace, N.-Y.: Exposition Press 1955, p. 272.

па министров, и в Англии назревали досрочные парламентские выборы). Однако времена, когда безотказно действовал британский мост между Средиземным морем и нефтеносными полями Ближнего и Среднего Востока, канули в прошлое. Премьер Мосаддык в Тегеране грозил интересам британского капитала, в Багдаде с марта по август 1951 г. шла кампания за национализацию собственности «Iraq Petroleum Company» и ее филиалов (13 августа было подписано соглашение о половинном разделе прибыли), портились отношения с Саудовской Аравией, а пятое по счету правительство Наххас-паша добивалось пересмотра англо-египетского договора, заключенного его третьим правительством. Это означало подрыв системы английских военных баз, раскинувшихся от Гибралтара через Мальту и Кипр до Адена.

Ослабевшая «владычица морей» почувствовала течь в своем корабле и пыталась ее заткнуть. Министр иностранных дел Герберт Моррисон произнес речь, содержавшую категорический отказ от эвакуации английских войск из Египта и нападки на вафдистское правительство, которое запретило перевоз израильских грузов по Суэцкому каналу и Акабскому заливу. Речь Моррисона вызвала в Египте взрыв негодования³⁷⁸. Карты в восточном пасьянсе ложились иначе, чем пять лет тому назад, толкая Лондон и Париж к дружбе против арабов; и скромному тунисскому гостю надеяться на горячее сочувствие в Великобритании не приходилось.

Свои страницы ему предоставила только «New Chronicle», хотя другие, более известные органы британской прессы, например, «Times» и «Manchester Guardian» следили за «экспериментом Шеника», отмечая благоразумие тунисских националистов. Любопытно, что та же «New Chronicle» за 16 августа 1951 г. поместила интервью с Луи Перийе, выразив сожаление, что позитивный франко-тунисский диалог, который мог бы послужить примером для остальных, застыл на мертвой точке³⁷⁹. Подобные

³⁷⁸ 16 августа 1951 г. министр иностранных дел Египта – Салах ад-Дин-паша на заседании парламента дал заявлениям главы Форин оффис резкий отпор, тем самым подведя черту под переговорами между Каиром и Лондоном. В октябре того же года англо-египетский договор 1936 г. был в одностороннем порядке денонсирован египетским парламентом и потерял конституционную силу; тем же порядком аннулировался англо-египетский договор 1899 г. о кондоминиуме над Суданом, а Фарук I увенчан «двумя коронами» – Египта и Судана.

³⁷⁹ *Mestiri S.* Op. cit., p. 128.

высказывания журналистов подняли легкую волну дискуссии о франко-британском соперничестве на Арабском Востоке, которая прошла мимо сотрудников Форин оффис, не пустивших Бургибу к себе и на порог.

В связи с франко-тунискими переговорами он заявил, что руководство Нового Дустура надеется «удержать среднюю линию» между различными тенденциями в партии, но не остановится перед тем, чтобы исходить вонне силы, способные оказать давление на Францию³⁸⁰. Из Лондона, где его визит и выступления затерялись в информационном потоке, Бургиба выезжал в Стокгольм, и здесь никаких официальных контактов не имел. Его приняли только шведские профсоюзные деятели, которые и организовали ему поездку по скандинавским странам. Она была скорее ознакомительной и в этом смысле произвела на Бургибу глубокое впечатление. Вполне возможно, что тогда он и заразился интересом к шведской модели социализма. 21 августа вернулся в Лондон и 7 сентября вылетел за океан.

Америка, сентябрь – октябрь 1951 г. В этой поездке, которая больше взволновала французское правительство, чем все его азиатско-европейское турне, Бургиба вновь соединился с Фархатом Хашедом и служил его спутником, а не наоборот, так как мероприятие, на которое они оба получили приглашение, было чисто тред-юнионистским³⁸¹. Правда, первые дни Бургиба провел в Вашингтоне с заездом в Нью-Йорк, где дал пресс-конференцию. Его предыдущее знакомство с Дином Ачесоном (одним из авторов «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла»), который с января 1949 г. занимал пост государственного секретаря США, больших плодов не принесло. Председатель Нового Дустура был принят только мелкими чиновниками ближневосточно-африканского отдела госдепартамента. Начальник этого отдела, с которым Бургиба имел случай увидеться на Цейлоне, от новой встречи уклонился.

Но сам по себе факт появления Бургибы в стенах госдепартамента вкупе с тем, что ему дали выступить по «Голосу Америки», вызвал острую реакцию в Париже, и Робер Шуман направил ноту протеста своему Вашингтонскому коллеге. Она потянула за собой долгую переписку по ди-

³⁸⁰ Из донесения французского посольства в Лондоне от 25 июля 1951 г. (Цит. по: *Mechat S. Op. cit.*, p. 111).

³⁸¹ Это был 70-й съезд Американской федерации труда, American Federation of Labor (AFL). В 1955 г. она слилась с Конгрессом производственных профсоюзов, Congress of Industrial Organizations (CIO) в АФТ–КПП.

пломатическим каналам с участием Брюса (американского посла в Париже)³⁸², в которой Шуман требовал обусловить сотрудничество США и Франции в бассейне Средиземного моря обязательством Вашингтона не вмешиваться в дела протекторатов и не поддерживать туниских или марокканских националистов какими-либо официальными декларациями. Такого рода обязательства США на себя не взяли, однако Ачесон пообещал Шуману, что никакой публичной трибуны после выступления по радио Бургиба больше не получит.

19 сентября туниские гости, один делегат от ВТСТ и второй – «наблюдатель», прибыли в Сан-Франциско на съезд американских тред-юнионов. Здесь Бургибу ждала большая неприятность, которую он сам себе устроил. Но возможно, его подвело незнание английского языка. Дело в том, что в повестку дня профсоюзного съезда была внесена речь Фархата Хашеда, с которой он 24 сентября и выступил. Бургиба тоже заготовил речь, которую то ли перевел, то ли написал тунисец Бухафа, подвизавшийся в США на ролях представителя Комитета освобождения Арабского Магриба, снискав себе средства существования на деньги ЛАГ, которые она выделяла комитету. Бывший «монсефист», он составил текст в резких тонах, показал его Бургибе, который ничего не понял, речь не произносил, но она попала в средства массовой информации. Газета «Le Monde», в целом не слишком враждебная туниским националистам, эту речь перепечатала. В это самое время в Тунисе собирался к отъезду Шеник, который появился в Париже 18 октября, и вскоре к нему присоединились еще трое туниских министров. Они должны были составить делегацию для переговоров с Кэ д'Орсэ, возобновленных стараниями Луи Перийе. Тот после летнего отдыха, проведенного во Франции, смягчился и решил, что надо сделать последнюю попытку на пути реформ или самому уйти в отстав-

³⁸² Дэвид Брюс в 1947 г. был назначен заместителем министра торговли США, а затем главой миссии Управления экономического сотрудничества во Франции (занималась осуществлением плана «Маршалла»). С 1949 г. посол США во Франции. Примечательно, что Брюс и Черчилль – лидер консервативной оппозиции в английском парламенте встречались с генералом Жюэном в конце декабря 1950 г. на совещании «троих» в Марракеше, где обсуждался вопрос о создании новых американских военно-воздушных баз в Марокко как части оборонительной системы НАТО. (Позже Д. Брюс занимал посты заместителя государственного секретаря, наблюдателя США в Европейском объединении угля и стали; в 1957–1959 гг. он посол в ФРГ, в 1961–1969 гг. – в Англии).

ку³⁸³. Впоследствии провал этих переговоров приписывали «провокации Бухафы» и, следовательно, выходке Бургибы, которому пришлось доказывать, что пресловутую речь с филиппиками в адрес метрополии он даже и не собирался произносить.

Кумулятивный итог американской поездки двух тунисских лидеров был умножением минуса на плюс. Бургибе не удалось пробиться в высокие инстанции, дабы заручиться поддержкой американской дипломатии на случай обсуждения тунисского вопроса в ООН. Хашед сумел завоевать симпатии руководства американских профсоюзов, а сам вынес впечатление, что они «играют важнейшую роль в экономике США и за их пределами, оказывают гуманитарную помощь слаборазвитым странам и странам, пострадавшим от последней войны». Об этом он заявил по возвращении в Тунис, добавив самое важное, что «профсоюзы США пристально следят за эволюцией синдикалистского движения в Тунисе и твердо готовы нас поддерживать в международном плане» (интервью Ф. Хашеда газете «La Presse»)³⁸⁴.

«С искренней радостью, — сказал он в Сан-Франциско на съезде АФТ, — я выступаю сегодня перед вами... С радостью и волнением, потому что впервые в истории рабочего движения, да что я говорю, впервые в истории вообще, представитель рабочего класса Северной Африки пересекает океан для прямого контакта, без посредников, с новым миром и для того, чтобы завязать отношения солидарности и дружбы между трудящимися двух континентов». Принятая съездом резолюция выразила пожелание, чтобы американская администрация потребовала от Франции безотлагательных мер, «согласно 73-ей статье Хартии ООН», с целью срочно обеспечить полную политическую и экономическую независимость стран Северной Африки по примеру Филиппин (in order to insure rapidly total political and economic independence of the nations of North Africa, to be the same as that presently enjoyed by the Philippines)³⁸⁵.

После Сан-Франциско тунисцы совершили путешествие по городам Америки. На сей раз они, действительно, имели время ближе познакомиться друг с другом и о чем-то конкретном договориться. Но о чем, оба впоследствии не раскрывали. Хашед вернулся домой, заехав по пути в Париж, а потом в Брюссель на сессию исполкома МКСП. Бургибе в возмож-

³⁸³ Perillier L. Op. cit., p. 188.

³⁸⁴ Цит. по: Hached Chaari J. Op. cit., p. 66.

³⁸⁵ Ibid., p. 65.



ности поехать во Францию, куда он стремился, отказали. Поэтому он взял курс на Мадрид. Покидая Нью-Йорк, передал заместителю генерального секретаря ООН памятную записку, в которой подчеркнул, что начатые в Париже переговоры «представляют собой последний шанс» мирного урегулирования вопроса франко-тунисских отношений, а в письме Бельхавану сообщал, что со слов одного из сотрудников госдепартамента США, решение ЛАГ вынести марокканский вопрос на сессию Генассамблеи ООН — преждевременное³⁸⁶.

Завершение поездки, ноябрь — декабрь 1951 г. Испания не являлась целью Бургибы, он хотел через нее проехать на юг, чтобы встретиться с марокканскими деятелями. 25 октября прибыл Мадрид, а в начале ноября достиг Танжера, где имел беседу с Абдель Халеком Торресом, который позднее уверял, что они обсуждали планы вооруженной борьбы. На второй день был выслан местными властями по просьбе Франции (хотя в принципе для этого требовалась сложная процедура и санкция международной «альхесирасской» комиссии). Мечта Бургибы воочию увидеть Марокко не осуществилась, он вернулся в Мадрид, 5 ноября вылетел в Рим и там оставался до конца месяца³⁸⁷. Ему уже было известно, что 31 октября делегация правительства Шеника представила в Париже новый меморандум, пока ждет ответа из министерства иностранных дел и проводит встречи на высшем уровне.

От исхода парижских переговоров, как кажется Бургибе, зависит очень многое и даже больше, чем только судьба его страны. 20 ноября он пишет Жану Ру: «Согласно тому, добудет ли Тунис свою независимость в мире и дружбе с Францией или войной и с помощью внешнего вмешательства, тунисский народ, а следовательно, и все народы Северной Африки, составят часть западного блока либо будут отброшены, возможно надолго, в другой блок — африканский или азиатский, образованный на конфессиональной или расовой основе»³⁸⁸.

В начале декабря он посетил Стамбул и Анкару, где выступил в Великом национальном собрании. Его речь не вызвала резонанса, на который он мог бы рассчитывать. Как и англичане, турки никаким антифран-

³⁸⁶ Письмо из частных архивов (Цит. по: Mechat S. Op. cit., p. 116-117).

³⁸⁷ Бургиба Х. *Хаятуху ва джихадуху...*, с. 105-106.

³⁸⁸ Rous J. Habib Bourguiba, Paris: Ed. Martinsart, 1984, p. 39.

цузским заявлениям в данный момент не аплодировали, хотя бы из-за «блоковой солидарности». (13 октября 1951 г., накануне решающего голосования в египетском парламенте о денонсации англо-египетского договора 15-летней давности, послы США, Англии, Франции и Турции предложили Каиру проект договора о Средневосточном командовании с центром в Египте, чтобы заменить английский военный контроль над зоной Суэцкого канала международным. Идея была отвергнута). Бесплодный в политическом смысле, визит в Турцию дал Бургибе, однако, пищу для размышлений. Опыт реформ Кемаля Ататюрка его живо интересовал. Из Анкары через Бейрут он направился в Каир, где оказался 13 декабря, а в субботний полдень 15-ого приземлился на аэродроме Бурже.

Здесь его встречала целая толпа тунисских студентов во главе с Мухаммедом Масмуди – делегатом Нового Дустура в Париже. В опубликованных рассказах об этой встрече есть легкие расхождения, но все свидетели подтверждают, что Бургиба отказался от приготовленной для него роскошной машины – американского лимузина и сел то ли в обычное такси, то ли в автобус вместе со студентами. Его путь лежал на Вандомскую площадь в отель Риц, где остановился глава тунисской делегации. Наконец, он смог к ней присоединиться.

Париж, 15 декабря 1951 г. Члены делегации, включая Салаха Бен Юсефа, который все предыдущее время совершал челночные поездки между Парижем и Тунисом, консультируясь с политбюро «néos», не слишком жаждали видеть Бургибу в своем обществе. Его бурная деятельность за рубежом раздражала их французских собеседников, даже самых благосклонных³⁸⁹. Мухаммед Масмуди, напротив, призывал его поспешить с приездом. Своих земляков, давно томившихся в отеле Риц, он застал с выражением смятения на лицах. В руках они держали, как змею, письмо объемом около восьмидесяти строк машинописного текста – так называемую «Ноту 15 декабря» за подписью Р. Шумана, которая была ими только что

³⁸⁹ «Ах, этот месяц Бургиба! Чего он только не заявлял, и чего он только не опровергал!» – воскликнул президент Ориоль на слова Шеника о том, что Бургибе приписывают ложные высказывания, от которых он отказывается. «Лучше бы месяц Бургиба вел себя поспокойнее... Я искренне верю, что вы можете с нами договориться. Поднимать вопрос перед ООН, это вас не смущает с политической точки зрения, но больно затрагивает наши чувства» – закончил Ориоль, намекая на Марокко (Auriol V. Mon septennat, ... p. 388-389).

получена и разрушила все надежды. Она являлась ответом на меморандум Шеника от 31 октября, который ровно полтора месяца пролежал без движения на Кэ д'Орсэ. Но прежде, чем обратиться к сцене, разыгравшей под вечер этого дня, следует дать хронике событий, связанных с историей отъезда и пребывания в Париже делегации правительства Шеника.

Началом этой истории послужил телефонный звонок тунисскому премьеру вернувшегося с отдыха Перийе, который сделал неожиданное предложение открыть вторую фазу переговоров, причем во Франции. Звонок раздался в конце августа, но на сборы ушло еще шесть недель, хотя пресса уже обсуждала перспективы работы делегации. 16 октября Шеник сел на пакетбот «Ville d'Algér», который доставил его в Марсель, отсюда он отправился поездом в Париж, где первая официальная встреча – в Елисейском дворце состоялась у него лишь 24 октября. Любезные хозяева не торопились расставаться с самозванным гостем.

Тонкость заключалась в том, что делегацию в Париж официально никто не приглашал, она как бы выехала по своей инициативе, премьер – авангардом, правда, с согласия и по совету Перийе, который отчасти хотел произвести отвлекающий маневр. Во-первых, предстоящей зимой открывалась сессия Генеральной ассамблеи ООН, она должна была пройти в Париже, и надо было сделать вид, что оснований вторгаться во франко-тунисские отношения у этой организации не существует. Во-вторых, углубление конфликта между кабинетом Шеника и французской Резиденцией в Тунисе было чревато переходом «néos» в оппозицию и возрождением «четырёх-пятигранного собрания» в составе двух Дустуров, аз-Зейтуны, профсоюзов, а возможно и коммунистов, как это было в 1946 г. Отмечать пятую годовщину «Съезда Ночи Предопределения» французские власти предусмотрительно запретили³⁹⁰.

Постфактум стало известно содержание конфиденциального послания Перийе своему министру, которое он направил как раз 16 октября, в день отъезда Шеника. «Если мы сможем сказать в то время, – рассуждал Генеральный резидент, – когда в Париже будут происходить международные заседания, что политика согласия (une politique d'entente) в Тунисе осуществляется спокойно, разве такое утверждение не пойдет на пользу французским делам во всем мире и сохранению нашего Французского союза?». При современной «деликатной конъюнктуре», продолжал автор

³⁹⁰ Mechat S. Op. cit., p. 138.

послания, вопрос состоит в том, «не совершим ли мы ошибку, отбросив Дустур в оппозицию...». Здесь же он развивал мысль, что Тунис движется в одной веренице с другими странами, и «опыт с ним — это пилотный эксперимент... Я твердо верю, что тунисская проблема не является неразрешимой». Вместе с тем губернаторский замысел, если судить по более раннему посланию Перийе к тому же адресату был не лишен византийского коварства. Так, 7 июня он писал Р. Шуману, что осенью, как только закончатся мусульманские праздники, надо форсировать в Тунисе муниципальную реформу, а поскольку правительство Шеника скорее всего откажется от нее, то появится хороший повод отправить его в отставку, и бей это сделает, чтобы не входить в конфликт с правительством Франции. Если же он «не захочет выйти из-под влияния своего окружения» и проявит упрямство, то поставит «под вопрос свое персональное положение»³⁹¹. Намек на план нового сотрясения трона?

Шеник, который прибыл в Париж с целым штатом сотрудников, вел переговоры от имени бея и своего правительства. Его предложения, поданные 31 октября в виде записки, или «меморандума» на Кэ д'Орсэ, сводились к следующим пунктам:

1) правительство Туниса должно состоять целиком из тунисцев; 2) должна быть создана представительная ассамблея, причем в течение переходного периода правительство может обладать исключительной законодательной инициативой, ассамблея же наделяется на это время правом внесения поправок в законы; 3) следует незамедлительно остановить прием на государственную службу французов; 4) те из них, которые уже заняты в общественных учреждениях, сохраняют свои должности, а по мере надобности и по согласованию с французским правительством Тунис будет приглашать на работу из Франции технических специалистов.

Кроме того, Шеник предложил заключить ряд специальных соглашений, гарантирующих соблюдение в Тунисе французских стратегических, военных, экономических и культурных интересов. Можно заметить, что эта программа мало отличалась от прошлогодних «7 пунктов» Бургибы, она лишь иначе их формулировала, но в ней отсутствовало содержавшееся в 6-м пункте предложение образовать выборные муниципалитеты с

³⁹¹ Выдержки из обоих посланий см.: *Mestiri S. Op. cit.*, p. 140, Annexe [без нумерации страниц].

«обязательным французским представительством» в местах проживания французского меньшинства.

Иными словами, в отличие от «7 пунктов», среди которых 6-ой был подан скорее как пряник, план Шеника снимал вопрос о муниципальной реформе, на которой французская сторона больше всего настаивала. Пожелания, высказанные в документе по проекту внутренней автономии, сопровождалось пространными рассуждениями в доказательство того, что: а) договор 1881 г. и конвенция 1883 г. не затрагивали «внутренний суверенитет бея» как носителя верховной власти, а все последующие новации мало-помалу сделали подлинным главой государства французского Генерального резидента; б) внутренняя автономия вернет стране самоуправление и упрочит франко-тунисскую дружбу; в) в том случае, если условия и принципы искомой автономии не будут четко обозначены, все вернется на круги своя³⁹².

Надо сказать, что «меморандум» был представлен Шеником спустя неделю после того, как тунисского премьера сердечно принял президент Ориоль, не преминувший вспомнить их старое знакомство и взаимные симпатии³⁹³. 29 октября во дворце правительства Рене Плевен дал официальный обед в честь Шеника, которому было предложено самому назвать имена желанных французских гостей. Он назвал Робера Шумана и Анри Кея — завсегда отеля Матиньон (за время Четвертой республики этот радикал 22 раза занимал разные министерские кресла, включая премьерское, и при этом заслужил прозвище «сонный Кей»). Присутствовал также Жорж Бидо, который вертел стакан в руке, вмешиваясь в беседу главным образом для того, чтобы сказать что-то вроде «куда спешить», «надо признать, сколь многое мы сделали в Тунисе» и т.п. Известный своим честолюбием и раздражительностью, Бидо «представлял собой одну из самых странных и, пожалуй, наиболее трагичных фигур Четвертой республики. Это человек, чьи добрые намерения почему-то никогда не приводили к добру»³⁹⁴. Со временем добрые или злые намерения, патриотизм или шови-

³⁹² Полный текст меморандума см.: *Ibid.*, Annexe [без нумерации страниц].

³⁹³ Венсан Ориоль в 1933 г. посещал Тунис в качестве адвоката, чтобы защищать в суде другого адвоката, в данном случае как журналиста — Дюрана-Анливьеля, тогда же познакомился с Шеником и выступал в его пользу по «делу Шеника» о Тунисском кредитном кооперативе (*Mestiri S. Op. cit.*, p. 143).

³⁹⁴ *Вепр А. Указ. соч.*, с. 336.

низм стоили ему изгнания из Франции как одному из главарей ОАС, которая по сути уже формировалась в зародыше.

На встречах Шеника с Ориолем последний убеждал начать в Тунисе с муниципальной реформы, которая послужит школой демократии. Так черепашьим шагом и открылись парижские переговоры. В них должны были участвовать трое министров – Шеник, а также Бадра и Бен Юсеф, которые прибыли на место 3 ноября. С самого начала, еще при образовании «правительства национального единства», была достигнута договоренность, что они берут на себя задачу ведения франко-тунисского диалога. Однако Перийе настоял на том, чтобы к ним присоединился министр земледелия – умеренный националист Саадаллах, лояльный Франции. Он, дескать, своим присутствием в Париже создаст более непринужденную атмосферу. Это вызвало недовольство, так как члены тунисского правительства крайне болезненно относились ко всяким знакам неуважения к ним. Но в данном случае – напрасно. «Генерал» Саадаллах, славившийся тем, что знает наизусть все басни и сказки Лафонтена, которые он мастерски рассказывал, действительно, оживлял беседы, а переговорам не мешал.

И не мог помешать, поскольку это были «разговоры, а не переговоры»³⁹⁵, хотя делегацию принимали со всеми почестями, а сопровождавший ее Перийе искренне желал хоть каких-нибудь результатов, чтобы его подопечные не вернулись из Парижа с пустыми руками. Иначе это перечеркивало весь смысл его собственной полугодовой миссии в Тунисе, где следовало ожидать «инцидентов», если провал поездки министров станет очевидным. Они, в свою очередь, надеялись на сочувствие Ориоля и верность Шумана духу «Тионвильской декларации», а также на либеральный настрой главы правительства, с чьим именем была связана Браззавильская конференция 1944 г. (пусть и туманно, но провозгласившая новую эру в отношениях метрополии со своими колониями). Кроме того, действующий французский премьер считался человеком, готовым достать для американцев луну с неба, а те намекали членам кабинета Шеника через консульство США в Тунисе о своей заинтересованности в успехе переговоров, хотя всячески избегали прямых контактов с партией Новый Дустур.

Как уже говорилось выше, во Франции 17 июня 1951 г. состоялись парламентские выборы, и 10 августа новое правительство сформировал Рене Плевен – лидер небольшой, но влиятельной парламентской фракции

³⁹⁵ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 29.

Демократический и социалистический союз Сопротивления (ЮДСР), в которую входили талантливые молодые политики, в том числе Франсуа Миттеран, возглавлявший левое крыло партии³⁹⁶. Сам же глава ЮДСР считался бледной политической фигурой, несмотря на известность, приобретенную им во время войны. Второй кабинет Плевена был утвержден подавляющим большинством членов парламента (80%). Оказав ему доверие, члены СФИО в кабинет не вошли, а правый блок составили министры от «независимых и крестьян», что было тревожным, но еще не очевидным признаком утяжеления консервативного элемента в структурах исполнительной власти. Министерство на Кэ д'Орсэ осталось под руководством Робера Шумана, однако у него появился своего рода дублер в ранге статс-секретаря по иностранным делам. Это его однопартиец и почти однофамилец Морис Шуман (Shumann с двумя «п»)³⁹⁷, которому были даны на откуп вопросы, связанные с протекторатами. В самой партии «народных республиканцев» он представлял собой нечто вроде посредника между кланом Робера Шумана и кланом Жоржа Бидо.

Чиновничий аппарат министерства, в свою очередь, «поправел». Тунисским участком здесь занимался 35-илетний Франсуа Пюо – кадровый сотрудник МИД и сын сенатора Габриеля Пюо, карьерного дипломата, который в свое время заведовал аппаратом французской Резиденции в Тунисе (1907-1912), был Генеральным резидентом в Марокко (1943-1946), затем послом в Швеции, а в 1949 г. записался в РПФ и выступал от имени

³⁹⁶ В первом правительстве Плевена (июль 1950 – февраль 1951) он занимал пост министра по делам заморских территорий. Позже – глава ЮДСР, на президентских выборах 1965 г. – единый кандидат левых сил. В июне 1971 г. вошел в социальную партию и был избран первым секретарем ФСП. 10 мая 1981 г. стал президентом республики.

³⁹⁷ Сорокалетний Морис Шуман впервые вошел в правительство. Однако это был уже опытный политический деятель. В 1940 г. он присоединился к генералу де Голлю, от имени Свободной Франции выступал по лондонскому радио. С 1945 по май 1949 г. – председатель, а затем административный руководитель (président administratif) партии МРП. Крещеный еврей, он еще до войны писал под псевдонимом Андре Сидобр статьи в «La Vie catholique» («Католическая жизнь»), выступая в качестве проповедника христианской демократии. Автор романов и публицистических работ (Dictionnaire biographique, ... p. 461). Пост государственного секретаря по иностранным делам занимал в пяти правительствах Четвертой республики (1951-1954), министр иностранных дел в 1969-1974 гг.

евро-тунисцев³⁹⁸. Понятно, что оба Пюо прислушивались к заявлениям Антуана Колонны, который 26 октября направил французскому правительству свой меморандум, опережая Шеника. Этот документ гласил: «Тунисцам нельзя слишком доверять: они не способны ни руководить, ни управлять своей страной. Мы должны по-прежнему удерживать все командные посты как в своих собственных интересах, так и в интересах Франции; ибо как только Тунис станет свободным, он вопреки всем своим обещаниям примкнет к другому лагерю, может быть, к Лиге арабских государств или к США, или к СССР»³⁹⁹. Тем не менее, в начале ноября Робер Шуман сделал несколько заявлений, в которых, с одной стороны, подчеркнул, что готовящееся рассмотрение марокканского вопроса в ООН Франция отвергает, с другой, — назвал контакты с тунисской делегацией полезными и протекающими «в превосходной атмосфере».

20 ноября «*prépondérants*» направили министру иностранных дел официальную телеграмму, в которой отрицали за Перийе «право говорить от имени французского Туниса, доверие которых он обманул»⁴⁰⁰. В тот же день Шеник, его коллеги и друзья сидели в отеле Риц, с напряжением ожидая, чем кончится заседание парламента, где был поставлен на голосование вопрос о «пуле Уголь-Сталь», а заодно и о доверии правительству Плевена⁴⁰¹. Вариант его падения тунисцам казался невыгодным. Кто знает, как после встряски будет выглядеть распределение чиновничьих и министерских кресел, высоких и низких постов на разных этажах правительст-

³⁹⁸ Со времени принятия конституции 1946 г. французы Туниса были представлены в Совете республики — верхней палате парламента Франции двумя депутатами, которых неформально называли «сенаторами» (сам по себе довоенный Сенат был упразднен). Этих двоих депутатов избирали члены французской секции Большого Совета и французские муниципальные советники г. Тунис. Их предпочтение было отдано Антуану Колонна и Габриелю Пюо.

³⁹⁹ *Bern A.* Указ. соч., с. 473.

⁴⁰⁰ *Julien Ch.-A.* *L'Afrique du Nord en marche*,...p. 313.

⁴⁰¹ Конституция не требовала, чтобы каждое текущее событие, поставленное на обсуждение представительного органа, связывалось с вопросом о доверии правительству. На практике это делалось очень часто, при этом министры и лидеры партий оказывали давление на парламентские фракции, чтобы получить одобрение предлагаемого проекта. Неудача влекла за собой падение кабинета. Так, в июне 1950 г. Бидо поставил вопрос о доверии в связи с пересмотром шкалы заработной платы служащих и проиграл. Правительство ушло в отставку.

ва, если оно не получит вотум доверия? И сколько времени займет обновление состава кабинета? Но вот Мухаммед Масмуди принес хорошую новость: с телетайпных лент сошло сообщение, что правительство выиграло с результатом 246 голосов «за» и 228 «против», социалисты при этом воздержались. Достигнутый перевес был небольшим: всего 18 голосов (а избранных депутатов 627). Собравшиеся в отеле Риц с облегчением вздохнули. Увы! Они еще не знали, что «перевесившие 18» — это были голоса алжирских депутатов.

Между «пулом» и Тунисом Плевен долго не колебался, ему заранее было известно, что алжирское лобби поддержит его правительство в обмен на блокирование тунисских реформ. Что касается хозяина Кэ д'Орсэ, который не пользовался особой популярностью во Франции — хотя бы потому, что его люксембургский акцент напоминал немецкий, а идея Соединенных Штатов Европы многих отпугивала, то Р. Шумана, снабженного двойником М. Шуманом, поставили в положение, смысл которого лежал на поверхности: «Не занимайтесь, мол, Северной Африкой и посвящайте себя (г-н министр — *М.В.*) вашим европейским делам, тогда они пойдут хорошо. Он и спасал то, что было делом его жизни»⁴⁰².

Дальнейшие события наворачивались снежным комом. 22 ноября 1951 г. состоялось заседание кабинета министров, на котором Р. Шуман, собиравшийся в Италию, выложил «тунисское досье», потребовав примирительного ответа на залежавшийся меморандум Шеника, и встретил сопротивление «независимых» министров, а также Кея и Бидо. Председатель правительства предложил оттянуть решение до возвращения министра иностранных дел. Он не возражал. «Рассамблисты» в отсутствие Р. Шумана не теряли времени, обрабатывая государственных лиц и депутатов. 1 декабря совет министров постановил создать межведомственную комиссию под председательством Плевена и с участием обоих Шуманов, Бидо, Мейера⁴⁰³, Ланьеля и проч. 10 декабря эта комиссия собралась опять в отсутствие министра Шумана, обговорила кое-какие общие идеи и поручила статс-секретарю Шуману подготовить ответный документ. Он спустил задание в африканский отдел министерства иностранных дел, где за перо взялся молодой Пюо, заместитель заведующего этим отделом.

⁴⁰² *Faure E.* *Mémoires*, Tome I, Paris, 1983, p. 359.

⁴⁰³ Рене Мейер (радикал-социалист) родственник французской ветви Ротшильдов, неоднократно занимал министерские посты и был известен как защитник колониальных порядков. Избирался депутатом от Константины.

15 декабря состоялось новое заседание кабинета, участники которого, «не глядя», одобряют этот документ, позже названный «нотой», Робер Шуман его подписывает и тут же направляет адресату, Мухаммеду Шенику. Письмо начиналось со слов: «Excellence! Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что Совет министров, собравшийся...». Далее шло перечисление тех благ, которые сделала Франция для Туниса, ныне обеспечивая 1/3 его бюджетных расходов (строя плотины на р. Меджерда, развивая образование, социальные службы и т.д.). «На ниве цивилизаторских свершений французы Туниса сыграли роль, которую невозможно отрицать... Значение их вклада в бюджет государства не позволяет отстранять их от участия в политических институтах... Важно это иметь в виду, рассматривая будущие отношения между нашими двумя странами, которые не могут покоиться ни на чем ином, кроме признания окончательного характера (*reconnaissance du caractère définitif*) связей, которые их объединяют». Эта формулировка «*окончательный характер*» была гвоздем злополучной ноты. С юридической точки зрения она означала не только прекращение «пилотного проекта» франко-тунисского диалога, но и отступление от текста договоров о протекторате, в которых вечность французского «покровительства» над Тунисом не была прописана.

Вслед за сказанным воздавалась дань прогрессивным декретам от 8 февраля 1951 г. и подчеркивалось, что теперь французское правительство вправе просить бея, чтобы он санкционировал муниципальную реформу как первоочередную меру «по развитию тунисской демократии» и предварительное условие всяких других реформ. Сообщалось также, что в январе будет образована смешанная франко-тунисская комиссия, которая изучит вариант замены Большого Совета какой-нибудь иной формой представительного собрания, а на сей час бею рекомендовалось продлить полномочия «нынешней ассамблеи», чтобы утвердить бюджет на 1952 г.

Основное требование меморандума Шеника – о создании «однородного» правительства даже не упоминалось⁴⁰⁴. Равным образом был обойден вопрос о внутренней автономии, обещанной Тунису. Общий смысл «ноты» состоял в том, что совместное управление здесь сохранится навсегда. Через день-другой Р. Шуман в один голос с французской прессой отметил небрежность текста, вышедшего из недр отдела протекторов с



нарушением стилистики дипломатического языка. Но дело было уже сделано, и отзываться свою подпись министр не собирался.

Бургиба прибыл в Риц вместе с шумной компанией студентов, они расселись в холле, а сам он напрямик направился в апартаменты Шеника, где уже находилась нота. Следующая сцена по разному описана ее актерами и зрителями. «Я вспоминаю, – говорил президент Бургиба по поводу черной годовщины 15 декабря, – как Шеник мне заметил (не желая показывать бумагу – *M.B.*), что французская нота касается в первую очередь Бея и ему прежде всех должна быть доставлена. Я сказал, что сейчас не время для шуток, мы на пороге войны... Поэтому потребовал, чтобы меня немедленно ознакомили с документом»⁴⁰⁵. Далее между Бургибой и премьером произошло бурное объяснение, у некоторых свидетелей размолвки осталось впечатление, что чуть не драка. В действительности Шеник отдал письмо на перевод в соседнюю комнату и не спешил с выводами, а Бургиба, добравшись до бумаги, требовал без промедления нести ее в редакции французских газет и в аппарат Генеральной ассамблеи ООН, благо она уже начала работу рядом, во дворце Шайо, а не в Нью-Йорке.

По рассказу Шеника, его взбешенный собеседник предлагал тем же вечером сесть за стол и написать жалобу в ООН, а утром ее зарегистрировать. «Какой бей! Какой еще бей! Подпишите ее сами как глава правительства... Бей. Бей! Он не посмеет нам перечить». Шеник в ответ ссылается на то, что не может превысить своих полномочий и что его сочтут сумасшедшим. Бургиба ему: «Послушайте,.. Вы слишком легалист. Вы спите со сводом законов... У нас уникальный политический шанс для того, чтобы интернационализировать нашу проблему. ООН – в двух шагах. Вся страна требует обращения в ООН, а вы мне толкуете про бея и его атрибуты... Кстати, мы можем обойтись без вас и без вашего бея»⁴⁰⁶.

Выйдя из комнаты, Бургиба срочно послал за журналистом из агентства Франс-пресс и, взяв себя в руки, продиктовал слова, которые сразу пошли в печать, поэтому достоверны: «Еще одна страница тунисской истории перевернута. Ответ Шумана открывает эру репрессий и сопротивления с его неизбежным кортежем траура, слез и злобы мщения...».

На следующей неделе французские газеты запестрели комментариями. «*Franc-Tireur*» писала с мрачным юмором: американские социологи

⁴⁰⁴ Mestiri S. Op. cit., Annexe [без нумерации страниц]

⁴⁰⁵ Президентская речь 15 декабря 1964 г.

⁴⁰⁶ Mestiri S. Op. cit., p.189-190.

уже объявили, что мир вошел в «эпоху организаторов». Но Франция, как видно, еще живет в «эпохе подпевал». Пюо-отцу подпевает Пюо-сын, он через голову шефа своего отдела передает письмо М. Шуману, который сбоку «фланкирует» Р. Шумана, а теперь пойдя ищи виноватого... «Арабский мир лихорадит, нарыв уже созрел. Наша страна имела шанс сделать щадящую операцию, сохранив дружбу с одним народом, равно как свои жизненные интересы. И этот шанс упущен с легкостью, которая граничит с бессознательностью»⁴⁰⁷. Между тем «твердолобые» колонисты в Тунисе ликовали, некоторые из них признавались, что и не ожидали такого подарка.



⁴⁰⁷ «Franc-Tireur», 19. 12. 1951 (Цит. по: Ibid., p.174).

Подарок короля. «Черная рука» против «Красной руки».

Ночью Хашеду приснился сон. Военный корабль пришел в Бизерту. А потом он увидел, как его самого ведут куда-то, французы по обе стороны. «Тебя арестуют?» – спросила жена, которой он поведал этот сон. «Я как раз этого и хочу, тогда смогу выучить английский язык»

[Из рассказа сына Фархата Хашеда со слов его матери, 2002 г.]

На этом история тунисской делегации в Париже не окончилась. Робер Шуман сам попросил Шеника повременить с отъездом и назначил ему еще одну встречу. 18 декабря тунисская делегация устроила в отеле Риц банкет для арабских представителей, прибывших на Генассамблею ООН. Среди гостей присутствовали Аззам-паша, Шукри Куатли, Салах ад-Дин-паша и другие известные личности, среди принимающих – все четверо тунисских министров, а также Бургиба и Бахи Ладхам, приехавший из Каира. «Арабы» советовали подготовить по всей форме тунисское досье и представить жалобу в ООН за подписью бея и премьер-министра; время еще оставалось. Заседания Генассамблеи продолжатся еще целый месяц.

Что касается встречи с Р. Шуманом, то она у Шеника состоялась 20 декабря, после очередного совещания в отеле Матиньон. Французский министр выразил сожаление по поводу неуклюжей ноты, однако подчеркнул, что это – коллективное решение правительства и, следовательно, его собственный окончательный ответ. Круг замкнулся. Делегация пустилась в обратный путь, а Бургиба остался в Париже, чтобы продолжить необходимые контакты в кулуарах дворца Шайо, но все делегаты Генеральной ассамблеи, на которых он рассчитывал, отказывались взять на себя постановку тунисского вопроса. (К тому же 13 декабря рассмотрение марокканского вопроса было отложено на неопределенный срок)⁴⁰⁸.

⁴⁰⁸ В ноябре 1951 г. члены ЛАГ подали жалобу ООН на действия Франции в Марокко. VI сессия Генеральной ассамблеи постановила отложить включение данного вопроса в повестку дня. Францию при этом поддержали Англия и США.



По свидетельству Масмуди, все рождественские и предновогодние дни, когда деловая жизнь во Франции замирает, Бургиба выглядел странно расслабленным, будто сбросившим напряжение. Часто оставался один или вдвоем со своим наперсником, не замечая его присутствия, и расхаживал по комнате взад и вперед, мурлыкая мелодии старинных народных песен. В один прекрасный миг он остановился и произнес решительным тоном: «Я скажу бею, Бен Юсефу и всем остальным, что американский делегат в Совете Безопасности пообещал свою поддержку, если мы подадим жалобу в ООН. А ты, Масмуди, подтвердишь, что был свидетелем этого разговора»⁴⁰⁹. Больше в Париже он не задерживался.

И снова возникает вопрос, в чем смысл был его поступка? Не отказываясь от борьбы, он мог бы выбрать другие варианты. Остаться за границей, причем в любой точке планеты, где у него были подготовлены «запасные аэродромы». Вести пропаганду в международных организациях, информационных бюро, при которых он, напротив, расставил своих людей (Рашид Дрис в Джакарте, Тайеб Слим в Дели, Али Бельхаван в Багдаде, не считая европейских точек), а сам вернулся в Тунис, где его явно ожидала «отнюдь не синекура», причем на сей раз маячили неизбежные неприятности, вплоть до ареста, который и состоялся. По возвращении в Тунис, где уже не было Перийе, подавшего в отставку, он оказал давление на правительство Шеника, и жалоба, правда, без подписи и печати бея, попала-таки во дворец Шайо. На 18 января назначил чрезвычайный съезд партии, который заранее был запрещен.

На что он надеялся? Вряд ли мог наивно полагать, что либо американцы поддержат обращение Туниса в ООН, либо победит народное восстание. Да и как его поднять? Жан Ру рассказывает, что Бургиба часто говорил ему о том, что стремится избежать собственного ареста. Ведь его голос на свободе был нужен. Да и многие соратники Бургибы замечали в разное время, что он часто выступал на митингах и собраниях, но почти никогда не шел во главе уличной толпы, не подставляя себя под обвинение в проведении «манифестации в неустановленном месте». А на сей раз как будто сознательно лез в петлю. Накануне съезда заночевал дома, на Овечь-

Однако в феврале 1952 г. ООН направила в Марокко делегацию изучить положение на месте.

⁴⁰⁹ Цит. по Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p.135.



ей площади (Place des Moutons или *мейдан аль-гнам*), отказавшись от ночлега под чужим кровом, к чему был привычен.

Не будем фантазировать насчет того, о чем он размышлял той ночью. Лучше вспомнить, что говорил на митинге в один из февральских дней 1938 г.: «Если однажды меня арестуют, выходите с протестами. Ведь Франция, когда увидит перед собой народ, полный решимости защищать свои интересы, она будет обезоружена и вынуждена сдаться». Тогда он, предполагая, что его арест сыграет мобилизующую роль, звал исключительно к мирным демонстрациям, у народа не было оружия. На сей раз между своим возвращением из Парижа и арестом Бургиба успел сделать несколько выступлений на митингах, где открыто призывал народ к вооруженной борьбе. Его напряженный голос звучал 8 января в Монастире, через три дня в мечети Юсефа Сахиб ат-Таби'а, что на площади Хальфавин в Тунисе, 12 января в Бизерте. Здесь над собравшимися было развернуто полотнище с надписями: «*аль-истикияль, аль-кифах, аль-джихад, аль-фида*» («Независимость, Борьба, Джихад, Самопожертвование»).

В итоге за несколько часов до открытия съезда партии (который нелегально, но прошел) Бургиба вновь арестован французскими властями, которые окончательно освобождают его только к лету 1955 г. Из этих почти трех с половиной лет самым тяжким испытанием была двухгодичная ссылка на почти безлюдный скалистый остров Галит – самый северный участок тунисской территории, примерно в 35 км от Кап-Негро и в 100 км от Бизерты (только с ней он имел сообщение), где Бургиба находился в полном одиночестве, изредка посещаемый членами семьи или друзьями, и куда даже продовольствие в шторм сбрасывали с вертолета.

К подножью горы на этом маленьком острове прилепилась крохотная рыбацкая деревушка, где обитало несколько итальянских семей, наверху стоял полуразрушенный замок, возможно, наследие эпохи расцвета средиземноморского пиратства, сюда Бургибу и поместили под надзор единственного охранника. Он мог гулять по острову, часто сидел на прибрежных валунах, предаваясь своим мыслям. Но бежать отсюда было невозможно, да и некуда. В холодные месяцы из-за влажности его изводил кашель, и мысли о смерти не отступали. Тем более, что в ноябре этого високосного 1952 г., а затем в марте следующего он получил одно и второе известие о кончине своих старших братьев, каждый из которых на разных этапах был вместе с ним в его борьбе. Смерть Махмуда, уже давно прико-



ванного к постели, не была неожиданной. (Но Хабиб Бургиба, как он сам пишет, «плакал горячими слезами, думая о том, что этого брата, такого сурового и такого преданного, больше нет!»). Посетивший его еще первым летом ссылки доктор Гуттман, который заодно привез под полой книги, констатировал воспаление легких и сердечную недостаточность. К нему прислали флотского врача, чуть ли не в чине адмирала, на этом вроде бы настоял Р. Шуман. Однако подписать протокол о прекращении какой-либо политической деятельности в обмен на освобождение и депортацию во Францию он отказался. Такое предложение поступило 8 октября 1952 г., как раз от флотского врача.

Чем он занимал свой досуг, которого было теперь в достатке? Читал книги, писал статьи, вечером работал при керосиновой лампе. Между прочим ему передали только что вышедшую книгу Ш.-А. Жюльена, где много говорилось и о нем самом. Жадно глотал свежие публикации о Вьетнаме. Получил брошюру Жана Ру «Осторожно, Тунис!», выпущенную по горячим следам событий, развернувшихся в стране⁴¹⁰, читал и перечитывал присланные ему, как поклоннику Виктора Гюго, два тома его избранных произведений и размышлял над «Великим расколом» («Grand Schisme») Раймона Арона. Литературу и почту доставляли на моторной лодке, которая раз в неделю курсировала между материком и островом, если погода позволяла. Каждую среду, когда был такой «паром», Матильда стояла у пристани в Бизерте и ждала, появится ли лодка. Пакет с передачей удавалось послать с одного раза на третий, а ей самой разрешили посещение острова лишь однажды за 24 месяца. «Граф Монте-Кристо» узнавал с воли почти одни печальные новости. В декабре 1952 г. при таинственных обстоятельствах убит Фархат Хашед, спустя девять месяцев такая же судьба постигла Хеди Шакера. Террор и антитеррор... Монжи Слим сослан на юг Туниса, Хеди Нуира арестован и т.д. Не станет ли безвестный о-в Галил для него самого его могилой?

Однако в мае 1954 г. узника переводят на островок Груа (Бретань), где он живет в приличном доме и может общаться с жителями рыбацкого поселка. Они ему симпатичны, эти пожилые дамы в старинных французских чепчиках и фартуках, будто сошедшие с живописных полотен позапрошлого века. И эти суровые мужчины, рано утром выходящие в туман-

⁴¹⁰ Rous J. Tunisie, attention, Paris: Ed. des Deux-Rives, 1952. (Эта книга сразу была запрещена в Тунисе).



ное море, пусть не такое, возле которого он вырос. На Груа к нему потянулась целая вереница визитеров: Жан Ру, Махмуд Матри, Василя Бен Аммар и др. А летом Бургиба уже на территории материковой Франции – в деревне Амильи и формально на свободе. Несмотря на то, что «из соображений безопасности» его держат под полицейским надзором, лидер Нового Дустура получает теперь возможность руководить издалека ходом событий в своей стране и принимать у себя не только партийных эмиссаров, но и представителей французских общественных кругов, симпатизировавших тунисским националистам.

Навестить его в Амильи приезжали жена и сестра с племянником. На снимке они обламывают цветущий куст в саду. Это самый разгар лета: Матильда в легком платье, у мальчика в руках букет, похоже, из ветвей жасмина. На одной из фотографий того же года запечатлен Бургиба, расхаживающий своей стремительной походкой – пальто развевается, как плащ, – на фоне озера и роскошного французского замка, отражающегося в озере. И впрямь, «почетный заложник короля». Это уже глубокая осень и другое место: лес Шантийи близ Парижа. Отсюда Бургиба выезжает в столицу Франции на встречи не только с журналистами, но и с высокопоставленными государственными лицами. Появился свет в конце туннеля?

В парижской печати появляются интервью Бургибы, который много говорит о своей концепции будущего развития отношений Туниса с Францией, а на первых порах выражает готовность вести переговоры на базе изначальных соглашений о протекторате. Формально отрекается от партизанского движения, вспыхнувшего в Тунисе, и даже заявляет о своем полном неведении по данному делу (что не вполне отвечало истине).

Но все же сначала вернемся к обстоятельствам ареста Бургибы, во время которого он сказал: «Это в третий и последний раз». А также к вопросу, зачем он вернулся тогда из долгих странствий на родину и почти наверняка – в тюрьму. Опять сознательный риск? Или неосторожность? Косвенно ответ на этот вопрос содержится в статье Махмуда Матри, которая была опубликована через шесть с половиной лет после декабрьской «Ноты 1951 г.». В этой статье, заведомо хвалебной, ибо она появилась в открытой печати на следующий день после 55-летнего юбилея Бургибы, который только что отметил первую годовщину Тунисской Республики и своего президентства, автор дал, тем не менее, достаточно откровенный,



почти врачебный анализ «анатомии личности» своего бывшего соратника и в этой связи упомянул интересные нас события:

«Не возьмусь, тем более в кратком очерке, анализировать эту богатую натуру, в которой каждая черта характера заслуживает отдельного разговора. Но первое замечание, которое хочется сделать, наблюдая Президента Бургибу, так это то, что над его несколько слабым организмом господствует нервная система редкой мощи. Эта мощь лежит в основе его замечательных качеств и известных недостатков, которые, как правило, являются крайним пределом этих же качеств. Я бы отметил, например, то спокойное мужество, с каким он переносит испытания, его доброту, бескорыстие и отзывчивость... Вместе с тем не могу умолчать о его приступах гнева, о его нетерпеливости и неосторожности, пусть редко проявляемых. Я даже спрашиваю себя, не могли ли они, особенно в течение первого десятилетия его политической деятельности, зачастую рискованной, загубить все то, что его ум и выдержка столь скрупулезно выстроили... Как всем сильным личностям, ему присущи контрасты. Так, несмотря на свою простоту, вошедшую в легенду, он может помпезно подавать себя и не лишен склонности к рисовке. Действительно ли это коренится в его натуре, или же – способ поразить чужое воображение, необходимый для того, чтобы распространять свои идеи в народных классах?...

В своих беседах и речах Президент Бургиба часто и с удовольствием сводит свою деятельность к тщательно обдуманной стратегии. Во многом так оно и есть, ибо трудно представить, чтобы человек подобного уровня не потрудился бы обдумывать свои шаги. Но я полагаю, однако, что эта мыслящая голова в то же время – человек интуиции и даже эмпирик... Не говорил ли он столько раз, что не хочет связывать себя теориями? Его дар интуиции действительно необыкновенный. В одном письме, посланном мне из Нью-Йорка в 1951 г., он с удивительной точностью описал перипетии событий, которые нас ожидали в борьбе с колониализмом, равно как и реакцию противника. И все, что он предсказал в своем письме, так оно и произошло между 1951 и 1955 гг. Я думаю, что эта способность предугадывать реакцию противника заставляла его принимать решения, которые нам казались слишком смелыми и даже безрассудными»⁴¹¹.

О чем же сказал будущий глава Тунисской республики в этом письме, на котором в действительности указано Сан-Франциско. Но это не меняет дела, письмо могло быть отправлено из Нью-Йорка – одного из пунктов той же поездки Бургибы «за океан» вместе с Фархатом Хашедом. После первых строк, где путешественник, давно не писавший своему другу, уверяет, что он его не забыл, и вспоминает «героический период» их совместной деятельности, когда они начинали с нуля «эту большую работу

⁴¹¹ «L'Action», 4. 8. 1958.



по подъему целины и организации (ce grand travail de défrichage et d'organisation)», которая «заяла всю мою молодость и большую часть зрелых лет», следуют такие слова:

«Борьба не кончена. Она никогда, впрочем, и не кончится, поскольку жизнь и борьба неразделимы. Сегодня мы являемся свидетелями того же процесса, что происходил в 1936-1937 гг. Понеся поражение, французская колония (поселенческая – М.В), переходит в атаку, саботируя доброжелательную и дальновидную политику Франции, и надеется разрешить проблему подавлением Нового Дустура ударами, которые будут безжалостными. Но на этот раз она будет иметь перед собой Новый Дустур, неизмеримо более сильный во всех отношениях, по сравнению с 1938 г. Не говоря уже о его внутренней организации, Новый Дустур 1951-1952 гг. пользуется симпатией и поддержкой всего общественного мнения французских демократических кругов, да и всего мирового демократического общественного мнения. Он представлен в тунисском правительстве, что впервые придает его деятельности официальный и легальный характер, которого раньше не было. Именно поэтому я не согласен с тем, чтобы Новый Дустур вышел из правительства и потерял эту блестящую тактическую позицию... Впервые мы вступаем в битву, не имея против нас Бея вместе со всем тунисским правительственным аппаратом. И возможно, это преимущество окажется решающим в тот день, когда на фоне все длящихся репрессий проблема выйдет из плоскости франко-тунисских отношений и станет элементом холодной войны...

Как и в 1936 г., я представил все доказательства нашей доброй воли, готовности к согласию и чувства меры. Как и в 1936 г., мы столкнулись с обструкцией, травлей, презрением, вызовом. Только применение силы заставит французскую колонию идти на уступки и решать вопрос франко-тунисских отношений на иной базе, чем колониальная система, которая между тем отступает повсюду в мире (Ливия, Сомали, Золотой Берег, Индия... и т.д.).

Мы сейчас имеем по всему миру огромную поддержку, которая, если мы сможем продлить наше сопротивление, опрокинет все упрощенческие расчеты французских колонизаторов. Им снится Мадагаскар и они уже прислали генерала Гарбея⁴¹², чтобы при случае сделать этот сон явью. Но они могут столкнуться с тем, что произошло в Индонезии, если внешнее вмешательство не опоздает, то есть, если оно заявит о себе раньше, чем нас раздавят и уничтожат. Я имею все основания надеяться, что мы продержимся сколько нужно...

Если я исчезну в ближайшей битве, ты будешь – вместе со многими другими – свидетелем того, что я любил тунисский народ, что я все ему принес в

⁴¹² Главнокомандующий французскими войсками в Тунисе, который хвастался тем, что он самый молодой дивизионный генерал Франции. Отличился подавлением восстания на Мадагаскаре (март 1947 г.), где число жертв среди коренного населения, по некоторым данным, превысило 80 тыс. человек.



Подарок короля



жертву, служил ему верой и правдой, со всей своей отвагой и умом. Моя смерть не остановит его порыв, напротив! Не знаю, что мне готовит будущее. Но что бы ни случилось, у меня будет сознание, что я выполнил свой долг, и мне не надо другой награды. Через месяц-полтора, когда мне удастся собрать все козыри за рубежом и наладить механизм сопротивления, я вернусь на родину, чтобы взять на себя всю ответственность и разделить судьбу своих соотечественников. Как и в 1935 г., как и в 1938 г., я сделаю все, чтобы быть в этих событиях на высоте...».

*Письмо датировано субботой, 22-ого сентября 1951 г.*⁴¹³

Подобные мысли разбросаны и в других письмах, статьях и выступлениях Бургибы, относящихся к периоду его заграничного турне. Но в письме к д-ру Матри они собраны в сконцентрированном виде и раскрывают его практический замысел. Он во многом напоминал замысел конца 1937 и первых месяцев 1938 г., когда лидер партии, стараясь занять середину между умеренными и максималистами в руководстве «пéос», хотел добиться от Франции соглашения, подобного франко-сирийскому договору, парафированному в Париже 20 сентября 1937 г. (за месяц с небольшим до II съезда Нового Дустура). И тогда его тактика состояла из двух компонентов: до конца подавать знак дружбы, поворачиваясь лицом западника к демократической Франции, и угрожать колониальной Франции, поворачиваясь лицом «бешеного» к собственной армии («выходите на улицу, протестуйте со всей силой, пока европейские державы грызутся между собой...»). Он проиграл, и это не могло кончиться иначе; «большую европейскую войну», которая оказалась не только европейской, можно было в конце 1937 г. — начале 1938 г. предугадывать, но большинство еще надеялось, что ее удастся избежать. Теперь же тактика Бургибы раскладывалась на три составляющих: любой ценой не отказываться от переговоров с метрополией, пока остается для этого хоть малейшая возможность, собирать по миру голоса поддержки, которые смогут прозвучать в авторитетных международных организациях, и грозить восстанием, готовясь к сопротивлению. «Холодная война, которая свирепствовала между западным миром и коммунистическим миром, давала нам возможность маневра ради нашего дела. Благодаря этой борьбе влияний мы могли получить серьезные результаты в смысле нашей независимости»⁴¹⁴.

⁴¹³ Это письмо опубликовано в приложении к мемуарам д-ра Матри (см.: *El Materi*, Op. cit., p. 248-250).

⁴¹⁴ *Bourguiba H.* Une Victoire sur l'anarchie, Discours prononcé par le Président Habib Bourguiba, Sfax, le 22 novembre 1966, Tunis: Secrétariat d'État aux Affaires



«Черная рука» против «Красной руки»



Однако он сдерживал ретивый пыл тех, кто рвался в бой и жаждал сразу получить все или ничего. «В Национальном совете (Нового Дустура — *М.В.*), созванном в августе 1950 г., я склонил чашу весов в пользу участия партии в правительстве. Эта инициатива, конечно, отличалась о той, с которой я выступил ранее в Париже, предусматривая тогда участие партии в правительстве лишь при условии, что оно будет однородным. Но я был уверен, что эта формула быстро приведет к желаемой однородности... в случае неудачи она давала нам время, чтобы подготовить наши силы внутри страны и завоевать симпатии в мире, чтобы выиграть противостояние, которое последует за неудачей»⁴¹⁵. Что конкретно имелось в виду под «подготовкой сил», упомянутой президентом в 1966 г., или «механизмом сопротивления», о котором он писал в 1951 г. д-ру Матри, между прочим, тогдашнему члену правительства?

Ответ на этот вопрос кроется в завуалированной стороне путешествий Бургибы, который, как мы помним, начал с короткой остановки в Каире перед отлетом в Пакистан, и затем пробыл несколько недель в египетской столице между своей поездкой по Азии и европейским турне. Об этом эпизоде сохранилось несколько воспоминаний, одно из них принадлежит Мухаммеду Масмуди, которого Бургиба вызвал к себе в Каир вместе с группой доверенных лиц. Здесь они провели ряд штабных совещаний, а также встречались с алжирцами, которые преследовали в Египте аналогичную цель — поиск средств на оружие. Речь идет о лицах, избежавших поимки в 1950 г., когда была раскрыта Секретная Организация («OS»), представлявшая собой своего рода «подземный этаж под полуподвалом» в двуединой структуре: нелегальная партия ППА, встроенная в легальное движение националистов МТЛД⁴¹⁶.

Созданная в феврале 1947 г., «OS» насчитывала от 1,5 до 2 тыс. членов. Она готовила отряды боевиков на случай вооруженного восстания, проводила мелкие акции террора и похищение денег. Ограбление почты в Орানে 5 апреля 1949 г., видимо, и позволило ей запастись тремя сотнями итальянских винтовок, куплен-

Culturelles et à l'Information, 1967, p. 17 (Брошюра).

⁴¹⁵ Ibid., p. 21-22.

⁴¹⁶ По данным на 1952 г., МЛТД насчитывало в Алжире 20 тыс. активистов и 18 тыс. «присоединившихся» (т.е. проходящих испытательный срок), а во Франции, соответственно, 5 и 3 тыс. (*Ланда Р.Г.* Кризис колониального режима..., с. 241; *Harbi M.* Aux origines du FLN: le populisme révolutionnaire en Algérie, Paris, 1975, p. 88).



ных в Ливии и хранившихся в бочках с оливковым маслом, упрятанных в горах Ореса. Полиция напала на ее след, 18 марта 1950 г. были схвачены первые руководители, а затем еще 350 человек, остальные ушли в подполье, рассеялись либо эмигрировали. На следующий год Мухаммед Хидер – бывший депутат парламента Франции и Хосин Айт Ахмед, прежний лидер «ОС» (до 1949 г.), образовали в Каире «внешнюю делегацию» МТЛД, пользуясь связями и скудной материальной базой официального представительства этой организации во главе с Шедли Мекки, и тут же развязали с ним жестокое соперничество. Позже к их тандему присоединился Ахмед Бен Белла, бежавший из тюрьмы в алжирском городе Блида. О том, насколько пуст был карман членов «внешней делегации», говорит тот факт, что они пытались вытеснить из жилой комнаты, принадлежавшей Бюро Арабского Магриба, студента богословия Мухаммеда Бухаррубу (спустя 5 лет – полевой командир Хуари Бумедьен; в 1962-1965 гг. министр обороны, а затем президент АНДР, прозванный в узком кругу соратников «Желтым скорпионом»), который делил сей приют с четырьмя земляками. При этом никому еще не ведомый рыжеволосый школяр, предпочитавший скуке аль-Азхара азарт дискуссий в студенческих кружках, бросил Айт Ахмеду: «За кого вы нас принимаете? Вы политики. А мы остаемся здесь, ибо мы – поколение Революции»⁴¹⁷.

Еще в январе 1950 г. Бургиба имел тайную встречу на территории Туниса с Ахмедом Бен Беллой – членом ЦК МЛТД, ответственным за вопросы, и руководителем «ОС». По словам хозяина дома, где она состоялась, трое тунисцев и трое алжирцев договаривались об одновременном восстании⁴¹⁸. Но судя по всему, Бургиба рассматривал подобный вариант как неосуществимый. А вариант «одиночного» восстания в Тунисе – как сугубо запасной. Тем не менее, оказавшись в Каире во время своих поездок 1951 г., он начинает лихорадочно искать деньги отнюдь не на филантропические цели и, быть может, сознательно создает утечку информации. С одной стороны, ему было выгодно (отправляясь в Карачи) создать себе имидж бойца перед мусульманскими кругами, с другой, – хотелось «припугнуть неприятеля». В ряде извлеченных на свет позднее писем он делился со своими друзьями мыслью, что не исключает возможность спорадических, очаговых военных действий, которые могли бы стать демонстрацией силы и сдвинуть с мертвой точки переговоры с Францией.

«Бургиба, – свидетельствует Масмуди, – хотел создать чисто националистическое движение, без исступленного арабизма или исламизма. Задача тем более затруднительная, что движение “Братьев мусульман” в ту

⁴¹⁷ *Francois A., Sérén J.P. Un Algérien nommé Boumediène Paris: Stock, p. 42.*

⁴¹⁸ *Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 131.*



эпоху было сильно с Хасаном аль-Банной, убитым после того, как он сам убил Нукраши-пашу (египетского премьер-министра – *М.В.*)... Бургиба, помимо всего прочего, находился под глубоким впечатлением от событий в Сетифе в 1944-1945 гг. после победы союзников⁴¹⁹. При этом он говорил, что боится, как бы мы не оказались зажатými с четырех сторон, подобно тому, как это произошло в Сетифе и на Мадагаскаре... Мухаммед Салах ад-Дин, ответственное лицо в партии Вафд, которого мы встретили (летом 1951 г. в Каире – *М.В.*), посоветовал Бургибе больше не искать контактов с другими арабскими руководителями, а ехать к саудовцу Абдельазизу Ибн Сауду. Мы и отправились, Бургиба, Али Злитни⁴²⁰ и я, в Эр-Рияд на борту маленькой «дакоты». Это был один из дней Рамадана. Абдельазиз Ибн Сауд, с которым мы повидались, обещал нам материальную помощь в закупке оружия, но посоветовал Бургибе, который произвел на него очень хорошее впечатление, не стремиться к широкой конфронтации, а вести войну на истощение, гораздо более эффективную против оккупации⁴²¹.

Возвращаясь назад, пассажиры «дакоты» решили на деньги, полученные от благодетеля, купить две фермы под Триполи, чтобы организовать военную подготовку тунисцев. «Там и были сформированы первые группы феллага (партизан – *М.В.*) и зажглась первая искра Революции. Сегодня Бургиба мертв. Я последний его соратник еще в живых, который

⁴¹⁹ Сетиф – город на северо-востоке Алжира, ныне административный центр одноименной вилайи. Именно этот район и прилегающие горные области охватило майское восстание 1945 г., прелюдией к которому стали локальные беспорядки 18 апреля, вызванные арестом личных охранников Мессали Хаджа – лидера ППА, и стычки с полицией во время первомайских демонстраций. Вспыхнувший и протекавший стихийно, этот кровавый мятеж в день окончания второй мировой войны отчасти был спровоцирован (отмененным в последнюю минуту) планом ППА поднять всеобщее восстание 8 мая под руководством подпольного «правительства Алжира» с штаб-квартирой на одной из ферм близ Сетифа. (Подробнее см.: *Ланда Р.Г. Кризис колониального режима..., с. 120-124.*)

⁴²⁰ До описываемых событий Али Злитни возглавлял партийную федерацию Туниса-столицы. В 1952-1954 гг. руководил партизанским движением из центра подготовки боевиков, расположенного под Триполи. Позднее примкнул к мятежу Бен Юсефа, «был его правой рукой...», приговорен к тюремному заключению, а ныне в опале, – писал о нем в восьмидесятых другой опальный, – хотя получил ферму от государства» (*Azzouze A. L'histoire ne pardonne pas. Tunisie: 1938-1969, Paris: L'Harmattan, Tunis: Dar Ashraf, 1988, p. 161.*)

⁴²¹ «*Réalités*», № 747, 13-19. 4. 2000, p. 33-34.



прошел через эти перипетии нашей истории, а также свидетель той встречи с Абдельазизом Ибн Саудом, имевшей место в 1951 г.». Король «был единственным, кто нам помог», — добавил Масмуди.

Из других мемуаров явствует, что Салах ад-Дин-паша, принявший Бургибу в своем министерском кабинете, сам пообещал выделить ему средства из «черной кассы» партии Вафд, но для этого надо было ждать 1 июля (начало финансового года в Египте!). Видимо, поэтому Бургиба и задержался в Каире дольше запланированного, а в ожидании последовал совету египтянина постучаться в дверь Ибн Сауда, которая открылась.

Обращает на себя внимание, что 30 декабря 1950 г. было заключено соглашение между саудовским правительством и американской компанией АРАМКО, предусматривавшее раздел доходов от продажи нефти по принципу «fifty-fifty», в то время — революционному. К 1957 г. доходы королевской казны почти удвоились⁴²². Так, в результате визита к королю тунисской делегации, которая пробыла в Саудовской Аравии с 26 по 30 июня 1951 г.⁴²³, первые арабские «нефтедоллары» пошли на внешнюю помощь. Национально-освободительному движению или терроризму?

Отсюда вытекает еще один принципиальный вопрос: является ли вооруженное восстание высшей формой национально-освободительного движения? С ним связан более узкий вопрос: существовала ли организация, подобная алжирской «OS», в Тунисе? И что представляла собой тунисская «Армия освобождения», о которой заговорили в 1952 г., и кем направлялось партизанское движение, наличие которого в Тунисе было официально признано Францией в 1953 г. Кем были эти наводившие ужас люди, именуемые «феллага», что созвучно арабскому «фаллах», то есть пахарь, земледелец. Участниками крестьянского восстания или «бандитами», «разбойниками с большой дороги», «отщепенцами», что на самом деле и означает это слово (диалектальное), которое — как название участников брожения племен — стало употребляться в Тунисе с 1915 г., когда антифранцузский мятеж, по сути подобный традиционной бедуинской вольнице, разгорелся на юге страны.

Непосредственно после второй мировой войны небольшие вооруженные группы стихийно складывались в Тунисе, иногда на соседско-земляческой и субэтнической («племенной») основе. Определенным сти-

⁴²² Новейшая история арабских стран Азии, М.: Наука, 1988, с. 356.

⁴²³ Mechat S. Op. cit., p. 111.



мулом к их образованию послужили палестинские события, а первая собственно партизанская группа была перехвачена еще в 1948 г. как раз по дороге в Палестину, но она не дошла и до границы с Триполитанией, французы ее уничтожили. Вместе с тем имеются сведения, что в 1950 г. была создана группа людей, частично неодушуровцев, частично — синдикалистов и проч., которые составили нечто среднее между секретной организацией, лично контролируемой Бургибой, и эмбрионом боевой ячейки, она называлась «Одиннадцать черных»⁴²⁴. На следующий год члены этой группы или некоторые из них провели в Каире своего рода военный совет. Желчно описывает его Аззедин Аззуз, засидевшийся тогда без дела в Египте офицер сирийской армии, а в юности — один из руководителей скаутского движения в Тунисе (о его прошлом см. наш комментарий [32]), который начал свой рассказ с предыстории этой любопытной встречи.

Повесть Аззуза снова нас возвращает к фигуре «Рифского льва», уныло наблюдающего за разбродом внутри Комитета освобождения Арабского Магриба, председателем которого он являлся. Измученный ожиданием помощи от Лиги арабских государств и совсем отчаявшийся после их поражения в Палестинской войне, эмир Абд аль-Крим понимал, что содействия влиятельных персон в Каире, включая короля Фарука, к которому он обращался за деньгами, ждать нечего. (Фарук-то ему посулил целых 500 тыс. ег. фунтов, но при условии, если в Магрибе его признают халифом всех мусульман, а эмир об этом объявит). Однако старый воин, столь же удрученный пассивностью членов своего комитета, вся энергия которых уходила на выяснение отношений между собой, не оставлял замыслов широкого восстания в Северной Африке. Его надеждой и опорой, как изображает дело Аззуз, становится он сам, человек, умеющий владеть оружием. Эмир просил его оставаться подле себя, выплачивая ему треть жалования, которое Аззуз мог бы получать в Сирии⁴²⁵. В начале февраля 1951 г. прошел слух, что Бургиба вот-вот появится в Каире, собирается дальше на Восток и «готовит вооруженное восстание... против Франции». Якобы для того и пускается в дальний путь, чтобы агитировать за Тунисскую революцию и просить на нее денег в Пакистане, Индии и Индонезии.

В этой связи обрадованный Аззуз, сидя под тихим кровом своего земляка, преподававшего французский язык в Хелуане, разрабатывает

⁴²⁴ Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 131.

⁴²⁵ Azzouze A. Op. cit., p. 144, 156.



план создания трех армий в странах Магриба, в том числе Тунисской освободительной армии («ALT»), с общим координационным штабом в Каире. Через несколько дней здесь появляется Бургиба собственной персоной, который объявляет, что единственный способ бороться с Францией это — «силой оружия». Однако все каирские двери перед ним на замке. Здесь комментируют недавние «антиарабские» заявления Бургибы перед журналистами в Париже. «Газеты “Братьев-мусульман”, тогда всемогущих, без усталости разоблачают его антирелигиозные идеи»⁴²⁶. Абд аль-Крим тоже настроен к нему скептически, но Аззуз колеблется между двумя лидерами, а пока Бургиба совершает свою поездку до Джакарты и обратно, решает тайно пробраться в Тунис, чтобы встретиться в Кайруане с одним из руководителей «феллага», который ему поклялся на Коране, что будет служить под началом Аззуза и по его приказу. На обратном пути сирийский офицер-тунисец пытается наладить контакты в Сфаксе, битых три часа топчется в прихожей Хеди Шакера, который холодно ему сообщает, что Новый Дустур — политическая партия и ни в каком вооруженном сопротивлении принимать участия не намерена.

Вернувшись в Каир, Аззуз обнаруживает Бургибу в отеле Shepherd. Он в прекрасном расположении духа и благосклонно выслушивает план офицера, более того, соглашается с просьбой считать его командующим «ALT». Вытаскивает из портфеля свою визитную карточку, на которой пишет, что предъявителю сего документа все дустуровцы должны оказывать помощь в осуществлении его задач. Но пока все останется между ними, надо дождаться денег, которыми Аззуз будет распоряжаться. На следующий день его ждало разочарование. Молодой человек из Махдин, неодустуровец Брахим Тоббаль, затащил его в кафе, где слово в слово пересказал его вчерашний секретный разговор с Бургибой. Прошло еще несколько дней, и 6 июня Бургиба пригласил троих, Аззуза, Масмуди и Тайеба Слима, сопровождать его в египетское министерство иностранных дел. При этом Бургиба, приславший к Аззузу гонца на рассвете, просил его одеть свою военную форму, но тот отказался, решив не выглядеть смешным в сирийских погонах на приеме тунисской делегации у египетского государственного мужа. В кабинет Салах ад-Дина председатель Нового Дустура вошел один, остальные ждали в вестибюле. Именно тогда министр вафдистского правительства и пообещал Бургибе свои 5 000 ег. фун-

⁴²⁶ Ibid., p. 146.



тов. А когда они оба с улыбкой на устах вышли к свите, последний представил Аззуза министру как будущего руководителя тунисского сопротивления⁴²⁷.

Под конец июня Ахмед Тлили и Тайеб Слим назначили Аззузу встречу в кафе-кондитерской «Гроппи» (респектабельное и поныне существующее заведение в европейской части Каира). Здесь при свидетеле Тайеб Слим предложил ему вдвоем руководить «планом действий» с тем, чтобы Аззуз возглавил военное крыло, а он — политическое крыло вооруженного движения под общим началом Бургибы. Аззуз протестовал, не желая делить обещанное ему единоначалие, и чаепитие закончилось ссорой. Явившись в Shepherd, он застал Бургибу отдыхающим после поездки в Саудовскую Аравию, а рассказав ему о сцене в «Гроппи», услышал слова: «Да, надо сотрудничать с Тайебом Слимом! В конце-концов ты не дустуровец, ты не сидел с нами в тюрьмах. Ты офицер и участвовал в государственном перевороте Хусни Заима... Ты все хочешь действовать отдельной бандой со своими скаутами и т.д.». Сохраняя выдержку, рассказывает дальше о себе Аззуз, он предложил собраться вместе 2 июля — на праздник розговенья — и обсудить проблему. Сам он подозревал, что под него подкапывается некто из окружения Бургибы, движимый собственным честолюбием.

И вот за блюдом с бараниной состоялся «военный совет» в шикарном по тем временам каирском отеле. Хозяин и гости сидели на корточках. Аззуз настаивал, чтобы в масштабах всей страны была развернута деятельность «ALT» и чтобы в нее принимались волонтеры из всех политических партий и национальных организаций после того, как будет проведено по каждому расследование, «удостоверяющее его патриотизм». Предложил осуществлять «открытое и лояльное» сотрудничество с аналогичными армиями, марокканской и алжирской, создать подпольный центр военной подготовки в окрестностях Триполи... Его собеседники, пишет Аззуз в своих мемуарах, выставили прямо противоположный план. 1. Никакой Освободительной армии, а лишь ограниченный партизанский контингент, рекрутируемый из членов одной партии. Добровольцы будут отбираться и проверяться только Новым Дустуром. 2. Никакого сотрудничества с алжирцами и марокканцами; у них свои заботы. 3. Создать в Триполи информационное бюро Нового Дустура. 4. Управление денежным

⁴²⁷ Ibid., p. 160.



фондом доверить «финансовому комитету» в составе Тайеба Слима, Мухаммеда Масмуди и Али Злитни.

Пока происходила эта дискуссия, Бургиба вышел из комнаты принимать поздравления своего каирского знакомого, а вернувшись, сказал: «Ну вот и прекрасно, обо всем договорились». А потом вынул из кошелька деньги и подарил каждому по четыре золотых лудиора на праздник и как сувенир от саудовского короля. Тайеб Слим сказал с издевательской усмешкой Аззузу: «Финансовый комитет решил дать тебе два миллиона...они в твоём распоряжении, можешь их тратить как хочешь». На вопрос «А где остальное?», бывший спутник Бургибы по азиатскому турне заявил, что остальное пойдет на закупку вооружения и этим займется он сам. «Вот так Тайеб Слим занялся закупкой вооружения...он, который никогда не держал в руках огнестрельного оружия». Оскорбленный Аззуз пришел к Абд аль-Криму, который посоветовал ему порвать как можно скорее с Бургибой и его компанией, да самому поспешить в Триполи⁴²⁸. Вот таким образом «военный совет» отделался от кадрового офицера, чтобы сосредоточить подготовку эвентуального сопротивления в руках гражданских лиц.

В свое время, кажется, в начале семидесятых, в советских кинотеатрах шел тунисский фильм «Феллага». На экране развертывались серьезные бои, на партизанские отряды обрушивалась авиация, сюжет художественной киноленты не запомнился, но батальные сцены вызывали удивление. Не являлись ли эти картины, приходило на ум, если не режиссерским вымыслом, то сильным преувеличением? Все знают про алжирскую войну, страшную семилетнюю войну, в ходе которой численность французской армии на территории Алжира была доведена до нескольких сот тысяч человек, и многие тысячи алжирцев согнаны в концентрационные лагеря. Об этой войне написаны десятки книг, сотни репортажей, в том числе знаменитые репортажи Мадлен Риффо и книга Анри Аллега «Допрос под пыткой» — мемуары не только очевидца, но и пострадавшего от издевательств в концентрационных лагерях.

Менее известен тот факт, что вооруженное антиколониальное движение в Северной Африке началось с Туниса. Его война была относительно короткой, но первой в этом регионе, а оружия здесь хватало, оно лежало буквально под ногами. На полуострове Кап-Бон (мыса Рас эт-Тиб),

⁴²⁸ Ibid., p. 165.



где в начале мая 1943 г. было загнано в котел около 200 тыс. немцев и итальянцев, на линии Марет, где шли бои с Роммелем и даже кое-где сохранились от тех боев нетронутые оружейные склады. Да и по домам немецкое наследство было после войны припрятано.

Если до сих пор стреляют ружья второй мировой, вытасканные из болота, то еще лучше стреляли ружья, пролежавшие 10-12 лет в песке. (Недаром в Южный Тунис, граница которого с Алжиром проходит по пустыне, ходили за оружием алжирские повстанцы). Деньги Бургибе и его «доверенным лицам» нужны были не столько на «стволы», сколько на снаряды, а главное — на лагеря для тренировки тех, кто оружием не владел, и на такие вещи, как станции трансмиссии и другие элементы «механизма сопротивления»; приводить его в действие организаторы не торопились, это был вариант на худший случай. Он и появился в результате «Ответа Шумана», а предпосылкой к пляске смерти, в полную ширь охватившей Тунис в 1952-1954 гг., послужило возвращение правительственной делегации из Парижа, где «колонизированный» получил очередную пощечину от «колонизатора».

Декларация ООН о независимости Соединенного королевства Ливия, прозвучавшая во дворце Шайо 24 декабря 1951 г., лишь сыпала ему соль на рану. Та конституция, которая была принята Национальным собранием Ливии из 60 членов, не избранных, а назначенных (в Киренаике и Феццане администрацией, в Триполитании — главным муфтием), вряд ли могла вызвать зависть дустуровцев. Но сам факт предоставления хотя бы номинальной независимости соседней стране, которую тунисцы считали неизмеримо более отсталой, чем их собственная, был бы уже достаточен для того, чтобы поднять здесь волну недовольства.

Итак, 22 декабря 1951 г. делегация правительства Шеника, подобно трем «вафдам» раннего Дустура эпохи Таальби — Ахмеда ас-Сафи, вернулась домой с нулевым результатом. Вся страна была охвачена небывалой общенациональной забастовкой, объявленной в знак протеста из-за срыва переговоров. Она длилась три дня подряд⁴²⁹. Монжи Слим и Фархат Хашед неоднократно посещали бея во главе партийно-профсоюзных делегаций с просьбой подать жалобу Туниса в ООН, и министры, несмотря на

⁴²⁹ В отличие от всеобщей стачки 29 ноября 1951 г., объявленной Новым Дустуром и ВТСТ, чтобы выразить возмущение затягиванием переговоров, которую Старый Дустур, зейтуновцы и ТКП не поддержали, стачка 21-23 декабря была выражением протеста со стороны всех национальных сил; и тысячи людей вышли на улицы.



то, что Шеник подумывал о своей отставке, взялись за дело: стали готовить досье для передачи его в Совет Безопасности. Какой-то шанс еще оставался, хотя Луи Перийе, как и следовало ожидать, уходил со своего поста. 24 декабря он выступил по Радио-Тунис с прощальным обращением к населению, призывая его к согласию... Речь уже бывшего Генерального резидента не вызвала интереса. Он потерпел фиаско, и после «Ноты 15 декабря» ему срочно подыскивали замену.

Глава Кэ д'Орсэ сделал предложение Пьеру Вуазару – дипломированному арабисту. Тот получил востоковедное образование в Тунисе, где с 1923 г. по 1929 г. руководил канцелярией Генерального резидента, потом вместе со своим шефом Люсьеном Сэном уехал в Марокко и продолжал там служить до 1943 г. включительно, воевал в Италии под началом генерала Жюэна, а теперь скучал на дипломатической работе в княжестве Монако. Предложение министра было принято и тут же отозвано⁴³⁰. Однако позже Вуазар его снова получит.

В Париже остановились на кандидатуре 60-летнего Жана де Отклока, с 1944 г. возглавлявшего посольство в Оттаве и затем в – Брюсселе. Человек напыщенный и недалекий, посол чрезвычайно гордился своей дворянской фамилией с приставкой «де» и графским титулом, пожалованным его семье Карлом X, и не забывал при случае упомянуть, что он кузен освободителя Парижа, генерала Леклерка («Леклерк» – псевдоним), погибшего в 1947 г. в авиакатастрофе над алжирской Сахарой и которого оплакивала вся Франция. Кавалер медали участника Сопrotивления, граф все же не обладал ни военными заслугами, ни иными достоинствами своего младшего родственника, а дипломатическая служба являлась его профессиональным поприщем; хотя карьера начиналась в войсках. Арабский мир был ему знаком, ибо он бывал по службе в Египте и Сирии, причем после франко-немецкого перемирия около трех месяцев проработал в Дамаске под началом Верховного комиссара Габриеля Пюо⁴³¹.

Поэтому знающие люди были уверены, что назначение де Отклока в Тунис провели оба Пюо, отец и сын, с одобрения М. Шумана, который навязал эту кандидатуру Р. Шуману. Президент Ориоль отзывался о нем как о тупице, а на страницах своего дневника задавался вопросом «сумасшедший или идиот?». Эдгар Фор, возглавивший правительство Фран-

⁴³⁰ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 33.

⁴³¹ Ibid., p. 34.



ции⁴³², считал новоиспеченного Генерального резидента невеждой в дурном окружении, но это не помешало деятельности графа...

Рано утром 13 января 1952 г. Жан де Отклок, с которым в Тунисе закрылась серия либеральных губернаторов, прибыл на военном крейсере в Бизерту, где в его честь был устроен военно-морской парад, что в сложившейся обстановке выглядело как провокация. Затем наместник отплыл в столицу регентства, но не высадился в Ла Гулетте, а проехал по каналу, прорытому в лагуне, прямо в Тунис – почти в центр города, чтобы «произвести впечатление на арабов»⁴³³. Сошел на землю под салют и проследовал в бейский дворец. Все министры были на месте, и рабочий прием прошел гладко, если не считать мелкого инцидента, из-за которого граф поморщился. Салах Бен Юсеф вмешался в его разговор с беем, поправив переводчика. Тут Сиди Ламин заступился за своего министра юстиции, подчеркнув, что он не только прекрасно владеет французским, но и разбирается в специальной терминологии.

После обеда министр юстиции исчез вместе с министром труда. И оба к вечеру уже были в тех же гостиничных номерах, которые покинули две недели тому назад. Через сутки они гонялись по коридору во дворце Шайо за ответственным чиновником ООН, чтобы вручить ему тунисское досье и жалобу с просьбой ее зарегистрировать и поставить на рассмотрение о включении в повестку дня сессии. Речь идет о Трюгве Ли – генеральном секретаре ООН, который с утра и весь день был занят на совещаниях или «вышел», а двери простых канцелярий по приему документов тоже почему-то были закрыты. Тогда тунисцы, их было четверо (кроме двух министров, еще М. Масмуди и Хасан Бельходжа), выследили удивительно резво передвигавшегося норвежца, который, несмотря на свою внушительную комплекцию, пытался выскользнуть из кабинета через потайную дверь незамеченным, и буквально «взяли его в каре». Тот распоря-

⁴³² 7 января 1952 г. правительство Плевена, который потребовал для себя чрезвычайных полномочий от парламента и получил отказ депутатов, ушло в отставку. Через 13 дней «междучарствия» новый кабинет сформировал радикал-социалист Эдгар Фор, имевший как юридическое, так и востоковедное образование (выпускник Ecole des Langues Orientales). Его правительство начало свою деятельность 20 января и продержалось 40 дней.

⁴³³ Mestiri S. Op. cit., p. 222.



дился принять бумаги. Для усиления эффекта четверка устроила импровизированную пресс-конференцию в вестибюле дворца⁴³⁴.

Сцена с погоней и пресс-конференцией, которой не нашлось места ни в одном из залов Шайо, происходила между 5-ю и 8-ю часами вечера 14 января. В полночь президента Ориоля разбудил звонок с пренебрежительным известием: жалоба Туниса зарегистрирована в секретариате ООН (это была довольно рутинная процедура). Взволнованный голос Плевена – исполняющего обязанности главы правительства, спрашивал, как выйти из положения⁴³⁵. В ту же ночь раздался звонок в Тунис, надолго нарушивший сон де Отклока. Из министерства его спрашивали: как Генеральный резидент допустил вылет делегации?

Согласно рассказу д-ра Бен Салема, это он купил два билета в Париж и отправился на аэродром с женой-принцессой в сопровождении Бен Юсефа и Мухаммеда Бадры. В последнюю минуту чемоданы перешли из рук в руки; на борт лайнера поднялись провожающие⁴³⁶. В 15.00 самолет разогнался и покачал крыльями (оба пассажира еще не знали, что покидают страну почти на четыре года). Скандал разразился невероятный. Но заветные бумаги лежали уже в канцелярии ООН, а тунисских министров в Париже задерживать было неловко, на глазах у «всей мировой общественности». Другое дело – в Тунисе, где у французской Резиденции своя рука владыка. Декретом от 15 февраля де Отлок, считавший побег министров для себя личным оскорблением, восстановил цензуру, запретил националистическую и коммунистическую прессу, в некоторых городах установил комендантский час.

В тот же день Генеральный резидент потребовал, чтобы бей сместил правительство Шеника и, разумеется, вернул назад Бен Юсефа и Бадру вместе с обращением к Объединенным нациям. Бей не ответил на требование, а самого де Отклока не назначал своим министром иностранных

⁴³⁴ Ibid., p. 217-218.

⁴³⁵ Выход был найден. Сначала не нашлось специалиста, способного перевести иск Туниса с французского на английский, а пока шло время, Трюгве Ли решил (либо принял к сведению), что обращение тунисцев в Совет Безопасности с жалобой на державу-протектора незаконно. Формально только сама Франция могла от имени Туниса, внешние интересы которого она представляла, подать в ООН жалобу «против самой себя». Тупиковую проблему решило ходатайство группы независимых государств Азии и Африки (от последней Египет), которые по инициативе Пакистана поддержали просьбу Туниса. Вопрос должен был рассматриваться 1 апреля 1952 г.

⁴³⁶ Ben Salem M. Op. cit., p. 53.



дел (!), выражая тем самым пассивный протест. На его совести, впрочем, лежала одна вина. Через Шедли-бея, который заведовал его личным кабинетом, он передал свое мнение Шенику, что подача жалобы в ООН это – дело правительства. Соответственно, она не имела ни его подписи, ни печати⁴³⁷. Его Высочество, которому не доставало смелости Его Величества – марокканского султана и всегда не хватало денег, обменивался телеграммами с президентом Орионом, получая от него платоническое сочувствие.

Тем временем страна бурлила. Старые дустуровцы отложили свои споры с новыми дустуровцами, а те – с коммунистами и «прогрессистами», к движению протеста присоединились независимые интеллектуалы, зейтуновцы и т.д. 17 января вспыхнул бунт в Бизерте, который отчасти спровоцировала женская демонстрация в Бедже и арест ее зачинщиц. Таким образом, «сопротивление» начали отнюдь не феллаги, а дамы из хорошего общества.

15 января в Беджу направилась целая группа женщин, среди них Василя Бен Аммар – будущая вторая жена Бургибы и три его племянницы, сестры Бузгарру и Сайда Сасси. Их задачей было создание в этом городе женской ячейки Нового Дустура. Попутно они провели митинги. На одном из них собралось около 700-800 человек под лозунгами: «Бургиба! Бен Юсеф! Долой колониализм! Независимость!». 18 человек были арестованы, в том числе 10 женщин и 8 мужчин. На следующий день их доставили в Бизерту для разбирательства по обвинению «незаконное проведение манифестации в публичном месте». Перед бизертским Домом правосудия собралась толпа, которая была атакована полицией. Итог: трое убитых и 130 раненых. Задержанных активисток отпустили, но они продолжали деятельность в том же духе. 18 января совершили поездку в Сус, Монастир и Сфакс. 19-ого устроили митинг возле консульства США с аналогичными лозунгами и «Да здравствует Америка!». При появлении полиции Нейле

⁴³⁷ Церемония подписания этого документа состоялась 11 января на загородной вилле Шеника, куда собрались все министры-тунисцы, члены политбюро Нового Дустура, а также Фархат Хашед и председатель туземной секции Большого Совета – Тахар Бен Аммар. Жалобу отпечатали на машинке, использовав бланк премьер-министра. Ее подписали все члены кабинета, в том числе Салах Мзали, вслух сомневавшийся, что она будет иметь юридическую силу, и только тут вспомнили, что на бланке не хватает печати. Поскольку Шеник своей не имел, он позвонил в город, где нашлась почти музейная канцелярская печать. Ею и скрепили документ, решив, что для «ангლოსаксов и так сойдет», но французы подвох заметили (Mestiri S. Op. cit., p. 206-207).



Бен Аммар (сестре Васили) удалось обмануть стражей порядка, прикинувшись падающей в обморок француженкой, а свою товарку видом попроще она выдала за служанку. Обе скрылись. Затем женщинами были устроены на кладбище Джеллаз мнимые похороны жертвы французского террора, чье тело было не найдено⁴³⁸.

Бургиба проводил один за другим свои митинги. По свидетельству Жана Ру, который встречал и даже сопровождал Бургибу в это время, он сказал ему свою сакраментальную фразу: «Пусть прольется кровь!». (Повторив сказанное в 1938 г.) И добавил, что пусть его самого арестуют, «это поднимет народ», хотя еще некоторое время тому назад, предвидя осложнения, делился с тем же человеком прямо противоположной мыслью, что ему, Бургибе, надо уйти в подполье, чтобы уберечь себя от ареста, ибо он необходим партии. Возможно, он решил, что есть люди, которым может доверить и руководство партией, и руководство вооруженной борьбой. О том что в некоторых районах, например, в Бизерте, она готовилась буквально «на ходу», есть другие вполне достоверные свидетельства.

Как раз на 18 января был назначен съезд Нового Дустура – четвертый в его истории. Начались превентивные аресты партийных лидеров, по разным данным в один день было задержано от 150 до 300 человек, но съезд все же прошел на улице Тронжа⁴³⁹. Председательствовал Хеди Шакер, казначей партии, собралось около ста делегатов, которые приняли резолюцию, подтверждавшую «волю тунисского народа добиваться всеми имеющимися у него в распоряжении средствами реализации принципов Объединенных Наций...». 19 января резолюцию опубликовала нейтральная газета «аз-Зохра»⁴⁴⁰. К этому моменту почти все члены политбюро Нового Дустура, кроме генерального секретаря Салаха Бен Юсефа, находившегося в Париже, и Хеди Нуиры – его заместителя, были арестованы⁴⁴¹.

⁴³⁸ Bekalti S. Mouvements et organisations féminines de lutte de libération nationale en Tunisie / Actes du IX Colloque International sur Processus et enjeux de la décolonisation..., p. 199-200.

⁴³⁹ Mestiri S. Op. cit., p. 231.

⁴⁴⁰ Hamza H.-R. Communisme et nationalisme en Tunisie de la "Libération" à l'indépendance (1943-1956), Tunis: Université de Tunis, 1994, p. 255.

⁴⁴¹ Речь идет о легальном политбюро; в январе было создано «запасное». По свидетельству некоторых его бывших членов, оно состояло из 14 человек, в том числе двое из легального состава (Монжи Слим, вскоре арестованный, и Хеди Нуира), другие – новые. В их числе Фархат Хашед, формально не являвшийся членом



Негласно съезд призвал к восстанию, в тот же день ВТСТ объявил бессрочную всеобщую забастовку, а 20 января собрание профсоюзного руководства приняло резолюцию, требовавшую немедленного предоставления Тунису внутренней автономии⁴⁴². Движение протеста местами принимало неконтролируемый характер, где-то закрывались городские базары, рвались самодельные бомбы, был пущен под откос товарный поезд, в сельской местности начались нападения на фермы колонистов. Граф де Отклок свирепствовал и распорядился произвести «зачистки». Пошли повальные аресты дустуровцев, синдикалистов и коммунистов, которых сотнями отправляли в лагерь; теперь они снова оказались «в одной корзине».

Одним из первых, как уже говорилось выше, был задержан председатель Нового Дустура. Полиция явилась за Бургибой в 3 часа утра 18 января. Сначала это выглядело почти как домашний арест. Табарка, куда его отправили, красивое место на северо-западе Туниса, скалистое побережье горного района Крумирия на границе с Алжиром. Когда-то здесь была генуэзская фактория ловцов коралла. Бургиба жил под надзором в гостинице «Отель де Франс» вместе с Монжи Слимом, принимал корреспондентов иностранных газет и пользовался телефоном⁴⁴³. (Вскоре к ним присоединили Хеди Шакера). Затем Ремада – военный лагерь на Крайнем юге Туниса. Здесь их, начиная с 26 марта, была целая группа заключенных, в которую попала и любимая племянница Бургибы, одна из дочерей его сестры Наджии Бузгарру. Партийный вождь возвращается к своей традиционной роли шеф-повара для арестантов, бодрится и надеется на скорое освобождение. Напрасно, ведь он предсказывал себе остров... 21 мая его отвезли на север, как раз на островок Галит, который можно найти разве что на крупномасштабной географической карте.

партии, его заместитель Нури Будади, а также Садок Мокаддем, Дежеллули Фарес, Тайеб Мхири и др. (Указание на источники этой информации, среди которых мемуарная книга Boudali N. Etre et durer, Tunis, 1995, см: Actes du IX Colloque International sur Processus et enjeux de la décolonisation en Tunisie, Tunis, 1999, ISHMN, p. 168).

⁴⁴² Achour Habib. Op. cit., p. 29.

⁴⁴³ Секрет этой странной ссылки был прост. Де Отклок рассчитывал (и сообщил о своей идее на Кэ д'Орес), что Бургиба бежит из Табарки через алжирскую границу. Рядом места были дикие, из какой-нибудь бухты можно было уйти морем. Но побег перечеркнул бы всю его политическую карьеру, и Бургиба даже не пытался воспользоваться «свободой под арестом» (Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 48).



Свидания с Бургибой добились в первые же дни его пребывания в этой ссылке депутат-социалист Робер Вердьё, которого он предупредил: «После нас, если мы, неодоленные, потерпим поражение, не останется места ничему, кроме фанатизма, религиозного или политического»⁴⁴⁴.

В январе-марте 1952 г. по всей стране непрерывно происходили забастовки, демонстрации, выступления студентов. Как отмечают авторы коллективной монографии по истории арабских стран, 22 января тунисские националисты произвели первые вооруженные акции: «В городах и сельской местности стали действовать боевые группы и отряды сопротивления. Вскоре они объединились в Армию национального освобождения (АНО), которая, придерживаясь тактики партизанской войны, продолжала свои операции вплоть до политического урегулирования в декабре 1954 г.»⁴⁴⁵ К вопросу о том, была ли в действительности такая объединенная армия (АНО), мы еще вернемся, а сейчас обратимся к другому. Почему именно с Туниса началась в 1952 г. упорная битва метрополии за Северную Африку?

Ответ лежит, казалось бы, на поверхности. Особенности политического устройства «постылой» Четвертой республики⁴⁴⁶, делавшие игру партий и парламентских фракций царицей политической жизни (а мелкого столоначальника «со связями» порой сильнее президента Франции), обусловили появление «Ноты 15 декабря», сорвавшей франко-тунисские переговоры о новой форме взаимоотношений между двумя странами. Ястребы колониаторской политики в правящих кругах метрополии вместе с обрадованными колонистами восприняли ее как юридическую основу сохранения статус-кво в регентстве. И за этим потянулась цепная реакция событий, которые составили самую трагическую страницу в истории Туниса.

Однако роковым стечением обстоятельств, отчасти случайных, отчасти запрограммированных, и породивших «сырую бумагу», написанную рукой начинающего дипломата, которому нашептывал свои мысли отец-сенатор, явно не исчерпывается вся полнота причин, обусловивших

⁴⁴⁴ Из заявления Р. Вердьё 5 июня 1952 на парламентских слушаниях о Тунисе (Ibid., p. 55).

⁴⁴⁵ Новейшая история арабских стран Африки..., с. 283.

⁴⁴⁶ «Постылой», то есть всеми нелюбимой и критикуемой, ее назвал Ж. Барсалу в главнии своей книги об истории Четвертой республики (1946-1958), которая между тем по конституционному строю приближалась к идеальной модели представительной демократии (Barsalou J. La mal-aimée. Histoire de la IV République, Paris, 1964).



стремительное развитие тунисского кризиса. Не сводятся они и к твердолобости «grépondérants», живущих представлениями эпохи французского премьера Жюлья Ферри (при котором был установлен протекторат над Тунисом) или его современника Кипплинга, бросившего знаменитую фразу о «бремени белого человека», идущего за тридевять земель выполнять свою цивилизаторскую миссию. Та, по своему романтическая, эпоха «пробкового шлема» закатилась полвека тому назад, а геополитическая картина мира была даже сложнее, чем в тот день, когда прозвучала «Тионвильская декларация» Шумана.

23 января 1952 г. французская газета «Combat» возмущалась: «На улицах Туниса льется кровь... Мы проводим "твердую политику", забывая, что у нас нет средств для проведения такой политики... В Тунисе, как и в Марокко, знают, что подлинным хозяином положения является Вашингтон, который только терпит (надолго ли?) наше присутствие в Касабланке и Бизерте...». Цитируя эту публикацию, А. Верт отмечал: «Так писала газета, желавшая примирения Франции с Тунисом. Но те же опасения испытывали и колонизаторы»⁴⁴⁷.

Страх перед американским вмешательством в дела Северной Африки пронизывал настроения «североафриканских лоббистов» на протяжении всего 1952 г. и служил лейтмотивом их заявлений. Они обещали, что «в случае, если Америка поддержит в ООН какую-либо жалобу тунисцев или марокканцев против Франции, у них хватит сил, чтобы начать антиамериканскую кампанию во всей французской прессе»⁴⁴⁸. Как то ни странно, администрация Трумэна в последний год его пребывания в Белом доме выглядела врагом №1 не только из-за «железного занавеса», где шел последний год жизни Сталина, но и с точки зрения «правых антиатлантистов» во Франции, озабоченных покушением на ее национальную безопасность, которую они не мыслили без опоры в Магрибе и без обладания его территорией.

Беспокойство «ультраколонизаторов» разделяли высшие военные круги Франции, которая в этом году, когда кривая эскалации международной напряженности подскочила высоко вверх, оставалась единственной неядерной державой среди четырех «великих держав». (Напомним, что в октябре 1952 г. пустыня Южной Австралии стала местом взрыва первой атомной бомбы, изготовленной в Англии). «Атомный страх» витал над

⁴⁴⁷ Верт А. Указ. соч., с. 474.

⁴⁴⁸ Там же, с. 474.



Францией, переживавшей уныние некогда великой, а теперь относительно великой державы, армия которой к тому же понесла серьезную неудачу в Индокитае – потерю города Хоа Бинь, захваченного французами в ноябре 1951 г. и названного тогда «ключом ко всей системе коммуникаций Вьетмина». Не прошло и трех месяцев, как этот ключ снова лежал в кармане вьетнамцев.

Это было еще при невезучем правительстве Эдгара Фора, которое за 40 дней своей деятельности 23 раза ставило вопрос о доверии в связи с принятием военного бюджета и политикой Франции в Марокко⁴⁴⁹. При нем же разразился тунисский кризис, который нарастал в период пребывания у власти второго по длительности своего функционирования и, пожалуй, самого реакционного из всех 22-х правительств эпохи Четвертой республики, кабинета Антуана Пинэ (март – декабрь 1952), сформированного бесцветным депутатом от независимых, который взял быка за рога, заявив: «Я – господин Потребитель и стою во главе лиги 43 миллионов французов». Водворение во дворце Матиньон этого провинциала, хозяина кожевенного заводика и бывшего вишиста, ознаменовалось, с одной стороны, торжеством интересов крупного патроната (фискальная амнистия для лиц, уклонявшихся от налогов, выпуск «золотого займа», гарантированного от инфляции и т.д.), с другой, – наступлением на коммунистов, доходившим до гротескных крайностей, и ужесточением колониальной политики.

«Была ли какая-либо связь между этими двумя направлениями? Внешне как будто бы нет. Обе проблемы – национальное движение арабов в Тунисе (вспыхнувшее раньше, чем в других странах Северной Африки) и коммунистическое движение во Франции фактически не были связаны между собой, и все же подход к этим двум проблемам со стороны правительства Пинэ был характерен для политической “атмосферы”, в какой жила тогда Франция»⁴⁵⁰. Недаром в стихотворении Поля Элюара, написанном отнюдь не в стиле «Цветов зла» и появившемся после событий 28 мая 1952 г. в Париже, известных как «заговор с почтовыми голубями» (арест во время антиамериканской демонстрации Жака Дюкло, депутата парламента, якобы собиравшегося с двумя «еще теплыми» голубями, лежавшими в его машине, посылать сообщения в Кремль и таким образом не сумевшего ими поужинать), звучали эти строки об угнетенных народах: «Они знают: в Корее, Тунисе, Вьетнаме их собратья смело встают на борьбу...»

⁴⁴⁹ Жекова-Цветкова Е. Указ соч., с. 127.

⁴⁵⁰ Верт А. Указ соч., с. 475.



Гримасы истории находили свое выражение в том, что если антифашизм в тридцатых служил дополнительным поводом для поддержания колониального порядка в Северной Африке (а Туниса это касалось в первую очередь ввиду «итальянской угрозы»), то антикоммунизм в пятидесятых играл аналогичную роль. Одни и те же люди, в частности, министр юстиции Леон Мартино-Депла, прозванный «французским Маккарти», преследовали руководство ФКП и взывали к жесточайшим мерам пресечения против тунисских националистов.

На руку правительству Пинэ, с которым оформился правоцентристский блок, победивший на июньских выборах 1951 г., послужило падение мировых цен на сырье, в том числе энергоносители, благодаря которому удалось стабилизировать внутреннюю финансовую ситуацию во Франции, создать миф о «чуде Пинэ» и сбить «долларовую панику», вспыхнувшую в дни правления Эдгара Фора. Новый премьер выбрал себе амплуа «простого парня», которое импонировало классическим правым, и сосредоточил все свое внимание на внутренней политике. Однако французское общество еще в большей мере, чем в предыдущие годы, будоражила дискуссия о единой европейской армии, наложившая свой отпечаток на всю внутривнутриполитическую жизнь и поведение Франции на дипломатической арене.

27 мая 1952 г. был подписан договор о ЕОС⁴⁵¹. Но даже в высших эшелонах власти, а также внутри таких крупных парламентских сил, как МРП, партия радикалов и радикал-социалистов с ее маститыми лидерами, «двумя Эдуардами» (Э. Эррио и Э. Даладье), не утихала острая борьба мнений, разводившая по разные стороны энтузиастов этого проекта, на котором настаивали США, и яростных противников, чью точку зрения исчерпывающе выразил Рене Массигли в беседе с Ориолом: «европейская армия – это полное безумие, мы будем проглочены немцами»⁴⁵².

⁴⁵¹ Европейское оборонительное сообщество (ЕОС). Идея его создания принадлежала Жану Моннэ и являлась логическим продолжением плана Европейского объединения угля и стали, а также реакцией на вспышку корейского кризиса. Она обсуждалась европейскими правительствами с осени 1950 г. Замысел был окончательно разрушен 30 августа 1954 г., когда Национальное собрание Франции отвергло ратификацию договора о создании ЕОС, подписанного 27 мая 1952 г. в Париже министрами иностранных дел Франции, Италии, ФРГ, Бельгии, Голландии и Люксембурга. (См., например: Арах М. Европейский союз. М.: Экономика, 1998, с. 58-59).

⁴⁵² Aurioi V. Mon septennat..., p. 568. (Р. Массигли – французский посол в Лондоне,



Между тем наличие в Марокко американских военных баз, наследия операции «Торч», делало позиции метрополии на этом фланге особо уязвимыми; ведь «атлантическая солидарность», которая стала на Западе знаменем эпохи, это одно, а стремление оградить «свои пределы» от небескорыстного внимания союзников – другое. Закрепить французское присутствие в Фецчане не удалось, правда, англо-французская опека над Ливией была продлена при решении ООН дать этой стране независимость⁴⁵³. Но вот наступил 1952 г., и бывшая итальянская колония, которую Франция безуспешно предлагала разделить на три государства, целиком вошла в сферу влияния Англии. Она сразу включила Ливию в «стерлинговую зону» и в 1953 г. заключила с новой монархией договор о дружбе и союзе.

Конечно, вступивший в свое третье премьерство Уинстон Черчилль был уже не тот, что в 1940–1945 гг., но его «англосаксонская» идея оставалась в силе, а государство Идриса I (Идриса аль-Махди ас-Сенуси), не доставшееся ни египетской короне, претендовавшей на Ливию, ни ЛАГ, которая хотела установить над ней опеку⁴⁵⁴, явилось одним из его последних шедевров. Неподалеку от Триполи расположилась американская авиационная база Уилусфилд, созданная на базе итальянского аэродрома Эль-Меллах, который с 1943 г. использовался ВВС США. Реконструированная в 1945 г. ценой вложения 100 млн. долл., она означала своим развитием и модернизацией расширение американской военной активности в бассейне Средиземного моря, причем под самым боком у Французской Северной Африки.

Тунисско-ливийская граница всегда была тревожной зоной и проходным двором для влияний с Востока. Англичане сквозь пальцы смотрели на то, что Триполи с окрестностями превратились в пристанище тунисских националистов; США исподволь их поощряли. Тем временем Египет,

историк и публицист).

⁴⁵³ Во французскую зону Фецчан (Феззан) входили оазис Гадамес, который находился в подчинении французского штаба в Габесе, область Гат, которая подпадала под контроль командующего сахарскими войсками в Алжире, а также области Себха, Брак и Мурзук. Предварительные соглашения о совместной обороне, заключенные Ливией 24 декабря 1951 г. с Англией, США и Францией, позволили последней сохранить свои вооруженные силы в Фецчане, однако система военной инфраструктуры, созданная на этой «сухопутной» территории, прилегающей к Алжиру и южной оконечности Туниса, к Нигеру и Чаду, имела скорее местное значение.

⁴⁵⁴ Abun-Nasr J.M. A History of the Maghrib, ... p. 391.



куда вела проторенная дорога через Ливию из Магриба, сотрясали события, которые не могли не волновать французов. «В Северной Африке, – писал Жорж Бидо, – непримиримый национализм стремится заменить солидарность с Францией так называемой арабской солидарностью. И это иллюзия – воображать и даже искать в нем партнера западного мира. Не нужны никакие углубленные исследования, чтобы это понять... Достаточно взглянуть на спектакль, разыгрывающийся в Иране и Египте»⁴⁵⁵. Либретто драмы на берегах Нила хорошо известно: осенью 1951 г. односторонний разрыв англо-египетского договора, послуживший сигналом к партизанской войне в зоне Суэцкого канала (совладелицей которого являлась Франция), уличные демонстрации в столице и 26 января 1952 г. «поджог Каира», затишье и 23 июля – военный переворот... Как поведет себя Совет Революционного Командования (СРК), не раскрывавший свой личный состав, служило еще предметом гаданий, но то обстоятельство, что некоторые офицеры были дружны с «Братьями-мусульманами», а заговорщики имели канал связи с ЦРУ, не являлось секретом⁴⁵⁶.

Поэтому Тунис, где наметился тройственный союз между Новым Дустуром, профсоюзами и Дворцом, снова становился головной болью для Франции. Регентство следовало «умиротворить», и если сначала выбор был сделан в пользу дипломатического средства, то с января 1952 г. эвфемизм «pacification» стал означать именно то, что он означал еще в эпоху строительства империи – военные действия против непокорных туземцев. Не случайно количество французских войск в Тунисе было доведено в этом году до 74 тыс. человек⁴⁵⁷.

Обращает также на себя внимание, что первые выстрелы по демонстрантам прогремели в Бизерте, которая считалась (с 1942 г.) не тунисской территорией, а французским портом. Ведь говорили в свое время, как раз в эпоху строительства империи, что Тунис стоило завоевать ради одной Бизерты (И это сказал как раз Жюль Ферри). Некогда сонная, поросшая камышом зловонная лагуна за спиной этого рыбацкого городишки,

⁴⁵⁵ Bidault G. L'Afrique de Nord et les Nations-Unies, «Tunisie-France», 9 septembre 1952. Газета «Tunisie-France» представляла собой ежедневный печатный орган Французского объединения Туниса (Цит. по: Hamza H.-R. Ambiguïtés et impasses de la politique colonial..., «Rawafid», № 5, 1999-2000, p. 38-39).

⁴⁵⁶ Подробнее см.: Хамруш А. Указ. соч., с. 145-148.

⁴⁵⁷ Новейшая история арабских стран Африки..., с. 283.



если представить его в 1881 г., была превращена, благодаря небольшому каналу, в глубоководную бухту в форме омеги. Своего рода внутреннее озеро с узкими морскими воротами, похожее на увеличенный в масштабе финикийский порт в Карфагене, раскопанный археологами. И такой удобной, естественно защищенной гавани не было во всей Северной Африке, ни на ее средиземноморском побережье, ни на атлантическом.

Бизерта – вот ключевое слово, к которому обращалась военно-стратегическая мысль французского генералитета, да и гражданских политиков в начале пятидесятых. «Бизерта должна стать Гибралтаром центрального Средиземноморья. Мы не дадим нашим союзникам вместо Франции использовать Бизерту.... Она наше – создание, и пока оно в наших руках, Западное Средиземноморье в безопасности»⁴⁵⁸. Вся Северная Африка за щитом, если Бизерта находится под надежным французским контролем, так рассуждал в 1952-1953 гг. авторитетный журнал, отражавший взгляды высшего военного руководства Франции⁴⁵⁹. Среди его представителей было немало тех, кто выступал за интеграцию страны в НАТО, но против проекта единой европейской армии («армии апатридов», по выражению де Голля), лишившего бы Францию, будь этот проект одобрен, самостоятельных вооруженных сил в то время, как у трех других держав-победительниц остались бы собственные армии, обладающие оружием массового уничтожения. В частности Альфонс Жюэн, командующий войсками НАТО в центральной зоне Европы (1953-1956 гг.), являлся одним из яростных критиков идеи ЕОС, а в Северной Африке у генерала, которого уже ждали звезды маршала, имелась своя разведка и агентура.

Считавший себя его верным последователем, Раймон Понс (генеральный секретарь французской Резиденции в Тунисе) 29 января 1952 г. направил Жюэну нечто вроде докладной записки или программы действий. Вкратце его предложения сводились к следующему:

Необходимо принять срочные меры против «нацистской» диктатуры Нового Дустура. Для этого а) произвести назначение новых тунисских министров, которым строго запретить занятие политикой; б) со стороны Франции

⁴⁵⁸ Barjot P. Bizerte, port anti-atomique et nouveau Gibraltar de la Méditerranée centrale, «Revue de Défense nationale», septembre 1952, p. 144-160.

⁴⁵⁹ См., например: Guillaume G. L'importance stratégique de l'Afrique du Nord, «Revue de Défense nationale», novembre 1953, p. 423-430; Juin A. Le Maghreb en jeu, Paris: Plon, 1957.



официально подтвердить «поддержку бейской формы государственности, на место которой Бургиба хочет привести тунисскую государственность» («maintien de la souveraineté beylicale à laquelle Bourguiba veut substituer la souveraineté tunisienne»); в) арестовать и судить перед военно-полевым судом лидеров Нового Дустура, расследовать вопрос о сотрудничестве тунисских министров с этой партией; г) создать в течение ближайших шести месяцев смешанную франко-тунисскую комиссию, которая займется всеми этими делами⁴⁶⁰. Разумеется, под членами смешанной комиссии подразумевались «рас-самблисты», чьи интересы месье Понс лоббировал в Резиденции еще при Луи Перийе, а в качестве партнеров – отобранные ими же тунисские vis-à-vis. Из тех, кого туземцы давно прозвали «бени уи-уи», то есть «племня да-да» или народ «чего изволите».

Во многом этот план, навеянный идеями Антуана Колонны, был приведен в действие, а по настоящему разгуляться «злобе мшенья» как спутнице репрессий и сопротивления позволило прочесывание местности (ratissage), именно такое, которое ныне именуется профессионалами «зачисткой». Оно происходило с 28 января по 5 февраля на п-ове Кап-Бон (в общем-то тихом месте и совсем не колыбели Нового Дустура) под командованием генерала Гарбея – «умиротворителя» Мадагаскара. Сопровождалось убийствами, насилиями и грабежами, в которых особенно был повинен Иностраннный легион. Здесь действительно зверствовали «солдаты удачи», немцы и итальянцы, отплывшие было в Индокитай, но переброшенные в другую «горячую точку». Как показало расследование с участием двоих врачей-министров, д-ра Матри и д-ра Бен Салема, в селах несчастного полуострова, в обычной обстановке похожего на райский сад с одновременно цветущими и плодоносящими лимонными деревьями, было много изнасилованных женщин, применялись изощренные пытки, первый случай которых, впрочем, был зарегистрирован еще в Бедже, в середине января⁴⁶¹.

Справедливости ради надо сказать, что прочесыванию этой местности предшествовали два убийства: в Сусе полковника, который шел без-

⁴⁶⁰ Цит. по: Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 44. (Характерно, что Раймон Понс оценил в этой записке численность личного состава Нового Дустура в 300 тыс. человек, завысив ее в 2-3 раза).

⁴⁶¹ Саид Мстири (Местири) ссылается на произведенную им самим медицинскую экспертизу причин смерти некоего Салаха Ласфара, умершего от электрошока в ходе дознания в полицейском участке Беджи (Mestiri S. Op. cit., p. 231).



оружным на переговоры с бунтующими и был застрелен в спину, а на полуострове Кап-Бон – лейтенанта, командовавшего местной жандармерией. Виновики провокационных покушений не были идентифицированы, но зловещая пружина мести раскручивалась своим ходом.

«Рассерженная молодежь» вливалась в ячейки Нового Дустура, создавала их самостоятельно, и они действовали автономно, прибегая к диверсиям. На вопрос французских журналистов, как он к этому относится, Фархат Хашед ответил: «Мы не можем публично осуждать подобные акции, ибо они являются прямым следствием французских репрессий. Когда всякие переговоры становятся невозможными, народ прибегает к оружию»⁴⁶². Иначе интерпретировались те же события де Отклоком и его окружением. В обзорном докладе Резиденции за 1952 г. отмечалось «24 января 42 человека пали убитыми и 149 ранеными за поддержку Бен Юсефа и Бадры перед ООН... Терроризм меняет форму на латентную: в виде актов саботажа, покушений с использованием взрывчатых веществ, засад против служб порядка и представителей власти. За февраль в Регентстве было зарегистрировано пять покушений на военных, в мае – новая вспышка, особенно в г. Тунис, где произошло 8 взрывов...»⁴⁶³. Этот всплеск насилия авторы доклада связывали с демаршами, предпринятыми группой арабских и азиатских стран, чтобы продвинуть в ООН тунисский вопрос.

«Зачистка» на полуострове Кап-Бон получила самую широкую огласку и произвела неприятное впечатление во Франции. Эдгар Фор, едва приступивший к обязанностям премьер-министра, совсем не хотел превращения Туниса во «второй Индокитай». 22 января он собрал заседание правительства и с согласия обоих Шуманов отправил к бею эмиссаров, которые сняли требование об отставке кабинета Шеника, но просили немедленно отозвать тунисскую жалобу, поданную в ООН. Поскольку военные действия Гарбея все еще продолжались, бей не прореагировал. Следом в Тунис приехал Франсуа Миттеран с заданием изучить обстановку и составить новый проект французских предложений, который тунисцы согласились бы принять за основу для обсуждения. Этот план, как признавало позднее неодустуровское руководство, выглядел бы вполне приемлемым и с восторгом

⁴⁶² «L'Observateur», 21 février 1952, p. 91. (Цит. по.: Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche, ... p. 336).

⁴⁶³ Памятная записка Резиденции «Le Néo-Destour et l'ONU» (Цит. по.: Mechat S. Op. cit., p. 179).



был бы принят, дойди он до них, членами «умеренной» министерской команды Шеника. Но к тому времени, когда он был готов, у власти уже был Пинэ, и автору осталось зачитать свои предложения на съезде ЮДСР⁴⁶⁴. Счетный их ересью и больше озабоченный делами своей мэрии, нежели тунисской проблемой, «г-н Потребитель» отдал ее на откуп Кэ д'Орсэ и де Отклоку.

21 марта 1952 г. собрался Совет правительства в узком составе, посвященный положению в Тунисе. Заседание походило на сражение, и роль атакующего взял на себя Мартино-Депла, который бросил Роберу Шуману: «Бей должен промудрить реформы и в случае отказа – быть низложен»⁴⁶⁵. Реформы подразумевались в стиле «Ноты 15 декабря», а заключительное слово Пинэ, поручившего де Отклоку вести переговоры с беом и «восстановить условия для возобновления диалога», минуя Шеника, было понято исполнителем как выданный ему карт-бланш. В тот же день полиция была передана дивизионному генералу Гарбею.

В ночь с 25 на 26 марта были арестованы Шеник и члены его кабинета, их посадили в самолет и перебросили на юг Туниса, где утром они уже были среди пустыни, отрезанные от новостей. Примечательно, что де Отклок не стал связываться с нудным делом выкручивания рук бею, который имел формальное право назначать и увольнять правительство, а просто прислал в дом Шеника наряд полиции, которая устроила обыск по всем углам и только не смогла проникнуть в комнату, где лежал тяжело больной сын хозяина, поскольку вход решительно преградила мадмуазель Романова, русская медсестра, ухаживавшая за юношей. Застигнутому в пижаме тунисскому капиталисту и дважды премьеру дали 45 минут на сборы.

Примерно такое же вторжение произошло около 3 часов ночи в квартиры д-ра Матри, д-ра Бен Салема и Салаха Мзали (хворавшего «генерала» Саадаллаха оставили под домашним арестом). На заре их собрали в одной из комнат казармы при аэродроме, где бывший председатель Нового Дустура стал рассказывать остальным, как его задержали осенью в 1934 г. и затем выслали все дальше на юг. Но времена изменились, авиация стала обычным транспортом, и на легком двухмоторном самолете ВВС арестантов сразу доставили в местечко Кебили. По дороге Бен Салему, который был самый молодой и крепкий, пришла мысль заставить летчика изменить курс и приземлиться в Ливии. Коллеги его отговорили от

⁴⁶⁴ Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche, ... p. 340.

⁴⁶⁵ Mestiri S. Op. cit., p. 240.



этой авантюры⁴⁶⁶. С места посадки военный грузовик отвез их, глотавших дорожную пыль и дрожавших от холода, в заброшенный Bordj Philbert, где не было ни электричества, ни прочего. К вечеру того же дня двое других тунисских министров (Мухаммед Бадра и Салах Бен Юсеф) бежали из Парижа, пересекли франко-бельгийскую границу и вскоре оказались в Каире⁴⁶⁷. Так закончилась эпопея второго правительства Шеника.

Одновременно с силовой отставкой членов правительства, напомиравшей ночное похищение, в Тунисе были произведены новые массовые аресты неустуровцев и коммунистов, а Бургиба, Монжи Слим и Хеди Шакер переведены из Табарки в концентрационный лагерь Ремада на Крайнем Юге. Оба Дустура выразили свой протест, мусульманское население дружно забастовало. Ворчали по поводу грубого обращения с тунисскими министрами и в Елисейском дворце, и в отеле Матиньон, но де Отклока с работы не снимали.

В 7 часов утра 26 марта около ворот виллы Шеника в поселке Радес остановилась черная «Симка-8», за рулем которой был Фархат Хашед, живший по-соседству. Он первым узнал о случившемся и забрал с собой кое-какие документы, спасенные от обыска, в том числе небезынтересное письмо де Отклока (который предупреждал премьер-министра, что состояние здоровья его 16-летнего сына Саида «рискует ухудшиться»)⁴⁶⁸. В этот день Хашед улетал в Европу, а в апреле появился в США, где был принят в госдепартаменте и поднял в заокеанской прессе разоблачительную кампанию о событиях в Тунисе. Микрофон «Голоса Америки» ему предоставили без разговоров. В марте-апреле, по утверждению тунисских источников, было арестовано 20 тыс. человек. Правда, в мае многие из них были освобождены, но по подсчетам американского консульства, в тюрьмах, лагерях и полицейских участках все еще томились 6 или 7 тыс. человек, хотя французы признавали вдвое меньшую цифру.

Свержение кабинета Шеника произошло за несколько дней до заседания Совета Безопасности, который должен был рассмотреть процедурный вопрос о включении тунисской жалобы в повестку дня. Заседание

⁴⁶⁶ Ben Salem M. Op. cit., p. 67.

⁴⁶⁷ Ш.-А. Жюльен, у которого Бен Юсеф просидел все утро, получил обвинение в пособничестве их побегу.

⁴⁶⁸ Факсимиле этой «рукописи» де Отклока от 20 марта 1952 г. см.: Mestiri S. Op. cit., p. 244



состоялось в начале апреля⁴⁶⁹, и для положительного решения не хватило одного голоса. Пакистан, Чили, Бразилия, Польша и Советский Союз проголосовали «за», Франция и Англия «против», США, Греция и Турция воздержались. Несомненно, что представители двух стран, замыкающих список, поступили в след за американцами, избегавшими прямой конфронтации с Францией. От нее зависело решение вопроса о ЕОС. Что касается Великобритании, то ее представитель в ООН и министр иностранных дел Иден — оба заранее заверили французов в безусловной поддержке их позиции.

Полностью ли напрасными были тогда усилия, потраченные тунисскими националистами, в первую очередь Бургибой и Хашедом, на прозападные высказывания, попытки завоевать доверие американского общественного мнения и симпатии «заокеанских» профсоюзных боссов? Ответ на этот вопрос вырисовывается такой: эти усилия не пропали даром.

Во-первых, тунисская жалоба по крайней мере «добралась» до Совета Безопасности, а это значило, что возражение Франции, которая в принципе отрицала право ООН вмешиваться в ее «внутренние дела», частично было преодолено; причем глава госдепартамента объяснил позицию США при голосовании в ООН желанием «дать время на размышление», чтобы обе стороны, то есть Франция и Тунис, «смогли между собой договориться»⁴⁷⁰. Во-вторых, американские тред-юнионы АФТ и КПП развернули кампанию в защиту тунисских требований; в нее включились видные общественные деятели США, в том числе вдова президента Рузвельта. В годовщину

⁴⁶⁹ Предложение включить тунисский вопрос в повестку дня Совета Безопасности рассматривалось в несколько приемов. До этого с января 1952 г. Лондон оказывал всемерное давление на правительства стран — членов ЛАГ, чтобы отвратить их от инициативы поддержки жалобы Туниса. То же самое делалось в отношении Пакистана, но неожиданную заинтересованность в этом деле проявили Индия и Индонезия. «Лед тронулся» после военного похода Гарбея и падения правительства Э. Форы, которое проявляло пусть слабые, но попытки урегулировать отношения с протекторатом. В конечном итоге с ходатайством выступили отдельные арабские страны (среди которых не было Ливана и Сирии) и группа азиатских стран, от их общего имени выступил Пакистан. Апрельская резолюция Совета Безопасности не отменяла возможность ООН вернуться к рассмотрению тунисского вопроса, и он вновь обсуждался на VII Генеральной ассамблее в декабре 1952 г. (Подробнее см.: Mechat S. Op. cit. p. 163-186).

⁴⁷⁰ Ben Salem M. Op. cit., p. 73.



его смерти Ф. Хашед вместе с Элеонорой Рузвельт возложил венок на могилу самого знаменитого тогда американца, и это получило освещение в прессе.

В-третьих (и «the last but not the least»), в тяжелейший момент, когда Новый Дустур был снова «обезглавлен», все члены политбюро и большинство других руководителей партии интернированы или в эмиграции, один человек в Тунисе оставался недостижимым, по сути пользовался иммунитетом. Это Фархат Хашед – вице-председатель МКСП и генеральный секретарь ненавистного французским властям, но по-прежнему легального профцентра. Запретить ВТСТ даже де Отклок не решался, отыгравшись запретом празднования 1 мая.

В этом смысле расчет Фархата Хашеда гениально оправдался. Благодаря своим зарубежным покровителям, американским в первую очередь, он не только на свободе, но фактически берет на себя и руководство Новым Дустуром, который снова ушел в подполье. Все историки, обращавшиеся как архивным, так и к мемуарным источникам, сходятся в одном, что в 1952 г. профсоюзный лидер становится во главе тунисского национального движения. И при этом организует вооруженное сопротивление из своего вполне легального бюро – главного офиса ВТСТ, где он дает интервью иностранным журналистам, хлынувшим в Тунис для освещения здешних событий, ежедневно пишет информационные записки о развитии обстановки, отправляя их в штаб-квартиру МКСП и в американские адреса, включая госдепартамент⁴⁷¹. Более того, в апреле он был принят в солидных кабинетах этого учреждения, что высоко подняло его «рейтинг» в Тунисе и чего не смог в свое время добиться Бургиба. Стало ли это реализацией их общего замысла? Возможно.

Относительно вооруженной борьбы между ними, вероятно, существовала договоренность, то есть согласие, что Хашед, если потребуется, займется ее руководством. Во всяком случае, с января 1952 г. он получил такое задание от Бургиба, о чем есть свидетельства из надежных источни-

⁴⁷¹ В архивах госдепартамента обнаружилось 3 тыс. единиц хранения, связанных Тунисом 1950-1952 гг., в том числе 500 касаются Хашеда (*Débats du congrès / Actes du I-er Congrès international sur: Farhat Hached...*, p. 122). Копии регулярных отчетов о положении в стране за тот же период, направленных Ф. Хашедом председателю МКСП – «товарищу Олденбрику», были любезно переданы в 1967 г. автору этих строк работниками архивной службы ВТСТ.



ков⁴⁷², а профсоюзы и раньше имели свои охранные отряды, которые могли послужить основой создания боевых групп⁴⁷³. Наконец, ВТСТ располагал на это и финансовыми средствами. Неудобство ситуации, в которой оказался Хашед, вернувшись из США, предварительно заехав 29 апреля в Брюссель, состояло лишь в том, что у него был отобран паспорт, и он больше не смог посещать заседания исполкома МКСП, который провел в начале июля 1952 г. пленарное совещание в Берлине⁴⁷⁴, а с 1 по 5 декабря собирался Нью-Йорке. Добиться возвращения паспорта для этой поездки не удалось. Резиденция отказала: просителю дали понять, что если он и получит разрешение на выезд в США, то с билетом в один конец.

Между тем мысль о подстерегающей его опасности преследовала Хашеда весь этот год. Еще во время посещения госдепартамента в апреле он поделился ею с конфиденциальными собеседниками, которые обещали проверить по своим каналам, не готовится ли на него покушение, и пришли к выводу, что нет. (Хотя на помещения профцентра, не исключая столичное, совершались нападения). Впоследствии, лишенный возможности покидать территорию Туниса, генеральный секретарь ВТСТ мог, однако, не опасаться ареста. Особое внимание американского консульства и агентов ЦРУ к его персоне обернулось ему охранной грамотой. Но однажды этот человек, не отличавшийся склонностью к пафосным заявлениям, произнес странную фразу: «Во имя того, чтобы Тунис обрел независимость, один из троих: Фархат Хашед, Хабиб Бургиба или Салах Бен Юсеф должен принести себя в жертву»⁴⁷⁵.

⁴⁷² *Achour H. Op. cit.*, p. 30.

⁴⁷³ В окрестностях Загуана, обычно «безмятежных», пишет Хабиб Ашур, он с помощью главы местного профсоюза сельскохозяйственных рабочих создал группу молодых «смельчаков-патриотов, владевших всеми видами оружия» (*Ibid.*, p. 30). В шахтерских поселках Гафсы, отнюдь не славивших безмятежностью, бурную деятельность развернул Ахмед Тлили, член Нового Дустура и Административной комиссии ВТСТ, арестованный в феврале 1952 г. по обвинению в организации вооруженных «бандформирований», то есть отрядов феллаха.

⁴⁷⁴ Одна из 9 резолюций берлинского совещания МКСП была посвящена Тунису, хотя ни одного представителя от ВТСТ на нем не было. В коммюнике, изданном по этому случаю, профцентр выразил солидарность со всеми резолюциями МКСП, принятыми в Берлине (Копия этого документа: отдельный лист из архива ВТСТ).

⁴⁷⁵ Из разговора Фархата Хашеда со своим братом в ноябре 1952 г. (*Débats du congrès / Actes du I-er Congrès international sur: Farhat Hached...*, p. 122).



Отделавшись от правительства Шеника и создав вокруг Дворца пояс изоляции (такой плотный, что сам паша-бей оказался почти под домашним арестом), весьма довольный результатами своей деятельности по организации полицейского террора, де Отклок приступает к формированию нового тунисского кабинета. Подходящего премьера он нашел скоро, им соглашается стать г-н Баккуш – богатый помещик и, по слухам, главный держатель акций тунисского филиала компании «Кока-кола». Девять лет тому назад он своевременно «нашелся» на вакантное премьерское кресло после низвержения Монсеф-бея. Чтобы сыскать других желающих войти в его правительство, де Отклоку потребовались две недели⁴⁷⁶, а павший духом, шантажируемый и вдобавок замученный открывшимся у него плевритом Сиди Ламин подписал указ о новом правительстве⁴⁷⁷. 12 апреля оно поселилось во дворце Дар Эль-Бей.

Невозможно удержаться от того, чтобы не процитировать журналистскую зарисовку посещения этого дворца времен Баккуша, облаченного в роскошный белый восточный костюм с приколотой к нему розеткой Почетного легиона. «Это было не учреждение, это была декорация из цветного фильма “Тысяча и одна ночь”... в приемной мавританского стиля джентльмены в фесках не сидели и не стояли, а возлежали на диванах; казалось, вот-вот раздастся звук гонга, распахнутся магические двери и в комнату влетит рой танцовщиц-одалисок в духе Матисса». Баккуш говорил о Лондоне, который он посетил юношей в 1906 г., о гувернантке мисс Гэндон, которая учила его и сестер английскому языку. «И в течение всей беседы в его глазах поблескивал насмешливый огонек; казалось, он склонен рассматривать фантастическую обстановку дворца... английских кор-

⁴⁷⁶ Графа де Отклока или кого-то из его помощников осенила мысль пригласить в правительство Хеди Нуиру, который за отказ от министерского кресла был сослан в концентрационный лагерь, что создало «нетривиальный» прецедент во французской судебной практике (*Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante...*, p. 67).

⁴⁷⁷ Накануне, 11 апреля, Шеник и его экс-министры были перевезены самолетом на о-в Джерба, где их ждали более цивилизованные условия, а д-ру Бен Салему даже поступило предложение вернуться домой, от чего бейский зять гордо отказался. Наконец, 6 мая к ссыльным явился военный атташе, который предложил им свободу, но в любом месте, кроме столицы. По домам их все же вернули, отключив телефоны и под запрет выходить на улицу, а мадам Бен Салем предъявили обвинение в подстрекательстве к мятежу, но как «принцессе» предлагали уехать из страны, если не хочет в тюрьму. Она осталась дома (*Ben Salem M. Op. cit.*, 70-74).



респондентов, своих французских хозяев и даже самого себя как участников какого-то грандиозного и роскошного водевиля»⁴⁷⁸.

Эта зарисовка относится к лету 1952 г. С его приходом в Тунисе наступило некоторое затишье, комендантский час был уже отменен, количество арестованных значительно сократилось, и складывалось такое впечатление, что обе стороны выжидают нового франко-тунисского соглашения. Почти каждый день на улицах взрывались бомбы, сделанные из начиненных адской смесью консервных банок, но в целом террористические акты не достигали крупных размеров. Одна такая бомба разорвалась во время парада в национальный французский праздник, день взятия Бастилии. Жертв не было, однако акция устрашения состоялась.

Большого шума наделала объявленная во Дворце новость, что неизвестными, возможно, подосланными французской Резиденцией, была совершена попытка отравить Сиди Ламина. Ее пресекли 7 июня то ли бдительные повара, то ли придворные медики, заметившие порошок, похожий на сахар и оказавшийся стрихнином⁴⁷⁹. Отраву принес в пакете человек из окружения Садов-бея, младшего брата слабоумного Азедин-бея («походного бея»), которого вместе с его сыном Слиман-беем, проживавшим в Париже, стали припечатать французы. Расследование было замято, а «человек с порошком» исчез.

Подозрения на Резиденцию не были совершенной фантазией. Ведь «кликлой сопротивления внутри дворца» считались принц Шедли, глава личного кабинета государя, принцесса Закия, заслужившая от поклонников прозвище «Пассионария», и ее муж д-р Бен Салем. В противовес этой «кликке» французские власти поощряли другую ветвь бейского семейства во главе с самым пожилым принцем, а значит, и наследником престола⁴⁸⁰. Салах Бен Юсеф в письме из Каира (от 24 июля 1952 г.) писал Бахи Ладхаму в Нью-Йорк, что его больше всего беспокоят новости из Парижа, свидетельствующие, что французы выдали карт-бланш «этим двум бандитам» де Отклоку и Гарбею, чтобы они добились согласия бея на реформы любыми средствами «вплоть до его свержения и создания временного регентского совета под председательством принца-предателя Азеддина, Походного бея»⁴⁸¹.

⁴⁷⁸ *Bepm A.* Указ. соч., с. 476.

⁴⁷⁹ *Ben Salem M.* Op. cit., p. 79.

⁴⁸⁰ Подробнее см.: *Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante...*, p. 64-65.

⁴⁸¹ *Ladgham B.* Correspondance 1952-1955. Les années décisives, Tunis: Cérès Prod., 1990, p. 240.



Это лишь один штрих к описанию картины, сложившейся в Тунисе, где мышиная возня во дворце, подогреваемая политической игрой вокруг проблемы престолонаследия, имела тот смысл, что Его Высочеству намекали на подламывающуюся ножку его кресла, а покушения на представителей то французских, то местных властей стали заурядным делом. Пуля из-за угла пронеслась и над ухом американского консула, чья машина была обстреляна.

История с ядом для государя, правда, не затерялась в общем потоке событий. Распушенная в зарубежной прессе, она стимулировала активность арабо-азиатской группы, выступавшей за интернационализацию тунисского вопроса. Участники этой группы потребовали созыва экстренной сессии Генеральной ассамблеи ООН⁴⁸², но госдепартамент устами Дина Ачесона воспротивился ненужной спешке и продолжал эластичное давление на Францию, подчеркивая, что ей дается время для самостоятельного урегулирования тунисского кризиса.

И действительно, 20 июня — по завершении вторых в этом месяце парламентских слушаний по Тунису, министр Р. Шуман выдвинул новый список предложений. Этот план, авторство которого приписывали юрис-консульту «Maison de France» (напомним, расхожее название здания французской Резиденции в Тунисе), воспроизводил некоторые пункты проектов пятилетней давности от Жана Монса или — двухлетней от Луи Перийе. Он вновь обещал дать регентству внутреннюю автономию; выражал согласие с идеей однородного тунисского правительства, но в неопределенном будущем, обещал расширенный допуск тунисцев к должностям на государственной службе, но по решению смешанной отборочной комиссии. Главный упор был сделан на замену Большого Совета новыми совещательными органами⁴⁸³, а также на создание выборных муниципальных собраний в

⁴⁸² Требование созыва внеочередной сессии Генеральной ассамблеи было направлено 20 июня 1952 г. на имя генерального секретаря ООН от имени представителей 13 государств: Египта, Саудовской Аравии, Ирака, Сирии, Ливана, Афганистана, Бирмы, Индии, Индонезии, Пакистана и Филиппин (*Mechat S. Op. cit.*, p. 185).

⁴⁸³ Полномочия Большого Совета истекли в декабре 1951 г., и он уже не собирался. Новая идея, подготовленная сотрудниками Кэ д'Орсэ и де Отклока, предлагала заменить его: во-первых, «финансовым советом» без деления на две секции, французскую и туземную, это для обсуждения бюджета регентства; во-вторых, «легислативным советом», чисто тунисским, для предварительного изучения декретов, которые выносит бей (*Ibid*, p. 152).



населенных пунктах, имеющих статус коммуны, и на реформе каидатских советов⁴⁸⁴. Все эти представительные институты предлагалось избирать на основе прежней системы двух коллегий (туземной и французской), одна из которых образуется по модели, введенной в регентстве еще в 1922 г. при Люсьене Сэне, другая — по тем же электоральным правилам, как в послевоенной метрополии.

В течение двух недель детали проекта, в общих чертах одобренного парламентариями по докладу Шумана, обсуждались и дорабатывались в Париже с де Отклоком, который вернулся к месту службы 5 июля в борцовском настроении, заявив, что уверен в мудрости бея, который «сочтет реформы началом новой эры»⁴⁸⁵. Государь, однако, пребывал в сомнениях как насчет новой эры, так и насчет реформ; и в этой связи между дворцом Дар Эль-Бей и бейским дворцом началось перебрасывание мяча. «Великий визирь» Баккуш, которому де Отлок первому вручил проект, испрашивал мнение Сиди Ламина, тот отсылал его к французам, в сотый раз повторяя, что это они его назначили. В свою очередь, «рассамблисты», которым тоже не слишком нравился «шумановский» план, хором обвиняли Сиди Ламину в том, что он — замешенный враг демократии и желает оставаться абсолютным монархом.

Этому был дан асимметричный ответ. 2 августа бей распорядился создать своего рода коронный совет и заявил, что не станет принимать никаких решений до консультации со своими «генеральными штатами»⁴⁸⁶. На самом деле это учреждение, скорее реплика Большого Совета 1861 г.,

⁴⁸⁴ Каидатские советы, учрежденные в июле 1922 г., создавались в округах «каидатах», избирались «именитыми людьми» из числа тунисцев и являлись совещательными органами при местной администрации. Во исполнение предложений Шумана, реализованных декретами от 20 декабря 1952 г. и в апрельско-майских выборах 1953 г., советы каидатов разбавлялись французами. Они получили представительство на уровне окружного собрания в лице своих муниципальных советников. В такое собрание от каждого сельского шейхата с числом жителей до 10 тыс. или населенного пункта (городском) статусе коммуны с таким же числом жителей выбирался один делегат, от более крупных — два. Если город в пределах данного округа насчитывал свыше 25 тыс. жителей, то он располагал в каидатском совете четырьмя местами. В столице муниципальный совет заменял собой каидатский. Область (*région*) как территориальная единица выше каида в 1947 г. была упразднена вместе областными советами. (Подробнее см.: *Kassab A. Histoire de la Tunisie contemporaine*, Tunis: STD, 1976, p. 326-328).

⁴⁸⁵ «Le Figaro», 7.7.1952.

⁴⁸⁶ *Auriol V. Mon septennat...*, p. 522.



называлось – вполне традиционно – «Собранием 40», оно включало цвет местной интеллигенции, профсоюзных деятелей, партийных и беспартийных националистов (кроме представителей ТКП и ОПТТ). Инициатива его созыва принадлежала Фархату Хашеду⁴⁸⁷. «Собрание 40» отклонило французский план реформ, кстати, состоявший из 7-и пунктов, и при этом создало видимость де-факто существующего тунисского парламента, а бею придало образ «конституционного монарха без конституции».

Власти метрополии и чиновники «Maison de France» крайне отрицательно отнеслись к появлению бейского меджлиса, мозговой трест которого явно убеждал бея принять более независимый тон по отношению к французам. Надежды де Отклока, что запутавшийся в долгах Сиди Ламин, которого парижская пресса обвиняла в том, что его содержание по «цивильному листу» обходится Франции дороже бюджета Елисейского дворца (а также в махинациях с недвижимостью)⁴⁸⁸, станет у него монархом на поводке, наталкивались на альтернативный план националистов сделать его «английской королевой». При этом их тактика заключалась в том, чтобы довести дело до рассмотрения тунисского вопроса в ООН и помешать Франции сделать вид, что она готова возобновить диалог с Тунисом.

Среди сорока, или приблизительно сорока человек, составивших бейский консультативный совет, фигурировали: два шейха маликитского и ханифитского толка, затем Салах Фархат (Старый Дустур), Садок Мокаддем (Новый Дустур), Тахар Лахдар (симпатизирующий «néos») и целый ряд беспартийных деятелей из плеяды умеренных националистов, например, Тахар Бен Аммар и Мухаммед Бен Рамдан (оба – крупные землевладельцы), Азиз Джеллули – выходец из «большой семьи», бывший *шейх-уль-медина* и экс-министр «монсефистского правительства», Шедли Кас-талли – директор-издатель газеты «*Нахда*», а также адвокат Альбер Бессис, выступавший в роли представителя еврейской общины⁴⁸⁹. Такой состав, если учесть еще и синдикалистов, один из которых (социалист Шед-

⁴⁸⁷ На это указывает, в частности, Нури Будади, один из двух бывших заместителей Фархата Хашеда в Административной комиссии – высшем исполнительном органе ВТСТ. Выступая на конференции 2002 г. он подчеркнул, что вовсе не бей учредил в августе 1952 г. собрание сорока советников, «это была наша идея» (Débats du congrès / Actes du I-er Congrès international sur: Farhat Hached..., p. 102).

⁴⁸⁸ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 122.

⁴⁸⁹ Ibid., p. 82.



ли Рхайем), возглавлял автономный профсоюз в Бедже, давал самозванным «генеральным штатам» возможность претендовать на то, что они действительно представляют самые разнообразные слои тунисского общества.

Тщательно изучив французский проект, экспертная комиссия «Собрания 40», куда вошли 12 человек, составила грамотный доклад, по косточкам разобравший и раскритиковавший предложения Кэ д'Орсэ; своих не выдвигала⁴⁹⁰. Затем все «сорок» одобрили доклад под вспышками софитов, и 9 сентября он был отправлен в Париж с приложением письма на имя Ориоля за подписью Ламина Первого⁴⁹¹. Этот демарш был подан как «наш ответ Шуману».

Делегат Нового Дустура в Париже – Масмуди высказался за возобновление франко-тунисских переговоров под арбитражем президента и премьер-министра Франции⁴⁹². Это предложение, возможно, отвечавшее мнению Бургибы, повисло в воздухе. Деликатный Ориоль на сей раз дал резкую отповедь бею на его «ответ», а г-н Пинэ, который в августе все же пошевелился, чтобы через голову Кэ д'Орсэ выяснить мнение тунисской элиты⁴⁹³, отмолчался. «Твердолобые» в Тунисе заявляли, что среди них немало ветеранов войны и что они сами способны защитить свои интересы, угрожая даже преподобным «Белым отцам»⁴⁹⁴, в том числе отцу А.

⁴⁹⁰ Доклад был подписан Ф. Хашедом, Ш. Халлади (Старый Дустур), Ш. Рхайемом (СФИО), Фатхи Зухейром (независимый), Тахаром Ладхаром, остальные – в основном неодустуровцы (Mechat S. Op. cit., p. 153).

⁴⁹¹ Составительницей этого письма была та же экспертная комиссия. 6 сентября она собралась у Шедли-бея, присутствовали его брат Мухаммед-бей, бывшие министры (Салах Мзали, д-р Бен Салем и генерал Саадаллах), Фархат Хашед и Али Аннаби (один из секретарей ВТСТ), д-р Садок Мокаддем (и.о. председателя политбюро Нового Дустура), Шедли Халлади и Фатхи Зухейр. 7 сентября состоялось общее заседание «сорока советников» под эгидой бея Сиди Ламина, который восседал не на троне, а в обычном кресле (Ben Salem M. Op. cit., p. 95).

⁴⁹² «Le Monde», 16.9. 1952.

⁴⁹³ В середине августа 1952 г. д-р Бен Салем, который выхлопотал себе паспорт, чтобы уехать на воды в Эвиан, имел встречу с Пинэ, назначенную вопреки сопротивлению Мартино-Депла. Французский премьер явился в курортное местечко вместе с шефом своей канцелярии. В их разговоре с Бен Салемом затрагивался даже такой вопрос, не заменить ли де Отклока адмиралом Баржо, который до этого покинул Бизерту, раздраженный глупостями Генерального резидента и его единомышленника генерала Гарбея (Ben Salem M. Op. cit., p. 90-91).

⁴⁹⁴ Монашеский орден «Белые отцы», обосновавшийся в Тунисе с середины XIX



Демеерсману (известному социологу), бывшему директору института им. Пастера, много лет самоотверженно проработавшему в Тунисе, и слишком либеральным чиновникам вроде Анри де Монтети и Шарля Соманя (за то, что они хотят «отдать землю арабам»), а также другим французам, сочувствовавшим местному населению⁴⁹⁵. Для большинства тунисских националистов и — шире — патриотов требование переговоров о внутренней автономии было уже прокисшим молоком, они хотели независимости.

Тем временем ползли слухи, что в Тунисе со стороны французсов работает секретная организация «Красная рука». И в ней особенно активны корсиканцы, действующие по законам вендетты, традиции которой вынесены ими с родного острова. Была ли у нее мафиозная структура управления, построенная по типу «сицилийских семей», вопрос спорный. Более осторожные наблюдатели считали ее системой местных «дружин самообороны», может быть, и не связанных друг другом, но имевших покровителей и соучастников как в полиции, так и в Резиденции. Другие считали эту организацию вымышленной. Тем не менее, ее «фирменный знак» использовался, а одной из намеченных ею жертв был «Хашед-американец».

«Когда в июне 1952 года, — пишет Верт, — я встретился с Фархатом Хашедом, ... он выглядел озабоченным и показал мне несколько писем с угрозами по его адресу. Среди них было послание от «Красной руки»; на листке стояла печать в виде красной руки и говорилось, что рука «красна от крови врагов Франции»⁴⁹⁶. Журналист вскоре сообщил об увиденном в своих репортажах, опубликованных в Англии. Никакой реакции французских властей не последовало. 6 октября в Сусе распространялись листовки со знаком «Красной руки» и призывом к «прямому действию» против националистов⁴⁹⁷. О подобных случаях толковали и помнят многие, хотя архивные документы на этот счет либо глубоко упрятаны либо уничтожены. Примерно известны были места, где свила себе гнезда эта пугающая одним своим названием организация, у которой концы всегда были спрятаны в воду⁴⁹⁸. С противной стороны тянулась столь же таинственная «Черная

рука», превратился в библиотечно-научное общество, которое создало «Institut de Belles Lettres arabes» и поныне выпускает свой журнал «IBLA».

⁴⁹⁵ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante ..., p. 76.

⁴⁹⁶ Верт А. Указ. соч., с. 476.

⁴⁹⁷ Ben Salem M. Op. cit., p. 99.

⁴⁹⁸ В парижской печати сообщалось, что за период с 3 марта по 5 декабря 1952 г.



рука». Насколько причастны были к ней официальные лица в руководстве «néos», до сих пор не ясно, но французы ее опасались⁴⁹⁹.

Характерно, что еще в 1919 г. организация, именовавшая себя «Черной рукой», фигурировала среди десятка наиболее агрессивных подпольных групп, сложившихся в ходе и после мартовского восстания в Египте, где действовали также «Общество совета десяти», «Общество пятидесяти», «Общество отщепенцев», «Общество братской солидарности» и др. Самая разветвленная из этих групп, «Черная рука», стала усиленно набирать новых членов и структурироваться с 1921 г., что выяснилось позже во время судебного процесса над 15 египтянами, обвиненными в сборе оружия и бунтарской литературы, подготовке покушений на английских солдат и своих сограждан, дававших показания в суде⁵⁰⁰. Вместе с тем само по себе изображение руки в любом виде (чеканка, рисунок на

«группы самообороны» совершили 50 покушений, в том числе 8 против членов «Собрания сорока». Имели место взрывы в помещениях ВТСТ в Бизерте. 25 октября Хашед назвал Даниэлю Герину имена нескольких членов «Красной руки», в том числе полицейских, о чем французский журналист позже написал в «Tribune des Peuples», но проверить эти данные ему не удалось, несмотря на личное вмешательство Ориоля (Ben Hamida A. Le syndicalisme tunisien de la deuxième guerre mondiale à l'autonomie interne, Tunis, Publ. de l'Université de Tunis, 1989, p. 194).

⁴⁹⁹ В этой связи представляют интерес два рассказа Ахмеда Бен Хамиды, ветерана профсоюзного движения, который в прошлом являлся работником военного арсенала в Ферривиле. Первый рассказ относится к 1946 г., то есть к моменту образования ВТСТ, когда Фархат Хашед агитировал за вступление в новый профцентр. Бен Хаида согласился, но сказал, что сможет это сделать вместе с рабочими-металлистами лишь спустя время и под каким-нибудь предлогом, а если они сразу всем профсоюзом перейдут в ВТСТ, не избежать подозрений, что они из «Черной руки» и хотят разрушить арсенал. Другой рассказ относится к 1956 г. Вскоре после провозглашения независимости Туниса того же Бен Хаиду руководство ВТСТ направило в Ферривиль, где предположительно действовал штаб «Красной руки». Тщательно проведенное расследование показало, что этот штаб находился не в Ферривиле, а скорее всего в столичном квартале Сен-Анри, среди участников подполья обнаружился бывший агент французской Резиденции, большинство составляли корсиканцы. По наводке Бен Хамиды они были арестованы (Débats du congrès // Actes du I-er Congrès international sur: Farhat Hached..., p. 104, 150).

⁵⁰⁰ Вероятнее всего между Каиром и Верхним Египтом весной 1919 г. действовало несколько разрозненных подпольных организаций под названием «Черная рука». Они рассылали письма-предупреждения правительственным чиновникам, созывали людей на сходки и охраняли митингующих (Кошелев В. С. Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879-1981), Минск: изд-во «Университетское», 1984, с. 64-66).



дверях дома, стилизованное женское украшение и проч.) это древний амулет или оберег, распространенный в Северной Африке под названием «рука Фатмы», который, как знают археологи, восходит к «руке Танит», знаку великой богини финикийского пантеона. На ее статуэтках он сочетается с полумесяцем.

Терроризм отнюдь не новое явление, это могильник сибирской язвы или, если угодно, чумная палочка, против которой перестала действовать вакцина, а ведь известно, что источником инфекции являются больные чумой либо трупы людей, погибших от нее; хранителем и наиболее активным разносчиком – род млекопитающих семейства мышей, который очень широко расселился по земле вслед за человеком, но много старше него. Одним из орудий «терроризма», а именно этим термином 50-60 лет тому назад обозначались в масс-медиа и на официальном жаргоне действия вооруженной антиколониальной оппозиции, является провокационная диверсия, иногда против «своих», нацеленная либо на то, чтобы раздуть пламя народного гнева, либо на то, чтобы определенным образом повлиять на политический процесс. Прибегали ли к этому обоюдоострому оружию тунисские националисты? И служили ли некоторые представители «туземного» населения интересам французского (анти)терроризма из каких-то своих соображений: деньги, личная вражда, местнические конфликты и т.п.?

На второй вопрос можно сразу ответить утвердительно: есть достаточные примеры, когда исполнителем преступных деяний той же «Красной руки», а попросту – «киллером» оказывался тунисец, знакомый и даже родственник жертвы. Первый вопрос сложнее, хотя в ряде случаев прослеживается синхронная зависимость между взрывами, покушениями и прочими актами «прямого действия» со стороны националистов и какими-то их политическими маневрами или ожиданиями. 15 ноября 1952 г. было совершено нападение на французский дозорный отряд в Гафсе, убиты шестеро солдат. Если верить засекреченным показаниям одного из виновных, то «заказчиками» инцидента были неодошуровцы и синдикалисты, причем из первых лиц⁵⁰¹. Вслед за этим наблюдалась эскалация насилия.

⁵⁰¹ Речь идет о Ф. Хашеде и враче Садоке Мокаддеме, который осуществлял руководство подпольным политбюро Нового Дустура. Якобы они передали крупную сумму денег некоему человеку, выдавшему этот факт под пыткой. Протокол его допроса, на котором имя Хашеда жирно подчеркнуто красным карандашом, сохранился в архиве французской армии. Много лет спустя его смог увидеть Нуреддин Хашед – сын Фархата Хашеда, тунисский дипломат в ранге посла (Débats



Консервные банки все чаще оказывались бомбами, взрывы становились все более разрушительными. Тем временем шли дебаты в ООН, на которые тунисцы возлагали большие надежды.

Еще 2 сентября 1952 г. пришло сообщение, что американский представитель в ООН заявил: Франция-де должна вступить в контакт с «истинными представителями тунисского народа», не дожидаясь очередной сессии Генеральной ассамблеи ООН. В противном случае США поддерживают идею обсуждения тяжбы между протекторатом и метрополией в высшей международной инстанции⁵⁰². В том же духе высказывался Дин Ачесон. Парируя эти выпады, официальный Париж недвусмысленно дал понять, что заблокирует проект ЕОС, если США не перестанут поддерживать тунисскую и марокканскую жалобы.

Тем не менее, обсуждение тунисского вопроса было внесено в предварительную повестку дня VII сессии Генеральной ассамблеи. Этому посодействовали американские профсоюзы; сыграли свою роль также усилия инициативной группы арабских и азиатских стран, хотя приоритетным для членов ЛАГ, конечно, являлось другое – включение в повестку дня этой сессии вопроса о работе Примирительной комиссии для Палестины.

Следует иметь в виду, что чем ближе к осени, тем большую благосклонность к Тунису проявляли американцы. Не отставал от первых лиц действующей администрации кандидат в президенты Дуайт Эйзенхауэр, который до этого провел два года во Франции (как главнокомандующий вооруженными силами НАТО) и теперь обрушивался с нападками в предвыборных речах на ее неуправляемое правительство. Дело в том, что Пинэ, наживший определенный политический капитал на антиамериканских настроениях во Франции, не торопился с ратификацией договора о ЕОС. Когда же в начале октября ему была вручена «американская нота», где критиковалась неспособность французских миллионеров платить соответствующий подоходный налог, а также определялись суммы, какие, по мнению США, Франция должна была истратить на военные нужды в следующем году, Пинэ возмутился. Он квалифицировал указания Вашингтона как недопустимое вмешательство во внутренние дела Франции. Это подстегнуло обмен уколами рэпир на фехтовальном ринге вокруг североафриканской проблемы. И уже откровенно правые парижские газеты вроде «L'Аугот» спрашивали, кто

du congrès // Actes du I-er Congrès international sur: Farhat Hached..., p. 125).

⁵⁰² Ben Salem M. Op. cit., p. 101



такие американцы, чтобы указывать нам, как обращаться с арабами. «Они истребили краснокожих индейцев, и посмотрите, как они обращаются со своими неграми!»⁵⁰³

Отчасти «проарабский» тренд в политике США объяснялся желанием подыграть руководству ЛАГ, которое с середины 1952 г. не очень твердо, но постоянно возбуждало тунисский вопрос⁵⁰⁴. Достаточно активен в этом был Ирак, один из самых надежных партнеров США в продвижении идеи Средневосточного командования (Middle East Defense Organization). Приходилось заигрывать и с генералом Нагибом – председателем Совета революционного командования (СРК) и номинальным лидером «Свободных офицеров», возобновившим переговоры Каира с Лондоном по ключевым региональным вопросам, затрагивающим общие интересы Запада.

В ближайшие дни, – писал 19 сентября Бен Юсеф, – нам предстоит окаться в исторических обстоятельствах, решающих для судьбы нашей страны, и все козыри, которые в этом году плывут нам в руки (президентские выборы в США, где оба конкурента раздувают антиколониальную тему в своей пропаганде, ... реальное и сочувственное внимание к тунисскому вопросу в растущем числе стран мира, острая тревога американцев по поводу их жизненных интересов, связанных с безопасностью в полосе от Тегерана до Марракеша, – а тревога эта может снизиться и даже исчезнуть, как только будет достигнуто желанное для США англо-ирано-египетское урегулирование, – наконец, сложившееся в Америке представление о франко-тунисской проблеме как составной части более широкой проблемы безопасности на Ближнем Востоке); всех этих козырей мы рискуем никогда уже не заполучить»⁵⁰⁵.

⁵⁰³ Верм А. Указ. соч., с. 489.

⁵⁰⁴ В целом позиция ЛАГ и отдельных стран-участниц по отношению к тунисскому вопросу была колеблющейся. Однако 20 сентября 1952 г. Совет ЛАГ принял решение назначить общего наблюдателя в ООН «по делам Палестины и Северной Африки». Представитель Сирии в ООН, палестинец Ахмед Шукейри, выразил пожелание Дину Ачесону, чтобы на VII сессии Генеральной ассамблеи присутствовал делегат бея. При этом арабские делегаты использовали тот аргумент, что продолжение конфликта Франции с Тунисом и Марокко усилит позиции коммунистов в этих странах. Не случайно именно иракская делегация приняла в свой состав Салаха Бен Юсефа, который выступал от имени уже свергнутого правительства Шеника, но на сессии был «под прикрытием» Багдада и, следовательно, правительства Нури Саида (Подробнее: *Mechat S. Op. cit.*, p. 163-169)

⁵⁰⁵ *Ladgham B. Correspondance 1952-1955. Les années décisives, Tunis: Cérès Prod.*, 1990, p. 258



К началу работы VII сессии Генеральной ассамблеи из Каира прибыл целый тунисско-марокканский «десант», включавший Алляля аль-Фаси и Салаха Бен Юсефа. Последний, чтобы обеспечить себе легальный статус, вошел консультантом в состав иракской делегации⁵⁰⁶. (По положению ООН, каждая делегация состоит не более, чем из 5-и представителей и столько же их заместителей, а также экспертов, советников и другого вспомогательного персонала). С ним сотрудничал Бахи Ладхам, который сумел организовать в США своего рода постоянную тунисскую миссию, корпус и центр документации. Кадровый член Нового Дустура и один из авторов правительственной жалобы Туниса в ООН, Бахи Ладхам в январе 1952 г. присоединился к двум тунисским министрам в Париже, откуда в феврале выехал в Каир, а затем в Нью-Йорк, чтобы следить за ходом обсуждения «афро-азиатской» жалобы. Там он встретился с Ф. Хашедом, который пробыл в США с 4 по 28 апреля по приглашению АФТ и КПП. На месте и было принято решение, что Бахи Ладхам остается в США, чтобы иметь связь с постоянным аппаратом ООН. Еще летом он начал готовить «Белую книгу» о Тунисе, рассылал обращения к государствам – членам ООН, в том числе латиноамериканским, объясняя историю вопроса и суть франко-тунисского спора. Почтовую связь с родиной поддерживал через Брюссель, пользуясь каналами МКСП, ее моральной, а возможно, и финансовой помощью⁵⁰⁷. Таким образом, неодустуровцы сформировали свою

⁵⁰⁶ Любопытно, что Багдад вдруг проявил особую дружбу к тунисцам. Из письма Бен Юсефа (к Бахи Ладхаму) от 6 июля 1952 г. вытекает, что перед этим «английский наймит» Нури Саид сначала пригласил Бадру и Бельхавана, собиравших средства для «Комитета помощи Тунису», а затем грубо их выставил из Ирака. Чуть позже, 15 июля, Бахи Ладхам сообщал, что «американская пресса наглухо для нас закрыта», она публикует только информацию собственных корреспондентов из Туниса и Парижа (*Ibid.*, p. 229, 234). К осени все переменялось.

⁵⁰⁷ Основные средства на деятельность своего центра, при котором работало бюро перевода (на английский и испанский), он получал от Бен Юсефа из Каира. Спустя 38 лет Бахи Ладхам опубликовал архив своей личной переписки с партийно-профсоюзными деятелями Туниса, в том числе ряд писем от Фархата Хашеда за 29 апреля – 2 октября 1952 г., первое из Брюсселя, остальные с родины. Они не представляют особого интереса, так как написаны «телеграфным стилем». Более развернутое письмо от Махмуда Мессади (заместителя генерального секретаря ВТСТ), посланное из Парижа 19 октября 1952 г., возможно, содержит некоторые рекомендации Хашеда, или их общие. Смысл совета таков: чтобы не потерять «симпатии тех, кто хранит идеализированное представление о Фран-



теневую «мини-делегацию» на Генеральной ассамблее ООН, работавшую в ее кулуарах и подкомиссиях; тогда как французы включили в состав своей официальной делегации двух «представителей» регентства, которых бей отказался признать в этом качестве.

Выступая 10 ноября перед Генеральной ассамблеей, министр иностранных дел Франции отстаивал следующие тезисы: во-первых, договоры о протекторате были в свое время заключены между двумя суверенными государствами, и ООН не правомочна денонсировать такие договоры или подвергать их ревизии; во-вторых, 7-ая глава Устава ООН предусматривает действие этой организации лишь в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии; «но никто не сможет утверждать, что нынешняя ситуация в Северной Африке создает угрозу поддержанию международно-го мира и безопасности»⁵⁰⁸.

На 12 ноября в ООН было назначено рабочее обсуждение вопроса о Тунисе. Заседание вела представительница Индии, выступали делегаты Пакистана и Египта, которые усмотрели ложь в заявлениях Шумана, уверявшего буквально накануне, что официальный Париж ведет дискуссию с беем. Обнародованное Дворцом письмо бея от 9 сентября (хороша ложка к обеду), а также факты, свидетельствующие о нарастании напряженности в Тунисе, опровергали подобное утверждение. На этом основании было принято окончательное решение: включить тунисский вопрос в повестку дня сессии Генеральной ассамблеи.

Робер Шуман 15 ноября покинул Нью-Йорк, не получив встречи с Эйзенхауэром, новоизбранным президентом США, который обозначил свою позицию в телеграмме на имя Трюгве Ли такими словами: «Никто не имеет права и не сможет помешать ООН выражать свое мнение»⁵⁰⁹. В Тунисе прекрасно понимали, что их маленькая страна – объект торга между США и Францией. Однако надежду подавало то обстоятельство, вернее, допущение, что бывший главнокомандующий операцией «Торч», который знал Северную Африку не понаслышке, захочет иметь на южном фланге НАТО не

ции», стране книг, искусства, возвышенных идей и т.д., и чтобы не потерять симпатии «самых французских демократов», надо подчеркивать, что мы хотим помочь истинному лицу Франции проступить сквозь ту ужасающую маску, которую на него надели «сами французы, колониялисты и реакционеры» (Ibid., p. 60).

⁵⁰⁸ Garas F. Op. cit., p. 216.

⁵⁰⁹ Ben Salem M. Op. cit., p. 104.



бунтующий, а спокойный регион. Впрочем, в США был «сезон хромой утки». Республиканец Эйзенхауэр еще не занял Овальный кабинет в Белом доме, обязанности президента исполнял проигравший демократ Трумэн.

С целью дезавуировать неформальную тунисскую делегацию, проникшую в Дом Наций, министерство иностранных дел Франции выдало запоздалый официальный ответ на послание бея от 9 сентября, адресованное Ориюлю (как равновеликому «магистрату»). Ответив тогда бею в частном порядке, президент уведомил, что передает весь пакет документов Совету министров. Истекло два с половиной месяца, и лишь 26 ноября было обнародовано заявление Кэ д'Орсэ, где говорилось, что доклад самочинно образованного «Собрания 40» не имеет юридической силы и что правительство метрополии настоятельно советует бею заняться решением насущных проблем либо путем личных прямых контактов, а точнее, разговоров (*conversations directes*) с французской стороной, либо через смешанную франко-тунисскую комиссию, сформировать которую, кстати, до сих пор не удалось⁵¹⁰. В конце ноября пал еще один город в Индокитае. Французы терпели поражение от «армии джунглей», каждое из которых встречало восторг тунисцев; а согласованная подача исков от Туниса и Марокко в ООН позволяла им говорить в поэтическом духе, что «крылья Магриба», подобного птице с туловищем-Алжиром, «бьются в унисон», и она готова уже взлететь.

Наконец, 4 декабря, это был четверг, началось обсуждение тунисского вопроса на заседании Политического комитета Генеральной ассамблеи. Французский делегат заявил свой категорический протест и покинул заседание, повторив тезис о том, что проблема находится вне компетенции ООН. Ему возражал пакистанец Зафарулла Хан, который огласил проект резолюции, подготовленный группой 13-и арабских и азиатских стран. Она требовала срочного восстановления политических свобод в Тунисе, положение в котором чревато угрозой миру, дать право тунисскому народу на «выражение своей воли» и, по сути, предлагала расторгнуть договор о протекторате (в течение года путем прямых франко-тунисских переговоров и под наблюдением специальной комиссии ООН). С четверга на пятницу во дворце бея, да и во многих других тунисских домах не спали, лоя

⁵¹⁰ Примирительное, но твердое по тону коммюнике МИД за подписью Робера Шумана, словно по заказу, полностью опубликовала 5 декабря 1952 г. «La Dépêche tunisienne» (Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche, ...p. 391).



по радио информацию о том, что происходит в штаб-квартире ООН⁵¹¹. Из местных новостей этого дня к полуночи стало известно, что в Гафсе убиты из засады трое патрульных и что де Отклок срочно вылетел в Париж.

В тот час, когда в Нью-Йорке уже зажглись ночные огни, а над Тунисом высоко поднималось солнце, страну потрясла другая новость: по дороге из Радеса в город, куда он, как обычно, направлялся за рулем своей «Симки-8», был убит Фархат Хашед. Незадолго до этого у порога его дома, где он жил с женой, восьмилетним сыном и родившейся в апреле дочерью, прогремел взрыв. Опасаясь за семью, он собирался отправить ее к родственникам в Сус, а на время они разошлись по разным квартирам. Сам отец семейства старался менять места ночлега, он снова получил письмо с печатью в виде красной руки. 5 декабря 1952 г. навесил спозаранку сына, которого приютил Мустафа Филали (сосед Хашеда, видный профсоюзный деятель), и выехал в Тунис. Его нагнала машина, из которой раздалась выстрелы.

Легко раненый, Хашед вышел на дорогу и остановил встречный грузовик, шофер которого уже собирался взять пострадавшего в свою кабину и отвезти в больницу. Но тут на пустом шоссе появился другой автомобиль, пассажиры которого предложили свои услуги. Хашед якобы сказал, что это — его друзья и сел в автомобиль. Через два часа его пробитый пулями труп с обезображенным лицом был найден на обочине дороги, ведущей в Загуан. Сцена с «попуткой» известна из уст водителя грузовика. Остальное покрыто тайной. Шофер по фамилии Серра, последним видевший живого Хашеда, не допрашивался на суде, поскольку суда не было, а едва начатое следствие прекращено. Фразу погибшего «Это — мои друзья, они меня быстрее отвезут» растиражировали газеты со слов единственного свидетеля начала происшествия. Вскоре он их уже отрицал, о чем и сообщила «Le Monde»⁵¹². Тем не менее, данная версия закрепились.

После полудня в пустующий дом Фархата Хашеда ворвалась полиция, которая произвела обыск и унесла все бумаги, какие там нашлись. Элемент мистики состоит в том, что в воскресенье 29 ноября Хашеду приснился сон, в котором он увидел военное судно на подходе к Бизерте, а потом — себя под конвоем французских солдат и даже подумал во сне: «Неужели я такой важный человек?». После этого встревоженная жена отказа-

⁵¹¹ Результат был огорчительный. За резолюцию проголосовали 24 страны, 27 ее отвергли и 7 воздержались.

⁵¹² Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche, ... p. 392.



лась оставить мужа, о делах которого она мало что знала. И действительно, 3 декабря в Бизерту пришел конвойный корабль из Марселя, 5 декабря Хашед был убит, а на следующий день это самое судно доставило погребальные носилки к о-вам Керкенна. В открытом море их спустили на борт маленького парома, курсировавшего между островами и Сфаксом. Взвод солдат сопровождал тело убитого; они пересели на паром, где уже была семья покойного, и потом наблюдали за порядком на деревенских похоронах⁵¹³.

Все было предусмотрено, чтобы избежать траурной процессии в Тунисе или Сфаксе, где проводы Хашеда могли бы вылиться в бурную демонстрацию. Но как ни странно, именно такая демонстрация с жертвами среди мусульман и европейцев, соответственно, 50 и 12 погибших (по официальным данным)⁵¹⁴, произошла 8 декабря в Касабланке, и после этого в Марокко завертелось колесо событий, закончившихся низложением султана. Кто же сидел в двух легковых машинах, охотившихся за Хашедом? Над этим ломают голову по сию пору.

Первое же заявление, сделанное французскими властями по следам преступления: виновники — коммунисты. Вечером в Тунис вернулся де Отклок (слетавший в Париж на заседание правительства) и восстановил комендантский час. Последовали многочисленные аресты, поскольку появилась новая версия: убийство на шоссе — результат «разборок» либо меж-

⁵¹³ Из рассказа сына Хашеда (Débats du congrès / Actes du I-er Congrès international anti-Farhat Nached..., p. 123).

⁵¹⁴ По неофициальным данным, погибло от 250 до 2 000 человек. Волнения в Касабланке, спровоцированные событиями в Тунисе, начались еще 6 декабря; на следующий день состоялся профсоюзный митинг, он прошел спокойно, но власти предупредили, что в бидонвиях зреет бунт. 8 декабря толпа с окраин потянулась в центр города, где митингующие были заперты в «мышеловке», начался их отстрел. Дальнейшая картина восстанавливается с трудом. То был день великой паники. Побежавшие врассыпную люди преследовались французами, мужчинами и женщинами, вооруженными чуть ли не кухонными ножами. В одном квартале суд Линча настиг трех европейцев, их личности были установлены, но пресса сообщала еще о десятке подобных случаев. Вина за всю эту историю лежала на г-не Бонифасе — префекте Касабланки, он только и ждал повода навести порядок. Перестал раздумывать и Генеральный резидент, который приказал арестовать всех членов Истикляль и повел атаку на султана. Разгневанные евромарокканцы требовали самостийной «Республики Марокко», где они играли бы роль южноафриканских буров (Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche, ... p. 382-384).



ду синдикалистами, либо между неодустуровцами. Всех, кого можно, на всякий случай посадили под стражу⁵¹⁵. Тунисские националисты и их друзья во Франции не сомневались, что убрала Фархата Хашеда «Красная рука», а де Отклок по меньшей мере знал о готовящемся покушении и ему попустительствовал. Когда он был на заседании правительства, то отвлекся на телефонный звонок из Туниса, говорила его дочь, она произнесла какую-то условную фразу. Ответ был: «Свершилось»⁵¹⁶. Но это – еще не доказательство. Главная странность заключается в том, что убийцы словно провалились под землю, а пытливым историкам сообщают, что французские архивы по делу Хашеда будут открыты не раньше 2013 г.

Под сводами мечетей Туниса в субботу 6 декабря молились «за всех убиенных и мертвых», молитвы переходили в манифестации и перестрелки с полицией, имелись погибшие. По столице ходили самые фантастические слухи, дескать, бей готовил государственный переворот, хотел посадить кабинет Баккуша в زندан под дворцом Бардо и вернуть на свое место Шеника с его министрами, а покойный Хашед во всем этом замешан. Якобы задумал еще в четверг (день «церемонии приложения печати») взять штурмом бейские хоромы, но отложил эту идею, а принц Шедли, который лишь прикидывался националистом, видимо, и подстроил коварное убийство. Вместе с тем стало известно, что генерал Гарбей и адмирал Жозан в тот же четверг совещались, как принудить бея подписать декреты, угодные Франции. Для этого решили подогнать к Карфагенскому дворцу, стоящему на берегу, сторожевой корабль, дворец окружить, а если бей за-

⁵¹⁵ После гибели Хашеда его заменил Мессади, который через 24 часа был арестован вместе с женой Шерифой, единственной женщиной – членом Административной комиссии ВТСТ. Нури Будади был интернирован во Франции. Руководство ВТСТ взял на себя Мухаммед Крайем, не являвшийся крупной политической фигурой. Это привело к ослаблению ВТСТ, длившемуся полтора года.

⁵¹⁶ Данные Ш.-А. Жюльена со ссылкой на добытое им в 1972 г. письменное показание сотрудника МИД в ранге посла, который присутствовал 5 декабря 1952 г. на заседании правительства (*Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante...*, p. 89). Автор твердо придерживался гипотезы о пассивном участии Генерального резидента де Отклока и некоторых членов правительства Франции в ликвидации Хашеда «Красной рукой». Его точку зрения разделяют большинство историков, а также Нури Будади и Нуреддин Хашед. Однако бытуют и альтернативные версии, запущенные тем же де Отклоком, которые до сих пор горячо обсуждаются.



упрямится, лишит его престола, всех принцев и принцесс погрузить на корабль и отправить по волнам.

За этими пересудами, которые несколько отвлекли внимание от происходившего в Нью-Йорке, откуда пришла печальная весть: 9 декабря делегат США Джессеп (кстати, профессор международного права и автор книги «Международная проблема руководства человечеством») заявил, что он будет голосовать за ни к чему не обязывающую латиноамериканскую резолюцию. Она выражала не требование и не постановление, а всего лишь «надежду», что переговоры Франции с тунисскими представителями будут возобновлены, опускала предложение о наблюдательной комиссии ООН и собрала больше 2/3 необходимых голосов⁵¹⁷. Аналогичная резолюция была принята несколько дней спустя и по вопросу о Марокко.

Положительный эффект ушедшей почти в дым дискуссии, которую начал в апреле Совет Безопасности и продолжила в декабре VII сессия Генеральной ассамблеи, сводился к одному: она сама по себе продемонстрировала готовность международного сообщества возбуждать вопросы о положении в Северной Африке наперекор мнению Франции, что они выходят за пределы компетенции ООН. Двояко оценили латиноамериканскую резолюцию члены подпольного политбюро Нового Дустура, о чем можно судить по двум листовкам разного содержания, распространенным от его имени⁵¹⁸. Их текст свидетельствовал о том, что среди «*pléos*» вновь разгорается спор между умеренными и максималистами.

После гибели Фархата Хашеда рассыпался и комитет «40», державшийся на авторитете магнетической личности этого скромного по натуре и невозмутимого по манере поведения человека. Без него паша-бей совсем растерялся, поддавшись нажиму де Отклока, который появился уже

⁵¹⁷ Дискуссия вокруг Туниса тянулась несколько дней, и в конечном итоге Генеральная ассамблея одобрила предложения делегата Бразилии, названные «латиноамериканской резолюцией». Она имела сугубо рекомендательный характер; призвала обе стороны конфликта искать взаимопонимание «на основе принципов Устава ООН» и выразила «доверие к усилиям Франции в целях содействия эффективному развитию свободных институтов тунисского народа». Прошла подавляющим числом голосов: 44 «за» и 3 «против», 8 воздержались.

⁵¹⁸ Первая листовка, выпущенная 17 декабря, отмечала: «тот факт, что ООН приняла на обсуждение наш спор с Францией, доказывает его легитимность», вторая – она появилась чуть позже – подчеркивала бесплодность резолюции Генеральной ассамблеи, которая даже не осудила репрессии в Тунисе (*Mechat S. Op. cit.*, p. 188).



10 декабря на пороге Сиди Ламина с такими словами: на американцев, мол, зря не надейтесь, они с Францией, а я со своей стороны после происшествия на шоссе боюсь за жизнь ваших детей и внуков. Следом Баккуш прозрачно намекнул бею, что если он не вытащит из ларчика свою печать, расстанется с тронном. И бей капитулировал. Кашляя и хватаясь за сердце, он больше уж не посягал на роль английской королевы. Его дворец опустел.

20 декабря де Отклок объявил о дате муниципальных и каидатских выборов, назначив их на апрель – май следующего года, чтобы закончить дело до наступления мусульманского поста. Он чувствовал себя победителем и 31 декабря, как бы подводя итог минувшего года, заявил представителям прессы: «Тунисцы почти забыли имя Бургибы, население довольно вмененными ему реформами (*la population est contente des réformes imposées*)»⁵¹⁹.

Тем временем Франция снова вошла в двухнедельную полосу министерского кризиса. 23 декабря пало правительство Пинэ – кумира «средних классов», и 7 января 1953 г. правительство сформировал радикал Рене Мейер, которому его родство с Ротшильдами придавало вес представителя крупного капитала, а положение еврея, выдвинутого в депутаты антисемитским большинством «черноногих» департамента Константина, априори диктовало позицию французского шовиниста по отношению к тамошним «черным». Возможно, будь этот искушенный политик (четырежды министр после 1946 г.), давно рвавшийся к премьерскому креслу, депутатом не от Константины, а от какого-нибудь департамента метрополии, то вел бы он себя иначе. Но положение «алжирца» игрой избирательных бюллетеней вынуждало его играть за партию твердолобых колониалистов и так, чтобы «не допустить малейшей слабости»⁵²⁰. К тому же тон в его кабинете задавал дуэт правых радикалов (министр внутренних дел Брюн и министр юстиции Мартино-Депла), которых вполне устраивал де Отклок на губернаторстве в Тунисе. Наконец, по причинам, даже и не имевшим прямого отношения к колониальной сфере, новый глава правительства заменил в марте 1953 г. Р. Шумана, чьей центральной идеей, ныне оправданной полувековым миром в Европе, было окончательное примирение Франции и Германии, на Жоржа Бидо – апологета продолжения войны с Хо Ши Мином до победного конца и решения арабских проблем с позиции силы.

⁵¹⁹ Ben Salem M. Op. cit., p. 114.

⁵²⁰ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 93.



Правда, по своему общему составу правительство Мейера (7 января – 21 мая 1953) было несколько менее правым, чем предыдущее, но едва оно приступило к работе, «сезон хромой утки» в США закончился, и выяснилось, что государственный департамент во главе с Даллесом вырабатывает новую политику на Ближнем Востоке: менее «произраильскую» и более «проарабскую». Однако Северную Африку новая администрация Эйзенхауэра предала забвению вместе с антиколониалистской фразеологией Трумэна. Предала забвению в том смысле, что американцы, находившиеся на четырех крупных авиабазах США в Марокко (где только официально насчитывалось 17,5 тыс. военнослужащих), вели замкнутый образ жизни, избегая контактов с местным населением, в том числе европейским, если не считать поездок в бары и дансинги, а Белый Дом и госдепартамент оставили в покое отношения Франции с ее протекторатами.

Гнев на «старую кокетку Марианну», выманивающую побольше долларов в чулок от своего покровителя (шутливый образ нешуточно угрожающей передовицы в январском номере «Life»), Вашингтон обрушивал лишь за ее капризы вокруг проекта ЕОС. Проарабская политика США ограничивалась странами «Благодатного Полумесяца», Саудовской Аравией и Египтом, который американцы держали на крючке обещаниями поставок оружия.

Некоторые общие декларации Даллеса, подобные его заявлению на сенатской комиссии по иностранным делам 6 мая 1953 г., что достижение цели западных держав заручиться «надежной поддержкой» со стороны арабских наций мешают арабо-израильские противоречия, а также то, что «статус Соединенного королевства и Франции как колониальных держав в этом районе не был еще полностью ликвидирован»⁵²¹, совсем не означали, что США возьмут кокетливую Марианну за горло, чтобы она немедленно освободила угнетенные народы Северной Африки. Худшие ожидания тунисцев оправдались: международная конъюнктура на ближайшее время складывалась не в их пользу.

Прошедшая в Каире под эгидой генерала Нагиба конференция по Северной Африке с участием членов ЛАГ, Индии, Афганистана и Индонезии носила характер круглого стола. Открывая ее 22 декабря 1952 г., Нагиб (тогда уже премьер-министр Египта) пригласил на конференцию всех эмигрантов – представителей национальных партий Магриба, а по завершении своей работы она разослала меморандумы, осуждающие колони-

⁵²¹ Ближневосточный конфликт 1947-1956. Документы, М.: Материк, 2003, с. 188.



альную политику Франции. Но предложение объявить ей экономический и культурный бойкот, поддержали разве что «Братья-мусульмане» и шеф-ректор аль-Азхара, который еще 12 декабря потребовал объявления священной войны Франции и разрыва с ней дипломатических и торговых отношений. Идею эмбарго сразу отвергли Ливан и Сирия на январском собрании Политического совета ЛАГ, который пришел к выводу, что консенсус по данному вопросу не достижим⁵²². Правительства стран Ближнего Востока ограничивались выражением словесного сочувствия тунисцам. Год испытаний, закончившийся для них трагедией, подошел к концу. Наступал «год ужаса».

Прочесывания местности в ответ на действия партизан стали обычным делом, особенно на юге страны. Первые диверсионные группы, заброшенные из Ливии, были выслежены и уничтожены⁵²³. Однако вскоре в

⁵²² Ben Salem M. Op. cit., p. 110; Mechat S. Op. cit., p. 168-170.

⁵²³ Тунисские историки опубликовали доклад из французских военных архивов (Service Historique de l'Armée de Terre), который свидетельствует о том, что хорошо налаженная агентурная сеть отслеживала деятельность «генерального штаба» неуступчивой партизанской организации в Ливии. На первой же странице этого документа отмечено, что штаб под руководством Али Злитни готовил вооруженные группы, которые планировалось забросить на территорию Туниса «только в случае провала тунисского дела в ООН». Организация располагала домишкой в три комнаты на окраине Триполи, где проживали сам Злитни, двое его помощников и временные постояльцы, а также тренировочным лагерем близ поместья Castel Benito, которое принадлежало богатому выходцу с о-ва Джерба, недавно поселившемуся в Ливии. Поместье состояло из 125 га земли и «башни» (bordj), которая имела 8 комнат и, видимо, являлась не чем иным, как традиционным для этих мест укрепленным крестьянским домом, который в случае появления неприветливых гостей мог служить и крепостью. Тренировались в лагере люди, приехавшие на заработки в Ливию либо бежавшие от преследования по уголовным делам, в том числе за «акты саботажа». По профессии, как правило, ремесленники — столяры, башмачники и проч. или торговцы лепешками, которые выполняли по совместительству роль связных и агитаторов. Делом их обучения сначала занимались бывшие офицеры Аззедин Аззуз, Юсеф Суси (он же Лабиди) и Хадж Бен Амор. Все трое одновременно работали: первые двое в американской нефтяной компании, а третий в министерстве сельского хозяйства Ливии. Но вскоре «по неизвестным причинам они бросили инструктаж», и этим делом занялись непрофессионалы, два бывших волонтера с Палестинской войны. Местный контрабандист закупал оружие у бедуинов, которые собирали его на местах боев второй мировой войны. Так были приобретены итальянские винтовки «Марти-



Тунисе и, разумеется, во Франции заговорили о феномене «феллагизма», отодвинувшем на задний план страхи перед неуловимой «Черной рукой». На смену городскому терроризму и параллельно с ним расплозились очаги сельского бунта, отчасти организованного, отчасти стихийного. Сигнал к нему подавала гибель Хашеда. Что касается «Красной руки», то о ней уже трубили во всех газетах и все чаще связывали с корсиканской мафией, проросшей в самые высшие круги, в том числе военные. Не прошло без внимания собрание землячества корсиканцев в Тунисе, на которое де Отклока пригласил генеральный секретарь управления бизертским флотом, человек по фамилии Кавини. На приеме он заявил: «Корсиканцы создали империю и будут отстаивать ее с оружием в руках». Генеральный резидент нашелся ответить: он-де и сам «приемный корсиканец» и поэтому надеется, что «корсиканцы его поддержат и защитят при выполнении высокой миссии»⁵²⁴.

Значение последнего слова в данном контексте являлось более конкретным, чем насаждение европейской культуры на африканской почве. В своей инаугурационной речи новый премьер-министр Франции заявил: «наша миссия — привести население Туниса и Марокко к управлению своими делами, обеспечив в институтах обеих стран кооперацию между

ни» и «Маузер» по 3-5 тыс. франков за штуку, некоторые в отличном состоянии, французские револьверы образца 1892 г. и полторы сотни ручных гранат. Наконец, 9 декабря 1952 г. с этим оружием, которое раньше хранилось на складе, две мелкие группы партизан, всего 17 человек, были заброшены в Тунис, обе уничтожены. Границу они пересекли вместе, затем одна из них направилась в горный район Матмата на соединение с местной «бандой феллага», другая в Габес с целью нападения на полицейский пост («Rawafid», № 6, 2001, p.31-55).

⁵²⁴ Собрание корсиканского землячества состоялось в феврале 1953 г. Позже в ответ на настойчивые требования самых разных кругов (от дворянских до коммунистических) освободить Бургибу, который, по выражению Сиди Ламина, «сидит один-одинешенек на своей скале в обществе нескольких мальтийских пастухов», французские власти неоднократно обещали дать ему свободу, но на Корсике. Замысел был настолько прозрачен, что Матильда хлопотала о том, чтобы мужа оставили «на его скале» (Ben Salem M. Op. cit., p. 117, 138, 146). Сам Бургиба, упоминаящий в своих письмах с о-ва Галит только ловцов лангуста, «единственного, что производит этот остров», писал по поводу брошюры Жана Ру «Осторожно, Тунис!», о которой он сначала узнал из газет, что автор напрасно недооценивает корсиканцев, вставших на тропу войны. Она, мол, заменяет им выражение патриотизма, и они чувствуют себя «сильнее правительства Франции» (Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 339-340).



французами и мусульманами, оправданную историей»⁵²⁵. Под этой обтекаемой формулировкой подразумевалось то самое совместное управление (co-souveraineté), которое отменяло перспективу и независимости, и внутренней автономии. Поэтому муниципальная реформа в Тунисе, которую многие либерально настроенные деятели Франции, включая президента Ориоля, искренне воспринимали как демократическое мероприятие, встретила сопротивление «пéос», пожалуй, сравнимое по сути и размаху с кампаниями 1933 г. группы «L'Action Tunisienne» против натурализации. Грядущим выборам они заранее объявили бойкот.

Сидя на «своей скале», куда в эту зиму 1952-1953 гг. из-за штормовой погоды подолгу не ходил паромный катер, превращая в сплошную робинзонаду жизнь ссыльного и нескольких человек, составлявших его общество (полицейский инспектор, местный доктор с женой и два матроса – один француз, другой алжирец, обслуживавшие радиорубку), Бургиба сочинял длинные письма, не всегда будучи уверенным, что они дойдут до адресатов. 20 декабря, еще не зная, что бей дал согласие на декреты о муниципальных и каидатских реформах, он писал М. Масмуди, что под предлогом «демократизации наших институтов» эти нововведения должны узаконить «участие французов в политической жизни страны»; однако декреты все равно останутся мертвой буквой, так как народ им окажет сопротивление. «Вот почему, – продолжал Бургиба, – какую бы позицию не занял бей в этом деле, борьба будет продолжаться, и кризис не разрешится раньше, чем Франция развернет свой пароход в другую сторону и не перестанет “бежать от действительности”. Это, конечно, потребует времени, но время работает в нашу пользу, и каждый день мы приближаемся к цели...»⁵²⁶.

Еще раньше Бургиба спрашивал своего корреспондента: «Что вы думаете о двойном гражданстве?» (один из пунктов предложений Франсуа Миттерана). И сам же отвечал: «Я всегда полагал, что тунисское государство не должно быть теократическим, покоящимся на религиозной основе, ибо среди его коренных жителей есть немусульмане (евреи), значит, оно может включать и христиан, которые будут тунисцами в Тунисе и французами во Франции». Но это приемлемо, рассуждает дальше Бургиба, лишь под условие, что лица с двойным гражданством возьмут на себя «минимальные обязательства лояльности по отношению к тунисскому государ-

⁵²⁵ Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 94.

⁵²⁶ Bourguiba H. La Tunisie et la France..., p. 334.



ству». Невозможно сейчас предоставить тунисское гражданство «всем французам скопом, особенно этим господам из “Rassemblement Français”, которые сами по себе представляют постоянный заговор не только против безопасности, но и против самого тунисского государства, и которые питают лишь презрение к тунисскому суверенитету»⁵²⁷.

23 декабря он пишет «Из газет я узнал, что Его Высочество сдался на ультиматум касательно муниципальной и каидальной реформ. Причем некоторые комментаторы дошли до такого лицемерия, что ссылаются на мои 7 апрельских пунктов 1950 г., то есть согласие на участие французов в тунисских муниципалитетах... тогда как я говорил всего лишь о “представительстве”, не уточняя способ назначения французских представителей, ни даже их число...»⁵²⁸. Имея в виду операцию по запугиванию бея, Бургиба к нему снисходителен: «Я не думаю, что надо бросать камень в этого почтенного старика... Все, что можно сказать на данный момент, так это, что его поступок достоин сожаления в той мере, в какой он введет Францию в заблуждение и вдохновит сторонников жесткой линии на продолжение своей политики. Но речь для них сейчас идет даже не о том, чтобы сохранить положение французской колонии [в Тунисе]... Позиция, занятая Морисом Шуманом и месье де Шевинье (один из «твердолобых» в кабинете Пинэ – М.В.), показала, что узел проблемы лежит в другом. Речь идет о том, чтобы обеспечить Франции положение великой державы, а Франция, по мнению этих господ, не может составить противовес Германии в европейском сообществе иначе, как с опорой на всю Северную Африку. Они и не думают, эти господа, о том, чтобы такую опору получить путем свободного согласия заинтересованных народов. Господа в это не верят. Они считают более надежным заручиться прямыми гарантиями посредством прямого управления этими странами и насильственной интеграции североафриканских народов. А

⁵²⁷ Ibid., p. 332.

⁵²⁸ Муниципальные советы, первый из которых был создан в г. Тунис (1858 г.) и после установления протектората включал европейцев (с 1883 г.), назначались в порядке издания бейского декрета. Они были смешанными в местах проживания французов; причем большинство советников обеспечивалось за ними. На основании декрета от 15 сентября 1945 г. столица Туниса, и только она одна, получила выборный муниципалитет, который состоял пополам (18:18) из французов и тунисцев, при этом первые баллотировались на основе всеобщего избирательного права, вторые – ограниченного и путем двухступенчатого голосования. (Себа И. Указ. соч., с. 236).



чтобы достичь искомого, они пытаются включить французскую колонию в тунисское государство. Здесь кроется их главная ошибка, ибо стремясь увеличить вес Франции этой интеграцией, против которой восстают оба народа (тунисский и марокканский – *М.В.*), они создают в этом жизненно важном для них регионе состояние разрастающегося бунта, который, вопреки ожидаемому, ослабляет позиции Франции в мире...»⁵²⁹

В письме от 25 февраля автор возвращается к той же мысли: «участие французов в тунисском электорате равнозначно тому, чтобы сделать их тунисскими гражданами и таким образом включить Тунис в состав французской территории». Это не просто «реформетка», это «реформа», подчеркивает Бургиба, нацеленная на то, чтобы попросту аннексировать Тунис. «Ведь протекторат, навязанный силой оружия, ... все же оставил нетронутым наш статус суверенного государства, не слитого с французским. Это и позволило ООН рассматривать франко-тунисский спор... как тяжбу между двумя государствами. Если поддаться на французскую политику, идея которой заложена в двух декретах от 20 декабря, мы утратим это высшее прибежище, а сами рискуем потерять свою душу, рассыпаться вновь в пыль людскую (*revenir à l'état de poussière d'individus*) или сползти на положение конфессиональной общины»⁵³⁰.

Вскоре до острова Галит дошла новость, что афро-азиатские государства решили вторично поставить тунисский вопрос на обсуждение Совета Безопасности. «Это неплохо, ... – пишет Бургиба 5 апреля, – но я не предвижу большого успеха за этой новой попыткой. Надо ждать, когда французский парламент решит в ту или иную сторону проблему ЕОС, а США перестанут быть ее заложниками и смогут занять более твердую и четкую позицию. Это случится к осени или на следующий год». Далее автор снова высказывает опасение по поводу того, что Франция стремится превратить регентство в свой департамент, иными словами, сделать его вторым Алжиром. «Но теперь мы не одни, и нас уже не припереть к стене. Время работает на нас... при условии, разумеется, если сопротивление тунисского народа, а если возможно, то и – Государя, не ослабнет... и если те, кого называют умеренными, не побоятся экстремистов... Вместо того, чтобы задушить или хотя бы затормозить национальное движение, репрессии, напротив, привели к его развитию вширь и в глубь. Новые слои, раньше равнодушные, включаются

⁵²⁹ Bourguiba H. Op. cit., p. 337.

⁵³⁰ Ibid., p. 342-343.



в борьбу. Поднимаются новые элиты; экзальтированная молодежь, жаждущая достоинства и самопожертвования, уже идет вслед за нами и находит в нас зрелых бойцов, сформировавшихся в тюрьмах и концентрационных лагерях. Буржуа, пролетарии, богатые и бедные, мужчины и женщины обретают свой восторженный идеал, достойную цель жизни, смысл своей судьбы и готовы всем для этого пожертвовать»⁵³¹.

Отчасти этими словами, изливаемыми на бумагу при пламени свечи или в свете коптящей керосиновой лампы (дизельный движок вышел из строя), Бургиба вдохновлял и самого себя, страдающего то от своего хронического бронхита или ангины, то от ушибов при падении на каменистой тропе по крутому склону. В его письмах все чаще звучат прощальные мотивы. Вместе с тем у него зреют мысли, по существу правильные, но которые, видимо, и подведут «Верховного борца» к личной катастрофе лет через 25-30, когда он будет смотреть на голый остров, служивший ему темницей, только через подзорную трубу или туман воспоминаний.

«У меня нет привычки самообольщаться словами, но я тебя [Масмуди] уверяю, что с моей скалы ясно вижу перипетии этой борьбы и ее неизбежный исход. Как будто я – уже там! В этот день меня, быть может, уж и не будет; но ты-то его увидишь, потому что он недалек. Ну, вот тогда и перечти мое письмо, если цензура его сейчас не перехватит, чтобы убедиться, до какой степени я был прав. Потому что я досконально знаю этот народ. Я знаю его достоинства и недостатки, проследил его долгую историю: в светлые дни могущества и в темную ночь упадка и немощи. Его серьезный порок – присущий всем средиземноморским народам – это избыток индивидуализма, неумная страсть к свободе, которая, выходя за определенные рамки, обращается против него самого. И обрекает его на распад и бессилие. Но он горд, стоек и неукротим. Каждый раз, когда он находит себе способных лидеров, искренних и отважных, которые могут его объединить и указать верный путь, он творит чудеса. Сделанное им за последние двадцать лет как раз – одно из таких чудес; и что останется в активе Нового Дустура, так это та громадная революция, которую он свершил в умах и радикально изменил народ...». Далее автор перечисляет великие страницы прошлого своей отчизны: когда Махдия была столицей империи побольше нынешнего Французского союза», когда последний крестовый поход захлебнулся под стенами Туниса и т.п. «Но история име-

⁵³¹ Ibid., p. 345-347.



ст свои приливы и отливы. Это закон всех человеческих обществ. Однако, если народ познал такое величие в своей истории, нелепо думать, что он может принять беспросветную рабскую долю либо абсорбцию а ля де От-клок или же быть изгнанным из собственной страны разными Патачини, Жианнесини или Колонна (намек на корсиканскую мафию – М.В.)»⁵³².

В один из мартовских дней Бургиба получил приятный сюрприз, к нему на остров добрался депутат-социалист Ален Савари, который привез ему запрещенную в Тунисе литературу, в том числе первое издание книги Ш.-А. Жюльена «L'Afrique du Nord en marche». В течение полутора часов – между приходом и отплытием катера – ссыльный и неожиданный гость из Франции, показавшийся «узнику скалы» слишком оптимистически настроенным, смогли обсудить тунисские дела. Но апрельские бури снова отрезали обитателей о-ва Галит от материка, и Бургиба продолжал писать на адрес Масмуди, словно вел бортовой журнал:

«Я с удовольствием прочел отклик Серван-Шрейбера в “Le Monde” от 18 марта на сенсационную статью Р. Шумана (уже экс-министра – М.В.)... В ней обнаружил мысли, которые я сам высказал еще год тому назад в письме Жану Ру, утверждая, что французская политика в Тунисе вырабатывается не министром иностранных дел, и даже не в канцеляриях на Кэ д’Орсэ, а гражданскими контролерами («областным» начальством – М.В.) и некоторыми низшими административными кадрами, анонимными, умственно ограниченными и безответственными, которые, в свою очередь, ориентируются на показания полицейских, жандармов, шаушей⁵³³ и всей роящейся вокруг них холопской дворни. Тунисская же элита систематически отстраняется, будучи по определению “врагом Франции”... Но Серван-Шрейбер глубоко прав, когда говорит, что “некоторые страницы г-на Шумана произвели бы более взрывной эффект и в то же время – благотворный, пояись они хотя бы *три месяца* тому назад”».

Из другого письма: «Я познакомился в “Le Monde” от 27 марта с магистральной и смелой статьей Савари “Насущность срочных мер в Тунисе” из рубрики “Свободное мнение”. Я упорно настаивал в беседе с Савари на том, чтобы наши французские друзья непременно использовали эту рубрику, ибо “Le Monde” имеет широкую аудиторию и такое влияние,

⁵³² Ibid, p. 348-349.

⁵³³ «chaouch» (от турец. «чауш» – сержант) унтер; ныне – прозвище мелкого чина с повадками начальника.



каким не обладают другие периодические издания⁵³⁴. А ведь всегда полезно стучать и стучать по шляпке гвоздя. Нужно, чтобы так и поступали наши друзья, включая тех, у кого есть собственная периодика: Ш.-А. Жюльен, Клод Бурде⁵³⁵, Миттеран, Денис, Риве, Жан Ру... Время работает на идеи, которые являются нашими идеями. И тунисский народ поможет времени в его работе»⁵³⁶.

Весной 1953 г. Совет Безопасности вновь отклонил тунисский вопрос, поднятый группой афро-азиатских государств, в которой Африку представлял Египет. 12 марта бей подписал три новых декрета, уточнявших процедуру голосования в местные представительные органы; и наступило время выборов⁵³⁷. Они были подвергнуты обещанному бойкоту со стороны тунисского населения, буквально политы кровью и не вызвали энтузиазма даже у французов, которые вяло шли к избирательным урнам. Явка тунисцев с правом голоса, для которых, не считая имущественного ценза и прочих ограничений, существовал и более высокий возрастной ценз (25 лет), чем для французских граждан (21 год), была особенно низкой на муниципальных выборах, как правило, она составляла менее 33%, а в некоторых населенных пунктах и вовсе не нашлось кандидатов-тунисцев⁵³⁸. ВТСТ объявил всеобщую стачку протеста.

⁵³⁴ По состоянию на октябрь 1952 г. «Le Monde» выпускалась тиражом 117 тыс. экземпляров, уступая информационной вечерней газете «France Soir» (706 тыс.), правоконсервативным «Le Figaro» (369 тыс.) и «L'Aurore» (283 тыс.), а также коммунистической «L'Humanité» (141 тыс.); опережала орган СФИО «Le Populaire» (16 тыс.) и газеты, излюбленные непартийной левой интеллигенцией: «Franc-Tireur» (96 тыс.), «Combat» (46 тыс.).

⁵³⁵ Клод Бурде – журналист, говоривший о себе, что он «социалист христианской и марксистской формации, не принадлежащий ни к одной партии». Пацифист и сторонник идеи нейтральной социалистической Европы как «третьей силы» между США и СССР. Участник Сопrotивления в группе «Combat», после освобождения из Бухенвальда в апреле 1945 г. возглавлял государственное радиовещание Франции, затем сотрудничал в парижской газете «Combat» и возглавил ее редакцию после Альбера Камю. В марте 1950 г. ушел из «Combat» из-за конфликта с директором и главным акционером этой газеты Анри Смаджей (тунисский еврей, владелец «Le Petit Matin»). В апреле 1950 г. основал ежедневник «L'Observateur» (См.: Dictionnaire biographique,.... p. 95-96).

⁵³⁶ Bourguiba H. Op. cit., p. 365, 371-372.

⁵³⁷ Сельские выборы в советы кандидатов начались с 10 апреля 1953 г. и шли очередно по «базарным дням»; муниципальные выборы состоялись 3 мая, за исключением Туниса-столицы, где они были назначены на 10 мая.

⁵³⁸ Как результат, в 18 населенных пунктах не удалось сформировать муниципальные советы. Например, в Сусе, где нашлось лишь 4 кандидата на 12 мест, и Кайруа-



С 1 марта по 31 мая было официально зарегистрировано тридцать покушений. Их жертвами все чаще становились «коллорабационисты». Погибли 8 кандидатов, в том числе брат бывшего министра здравоохранения (в кабинете Баккуша), и едва избежал гибели министр торговли. 2 мая был убит вице-председатель столичного муниципального совета Шедли Касталли – умеренный националист и один из основателей Дустура, а затем деятель Реформистской партии, которого власти давно уже считали типичным «archéo»⁵³⁹. Ослушавшись приказа «пéос» о бойкоте избирательной кампании, он вновь выставил свою кандидатуру в муниципальный совет. 3 мая газета «Нахда», которую бывший глава корпорации ювелиров издавал больше 20 лет, вышла с его биографией в траурной рамке, где говорилось, сколь уважаем был этот представитель вымирающего сословия средневековых декуррионов. Но прощаться с ним «традиционная буржуазия» столичной медины не явилась. Власти распустили слух, что убийц подвезла к дому Касталли в своей машине принцесса Закия...

В период этих злосчастных выборов, которые растянулись на целый месяц, совершались нападения и на французских военных, и на полицейские посты. Многие преступления были раскрыты, вынесены десятки смертных приговоров. В лагеря сосланы неустуровцы и синдикалисты, прямого отношения к волне «электоральных убийств» явно не имевшие. Среди них Мухаммед Крайем – новый руководитель ВТСТ. Между тем Хеди Нуира, вернувшийся из ссылки в сентябре предыдущего года, был посажен под домашний арест. Правда, первого вскоре выпустили, а второму пришлось «исчезнуть» из-за появления под окнами подозрительных личностей, и опытный беглец Нуира счел за благо улизнуть от полиции, которая небрежно за ним надзидала. Зато Масмуди был арестован 27 мая в кафе Латинского квартала, доставлен в Тунис и посажен в одиночную камеру, через неделю без объяснений вытаснен из тюрьмы и возвращен самолетом в Париж, где его «выбросили» прямо на улицу в арестантской робе. Позже выяснилось, что за него горой встали французские социалисты.

Стремясь уберечь свои лучшие кадры, Новый Дустур сформировал подпольное политбюро, в основном состоявшее из малоизвестных лиц. Однако спецслужбы французской Резиденции были начеку, они доклады-

не (трое желающих на 9 мест). В столице голосовало только 9 процентов тунисцев, в основном «израелиты» (*Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante...*, p. 103).

⁵³⁹ Résidence Générale de France à Tunis, Note sur la presse arabe en Tunisie, 14.3.1947 (Факсимиле записки, отметившей, что Касталли – «порт-пароль» Старого Дустура, см.: «Watha'iq», № 22-23, 1996-1997, p. 137).



вали, что идет реорганизация неустуровских ячеек, «поруганных властями», а Бургиба, «несомненно, взял снова бразды правления партией»⁵⁴⁰.

Наступившее лето не принесло обычного для жары затишья. Напуганные террором, члены муниципальных советов уклонялись от исполнения своих обязанностей. Стычки с партизанами продолжались, бомбы взрывались, активизировались люди плаща и кинжала из французских отрядов самообороны, чьи действия оставались безнаказанными, хотя теоретически полиция их искала. Над страной висел кровавый туман, а никаких положительных импульсов из метрополии не поступало, хотя президент Ориоль осуждал применение пыток в Тунисе, обращаясь на Кэ д'Орсэ и в прочие инстанции с требованием отставки де Отклока.

Следует иметь в виду, что в период между 21 мая и 28 июня 1953 г. Франция не имела правительства. Основным событием этого кризисного периода⁵⁴¹ была прозвучавшая 4 июня программная речь радикала Пьера Мендес-Франса, который потребовал коренных изменений во внешней политике страны, покрывающей, как сообщил оратор, половину своих расходов на войну в Индокитае за счет американских источников, а также нарисовал удручающую картину экономического отставания Франции от США, Англии и ФРГ. Ему не хватило нескольких голосов для назначения премьер-министром. Единогласную поддержку претенденту оказали только социалисты, яростное сопротивление – депутаты от МРП; свою кандидатуру выставил Жорж Бидо, который недобрал одного голоса, а в итоге кабинет сформировал малоизвестный, разве что считавшийся богатым и хитрым Жозеф Ланьель (независимый), в связи с чем пессимисты говорили, что Франция снова скатилась «в болото».

Депутат от Кальвадоса и хозяин холстяной фабрики, которую основал его прадед, Ланьель начал свою политическую карьеру с поста мэра провинциальной коммуны. Во время войны был в маки (партизанах) и од-

⁵⁴⁰ Рапорт на Кэ д'Орсэ от 29 июля 1953 г. (Цит. по: *Mechat S. Op. cit.*, p. 212).

⁵⁴¹ Президент республики поочередно обращался с предложением сформировать кабинет и к лидерам левых, и к руководству правых партий – от социалистов до деголлевцев. Однако каждого нового претендента проваливали соперничавшие партии. Один из них, Поль Рейно, поднявшись на трибуну Национального собрания, заявил, что «Франция – больной человек Европы», и потребовал в качестве лекарства предоставления ему чрезвычайных полномочий на 1,5 года и пересмотра конституции (История Франции, Т.3, М.: Наука, 1973, с. 358).



ним из членов Национального совета Сопротивления, хотя – не из самых активных. Избирался в Национальное собрание при Третьей и Четвертой республиках, занимаясь в парламентских комиссиях главным образом финансовыми вопросами и сельским хозяйством. Поэтому его кабинет прозвали «правительством с бычьей головой», намекая и на могучую внешность премьера – находку для карикатуристов. Однако в политическом смысле «хитрого нормандца» очень скоро стали сравнивать с волом. Не слишком сведущий в международных делах, он полностью доверялся своему министру Бидо, а по коренному «европейскому» вопросу в общих чертах проводил тот же извилистый курс, что и его предшественники. Откладывал, но клятвенно обещал, как только это будет в его силах, ратифицировать договор о ЕОС, уповая на помощь американцев в Индокитае, где обстановка становилась все хуже. И чем напряженнее становилось положение 200-тысячного экспедиционного корпуса, давно поменявшего «белый» цвет лица на «бело-коричнево-черно-желтый», ибо под французским триколором в Юго-Восточной Азии стали преобладать служащие колониальных войск (сенегальцы, марокканцы, алжирцы и проч.), вьетнамцы из баодаевской армии, а также бледнолицые «разные» из Иностранного легиона, в том числе бывшие эсесовцы, тем решительней становилось наступление колонистов и колонизаторов в Магрибе.

В августе был свергнут султан Мухаммед бен Юсеф, которого префект Касабланки еще весной назвал «надоедливый типом», добавив, что Истикляль это – «несколько придурковатых интеллигентов со смутными идеями о западной демократии и Французской революции. Марокканский народ презирает их, да, презирает. Они нахватались кое-каких идей от коммунистов и вот сделали попытку сеять смуту среди рабочих... Когда в Касабланке началась вся эта неразбериха (побоище 8 декабря 1952 г. – М.В.), мы должны были действовать твердо, очень твердо. Мы не имеем права быть слабыми. Мы должны защищаться»⁵⁴².

На трон вместо назойливого типа, высланного из страны вместе с чадами и домочадцами, был возведен шериф Мухаммед бен Арафа, доселе мирно обретавшийся в сельской тиши. Уже 11 сентября на него было совершено первое покушение. 7 ноября сошел с рельсов поезд Касабланка – Алжир (семеро погибших), 24 декабря взорвалась бомба на Центральном рынке Касабланки (18 погибших); затем произошло еще два покушения

⁵⁴² Верм А., Указ соч., с. 508-509.



подряд на «ненастоящего» султана во время его поездки в Марракеш; и он наглухо заперся за зубчатыми стенами рабатского дворца⁵⁴³.

Судьба одного из богатейших людей Марокко (вторым крѐзом после него слыл Тахи аль-Глави, паша марракешский) и халифа для тамошних мусульман, устраненного властной рукой маршала Жюэна, не вселила смелости в пожилого тунисского «маршала», которого та же рука в свое время короновала. Между тем 1 июля в своем доме был застрелен «походный бей» Азеддин-бей. Полиция объявила это делом рук националистов, Новый Дустур – провокацией. Сиди Ламину пришлось, скрепя сердце, произвести в официальные наследники трона Садок-бея, младшего брата жертвы покушения и такого же, как эта жертва, лакея французской Резиденции, вроде бы еще и собиравшегося прошлым летом монарха отравить.

По мере приближения очередной сессии Генеральной ассамблеи пришла еще одна унылая новость: американский и британский представители в ООН дружно заявили, что воспрепятствуют внесению тунисского вопроса в повестку дня⁵⁴⁴. Тем временем Новый Дустур потерял одного из своих ветеранов и отцов-основателей. 13 сентября неизвестные выманили из дома Хеди Шакера, жившего в Набёле (Набуле) под надзором полиции, и расправились с ним почти по такому же сценарию, как с Фархатом Хашедом. На теле жертвы осталась записка «Красной руки». Тем не менее, возникла версия, что расправа – кровная месть за убийство 8 августа некоего шейха Ахмеда Бельгарви, избранного в муниципалитет Сфакса. Но тощее досье расследования, а также то, что приметы на двух подозреваемых были разосланы полицейским постам лишь поздним вечером дня покушения и на «безликих близнецов» (рост обоих около 170 см, брюки хаки, вооружены пистолетами)⁵⁴⁵, заставляли думать обратное.

Новое злодеяние подорвало и без того робкие надежды на «разрядку» в Тунисе, забрезжившие в самом начале осени, когда французское радио сообщило, что де Отклок, наконец, складывает свои полномочия. Его место в здании напротив костела 23 сентября занял Пьер Вуазар, ре-

⁵⁴³ *Lugan B. Histoire du Maroc. Des origines à nos jours*, Paris: Criterion, 1992, p. 271.

⁵⁴⁴ Он все же рассматривался на VIII сессии Генеральной ассамблеи и провалился.

⁵⁴⁵ Сведения д-ра Бен Салема. Он жил в предместье Карфаген, куда надо было звонить через коммутатор, и подкупил телефонисток местного узла, чтобы подслушивать разговоры. Девушки подключали его аппарат всякий раз, когда шли важные сообщения, в данном случае – на полицейский пост (*Ben Salem M. Op. cit.*, p. 133).



комендованный на должность Генерального резидента еще Р. Шуманом почти два года тому назад (см. выше), а вскоре стало известно, что заменят и генерала Гарбея⁵⁴⁶. Удаление из Туниса одиозной пары де Отклок – Гарбей было встречено местным населением положительно, тем более, что к январю следующего года все видные неодустуровцы, кроме Бургибы, получили свободу, закрыты концентрационные лагеря, отменен комендантский час, а Вуазар выдвинул «план Вуазара», опиравшийся на некоторые еще не реализованные идеи чиновников Кэ д'Орсэ касательно реформы общего управления регентством. Отдельные поправки были задуманы и к регламенту деятельности муниципальных советов.

Пока в кабинетах французской Резиденции шла работа по уточнению контуров этого плана, бей призвал население к спокойствию; партизанско-террористические действия приутихли. Новый Дустур, получивший возможность более или менее легально действовать, выступил за политическое урегулирование кризиса. Вновь стала выходить неодустуровская пресса, одной из центральных тем которой стало требование (звучавшее также в левой «Tunis-Socialiste», нейтральной «Le Petit matin» и коммунистических газетах)⁵⁴⁷ освободить Бургибу, но для него было восстановлено лишь право свиданий с родными, и только с ними.

Сам Пьер Вуазар, прибывший под плюмажем старинной треуголки и с намерением возродить «климат доверия в регентстве», лично оказался не так уже плох, как предупреждали коммунисты, которые напомнили в статье «Кто такой Вуазар?» о его многолетней службе на ниве колониальной администрации в одной упряжке с Люсьеном Сэном, а затем с вишистом, генералом Ногесом, и о собственных его симпатиях к Петену⁵⁴⁸. Предложения двадцатого по счету (после 1881 г.) французского Генерального резидента в Тунисе и пятого из тех, чье правление пришлось на царствование Сиди Ламина, представляли собой запоздалый мини-эксперимент, являвшийся попыткой решить проблему в обход дустуровцев.

⁵⁴⁶ С этим делом, правда, не спешили. Бей еще 1 октября был официально извещен, что Гарбей отзывается из Туниса, но с прощальным визитом во Дворец генерал явился только 18 февраля 1954 г. (Ibid., p. 135, 143).

⁵⁴⁷ На том этапе тунисские коммунисты выпускали газету «Liberté», регулярно выступали и в органах печати ФКП.

⁵⁴⁸ «L'Humanité», 16. 9. 1953.



Его конечной целью вновь рисовалась внутренняя автономия Туниса, о которой Вуазар, правда, лишь раз и вскользь обмолвился; ближайшей – реформы, объявленные 4 марта 1954 г. Прежде всего были внесены изменения в структуру исполнительной власти: увеличено число министерств-тунисцев, их стало 8 человек против 4 французов в смешанном правительстве под номинальным, как и ранее (согласно декрету 1950 г.), председательством тунисского премьера. Это не умаляло роли Генерального резидента, державшего в своих руках силовые ведомства и де-факто стоявшего над всем корпусом администрации, включая учреждения, относившиеся к бейскому «махзену» (госаппарату). Но его начинания вызвали смущение тунисцев и отторжение со стороны колонистов, большинство которых считало священным текстом «Ноту 15 декабря», а малейшее отступление от нее – подвохом, если не святотатством.

Логику группировок, предвосхищавших печально знаменитую Organisation de l'armée secrète (OAS), отражает листовка, выпущенная в июле 1952 г., возможно «Красной рукой», за подписью Федерации групп самообороны французов Туниса (FEGARFRATU). Ее текст гласил: «Честно говоря, это удивительно слышать от тунисцев их истерические вопли с требованием реформ, все реформ и еще реформ. Ведь если объективно проанализировать факты, то они, эти люди, в конечном итоге имеют единственное право: заткнуться. Перед судом человечества, кто имеет истинное право просить реформ? Высшее право? Кто больше и прежде всех в мире, как не французы Туниса. Те французы, в которых уже чуть ли не тычут пальцем, а они были и есть та сила, что повела к свету эту страну, которая проспала 1230 лет. Мы пришли со рвением в сердце, мы работали, боролись, создавали, оживляли... и вот нате вам, несколько фанатиков, пользующихся бессилием бесхребетного министра (Шумана – М.В.), несколько карьеристов хотят нас свести до положения иностранцев. Никогда! Или позор Франции! Но пусть знают, мы будем бороться: словом сначала и действием тоже, когда понадобится. Мы не позволим Тунису катиться вниз по наклонной плоскости, как эта страна делала с 440⁵⁴⁹ по 1880 г. Мы отрицаем за кем-либо из тунисцев право отнять хоть малейшее из наших прав здесь, на этой земле, где мы за 62 года сделали неизмеримо больше, чем они сами за 1200 лет»⁵⁵⁰.

⁵⁴⁹ Имеется в виду вторжение через Гибралтарский пролив в Северную Африку германцев во главе с Гейзерихом и образование Вандало-Аланского королевства со столицей в Карфагене. Завоевано в 534 г. византийцами.

⁵⁵⁰ Редкий документ из архивных папок отдела протекторатов французского МИД (Цит. по: Aleya Sghaier A. Les groupements politiques français de droite en Tunisie et la décolonisation (1954-1956) // Actes du IX Colloque International sur Processus et



На сей раз проект реформ, получивший известность как «план Вуазара», подразумевал создание в Тунисе двух сепаратных представительных учреждений. Консультативные функции в пределах законодательства, подотчетного бею, предполагалось доверить Тунисскому законодательному собранию из 45 человек (43 мусульманина и 2 еврея), избираемых на девять лет путем двухступенчатых выборов. Наряду с тем планировалось создать Представительную делегацию из 42 членов, избираемых французами и француженками старше 21 года путем прямых всеобщих выборов. Она мыслилась как совещательный орган при Генеральном резиденте и сама по себе не вызывала возражений у дуствуровцев и независимых националистов. Собака была зарыта в том, что сфера ответственности обоих учреждений не распространялась на бюджетные вопросы, которые передавались в компетенцию специальной ассамблеи, созываемой на случай их обсуждения. Эта «финансовая» ассамблея должна была состоять из 53 тунисцев и 53 французов. Первые – 45 депутатов Тунисского собрания и 8 делегатов от «туземных» экономических палат; вторые – 42 члена Представительной делегации плюс 11 делегатов от французских торговых и сельскохозяйственных палат. Фактически это означало сохранение Большого Совета, но под другой вывеской⁵⁵¹.

Излишне говорить, что точный, как на аптекарских весах, паритет тунисцев и французов в ассамблее, вотирующей бюджет, не соответствовал демографическому весу тех и других. При этом почему-то ущемлялись интересы еврейской общины, которая раньше имела в Большом Совете 3-х, а не 2-х представителей и пользовалась прямым избирательным правом, которое уже получили к этому времени тоголезцы и сенегальцы, что не ускользнуло от внимания тунисских националистов. С их точки зрения, мероприятие, выдаваемое за уступку их требованиям, означало ни что иное, как сужение правосубъектности бейского государства. Кроме того, среди тунисцев правом голоса наделялись лица мужского пола старше 25 лет, а правом быть избранным – лица старше 30 лет, что лишний раз подчеркивало униженное положение колонизованного по сравнению с колонизатором. Наконец, процедура выборов, благодаря которым предстояло сфор-

enjeux de la décolonisation..., p. 232).

⁵⁵¹ Этот несостоявшийся проект воспроизводил также идею Алжирского собрания, которое по Статуту 1947 г. состояло из 60 алжирцев и 60 французов, в чью компетенцию входило прежде всего обсуждение бюджета.



мировать вышеназванные органы, устраивалась так, что некий жулик, отсидевший три месяца в тюрьме, наделялся пассивным и активным избирательным правом, а журналист, осужденный на шесть месяцев условно, не обладал никаким. Естественно, от выборов отстранялись все лица, подвергнутые политическим репрессиям⁵⁵².

2 марта было создано новое тунисское правительство из 8 человек, четверо из них участвовали в кабинете Шеника и четверо – в кабинете Баккуша. Возглавил это правительство, не признанное Новым Дуствуром и ВТСТ, умеренный националист Салах Мзали, который почти два года тому назад был среди ночи вынут из постели и отправлен к скорпионам в Сахару, а теперь назначен «великим визирем». Интеллектуал скорее европейской, чем арабской складки, адвокат и бывший каид Бизерты, недавний член «Собрания 40», он был рекомендован беом на должность главы правительства еще в январе, получив миссию «изучения обстановки и консультаций». Министром здравоохранения в его кабинете согласился стать, хотя и не без внутренних колебаний, д-р Бен Салем (волей-неволей представлявший Дворец), сюда же вошел и исполнитель басен Лафонтена, «генерал» Саадаллах.

Сам состав кабинета, которому предстояло осуществлять реформы, олицетворял их половинчатость. Они представляли собой, по словам Ш.-А. Жюльена, «консервативные меры под мишурой словесного либерализма»⁵⁵³ и в худшую сторону отличались от программы общественного комитета, образованного во Франции компетентными лицами под началом 76-летнего генерала Катру. Этот комитет, назвавший себя «Кружком заморских исследований», сложился в октябре 1953 г. и детально прорабатывал условия поэтапного движения Туниса к внутренней автономии, которые гарантировали бы интересы Франции в этой стране и права французских поселенцев. Члены кружка, к которому примкнули Луи Перийе, депутат Вердье, профессор Ш.-А. Жюльен и др., высказывали свои соображения в широкой печати. Они получили одобрение тунисской федерации СФИО, а также со стороны Ф. Миттерана, который в момент назначения Вуазара решительно возражал против его кандидатуры (в этой связи даже подал в отставку)⁵⁵⁴, и были полностью проигнорированы последним.

⁵⁵² Подробнее см.: *Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante...*, p. 132.

⁵⁵³ Ibid., p. 134-135.

⁵⁵⁴ В правительстве Ланьеля он занимал официальный пост «министра-делегата в Совете Европы». 2 сентября, две недели спустя после низложения султана Ма-



За первые месяцы своей работы, сводившейся к подготовке почвы для будущих реформ, Ваузар создал о себе на Кэ д'Орсэ впечатление как о человеке, способном «спасти положение в Тунисе». И правда, куртуазные манеры Ваузара подкупили бея, изведенного войной с графом де Отклоком, но потепление климата на отдельно взятом участке Туниса-столицы еще глубже размыло трещину в отношениях националистов с дворцовыми кругами. Тем временем и отношения в ближнем бейском семействе совершенно расстроились, а в результате распался придворный квартет националистов. Так, братья Шедли-бей и Мухаммед-бей, стоявшие за спинкой трона, ревновали отца к мужу принцессы Закии, тот подозревал обоих в кознях против себя, сердился на царственного тестя, хотя и жалел старика, а заодно обижался на охладевших к нему «пéос», которых он-то, по его мнению, и ввел во дворец.

Все это вышло наружу, как только Генеральный резидент настоящему приступил к делу. Даже подобранные им министры-«технократы», если верить Бен Салему, почувствовали себя не в своей тарелке едва ли не в день инаугурации кабинета, когда обнаружилось, что Его Высочество одобрил ваузаровские декреты тайком, без всяких «церемоний печати»⁵⁵⁵. Правда, его подданные прознали о них заранее. Еще 1 февраля Монжи Слим и Садок Мокаддем явились к бею предупредить, что создание нового тунисского правительства, не имеющего сколько-нибудь ясной программы и без участия Нового Дустура, встретит его отпор. Голос Салаха Бен Юсефа из Каира был услышан по радио. Генеральный секретарь партии заявил, что французы нагло обманывают тунисцев, и призвал их к продолжению борьбы, то есть к оружию; а бывшим своим коллегам по за-

роком и в день предварительного назначения Ваузара в Тунис вышел из состава правительства, протестуя против его политики в Северной Африке. За несколько месяцев до этого Миттеран опубликовал книгу «На границах Французского Союза» с предисловием Мендес-Франса. В ней он высказывался в пользу: а) окончания войны в Индокитае, б) проведения либеральной и конструктивной в экономическом плане политики в Северной Африке, которая могла бы стать, по мнению Миттерана, «Калифорнией Франции», если бы все средства не пускались на ветер в Индокитае (См.: *Верт А.* Указ. соч., с. 504).

⁵⁵⁵ Собравшиеся утром 4 марта на свое первое заседание, министры узнали от Мзали, который зачитал им преамбулу декретов, что они уже подписаны, а их полный текст узнали из газет (*Ben Salem M.* Op. cit., p. 145).



конному правительству советовал «не вступать ни в какие сделки до тех пор, пока не будет признана полная независимость Туниса»⁵⁵⁶.

Что касается «законного правительства», упомянутого в речи Бен Юсефа 20 февраля, то таковым и единственным лидером Нового Дустура считали разогнанный кабинет Шеника, подавший тунисскую жалобу в Совет Безопасности ООН. Поэтому Салах Мзали, который входил в этот кабинет и подписал жалобу вместе с другими министрами, но созданием своего кабинета фактически ее дезавуировал и «подорвал солидарность» бывших министров Шеника, выглядел вдвойне изменником⁵⁵⁷.

5 марта политбюро «пéос» объявило стачку протеста. 10-ого распространило коммюнике, где в частности отмечалось, что объявленные псевдореформы в известном смысле являются «регрессом по сравнению с планом де Отклока»⁵⁵⁸ и что власть Генерального резидента, а на местах — гражданских контролеров, «достоянием» которой являются «силы безопасности», нисколько не сокращается в пользу представительных органов. Далее заявлялось об

⁵⁵⁶ *Mechat S.* Op. cit., p. 213. Выступления Бен Юсефа на волне «Голос арабов» вызвали известное замешательство среди неодустуровцев, тем более, что опубликованное 25 февраля в «L'Observateur» открытое письмо Бургибы поддерживало «французские тезисы» Мендес-Франса, Миттерана и Катру о «кооперации, очищенной от кошмара интеграции», но гарантирующей соблюдение французских стратегических, экономических и культурных интересов в Тунисе. Не случайно Бахи Ладхам в письме от 1 марта 1954 г. Ахмеду Бен Салаху задавал вопрос: «на что же теперь ориентироваться, на планы Миттерана, Мендес-Франса, Катру... или на распространенные по радио речи Салаха Бен Юсефа?», добавив к этому: «не ведутся же переговоры путем публичных заявлений. Публичная арена — опасная почва для дипломатии» (*Ladgham B.* Correspondance..., p. 212-214).

⁵⁵⁷ См., например, письмо Бахи Ладхама от 2 марта 1954 г. к Али Бельхану. Автор выражает в нем удивление решением д-ра Бен Салема войти в новый кабинет наряду с «сомнительными личностями и ретроградами», подчеркнув, что вводимые в Тунисе реформы — «безобразная карикатура на демократию» (*Ibid.*, p. 320-321).

⁵⁵⁸ Имелась в виду часть декретов, касавшаяся муниципальных советов, председатели которых назначались после выборов. Отныне такой совет в Тунисе должен был возглавлять француз вопреки прежнему правилу, по которому его главой, пусть номинальным, являлся «шейху-ль-медина». Кроме того, в местных советах разного уровня создавался пост «французского делегата». В заявлении политбюро Нового Дустура от 10. 3. 1954 г. констатировалось, что де-факто и де-юре французам отдается руководящая роль в городских собраниях. Текст этого коммюнике опубликован в приложении к сборнику корреспонденции Бахи Ладхама (*Ibid.*, p. 339-340).



оппозиции Нового Дустура правительству, которое «несет полную ответственность» за изданные декреты. Начавшаяся вскоре забастовка зейтуновцев окончилась стрельбой полиции по демонстрантам, среди них имелись жертвы, и студенты объявили «итальянскую забастовку». 18 марта был обнародован манифест Старого Дустура за подписью Салаха Фархата, который подчеркнул: «мусульмане теперь рассматриваются как простая этническая группа, а не народ своей страны, и правительство предало забвению тот принцип, что ислам является официальной религией тунисского государства»⁵⁵⁹. В свою очередь Хеди Нуира выступил 8 апреля в «Le Monde» с разоблачением новой попытки проташить через реформу исполнительной власти и совещательных органов пресловутую систему «со-souveraineté».

Негативно отнеслось к эксперименту «Буазар – Мзали» руководство ТКП, членов которого последними выпустили на свободу. Генеральный секретарь компартии Мухаммед ан-Нефаа, опубликовал во Франции статью под красноречивым названием «Тунисский народ не обмануть»⁵⁶⁰. ВТСТ совместно с ОПТТ не прекращали призывы к стачкам. Тут наступил мусульманский пост, который вызвал частую в такие периоды политическую экзальтацию населения; и 29 мая на Салаха Мзали было совершено покушение. Незадачливый премьер, которого уже не признавали иные члены его кабинета, едва увернулся от пули из-за угла...

В Тунисе создавались различные общественные комитеты, выступавшие против намеченной избирательной кампании, грозившей превзойти по числу эксцессов прошлогоднюю. Однако в хоре критических голосов уже слышался разнобой. Старый Дустур, узнав, что расширенный Национальный совет Нового Дустура, заседавший 10 апреля, подтвердил свое недоверие кабинету Мзали, но воздержался от призыва к бойкоту выборов, объявил «новых» – и уже не в первый раз – предателями. Коллективное решение Национального совета состояло в том, чтобы потребовать предоставления тунисцам права голоса с 21 года и права баллотироваться с 25 лет (что уравнило бы по возрастному цензу две коллегии выборщиков), а также освобождения всех политзаключенных, еще находившихся в ссылке или под следствием. Это само по себе тормозило выборы, которые Генеральный резидент поспешил перенести с осени, как сначала планировалось, на более ранний срок: конец июня. Тем не менее, «план Буазара» все же вызвал раскол среди

⁵⁵⁹ Цит. по: Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 131.

⁵⁶⁰ Ennafâa M. La Tunisie n'est pas dupe, «Démocratie nouvelle», mai 1954, p. 293.



неодустуровцев. Так, Хеди Нуира, начинавший свою партийную карьеру в «активистах» и даже экстремистах, оказался в числе умеренных и даже соглашателей. Одоблив если не сам план Буазара, то его шаги по прекращению репрессий, заместитель генерального секретаря Нового Дустура (на тот момент – первое лицо среди его лидеров, находившихся в Тунисе и на свободе)⁵⁶¹, оказался под перекрестной угрозой со стороны террористов и контртеррористов, в связи с чем временно самоустранился (март 1954 г.) от исполнения своей партийной должности.

Есть письменные источники, подтверждающие тот факт, что среди «пéос» были люди, замышлявшие «ликвидацию» Хеди Нуиры, это читается между строк⁵⁶². Некоторые устные источники, правда, анонимные, утверждают, что Бургиба усматривал в гибкости нового Генерального резидента большую опасность, чем в политическом кретинизме оголтелого колонизатора де Отклока, и якобы еще в январе советовал физически убрать Мзали (в разговоре с сестрой, с которой имел свидание!)⁵⁶³.

Действительным же является тот факт, что последняя крупная партия политзаключенных была отпущена в мае 1954 г., и 22-ого числа того же месяца Бургибу доставили на о-в Груа, а ровно через неделю появилась его статья со словами: «Ничто не может обескуражить тунисский народ и отвратить его от священной борьбы: ни отступничество бея, запуганного угрозой низложения и ссылки, ни измена бессовестного авантюриста (премьера Мзали – М.В.)... Борьба, народ это знает, обещает быть долгой и жестокой.

⁵⁶¹ Речь идет о составе политбюро, избранного в «нормальных условиях» на III съезде партии в 1948 г.

⁵⁶² Из переписки между партийно-профсоюзными деятелями явствует, что еще летом 1953 г. Салах Бен Юсеф настаивал на «моральной ликвидации» Хеди Нуиры. Предлагал собрать для проведения этой операции Национальный совет партии, просил М. Мессади взять на себя руководство политбюро. Со своей стороны Ахмед Бен Салах, чье письмо мы здесь цитируем, не видел в такой «хирургической операции» смысла. По его мнению, не было никаких существенных расхождений между взглядами генерального секретаря партии и его заместителя. Суть же вопроса, как можно понять из письма, кроется в ущемленных амбициях Бен Юсефа, который, сидя в Каире, боялся упустить контроль над деньгами и решениями партии. Вместе с тем его раздражала растущая известность Хеди Нуиры на Западе, которого признали, в частности в руководстве МКСП, как наиболее осведомленного и даже главного выразителя тунисского общественного мнения (Ladgham B. Op. cit., p.191-192).

⁵⁶³ См.: Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 142.



Он будет вести ее до конца, без ненависти, но и без слабости, движимый простым инстинктом самосохранения»⁵⁶⁴. И множество самых разнообразных источников свидетельствуют о том, что в весенне-летний период 1954 г. феллага развернули новое и небывалое наступление.

В середине июня 1954 г. тунисские министры, тяготившиеся своими должностями, подали в отставку. Первыми это сделали 15-ого числа д-р Бен Салем и «генерал» Саадаллах, их примеру последовали еще двое министров. Салаху Мзали ничего не оставалось делать, как 17 июня тоже подать в отставку. Сто дней его правительства подошли к концу, и ничего не принесли. И на сей раз не нашлось человека, который захотел бы занять вакантный пост во дворце Дар Эль-Бей. Завязался гордиев узел, который некому было разрубить.

30 июля 1954 г. Пьер Вуазар, который не входил в серию либеральных губернаторов, но оказался, как и его предшественники, между двух огней – недовольства националистов и гнева «рассамблистов», был освобожден от обязанностей Генерального резидента и сдал свой пост военному человеку. Его не стали далеко искать. Это был генерал Буайе де ла Тур дю Мулен, с недавних пор занимавший в Тунисе пост главнокомандующего французскими войсками. В субботу, 31 июля он прибыл на место службы в новом качестве, прибыл не один, а в свите Мендес-Франса – главы 16-ого по счету правительства Четвертой республики. Более того, их самолет сделал промежуточную посадку в алжирском Филиппвиле, чтобы принять на борт маршала Жюэна, волей которого Буайе де ла Тур и был назначен несколько месяцев тому назад на пост «главкома» вооруженных сил в Тунисе, вместо генерала Гарбея.

Ни одна живая душа, кроме членов правительства Франции, которое провело накануне бурное заседание между 5-ю и 10 часами вечера, и пассажиров самолета, вылетавшего на рассвете из Парижа, не знала об этой операции (ночью ни телеграф, ни международный телефон в Тунисе не работали). Она походила на путч, совершенный премьер-министром и рассчитанный на внезапность. «Маршал Жюэн?» – воскликнул позже Бургиба. «Но месье Мендес-Франс еще сильнее, чем я думал. Это – превосходная идея, и жаль, что не моя»⁵⁶⁵.

⁵⁶⁴ «L'Express», 29. 5. 1954.

⁵⁶⁵ Lacouture J. Cinq hommes et la France, Paris: Seuil, 1961, p. 178.

Карфагенская декларация. Прощай, оружие...

«Не в наших ли жизненных интересах, дамы и господа, избежать того, чтобы под боком Африканской Франции возник очаг политических беспорядков... Бизерта для нас имеет ту же ценность, что Тулон... Но что необходимо, так это реформы, которые постепенно приведут Тунис к внутренней автономии»

[Мендес-Франс в Национальном собрании, 4 июня 1953 г.]⁵⁶⁶.

В середине мая 1954 г., незадолго до того дня, когда ссыльного «верховного муджахеда» перевезли сначала с о-ва Галит на катере в Бизерту, а оттуда самолетом во Францию и снова катером на о-в Груа, спецслужбы французской Резиденции опубликовали в открытой печати своего рода фронтовую сводку за период с 19 марта по 9 мая, а для внутреннего пользования составили аналитическую справку о деятельности феллага в Тунисе – тогда единственной стране Северной Африки, где третий год бродила партизанская армия. В своих заявлениях на публику Пьер Вуазар уверял, что «мы имеем дело с традицией бандитизма, старой как сам Тунис». Однако в секретном служебном документе под названием «Исследование о феллага в Тунисе», снабженном картами местности, на которых изображалось последовательное расширение зоны развития партизанского движения, выводы были сделаны не столь оптимистические.

Начнем с данных, появившихся в печати, где перечислен 21 крупный эпизод. Среди них несколько случаев прямого грабежа или бессмысленного уничтожения имущества, например, нападение группы феллага из 35 человек в районе Сбейтлы на ранчо, принадлежащее французцу, в результате чего имели место: угон овец и похищение пастуха, охранявшего стадо, затем «гулянка» боевиков и порча попавшейся им под руку автомотрисы. Другие эпизоды из той же серии это – кража 20 овец из деревни Шебба возле Сфакса, атака на небольшое нефтехранилище возле Габеса

⁵⁶⁶ Mendès-France P. Gouverner c'est choisir, Paris: Juillard, 1953, p. 118.



(разоружены и ограблены 2 сторожа), поджог передвижной киноустановки. Другая серия: месть отступникам и гибель невинных жертв: убиты бывший феллага и его сын в Гафсе, трое тунисских «нотаблей» в том же городе, член кандатского совета в Эбба-Ксур и шейх древни Зриба, кюре в Кайруане, а также два тунисца, мусульманин и еврей, ехавшие в автомобиле, который был обстрелян. Упомянуты несколько раненых при подобных инцидентах, например, молодой пастух, зашедший в булочную, в дверь которой была выпущена автоматная очередь, два тунисских студента, ехавших в кузове обстрелянного грузовика. Собственно партизанскими акциями можно назвать боевое столкновение между войсковой частью и отрядом феллага в степном городке Сиди-Бу-Зид (в итоге: раненые с обеих сторон и один взятый в плен из числа нападавших), атака на моторизованный военный патруль и, наконец, нападение сотни феллага на склад при шахте возле Тадлы, где были похищены оружие военизированной охраны и несколько килограммов взрывчатки⁵⁶⁷.

Более полную картину событий дает секретный доклад Французской резиденции, составленный на основании регулярных сводок с мест, поступавших из аппарата гражданских контролеров⁵⁶⁸. Они отмечали, что с мая 1954 г. наблюдалось стремительное расширение «обычной» зоны деятельности феллага. Схематически нанесенная на карту, она простиралась с юго-востока на северо-запад от Матматы через Эль-Хамму к Гафсе и горе Орбата, а далее к городам Сбейтла, Кассерин и Тала, а также к самой высокой точке страны, горе Шамби (1544 м), выходя непосредственно к алжирской границе. Это – сравнительно малонаселенная, но обширная область, образующая коридор между Ливией и Алжиром. Кроме того, на карте были обозначены два локальных очага партизанской активности: один вокруг Бизерты, другой в Сахеле.

Обращаясь к истории развития партизанского движения в Тунисе, те же эксперты французской Резиденции выделяли три этапа. Первый, это в период с января 1952 г. по сентябрь 1953 г., характеризовался созданием, численным ростом и внутренней организацией банд, закрепившихся в Сахеле и районе Гафса – Габес, а также на «военных территориях». На дан-

⁵⁶⁷ «La Presse», 12.5. 1954 (Факсимиле газетной полосы: *Julien Ch.-A.* Op. cit., p. 128, вклейка иллюстраций).

⁵⁶⁸ «Etude sur les fellagas en Tunisie», Résidence générale, 15.5. 1954 (См.: *El Mechat* Op. cit., p. 215-217, 274-275).



ном этапе, пишет автор доклада, постоянный партизанский контингент не превышал 200 человек. Они устраивали засады, нападения на патрули и другие военные объекты, действуя автономно и даже не делая попыток объединиться ради проведения крупных операций. Этот период становления «партизанщины» был насыщен также многочисленными убийствами, покушениями, которые являлись делом рук одиночек или мелких банд «коммандос». Второй этап – с сентября 1953 по март 1954 г., когда феллага почти себя не проявляли, кроме нескольких стычек с военными возле Эль-Хаммы и проникновения в кандат Сбейтла. Однако именно в этот период (когда Вуазар ослабил репрессии, стал выпускать политзаключенных и заигрывал с беим – *М.В.*) происходила «перегруппировка сил феллага, которые стали действовать по определенному тактическому плану».

Третий этап, начавшийся с марта 1954 г., был ознаменован тем, что в той или иной форме партизанское движение охватило всю страну. Он начался с того, что феллага атаковали товарный железнодорожный состав между Сбейтлой и Кассерином. По-прежнему, имея основные опорные базы на юге, они начали неумолимо двигаться на север вдоль границы с Алжиром. Достигли в мае района Эль-Кефа, отсюда им открывался путь на восток в межгорную долину р. Меджерда. Их тактика – классическая герилья. Легкое оружие и оперативная система снабжения обеспечивают им высокую мобильность, позволяя совершать внезапные атаки и быстро отступать при появлении превосходящих сил противника. Они больше уже не направлялись из Ливии одетыми в униформу, приобретенную на триполитской барахолке, учтя печальный опыт отряда «смертников», впервые перешагнувших в декабре 1952 г. ливийско-тунисскую границу в итальянском обмундировании и давших себя уничтожить. Феллага представляют себя как «армию освобождения», вселяя страх в мирных жителей, которые рискуют головой за отказ платить им дань деньгами и натурой, не говоря уже о каре, настигающей тех, кто заподозрен в доносах и «коллорабационизме». Таковы были основные выводы, сделанные аналитиками по состоянию на 15 мая, когда проникновение боевиков на Север только началось. Здесь их добычей становились фермы колонистов, редкие в центральных и южных районах. Излишне говорить, что в ответ на избивание нескольких беззащитных семей колонистов французы стали укреплять свои отряды самообороны.



«Кровавый Рамадан», выпавший на май 1954 г., когда наблюдалась новая вспышка городского терроризма, в конечном итоге сорвавшая и выборы, намеченные Вуазаром, и его реформы, подстегнул как организованное, так и стихийное партизанское движение. В мае феллага были замечены под Тебурсуком, в 104 км от Туниса-столицы. Ходили слухи, что их видели в Сиди-Бу-Саиде – старинном андалусском поселке с его горбатыми улицами, вечно цветущими малиновым цветом бугенвиллеями, свисающими с заборов, и популярным «Кафе на циновках»; это уж, можно сказать, почти в городе, неподалеку от Ла Марсы и Карфагена. А чуть позже феллага засели на «Двурогой» горе в южной части Тунисского залива, силуэт которой ясно виден с пляжей противоположного берега и с любой высокой точки самой столицы, скажем, с крыши-террасы в медине. Этим феллага не удавалось выбить с горы, господствующей над равниной. Оснований говорить о простом бандитизме не оставалось.

По оценкам французских властей, активно действующие отряды тунисских боевиков составляли к лету 1954 г. 2-3 тыс. человек, а вместе с людьми, сидевшими по домам, но готовыми в любой момент присоединиться к «бандформированиям» или эпизодически бравшимися за оружие, насчитывали до 7 тыс. Это – внушительная цифра, если учесть, что на следующий год количество алжирских партизан оценивалось независимыми экспертами максимум в 2,5 тыс. человек, помимо мирных обывателей, оказывавших им посильную помощь⁵⁶⁹.

⁵⁶⁹ 1 июня 1955 г., то есть ровно через 7 месяцев после того, как в горах Ореса началось восстание, был опубликован солидный доклад парламентской комиссии в составе 5 человек: двух социалистов (Кристиана Пино и Макса Лежёна) и одного депутата от МРП (де Шевинье), кстати, приверженца крайне «колониистских» взглядов, а также одного деголлевеца и одного правого депутата. Их вывод состоял в том, что волнения в Алжире, периодически возникавшие с минувшей осени, сами по себе не представляют серьезной опасности: число вооруженных повстанцев не превышает 2,5 тыс. человек. Они используют преимущества горной местности, «тревожа наши воинские части, организуя засады, сжигая урожай». Французские поселенцы даже платят определенную «дань» мятежникам, страхуя себя от погромов. Авторы доклада лишь в порядке гипотезы отметили, что симпатии местного населения, пропаганда улемов и агитаторов каирского радио могут поднять дух партизан, и тогда беспорядки перекинутся из Ореса, «всегда служившего очагом волнений», на другие районы (Верт А. Указ. соч., с. 606-604).



Вооруженный контингент феллага, имевший трех наиболее известных полевых командиров: двух однофамильцев Тахера Ласауеда и Сасси Ласауеда, а также Лахдара Шраити – ветерана Палестинской войны и единственного среди них «профессионала», не полностью подчинялся Новому Дустуру. Судя по всему, партия имела гражданский центр управления операциями, который действовал, начиная с 1952 г., в столице при подпольном политбюро Нового Дустура, и «военный штаб» – под руководством Али Злитни, чей командный пункт находился в Триполи. По некоторым данным, просочившимся в прессу, этому экстерриториальному штабу (как мы помним, созданному по распоряжению Бургибы) удалось за полтора года перебросить в Тунис до 1 200 бойцов⁵⁷⁰. Многие молодые и не очень молодые мужчины по личному порыву «уходили в горы» после репрессий, совершенных колониальными властями. Женщины под видом сбора дров доставляли им продовольствие и сигареты. Безработная подростковая молодежь, беднейшее крестьянство и сельский люмпен-пролетариат составляли возобновляемый источник пополнения рядов феллага. Отчасти они находили в своем джихаде не только выход бунтарским чувствам, но и средство существования. Бойцы в наиболее слаженных отрядах получали нечто вроде регулярного жалования.

В этом смысле феномен тунисского «феллагизма», как его стали называть французы, мало чем отличался от движения муджахедов, позже получившего развитие во время алжирской войны, когда она совершила поворот от фазы локальных действий в изолированных и, как правило, горных районах (1 ноября 1954 – 20 августа 1955) к всенародной революции⁵⁷¹. Существенное отличие тунисской ситуации от алжирской, пожа-

⁵⁷⁰ Ссылки на французскую прессу за июнь-июль 1954 г. см.: Julien Ch.-A. Op. cit., p. 137. См. также: Souyris A. Le mécanisme de la révolution tunisienne (1934-1954)/ Revue de la Défense Nationale, octobre 1956, p. 1216-1229.

⁵⁷¹ Уместно напомнить, что арабское слово «саура» переводится двояко: как «революция» (социальная, аграрная, промышленная и т.п.) и как «восстание». В последнем значении синонимично слову «интифада». Что касается 20 августа 1955 г., то это – день, когда командир Зигут организовал в 39 городах и поселках, включая такие крупные центры, как Филиппвиль и Константина, устрашающие выступления иррегулярных бойцов, так называемых «попутчиков» (мусабилей), вооруженных чем попало, даже серпами и мотыгами. Их возглавляли муджахеды в форме хаки и с оружием. Это был день «первого крупного наступления в городах», ознаменовавшего крутой поворот в ходе алжирской войны. Оно было при-



луй, состояло в следующем. Во-первых, это касается последовательности этапов развития повстанческого движения: в Тунисе оно начиналось с городов, а также некоторых промышленных районов, которые можно приравнять к городам (шахтерская зона) и лишь затем перекинулось на сельскую местность; в Алжире все было наоборот. Во-вторых, в Тунисе ведущая национальная партия, если и не полностью организовала, то вдохновила это движение, которое она старалась по возможности контролировать; это тоже случай, прямо противоположный алжирскому, поскольку ФНО – коалиционное новообразование, возникшее на фоне краха политических партий (речь идет о двух фракциях ППА-МЛТД), сторонников которых, не примкнувших к ФНО и пытавшихся создать самостоятельные партизанские отряды, Армия национального освобождения (АНО) безжалостно истребляла в ходе освободительной войны. Наконец, в-третьих, участниками повстанческого движения в Тунисе являлись профсоюзы, которые дублировали, а при необходимости и заменяли партию; в Алжире национальная организация, подобная ВТСТ, попросту отсутствовала⁵⁷². И наконец, в тунисском партизанском движении участие людей, имевших опыт службы во французской армии, слабо прослеживается. Тогда как в командном эшелоне АНО сержантский и младший офицерский состав, демобилизованный в 1945 г. или вернувшийся из Индокитая (многие дезертировали из колониальных войск после их возвращения в Северную Африку), был широко представлен. Поэтому отчасти правы были французы, которые говорили, что имеют дело в Алжире со «взбунтовавшимися унтерами».

урочено ко второй годовщине высылки марокканского султана (Ланда Р.Г. История алжирской революции, 1954-1962, М.: Наука, 1983, с. 51).

⁵⁷² Всеобщий союз алжирских трудящихся (ВСАТ), связанный с ФНО, был основан 24 февраля 1956 г. К марту он насчитывал 110 тыс. человек и 72 местные секции. В основном это были докеры, сельские батраки, железнодорожники. Служащие встречались редко. Самой успешной акцией профцентра стала всеобщая забастовка, объявленная 5 июля, в день 126 годовщины захвата г. Алжир французами. Такая же массовая забастовка состоялась в конце января 1957 г., когда в ООН началось обсуждение алжирского вопроса. Однако ВСАТ был настолько ослаблен арестами его лидеров и активистов, что вскоре свернул легальную работу в Алжире, а его руководство перебравлось в Тунис, где образовало «внешнюю делегацию». Рядовые члены ВСАТ фактически слились с армией помощников ФНО, собирая средства в его пользу, распространяя листовки (Там же, с. 64-66).



Вместе с тем алжирцы, часть которых прошла тренировку на базах, созданных тунисцами в Ливии, безусловно, использовали их тактический опыт, да и сами создали свой опорный пункт в Триполи, пользуясь «коридором» через Тунис в период подготовки и в первые месяцы своего восстания, которое было поднято вне партии и даже против партии. Поднято волей всего 22 человек, хотя и действовавших по более четкому плану, чем это было сделано в свое время Новым Дустуром, когда он начинал свое восстание решением IV партийного съезда. Следует оговориться, что даже современные историки, располагающие определенным архивным материалом и новыми мемуарными источниками (многие участники событий «заговорили» 10, а то и 20-25 лет спустя), затрудняются нарисовать четкую картину взаимодействия различных центров городского терроризма и партизанского движения в Тунисе. Поэтому вопросы, возникавшие полвека тому назад, до сих пор не находят ответа⁵⁷³.

Ш.-А. Жюльен подчеркивает, что Новый Дустур представлял собой единственную мощную и дисциплинированную силу в стране, где, на ее счастье, если сравнивать Тунис с Марокко, не было ни таких «лордов Атласа», как паша марракешский аль-Глави, ни могущественных лидеров суфийских братств вроде шейха аль-Киттани, ни столь всевластных французских хозяев, как префект Касабланки г-н Бонифас, который чувствовал себя сильнее Генерального резидента. (На этом посту в Рабате пришлось в 1955 г. то и дело заменять одного человека за другим).

В лице Нового Дустура, который держал в руках нервные узлы сопротивления, можно было найти и готового к переговорам партнера. Однако в период наивысшего подъема «феллагизма» даже симпатизировавшие «néos» французы стали задумываться, не выходит ли движение сопротивле-

⁵⁷³ Это относится, например, к вопросу об участии руководства ВТСТ в «тунисской революции». Если не одустуровец Ахмед Тлили, член Административной комиссии ВТСТ (в 1956-1965 гг. его генеральный секретарь) был арестован за организацию отрядов феллага в шахтерских районах еще в феврале 1952 г., то он мало что мог успеть сделать как их руководитель. Судя по автобиографическим данным, опубликованным в семидесятых, другой член той же комиссии Тахар Амира – инженер, работавший в управлении делами горной промышленности, был главным «бомбистом» Туниса. Сам он бежал в Триполи, где находился с января по июнь 1952 г. Свои профессиональные знания применил как инструктор по изготовлению самодельных бомб, тех самых «консервных коробок», которые рвались в то время на улицах тунисских городов (Ben Hamida A. Op. cit., p. 240).



ния за рамки, предусмотренные партией, которая явно не стремилась ни к широкой партизанской войне, ни к излишним жертвам. В этой связи Шарль Сомань записал в своем дневнике 28 мая 1954 г., что «никто не знает, кто они такие, эти феллага», то возникающие, как будто из под земли, то растворяющиеся в сельской местности, и от чьего имени они действуют. Как тут не вспомнить, продолжал автор, знаменитых циркумцеллионов, «кружащихся вокруг гумна», которые терроризировали позднеримскую деревню Северной Африки на рубеже IV-V вв., сохраняя свою автономию по отношению к «восставшей» донатистской церкви, ровно также, как феллага — по отношению к Новому Дустуру⁵⁷⁴. Не в этом ли, проявила себя пробившаяся из-под толщи веков древняя автохтонная традиция?

«Только в Алжире спокойно», — отмечали парижские газеты летом и еще в начале осени 1954 г., требуя отправки военных подкреплений на восток и запад от Алжира⁵⁷⁵. Немногие в правительстве метрополии, среди них министр внутренних дел Франсуа Миттеран, догадывались, что это спокойствие обманчивое. Надо сказать, что 15 апреля того года французская полиция получила первые сведения о том, что в Алжире готовится вооруженное восстание, а 5 мая узнала имена «главарей». Известно было также о начавшемся с июня переходе в Алжир тунисских партизан (нередко алжирцев по происхождению) и об их стычках с французской жандармерией⁵⁷⁶. Однако эти сведения не разглашались, и на взгляд обычного наблюдателя в алжирских пределах царил идиллическая тишина, если не считать безработицы, за «излечение» которой призывали срочно взяться французские деятели левого толка.

Что касается Марокко, то после династического переворота здесь бушевало так называемое сопротивление городов. В первую годовщину высылки султана (20 августа 1954 г.), когда прошел ложный слух, что Мухаммед бен Юсеф вернулся, произошли массовые демонстрации, охватившие Фес и другие крупные населенные пункты, прежде всего в Касабланку с ее бидонвилями, служившими питательной средой городского терроризма. Французы противопоставили ему свои антитеррористические организации,

⁵⁷⁴ Цит. по: Julien Ch.-A. Op. cit., p. 136.

⁵⁷⁵ Ратиани Г.М. Франция: судьба двух республик, М.: Мысль, 1980, с. 272.

⁵⁷⁶ Ланда Р.Г. Указ. соч. с. 46. Жандармы несли службу по охране административной границы Туниса с департаментом Константина. За границей, пролегающей по Сахаре, наблюдали армия и особая сахарская полиция.



среди которых особой боевитостью отличалась «Présence Française», втянувшаяся в настоящую уличную войну. Покушение на священный престол Алавитов как раз и послужило возбудителем терроризма в этой стране, а стихийное выступление городской черни в ходе демонстраций протеста 1952 г. (из-за убийства Фархата Хашеда) навело националистов на мысль о «прямом действии».

Организаторы разбойничьих шаек, составившихся для грабежа притеснителей народа, они же — мстители за осквернение шерифского престола, среди которых особым «активизмом» отличался хирург по прозвищу «Мясник» (лицо, ныне объявленное бывшим вождем вооруженных национальных сил)⁵⁷⁷, получили в Каире одобрение Алляля аль-Фаси. Однако роль Истикляль в «Марокканском сопротивлении» 1953-1955 гг. отнюдь не являлась руководящей и направляющей. Аппарат партии был разрушен. Ее восходящая звезда — Махди Бен Барка, административный директор и самый молодой из основателей Истикляль (подписавшихся в 1944 г. под «Манифестом Независимости»), выпускник математического факультета Алжирского университета, журналист и способный организатор, с апреля 1951 г. до октября 1954 г. находился в ссылке (в селениях Сахары, затем в горах Атласа среди берберов *айт-хдидду*, языка которых он не знал)⁵⁷⁸. Другие активисты томи-

⁵⁷⁷ Третье издание его устных мемуаров с предисловием Нельсона Манделы, вышедшее в Марокко без указания полных выходных данных: Хамид Хабаш. *Дуктур Абд аль-Крим аль-Хатыб. Масар хайат* [Д-р Абд аль-Крим аль-Хатыб. Жизнеописание], Изд-во газеты «аль-Аср», 2003. Глава вторая этой книги, представляющей собой серию тематических интервью, взятых автором у ее героя, называется «Доктор Абд аль-Крим аль-Хатыб во главе армии Освобождения». Что касается «Мясника», то о своем старом прозвище в бытность участником городского сопротивления 1953-1954 гг. нам поведал в марте 2004 г. сам этот голубоглазый джентльмен 83-х лет, богач, владелец городской недвижимости, филателист и обладатель коллекции европейских комнатных скульптур, украшающих его особняк на окраине Рабата. Ныне д-р аль-Хатыб — врач, никогда не служивший Гиппократу, и патриарх партии легальных исламистов (подал в отставку с поста генерального секретаря Партии справедливости и развития на ее V съезде 11 апреля 2004 г.) нелестно отзываясь о политиках 50-х годов. Хотя Алляль аль-Фаси, которого он посетил в мае 1955 г., назначил его своим личным представителем в Марокко. Туда он и отправился, но не в Рабат, а в горы Рифа. (О нем см.: Bellouchi B. Portraits d'hommes politiques du Maroc, Casablanca: Afrique-Orient, 2002, p.105-110. Этот портрет называется «Политический Тартюф»).

⁵⁷⁸ El Ouardighi A. Mehdi Ben Barka. Vie et mort d'un leader (1920-1965), Rabat:



лись в тюрьме Кенитры, куда их отправили во время массовых репрессий, развернувшихся с декабря 1952 г. О партизанах еще не было слышно, горы и сельские равнины казались безмятежными. Правда, с 1954 г. в Северном Марокко — при попустительстве испанских властей — начала готовиться секретная «освободительная армия». Она базировалась в Рифе и дала о себе знать вскоре после второй годовщины изгнания законного султана, отмеченной националистами, как марокканскими, так и алжирскими, большим пролитием крови. Но это было еще делом будущего.

Таким образом, в середине 1954 г. положение на восточной окраине Магриба выглядело самым тревожным, а достигнутое стараниями Вуазара согласие с беем мало чего стоило после добровольной отставки, почти бегства враспынную правительства Салаха Мзали. Всех лидеров Нового Дустура, находившихся в Тунисе, с 26 июня держали под домашним арестом. Колонисты устраивали демонстрации против Вуазара и парижских изменников, оплакивая своих мертвых, павших жертвами террористов и феллага. Бургиба из новой своей «бретонской» ссылки продолжал звать тунисцев к сопротивлению, хотя дальнейшие перспективы для него лично и его дела были самыми неопределенными. Озлобленная неудачами в Индокитае, метрополия могла развернуть свое лицо «под железной маской» к Тунису — стране, слишком маленькой, чтобы долго выдержать натиск всей мощи французской военной машины. Тем не менее, помощь все же пришла из Франции...

С момента перевода Бургибы с о-ва Груа в деревню Амильи (17 июля), где с ним разрешили поселиться в качестве экономки и медсестры его племяннице Сайде Сасси, жизнь бывшего «кузника скалы» круто перевернулась. Едва ли не каждый день под окнами поместья Fort de Ferté раздавался шум мотора, это появлялся студент Бешир Бен Яхмед⁵⁷⁹, чтобы

Phedirprint, 2002, p. 15, 28-29. Лишь после освобождения большинства лидеров Истикляль в октябре 1954 г. и возвращения из ссылки Бен Барки (бывшего домашнего учителя математики принца Хасана), который был настроен на мирные переговоры с Францией, партия стала восстанавливать свою организационную структуру. 1 декабря 1955 г. провела свой первый съезд. После предоставления Марокко независимости Бен Барка, председатель Национального консультативного совета, приложил руку к физическому уничтожению лидеров вооруженного сопротивления, в том числе Аббеса Мессаади (27 июня 1956 г.), который, возможно, был главным партизанским вождем.

⁵⁷⁹ Ныне директор и ведущий политический аналитик известного французского журнала «Jeune Afrique».



отвезти его в столицу. Он стал свободен в своих передвижениях, хотя ограничен в контактах. Связь между Парижем и Женевой — европейской «ставкой» и местом встреч руководства партии — поддерживал Масмуди, на котором лежали также контакты с французскими официальными лицами. Ему посчастливилось иметь беседы и с государственными деятелями самого высокого ранга, курсировавшими по маршруту Париж — Женева — Париж в период совещания четырех великих держав с участием КНР и ДРВ (26.4. — 21.7.1954), созванного для рассмотрения вопросов о мирном урегулировании в Корее и для восстановления мира в Индокитае.

В это время либеральное правительство радикал-социалиста Мендес-Франса, сформированное 19 июня 1954 г.⁵⁸⁰, уже готово пойти на компромисс с тунисскими националистами, о чем свидетельствует блиц-визит премьера в Тунис, где утром 31 июля он приземлился на аэродроме Эль-Алауин и спустя два часа, дав очнуться застигнутым врасплох хозяевам, произнес на приеме в Palais Carthage речь, вошедшую в историю как «Карфагенская декларация», с обещанием о скорейшем предоставлении тунисскому государству внутренней автономии, «каковая признается и провозглашается без всякой задней мысли (*“sans aucune arrière-pensée”*) французским правительством... Отныне, — продолжал Мендес-Франс, обращаясь к бею, — если будет на то Ваша воля, можно образовать новое правительство, которое помимо управления делами Регентства возьмет на себя ведение переговоров от Вашего имени с французским правительством о соглашениях, четко определяющих права тех и других»⁵⁸¹.

Текст этого заявления в тот же день напечатала экстренным выпуском «La Presse», которая моментально разошлась и произвела сенса-

⁵⁸⁰ Правительство Мендес-Франса, совместившего обязанности премьера и министра иностранных дел, было лишь относительно либеральным и слабо спаянным. В число 16 министров входило 5 радикалов, среди них Эдгар Фор с портфелем министра финансов, 4 деголлеца и 4 правых «независимых», 2 члена ЮДСР и один член МРП (она потеряла 4 кресла). Среди 13 статс-секретарей соотношение было примерно таким же. Место статс-секретаря по иностранным делам занял Герен де Бомон (правый). Однако спешаясь клика крайне правых была в этом кабинете потеснена. В правительство вернулся Миттеран, назначенный министром внутренних дел.

⁵⁸¹ Полный текст речи см.: *Mendès-France P. Oeuvres complètes*, Tome III, Paris: Gaillimard, 1986, p.181-185.



Карфагенская декларация



цию⁵⁸². Слухи о речи во дворце, конечно, обежали город еще раньше, чем по нему с криками понеслись мальчишки – разносчики газет, вызвав чувство неожиданной радости у большинства тунисцев, вздох облегчения у меньшинства французских обывателей, и замешательство – остальных. Через несколько часов оно перешло во взрыв возмущения. На рабочий прием, устроенный самим Мендес-Франсом, не явился даже мэр столицы г-н Тремсаль. В более непринужденной обстановке прошел банкет ветеранов войны, организованный в честь маршала Жюэна, который благосклонно выслушивал любезности в свой адрес, расхваливал Мендес-Франса, но было заметно, что к концу вечера его настроение стремительно портилось... Вскоре высокие гости взяли путь назад.

Можно понять тревогу и огорчение, если не злобу, с которыми остались колонисты после «парашютного десанта» премьер-министра Французской республики. Большинство из них не имело повода возрадоваться «Карфагенской декларации», да и случаю лицеизреть самого популярного на тот момент в метрополии государственного деятеля. Ведь всего за неделю до его непредвиденного визита в Тунис, 23 июля, когда парламент подавляющим большинством одобрил по всем пунктам резолюцию, выразившую удовлетворение окончанием военных действий в Индокитае, здешняя пресса опубликовала сводку об итогах последних четырех месяцев террористической войны в Тунисе (20 марта – 20 июля), в течение которых было совершено 150 покушений. Из них 70 со смертельным исходом, в том числе 20 погибших – европейцы (остальные тунисцы), это помимо убитых или захваченных в плен феллага. И не считая жертв среди французских военнослужащих или сотрудников полиции: 20 убитых, 40 раненых и шестеро без вести пропавших⁵⁸³. Средний французский гражданин в Тунисе думал об одном: о наведении порядка и собственной безопасности.

Два с половиной года противостояния в форме «террор – антитеррор» вырыли здесь такую пропасть между арабским большинством и европейским меньшинством, что местная федерация СФИО, выступавшая с 1950 г. за внутреннюю автономию в Туниса, сжималась, как шагреновая кожа. Попытка социалистов и других либерально настроенных французов организовать сбор подписей среди европейцев в пользу «политики согласия» провалилась. Под манифестом, направленным председателю совета

⁵⁸² Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 159.

⁵⁸³ Ibid., p. 146.



Прощай, оружие...



министров Франции, подписались всего 39 человек⁵⁸⁴. В день визита Мендес-Франса его приветствовали одни тунисцы, хотя, одумавшись, определенные круги местной элиты, Старый Дустур – в первую голову, пришли к выводу, что «Карфагенская декларация» служит ничем иным, как новым препятствием на пути к независимости. «Голос арабов» из Египта вещал, что предложения Мендес-Франса – коварный маневр Франции, рассчитанный на то, чтобы «загасить восстание, задуть борьбу... и ринуться на тебя [тунисский народ] со всем своим традиционным варварством». О том же толковали и «Братья-мусульмане»⁵⁸⁵. Предупреждения из Египта насчет маневра империализма совпали с оценками, сделанными в СССР, где газеты писали, что «проявив готовность пойти на уступки национально-освободительному движению в Тунисе, французская буржуазия стремится сохранить свои привилегии и ослабить это движение». Несколько не в унисон с Москвой высказалась пресса ФКП, которая по горячим следам однодневной поездки Мендес-Франса назвала ее, пусть с оговорками, позитивным шагом⁵⁸⁶.

Специально сформированное после «Карфагенской декларации» – для ее воплощения в жизнь – тунисское правительство с участием четырех представителей Нового Дустура начинает уже с конца августа 1954 г. предварительные, а затем и официальные переговоры по содержанию франко-тунисских конвенций о внутренней автономии. Со своей стороны Бургиба осенью того же года (20 ноября) дает указание прекратить партизанскую войну на территории Туниса, которая, как показал результат сдачи оружия, в значительной мере все же контролировалась и направлялась членами партийного руководства.

В новое правительство из 10 человек, состав которого формально определялся беем Сиди Ламином, а на практике – французскими властями, вошли пять «независимых». Это сам глава кабинета Тахар Бен Аммар – умеренный националист и крупный землевладелец, наживший состояние

⁵⁸⁴ Этот манифест в виде письма на имя Мендес-Франса был направлен 9 июля 1954 г. и на шестой день попал в его руки. Среди подписавшихся фигурировали два экс-чиновника высокого ранга (де Монтети и Сомань), два бывших председателя гильдии адвокатов Туниса и полковник в отставке де Герин дю Кайла, который вел следствие по делу Бургибы в 1938 г. Письмо было передано в инстанции через Ш.-А. Жюльена (Ibid., p. 148-149).

⁵⁸⁵ Ibid., p. 160-161.

⁵⁸⁶ «L'Humanité», 2. 8. 1954.



при французах, бывший председатель «туземной» секции Большого Совета. Несмотря на то, что с 1920 г. он демонстрировал свой патриотизм, а временами и солидарность с дустуровцами, «archéos» и «néos», его лояльность Франции считалась безупречной⁵⁸⁷. Далее, министр здравоохранения Тахар Лауш, министр сельского хозяйства Али Бен Хадж, министр городского хозяйства и жилищного строительства Насер Бен Саид и министр без портфеля Азиз Желлули – один из бывших членов «монсефистского» кабинета. Партийное крыло представляли министр торговли и финансов Хеди Нуира, министр юстиции Садок Мокаддем и два министра без портфеля: Монжи Слим, недавно вернувшийся из ссылки на тунисский Юг, и делегат Нового Дустура во Франции – 29-илетний Мухаммед Масмуди, самый молодой член правительства, филолог по образованию и журналист по профессии. Наконец, в десятку членов правительства вошел известный профсоюзный деятель-социалист Шедли Рхайем, на него были возложены обязанности министра труда⁵⁸⁸.

Мендес-Франс поставил условием, чтобы в тунисском правительстве не преобладали члены Нового Дустура и чтобы в кабинет Тахара Бен Аммара не были допущены лица, связанные с Каирским радио или же замешанные ранее в демаршах против Франции на уровне ООН. Тем не менее Бургбиба, которого Ш.-А. Жюльен лично посещал в начале августа во французской деревне Амильи, принимал участие в согласовании представленных в правительство кандидатур и, как видим, провел в него людей, являвшихся видными руководителями партии. Собравшееся 3 августа в Женеве политбюро под председательством Салаха Бен Юсефа одобрило

⁵⁸⁷ Наряду со своим «коллегой» Касабьянкой, председателем французской секции Большого Совета, он входил с ноября 1943 до августа 1944 г. по списку «дополнительных делегатов» в состав временной Консультативной ассамблеи, созданной в Алжире ордонансом сопредседателей ФКНО. Основную часть этой ассамблеи составили 52 представителя организаций Сопротивления, а также некоторые бывшие члены Сената и Палаты депутатов Франции (*де Голль Ш.* Военные мемуары, М.: Изд-во иностранной литературы, 1960, Т.2, с. 643).

⁵⁸⁸ Что касается Шедли Рхайема, то он представлял в кабинете Т. Бен Аммара не столько тунисскую федерацию СФИО, сколько самого себя и «свое исключительное, даже странное положение» – выходца из семьи крупных землевладельцев Беджи, посвятившего себя созданию в этом районе батрацкого профсоюза (*Cohen-Hadria E.* Du protectorat français à l'indépendance tunisienne. Souvenirs d'un témoins socialiste, Nice: CMMC, 1976, p. 266-271).



создание нового правительства «национального единства» с целью ведения переговоров, которые поручались премьеру и трем министрам без портфеля. Через шесть дней кортеж правительства Бен Аммара, проезжающего во дворец к бею на свою инаугурацию, встречает по дороге толпу, скандирующая: «Мен-дес-Франс-Бур-ги-ба».

Что же вызвало эти уступки – «почетный компромисс» с обеих сторон? И в первую очередь, чем объяснялась поспешно, почти таинственным образом подготовленная поездка Мендес-Франса в Тунис, наделавшая много шума? Об этом много писалось в свое время и хорошо рассказано в книге Александра Верта, из которой ниже приводится обширная выдержка. Пусть цитата и длинна, но зато отрывок, посвященный данному эпизоду, показывает интересующую нас проблему в том ракурсе, как ее видели из Европы. Как лично видел «тунисский вопрос» журналист-англичанин, 25 лет проживший во Франции и хорошо знавший ее людей, политическую кухню и болевые точки. Книга этого автора, которую мы уже в неоднократно цитировали, не случайно была в 1959 г. переведена на русский язык (оригинал издан в 1956 г.). Верт относился к той категории людей – политических деятелей, писателей, публицистов, которых по тогдашним понятиям называли «прогрессивными». В Советском Союзе, как правило, с добавкой «буржуазный», если конечно, он или она не принадлежали к ФКП или другой зарубежной компартии. Так вот что писал Верт на страницах своей книги в главе под названием ««Беспокойный» Мендес-Франс приходит к власти»⁵⁸⁹:

Напомним, что в своей программной речи Мендес-Франс указал три «ближайшие» цели: мир в Индокитае, экономические реформы и четкое решение вопроса о ЕОС. Чрезвычайные события в арабском мире нарушили этот план и отчасти послужили причиной отсрочки решения экономических проблем в той мере, в какой это касалось самого Мендес-Франса.

Эти события были двоякого рода. Во-первых, в Тунисе и Марокко усиливались масштабы и активность террористических выступлений против французов и «контртеррора» со стороны «Красной руки» и других французских организаций. Во-вторых, англо-египетский договор и эвакуация англичан из Суэца привлекли внимание всего мира к арабским странам⁵⁹⁰. Французская Северная

⁵⁸⁹ Верт А., Указ. соч., с. 563–568 (Мы сохраняем транскрипцию русского перевода, кроме тех случаев, где искажены арабские имена и географические названия).

⁵⁹⁰ Речь идет о парафированном 27 июля 1954 г. соглашении между правительством Соединенного королевства и правительством Республики Египта, ст. 1 которого предусматривала, что «Вооруженные силы Ее Величества будут полностью



Африка была единственной частью арабского мира, которая не только фактически, как Ливия, но и юридически оставалась под властью европейцев.

Могла ли Франция рассчитывать на сохранение Северной Африки без систематически растущего числа убийств и массовых расправ? Можно ли было пойти на достаточное количество уступок Северной Африке, чтобы установить «мирное сосуществование» между французами и арабами, сохранив при этом для Франции некоторые из ее прежних привилегий?

Эти вопросы Мендес-Франс прямо поставил перед собой и своими коллегами в конце июля, а 31 июля, в расчете на наибольший «психологический эффект», он вылетел в Тунис в сопровождении маршала Жюэна и деголлевского министра по делам Туниса и Марокко Кристиана Фуше⁵⁹¹. Пожалуй, это была удачная идея – начать с Туниса, наименее «угнетенной» из трех североафриканских стран⁵⁹², где имелась к тому же прогрессивная национальная партия, которая в основном была менее враждебна французам и менее подвержена националистическим и панарабским влияниям, чем самые непримиримые националисты Алжира и Марокко. Кроме того, в Тунисе имелось меньше французских экономических интересов, чем в остальных двух странах.

Поездка в Тунис не была идеей, внезапно осенившей Мендеса. В июле террор принял особенно угрожающие размеры. Так, 7 июля в Мензель Бу-Зельфа, в районе мыса Бон, французскими террористами было убито восемь членов молодежных организаций «Нео-Дестур». Несколько дней спустя произошла «отплата»: в арсенале Бизерты – Ферривилле, в центре европейского квартала, вооруженными «феллахами» («феллага» – *M.B.*) было убито 11 и ранено 22 европейца. На следующий день в двух различных местах в марокканских (мавританских – *M.B.*) кафе подъехавшие на машине французские «контртеррористы» расстреляли пулеметным огнем арабов. И так шло день за днем. Генеральный резидент Вуазар (в прошлом, кстати, убежденный вишист) подвергся возмущенным нападкам и

выведены с египетской территории... в течение 20 месяцев со дня подписания настоящего Соглашения». Подписано 19 октября 1954 г. (Суэцкий канал. Сборник документов, М.: ИМО, 1957, с. 90).

⁵⁹¹ В июне 1954 г. был создан специальный департамент по делам Туниса и Марокко на уровне министерства. Возглавивший его Кристиан Фуше входил в «Союз республиканцев социального действия», как назвала себя парламентская группа РПФ, депутатам которой де Голль предоставил свободу действия, распустив свою партию после апрельских муниципальных выборов 1953 г., на которых РПФ потерпела крупное поражение.

⁵⁹² «Наименее угнетенная» в том смысле, что, несмотря на большой экономический застой по сравнению с Марокко, там было меньше крайней нищеты, чем в Марокко, и проблема страдающего от голода избыточного населения была менее остра, чем в Алжире (прим. *А. Верма*).



оскорблениям со стороны колонистов за свою «трусливость» в то время, когда присутствовал на похоронах жертв ферривилльского обстрела.

До отъезда в Тунис Мендес-Франс потратил несколько часов, чтобы убедить своих коллег по кабинету в правильности своих действий, а также счел необходимым дать некоторые заверения сенатору Колонна (представителю тунисских французских в Совете республики). Отчасти с целью успокоить твердолобых он попросил маршала Жюэна сопровождать его в этом путешествии. Планы его поездки держались в строгом секрете, и сообщение вечерних газет в субботу 31 июля о том, что Мендес-Франс, Жюэн и Фуше находятся с утра в Тунисе, произвело во Франции должный «психологический эффект». Подобно тому, как было с Индокитаем, в отношении Туниса усиленно распространялись слухи об отправке туда эшелона призывников для борьбы с «террористами», и в данном случае несколько батальонов уже действительно отплыли, а другие были готовы к отправке. Международные предпосылки «неожиданного визита» Мендес-Франса в Тунис газета «Монд» оценивала следующим образом:

«Принятое правительством решение последовало вскоре за сообщением об эвакуации англичан из Суэца. В самом деле, англо-египетский договор открывает новую эру в жизни арабского мира. Нет больше препятствий на пути тесного сотрудничества между Египтом и другими арабскими странами и Западом. Но отныне все усилия арабской пропаганды будут направлены на оказание материальной и моральной поддержки националистическим движениям во Французской Северной Африке.

Панарабская политика Соединенных Штатов приносит свои плоды. Стремясь обеспечить участие арабов в обороне средиземноморского побережья, американцы расшевелили все арабские столицы. Что касается англичан, то они...вернулись теперь к своей традиционной проарабской политике, в силу которой они дали в прошлом свое благословение Лиге арабских стран, а Черчилль придумал королевства Иорданию и Ливию... Оказавшись между арабским блоком, задавшимся целью обеспечить независимость Магриба, и союзниками, которые отнюдь не желают роста волнений в Северной Африке, Франция вынуждена действовать быстро... К сожалению, за последние несколько лет наши правительства проявляли только спорадический интерес к Тунису и Марокко» («Le Monde», 1. 8. 1954).

«Монд» назвала эффектный визит Мендес-Франса в Тунис «подлинно черчиллевским» по стилю. Подчеркнув, что он не поступился «никакими жизненно важными для французов интересами», газета отметила совершенно новый подход Мендес-Франса к тунисской проблеме: его обещание проводить новую программу «лояльно и без всяких мысленных оговорок». Так никогда раньше не говорили, а тем более не делали.

Все произошло очень быстро. В 10 часов утра Мендес-Франс приземлился на тунисском аэродроме; вскоре он уже подъехал к дворцу бея в Карфагене и обратился к старому джентльмену с многозначительной фразой:



— Государь, я приехал сюда как друг, как друг вашего высочества и вашей страны.

Выразив свое сожаление по поводу имевших место столкновений и кровопролития в Тунисе и указав, что генерал Буаие де Латур прибыл, чтобы сменить на посту генерального резидента Вуазара, Мендес-Франс заявил, что французское правительство признало внутреннюю автономию Тунисского государства «без всяких мысленных оговорок» и что тунисский народ достиг уже такой «степени развития» (и Франция гордится своим вкладом в это развитие), когда он может самостоятельно вести свои дела. «Вот почему мы готовы передать лицам тунисской национальности и тунисским органам право осуществления внутреннего суверенитета». Затем Мендес-Франс предложил, чтобы было создано новое тунисское правительство, которое начнет переговоры с Францией о новом договоре, четко определяющем соответствующие права обоих партнеров.

«Разумеется, — продолжал Мендес-Франс, — в интересах обеих стран, чтобы Франция осталась в Тунисе. Она оказывает Тунису большую финансовую, экономическую, техническую и культурную помощь, и многие французы играют важную роль в жизни страны; этого факта не будет отрицать ни один тунисский патриот. Кроме того, останется в силе договор между Францией и Тунисом в отношении общей военной и внешней политики. В возмещение услуг, оказанных Францией Тунису в прошлом и в настоящем, французы будут иметь право остаться в Тунисе — как сами они, так и их дети и внуки. Они будут содействовать экономическому процветанию страны».

Мендес-Франс закончил просьбой к общественности Туниса оказать ему помощь в прекращении кровопролития, но предупредил, что все дальнейшие террористические выступления будут безжалостно подавляться.

Самым важным пунктом в предложениях Мендес-Франса было создание подлинного, а не марионеточного тунисского правительства, которое будет затем вести переговоры о новом договоре с Францией. До подписания этого договора было все еще трудно определить, в какой степени «внутренняя автономия» будет способствовать передаче гражданской власти и управления страной в руки тунисцев. Мендес много говорил о дальнейшем «пробывании французов» и их детей и внуков в Тунисе. Несмотря на все устные гарантии, какие Мендес давал тунисским французам, члены союза французов в Тунисе (*Rassemblement Français de Tunisie — M.B.*) отказались встретиться с премьер-министром Франции, хотя и были до известной степени успокоены присутствием своего героя — маршала Жюена, а также назначением генерала Буаие де Латура генеральным резидентом.

И лишь задним числом, уже после отъезда Мендеса, они поняли, что заявление, сделанное им бею, могло быть и хуже («*Le Monde*», 3.8. 1954).

Если в английской и американской прессе поездка Мендеса в Тунис нашла единодушный благоприятный отклик, то этого нельзя было сказать о французской печати. Правда, газета «*Фигаро*» выразила необычное для нее восхищение премьер-министром и его методом, но все же высказала опасения по



поводу тех последствий, какие его визит в Тунис мог иметь для Алжира и Марокко; она предупреждала правительство об опасности хотя бы самых незначительных уступок сверх установленного Мендес-Франсом «предела».

Другие правые газеты, например «*Орор*», высказывались гораздо более критически, так же как и североафриканские лоббисты, в том числе сенатор Колонна, заявивший, что Мендес-Франс «предложил ликвидацию франко-тунисского сообщества»⁵⁹³. Противникам Мендес-Франса сыграло на руку заявление лидера партии «*Нео-Дестур*» Хабиба Бургибы, который все еще был интернирован во Франции; он сказал, что предложения Мендес-Франса означают «существенный и решительный шаг к восстановлению полного суверенитета Туниса».

«Независимость остается идеалом тунисского народа, но движение к этой независимости не будет впредь характеризоваться борьбой между тунисским народом и Францией... Этот путь к независимости будет ознаменован сотрудничеством двух народов, тем сотрудничеством, в котором будут отсутствовать всякие мысли о господстве».

Лидер тунисского умеренно националистического движения и председатель Тунисской палаты земледелия Тахар Бен Аммар, которому вскоре предстояло сформировать новое тунисское правительство, со своей стороны заявил, что Мендес-Франс дал «полное удовлетворение нашим законным чаяниям... Мы должны ответить такой же лояльностью и искренностью».

Правительство Тахара Бен Аммара, сформированное 9 августа, имело в своем составе четырех членов «*Нео-Дестур*» (из них некоторые, например доктор Моккадем, совсем недавно вернулись из ссылки на Юг), но было в основном «умеренным» и выражало интересы средних классов; все его члены получили французское образование. Один из них, Си Насер Бен Саид, был раньше офицером французской армии, участвовал в войне 1914-1918 годов и в рифской кампании, и ему посчастливилось быть первым тунисцем, принятым в Сен-Сирскую военную школу⁵⁹⁴. Некоторые члены правительства, например молодой Масму-

⁵⁹³ В открытом письме Мендес-Франсу, которое «*La Dépêche Tunisienne*» опубликовала 7 августа, заявлялось, что «гармоничное франко-тунисское сообщество» нарушено в пользу тунисских националистов благодаря «потворству, не поддающемуся описанию, и настоящей измене» (*Julien Ch.-A. Et la Tunisie devint indépendante...*, p. 161).

⁵⁹⁴ Эта фигура понадобилась для того, чтобы сбалансировать «левонационалистический» блок в правительстве. Насер Бен Саид никак не представлял «средние классы», он был крупным землевладельцем, как и Тахар Бен Аммар, а его военная карьера (в Рифе) вызвала протест политбюро Нового Дустура, но Мендес-Франс рисковал потерей доверия на своем фланге, если такого человека или подобного не ввести в состав тунисского кабинета. Ш.-А. Жюльен рассказывает, что в Амильи, куда он отправился 4 августа в компании с английской журналисткой, они застали «незабываемую» сцену. Узнав о возникших проблемах, Бургиба



ди, представитель партии «Нео-Дестур» во Франции, получили образование в одном из французских университетов. Декретом бея французский генеральный резидент в соответствии с действующим договором (о протекторате – М.В.) был назначен министром иностранных дел⁵⁹⁵. Пока что все шло хорошо. Но переговоры с тунисским правительством были все еще делом будущего, а между тем волнения в Марокко с каждым днем принимали все более угрожающий характер. В двух главных мечетях Феса (город, где в то время не прекращались волнения) возносились теперь молитвы за здоровье низложенного султана. В Порт-Лиоте 7 августа были убиты четыре европейца. В Касабланке не проходило дня, чтобы кто-нибудь не был убит террористами либо «контртеррористами». В правых кругах Франции росло стремление обвинять Мендес-Франса в том, что он «поощрил» все это своим «мягким» отношением к тунисцам.

На деле линия Мендес-Франса в отношении Марокко была иной, чем в отношении Туниса; он считал, что эти две страны «неидентичны» и что «социальные и политические проблемы в Марокко имеют значительно более острый характер» («Le Monde», 10.8.1954). Это, однако, отнюдь не означало, что он был склонен делать в Марокко уступки, подобные тем, какие он сделал в Тунисе. По важнейшему династическому вопросу Мендес-Франс вскоре заявил, что не может быть и речи о возвращении прежнего султана.

Что это был за месяц для Мендес-Франса! Не успел он вернуться из Туниса, как ему пришлось заняться экономическими реформами. Усиливались требования об открытии официальных парламентских дебатов по вопросу о Северной Африке... Полномочия были предоставлены правительству 362 голосами против 90; коммунисты и большая часть правых депутатов воздержались; фракция МРП, наоборот, проголосовала на этот раз за Мендес-Франса.

Напротив, при голосовании вопроса об отсрочке дебатов по поводу запросов о Северной Африке (397 голосов за и 114 против при 90 воздержавшихся) коммунисты и социалисты голосовали за Мендеса, большинство членов МРП воздержалось, деголлевцы раскололись, а все правые (так же, как и несколько радикалов) голосовали против. Казалось, что попытка Мендес-Франса действовать, опираясь на «переменное большинство», может иметь успех, по крайней мере временный. Но все же это была ненадежная опора.

Так, например, когда 10 августа стали обсуждать требование Мендес-Франса об отсрочке дебатов по вопросу о Северной Африке, североафриканские твердолобые не преминули воспользоваться случаем высказать свое мнение. Об-

схватился за телефонную трубку и что-то горячо говорил по-арабски. Как оказалось, он звонил в Женеву, чтобы заставить собравшихся там членов политбюро согласиться с кандидатурой Бен Саида, и за 5 минут достиг желаемого (Ibid., p. 163-164).

⁵⁹⁵ Полиция оставалась под контролем французских военных властей. Точно так же министерство просвещения и другие «внутренние» органы до заключения нового договора оставались за французами (Прим. А. Верта).



суждение срока открытия дебатов вылилось почти в рассмотрение вопроса по существу. На сцену были выпущены «правые тенора» североафриканских лоббистов, например «коллега» премьер-министра по партии радикалов Мартино-Депла...изобразил в самых мрачных красках деятельность партии «Нео-Дестур» и ее лидера Бургибы, единственной целью которого, по его словам, является «изгнание французов из Туниса»; он считал прискорбным, что Мендес-Франс «ведет переговоры с преступниками». Мартино-Депла утверждал, что Бургиба во время войны сотрудничал с фашистской Италией, и процитировал два его письма, которые, по его словам, были своего рода тунисским вариантом «Майн кампф». Мендес-Франс возразил, что эти «письма», опубликованные 6 апреля 1952 года газетой «Фигаро», по меньшей мере «сомнительного происхождения»⁵⁹⁶.

Но Мартино-Депла нелегко было остановить. Он заявил, что «террористы» при помощи «шантажа» заставили Мендеса пойти на «гибельные» уступки Тунису и что сохранение «совместного управления» является единственной надеждой Франции в Тунисе. Он сказал далее, что Франция должна отказаться от ведения переговоров с «Нео-Дестур». Один из социалистов, прервав его, напомнил, что террор в Тунисе развернулся между 1952 и 1954 годами, то есть в то самое время, когда Мартино-Депла, будучи министром внутренних дел в нескольких французских кабинетах⁵⁹⁷, навязывал свою «твердую» политику своим более рассудительным коллегам, в частности Роберу Шуману.

Здесь стоит уделить несколько слов главному герою эпизода с «Карфагенской декларацией». Пьер Мендес-Франс родился в 1907 г. в Париже, высшее образование получил на факультете права и в Школе политических наук. Вскоре был принят в адвокатскую гильдию, став самым молодым ее членом. Избирался в парламент с 1936 г. Сфера его основных интересов лежала в области экономики и финансов, и на этом поприще «его оригинальность» состояла в том, то он снискал себе репутацию «либерального дирижиста»⁵⁹⁸. Во время войны бежал в Лондон и с 1942 г. служил в авиационной группе Logtaine, в ноябре 1943 г. был назначен де Голлем комиссаром по делам финансов в составе ФКНО. С 4 сентября 1944 г. он министр национальной экономики во Временном правительстве. Возглавлял французскую делегацию на конференции, результатом которой

⁵⁹⁶ На следующий день (12 августа) «Монд» напомнила, что «Фигаро» проиграла судебное дело относительно «писем Бургибы» и что суд обязал ее опубликовать опровержение (Прим. А. Верта).

⁵⁹⁷ Небольшая неточность: с 20 января 1952 г. по 19 июня 1954 г. Мартино-Депла был министром юстиции в кабинетах Форэ, Пинэ, Мейера и министром внутренних дел в кабинете Ланьеля.

⁵⁹⁸ Dictionnaire biographique français contemporain..., p. 357.



стало создание Бреттон-Вудской системы. Тогда же выступил со своим планом, требовавшим увязки собственно экономической и финансовой политики при умеренном «дирижизме» (государственном вмешательстве), которое не сковывало бы частную инициативу. Поскольку его план не был принят, 5 апреля 1945 г. подал в отставку. Когда в начале 1946 г., после отставки де Голля, его снова пригласили возглавить министерство экономики и финансов – в кабинете Феликса Гуэна, намеревался вторично представить свой план, на сей раз предполагавший резкое сокращение военных расходов и, напротив, увеличение налогов на имущество, а также меры по сдерживанию роста денежной массы. Однако из-за того, что его партия радикалов и радикал-социалистов не хотела участвовать в новом кабинете вместе с представителями ФКП (которым и достался экономический блок), ему пришлось отказаться от данного предложения. Занимал ответственные посты в международных организациях: представителя Франции в МВФ и МБРР, а с февраля 1947 г. в совете ООН по социально-экономическим вопросам. Многие его идеи, в частности, выступления за стабилизацию заработной платы, упразднение государственных субсидий и против косвенных дотаций «традиционному» сектору сельского хозяйства Франции – страны с относительно высоким удельным весом мелких фермеров, не находили понимания.

Политик с печальным лицом и склонностью к волюнтаризму, которого неортодоксальный марксист Клод Бурде назвал однажды «нашим самым серьезным и самым одиноким государственным деятелем», он не был ни безусловным фаворитом левой интеллигенции, ни любимцем французского крестьянства; а «*rausap*» в политическом лексиконе Франции пятидесятых было почти синонимом «классический правый». И одной из причин падения его кабинета стала «война со свекловодами». Разговор о других причинах еще впереди.

Возглавив совет министров, он мечтал произвести реорганизацию хозяйства Франции и с этой целью создал при себе неформальный «мозговой трест» из молодых и неординарно мыслящих специалистов. Но ему пришлось посвятить 7 месяцев и 17 дней своего правления главным образом внешней и колониальной политике. Наиболее горячо ему сочувствовали журналисты открывшегося в 1953 г. еженедельника «L'Express», с легкой руки которых вся французская пресса окрестила его «Р.М.Ф.». Составив список «100 моторов Франции», они поместили в нем Мендес-Франса с характеристикой: депутат с бескомпромиссными и точными предска-



ниями, который стал для определенной части общественного мнения страны «символом суровости и надежды»⁵⁹⁹. Их собственные предсказания во многом оправдались.

12 июня 1954 г. парламент свалил правительство «с бычьей головой», затянувшее Францию на дно низины под селом Дьенбьенфу, где по бездарному плану генерала Наварра с конца минувшего года, а точнее, с 20 ноября, строилась крепость в обратном смысле: оторванный от основных баз снабжения опорный пункт в джунглях, который скептики (среди них профессионалы своего дела, включая А. Жюэна) прозвали кто «термитником», кто «бильярдным столом». Разрекламированная как твердыня свободного мира и прикрытая бастионами с женскими именами Анна-Мария, Изабелла, Беатрис и т.п., эта крепость за лесом колочей проволоки, представлявшая собой лабиринт подземных ходов под аэродромом, куда по воздушному мосту забрасывались все новые и новые батальоны, обернулась идеальной мишенью для артиллерии противника, неожиданно забившей 13 марта из «зеленки» с окрестных холмов; ловушкой для гарнизона крепости и могилой славы французского оружия.

В Тонкинской дельте гибли Пьеры и Жаки, соблазненные «длиным франком», и погибли, по самым скромным подсчетам, два выпуска офицеров Сен-Сира. В первой половине 1954 г. Франция потеряла убитыми, ранеными и пленными около 100 тыс. человек из состава экспедиционного корпуса, откуда дезертировали вьетнамцы, тайцы, а иногда и марокканцы, менявшие в партизанах свои арабские имена на вьетнамские; и даже военная комиссия, посланная на место, пришла к выводу, что лучше немедленно соглашаться на прекращение огня. Но Бидо, приободренный Даллесом, пообещавшим ему две тактические атомные бомбы, все еще уповал на франко-американский план «Вотур», не исключавший вторую Хиросиму в Индокитае и третью в КНР (для которой была припасена бомба-Н), и призывал к политике канонеров в следующих словах, произнесенных под

⁵⁹⁹ Список моторов, «способных вытянуть Францию на дорогу в будущее», публиковался с 7 ноября 1953 г. В него вошли: генерал де Голль как «носитель неисчерпанного морального авторитета» и кутюрье Диор, экономист Ж. Монне, историк Ф. Бродель, математик А. Вейль (голова из голов «Николя Бурбаки»), авиаконструктор Марсель Дессо, текстильный король Марсель Буссак, король театра Ж.-Л. Барро, писатели А. Камю, Ж. Кокто, Ф. Мориак, А. Мальро и др. (Siritzky S., *Roh F. Le roman de l'Express 1953-1978*, Paris: Marcel Julian, 1979, p. 530-545).



звон бокалов на берегу Женевского озера: «Я хочу все отвоевать! Если мы согласимся на малейший раздел [Индокитая], то потеряем всю Северную Африку... Слово за пушками, господа!». На эту фанаберию саркастически отозвался Антони Иден, который еще в конце апреля, следуя общему мнению кабинета консерваторов, решил не ввязываться в авантюру, сказав, мол, французский министр мнит себя Наполеоном перед Аустерлицем, забывая, что Азия станет для него полем Ватерлоо⁶⁰⁰.

Тогда пришел час Мендес-Франса. После долгих дебатов в Национальном собрании оно качнулось на его сторону. Он снова заявил, что мирному соглашению по Индокитаю нет альтернативы, кроме «риска войны... мировой и, быть может, атомной», смело заявив: «Сегодня 17 июня. 20 июля я вновь предстану перед вами и отчитаюсь в достигнутых результатах. Если не будет найдено никакого удовлетворительного решения к этой дате, считайте, что наш контракт разорван, и мое правительство вручит президенту Республики прошение об отставке». На сей раз ему удалось собрать беспрецедентное число голосов: 419 (при необходимых 313), в том числе 95 голосов депутатов-коммунистов, которые даже оказались излишними⁶⁰¹. В субботний вечер 3 июля новый премьер обратился к нации по радио, произнеся фразу, которая напомнила некоторым слушателям историческую речь де Голля из Лондона. «Вы несомненно имеете впечатление, — сказал Мендес-Франс, — что человек за штурвалом должен пересечь бурное море... Но Франция — добрый и крепкий корабль. И если капитан, его штаб и вся команда движимы единой волей, не сомневайтесь, он обойдет рифы»⁶⁰².

Срок, назначенный Мендес-Франсом самому себе, поразил умы людей. «Большой человек!» — говорили о нем в таверне городка «N», где ползли слухи, что грядет мобилизация призывников, отнюдь не радовавшая их матерей. А тем, кто вспоминал, что он — еврей, отвечали, что это не имеет никакого значения, ибо он был летчиком-истребителем, сражавшимся за Францию. Другие уверяли, что насчет еврея это — байки, распушенные американцами. Третьи мрачно резюмировали: «Тем хуже для нас, если французские деятели оказались столь глупы... Пожелаем ему удачи!». В противоположность Бидо, которого он сменил на Женевском совещании, Мендес-Франс стремился не ускорить интервенцию США в Ин-

⁶⁰⁰ Tabou J. Les Princes de la Paix, Paris: Albin Michel, 1980, p. 350.

⁶⁰¹ «Journal Officiel», Paris, 18.4.1954, p. 2992-2994.

⁶⁰² Tabou J. Op. cit., p. 356.



докитае, а выполнить взятые им обязательства по заключению мира. И через месяц напряженной работы, как свидетельствует корреспондент United Press, возвращавшийся с ним в одном самолете, плакал от счастья, когда этот мир был заключен на достойных для Франции условиях⁶⁰³. Рейс самолета из Женевы в Париж с плачущим премьером на борту «задержался» с вылетом всего на пару дней. 22 июля Мендес-Франс доложил Национальному собранию о решениях международного совещания, разбив все доводы Бидо, пустившегося в рассуждения о том, что состоялся «новый Мюнхен». В общей резолюции, принятой на следующий день (в целом за нее было 462 депутата «за» и только 13 «против», а среди последних или воздержавшихся преобладали члены МРП), особо подчеркивалось, что уйти от дальнейших и неизбежных тяжелых жертв в Индокитае удалось «главным образом благодаря решительным действиям главы правительства». Большая часть присутствующих устроила ему грандиозную овацию.

Его политический рейтинг покати́лся вниз с 30 декабря 1954 г., после того, как он провел через парламент Парижские соглашения, позволившие перевооружение ФРГ. В отличие от своих оппонентов, Мендес-Франс полагал, что этот болезненный для каждого француза вопрос следует рассматривать с учетом фактов, «которые мы не можем изменить», имея в виду, что нелюбовь французов к «бошам» и страх перед Pax Americana не помешают США добиваться своего, а следовательно, возрождение немецкой национальной армии (позже названной бундесвером) как самостоятельной части вооруженных сил НАТО — меньшее из зол. К тому же он подвергался и уступал большому давлению со стороны своего маститого британского коллеги, который охотно был «европейцем», когда Англия могла оставаться на своем острове, и грозил тем, что в европейском концерте за Францией останется «пустое кресло»⁶⁰⁴. А главное, Мендес-Франс сразу объявил, что в вопросе о ЕОС, который его предшественники не осмеливались вынести на суд парламента, он — сторонник компромисса, и предложил свой «исправ-

⁶⁰³ Sritzky S., Roh F. Op. cit., p. 51.

⁶⁰⁴ Как известно, Черчилль усиленно проталкивал договор о ЕОС, в частности, на Бермудской конференции в декабре 1953 г. Между тем участие британских войск в общеевропейской армии не планировалось. Выражение «пустое кресло» появилось в его поздравлении Мендес-Франсу с супругой по случаю наступления нового 1955 г. Позже это письмо Черчилля досталось «Le Monde», которая назвала подобное выражение «диктатом».



ленный» проект оборонительного сообщества, обусловленный целым рядом юридических поправок и «дополнительных протоколов», в связи с чем еще 14 августа три министра-деголлевеца подали в отставку. Не удивительно, что за Парижские соглашения, несовместимые с франко-советским договором о союзе и взаимной помощи⁶⁰⁵, на Мендес-Франса ополчились коммунисты, считавшие, что он таким образом компенсировал отвергнутый парламентом 30 августа (почти без обсуждения, по процедурному вопросу) договор о ЕОС; а между тем для «возбужденного французского общественного мнения» отказ от плана единой европейской армии означал конец возрождения германского милитаризма «в какой бы форме это ни было»⁶⁰⁶. Поэтому в один голос с Дюкло, сказавшим на декабрьских прениях в Бурбонском дворце, что до конца своей жизни Мендес-Франс будет носить «позорное клеймо» за перевооружение Германии, выступили политики самых различных взглядов: от прогрессиста Пьера Кота и социалиста Жюль Мока до деголлевеца Жака Сустеля, тогда считавшегося либерально мыслящим деятелем, и «двух Эдуардов» – Эррио и Даладье.

Воспряли духом враги премьера из МРП, не простившие ему утрату своих командных позиций на Кэ д'Орсэ. Ремесленники и лавочники, в среде которых зрело неонацистское движение «пужадистов», негодовали против супермаркетов и финансовых инспекторов, составивших добрую половину экономических советников Р.М.Ф. Одним не нравился слишком «персональный» стиль его руководства, другим его задушевные «беседы у камелька» по радио, третьим – навязчивое желание победить «зеленого змия»... Но летом 1954 г. он еще находился в зените своей популярности после урегулирования вопроса с Индокитаем. Отсюда и то сравнительное благодушие, с которым даже правая пресса метрополии восприняла его поездку в Тунис, а также согласие принять участие в «за-

⁶⁰⁵ 7 мая 1955 г. Верховный Совет СССР аннулировал этот договор от 1944 г. как утративший силу.

⁶⁰⁶ «L'Année politique 1954», Paris: Ed. du Grand Siècle, p. 433. Напомним, что из Парижских соглашений вытекало создание Западноевропейского союза (ЗЕС). На этот орган как промежуточное звено между НАТО и Европейским советом были возложены функции контроля за соблюдением ФРГ ограничений в области вооружений, в том числе за отказом от производства на своей территории атомного, биологического и химического оружия, а также управляемых ракет и дальнобойных снарядов, и за соблюдением обусловленного теми же соглашениями лимита на авиацию (1 350 машин) и личный состав бундсвера (500 тыс. военнослужащих).



говоре премьера» лидера французского генералитета и одного из высших военачальников НАТО, видимо, еще и понадеявшегося, что в обмен на его, маршала Жюэна, лояльность Мендес-Франс не станет трогать Марокко.

Несмотря на срочную мобилизацию североафриканского лобби в парламенте и засилье ставленников МРП в чиновничьем аппарате Кэ д'Орсэ, лед все же тронулся; и постфактум тунисцы говорили, что Мендес-Франс буквально упал с неба, как ангел мира с оливковой ветвью в руках. Однако экспромт, действительно, заранее готовился и не был случайным озарением, пришедшим на ум Р.М.Ф. А подтолкнул его к «подлинному черчиллевскому» по стилю полету над Средиземным морем не только июльский пик террора в Тунисе⁶⁰⁷. Беспокойный премьер был хорошо знаком с этой страной и ее людьми. Так, после гибели Фархата Хашеда он собирался выступить адвокатом его молодой вдовы, но таинственное дело об убийстве генерального секретаря ВТСТ было закрыто на стадии расследования и похоронено в секретных архивах (подробнее см. выше). С Масмуди же Мендес-Франс близко сошелся как раз в Женеве. И это было личное решение последнего – вызволить Бургибу из ссылки.

«В течение пятнадцати лет, – писал он сам, – Тунису давали обещание внутренней автономии, и я решил его выполнить. Для этого требовалось неоспоримое тунисское правительство, то есть с участием неодустуровцев. Без учета мнения и поддержки Бургибы было не обойтись, и мы пришли к соглашению с Масмуди, чтобы он немедленно поехал (на остров Груа – М.В.) встретиться с ним. Бургиба еще раз проявил столько же интуиции, сколько политического ума и реализма; он был замечательным (il a été remarquable)»⁶⁰⁸.

Ален Савари – видный деятель СФИО поспешил к председателю Нового Дустура на следующий же день после его переезда в Амильи, чтобы уточнить параметры будущих переговоров. Через две недели прозвучала «Карфагенская декларация», 18 августа в Париже открылся франко-

⁶⁰⁷ Еще годом раньше, 4 июня 1953 г., представляя свою программу в качестве кандидата на пост премьера, Мендес-Франс выступил за возобновление «разумных переговоров с Тунисом». Этот пункт особенно приветствовал социалист Э. Дебре, назвавший речь кандидата «струей свежего воздуха, пронесшейся по нашей республике», и поддержавший самого кандидата от имени парламентской фракции СФИО (Берн А. Указ. соч., с. 502).

⁶⁰⁸ Цит. по: Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 144.



Карфагенская декларация



тунисский диалог⁶⁰⁹. Таким образом, Бургиба берет твердый курс на перестройку процесса, принимая в нем непосредственное участие, хотя и не входил в состав официальной делегации (между отелем Континенталь, где она остановилась, и деревней Амильи шло непрерывное движение взад-вперед, как по муравьиной дорожке), а к концу года публикует в Париже с помощью французских журналистов не раз процитированную нами книгу «Тунис и Франция. 25 лет борьбы за свободное сотрудничество». Ее презентация состоялась 11 января 1955 г. в Академии моральных и политических наук, где вспыхнула баталья между друзьями и противникам Бургибы, который, продолжая говорить о независимости Туниса как конечной цели своей борьбы, стремился доказать, в том числе этой книгой – сборником документов, что тунисский народ и партия Новый Дустур не враждебны Франции.

Эта его позиция встретила негативную реакцию в кругах арабских и части тунисских националистов, настроения которых складывались под влиянием международной обстановки. Катастрофа при Дьенбьенфу 7 мая 1954 г. сделала Францию в их глазах раненым львом. 20-21 июля были подписаны Женевские соглашения по Индокитаю, означавшие крупное поражение колонизаторов, а с 1 ноября того же года на территории Алжира уже полным ходом шла вооруженная освободительная война⁶¹⁰, на фоне которой тунисцы сдают оружие и готовы принять условия ограниченного суверенитета неопределенной продолжительности, с вариантом до 20 лет!

Как это было? Кем и кому сдавались смертоносные стволы (в основном это были винтовки времен второй мировой войны) в обмен на «аман» – стопроцентную индульгенцию, или всепрощение, обозначаемое арабским словом, созвучным, и совсем не случайно, с латинским «атеп» и церковнославянским «аминь». Тот факт, что сотня-другая вооруженных

⁶⁰⁹ Пока это была предварительная встреча четырех: Мендес-Франс и Фуше с одной стороны, Бен Аммара и Масмуди, – с другой. Первый тур переговоров начался 4 сентября в Тунисе, куда прибыл Фуше. Затем с 13 сентября переговоры шли в Париже и длились несколько месяцев, в течение которых Бен Аммар то присоединялся к делегации, то возвращался в Тунис. Его рабочим заместителем на переговорах выступал Монжи Слим. Также и французскую сторону на переговорах попеременно возглавляли Мендес-Франс или Фуше.

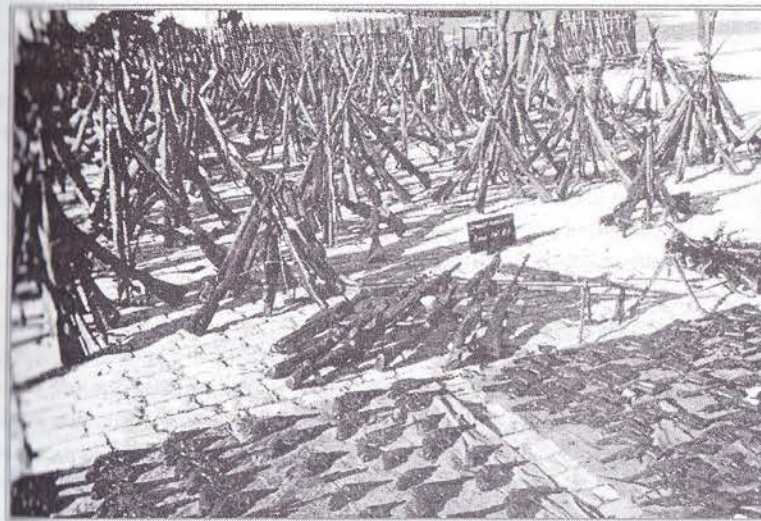
⁶¹⁰ Уточним, что во Франции собственно о «войне» заговорили лишь осенью 1955 г., когда муджахеды перешли от локальных действий в наиболее труднодоступных областях к распространению восстания на равнинные районы и города. Тогда была объявлена мобилизация резервистов. На территории Алжира – в мае 1955 г.



Прощай, оружие...



людей (по некоторым данным, всего 50 человек) не подчинилась и ушла в горы, выглядит менее удивительным, чем другой – тот, что в один прекрасный день примерно 2,5 или 2,7 тыс. феллага опустили оружие, сложив винтовки в аккуратные штабеля, а револьверы – ковром по земле, по призыву человека, который вместе с ними не сражался и которого вот уже почти три года никто не видел в Тунисе, кроме тех немногих, кто посещал Бургибу на о-ве Галит, где его след тоже давно простыл. Разумеется, акция разоружения партизан потребовала определенной подготовки и не была делом одного дня.



Вид одного из пунктов сдачи партизанского оружия

Вопрос о феллага стал камнем преткновения уже на первом раунде переговоров, с которым совпала крупная боевая стычка в начале сентября у горы Джебель Орбата. Именно здесь была пущена в ход авиация, и партизаны подбили одну летающую машину (что, видимо, и послужило прототипом батальной сцены в художественном фильме «Феллага», который мы раньше упомянули). Генерал Буайе де ла Тур сразу предлагал дать амнистию боевикам, если они добровольно сложат оружие и не замешаны в кровавых преступлениях. Однако после начала переговорного процесса (в сентябре-октябре) наблюдалась даже известная активизация партизан, в



том числе отрядов, которые были связаны со Старым Дустуром⁶¹¹. Его вожди призывали своих сторонников, среди которых был и командир Лахдар Шраити, не соглашаться на «аман» раньше, чем стране будет предоставлена полная независимость.

Как только переговоры, начатые в Тунисе, были перенесены в Париж, глава делегации, Бен Аммар, и ее консультант Бургиба, всемерно стремившийся ускорить дело, стали вести работу в пользу разоружения партизанских формирований. Хотя тем самым самым последний обезоруживал и самого себя, ибо в случае провала переговоров лишался бы запасных ходов и мог бы превратиться в «выжатый лимон», если движение феллага возобновится без него и помимо воли партии. Необходимо было еще и получить коллективное решение ее руководства. 11 ноября правительство Мендес-Франса поставило жесткое условие: переговоры будут продолжены при одном условии: если феллага сдадут оружие. Политбюро теперь уже не нуждалось во встречах на «женевском перекрестке». Новый Дустур провел заседание своего Национального совета 14 ноября в здании школы на улице Шорников в Тунисе.

Заслушав сообщения Монжи Слива и Масмуди, оно приняло две резолюции: одну общеполитическую и другую, специально по проблеме феллага. В первой выражалось требование снять режим осадного положения в Тунисе и прекратить «политику репрессий». Во второй, менее внятной, вопрос о партизанских действиях, которые ни в коей мере не осуждались, напрямую связывался «с общим урегулированием тунисского кризиса». Таким образом, обе резолюции не сжигали мосты для продолжения переговоров, уже изрядно затянувшихся, оставляя за партией возможность возобновить военное наступление. Партийное руководство предпочитало говорить о перемирии на время переговоров, а не о об одностороннем разоружении феллага, осуждало индивидуальные террористические акты, выражая солидарность с «нашими бойцами» — партизанами. Не участвовавший в заседании Бен Юсеф, который и не мог вернуться в Тунис, ибо был незаконным эмигрантом, да еще и пользовался услугами радиостанции «Голос арабов», прислал 12 ноября телеграмму из Каира: «Надо под-

⁶¹¹ К числу таких стародустуровских отрядов относились действовавшие в районе Матира, кое-где в горах и на равнинах возле Гафсы. Последняя группа была связана с «сирийцем» Аззузом. Координацией отрядов феллага, ориентировавшихся на «archéos», занимался новый директор этой партии Челби (*El Mechat* S. Op. cit., p. 223).



держивать феллага как средство давления, чтобы пойти дальше обещаний Мендес-Франса, то есть добиться полной независимости...»⁶¹².

От французских властей, в том числе от министра по делам протекторатов Фуше не удалось скрыть тот факт, что автором текста резолюций, принятых за основу Национальным советом партии, был никто иной, как Бургиба. На их удивление, в этом тексте впервые за долгие годы снова звучали религиозные мотивы. Однако в сложившейся обстановке, когда в самой партии отсутствовало единство мнений, а ей предстояло управлять национальным сознанием, обращение к религиозной компоненте этого сознания, обьятого «священным опьянением» бунта, было не только оправданным, но и эффективным.

Следует помнить, что пленум партийного руководств «пéос» состоялся через две недели после первого раската грома алжирского мятежа. Правда, во Франции не сразу оценили опасность нового восстания. Когда в день начала «Ноябрьской революции», день, который ныне преамбула конституции АНДР называет «величайшим взлетом алжирской истории», а это был день всех святых у католиков, посещающих 1 ноября родительские могилы, пришла весть о серии террористических актов в Алжире, некоторые верующие подумали, что тем самым ниспослано новое наказание «парижским грешникам». Сами же грешники, как явствует из комментариев прессы, постарались объяснить эту неприятность происками тунисских мятежников, которые якобы совершили ложный маневр, дабы отвлечь французские вооруженные силы от военных репрессий в Тунисе⁶¹³. Вначале правительство избегало каких-либо официальных мер, не объявляя в заморских департаментах осадное положение⁶¹⁴.

⁶¹² Ibid., p. 224.

⁶¹³ Ратиани Г.М. Указ. соч. с. 272. Заметим, что с 9 октября по 17 ноября 1954 г. произошло 7 крупных боевых столкновений с тунисскими феллага, в каждом из которых погибло от 10 до 30 человек. В том числе 2 ноября разыгралось сражение на юго-западе от Сук эль-Арба, вблизи алжирской границы (*Garas F.* Op. cit., p. 259).

⁶¹⁴ Оно было введено с 3 апреля 1955 г. Войска, расквартированные в Алжире, в ноябре 1954 г. насчитывали 60 тыс. человек, а к весне 1955 г., по официальным данным, превысили 100 тыс. Из района Нанси сюда перебрасывается 2-я моторизованная дивизия (Ратиани Г.М. Указ. соч., с. 273). По сведениям из других источников, личный состав французских войск в Алжире возрос к концу того же года до 180 тыс. и в мае 1956 г. — до 250 тыс. (Ланда Р.Г. История алжирской революции 1954-1962, М.: Наука, 1983, с. 231). После 1958 г. возрос до 400 тыс.



Так прошло больше месяца, и только 9 декабря 1954 г. на заседании парламента, где кабинет Мендес-Франса подвергся серьезной атаке справа и слева (получив вотум доверия с перевесом всего в 29 голосов), премьер заявил о готовности вести решительные военные действия в Алжире. Он знал, что к этому моменту вопрос о тунииских феллага уже урегулирован и, возможно, надеялся, что подобный опыт пригодится в Алжире; так что «правые» имели основание не верить в его искренность. Депутаты-коммунисты заявили протест против намерений правительства увеличить французский военный контингент в Алжире. В итоге крайне правые и крайне левые, исходя с диаметрально противоположных позиций, голосовали вместе за недоверие кабинету министров, предвосхитив его падение.

Соглашение между Бургибой и Мендес-Франсом, который сам на этом этапе нуждался в поддержке тунииского лидера, было достигнуто, по разным данным, 18 или 20 ноября. Оно носило конфиденциальный характер. Дело в том, что официальные члены тунииской делегации требовали, чтобы амнистия явилась всеобщей, а значит, подразумевала бы и разоружение французских колонистов. Следующее их условие состояло в том, чтобы сначала были подписаны конвенции о внутренней автономии, а потом уже решался вопрос об амнистии. Но в таком случае время работало бы против Бургибы, и он принимает уже которое в своей жизни рискованное решение. Обратиться к феллага с просьбой сдать оружие⁶¹⁵.

⁶¹⁵ О том, какие сомнения одолевали самого Бургибу, говорит следующий рассказ: «Моя первая встреча с Бургибой, — пишет Слиман Бен Слиман, — после моего включения из Нового Дустура состоялась в Париже, в отеле Континенталь... И только что приехал из Стокгольма, где в составе тунииской делегации принял участие в работе сессии Всемирного совета мира. Это было 24 ноября 1954 г. Я сидел за столиком кафе на террасе у ресторана, что на Больших бульварах, вместе с Мухаммедом Джрадом (членом ЦК ТКП — *М.В.*)). Здесь обоих заметил Бешир Бен Яхмед, который присел к землякам и предложил Бен Слиману встретиться с Бургибой. Дав согласие, бывший член политбюро «*néos*», а ныне союзник коммунистов, на следующий день отправился в Континенталь, где застал в салоне гостиничного номера около 12 человек, в том числе Хеди Нуиру, которые беседовали между собой, дожидаясь, когда шеф проснется после обеда. Двери спальни отворились, все встали, кроме Бен Слимана, но к нему и бросился Бургиба. «И вот мы обнялись, взволнованные, со слезами на глазах». Удалившись в спальню, они повели разговор вдвоем, и Бургиба сразу «поделился со мной беспокойством, которое он испытывал по поводу переговоров с Францией о внутренней автономии. Все тянется! Быть может, ему придется возобновить битву



Еще 30 сентября генерал Буайе де ла Тур предложил амнистию феллага, но на его призыв никто не откликнулся. Французская резиденция напрасно изводила бумагу, рассыпая свои листовки по стране. «Горы молчали». Бои местного значения продолжались. Партийный совет на улице Шорников, несмотря на туманность его резолюций, все же открывал выход из тулика. Вскоре было принято решение: издать совместное обращение к партизанам от имени двух правительств, французского и тунииского. 12 ноября Буайе де ла Тур обнародовал его на пресс-конференции в Тунисе. Со своей стороны Бургиба заявил в интервью корреспонденту «*Le Petit Matin*», что он это дело поддерживает «безоговорочно»⁶¹⁶.

Оба правительства, а также Генеральный резидент объявили, что в силу достигнутой между ними договоренности, они гарантируют, что феллага не будут подвергаться ни допросам, ни преследованиям. Одновременно население регентства (без указания национальной принадлежности) приглашалось на сдачу незаконно хранящегося у него оружия.

Формально это обращение прозвучало от имени официальных властей, хотя все знали, что за ним стоит фигура «Верховного борца». К предводителям отрядов были направлены парламентарии, всего 44 человека, разбившихся на пары: один французский офицер и кто-нибудь из туниисцев, как правило, это были синдикалисты, учителя, адвокаты — люди из числа «*néos*»⁶¹⁷. Они разыскивали по горам лидеров феллага. Случалось, что те не сразу отзывались на звук клаксонов. Наконец, парламентарии проникали в лагерь, где их встречали несколько человек, обутых в буцы на каучуковой подошве, в фуражках и каком-то подобии военной формы на плечах, даже с

На сей раз это будет вооруженная борьба, уже начатая теми, которых французы называют феллага... «Если я возобновлю борьбу, она будет широкомасштабной и потребует много оружия. Можешь ты мне достать оружие у твоих друзей?» — «Да, почему бы и нет? Но только, что я представляю в их глазах... Наше слабое движение за мир зажато в Тунисе. Вокруг него создана пустота, и ему мешают развиваться. Надо изменить позицию, дать ему нормально развиваться, тогда я буду представлять силу в стране». — «Ладно, посмотрим». Такой была основная тема нашей интимной беседы» (*Ben Sliman S.*, *Op. cit.*, p. 325-327).

⁶¹⁶ *Garas F.* *Op. cit.*, p. 260.

⁶¹⁷ Официальный список 44 эмиссаров был опубликован в печати, но в помощниках служили и другие лица, среди них Бургиба-младший. Он отправился в лагерь к Тахару Ласауеду, который до это расстрелял двоих: офицера и председателя партийной ячейки, решив, что туниисец — шпион (*Moore C.H.* *Op. cit.*, p. 122).



надписью на внутренней стороне американской куртки «Тунисская армия освобождения» и знаком: звезда в полумесяце⁶¹⁸. Остальные выглядели как обычные пастухи. Они предлагали гостям молоко и жареную на углях баранину, усаживали их возле костра, но обменять оружие на карточки, где было записано, что данный человек, сын такого-то..., житель кандата..., плюс отпечаток его пальца, не должен подвергаться никакому судебному преследованию (подпись: «Général de la Tour»), соглашались неохотно.

Тем не менее, переговоры с повстанцами имели успех. Партизанам, чтобы не ущемлять их гордость, внушалась мысль, что они не сдают французов, а откликаются на призыв партии «сложить оружие ради Бургибы». Эта операция заняла несколько дней. Сама сдача оружия началась 7-ого и завершилась в полночь с 9 на 10 декабря 1954 г. Принимал его лично генерал Буайе де ла Тур. Местом сбора служили лагеря расквартирования наиболее крупных отрядов. На фотографиях сохранился их вид: штабеля разнокалиберных винтовок, подобранных на полях сражений второй мировой войны. К утру 10 декабря было сдано, по разным данным, от 2,5 до 2,7 тыс. стволов, и в тот же день Мендес-Франс смог сообщить Национальному собранию, что «порядок в регентстве восстановлен».

В течение следующих дней были сданы остатки оружия, еще несколько сотен винтовок. Из главных полевых командиров не подчинился приказу Бургибы только Тахар Ласауд, который ушел со своими людьми в горы. С этого момента фокус событий, решавших судьбу Туниса, снова сместился на берега Сены. Но на известное время все внимание политических кругов метрополии поглотили европейские дела. Как уже говорилось, 30 декабря 1954 г. Мендес-Франс провел через парламент Парижские соглашения. Прения тянулись целую неделю и закончились ратификацией соглашений большинством в 27 голосов; результат был неожиданным для самих депутатов, ибо выступавшие в прениях соревновались в критике законопроекта. Коммунисты покинули зал с возгласами «Долой войну!», осыпая бранью Мендес-Франса и Ги Молле, который заставил всех социалистов (кроме 18-и) поддержать правительство. Удовлетворение этим результатом, выраженное Эйзенхауэром от имени «всего свободного мира», скорее вредило авторитету Р.М.Ф., чем его поднимало.

⁶¹⁸ Современный флаг Тунисской республики: красное полотнище, посередине которого начертан белый круг, в нем пятиконечная красная звезда и полумесяц.



Наступил новый год, и переговоры, которые вели с одной стороны Мендес-Франс как министр иностранных дел и с другой – Монжи Слим как уполномоченный глава тунисской делегации, снова зашли в тупик, а ведь прошло уже пять месяцев после начала очередного мирного «эксперимента», успех которому на первом этапе обеспечила внезапность. Темп был потерян в ходе переговорного процесса, и глубинная причина его задержки (после разоружения феллага) крылась в том, что обе стороны заранее не имели общего представления о контурах внутренней автономии, или «правах тех и других» – предмете их диалога; а потеря темпа работала на усиление разногласий как внутри самой делегации, так и внутри дустуровского движения, включая руководство «néos». И тогда Мендес-Франс решает встретиться с их лидером № 1, контакты с которым раньше осуществлялись через посредников.

Казалось бы, простое дело было обставлено едва ли с такими же предосторожностями, как встреча Бургибы с консулом Дулиттлом в 1943 г. Личный контакт с человеком, который находился во Франции пусть далеко уж не под арестом, но на положении интернированного, являлся для премьер-министра предосудительным. Опасному мятежнику и вождю головорезов, каковым являлся Бургиба с точки зрения французских правых, от чьих взоров и полагалось скрыть эту встречу, было велено явиться «без хвоста». Чадры на сей раз, конечно, не потребовалось. Элегантно одетого седеющего мужчину, синеглазого, которого в толпе не отличишь от европейца, ждала за углом отеля Континенталь машина с шофером, но выйти на улицу он должен был незамеченным через кухни ресторана и заднюю дверь гостиницы⁶¹⁹.

Тайное свидание было назначено на частной квартире. Она принадлежала Шарлю Гомбо, ведущему журналисту «France Soir» и давнему приятелю Мендес-Франса. Он принял гостя в маленьком салоне, было 11.30 утра – почти время ланча, святое во Франции, однако собеседники

⁶¹⁹ Полиция подчинялась министру внутренних дел Миттерану, которого в декабре 1954 г. правые депутаты объявили коммунистическим агентом. Это было крайне запутанное «дело Дида», спровоцированное тем, что глава МВД, в ведении которого, кстати, находились и три алжирских департамента, уволил префекта парижской полиции, а другие полицейские чины возвели на министра обвинение в раскрытии неких военных тайн, связанных с Индокитаем и ставших достоянием прессы. Лидеры МРП с упоением втянулись в это дело. Мендес-Франс доказал, что оно – дутое. Однако ему и Бургибе лучше было на глаза полиции вместе не попадаться.



заперлись только с бутылкой минеральной воды и даже без пачки сигарет. (Гость раньше был заядлым курильщиком, но с недавних пор отказался от клубов табачного дыма, которые помогали ему думать, начав заботиться о своем долголетии). Двери салона отворились в 2 часа пополудни, Бургиба был голоден и мрачен, а спускаясь по лестнице, проворчал: «Он меня убил». Это был единственный комментарий, услышанный от него 7 января 1955 г. после подпольного саммита. Но основные противоречия на нем все же были урегулированы: те, что тормозили официальные переговоры, на которых тунисская делегация требовала, например, немедленной передачи служб внутренней безопасности в руки национального правительства, тогда как французская сторона соглашалась это сделать лишь по истечении неприемлемо длительного срока; туниисцы требовали создания единой системы судопроизводства, французы настаивали на сохранении двойной (в течение 20 лет) и т.д. Кроме того, существовал еще и скользкий вопрос терминологии, который вызвал пререкания во время беседы один на один между двумя адвокатами. Мендес-Франс понимал, что проект обсуждаемых соглашений не пройдет в парламенте, если использовать дорогой сердцу Бургибы термин «*souveraineté tunisienne*», равнозначный признанию «верховой власти» бейского государства, предлагая нечто более узкое: «*personnalité tunisienne*», то есть его «правосубъектность»⁶²⁰.

Бургиба явно пошел на большие уступки во время негласной встречи со своим *vis-à-vis*, и надо было их ввести в контекст переговоров между официальными делегациями, для этого требовалось коллективное решение туниССского правительства, и оно было принято⁶²¹, а между тем он знал, что Салах Бен Юсеф, с недавних пор обосновавшийся в Женеве, занял позицию, более жесткую, чем на прошлогоднем заседании политбюро, которое учло, что большинство партийных ячеек проголосовали «за», и благословили воспроизведение «правительства национального единства» образца 1950 г.; с той же миссией, но с другими людьми. Заявления генерального секретаря партии, недовольного операцией по расформированию партизанских отрядов, свидетельствовали о том, что он перешел на позицию

⁶²⁰ Lacouture A. Op. cit., p. 162-163.

⁶²¹ 17 января состоялось его заседание, на которое из Парижа прибыли министры-члены делегации. Однако добиться срочного подписания хотя бы рамочного текста соглашений или отдельных статей, касавшихся экономического и культурного сотрудничества между двумя странами, до конца января не удалось.



максималиста, требующего независимости «здесь и сейчас», и оказывал при этом определенное влияние на Монжи Слима, главного переговорщика в Париже, а также на Бахи Ладхама, представителя Нового Дустура в США, и некоторых партийных делегатов в странах Азии. Все большее давление на ситуацию и настроения в Тунисе оказывал «алжирский фактор».

Руководители повстанческого движения в соседней стране обвиняли «*néos*» в предательстве, ведь они не только проигнорировали воинственные призывы КОАМ, раздававшиеся из Каира⁶²², но и оголили «восточный фронт», позволив французам перебрасывать в Алжир силы, эва-

⁶²² Среди них отметим подписанный 4 апреля 1954 г. в Каире «Пакт освобождения Арабского Магриба», о чем Тайеб Слим, оппонент этой идеи, сообщал чуть позже Бахи Ладхаму из Дели (*Ladgham B. Op. cit.*, p. 322). Предположение тогдашних французских властей, что этот документ возник не без участия Насера, подтверждают мемуары Фатхи Дибя, бывшего сотрудника спецслужбы «*мухабарат*», который 3 апреля 1954 г. вместе с «другими руководителями египетской революции» провел собрание представителей национальных партий трех стран Магриба. Оно состоялось в здании штаб-квартиры Арабской лиги, где в то время шли заседания Совета ЛАГ. Это было уже второе собрание такого рода, первое имело место 16 марта, но на нем люди Насера встречались только с братьями аль-Хаттаби (Диб Ф. Абд ан-Насир ва саураат-уль-джазаир [Насер и алжирская революция], Каир: *Дар аль-мустакбаль аль-арабий*, 1984, с. 16, 21-32). Анализируя довольно туманные воспоминания этого соратника Насера, историки приходят к выводу, что весной 1954 г. члены СРК имели слабое представление о раскладе сил в национальном движении стран Магриба. Они только нащупывали людей, через которых могли бы распространить свое влияние на этот регион. Сначала их выбор пал на эмира Абд аль-Крима, который в то время, пока еще шла война в Индокитае, настаивал на открытии «второго фронта» против Франции. Затем отдали предпочтение Бен Белле. Не типичное для насеристов обращение к политическим партиям, которые в самом Египте были запрещены (их бывшие лидеры решением СРК от 5 апреля 1954 г. получили и поражение в правах), закончилось появлением мертворожденного «пакта», от подписания которого, кстати, уклонились Алляль аль-Фаси и Салах Бен Юсеф. От имени Нового Дустура свою подпись поставил Али Бельхаван. В сущности этот документ, провозгласивший создание Североафриканского фронта (*джанбу тахрир аль-магриб аль-арабий*), был направлен против партий, в том числе и Партии алжирского народа, место которой в КОАМ заняли выходцы из подпольной «Секретной организации». Наконец, 29 мая в Каире была подписана без огласки хартия единства действий командос трех стран Магриба (*Djeral D. Alliances et mésalliances ou les relations algéro-tunisiennes vues par le FLN, 1954-1958 // Actes du IX Colloque International sur Processus et enjeux de la décolonisation en Tunisie (1952-1964), Tunis: ISHMN, 1999, p. 93, 115-118*)



куированные из Индокитая; тогда как до конца 1954 г. они направлялись главным образом в Тунис. Между тем нечто подобное тому, что раньше имело место в Тунисе, но более анархическое: сочетание городского терроризма и очаговых партизанских действий, подпитываемых традицией контрабанды оружия, получило развитие в Марокко, где приверженцы самых разных партий и политических течений, «вольные стрелки», а со временем и горные племена включились в борьбу за возвращение на трон изгнанного султана.

Зародившееся в Касабланке в ходе событий 7-8 декабря 1952 г., террористическое движение, как и партизанское, гнездившееся в горах Рифа, являлось децентрализованным. После династического переворота мишенью террористов стали «предатели»: марокканцы, сотрудничавшие с полицией, новый султан Бен Арафа (несколько покушений на его жизнь), а также имамы, согласившиеся начинать пятничную молитву с упоминания его имени. Толпы верующих прикрывали ускользавших злоумышленников. Основным местом приобретения оружия слыл Танжер; испанские власти закрывали глаза на его транспортировку через Северное Марокко, где тренировались и отряды бойцов, назвавшие себя «Освободительной армией» (ALM), которая 2 октября 1955 г. атаковала французский пост в ущелье Таза. Этот день стал ее боевым крещением. (Часть оружия она получила морем из Египта, пароход с ним прибыл в марте 1955 г. в Надор)⁶²³. Своего пика разгул городского терроризма достиг еще в июне этого года. «Черный полумесяц» и другие группировки с грозными названиями имели

⁶²³ Мубарак З. Мухаммад аль-хамис ва Абд аль-Крим аль-Хаттаби ва шаклийят истикляль аль-магриб, [Касабланка]: Phediprint 2003, p. 245. Там же, под городом Надор, действовал партизанский лагерь, одним из начальников которого был д-р аль-Хатыб («Мясник»), в 1954 г. переключившийся с городского терроризма на организацию жакерии в Рифе, хотя ни бербером, ни уроженцем этого края он не был; родился и учился в г. Мазаган, медицинское образование получил в Париже и был замечен в придворных кругах, правда, женился на дочери одного из бывших министров эмира Абд аль-Крима. Позже имел темное отношение к восстанию в Рифе, подавленному королевской армией (1958 г.), два месяца отсидел в тюрьме и бежал вместе с сообщниками в Мадрид. В феврале 1959 г. создал в тандеме с выходцем из Среднего Атласа, бывшим офицером французской армии Махжуби Ахерданом легальную партию Народное движение (по сути «рифо-берберскую»), которая провела свой учредительный съезд 9 ноября того же года; занимал высокие посты: министра, председателя парламента, королевского советника. «Воплощал собой крестьянское лобби» (*Belouchi B.* Op. cit., p. 105-109).



своим оппонентом паравоенную организацию «Présence Française», председатель которой был выслан из Марокко как раз в июне 1955 г. решением нового Генерального резидента Жильбера Гранваля. Он рекомендовал отречение нелегитимного султана и замену его регентским советом. Но «либеральные дни» Гранваля, два месяца, быстро промелькнули. Набег кочевников, истребивших в августе десятки французов вместе с детьми, вызвал вслед за собой карательные походы генералов против арабов, яростные демонстрации французов против Гранваля и его отставку. Лишь 1 октября 1955 г. дряхлый Бен Арафа все же освободил престол после переговоров между представителями марокканского общественного мнения и французского правительства⁶²⁴, продолженных с 31 октября в Париже Мухаммедом V.

Великий замысел «каирского мечтателя» эмира Абд аль-Крима рассыпался в прах. Восстание в Магрибе пошло не единым путем, а тремя разными дорогами, и там, где «искра» вспыхнула, там же она впервые и загла. Но все же психологически населению Туниса было еще трудно расстаться с мыслью об оружии, которое сложили организованные отряды феллага. Характерно, что в первые месяцы алжирской войны французы называли местных повстанцев не иначе, как «феллага», подразумевая, что они представляют собой то ли бродячие группы вооруженных тунисцев, то ли смешанные бандитские группы. В самом деле, до тех пор, пока оно не перекинулось на департамент Оран (август 1955 г.), пламя алжирского восстания полыхало в основном на северо-востоке страны, то есть на сопредельной с Тунисом территории. Судя по всему, Революционный комитет, сложившийся весной 1954 г. и в октябре преобразованный в ФНО, имел два координационных центра: один в Каире и другой в горах Ореса, где были специальные люди, ведавшие связями с «тунисскими братьями». И последние вряд ли могли не получить текст призыва алжирской Армии национального освобождения (АНО), распространенный 1 ноября 1954 г., а точнее в ночь с 31 октября на 1 ноября, когда был подан сигнал к началу действия, и в 30 населенных пунктах Алжира раздалось взрывы⁶²⁵.

⁶²⁴ Речь идет о переговорах 22-27 августа 1955 г. на южном курорте Экс-ле-Бен во Франции с участием Бен Барки (Истикляль), Хасана аль-Ваззани (ДПН) и др.

⁶²⁵ В 00 часов 1 ноября 1954 г. произошла сотня нападений (убиты 7 мирных французов, в том числе двое учителей, ранены офицер и два полицейских), атакованы военные казармы и несколько комиссариатов полиции.



Листовка гласила: «Алжирский народ! Подумай о своем униженном положении колониально угнетенного... Мы призываем тебя плечом к плечу с нашими братьями на востоке и на западе (в Тунисе и Марокко – М.В.) вернуть себе свободу ценой собственной крови... Неучастие в борьбе – преступление. Сопротивление ей – предательство. Бог – с борцами за правое дело, и никакая сила не может отныне их остановить...»⁶²⁶. В тот же день египетское радио передало призыв Бен Беллы к алжирцам начать восстание против колонизаторов.

«Голос арабов» из Каира зазвучал «на новой волне» после второго государственного переворота, выпустившего из-за кулис подполковника Насера, который с 17 апреля 1954 г. занял кресло премьер-министра, перед этим разграв свою отставку, и был уже не далек от того, чтобы совсем избавиться от «свадебного» генерала Нагиба (сторонника возвращения армии в казармы, а страны – к гражданскому правлению), оседлав толпу, вышедшую на демонстрацию 27 марта под лозунгами «Нет партиям!», «Нет парламенту!», «Не уходи, Гамаль!». И в том же году издал свою «Философию революции», где писал: «мы не можем безучастно взирать на карту мира, не задумываясь о том, каково наше место в нем», сделав геополитический вывод, что Египет – центр трех кругов, арабского, африканского и мусульманского, и сразу взял под прицел обстановку в Магрибе. Каирское радиовещание – самое мощное тогда в арабском мире, равно как личные встречи «бикбаши» с тунисцами⁶²⁷, оказывали несомненное влияние на дустуровское движение, углубляя латентное противостояние умеренных и максималистов. Не говоря уже о застарелом конфликте «archéos» и «néos», а также о противоречиях националистов с коммунистами, которые то поддерживали новую Либерал-конституционную партию, то вступали в «противоестествен-

⁶²⁶ Цит. по: Ланда Р.Г. История Алжира. XX век..., с. 109. АНО как военная ветвь Фронта национального освобождения (ФНО), образованного решением Революционного комитета из 22 человек, распространила 1 ноября свое воззвание, ФНО – свое. Во втором речь шла о возможности решения спорных проблем с французскими властями путем переговоров. Но французы еще лишь гадали о том, кто кроется за «ФНО»: то ли одна из фракций МТЛД, обе из которых на всякий случай были 5 ноября 1954 г. запрещены, то ли УДМА Фархата Аббаса.

⁶²⁷ Салах Бен Юсеф в своей переписке с Бахи Ладхамом сообщал 3 сентября 1954 г. из Женевы, что вылетает на несколько дней в Каир, где его ждет аудиенция у Гамали Абдель Насера; затем сразу вернется назад, чтобы принять парижских «переговорщиков». 24 ноября он пишет: французы хотят «навязать нам столь кучую внутреннюю автономию», что ее и не будет, а своему нью-йоркскому корреспонденту внушает, что надо сосредоточить все силы на решении тунисского вопроса через ООН (*Ladgham B. Correspondance...* p. 269-274).



ный» альянс со старой, сойдясь в данном случае с ее вождями без армии на отрицании идеи внутренней автономии. Кстати, по-арабски в Тунисе ее называли двояко: «аль-истикляль ад-дахилий» (букв. «внутренняя независимость») или «аль-хукм аз-затий» – термин, эквивалентный понятиям «самоуправление», английскому «self government», французскому «autogestion» и т.п.⁶²⁸

Если в Каире окопались радикальные националисты, недовольные отказом Бургибы от «внешней независимости», то и в Париже он подвергался нападкам со всех сторон, в том числе – слева. И не только со стороны коммунистов, объединившихся с правыми в оппозиции к кабинету Мендес-Франса, но и от представителей более широкого спектра «леворадикалов», связанных с социалистами или беспартийных, даже сотрудничавших в респектабельных буржуазных газетах. Так, в беседе с Жаном Даниелем, корреспондентом «L'Express» по Алжиру, который сам был выходцем из этой страны, а родившись в еврейской семье с одиннадцатью детьми, происходил, как и его друг, сотрудник той же газеты Альбер Камю («выросший, – по словам Камю о самом себе, – между бедностью и солнцем»), из типичной среды «маленьких белых», которая в изобилии плодила под небом Северной Африки французских шовинистов, но относился к их антиподам, лидер Нового Дустура сказал следующее:

«Вы что же это хотите, чтобы истекшая кровью и лишенная всех своих элит страна обрела независимость? Всегда, вот, вы хотите вмешиваться в наши дела. Правые, чтобы нас эксплуатировать, левые, чтобы нас поучать. Вы всё пытаетесь навязать нам свою концепцию революции, вы, которые не сумели совершить у себя. Бургиба стал пособником неокolonизма? Подождите и увидите, что я сделаю со внутренней автономией, прежде, чем об этом судить. Ведь вы же знаете, что они собой представляют, эти левые. Ну а я, Бургиба, скажу вам, что они – идеологические империалисты!»⁶²⁹. Последняя фраза запомнилась Даниелю, который на первых порах разошелся со своими коллегами по «мендесисткой» газете, осудив Р.М.Ф. за его «куцые» предложения по Тунису, но затем переменял свою точку зрения.

Этого нельзя сказать о других оппонентах политики Мендес-Франса, которые множились числом как во Франции, так и в арабском мире, где задули новые ветры после того, как из Москвы начали смотреть на

⁶²⁸ См., например: Бургиба Х. *Хайатуху ва джихадуху...*, с. 99, 120; Шериф М.-Х. *Таурих Тунис...*, с. 136.

⁶²⁹ *Siritzky S., Roh F. Op. cit.*, p. 63.



Египет как на возможного политического партнера, делая это по разным причинам, в том числе – под впечатлением, что ЛАГ, переходившая под контроль Насера, стала «более определенно» склоняться к «проведению политики нейтралитета между западными и восточными блоками»⁶³⁰. Не преувеличивая воздействие внутриегипетских и – шире – ближневосточных событий на позицию французской компартии, мнение которой, безусловно, складывалось под влиянием Старой площади (и отражалось в официальных заявлениях ТКП), следует отметить, что, перейдя с осени 1954 г. в общую оппозицию к правительству Мендес-Франса, руководство ФКП сделало вывод, что позитивное содержание «Карфагенской декларации» выхолощено тайным сговором колонизаторов и их приспешников, орудующих за спиной тунисского народа. Подобные заявления, рассыпанные в коммунистической прессе, по смыслу, а отчасти и по тексту совпадали с новогодним посланием к соотечественникам Салаха Бен Юсефа, который впервые публично объявил, что правительство Франции «и не собирается выполнять свои обязательства», а под видом автономии «хочет сделать из нас управляющих (gestionnaires) колониальным режимом в Тунисе»⁶³¹.

Между тем в ноте Мухаммеда Хидера, нового главы алжирской секции КОАМ, которую он подал 28 декабря 1954 г. руководству ЛАГ, отмечалось: «Франция обеспокоена созданием Североафриканского фронта и маневрирует, чтобы отделить алжирский вопрос от тунисского и марокканского»⁶³². Выпущенное в тот же день заявление КОАМ в принципе не

⁶³⁰ Из записи беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с министром иностранных дел М. Фавзи, имевшей место 7 апреля 1954 г. На ней Фавзи передал благодарность советскому правительству за его позицию, занятую в Совете Безопасности при разборе жалобы Израиля на Египет, связанной с судоходством по Суэцкому каналу. Попутно обсуждались результаты визита египетской экономической делегации в СССР, который она посетила в начале января после стран народной демократии (Ближневосточный конфликт 1947-1956..., с. 208-209). Эта поездка, в которой участвовал заместитель военного министра Хасан Раджаб, проложила дорогу к знаменитой сделке о закупке чехословацкого оружия, которая была заключена в феврале 1955 г., хотя объявлена позже.

⁶³¹ В Тунисе это послание опубликовала на французском 5 января 1955 г. «Le Petit Matin» (Julien Ch.-A. Op. cit., p. 173).

⁶³² Mechat S. Op. cit., p. 225. Примечательно, что к этому времени был уже образован ФНО как алжирская революционная организация, но в цитируемой ноте все еще фигурирует иллюзорный Североафриканский фронт.



осуждало франко-тунисские переговоры, однако члены комитета, работавшие на их провал, не скрывали, что сами по себе эти переговоры дезавуируют «Пакт освобождения Арабского Магриба», подписанный ранее в Каире с целью создания новой организации (Фронта освобождения), которая должна была действовать как межпартийное образование под эгидой ЛАГ, а в своем учредительном документе от 4 апреля 1954 г. решительно отвергала мысль о вхождении стран Северной Африки во Французский союз в какой бы то форме ни было.

Опубликованное «Le Monde» 2 февраля 1955 г. заявление Бургибы о том, что «Тунис и тунисцы не смогут обойтись без Франции», не произвело должного впечатления на крайне правых, которым оно было адресовано, чтобы их успокоить. Зато дало еще один повод «арабским братьям» обвинять его в оппортунизме, лакействе, предательстве и т.п.

Но не это, а другие препятствия: выступления французских ультра в самом Тунисе, жертвами которых становятся их же соотечественники из числа «либералов», и наличие влиятельного колониистского лобби в парламенте метрополии – все это мешает успешному доведению до конца миссии правительства Бен Аммара. 2-5 февраля 1955 г. в Национальном собрании Франции состоялись (отложенные полгода тому назад) дебаты по запросам о Северной Африке, в ходе которых Мендес-Франс, пришедший к власти с заявлением, что главной целью его правительства станет прекращение огня в Индокитае, и теперь собравшийся капитулировать в Тунисе, подвергся жесточайшей критике. Депутат от Алжира, генерал Омеран («независимый» республиканец)⁶³³ заявил в своей речи, что если премьер подпишет обсуждаемые сейчас соглашения, «это означает, что он готов дать Тунису полную независимость. Тогда вся Северная Африка пойдет по пути анархии, как и Индокитай»⁶³⁴.

Депутат от Константины, радикал Р. Мейер не только полностью согласился с генералом, своим «соседом по избирательному округу», потребовав расправы с арабскими националистами, где бы они и кем бы они

⁶³³ Генерал Омеран являлся членом правления компании «Société des fermes françaises de Tunisie», владевшей в Тунисе 25417 га земли, не считая 6333 га в Алжире (Франция и тресты, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1955, с. 192).

⁶³⁴ Цит. по: История Франции. Т. 3, М.: Наука, 1973, с. 373. Подробнее об этих бурных прениях см.: «L'Année politique 1955», Paris: Ed. du Grand Siècle, p. 11-14, 186-196.



Депутаты не уложились в отведенное для дискуссии время, засидевшись в последний день дебатов далеко за полночь, и смертельный удар тореадора был нанесен воскресным утром 6 февраля, когда Рене Мейер склонил 20 (из 72-х) членов своей партии радикалов высказаться за недоверие правительству. В ту же корзину с черными шарами пошли 73 голоса членов МРП (из 78-и), а также 98 голосов коммунистов и прогрессистов, не считая независимых, крайне правых и проч. Среди голосовавших «за» самую большую не расколовшуюся группу составили 105 социалистов. Воздержавшихся оказалось мало, 27 человек⁶³⁸.

Ошибкой Мендес-Франса на этом заседании, вошедшем в парламентские анналы как самая некрасивая баталия, похожая, если не на корриду, то на псовую облаву, было то, что затравленный глава свергнутого правительства, решил произнести прощальную речь. Она оказалась сумбурной и заглушалась выкриками протеста как с правой, так и с левой скамьи, откуда задавались перебивающие вопросы (например: «А что вы скажете о перевооружении Германии?»). Оратор же пытался сказать, коснувшись Северной Африки: «Дела, которым мы дали ход, не остановятся. Люди приходят и уходят, но нужды нации остаются...». Ему пришлось свернуть выступление, которое он закончил словами: «Я надеюсь, что в будущем общими усилиями всех патриотов...мы дадим стране новый повод для надежд и что мы преодолеем ту ненависть, которую, к сожалению, так часто демонстрировали здесь. Vive la France!». С трибуны он спускался под улюлюканье и свист, где потонул возглас «Фашисты!» (депутат Вердые), и долго не смолкала неистовая брань в его адрес со скамьи коммунистов⁶³⁹. Пресса описывала это заседание как «конец эпохи». За ним последовал правительственный кризис; и франко-

французов изменить свою позицию по отношению к народу, «до сих пор подвергавшемуся настоящей сегрегации». В ответ Р.М.Ф., которого его друзья еще надеялись вернуть к власти, изложил свой план, состоявший в следующем: распустить Алжирское собрание и провести новые выборы, но на сей раз не фальсифицированные, осуществить экономическую реформу в пользу мусульман и создать конфедерацию из трех стран Магриба (*Siritzky S., Roh F. Op. cit., p. 74*).

⁶³⁸ Подробнее см.: *Julliard J. La IV-e République. Naissance et mort, Paris: Calmann-Lévy, 1968, p. 171.*

⁶³⁹ Лишь после падения правительства Мендес-Франса лидеры ФКП согласились, что «можно вместе с водой выплеснуть и ребенка», критикуя начатый им в Тунисе опыт урегулирования политического кризиса (См., например: статью Пьера Куртада в «L'Humanité» за 23.4.1955 и заявление тов. Вальдек-Росше в той же га-



давал правительственный кризис; и франко-тунисские переговоры возобновились лишь в середине марта.

Новый кабинет был сформирован 23 февраля Эдгаром Фором, который незадолго до отставки Мендес-Франса занял освобожденное главой правительства кресло министра иностранных дел. Личные отношения между этими двумя людьми были неважными, да и партия, к которой оба принадлежали, разваливалась⁶⁴⁰. Ядро нового кабинета составили деятели правого крыла: в него вошли 3 деголлевеца и 3 правых радикала, один член МРП и двое «независимых». На Кэ д'Орсэ водворился Антуан Пинэ («Господин потребитель»), а весь кабинет за свою пассивность снискал название «правительства наименьших усилий», особенно ехидно звучащее из-за игры слов: «le gouvernement d'E. Faure de moins d'efforts».

Вздохнувшие с облегчением «рассамблисты» очень надеялись, что им удастся повернуть вспять процесс, которому задала ход так называемая карфагенская политика Мендес-Франса, то есть подвергнуть ревизии, если не целиком похоронить уже согласованные пункты конвенций о внутренней автономии; а со своей стороны генерал Буайе де Ла Тур, обеспокоенный рецидивами мусульманского терроризма, высказывался в том смысле, что не позволит разбазаривать остатки французской империи. Готовые взять дело в свои руки колонисты, действовавшие по принципу «европейцы всей Северной Африки, объединяйтесь», провели 15 мая в Тунисе конгресс, предложивший свой вариант решения проблемы, представлявший собой вывернутый наизнанку проект Великого Арабского Магриба. Их проект, выработанный с участием представителей отрядов самообороны из

зете 25.4.1955). Итогом решений пленума ЦК ФКП 11-12 мая 1955 г., означавших курс на сближение с социалистами, стало среди прочего снижение градуса критики проекта франко-тунисских соглашений, за ратификацию которых депутаты от ФКП в конечном итоге проголосовали 9 июля, воздержавшись на парламентской комиссии по международным делам, где по данному вопросу докладывал Робер Вердые (*Julien Ch.-A. Op. cit., p.191*)

⁶⁴⁰ Мендес-Франс, действительно, сделал попытку создать вокруг себя «новую левую» без коммунистов, напротив, правые радикалы сдвинулись еще дальше вправо. В мае и ноябре на съездах партии радикалов и радикал-социалистов Мендес-Франсу удалось одержать победу над противниками, в итоге из нее были исключены Марино-Депла, Рене Мейер и Жан-Пьер Давид; впоследствии они образовали новую партию во главе с 80-летним Кеом. Премьер Э. Фор вышел из своей партии вскоре после того, как сформировал правительство.



трех алжирских департаментов и двух протекторатов (в том числе марокканской ассоциации «Présence Française»), предусматривал создание Североафриканского союза, «неразрывно связанного с метрополией», но самостоятельного управляющего своими делами и по своему же усмотрению строящего отношения с «квалифицированными представителями» туземной общины. Само собой разумеется, в таком союзе внутри Французского союза подразумевалось «участие французского населения на всех уровнях местных институтов власти»⁶⁴¹. А по существу это был сепаратистский план, появлению которого предшествовал организованный 30 апреля в Тунисе с помощью французских мэров и двух «сенаторов» (А. Колонна и Г. Пюо) митинг примерно 6-7 тыс. европейских поселенцев, публично предавших анафеме имена французских министров и дипломатов, которые «не смогли защитить ни интересы нашей родины, ни ее права».

Резкое обострение ситуации в Марокко, которая на тот момент выглядела значительно хуже, чем в Алжире, стимулировала диссидентские настроения «ультра», разочарованных в родине-мачехе. Противостоящее им в Тунисе «Движение за свободную франко-тунисскую кооперацию», едва насчитывавшее 30-40 человек, было бессильно, а его безоружных активистов мог выручить разве что верный пес, спасший лаем своего хозяина, профессора Пиньона (специалиста по истории Туниса XVIII века), от молодых французских патриотов, которые добрались-таки до 82-хлетнего д-ра Бюрне, бывшего директора института им. Пастера, разбив ему голову железным прутом. Такого рода нападения среди бела дня вынудили Буаиде Ла Тура применить к предполагаемому заказчику покушений, некоему отставному генералу, королевский эдикт 1778 г., чтобы выслать его из Туниса за «вредительское поведение»⁶⁴².

В ответ 7 мая, в годовщину освобождения Туниса от фашистской оккупации, собралась манифестация из 15 тыс. человек, которые возложили венки памятнику Жюлю Ферри и на могилу неизвестного солдата, а затем прямиком двинулись к французской Резиденции, на чугунные решетки которой полезла взбудораженная молодежь. Наблюдателям осталось только сравнить эту сцену с неоднократными попытками юных арабских националистов штурмовать то же здание. Зато многие тунисцы укрепились в мысли, что обсуждаемая в Париже схема внутренней автономии

⁶⁴¹ Julien Ch.-A. Op. cit., p. 185.

⁶⁴² Ibid., 186.



автономии, которая оставляет в руках французов полицию, безучастно смотрящую на буйство европейских «молодчиков», никуда не годится.

Нагнетание напряженности, спровоцированное колонистами, не только грозило возобновлением войны «двух Дустуров». Об этом свидетельствуют, в частности, решения съезда Старого Дустура (16-17 апреля), подтвердившего свою верность тезису о «неколебимой воле тунисского народа обрести свою независимость», вытекающему из резолюции «Съезда Ночи Предопределения». Апрельский съезд ввел в состав Исполкома «archéos» новых лиц, в том числе двух молодых зейтуновцев, могущих придать второе дыхание увядающей партии⁶⁴³. Она готовилась низвергнуть старую «néos». В свою очередь тунисские коммунисты, за исключением нескольких колеблющихся, отвергали всякое соглашение «в ущерб внешнему и внутреннему тунисскому суверенитету и правам тунисского народа в какой-бы то ни было области». Пленум ЦК ТКП, состоявшийся 25-26 февраля, возложил на правительство Бен Аммара и Новый Дустур ответственность за провал переговоров, а в дальнейшем ее издания принялись развивать свой старый тезис, выдвинутый еще в 1950 г., что Франция преследует в Тунисе две эгоистические цели: «подштукатуривание» («repillage») режима протектората и раскол национального движения⁶⁴⁴. Только федерация СФИО, по численности личного состава – всего лишь ячейка, и ее почтенный по возрасту печатный орган «Tunis-Socialiste» с волнением и сочувствием следили за развитием переговоров, действительно, оказавшихся на грани срыва из-за переноса на французском политическом Олимпе.

Тем не менее, правительство Эдгара Фора, от которого требовался отказ от пацифистского курса его предшественника, все же в отношении Туниса пошло в русле политики Мендес-Франса. После некоторой заминки, вызванной противоречиями договаривающихся сторон по частным пунктам соглашения⁶⁴⁵, 21 апреля 1955 г. состоялась полуторачасовая встреча один

⁶⁴³ На апрельском съезде были избраны новый генеральный секретарь Старого Дустура (А. Табури) и директор партии (Х. Челби), ветерану партии, С. Фархату, отведена роль ее пожизненного председателя. Эти кадровые перестановки увенчались рождением «archéos» с молодой порослью аз-Зейтуны (Hamza H.R. Op.cit., p. 309).

⁶⁴⁴ Ibid., p. 269-271.

⁶⁴⁵ По мере того, как улаживались одни противоречия, возникали другие. На завершающем этапе переговоров особенно остро обсуждался вопрос о «военных территориях». Французы собирались удержать их за собой. Кроме того, Салах бен Юсеф еще в начале января 1955 г. опубликовал свое заявление, в котором



на один Эдгара Фор и Бургибы, результатом чего становится парафированный текст проекта договора о внутренней автономии. Внешне эта решающая встреча разительно отличалась от «конспиративного» похода Бургибы на прием к Мендес-Франсу. Она происходила в резиденции главы правительства Французской республики, мало того, дорогу лидеру Нового Дустура, в общем-то неофициальному лицу, ко дворцу Матиньон прокладывали два мотоциклиста, и по полному протоколу охрана в касках кирасиров отдала ему честь. В этом он видел большое торжество своему самолюбию. Другое дело, что беседа за чайным столом снова равнялась бою; а к вечеру того же дня ожидалась официальная встреча делегаций.

Прибыв на место, Бургиба имел с собой текст рамочного договора, который должен был разблокировать ситуацию, как и раньше, упирающуюся в непримиримые требования сторон. На счастье, тот депутат (Пьер Жюли, бывший член РПФ), который, проголосовав против Мендес-Франса, возглавил министерство по делам протекторатов в новом кабинете и был настроен отменить все то, что успела сделать прежняя команда, переменил свое мнение, ознакомившись поближе с подготовленными документами. Да и сам Эдгар Фор, еще в первое свое короткое премьерство искавший выход из тунисского тупика, симпатизировал Бургибе⁶⁴⁶. К тому же большую роль в подготовке «draft project» соглашений сыграл один из редких чиновников французской администрации, деды и прадеды которого

подчеркивал, что ни одно автономное государство не может обойтись без собственной армии (*El Mechat S. Op. cit.*, 229). Теперь же, как явствует из письма, отправленного им 2 апреля Бахи Ладхаму, он провел серию консультаций с членами руководства партии и даже с Т. Бен Аммаром, которые якобы на его стороне. Автор письма утверждал, что Монжи Слим дал ему обещание, если правительство Фор одобрит «проект Мендеса», не ставить свою подпись под парафированным договором, то есть сорвать соответствующую процедуру и потребовать созыва чрезвычайного съезда партии, на который он, Бен Юсеф, постарается прибыть (*Ladgham B. Correspondance...* p. 284-285). Это письмо проливает свет на причины того, почему парижская пресса по два раза в неделю сообщала, что тунисские министры, кажется, «собираются упаковывать чемоданы» (*Garas F. Op. cit.*, p. 267).

⁶⁴⁶ К середине апреля между Эдгаром Фором и Бен Аммаром уже была достигнута договоренность по черновому варианту соглашений, но за пасхальную неделю, когда переговоры были прерваны, позиция других тунисских переговорщиков «ужесточилась». Тут и потребовалось срочное вмешательство Бургибы, с которым Фор имел предварительную встречу 18 апреля, а через три дня – полуофициальную (*Julien Ch.-A. Op. cit.*, p. 181, 189).



по матери (старшие из них – граждане Генуи) жили в Тунисе, говорили по-арабски, пили-ели и одевались на местный лад. А сам он чувствовал себя среди тунисских националистов как рыба в воде. И они ему доверяли. Этот человек – Шарль Сомань, который специально приехал в Париж, чтобы послужить теневым посредником на переговорах. С ним-то Бургиба, весьма кстати предупрежденный Соманем, что не все ладно у него за собственной спиной, и провел бессонную ночь с 20 на 21 апреля в поисках формулы компромисса⁶⁴⁷.

Один из ключевых элементов этой формулы был заложен в статье 6-ой соглашений, которая гласила, что Франция и Тунис «признают за выходцами из соответственных стран особые права, отличные от тех, которыми пользуются другие иностранцы» (по настоянию Монжи Слива: не «навечно», а только на период действия режима внутренней автономии). Таким образом был обойден острый угол вопроса о национальной идентичности физических лиц, связанного с двусмысленностью французского принципа *ius soli*, перенесенного на тунисскую почву, и снималась проблема двойного гражданства, предложенного в свое время Франсуа Миттераном, но не устроившего Бургибу, при настоящем положении вещей⁶⁴⁸.

Несмотря на то, что Монжи Слим выражал недовольство этой статьей, 22 апреля утром – чуть за полночь – протокол о намерениях был заключен. Еще целый месяц ушел на редакционную правку прежде, чем договаривающиеся стороны 29 мая 1955 г. парафировали окончательный текст соглашений и, наконец, 3 июня состоялось их официальное подписание. В церемонии участвовали французский премьер Эдгар Фор и министр по делам протекторатов Пьер Жюли, тунисский премьер Тахар Бен Аммар и министр без портфеля Монжи Слим. Репортеры заметили, что последний черкнул пером справа налево, то есть выразил свое особое мнение подписью, сделанной по-арабски. Однако в дальнейшем этот грациозный, субтильный человек с грустными миндалевидными глазами, которого Бургиба все месяцы мучительных переговоров считал тайным саботажником, не составлял оппозиции председателю партии. Чтобы уж там ни говорили о

⁶⁴⁷ Bessis S., Belhassen S. Op.cit., p. 152. Шарль Сомань (1890-1972), родившийся и умерший в Тунисе, адвокат, работавший на разных должностях в системе колониальной администрации, к тому времени уже был на пенсии.

⁶⁴⁸ Ныне тунисцы, в частности женатые на русских, могут иметь двойное гражданство и два паспорта. В первые годы независимости таких правил не было.



Карфагенская декларация



его дружбе с Бен Юсефом, которому он был правой рукой в то время, когда «Верховный борец» находился в эмиграции, или, наоборот, о глухой вражде, якобы тлевшей даже на тюремных нарах между Монжи Слимом, аристократом греко-мамлюкского происхождения, и Бургибой — плебеєм из провинции.

Суть соглашений, которые были ратифицированы французским парламентом 9 июля (с результатом 538 голосов «за», 44 «против», 29 воздержавшихся) и вступили в силу с 31 августа 1955 г., сводилась к передаче Тунису «внутреннего суверенитета» и делегированию Франции его «внешнего суверенитета». С юридической точки зрения это означало возвращение к Бардоскому договору от 1881 г., который ущемлял права скорее Османской империи, нежели Туниса, где внутренние дела еще с XVII века решались без оглядки на Высокую Порту. Новыми соглашениями Бардоский договор не отменялся. Зато была упразднена 1-ая статья конвенции от 1883 г., заключенной в Ла Марса — первый и единственный текст, где фигурировало слово «протекторат», а также содержалось положение о том, что бей обязуется производить у себя реформы, «кои французское правительство сочтет полезными». Именно эта коварная формулировка, изобретение Поля Камбона, означала отказ бейской «верховой власти» от внутреннего суверенитета, который теперь, спустя 72 года, восстанавливался.

По форме весь пакет документов представлял собой общую и ряд специальных конвенций. Предоставляя Тунису внутреннюю автономию, эти конвенции сохраняли за Францией право определять внешнюю политику Туниса, обеспечивать его безопасность, «защищать интересы» французов, проживающих в этой стране. Они сохраняли свои экономические палаты. Генеральный резидент отныне назывался «Верховным комиссаром» (как было раньше в подмандатных Сирии и Ливане), а гражданские контролеры получили название «уполномоченные верховного комиссара». Им вменялось в обязанность осуществлять именно контроль, а не прямое управление территориями, входившими в зону их ответственности. Но главное достижение состояло в том, что четыре директора-француза заменялись тунисскими министрами, и правительство страны могло стать действительно «однородным».

В Париже создавалось постоянное тунисское представительство, нечто вроде посольства или консульства без дипломатического статуса. В остальном внешние сношения страны оставались прерогативой Франции, которая должна была представлять интересы Туниса в ООН и других меж-



Прощай, оружие...



дународных организациях. Что касается сил поддержания внутреннего правопорядка, то на ближайшие два года предусматривалось сохранение в неизменном виде французской полиции с перспективой ее поэтапной передачи под контроль тунисских властей в течение следующих 10 лет. Внешние границы, аэродромы и т.п. поручалось охранять французской военной жандармерии. Зона Бизерты и Ферривилиа как «особо важная стратегическая территория», а также сахарский юг, граничащий с Ливией, подлежали специальному режиму полицейского надзора. Здесь оставались французские войска, а в Бизерте — военно-морская база со всей ее технической инфраструктурой. Арабский язык отныне признавался в Тунисе официальным, но и французский не рассматривался как «иностраный». Большое значение имели статьи о сотрудничестве в области культуры и образования, которые остались в силе и после предоставления Тунису независимости, обеспечив его учебные заведения (в том числе университет, основанный в 1959 г.) французскими педагогическими кадрами⁶⁴⁹. Предусматривалась экономическая помощь Тунису со стороны Франции. Ряд изменений были внесены в область судопроизводства и муниципального управления, в котором участие французов строго дозировалось (в зависимости от их пропорциональной численности). Они получали право в индивидуальном порядке получать тунисское подданство, но поголовная натурализация исключалась. Им гарантировались свобода совести и отправления культа, профсоюзные права, свобода собраний и создания ассоциаций. Наконец, Тунис признавал «за всеми проживающими на его территории уважение прав и основных свобод, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека».

Формально все эти конвенции, представлявшие собой комбинацию взаимных уступок, которые мы лишь частично описали, были достигнуты благодаря деятельности правительства Бен Аммара, оно так и называлось «переговорным» (*хукумату-ль-тафавудат*). Однако истина лежала на поверхности: успех был достигнут благодаря дипломатическому искусству, нервам и холодной выдержке человека, который никакого официального отношения к переговорному процессу не имел, но решал узловые вопросы, иногда эмоциональным и властным по тону разговором по телефону, если дело касалось того, чтобы навязать свою волю членам тунисской

⁶⁴⁹ Созданный в 1945 г. L'Institut des Hautes Etudes de Tunis остался под патронажем Сорбонны, послужив затем базой для создания Тунисского университета. Сохранили свой статус различные научные учреждения.



Карфагенская декларация



делегации. И максимально использовал накопленные за многие годы связи во французских политических кругах, в основном – среди «некоммунистических левых», чтобы обойти рифы межпартийных конфликтов в метрополии, которая сама была похожа и на бурное море, и на корабль, несущийся по волнам к новым испытаниям на прочность.



1 июня 1955 г. возвращение Бургибы в Тунис

Настало время для возвращения Бургибы на родину. 1 июня он сходит с французского пакетбота «Ville d'Alger» на берег в гавани Ла Гулетта, а затем, преодолев в стремени небольшое расстояние до столицы и промчавшись мимо памятника Жюлю Ферри, мимо авеню и парка им. Гамбетты, где и сейчас (на проспекте им. Мухаммеда V) тянутся к небу все те же пальмы – свидетельницы множества митингов и французских военных парадов, и марша усталых, но победивших союзников в фуражках, касках, беретах и тюрбанах весной 1943 г.; промчавшись к медине, объезжает верхом ликующий город. Вспышки камер схватили некоторые моменты этого дня. Шлюпки и рыбацьи баркасы, заполнившие акваторию гавани, как яхты на регате. Руки, протянутые в сторону приближающейся мачты судна, на палубе которого стоит Бургиба в своем любимом



Прощай, оружие...



торбуше (феске) и с белым платком в руке. Он машет им издали толпе и утирает слезы. Сотни и тысячи людей, высыпавших на дорогу, по которой проезжает импровизированный кортеж. Лошади, мотоциклы... На жаркой и переполненной народом Овечьей площади, где состоялся митинг, Бургиба говорит тогда, что наступила самая счастливая минута его жизни. И действительно, это был его звездный час.

В память об этом событии на одной из центральных площадей Туниса, где раньше возвышался памятник Жюлю Ферри, в свое время стояла конная статуя президента, которую (через год после его отставки) сдвинули в портовое предместье под тем предлогом, что там, у причала Ла Гулетты, и произошла знаменательная встреча вождя со своим народом.

В тот день зарозовела вода в гавани, где вышла ему навстречу лодочная флотилия под кумачом тунисских знамен и транспарантов с надписями: «Наш Брат!», «Наш Отец!», «Верховный борец!». И даже старенький пакетбот «Ville d'Alger», совершавший регулярный рейс из Марселя, поднял в честь необычного пассажира тунисский государственный флаг.

Годы странствий и тюремных застенков для Бургибы закончились. Ветер дул в его паруса. Но на пути к окончательному освобождению страны и к утверждению его собственной власти еще лежали многие препятствия.



Юсефистский кризис и раскол в партии. Чрезвычайный съезд.

«Скажи ему, что я заставлю его каждый день менять коня, пока последний не сломает ему шею!»

[Бен Юсеф в разговоре с Шарлем Соманем, январь 1956 г.]

Тихая улица в квартале Бельведер, где зимой и летом цветут бугенвиллеи малиновым цветом и дует ветерок, пахнущий сосной, получила название «*que du 1 juin*» (с 1956 г. здесь открылось советское посольство, а сейчас находится резиденция российского посла). В этом квартале Бургиба и обустроился, хотя вначале принимал поздравления на старой квартире. Тут в прихожей сновали партийные деятели; в очереди к герою дня толпились самые разные люди, являлись поэты со свежими листками панегирических стихов. Пришел сюда и Слим Бен Слим, скромно ожидавший, сидя у стены, своей очереди, чтобы поприветствовать бывшего товарища, исключившего его из партии. Оглядывая своих соседей, он заметил, что они «в основном из буржуазии, не самой лучшей»⁶⁵⁰. Банкеты следовали чередой, а когда этот фестиваль окончился, Бургиба отправился во Францию лечиться на воды, где пробыл с 8 июля по 11 сентября и накануне возвращения имел в Париже разговор с Эдгаром Фором.

На пороге независимости и на грани гражданской войны. К этому времени конвенции о внутренней автономии Туниса уже вступили в силу. Сиди Ламин обратился к президенту Франции с просьбой помиловать всех, приговоренных к смертной казни в 1943 г.; и на родину возвращались те, кому путь домой 12 лет был заказан. Пьер Буайе де ла Тур отбыл на пост Генерального резидента в Рабат, и вместо него 13 сентября прибыл Роже Сейду в качестве Верховного комиссара; в тот же день правительство Тахара Бен Аммара подало бею прошение об отставке. Тунисский премьер еще 6 июля заявил, что будущий режим Туниса станет режимом конституционной монархии. Руководство Нового Дустура это за-

⁶⁵⁰ Ben Sliman S. Op. cit., p. 328.



явление не поддержало, а редактор газеты «*as-Sabah*» («Утро»), которая его опубликовала, получил от членов политбюро выговор⁶⁵¹. Партия, легитимность притязаний которой на власть была подтверждена народным энтузиазмом при встрече Бургибы 1 июня, не имела ни социально-экономической программы, ни готового проекта основного закона.

Ближайшей задачей являлось создание «переходного» правительства автономии. Оно было сформировано Тахаром Бен Аммаром 17 сентября 1955 г., впервые без участия французов. Ключевой пост министра внутренних дел занял Монжи Слим, финансов – Хеди Нуира, здравоохранения – Садок Мокаддем, образования – Джеллули Фарес, общественных работ – Аззедин Аббаси (ВТСТ), сельского хозяйства – Мухаммед Бафра, вернувшийся из Египта в мае того же года. Министерство связи возглавил Шедли Рхайем (социалист), труда – Фатхи Заим, городского хозяйства – Альбер Бессис, юстиции – судья Кадым Бен Ашур. Государственным министром без портфеля стал Мухаммед Масмуди. Таким образом, шестеро из 12-и членов правительства представляли неодустуровский блок; в кабинет вошли трое «независимых», два профсоюзных деятеля и один представитель еврейской общины.

Второй кабинет Бен Аммара столкнулся с большими трудностями. В стране снова свирепствовала засуха. ВТСТ, который обрел нового лидера в лице Ахмеда Бен Салаха, избранного на пост генерального секретаря летом предыдущего года⁶⁵², дважды добился повышения заработной платы сельскохозяйственных рабочих (в сентябре на 10%), что их не удовлетворяло, но и не привело в восторг крупных тунисских землевладельцев, не говоря уже о европейских. Докеры бастовали, трудовой конфликт в Загуане вызвал вмешательство полиции, имелся один убитый. Бывшие феллага требовали срочного удовлетворения их материальных нужд. На селе создавались трудовые лагеря для безработных. Франция выделила безвозмездную помощь 2,6 млрд. франков для создания таких лагерей, их име-

⁶⁵¹ Ben Salem M. Op. cit., p. 181.

⁶⁵² В июле 1954 г. большинство активистов ВТСТ вышли на свободу, что позволило восстановить организационную структуру профцентра и провести выборы нового руководства. На пост генерального секретаря мог бы претендовать Хабиб Ашур, однако он еще находился на положении ссыльного (в Табарке) под надзором полиции. ВТСТ возглавил Ахмед Бен Салах, вернувшийся в Тунис из Брюсселя, где он пробыл больше трех лет.



лось в виду не распускать хотя бы до следующего урожая, заняв бедноту на общественных работах. Кроме того, Франция выдала заем 3,4 млрд. франков для организации «сельскохозяйственного и ремесленного» кредита⁶⁵³. Хеди Нуира готовил создание Центрального банка Туниса.

Далеко не все, однако, понимали преимущества франко-тунисского соглашения. Салах Фархат от имени Старого Дустура сразу заявил, когда конвенции были ратифицированы, что они «регулируют ситуацию, которая уже дерегулирована»⁶⁵⁴. В самом деле, манна небесной на землю не свалилось, одним уже казалось, что «вчера было лучше», другие смотрели в сторону алжирских и марокканских братьев, требовавших настоящей независимости; на границе с Алжиром было неспокойно. То алжирцы ее нарушали во время своих операций, которые с 20 августа 1955 г. переросли в повсеместное восстание (см. выше), то остаточные группы феллага создавали тревогу в приграничном районе. Партийные эмиссары, Али Бельхаван и Тайеб Мхири⁶⁵⁵, безуспешно пытались продолжить с ними переговоры. Нападения на фермы колонистов происходили чуть ли не ежедневно. Словом, в вопросе обеспечения личной безопасности, французов ли, тунисцев ли, ощутимого прогресса не наблюдалось, и это ставило под удар прежде всего Монжи Слима как министра внутренних дел.

На местах создавалась новая администрация, подчиненная его министерству; большинство старых кайдов были смещены. Их должности, как правило, получали члены Нового Дустура или его сторонники. Преж-

⁶⁵³ Julien Ch.-A. Op. cit., p. 197.

⁶⁵⁴ Ben Salem M. Op. cit., p. 181. В отличие от «archéos», тунисские коммунисты, которые 28 апреля 1955 г., едва стало известно, что проект конвенций парафирован, осудили их как попытку «украсть плоды 2,5 лет героической борьбы нашего народа», на 180 градусов изменили свою позицию. 13 июля политбюро приняло заявление, которое на третий день опубликовала «L'Avenir de la Tunisie». В нем конвенции одобрялись с оговоркой о «твердой воле патриотов добиться полной независимости страны, используя возможности, заключенные в конвенциях как первом шаге...». Несомненно, это было вызвано переменой взглядов ФКП, которая выступила с самокритикой, признав, что из-за «сектантских крайностей» вовремя не оценила положительную сторону франко-тунисского договора о внутренней автономии (Kraïem M. Op. cit., p. 356-357).

⁶⁵⁵ Один из организаторов движения феллага, в 1952 г. вошел в подпольное политбюро партии и выполнял роль ее теневого директора вместо сосланного Монжи Слима, в 1956-1965 гг. министр внутренних дел.

ние кайды, кахья и шейхи за редким исключением были французскими слугами, их не любили. Однако новое начальство часто назначалось не за компетентность, а за партийные заслуги... Картина банальная, но вызывавшая глухое, а где и открытое недовольство населения. К тому же глава правительства, даже если он был пассивной фигурой в своем кабинете, олицетворял крупную земельную буржуазию, нажившую состояние при протекторате. ТКП и некоммунистические левые, представленные в ВТСТ, которая насчитывала около 80 тыс. членов⁶⁵⁶, требовали его отставки. Тем временем накатывались беды, которые Бургиба назовет анархией, или «смутой» (*фитна*). Они вошли в историю как «юсефистский кризис». Он заранее омрачил судьбу Тунисской республики и явно нарушил первоначальный замысел ее основателя о плавном переходе к независимости через автономию, которая позволит «выстроить изнутри здание нашей родины».

Как видно, Бургиба, которому годами приходилось отсутствовать в Тунисе, несмотря на это, пользовался огромной народной популярностью, а для простонародья *Си Лахбиб* («Господин Хабиб») давно уже стал воплощением всех надежд. Однако в партии были и другие сильные личности, а в ее руководстве не существовало полного единства. Еще в каирский период деятельности Бургибы имели место его конфликты с Хабибом Тамером, и бушевали ссоры между «бургибистами» и «тамеристами», сотрудничавшими в Комитете освобождения Арабского Магриба. Но неожиданно яростный характер приобрела конкурентная борьба между двумя ключевыми фигурами в партии, каковыми еще с довоенных времен, после распада семьи «отцов-основателей», являлись Бургиба и Бен Юсеф, соответственно, председатель и генеральный секретарь Нового Дустура, утвержденные в этом качестве на III съезде в 1948 г. Определенные разногласия между двумя вождями – «за'имейн»⁶⁵⁷, как их часто называли, были широко известны, но казались вполне преодолимыми.

Противоречия в партийной среде, со всей силой обозначившиеся к середине 50-х годов, имели несколько аспектов: личностный – сложные отношения между двумя авторитетными руководителями (каждый из ко-

⁶⁵⁶ Одной из самых крупных в ВТСТ являлась федерация служащих, где большинство составляли школьные учителя. Традиционно сильными являлись федерации горняков и железнодорожников. Сельскохозяйственные рабочие составляли не более 6% членов ВТСТ, но батрацкие стачки были типичным явлением в 1955 г.

⁶⁵⁷ Существующее в арабском двойственное число от слова «за'им».

торых, помимо всего прочего, вынес свой собственный опыт из каирской эмиграции), идеологический, если иметь в виду, что Салах Бен Юсеф на определенном этапе стал склоняться к идеям панарабизма, и, наконец, собственно политический, когда камнем преткновения во вспыхнувшем конфликте становится вопрос о предоставлении Тунису ограниченного суверенитета, то есть статуса внутренней автономии.



Салах Бен Юсеф и Хабиб Бургиба 13 сентября 1955 года

Свой скепсис к франко-тунисским переговорам Бен Юсеф высказывал неоднократно и тем самым соглашался с «archéos», а 18 июля 1955 г. выступил с развернутым анализом заключенных конвенций: «Эти тексты, — категорически резюмировал он, — ничему иному не служат, как подтверждению французской колонизации Туниса»⁶⁵⁸. Столь прямого вызова второй вождь первому еще никогда не делал. В разных вариациях он давал понять своим друзьям, что ему надоело быть вторым. Тем не менее, 30 августа в Каир направилась партийная делегация во главе с Джеллули Фаресом, чтобы пригласить Бен Юсефа вернуться на родину. Он давно уже мог это сделать, получив исправные документы, но откладывал, в частности, ради по-

⁶⁵⁸ Ben Salem M. Op. cit., p. 182.

едки на Бандунгскую конференцию (18-24 апреля 1955). Она стала поворотным пунктом в эволюции его настроений и — косвенно — в судьбе Туниса.

Напомним, что в отличие от Бургибы, который жил в египетской столице непосредственно в послевоенный период, пытаясь установить связи с ЛИАГ и королевским истеблишментом Египта, Бен Юсеф, чье пребывание в Египте пришлось на апрель 1952 — сентябрь 1955 г., застал здесь иную обстановку, он был очевидцем июльской революции «Свободных офицеров» и возвышения Гамалея Абдель Насера, по сути совершившего в 1954 г. второй государственный переворот в свою пользу. Поехав в качестве наблюдателя на Бандунгскую конференцию, Бен Юсеф вернулся с нее под особенно глубоким впечатлением от Насера, который и сам был вдохновлен тем вниманием, которое ему было на этой конференции оказано как многообещающему лидеру арабского мира. Пафос речи египетского «раиса» и его политическая фразеология с этого времени заметно изменились.

Два медведя в одной берлоге. Еще будучи во Франции, 9 сентября, Бургиба заявил корреспонденту тунисской газеты: «Я просто надеюсь, что, вернувшись в Тунис, Бен Юсеф снова обретет политический здравый смысл и что реальность заставит изменить его свою позицию...»⁶⁵⁹. 11 сентября его встречают в Тунисе на аэродроме без особой помпы, а 13-ого прибывает Бен Юсеф, которому, напротив, была организована торжественная встреча, закончившаяся неловкостью. Оба вождя вышли на балкон дома вновь прибывшего, и он заявил перед толпой, что «Верховный борец» совершил ошибку: соглашение о внутренней автономии — шаг назад в борьбе за независимость. Последний завладел микрофоном, чтобы опровергнуть этот тезис, но народ разошелся в смущении. Затем Бен Юсеф, отказавшийся пойти к бею вместе с Бургибой, чтобы помириться с ним перед троном, зачастил во дворец один и стал уговаривать растерянного государя назначить не Бен Аммара, а председателя Нового Дустура во главу правительства, еще не сформированного. Поскольку вышло иначе, главным объектом его нападок в новом кабинете становится старый друг, Монжи Слим.

Когда во всю ширь развернулось противостояние, у дома правительства на площади Касбы изо дня в день собирались демонстрации сторонников Бен Юсефа с криками «Долой Монжи Слива!». Но пока еще шла своего рода разминка. Два рассорившихся вождя собирали, каждый, свои

⁶⁵⁹ Julien Ch.-A. Op. cit., p. 197.

силы, обмениваясь вялой перепалкой. Бургиба отправился в Сфакс, где отмечалась годовщина гибели Хеди Шакера, и заехал к себе домой в Монастир. Здесь он и узнал о том, что его противник выступил с открытым забралом. Новость застала его за столом с друзьями и, по воспоминаниям очевидцев, он переменялся в лице.

7 октября 1955 г. Бен Юсеф выступил на крыльце мечети аз-Зейтуна с пламенной речью, в которой подверг Бургибу уничтожающей критике за компромисс с Францией, выдвинув триединый лозунг: «арабизм, ислам, война». Выбор места для проведения митинга символически ранее не замеченный в религиозном рвении, генеральный секретарь «пéос» сделал своей трибуной площадь, куда стекаются несколько главных торговых артерий медины, причем самых «высоких» по рангу престижности. Это, скажем, опоясывающая мечеть улица Сук аль-Аттарин, где поныне восседают торговцы благовониями, некогда являвшие собой элиту городского патрициата и, как правило, происходившие из андалусцев. Естественно, на митинг должны были сбегаться и учащиеся аз-Зейтуны, и торговый люд из соседних кварталов. Массовым он быть не мог по той простой причине, что площадь крохотная. Ударную группу митингующих, свидетельствует Хабиб Грар, составили сторонники Бен Юсефа, в том числе «братья [бойцы], помогавшие ему в Ливии (куда он ранее наведывался из Каира – М.В.), и новоявленные адепты его идей, доселе не принимавшие участия ни в деятельности партии, ни в национальном движении»⁶⁶⁰. Другой очевидец заметил среди слушателей несколько смущенных руководителей партийной федерации Туниса-столицы и троих преподавателей Сидькийи, группу религиозных деятелей, а также принца Шедли, «которому Бен Юсеф посулил изменить закон о престолонаследии в его пользу»⁶⁶¹.

⁶⁶⁰ Грар Х. *Ли тахья Тунис* [Да здравствует Тунис], Тунис: Буляма, 1996, с. 164. Автор этой мемуарной книги – пенсионер с 1985 г., бывший железнодорожный служащий. С 1936 г. активист скаутского движения, с 1945 г. член спортивных клубов «Зейтуновской молодежи» и «Мусульманской молодежи». С 1948 г. член партийной ячейки Нового Дустура в квартале Бэб Саадун. В 1950 г. поступил на службу и с 25 февраля 1952 г., работая в Габесе, включился в движение сопротивления; на девять месяцев был выдворен в Алжир, в мае 1955 г. вернулся на родину, в ноябре – участник V съезда Нового Дустура. В 1964–1971 гг. член, а затем председатель секции железнодорожников ВТСТ, в 1965–1970 являлся также заместителем генерального секретаря ВТСТ.

⁶⁶¹ Belkhodja T. Les trois décennies Bourguiba..., p. 15–16.

Выступая на своего рода форуме мусульманского города, он произнес: «Я вернулся из Египта, чтобы сказать тунисскому народу, что этот фанатичный суверенитет скрывает под собой лишь одно: легитимацию колониального режима. И дабы не предать нашу патриотическую веру, не предать наших алжирских и марокканских братьев, народ не должен одобрять эти соглашения»⁶⁶². В ответ он был заочно исключен из партии решением политбюро (8 октября), но узнал о нем лишь 13 октября. Тогда Бен Юсеф заявил, что игнорирует вынесенный ему вердикт, ибо он был избран генеральным секретарем на съезде и только этот высший партийный орган вправе принимать подобные решения. Значит, нужно созвать новый съезд. Приблизительно треть ячеек Нового Дустура не согласилась с исключением Бен Юсефа, и 15 октября, собрав в столице митинг, на котором присутствовало около 10 тыс. человек, он объявил политбюро во главе с Бургибой неполномочным и следом сообщил, что намерен создать «генеральный секретариат» под своим собственным руководством⁶⁶³.

Партийная ячейка тунисской медины первой его поддержала. Затем к нему примкнул Али Злитни, вернувшийся к исполнению своих функций председателя крупнейшей партийной федерации г. Тунис с предместьями. Раскололись партийные ячейки Кап-Бона. Началось броуновское движение перехода отдельных членов партии из одного лагеря в другой.

Словно повторяя сценарий начала 1934 г., Бен Юсеф стал объезжать страну, создавая новые «юсефистские» ячейки. Измученное вот уже шестилетней засухой, население откликалось на его призывы. Бургиба полагал, что народ его «предал». Между тем на сторону Бен Юсефа стали не только религиозные деятели, но и члены руководство Тунисского союза земледельцев. Одних не устраивал слишком светский тон речей Бургибы. Другие опасались слишком тесных отношений партии с ВТСТ. Было сбывалось предсказание (в передаче Александра Верта) бывшего премьера и крупного землевладельца Баккуша о том, что «тунисская буржуазия» не поблагодарит французов, если они уйдут из Туниса, за оставленное ими «беспокойное наследство» – то национальное профсоюзное

⁶⁶² El Mechat S. Op. cit., p. 235. Здесь и далее основные источники автора – французские архивные документы, донесения с мест Верховному комиссару, аналитические справки спецслужб и т.п., а также пресса.

⁶⁶³ Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 159.

движение, которому они «по глупости позволили возникнуть». Что представляла собой эта буржуазия к 1955 г.?

Крайне слабая в промышленном секторе, она успела завоевать довольно прочные позиции на севере страны, как раз в зоне колонизации. Если старые помещики, которых можно назвать феодальной или османской аристократией, давным-давно разорились, то развивавшаяся «снизу» аграрная буржуазия Севера представляла собой уже довольно внушительную силу. Исходно французская аграрная колонизация в Тунисе не была сплошной. Соседями европейских фермеров оказывались разбогатевшие мусульманские торговцы, сразу переходившие к капиталистическим методам хозяйствования. Отчасти они смогли воспользоваться, наряду с французами, кредитом на переоборудование (по послевоенному «плану Моннэ»), а в первой половине пятидесятых, когда европейские фермеры, опасаясь обострения политической ситуации в Северной Африке, стали потихоньку «упаковывать чемоданы», тунисские предприниматели скупили часть их земельной собственности⁶⁶⁴. Наконец, в отличие от Фархата Хашеда, который откладывал «на потом» вопрос взаимоотношений между туземными рабочими и капиталистами, сдерживая выступления рабочих на предприятиях или аграрных фермах, принадлежавших тунисцам, молодой Ахмед Бен Салах (генеральный секретарь ВТСТ в 1954-1956 гг.) социальную борьбу трудящихся откладывать в долгий ящик не собирался. Вернувшийся из Брюсселя, где он работал в аппарате МКСП и завел обширные связи в международных социал-демократических кругах, этот бывший школьный учитель был преисполнен идеями о социально ориентированном «дирижизме» или, как теперь говорят, «интервенционализме».

Его отношения с Бургибой складывались в дальнейшем не просто и, наконец, драматически, но в 1955 г. партийный вождь нашел в нем энергичного и задорного лидера профсоюзного движения, на которое Новый Дустур давно опирался; и этот лидер становится естественным врагом Бен Юсефа. В результате «между экстремистами колонизации и экстремистами независимости возникла странная солидарность. Они обнаружили, что в их общих интересах поддерживать статус кво и что имеют общего врага: Бургибу...»⁶⁶⁵.

⁶⁶⁴ Подробнее см. Видясова М. Ф. Рабочий класс в социальной структуре Туниса. М.: Наука, 1975, с. 105-127.

⁶⁶⁵ Garas F. Op. cit., p. 272.

Действительно, эта солидарность выглядела тем более странной, что Бен Юсеф выставил себя адептом и протеже Насера, медленно, но верно дрейфовавшего к сотрудничеству с «восточным блоком». При этом египетский премьер отнюдь не выступал поборником панисламизма, напротив, с 1954 г. запрещенные «Братья-мусульмане» сидели в тюрьмах (им пришлось ждать свободы до начала семидесятых); а генеральный секретарь Нового Дустура был лишь одной из пешек в его многоходовой игре.

Небольшое отступление: парадоксы Бандунга. Восстановим хронологию действий Бен Юсефа с апреля 1955 г., когда вопрос о том, будет ли достигнуто соглашение между тунисской делегацией и правительством Эдгара Фор, находился в подвешенном состоянии. В письме от 2-ого числа этого месяца он пишет Бахи Ладхаму с Мальты, что не имел ни минуты черкнуть ему в последние десять дней из Женевы, где у него перебивала куча визитеров, «такие буржуа, как Тайеб Бен Аммар..., Бешир Тарг Айун⁶⁶⁶ и в то же время Тахар Бен Аммар, Фатхи Зухейр и Хабиб Шагги, затем Монжи Слим и Джеллули Фарес, Абдессамед, Тайеб Мхири» и т.д. и т.д. Беседы с Монжи Слимом и Тайебом Мхири показали, что проект конвенций тщательно изучен, «согласно моим инструкциям», членами политбюро в Тунисе, а также ответственными лицами национальных организаций (включая Ахмеда Бен Салаха) и будут ими одобрены на словах «как трамплин к дальнейшему движению». Далее следуют подробные рассуждения о том, что и самим тунисцам надо придумывать препоны к подписанию этих соглашений, да и правительство Фор вряд ли примет «проект Мендеса». Автор письма сообщает также, что некоторые из посетителей были обеспокоены тем, что он готовит раскол в партии, а сам он не исключает, что, если Си Хабиб скажет свое слово, все будут поставлены перед свершившимся фактом. «Но ни я, ни ты, на этот раз». Наконец, он делится с адресатом надеждой, что использует свое присутствие на Бандунгской конференции, чтобы оказать давление на Францию. Раз уж не удалось сделать это через ООН, нельзя упустить новый случай воздействовать на нее через мировое общественное мнение⁶⁶⁷.

⁶⁶⁶ Опытный диверсант с конца тридцатых, земляк и предполагаемый (по слухам) будущий убийца Бен Юсефа.

⁶⁶⁷ Bahi Ladgham. Correspondance..., p. 282-288.

Из этого письма с дороги, весьма пространного, можно вынести впечатление, что Бен Юсеф собирался в Индонезию с расчетом, что парижские переговоры будут топтаться на месте, а он тем временем сорвет успех в Бандунге и опередит соперника; хотя из патриотических чувств оба они хотели одного и того же – освобождения Туниса.

В те же апрельские дни собирался на Бандунгскую конференцию и Гамаль Абдель Насер, хотя до последней минуты не было уверенности, что он поедет туда сам. «Империалистические круги, – пишет Ахмед Хамруш, один из участников июльской революции (с марта 1954 г. опальный и служивший на охране объектов в глухой провинции), – делали все, чтобы помешать ее созыву. Многочисленные силы пытались сорвать и поездку Г.А. Насера на конференцию... Но ничто не могло поколебать решимости Г.А. Насера участвовать в конференции. 9 апреля он вылетел в главе делегации, в состав которой входили: министр национальной ориентации Салах Салем, министр иностранных дел Махмуд Фавзи, подполковник ВВС Али Сабри, назначенный директором кабинета Г.А. Насера, и министр по делам вакфов Ахмед Хасан аль-Бакури. По пути в Индонезию Г.А. Насер посетил Пакистан и Индию, где провел несколько дней. Джавахарлал Неру (незадолго до этого посетивший Египет – *М.В.*) предоставил ему возможность выступить с речами на 500-тысячном митинге и в индийском парламенте. Во время этой поездки Г.А. Насер и Салах Салем всюду появлялись в военной форме; среди руководителей молодых независимых государств они были единственными военными. (Волна военных переворотов по этим государствам – участникам Бандунга – тогда еще не прокатилась...)»⁶⁶⁸. Даже в Сирии, уточняет автор, где с 1949 г. уже произошло четыре военных переворота, президентом был гражданский, Хашим аль-Атаси.

Насер впервые выехал за пределы Египта. «Он предстал перед миром, – восхищается Хамруш, – как выдающийся деятель, представляющий страну древней культуры... Неру, Сукарно, Чжоу Энь-Лай и У Ну окружили его всяческим вниманием». Жан Лакутир в своей книге о нем писал: «Благодаря заботам Сукарно во время конференции массы встречали Абдель Насера с большим энтузиазмом, чем в Каире и Александрии. Его появление на трибуне, в кулуарах и на улицах вызывало горячий прием. Он и Чжоу Энь-Лай были героями дня, а между тем по прибытии он был охвачен беспокойством,

⁶⁶⁸ Хамруш А. Революция 23 июля 1952 г. в Египте, М.: Прогресс, 1984, с. 289.

опасаясь, что ему предпочтут иракцев и турок»⁶⁶⁹. Обласканный вниманием знаменитостей афро-азиатского форума, подполковник Насер возглавил в Бандунге комиссию по мирному сосуществованию.

На этом мероприятии, где собрались делегаты от 29 стран и территорий, посланцы арабского мира составили около трети участников. Страны Магриба и Южная Африка имели здесь неофициальных представителей, среди них находились трое тунисцев, в том числе Тайеб Слим, возглавлявший информационное бюро Нового Дустура в Нью-Дели.

Группа представителей Северной Африки должна была, по просьбе оргкомитета конференции, составить общую докладную записку о положении дел в регионе, а в основном они вели кулуарную работу⁶⁷⁰. Ими преследовалась двоякая цель – добиться включения алжирского вопроса повестку дня ООН и перейти в Бандунге из ранга наблюдателей на положение участников, для чего выгоднее было представить собой триединый блок. По последнему вопросу магрибинцы потерпели провал. На пленарном заседании никто из них не получил слова, их заслушали только в комитете по правам человека (тунисского и марокканского представителей). Насер, выступая на открытии конференции, сказал в самой общей форме о солидарности с борющимися народами Северной Африки, которые «в течение веков были независимыми и являлись центрами науки и древней цивилизации», а теперь «низведены до окраинных районов, лишенных свободы и независимости»⁶⁷¹. В то же время, по свидетельству Айт Ахмеда, в частных беседах Насер настаивал на том, чтобы наблюдатели из этих лишенных свободы районов аккуратно вели работу именно за кулисами, чтобы повлиять на позицию Неру, державшегося умеренной линии в отношении Франции.

В общем и Неру и Насер, оба проявили осторожность. Политическая комиссия конференции приняла египетский вариант резолюции, предусмат-

⁶⁶⁹ Цит. по: Там же, с. 289 (Lacouture J. Nasser, Paris: Seuil, 1971).

⁶⁷⁰ Состав делегации магрибинцев в Бандунге: Салах Бен Юсеф, Тайеб Слим и Тархар Амира (Тунис), Алляль аль-Фаси и А. Бен Джеллун (Марокко), Х. Айт Ахмед и Мухаммед Язид (Алжир). Двое делегатов от ФНО до этого три месяца разъезжали по странам Азии, собирая поддержку общественного мнения (Об этой делегации см.: *El Mechat S. Op. cit.*, p. 231-232 со ссылкой на свидетельство Айт Ахмеда в «Jeune Afrique», 22.5. 1985).

⁶⁷¹ Насер Г.А. Проблемы египетской революции, М., 1979, с. 25.

ривавший мирное решение проблем Северной Африки; с добавлением тезиса о праве народов этого региона на самоопределение и свободу прессы.

В заключительном коммюнике, суммировавшем работу различных комитетов, антиимпериалистические лозунги звучали приглушенно. Они получили отражение в разделе «Проблемы зависимых народов», где было записано, что «Конференция согласилась заявить, что а) колониализм во всех его проявлениях представляет собой зло, которое надлежит быстро пресечь; б) подчинение народов иностранному закабалению, господству и эксплуатации представляет собой отрицание основных прав человека...; в) заявить о своей поддержке дела свободы и независимости всех таких народов; г) призвать заинтересованные страны предоставить свободу и независимость таким народам»⁶⁷².

Как стало известно французским спецслужбам, Бен Юсеф в Бандунге осудил протоколы, готовящиеся в Париже «о ничтожной и пустой автономии, навязываемой народу», но это заявление не пошло в печать. Поскольку во время конференции проект протоколов все же был подписан, а Монжи Слим не сдержал обещание затянуть это дело, то лично Бен Юсефу пребывание на Яве ничего не принесло. Однако результат, близкий к нулю, его не обескуражил: надежды на могущественного покровителя у него только возросли.

Насеру же успех сам плыл в руки. Главное было достигнуто по возвращении домой. В Каире была сделана попытка сорвать его всенародную встречу. Этому хотел воспротивиться один из «Свободных офицеров», Гамаль Салем, кроме того, американский посол просил своих западных коллег не встречать премьера в аэропорту. Замысел не удался, и как описывает картину все тот же Лакутюр, 2 мая, в день возвращения Насера в Каир, «людскую массу захлестнула какая-то горячая волна. На площади ат-Тахрир, где были воздвигнуты арки победы с начертанными на них именами Абдель Насера, Неру и Чжоу Энь-Лая, мы увидели пробивавшийся сквозь толпы джип, на котором стоя ехал Насер с широкой улыбкой, впервые озарившей его строгое лицо. Вслед за ним устремлялся народ, прежде столь часто сопровождавший кортеж Наххас-паши или Мухаммеда Нагиба... За неделю до отъезда подполковника в Азию...охранка арестовала и бросила в тюремные застенки десятки коммунистов, но когда Насер

⁶⁷² Цит. по: Дипломатический словарь, Том 1, М.: Изд-во политической лит-ры, 1971, с. 175.

решил ехать в Индонезию, он получил от заключенных телеграмму, в которой говорилось «Да здравствует борец против империализма!».

Ахмед Хамруш, цитирующий эти строки французского журналиста, пишет от себя, что «с тех пор как после Бандунга Гамаль Абдель Насер вступил в клуб руководителей государств, влияющих на международную политику, он стал употреблять новую терминологию, которой прежде не было в его лексиконе. Так, в его выступлениях в качестве синонима «социальной справедливости» появилось слово социализм». Одновременно он форсировал переговоры о закупке советского оружия (через Чехословакию). «Достижение соглашения об оружии всего лишь через 160 дней после открытия Бандунгской конференции явилось подтверждением того, что годы подъема продолжаются, оно придало уверенности массам, которые почувствовали, что они – хозяева своей судьбы... египетские левые горячо приветствовали этот шаг, рассматривая его как поворотный пункт в египетской политике, направленной на практическое осуществление решений Бандунга. Но большинство руководящих деятелей коммунистического движения находились в тюрьме и оттуда посылали телеграммы с выражением поддержки Гамаль Абдель Насеру»⁶⁷³.

Восторг охватил не только египетских коммунистов, сидевших в тюрьме. Толпы народа высыпали на улицы Дамаска, Багдада и Аммана, когда стало известно о торговой сделке: оружие в обмен на хлопок и рис⁶⁷⁴. По некоторым сведениям, Насер обращался к Чжоу Энь-Лаю в Бандунге с просьбой продать ему китайское оружие, но тот заметил, что Китай и сам зависит от военных поставок из СССР, однако обещал хлопотать об этом деле перед Москвой⁶⁷⁵. Знаменитую сделку несколько месяцев подряд воспевал «Голос арабов». И даже иорданская Палата депутатов прислала Насеру телеграмму со словами: «Поздравляем тебя как душу

⁶⁷³ Хамруш А. Указ. соч., с. 291 293, 302.

⁶⁷⁴ О заключении сделки Насер поведал всему миру 27 сентября 1955 г. на открытии фотовыставки вооруженных сил, где он заявил, что это соглашение «мы подписали без всяких предварительных условий» и что оно не означает начало русского или какого-нибудь другого влияния», а напротив, «кладет конец длительному влиянию»; имелось в виду английское. Далее он подчеркнул, что «сильный революционный Египет» вовеки такого больше не допустит (Там же, с. 300).

⁶⁷⁵ Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century, Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 2003, p. 168.



арабизма и безоговорочно поддерживаем твои усилия с целью получения оружия для защиты всех арабских стран»⁶⁷⁶.

Так Насеру удалось убить сразу двух зайцев, даже трех или четырех: заработать невиданный международный авторитет, заставить каирскую толпу забыть прежних кумиров и получить, наконец, тяжелое вооружение от стран восточного блока, продолжая – и в ближайшие годы, и в дальнейшем – получать продовольственную помощь от США. Морально устаревшее легкое оружие он готов был отдать на алжирскую революцию⁶⁷⁷.

Официальную точку зрения своего правительства на проблемы Северной Африки Насер выразил в июне 1955 г. следующим образом: оно сожалеет о слишком больших уступках тунисских националистов «в момент, когда напряженность не ослабевает в Марокко и обостряется ситуация в Алжире»⁶⁷⁸. Как известно, на конференции в Бандунге было положено начало «движению неприсоединения» на основе концепции Дж. Неру о «позитивном нейтралитете». Но ее решения, сказал Гамаль Абдель Насер советскому послу, «предоставляют возможность каждой стране толковать их по-своему»⁶⁷⁹. Основной же целью египетского правительства в ту пору

⁶⁷⁶ Ibid., p. 169.

⁶⁷⁷ Из записи беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта от 25 мая 1955 г. В этой беседе Насер затронул вопрос о результатах Бандунгской конференции. «Он выразил сомнение в том, что участники конференции будут выполнять ее решения... Он считает, – сообщил Солод, – что значение Бандунгской конференции заключается прежде всего в ее моральном эффекте. При этом он добавил, что из 10 пунктов принятой резолюции о мире 7 были предложены Египтом». Затем Насер перешел к другим темам, в частности заявил, что Египет «находится перед лицом серьезной опасности возможной агрессии со стороны Израиля», которая в 24 часа уничтожит египетскую армию, и жаловался на то, что западные державы упорно не хотят поставлять Египту тяжелое вооружение. «Франция согласилась было поставлять Египту танки, но затем в ходе переговоров вдвое завысила цены на них, что фактически привело к срыву переговоров... египетское правительство поставило своей целью во чтобы то ни стало оснастить свою армию тяжелым вооружением. В связи с этим еще до своей поездки в Бандунг он дал указание заместителю военного министра Хасану Рагабу связаться с военным атташе при Советском Посольстве...» (Ближневосточный конфликт, 1947–1956, Документы,....с. 276–277). Напомним, что в марте того же года египетское судно с легким оружием для партизан прибыло в Надор.

⁶⁷⁸ El Mechat S. Op. cit., p. 233.

⁶⁷⁹ Ближневосточный конфликт, 1947–1956, Документы,.... с. 276.



имелась полная эвакуация английских войск из зоны Суэцкого канала, что должно было, помимо всего прочего, укрепить личный престиж Насера. Одновременно он навел мосты своего влияния на востоке арабского мира и западе. Во-первых, добиваясь подписания трехстороннего договора между Египтом, Сирией и Саудовской Аравией, во-вторых, оказывая словесную помощь и тайно поставляя оружие алжирским и марокканским повстанцам, но без инструкторов, в которых и не было нужды. Египтяне не были мастерами герильи, а винтовкой в Магрибе уметь пользоваться и без них.

Тунис, вышедший из войны, стал досадным препятствием в этом строительстве. Отсюда и должен был вытекать интерес египетского лидера к Бен Юсефу как к человеку, способному заштопать прореху на знамени арабского единства – отныне египетском, заново возбудив вооруженное движение феллага.

Конференция в Бандунге имела, таким образом, целый ряд парадоксальных эффектов. Среди них выражение «социализм», вошедшее в словарь Насера и скорее всего позаимствованное у Тито⁶⁸⁰. Выражение, отвечавшее присущему мусульманской традиции эгалитаризму, или воззванию к «соборности», которое на подвое сравнительно новой традиции салафизма, зародившейся в Египте конца XIX века (и вроде бы отрицавшей светскую идею «Egypt first»), дало гибридный плод в виде «арабского социализма». Он созрел к 1961–1962 гг. Одним из непосредственных результатов Бандунга стало юсефистское движение в Тунисе, которое с большим или меньшим основанием историки, да и наблюдатели тех событий квалифицировали как буржуазно-помещичье и реакционное. Против него выступили тунисские поборники социализма, правда, идейно позаимствованного на Западе, и тунисские коммунисты, уже не сидевшие в тюрьмах. «Вокруг Бен Юсефа, – писал в ноябре 1955 г. Мухаммед ан-Нефаа, генеральный секретарь ТКП, – собрались элементы крупной буржуазии, враждебной эксплуатируемому народу, и реакционные элементы, которые теперь хором с ним воспевают арабский и мусульманский Тунис, спекулируя на глубоких чувствах,... которые, безусловно, связывают наш народ с народами арабской культуры и мусульманской религии»⁶⁸¹. По прошествии времени стоит задуматься и о том,

⁶⁸⁰ Ginat R. Egypt's Incomplete Revolution, London: Frank Cass, 1997, p. 5.

⁶⁸¹ Цит. по: Hamza H.R. Communisme et nationalisme en Tunisie de la «Libération» à l'indépendance,.... p.275.

не был ли юсефизм пятидесятих предтечей интегризма (исламистского движения) в Тунисе 80-х годов?

Что касается тактики самого Бен Юсефа в период развития процесса урегулирования, открытого «Карфагенской декларацией», то сначала он старается сорвать переговоры, затеянные Бургибой и Мендес-Франсом, затем — опорочить их результат. При этом ему нужен новый лозунг, с которым он мог бы обойти авторитет Бургибы, и он его находит в идеологии арабской нации, которая становится лейтмотивом политического дискурса Насера, хотя и не подхватывает новую ноту («социализм», впервые прозвучавшую у египетского лидера как раз после Бандунга). Отныне Бен Юсеф педалирует идею, что, предавая алжирских братьев, Тунис интегрируется во Французский союз, и при этом стал пленником своей риторики. 17 мая 1955 г. он направляет обращение к Лиге арабских государств, распространенное по радио и опубликованное *«аль-Ахрам»*. Оно утверждало, что если конвенции войдут в силу, Бургиба будет повинен «в нашем исчезновении как нации»⁶⁸². Затем он мобилизует своих друзей в полурастворившемся Комитете освобождения Арабского Магриба, чтобы сделать его своим рупором. Тем временем франко-тунисские конвенции преодолевают последний барьер — Бурбонский дворец, где они ратифицированы. В ответ Бен Юсеф подготовил заявление от имени КОАМ, гласившее что комитет против этих конвенций, которые «создают марионеточное правительство» и позволят Франции властвовать в Тунисе»⁶⁸³. Далее ему ничего не остается делать, как возвращаться на родину, обеспечив себе каирские тылы, и возвращается он с твердым намерением перетянуть одеяло на себя.

Déjà vu, или повторение пройденного. Итак, после «разминки» наступил час объявления Бен Юсефом войны Бургибе, а заодно и правительству Бен Аммара. Договор о предоставлении Тунису внутренней автономии встретил резкое осуждение со стороны Комитета освобождения Магриба и лично его председателя эмира Абд аль-Крима. 14 октября 1955 г. в Каире было распространено заявление комитета, который принял решение исключить партию Новый Дустур из своего состава. Это заявление было перепечатано 17 октября в газете *«ас-Сабах»*, симпатизировавшей

⁶⁸² *El Mechat S. Op. cit.*, p. 234.

⁶⁸³ Французскую публику с ним ознакомила «Le Monde» за 14.7.1955.

Салаху Бен Юсефу⁶⁸⁴. В тот же день он произнес речь с балкона своего дома, возле которого собралась внушительная толпа. Она кричала: «Долой правительство Бен Аммара — Монжи Слима!». Слова перешли в действие; проезжавшую по улице машину премьер-министра окружили разъяренные люди, с нее был сорван национальный флаг⁶⁸⁵. Бен Юсеф, давно не использовавший свои ораторские способности, стал лихорадочно объезжать страну, устраивая митинги и создавая «юсефистские ячейки».

Верховному комиссару доносили из Суса, мол, есть подозрения, что Бен Юсеф ведет переговоры с феллага Лазхаром Шраити (если вел, то неудачные — *M.B.*), а кроме того, в Триполи он оставил «запасную команду» под началом некоего Шушана. Отсюда был сделан вывод: есть подозрение, что Бен Юсеф работает над созданием «смешанных алжиро-тунисских групп, которые будут терроризировать французское население в Тунисе и готовить народ к возобновлению вооруженной борьбы, имея на то благословение Египта, который через свои секретные службы готов оказать ему помощь» (служебная записка от 18. 10. 55)⁶⁸⁶.

Члены политбюро тоже не бездействовали, организуя свои митинги и прибегая к силовым методам борьбы с конкурентами. Бургибисты спешно создавали из молодежи, бывших феллага и докеров «комитеты бдительности» («comités de vigilance»), превратившиеся в настоящую партийную милицию. Под ее давлением Бен Юсеф был вынужден свернуть свои туры: ему преградили путь в Беджу, Сук эль-Арба и Меджез-эль-Баб, а в Габес он и сам не рискнул ехать, опасаясь рукопашной, хотя именно в этом районе, тяготеющем к Ливии, мог рассчитывать на потенциальных сторонников⁶⁸⁷. Все это удивительно напоминало старое, или возвращение на круги своя. Но если во время «войны двух Дустуров» 1937 г. конфронтация между шейхом Таальби и Бургибой спровоцировала один кровавый инцидент в Матире, то сейчас страна, едва пережившая партизанскую войну, могла втянуться в гражданскую.

Как и следовало ожидать, развязка, правда промежуточная, была достигнута в состязании двух главных мастеров жанра торжественного

⁶⁸⁴ *Hamza H.R. Op. cit.*, p. 308.

⁶⁸⁵ Из дневника д-ра Бен Салема, который отметил также, что 17 октября Гамаль Абдель Насер сделал заявление в поддержку Бен Юсефа (*Ben Salem M. Op. cit.*, p. 186).

⁶⁸⁶ *El Mechat S. Op. cit.*, p. 238.

⁶⁸⁷ *Ibid.*, p. 237.

красноречия. 29 октября прозвучала речь Бен Юсефа в Кайруане, где на следующий день ожидался Бургиба, который тоже взялся за агитпоездки. Впервые полностью Бургиба изложил – в подробностях и перед большой аудиторией – свое понимание причин внутрипартийного конфликта в Кайруане, «сорвав оации, которые его назлектризовали»⁶⁸⁸. Он мог говорить часами и в данном случае говорил на диалекте, поэтому в газеты и французские служебные сводки попали лишь фрагменты тирад Бургибы в «священном городе», где собралось его послушать 50 тыс. человек. Основным тезисом его речи было то, что в позиции Бен Юсефа просматриваются «все то же отсутствие чувства реальности, все тот же пустопорожний экстремизм, все та же демагогия, с которыми он сам же и боролся с тех пор, как вступил в наши ряды»⁶⁸⁹. Затем Бургиба был заслушан в Бизерте, где собралось около 30 тыс. человек⁶⁹⁰. Таким образом конвенции о внутренней автономии, полный текст которых народ, конечно, не читал (они представляли собой объемистый фолиант, в специальных статьях которого мог разобраться не всякий юридически грамотный), прошли импровизированный плебисцит и получили одобрение; но этого успеха было недостаточно, и политбюро приступило к подготовке чрезвычайного съезда партии.

Поначалу Бургиба, видимо, искренне надеялся, что после возвращения Бен Юсефа в Тунис удастся его переубедить; ведь удалось переубедить таких колеблющихся сторонников генерального секретаря, как Монжи Слим и Бахи Ладхам (он вернулся из США на родину 10 октября 1955 г.), или такого «экстремиста», как Али Бельхаван, который по собственной инициативе подписал весной 1954 г. каирский «Пакт освобождения Арабского Магриба», подписал от имени партии, не имея на то полномочий. Теперь он ревностно защищал точку зрения Бургибы. Однако «Верховный борец» недооценил упорство Бен Юсефа, у которого оставался последний шанс затмить своего друга-соперника в роли выразителя народных чаяний. Коль скоро он был отстранен от переговорного процесса, и лавры победителя ему не достались, то шанс состоял в том, чтобы сломать победителю хребет.

Бен Юсеф выполнил свою угрозу и 30 октября торжественно открыл в столице штаб-квартиру «генерального секретариата» («аль-амана

⁶⁸⁸ Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 160.

⁶⁸⁹ Речь 31 октября 1955 г. (Цит. по: El Mechat S. Op. cit., p. 237).

⁶⁹⁰ Данные о количестве участников обоих митингов см.: Julien Ch.-A. Op. cit., p. 199.

аль-амма») у ворот Бэб аль-Джазира⁶⁹¹. По сути это была попытка создать альтернативную организацию; на свет появились два Новых Дустура. Под лозунг «дважды нового» собирались целиком или частично старые и вновь созданные ячейки «пéос». Во фракции юсефистов к концу 1955 г. насчитывалось 518 ячеек, сгруппированных в 41 региональную федерацию (джама'а), а во фракции бургибистов – 32 федерации и около тысячи ячеек⁶⁹². Довольно дружно взяли сторону Бен Юсефа его земляки, жители Джербы и выходцы с этого острова, по роду занятий – хозяева бакалейных лавок, тощ в тощ как марокканские суси, выходцы из оазиса Сус. Не то чтобы богачи (в их магазинчиках «на углу» больших капиталов не наживалось), но и не беднота, они были способны финансировать юсефистские ячейки и сами собой представляли «партийную сеть»⁶⁹³.

Вне Джербы и джерби разделились, так как другой их земляк – Мухаммед Бадра вошел в правительство; это Бургиба заранее предусмотрел, вызвав Бадру весной 1955 г. из Каира в Париж и перетянув его на свою сторону. Впрочем, главным делом расколовшихся активистов «пéос» становится борьба на взаимоуничтожение, просившая крови, а не денег.

Кто же составил верхушку диссидентской организации? Кроме Бен Юсефа, в ее лидерах оказались лица второго плана, из наиболее известных имен: Али Злитни, Хасин Трики, Тахар Ласауед (как мы помним, забунтовавший полевой командир). Чтобы укрепить авторитет своей структуры, Бен Юсеф старается опереться на «зейтуновское» движение и Старый Дустур. Он присутствует на втором в 1955 г. съезде «archéos» с предложением возродить «Национальный фронт». Недавно избранный пожизненным председателем своей партии, Салах Фархат с этой идеей, восходящей к «Съезду Ночи Предопределения», согласился⁶⁹⁴. Однако

⁶⁹¹ Грар Х. Указ соч., с. 179. По сообщению органа политбюро, газеты «L'Action» за 31. 10. 1955 г., Бен Юсеф заявил: «Новый Дустур – это Я!» (Цит. по.: Julien Ch.-A. Op. cit., p. 198).

⁶⁹² El Mechat S. Op. cit., p. 240.

⁶⁹³ Известно, что джерби стояли на втором-третьем месте после сахельцев в руководящем составе Нового Дустура.

⁶⁹⁴ Негласно ее поддерживала компания хусейнидских принцев. Сам монарх, как свидетельствует его зять, ничего уже не понимал, превратившись в тряпку, его умственные способности на глазах деградировали. В описываемое время д-р Бен Салем часто навещал Бен Юсефа, страдавшего тяжелой формой экземы. Он утверждает в своих мемуарах, что якобы наблюдал этого пациента только как врач

участие в юсефистском бунте ветеранов стародустуровской партии, не многочисленных и растерявших свои низовые ячейки, было скорее пассивным⁶⁹⁵. Этого нельзя сказать о воспламененной речами Бен Юсефа зейтуновской молодежи. Ему симпатизировало и большинство газет, выходивших на арабском языке⁶⁹⁶. Взяв на вооружение идею солидарности с алжирскими братьями, он вел, однако, двойную игру. Одновременно с насыщением своей речи традиционной мусульманской риторикой Бен Юсеф тайно обивал пороги «Дома Франции», ставшего теперь резиденцией Верховного комиссара, убеждая Роже Сейду и его сотрудников в том, что лично он – более приемлемый партнер, чем его конкурент.

Сам по себе этот факт было трудно скрыть, но некоторые детали стали известны много позже, спустя десятилетия. Так, один французский журналист, взявший интервью у генерального секретаря, опубликовал его лишь в 1976 г., и в нем есть такой пассаж: «Как Франция не отдает себе отчета, – сказал Бен Юсеф, – в том, что Бургиба и его люди обманут ее и насмеются над ней, тогда как лично меня Франции упрекнуть не в чем... только я располагаю необходимым кредитом, который позволит Франции извлечь моральную и политическую выгоду из ее жертвы», то есть из предоставления Тунису независимости⁶⁹⁷.

Не удивительно, что в свете имевшейся у них агентурной информации о подрывной деятельности юсефистского блока и в первую очередь о его контактах с алжирскими повстанцами, французские власти выбрали себе в партнеры не Бен Юсефа, а Бургибу. Они направляли силы охраны порядка усмирять манифестации юсефистов. То и дело их толпа буквально брала в осаду дом правительства на площади Касбы, где номинально персонной №1 являлся Бен Аммар, реально – Монжи Слим, олицетворявший политбюро Нового Дустура. В самом политбюро сталкивались два взгляда на выход из кризиса. Одна точка зрения сводилась к тому, что надо немедленно

(и его напрасно потом записали в «юсефисты»), при этом внушал Бен Юсефу, что народ устал, и не надо сеять смуту (*Ben Salem M. Op. cit.*, p.186).

⁶⁹⁵ *El Mechat S. Op. cit.*, p. 241.

⁶⁹⁶ В том числе газеты «аз-Зохра», «аль-Баллях» и «ас-Сабах», считавшаяся неофициальным органом партии.

⁶⁹⁷ Максименко В.И. Партии в переходном обществе..., с. 163. Автор ссылается на тот же номер журнала «Les Temps Modernes», где была помещена статья: Ch. A. Julien. Un épisode de la lutte pour l'indépendance tunisienne, l'affrontement de Bourguiba et de Ben Youssef, «Les Temps Modernes», Paris, Vol. 31, № 356, mars 1976.

положить конец братоубийственному противостоянию, простить и забыть ошибки сторонников Бен Юсефа. Другая, которую разделял министр внутренних дел, заключалась в обратном: надо организовать «охоту на юсефистов», чтобы не упустить инициативу. Бургиба склонялся ко второму мнению. Помимо всего прочего, думают некоторые современные аналитики, фактор «юсефистской угрозы» использовался Бургибой как средство давления на Францию, чтобы ускорить решение вопроса о независимости⁶⁹⁸. Это означало бы, по логике вещей, что он был заинтересован в демонстративном углублении конфликта. Но вопрос снова стоял о жизни и смерти.

Краткий исторический экскурс. Борьба, развернувшаяся вокруг конвенций о внутренней автономии, уже подписанных, ратифицированных и вступивших в силу, была нескрываемой борьбой за власть, схваткой двух лидеров, помогавших власти. Поэтому можно лишь частично согласиться с тем, что «юсефистский кризис был пароксизмом классовой борьбы»⁶⁹⁹. Некоторые элементы классовых противоречий в этот кризис, безусловно, всплывали. В нем проиграла сторона бейской монархии, определенные слои имущей верхушки города и деревни, все это так... Но в то же время можно заметить, что по разные стороны баррикад в период как раз самого острого пароксизма этого кризиса находились социально однородные группы населения, в частности, феллахи. Да и буржуазия не выступала единым фронтом. Ее представитель, Тахар Бен Аммар, возглавлял коалиционное правительство с преобладанием «пéос» и, быть может, сочувствовал бею, но не Бен Юсефу. «Буржуа» братья Бен Аммары, кстати, однофамильцы, а не родственники премьера, оба члены партии, среди юсефистов не были замечены. Капиталист Шеник тоже. Зато Фарид Бургиба, племянник Хабиба Бургибы, среди них находился. Наконец, что более важно, осью противоречий между «юсефистами» и «бургибистами», на которых разделилась партия и – шире – общественное мнение страны, был двуединый вопрос о конвенциях и поддержке алжирского восстания: не словом, а делом, то есть путем возобновления вооруженной борьбы вместе с алжирскими братьями. Их революция никак не являлась «буржуазной» по своим движущим силам, как не являлся буржуазным по своему составу и ФНО – объективный союзник бунта юсефистов и заинтересованная в нем сторона. Словом, внутривластные

⁶⁹⁸ *El Mechat S. Op. cit.*, p. 239.

⁶⁹⁹ Новейшая история арабских стран Северной Африки..., с. 287.

ный кризис, выплеснувшийся далеко за рамки Нового Дустура, имел вид хаотического столкновения личностей, мнений, кланов, земляческих интересов; и не даром Бургиба назвал его анархией.

Был ли этот кризис неизбежным? Ведь достижение национального суверенитета, поэтапное или нет, само по себе является не только освободительной, но и социальной революцией, разрушением «ancien régime». История стократно подтвердила, что среди могильщиков старого порядка всегда находятся свои обиженные, свои якобинцы, свои жирондисты; а гражданские смуты и заговоры первых по знатности граждан против себе подобных, возбуждаемые честолюбием или ревностью, имеют общий механизм вне времени и пространства.

«Совершенно противоположные мысли рождаются у меня, господа сенаторы, когда я всматриваюсь в опасное наше положение... Прочие злодейства можно преследовать тогда, когда они совершены, но это, если его не предупредить, если оно совершится... — понапрасну станем мы тогда взывать к правосудию: раз город захвачен, побежденным не останется ничего... Я заканчиваю, господа сенаторы. Если б дозволено было нам сегодня ошибиться, клянусь Геркулесом, я бы с легким сердцем согласился, чтобы вы на опыте убедились в своей ошибке, раз что к словам моим прислушаться не хотите. Но мы стеснены отовсюду. Катилина с войском готов вцепиться нам в глотку, другие враги — внутри стен, в самом центре города, нельзя ничего ни предпринять, ни решить втайне от них. Тем поспешнее надо действовать»⁷⁰⁰ — такие слова звучали 2065 лет тому назад, когда Цицерон раскрыл заговор бывшего претора, пытавшегося захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов. «Всего больше, пишет Саллюстий, — искал Катилина близости с молодежью: сердца молодых, еще не стойкие, без труда улавливались в хитро расставленные силки»⁷⁰¹.

Феодальные междоусобицы, список которых бесконечен, имели другую природу, чем гражданские войны в Римской республике или во Флоренции времен войны гвельфов и гибеллинов. Да и сами по себе эти междоусобицы имели разный исторический смысл. Но в княжеских ли «крамолах», в сражениях ли баронов, в истребительной ли войне Ланкастеров с Йорками, в соперничестве ли андалусских эмиров эпохи Сиды

⁷⁰⁰ Речь Марка Порция Катона, призывавшего казнить пойманных злодеев, невзирая на их молодость, вызывающую жалость и сострадание (Гай Саллюстий Крисп. Заговор Катилины. Перевод С. Маркиша // Историки Рима. Переводы с латинского, М.: Изд-во Художественная литература, 1970, с. 62-64).

⁷⁰¹ Там же, с. 41.

Кампсадора или в хронических войнах из-за престолонаследия, сопровождавших историю арабо-мусульманского востока; во всех конфликтах из-за обладания властью, будивших мир «железным лязгом грозного оружия», есть нечто общее. Есть и специфическое. Так, в Магрибе (ограничимся этим регионом), сколько ни было таких конфликтов на протяжении средних веков, они всегда втягивали в себя военно-кочевые союзы и соседскородовые общины племенного типа. Оппозиционные коалиции зачастую сохранялись надолго и по инерции продолжали враждовать после того, как породивший их конфликт сам по себе был исчерпан.

Чтобы далеко не ходить за примерами, можно вспомнить, что с тяжкой смуты начиналась история династии Хусейнидов. Дело было так. Стараниями основателя рода, Хусейна бен Али (1705-1735), его племянник, Али-паша, официально получил титул «паша», что было равнозначно признанию автономии Туниса со стороны Высокой Порты. На самом деле за этой уловкой стояла прозаическая цель: Хусейн бен Али обзавелся собственными детьми от генуэзской наложницы и решил в пользу старшего сына завещать трон, а племянника утешить почетным титулом. Как результат, свергнутый дядя сложил голову на плахе, но и племянник, царствовавший вслед за ним (1735-1756), был удушен кузенами, вернувшими себе отеческий престол. Алжирские турки поддерживали то одну, то другую партию и вторгались на территорию Туниса. Между тем местное население распалось на два лагеря. Одни отдавали свои симпатии Хусейну бен Али и его сыновьям, Мухаммед-бею (1756-1759) и Али-бею (1759-1782), которые при жизни старшего из них были фактическими соправителями, другие симпатизировали его племяннику-узурпатору.

«После этой кровавой распри, — писали в 1902 г. переводчики посвященных ей анналов, — Тунис остался разделенным на два *соффа* (клана — *М.В.*), *хасинийя*, то есть сторонников бея Хасина (Хусейна — *М.В.*) и *баийя*, то есть сторонников Али-паши. До наших дней эти различия еще слишком глубоки, чтобы их не учитывать. Ни в коей мере *баийя* не отрицают легитимность ныне правящей династии, которая никем не оспаривается, но дело в том, что в тот период, когда владычество бея распространялось лишь на столицу и несколько городов, все фракции (племенные — *М.В.*), пользуясь ослаблением центральной власти, бросались друг на друга просто ради грабежа: кто-то становился *баийя*, потому что соседи были *хасинийя* и владели скотом, который можно украсть. Воспоминание об этих походах племя



на племя...до сих пор делит Регентство на два *соффы*⁷⁰². Последнее оставалось верным и для середины прошлого века. Например, в 1937 г., наблюдая за деятельностью «второй» ВКТТ под началом Белькасема Гнави, французские спецслужбы отмечали, что внутри рабочих профсоюзов кипит борьба двух *соффов*. Так, в тексте информационного циркуляра, разосланного на имя генерала Анота, отмечалось, что полиция пресекла драки между членами двух отраслевых профсоюзов-антагонистов: чернорабочих зерновой биржи и извозчиков. Их конфликт, писали авторы циркуляра, «показывает, насколько в этой стране ссоры “*соффов*”, кланов, подменяют борьбу идей и конфликты интересов европейского общества»⁷⁰³.

Несмотря на «чудо», совершенное партией Новый Дустур, революцию в сознании народа (см. выше письмо Бургибы с о-ва Галит), превращавшегося «из населения к нацию», следы его распада на два враждебных клана, сложившихся в середине XVIII века, глубоко врезались в социальную психологию⁷⁰⁴. Борозда этого раздела проходила отнюдь не по границе социально-классовых слоев или социально-профессиональных групп, расщепляя их пополам. На самом деле, квазиплеменная структура в Тунисе, где хозяйственная подоснова племенной общины к концу колониального периода была размыта даже на окраинах⁷⁰⁵, имела не кровные

⁷⁰² *Mechra El Melki*, Chronique Tunisienne (1705-1771) par Mohammed Seghir ben Youssef, de Beja, II-ème édition, Tunis: Ed. Bouslama, 1978, p. 1. (Автор хроники современник событий, ее переводчиками являлись Виктор Серре, гражданский контролер, и Мухаммед Ласрам, директор ведомства оливковых плантаций).

⁷⁰³ Антагонизм этих двух профсоюзов, объединявших лиц неквалифицированного труда, «*céréalistes*» и «*arabatiens*», авторы документа, датированного 31.12.1911 объясняют тем, что Гнави, руководитель ВКТТ и синдиката извозчиков (или чечеников) упрекает Мухаммеда Мактуфа, главу синдиката «зерновиков», то есть носильщиков, таскавших мешки на спине, их взвешивавших и т.п., набирает на эту работу своих земляков, выходцев из Эль-Хаммы под Габесом. (См.: *Khaled A. Op. cit.*, p. 233). Между тем Гнави был тоже из-под Габеса, но *метви*.

⁷⁰⁴ Сам по себе этот феномен – дробление традиционного общества на своего рода сегменты и их различные комбинации, в том числе крупные *соффы* и *леффы* (как они назывались в Северной Африке), широко распространен; достаточно вспомнить их аравийский архетип – эпическую «Войну из-за верблюдницы Басусы». Но в ряде случаев яблоко раздора, послужившее поводом к образованию тех или иных враждебных коалиций, трудно найти даже в легендах. Происхождение анхотомии *хасинийя-башия* в Тунисе исторически документировано.

⁷⁰⁵ В этнографическом обзоре, изданном в 1950 г., авторы выделяют в Тунисе ста-



собственную, а скорее земляческую основу (хотя слово «*tribu*» или «*tribe*», которого избегают специалисты-этнологи, широко употребляется для описания подобных клановых образований в Магрибе, особенно – периферийных). На эту мозаику накладывалась еще одна извилистая линия водораздела между силами религиозного и социального консерватизма, инстинктивно поддерживаемого монархией в лице хусейнидских принцев, а также духовенством, торговцами и ремесленниками медины, связанными со старой формой общественной организации, с одной стороны, и силами, выступавшими за модернизацию, – с другой.

Центром притяжения консервативных сил теоретически могла быть сама монархия как символ национального суверенитета. Однако при всей неоспоримой легитимности династии Хусейнидов, их трон, воздвигнутый авантюристами османских времен, не обладал аурой «святости» трона марокканских Алауитов, потомков Пророка. Личность же царствующего государя была от природы серой, и все попытки сделать его хотя бы номинальным лидером тунисского национализма закончились провалом. Истории было угодно, чтобы под маской консерватора и одновременно радикального революционера (в том смысле, который заложен в слове *surra-révolution*) выступил «*évolué*», к тому же один из исторических вождей Нового Дустура. Человек, который ни по своему социальному происхождению, ни по образованию, ни по складу ума ничем от своего соперника, Бургибы, ни от других товарищей по политбюро, в разных его составах, принципиально не отличался. Но именно он попытался срубить под корень «оливковое дерево», посаженное отцами-основателями партии.

Чрезвычайный V съезд «*néos*». Руку помощи Новому Дустуру протянул его старый союзник ВТСТ, и, принимая эту помощь, Бургиба

ных полукочевников, племенная солидарность которых – скорее историческая. Так, целые фракции *хаммама* осели в районе Гамуда, где они выращивают оливковые деревья; в результате дробления собственности площадь общинных земель сократилась. Их бедуинский менталитет поддерживается не столько скотоводством, сколько походами табором на сезонные работы в другие районы: на побережье, где они помогают в страду сбора оливок, или на север во время жатвы. Другая группа это – полукочевники пустыни, которые обычно имеют в оазисах свои пальмы, сады и даже дома. «Ни одно племя в Тунисе не совершает таких больших и регулярных перекочевок, как скотоводы Северной Сахары в Алжире» (*Bercher L., Brounschvig R., Cardoso A., Despois J. etc. Op. cit.*, p.145-147).

пошел на уступки союзнику. Дело в том, что новый руководитель профцентра, 29-летний Бен Салах, который хотя и был членом Нового Дустура со стажем, продолжал линию Хашеда в том смысле, что не подразумевал абсолютного подчинения профсоюзов партийному руководству. Более того, выступая на съезде, он предложил от имени ВТСТ развернутую социально-экономическую программу, которая не являлась центральным пунктом повестки дня, но прозвучала именно на съезде партии. Программа имела социалистическую окраску и получила отражение в его резолюциях. Это было негласным условием, на которое Бургиба пошел, скрепя сердце. Спустя годы в одной своей речи, посвященной хозяйственным реформам, он напомнил, что тунисский бюджет 1954-1955 гг. составлял всего 44 млрд. фр., из которых четверть обеспечивала Франция; а между тем на съезде в Сфаксе «уже говорили о социализме, о структурах и не знаю еще о чем. Для меня главное тогда заключалось в одобрении конвенций,... чтобы их поддержали (собравшиеся делегаты – М.В.), все остальное мне казалось второстепенным. Я знал, что все придет в свое время»⁷⁰⁶.

Чрезвычайный V съезд Нового Дустура состоялся 15-19 ноября 1955 г. и, если сравнивать его с предыдущими, был грандиозным: на нем присутствовало более 1200 человек с делегатскими мандатами, а всего, по разным данным, от 2,5 до 3 тыс. человек, не считая иностранных гостей и журналистов. Решение провести съезд в Сфаксе было не случайным, в этом городе – колыбели ВТСТ сторонники Бургибы имели тогда самый надежный оплот, а в деле обеспечения порядка они могли положиться на Хабиба Ашура, который держал в своих руках региональную федерацию национальных профсоюзов.

Съезд готовился в сжатые сроки, но тщательно. В первой половине ноября начались выборы делегатов в партиячках, при этом «юсефистские» признавались нелегальными. Делегаты и гости, среди которых были посланцы Индии, трех арабских стран (Египта, Ирака и Ливии), официальный представитель СФИО и многочисленные журналисты, собрались под охраной «докеров Ашура», отрядов дустуровской молодежи и «комитетов безопасности». Задачей съезда было восстановление рядов партии вокруг политбюро, выборы нового руководства, а главное, рассмотрение персонального дела Салаха Бен Юсефа. Это была, собственно, его идея, пропе-

⁷⁰⁶ Bourguiba H. Une impératif pour la nation: La reforme des structures, Tunis: Publ. du Secrétariat d'Etat aux Affaires Culturelle et à l'Information, 1968 [брошюра], p. 29, 35.

ти съезд, он получил на него приглашение, но приехать отказался. Сначала потребовал отсрочки съезда и изменения процедуры выборов делегатов, а когда они уже собрались и даже отрядили за ним гонца – руководителя сфакского «райкома», прислал телеграмму еще раз с отказом. И тем самым подписал себе приговор, так как лишился аргумента о нелегитимности своего исключения из партии, став аутсайдером.

Судя по фотографиям, на съезде было много женщин, одни в традиционной белой одежде, так называемом *сафсари*, с полужакрытыми лицами (но это не чадра), другие в европейской одежде, и таких было больше. Юноши в скаутской форме и со знаменами в руках создавали атмосферу праздника, все помещение – от коридоров до зала заседаний было украшено. По стенам висели строгие портреты с увеличенных фотографий уже ушедших из жизни партийных деятелей, в том числе Хабиба Тамера.

Материалы съезда были опубликованы только на арабском языке; судя по всему это раритетное издание⁷⁰⁷. Во всяком случае, почти все авторы, с чьими книгами или статьями мы знакомы, как западные, кроме Кэ.Г. Мура, так и тунисские, касаясь этой темы, ссылаются не на него, а на материалы прессы, освещавшей работу съезда. Правда, цитируемая ниже официальная публикация – отнюдь не стенографический отчет.

Открыл заседание 15 ноября в 9:30 председатель сфакской федерации Нового Дустура, который поблагодарил политбюро от имени всего города за то, что он избран местом съезда, и напомнил о его павших героях – Фархате Хашеде и Хеди Шакере, «чей дух присутствует вместе с нами». Затем большую приветственную речь произнес Бургиба, который выразил особую радость присутствием арабских гостей, что «свидетельствует о единстве арабо-мусульманской нации и помощи, которую она нам оказала в борьбе за утверждение тунисского суверенитета». Далее в разделе, который в опубликованном виде назван «К полной независимости» (*«нахуа аль-истикляль ат-тамм»*), оратор сослался на заявление французского премьера, якобы высказавшегося в пользу такого движения, и повторил

⁷⁰⁷ *Аль-хизб аль-хурр ад-дустурий ат-тунисий. Аль-му'тамар аль-ватаний би-сфаксе мин 15 иля 19 нуфембер 1955, аш-шарика ат-тунисийа ли фунун ар-расм.* [Тунисская либерально-конституционная партия. Национальный конгресс в Сфаксе, 15-19 декабря 1955, Изд-во Тунисского общества изобразительных искусств]. Обращают на себя два момента: в названии партии опущено слово «новое», в заглавии отчета нет указания на порядковый номер съезда.



свой тезис, что тунисский народ преодолел важный этап и намерен идти дальше, в частности, имеется в виду создание национальной армии. Наконец Бургиба коснулся позиции Бен Юсефа и закончил речь традиционной мусульманской формулировкой⁷⁰⁸. После него на трибуне появились иностранные гости: от Египта выступил шейх Ахмед Хасан аль-Бакури, министр по делам вакфов⁷⁰⁹, от Ирака – государственный министр Абд аль-Маджид Махмуд, от Ливии – министр юстиции Абд ар-Рахман Кальсур, от Индии – т.ж. Махараджи, председатель отдела по связям с Африкой в Индийском национальном конгрессе. Была зачитана телеграмма от руководства ИНК, в которой подчеркивалось, что съезд – великое событие в жизни не только Туниса, но и всей Северной Африки, участникам съезда выражалось пожелание успеха, а тунисскому народу достижения полной свободы (*аль-хуррийа аль-камила*). Следом взял слово еще один посланец Индии, прибывший на съезд в качестве личного представителя Джавахарлала Неру. От его имени он напомнил о встрече между Неру с Бургибой в 1951 г. и о том, что еще тогда последний говорил о цели своей борьбы – окончательной независимости⁷¹⁰.

В тот же день взяли слово другие гости: м-сье Жан Ру, «друг тунисцев» и главный редактор газеты «Franc-Tireur», а к концу первого пленарного заседания, извинившись за то, что он не владеет арабским языком, на трибуну поднялся Анри де Монетети, чтобы приветствовать съезд «от имени демократически настроенных французов Туниса». Весьма любопытна стилистика выступления представителя издательского дома «Лар аль-Хильяль». Прежде всего он заявил, что «правительство Египетской революции прислало к вам революционного министра (*аль-вазир ас-саир*), устаза аль-Бакури», который сказал слово «от имени всего правительства, всего Египта, его народа и его революции». Далее, позволив себе выразить собственную точку зрения, а заодно и мнение «всей египетской прессы и арабской печати братских стран», журналист рассуждал, что «последнее слово ни за французами, ни за Его Высочеством беим, ни за нынешним правительством [Туниса], ни за Хабибом Бургибой и ни за Салахом Бен

⁷⁰⁸ Там же, с. 9-28.

⁷⁰⁹ Шейх аль-Бакури, видимо, выполнял деликатные поручения. В мае 1955 г. он посетил Пекин, где изучал возможности установления торговых отношений между двумя странами, хотя Египет еще не признал КНР.

⁷¹⁰ *Аль-хизб аль-хурр ад-дустурий ат-тунисий. Аль-му'тамар аль-ватаний би-сфакс*, ... с. 34-37.



Юсефом, но за тобой, тунисский народ!». Это выступление заканчивалось призывом к борьбе за полную независимость⁷¹¹.

Во второй половине дня слово было предоставлено Фердажни Бен Хадж Амару, генеральному секретарю Тунисского союза ремесленников и торговцев (UTAC), затем Абдельмаджиду Шакеру, председателю Всеобщего союза тунисских студентов (UGET)⁷¹² и представителю мусульманских скаутов (*аль-кашиафа аль-исламия ат-тунисийа*). С большой речью выступил Ахмед Бен Салах. Он начал ее со слов: «Впервые созван съезд освободительного движения, которое, несомненно, отклоняется от формы партии в собственном смысле слова». Его мысль заключалась в том, что «наше дустуровское движение» до сих пор преследовало политические цели, не имея ясной программы в экономической, социальной, культурной и прочих областях. Далее он говорил о социальном освобождении трудящихся и о том, что надо строить общество на базе «демократической и справедливой экономической системы» (*«низам иктисадыи демократий 'адиль»*), которая «в интересах народных трудящихся классов» позволит «покончить с наследием иностранного экономического строя, капиталистического строя, господствовавшего в стране»⁷¹³.

Вечернее заседание открылось в 19:30 того же дня, его вел Бахи Ладхам, который зачитал телеграмму в адрес Бен Юсефа с приглашением на съезд и его телеграмму с отказом, под которым он подписался как «генеральный секретарь». Мандатная комиссия объявила, что на съезд было избрано 1314 делегатов, зарегистрировались 1242 участника, в том числе 140 из Туниса-столицы, 89 из Сфакса, 73 из Северо-Западного округа, 39 из Бизерты, 27 из Кайруана, 77 из округа Северный Сахель/Сус, 28 из округа Южный Сахель/Ксар-Хелляль, самое маленькое число с Джербы – 2 человека⁷¹⁴. Эти данные приводились по федерациям. Обращает на себя

⁷¹¹ Там же, с. 38.

⁷¹² Официально основанный в июле 1953 г., этот союз включал студентов L'Institut des Hautes Etudes de Tunis, учащихся коллежа Садыкийя и его филиалов, а также лицейистов. Его членами стали некоторые слушатели аз-Зейтуны, но студенческая организация «Голос талибов аз-Зейтуны» бойкотировала работу UGET (*Ayachi M. L'Union Générale des Etudiants de Tunisie au cours des années 50/60*, Tunis, ISHMN, 2003, p. 32-33, 88-91).

⁷¹³ *Аль-хизб аль-хурр ад-дустурий ат-тунисий. Аль-му'тамар аль-ватаний би-сфакс*, ... с. 40-43.

⁷¹⁴ Там же, с. 49-50.

Юсефистский кризис и раскол в партии

внимание сравнительно небольшое количество делегатов, прибывших от региональной федерации Южного Сахеля. Дело в том, что она провела свой съезд 4 ноября в присутствии представителя политбюро и осудила поведение Бен Юсефа. Однако затем снова собралась и большинством голосов выступила против исключения его из партии⁷¹⁵.



Ахмед Бен Салах на V съезде партии

На следующий день заседали комиссии – политическая (председатель Рашид Дрис), по внутрипартийному уставу, по финансам и проч. В публикацию сводных материалов съезда не вошли дебаты, которые по ряду вопросов оказались бурными. Юсефисты на съезде были представлены

⁷¹⁵ El Mechat S. Op. cit., p. 243.

Чрезвычайный съезд

в меньшинстве. Но многие делегаты являлись сторонниками более скорой независимости и в этом плане выступали против «линии Бургибы». Другие хотели, чтобы ей имелся противовес. Поэтому Бургиба заранее выдвигает кандидатуру Бахи Ладхама в новый состав политбюро (и предлагает ему пост генерального секретаря), хотя тот был известен взглядами, близкими к позиции Бен Юсефа. Эту шахматную партию Бургиба выиграл. Он внимательно следит за ходом дискуссии, частично из-за кулис, и готовит свое неожиданное выступление 17 ноября на дневном пленарном заседании. «Его охватило вдохновение, всегда посещавшее его на сцене». С необычайным жаром он доказывал, что внутренняя автономия это – путь к независимости, а «Бен Юсеф пытается вас отвлечь на путь, который заведет в пропасть»⁷¹⁶. Съезд подтверждает исключение Бен Юсефа из партии.

Как отмечали очевидцы, присутствие на съезде большого числа участников с гостевыми билетами, не являвшихся делегатами, а они составляли почти половину аудитории, оказывало психологическое давление на тех, у кого были поползновения выступить с критикой. Это касалось в первую очередь сочувствующих Бен Юсефу. Но даже у них его отказ прибыть на съезд и разъяснить свою позицию вызывал разочарование. Когда Бургиба спросил: «Хотите ли вы снова взяться за оружие и уйти в горы?», зал встал с криком «Нет!». Это был его апофеоз.

Главный смысл общеполитической резолюции состоял в том, что она признала: конвенции, заключенные 3 июня – важный шаг к независимости «в духе свободного сотрудничества» с Францией и в направлении «исторического развития»; партия под руководством ее председателя Хабиба Бургибы и директора Монжи Слима успешно вела борьбу против империализма; председатель и члены политбюро стремились достичь освобождения страны демократическими средствами⁷¹⁷. Заслушав финансовый отчет за межсъездовский период, участники констатировали резкое увеличение личного состава Нового Дустура, численность которого достигла округленно 325 тыс. человек⁷¹⁸. Выборы состоялись под конец работы съезда.

⁷¹⁶ Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 162. (Это выступление в материалах отчета о съезде лишь упомянуто, но не изложено).

⁷¹⁷ Аль-хизб аль-хурр ад-дустурий ат-тунисий. Аль-му'тамар аль-ватаний би-сфакс ... с. 61-62.

⁷¹⁸ Там же, с. 58.



Политбюро в составе 10 человек избиралось тайным голосованием, в него прошли: Бахи Ладхам, Ахмед Тлили, Монжи Слим, Хеди Нуира, Али Бельхаван, Садок Мокаддем, Мухаммед Масмуди, Тайеб Мхири, Джеллули Фарес и Абдаллах Фархат. Пятеро из них — действующие министры. Председателем партии (на два года) избран Хабиб Бургиба всеобщим голосованием. Это было новое в практике партийных съездов «пéсо» и возвысило председателя над остальными руководителями, которые выдержали конкурентный отбор⁷¹⁹.

Дустуровский истеблишмент был создан. Создан еще накануне независимости Туниса. Эмоциональное признание единовластия Бургибы подкреплялось институционально: безальтернативными выборами, пока партийными. Большинство рабочих заседаний съезда вел Бахи Ладхам. На утренней пленарной сессии 17 ноября были направлены телеграммы с выражением поддержки алжирскому и марокканскому народу, а также поздравление султану Мухаммеду V, который накануне того дня триумфально вернулся в Рбат, завершив переговоры в Париже.

Общеполитическая резолюция отметила, что партия должна заниматься социально-экономическими вопросами. Предлагалось начать аграрную реформу с хабусного землевладения и превращения «общинных» или «коллективных» земель («*ариш*», «*иштиракийа*») в частную собственность (*мульк хасс*). Рекомендовалось создание кооперативов (*та'адудийат*), чтобы поднять сельскохозяйственное производство и модернизировать его оснащение. Речь также шла о разработке национального плана социально-экономического развития с целью решения проблемы занятости и импортзамещения. Данная часть резолюции, впервые очерчивавшая задачи партии в сфере переустройства социально-экономической сис-

⁷¹⁹ Семеро из 10-и уже входили во временное политбюро, сформированное в июне 1955 г., Хеди Нуира входил в политбюро до 1954 г., а теперь был министром. Бахи Ладхам, встреченный на аэродроме обоими «за'имейн» и примкнувший к Бургибе, вскоре занялся подготовкой съезда и фактически уже выполнял роль генерального секретаря. Все они легко выиграли, набрав каждый от 886 до 1158 голосов. Это свидетельствовало о тенденции выбирать тех, кто уже находится при власти. Борьба развернулась за 10-ое место. На него прошел Абдаллах Фархат, получив 468 голосов. Среди проигравших были Тайеб Слим и Рашид Дрис, которые вернулись из продолжительной эмиграции, Ахмед Мстири и Абдельхамид Бергави (Cf. H. Moore. Tunisia Since Independence. The Dynamics of One-Party Government, Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1965, p. 66, 118).



темы, отражала основные тезисы доклада, автором которого был молодой учитель Мустафа Филали (один из патронов Всеобщего союза тунисских студентов) и представленного от имени ВТСТ. Еще до съезда Бургиба выступил на его Административной комиссии, где обещал поддержать программу ВТСТ и внести свой вклад агитатора для пропаганды ее тезисов в разъездах по стране⁷²⁰.

В последние дни работы съезда были учреждены партийные комиссии: по образованию, социально-экономической политике и другим «отраслевым» вопросам. Хотя по форме он выражал в своих резолюциях требования к правительству, по сути это были поручения.

На первой странице отчетных материалов конгресса, в преамбуле, он был назван «Съездом Возрождения» («*му'тамару-ль-ба'ас*»). Любопытно оформление этих материалов. Над преамбулой красуется каллиграфическая надпись: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного». Следом помещен фотопортрет бея, стоящего рядом с тронном, при эполетах, сабле и всех звездах орденов, но без шепсы и в пенсне, что вместе с оправой седой бороды и загнутыми вверх усами à la belle époque делает его похожим не то на Николая II, не то на маршала Лиоте, но чем-то испуганного. Далее следует обращение к бею от имени съезда, которое напоминало, что ему настала пора выполнить обещания, данные в тронной речи 15 мая 1951 г. (От себя напомним, что в этой речи, написанной М. Бадрой, по случаю которой бей и позировал, он заявил о своем желании сделаться конституционным монархом). Потом, если перевернуть эту страницу, можно увидеть на второй фотографию Бургибы и на третьей — членов политбюро. Под портретом бея стоит подпись «*джалалят-уль-малик*», что в современном языке означает «его величество король». Под портретом Бургибы: «*ар-раис аль-джалиль аль-устаз*», что в вольном переводе означает «великий кормчий». Государю ничего не оставалось делать, как выполнять решения съезда.

Сохраняя лицо, 24 ноября он вызвал к себе министра внутренних дел и выразил ему свое удивление: «Я давно уже просил конституцию и парламент, когда же вы собираетесь собрать комиссию, чтобы все это подгото-

⁷²⁰ «Réalités», Tunis, № 809, 28.2. — 4.7. 2001, p. 17. В действительности только часть намеченных реформ была воплощена в жизнь в первые годы независимости Туниса, идея этатизма, заложенная в программе ВТСТ, стала осуществляться с 1961 г., когда сам профсоюзный центр лишился самостоятельности и был «огосударствен».

вить?»⁷²¹. Высочайшее повеление было выполнено, и 30 декабря издан бенский декрет о выборах в Учредительное собрание, которое намечалось созвать 8 апреля следующего года. Может быть, бей и не догадывался, что ему уже недолго царствовать, он вообще обмяк; но неблизоруким в его окружении было видно, что все четыре ножки его золоченого кресла подламываются⁷²².

A la guerre comme à la guerre,... а что потом на поле? Дезавуированный съездом и исключенный из партии уже не келейно, а публично и по всей уставной форме, Бен Юсеф не успокоился, он надеется провести альтернативный съезд и доказать свое могущество, подняв феллага на новое «сопротивление». Все еще считая себя генеральным секретарем Нового Дустура, он квалифицировал работу делегатов как «совещание бургибистской фракции»⁷²³ и, не дожидаясь окончания этого совещания, перешел в контратаку. Изолированный на уровне еще досъездовского политбюро, Бен Юсеф рассчитывал на свою популярность в массах.

Судя по докладу мандатной комиссии чрезвычайного съезда, делегаты из Большого Туниса составили на нем чуть больше 10% участников, что явно не соответствовало удельному весу федерации этого округа в личном составе Нового Дустура до и после его раскола. В столице у Бен Юсефа осталось много сочувствующих, и 18 ноября он созывает их по набату. Мероприятие вылилось в массовый митинг на спортивном стадионе, куда собралось, по разным данным, 20-30 тыс. человек, и прямо из Сфакса направилась египетская делегация во главе с шейхом аль-Бакури. Правда, «революционный министр» прибыл в Тунис-столицу еще загодя, сразу после своего выступления на съезде, и будто с миротворческой миссией, но на митинг все же явился. Его сопровождал ответственный сотрудник радиостан-

⁷²¹ Ben Salem M. Op. cit., p. 188.

⁷²² Затяжка с изданием декрета, как утверждала 19 декабря 1955 г. «L'Action», возникла из-за происков двора и причастного к этому делу Бен Аммара. Якобы зрел «заговор» с целью провозгласить конституцию, опередив созыв Учредительного собрания. Вдобавок ко всему, Верховный комиссар раскрыл секрет, что бей тайком обращался к нему с просьбой не передавать хотя бы отдельные полицейские части в распоряжение Монжи Слива для борьбы с юсефистами. Делал он это, страшась роста влияния Бургибы. Последний, получив такую информацию, надавил на бея, шантажируя его угрозой публичного разоблачения. И в результате монарх безропотно заявил 29 декабря: «поставлю печать на ту конституцию, которую примет Учредительное собрание» (Cl.H. Moore. Op. cit., p. 72).

⁷²³ Новейшая история арабских стран Африки,... с. 286.

ции «Голос арабов»⁷²⁴. В этот день, пятницу, с утра по столице не ходили автобусы и трамваи, Монжи Слим как министр внутренних дел запретил митинг, но народ все же пришел. Отчасти это объясняется еще и тем, что вернувшийся из ссылки Мухаммед бен Юсеф успел заявить, что с режимом протектората в Марокко покончено, и вскоре начнутся переговоры о независимости⁷²⁵. Эта новость не могла не произвести впечатления в Тунисе. Перед толпой, заполнившей стадион, генеральный секретарь потребовал отмены договора об автономии.

Кажется, он брал реванш. И при этом учитывал опыт 1936-1937 гг., когда бурный рост рядов партии в обстановке «разрядки» привел в нее массу бедняков, и не вникавших в тонкости политической программы «пéос», а просто охваченных патриотическим порывом и ненавистью к колонизаторам. Эту массу можно легко было повернуть в любую сторону, соблазнив коротким, но ясным лозунгом: «Долой...». А Бен Юсеф, приземистый и нескладный мужчина в очках с толстыми стеклами, умел зажигательно говорить, совершенно преображаясь. Не он ли в мартовские дни 1938 г., выступая в Тала на границе с Алжиром, взывал к уязвленному чувству достоинства «потомков гордых *фрашии*» (некогда крупного и воинственного племени) такими словами, наверное, еще более звучными в оригинале: «Французы приезжают в Тунис во рвани и быстро делают состояние... У вас взяли все, а вам не дали ничего. Вас ограбили, чтобы оплачивать чиновников и скупать у вас же ваши земли. Потом загнали вас в горы и пустыни к скорпионам, в засушливые районы, где вы, низведенные на положение зверья, вынуждены жрать траву... Лучше умереть, чем влачить такое существование»⁷²⁶.

Но хороши или нет были такие речи в тридцатых, когда они служили задаче представителей «интеллектуального национализма» объединить вокруг себя забитый и малограмотный народ, теперь, когда цель была так близка, агитация Бен Юсефа служила разобщению народа, реанимируя пласты традиционного, можно сказать, средневекового самосознания.

⁷²⁴ Ben Salem M. Op. cit., p. 188.

⁷²⁵ 18 ноября 1955 г., в день восстановленного праздника трона, султан выступил перед народом с речью, в которой подчеркнул, что ему доставляет большую радость «объявить об окончании режима опеки и протектората и наступлении эры свободы и независимости» (Новейшая история арабских стран Африки,..., с. 384-385).

⁷²⁶ Le Tourneau R. Op. cit., p. 85-86.



Сколь бы критически ни оценивали представители современной тунисской интеллигенции кумулятивные результаты деятельности Бургибы как лидера национального движения и как главы государства, наиболее объективные из них приходят к выводу, что решение разоружить феллагов, принятое в ноябре 1954 г., было его гениальным ходом (*coup de génie*).

«Феллага, – говорил один из участников дискуссии на эту тему, которые сорганизовывались зачастую спонтанно, были выходцами из сельской среды, носителями традиционалистской идеологии и ценностей мусульманской общины». Пытаясь их снова поднять на войну, Бен Юсеф становится собирателем и главарем «сил, исповедующих идею арабизма», традиционалистских течений в лоне Старого Дустура, аз-Зейтуны и бейской династии⁷²⁷. Действительно, разбудив движение феллага, превратившееся из сопротивления колонизаторам в бунт против центральной власти в лице «переходного» правительства Бен Аммара и политбюро Нового Дустура, он запустил механизм, который крутился уже сам по себе. В глубинке, где «неофеллагизм» втянул в себя целые племена, некоторые сегменты населения становились *юсефия*, потому что их соседи были *бургибия* и потому что «у них был скот, который можно украсть».[34]

Свое двоякое, положительное и отрицательное, значение имело также расширение личного состава партии: ее массовость в период кризиса стала ее слабостью. Судя по всему, скачкообразный рост рядов Нового Дустура (примерно втрое)⁷²⁸, арифметически означавший, что каждый десятый тунисец, стар и млад, он и она, член этой партии, имел место после «Карфагенской декларации» и особенно в течение 1955 г. Во многом это происходило за счет юношества (только в рядах «Союза дустуровской молодежи» начитывалось до 100 тыс. человек) либо за счет людей степенных, скажем, сельских учителей или мелких служащих, потянувшихся в партию в надежде на карьерный рост, но не прошедших через сито «испытаний», выработавших определенную дисциплину, пусть не железную, в кадровом составе активистов. Неофиты в разгар юсефистского кризиса как раз и создали текучую массу «колеблющихся»; тогда как опытные члены

⁷²⁷ Bourguiba, les bourguibiens et la construction de l'Etat National, Zaghouan: Publ. FTERS, 2001, p. 81-82.

⁷²⁸ К июлю 1954 г. в партии состояло 106 тыс. человек (*Cl.-H. Moore. Op. cit.*, p. 112).



Нового Дустура, даже сознательные сторонники Бен Юсефа, скорее стремились к компромиссу, нежели к развалу партии⁷²⁹.

Зато с энтузиазмом на его призывы откликалась «зейтуновская» молодежь, как всегда, обеспокоенная своим незавидным будущим, если в Тунисе не будет арабизации. Мятежный «за'им» как раз эту тему и муссировал, поэтому столица вполне могла стать его крепостью. Не удивительно, что под флером «арабизма» проходили заседания V съезда партии, а Бургиба, знавший Коран наизусть, старался вырвать оружие из рук неприятеля, что ему уже удалось сделать на митинге в Кайруане, где собралось больше народа, чем жителей в «священном городе» – оплоте еще более косных, чем в аз-Зейтуне, религиозных деятелей.

Население столицы с ее фавеллами было особенно предрасположено к стихийным волнениям, теперь уже обращенным не на французов, а на «однородное» правительство. Безработица в Тунисе была ниже, чем в Алжире, но за десятилетие между 1946 и 1956 г. (последняя перепись была проведена 2 февраля 1956 г.) мусульманское население Большого Туниса возросло на 120 тыс. человек, то есть в полтора раза⁷³⁰. Общее количество его жителей-мусульман почти в два раза превосходило мусульманское население пяти других крупных городов страны: Сфакса, Суса, Бизерты, Ферривили и Кайруана вместе взятых (около 185 тыс.). Жажда занять рабочие места европейцев была здесь особенно сильной, а конвенции, против которых разражался филиппиками Бен Юсеф, ничего в этом смысле не сулили.

⁷²⁹ Кл.-Г. Мур, в работе которого использованы многочисленные интервью, взятые им в Тунисе у партийных деятелей, пишет следующее. В столичной федерации Нового Дустура председателем являлся Али Злитни, вице-председателем Тахар Амира. Оба были избраны на эти посты в конце 1954 г. заочно, вернулись из эмиграции в сентябре 1955 г. и пользовались большим престижем как активисты-ветераны. Злитни старался представить себя в качестве «модератора» в конфликте между Бургибой и Бен Юсефом. Но действительное влияние на членов федерации имели ее генеральный секретарь и заместитель, оба бургибисты, у которых был ежедневный контакт с первичными организациями. Поэтому участники съезда из г. Туниса оказали сплоченную поддержку Бургибе (*Ibid.*, p. 64).

⁷³⁰ В Тунисе и 10 его пригородах проживало 238 тыс. мусульман в 1946 г. и 362 тыс. в 1956 г. Все мусульманское население страны увеличилось с 2991,4 до 3384 тыс. По расчетам Самира Амина, в 1955 г. вне агросферы мусульмане занимали 210 тыс. рабочих мест (из 290 тыс.), в том числе лица наемного труда – 113 тыс., из них 12 тыс. работали на мелких частных предприятиях (*Amin S. L'Economie du Maghreb, Paris: Ed. de Minuit, 1966, p. 161*).

Падение кабинета Э.Фора (29 ноября) и вновь воцарившаяся во Франции неопределенность, казалось бы, подкинули козыри в руки врагов Бургибы. В Париже не было не только правительства, но и парламента, готовились досрочные выборы. Ги Молле и Мендес-Франс шли на союз с деголлевцами, образуя «Республиканский фронт». Левые силы были в расколе, ибо на блок с коммунистами Мендес-Франс не соглашался. Политтехнологи все еще не принимали всерьез «пужадистов», но рост популярности этой крикливой группы, выступавшей против «инквизиторских налогов» и даже против самого института парламента, был пугающим. В течение декабря сторонники Пьера Пужада, которого вся правая пресса расписывала в сентиментально-нацистской традиции (умненький мальчик, его семья, потом жена, теща и т.д.), уверенно превращались в движение. Их лозунг в отношении Северной Африки, где большинство французских колонистов были пужадистами, сводился просто к «репрессиям»⁷³¹. На этом фоне и силы правопорядка в Тунисе, оставшиеся под контролем Верховного комиссара, действовали вяло. До сих пор существует недоказанное подозрение, что они, а точнее, сидевшая в их порах «корсиканская мафия», могли подыгрывать юсефистам с целью создания той самой анархии, которая заставила бы Францию «вернуться в Тунис».

Между тем альтернативные собрания бургибистов и юсефистов следовали одно за другим, каждое с потасовками. С конца ноября ожил городской терроризм. Газетные репортажи снова запестрели мартирологами.

На собрании в Зарзисе, где председательствовал Бургиба, схватка оппонентов привела к двум смертям и 12 ранениям. В Меденине было разгромлено помещение партийной ячейки. Фоторепортера, сделавшего снимки во время демонстрации против Монжи Слима и передавшего их в газеты «*ас-Сабах*» и «*аль-Баллях*», убрала рука неизвестного киллера. Во время выступления Бургибы в селе Корба на Кап-Боне автоматная очередь сразила на смерть двух его телохранителей, его самого загородили снайхи. 1 декабря в медине Туниса был убит экс-феллага – шофер Бен Юсефа, и последний бросился к Шедли-бею сказать, что если государь не пошлет в отставку министров-дустуровцев, город через 48 часов будет полыхать огнем и залит кровью. В ночь с 1 на 2 декабря звук пулеметов раздался в квартале Бэб Бнат, стреляли по помещению официальной партийной ячейки «*пéос*»; двое раненых. 7 декабря нескольких друзей Бен Юсефа арестовали за незаконное ношение

⁷³¹ Верт А. Указ. соч., с. 600.

оружия, газета «*аль-Баллях*» подвергнута санкции (три месяца запрета на выпуск). 9 декабря Бен Юсеф исчез, впрочем, дней через пять или шесть вновь появился, но за это время вышел указ о запрете публичных манифестаций. Нарушив его, Бен Юсеф 20-ого устроил под своим балконом митинг, который кончился совсем плохо: на разгон собравшихся явилась французская полиция и открыла огонь, в итоге – несколько убитых и раненых. Юсефисты в ответ создают свою милицию⁷³².

На юге и в приграничье с Алжиром, на отрогах хребта Тебесса, зашевелились феллага. Это был Тахар Ласауед со своими людьми, перешедший из «лесных братьев» в лагерь юсефистов. 26 декабря Бен Юсеф заявил о намерении провести свой съезд и основать новую партию, но получил отказ от Монжи Слима на легальное проведение такого мероприятия⁷³³. Непосредственное обращение к Бен Аммару тоже не помогло, глава правительства заявил, что «есть только один Новый Дустур», и тогда Бен Юсеф распространил 11 января 1956 г. коммюнике, в котором объявил открытую войну политбюро: Бургибу он назвал «Верховным предателем», а народ призвал к борьбе с «бандой воров и убийц». Французские официальные лица уже называли его не иначе, как авантюристом. Бургиба вместе с Бен Салахом отправились в агитационное турне на юг, в самое опасное место. Тем временем, вооружившись железными прутьями и цепями, военизированные отряды Союза дустуровской молодежи громили юсефистские ячейки. Не отставали и рабочие дружины ВТСТ, силой были захвачены помещения Всеобщего союза тунисских земледельцев (UGAT), а союз распушен и заменен другим⁷³⁴.

⁷³² Ben Salem M. Op. cit., p. 189-191; El Mechat S. Op. cit., p. 246.

⁷³³ Какова была численность «партии» юсефистов, определить невозможно. Бен Юсеф и его эмиссары старались везде, где только существовали первичные организации Нового Дустура, найти несколько друзей, образовать новую ячейку, секцию или районную федерацию и объявить их единственно законными. В середине января Бен Юсеф утверждал, что под его рукой насчитывается 747 партийных ячеек (C.I.H. Moore. Op. cit., p. 67).

⁷³⁴ Еще в начале ноября пресса, связанная с политбюро, писала о том, что UGAT, большинство членов которого составляют мелкие землевладельцы, а руководство захватили крупные, раскололся. Малоизвестный заместитель генерального секретаря этой организации, преподаватель техникума и уроженец Сахеля, стал агитировать своих земляков за выход из UGAT. С их помощью он через месяц созвал «раскольнический конгресс» в Кайруане, куда многие крестьяне уже собрались па-



Салах Бен Юсеф

Два с половиной месяца, истекших после открытия «Съезда Возрождения», оказались временем, мало похожим на ренессанс. На глазах изумленных французских колонистов тунисцы дрались между собой. И поныне они, отцы и дети, а также внуки (со слов отцов и дедов) называют

ломниками на своего рода «малый хадж». Здесь был и Бургиба, под почетным председательством которого конгресс основал новый Национальный союз тунисских земледельцев, или Union Nationale des Agriculteurs Tunisiens (UNAT). Старая организация была через несколько недель распущена декретом правительства, а ее помещения на местах стали занимать отделения UNAT (Ibid., p.161).

то гражданской войной⁷³⁵. Она – одна из самых мрачных страниц их памяти. «И восстал брат на брата...». Весь этот хаос, как мы уже отметили, раздувал сухойей, вечный хозяин политического положения в Магрибе... Недь не даром один французский чиновник в Ороне как-то сказал заезжему, быть может, перефразируя арабскую или берберскую пословицу: «En Afrique du Nord, gouverner c'est pleuvoir», мол, править в этой стране это – вызывать дождь, а если дословно, то «проливаться дождем»⁷³⁶.

Заклинателем дождя Бургиба, конечно, не был. Однако дело близились к развязке. Подслушав 27 января телефонный разговор между неким сотрудником кабинета Монжи Слима и французским полковником, д-р Бен Салем догадался, что на завтрашний день готовится какая-то серьезная операция⁷³⁷. И действительно, наутро город был оцеплен, произведены аресты, в том числе взяты под стражу люди, застигнутые в доме Бен Юсефа, среди них Али Злитни. Всего было задержано около 120 человек. Созданы чрезвычайные суды для рассмотрения их дел. Бен Юсеф исчез. Он каким-то образом получил предупреждение о грозящей опасности и вовремя скрылся из города. 28 января среди ночи его заметили в Габесе и позвонили в министерство внутренних дел. Оттуда раздался вопрос: «У вас есть ордер на арест?». – «Нет». – «Соблюдайте порядок»⁷³⁸. Никто не помешал ему перейти границу с Ливией и добраться до Триполи. Обезглавленное юсефистское движение пошло на убыль.

Более или менее ясно, что Бен Юсефа не только предупредили о возможном аресте, но и дали ему коридор для бегства. Кто так решил, неизвестно. Возможно, Бургиба исходил из той истины, что, когда весь мир оборачивается против человека, он становится святым, и не хотел делать из своего врага «шахида». Надеялся, что беглеца забудут, и жизнь покажет: «собаки лают, а караван идет»? Но в таком случае он недооценил глубину ревности и упорство своего противника. Алчность и сибаритство, в которых его потом винила официальная пропаганда, стремившаяся развенчать героический образ, наверное, не главное⁷³⁹. «Мы не дадим Фран-

⁷³⁵ По некоторым оценкам, в ней погибло около 1000 человек, тогда как за два года «Сопrotивления» – менее 500 (Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 171).

⁷³⁶ Dumaine. Quai d'Orsay (1945-1951), Paris: Julliard, 1955, p. 387.

⁷³⁷ Ben Salem M. Op. cit., p.194.

⁷³⁸ Bessis S., Belhassen S. Op. cit., p. 164.

⁷³⁹ Портрет Бен Юсефа – жуира и циника можно найти в мемуарах Бен Слимана,

ции передышки, — решительно сказал Бен Юсеф в Триполи корреспонденту «La Stampa Nova», — и если надо, то распространим терроризм, но добьемся полной независимости»⁷⁴⁰.

Одним из последних его видел на родине Шарль Сомань, посетивший Салаха Бен Юсефа 23 января 1956 г. Он жил в квартале Монфлери на юго-западе столицы, в доме, который купил в рассрочку, когда еще был министром в правительстве Шеника. Его брат, добавляет Сомань, имел свой банк в Триполи, куда через несколько дней хозяин дома и отправился. На той встрече гость, убедившись, что собеседник действует в расчете на египетского лидера — «своего друга», тщетно пытался его образумить, а на прощанье получил просьбу передать Бургибе эти слова, быть может, проклятье Бен Юсефа: «Скажи ему, что я заставлю его каждый день менять коня, пока последний не сломает ему шею!»⁷⁴¹.

Марш к независимости. Так минул январь 1956 г., закончившийся репрессиями против юсефистов, их движение в партии было подавлено. За этот месяц созданы новые национальные организации, связанные с Новым Дустуром, в частности, Союз тунисских женщин во главе с Радией Хаддад, в политических кругах Туниса шли бурные дебаты об избирательном законе. Он многим не нравился, одним за то, что в электорат допускались только мужчины, другим за то, что предусматривалась мажоритарная система выборов без панаширования.

2 февраля, как уже говорилось выше, статистические службы провели перепись населения, которая ушла в бывшем протекторате, а теперь автономии 3 384 тунисцев-мусульман плюс 58 тыс. тунисцев-«израелитов» (против 56 тыс. в 1931 г.). При этом, по данным переписи, 362 тыс. мусульман проживали в столице и ее пригородах, где было сконцентрировано европейское, а также еврейское население Туниса (соответственно, 200 тыс. и

который не имел никаких причин чернить его в угоду президенту. Он пишет, что в 1948 г., еще накануне III съезда партии, генеральный секретарь, сдерживавший стачки «лавочников», сказал ему: «Если 9 апреля 1938 г. я к вам присоединился, то только в надежде, что кризис разрешится через 3-4 дня», и с меня, мол, довольно (Ben Sliman S. Op. cit., p. 262).

⁷⁴⁰ Из интервью, опубликованного итальянской газетой 14 марта 1956 г. (Ch.-J. Julien. Et la Tunisie devint indépendante..., p. 201).

⁷⁴¹ Saumagne Ch. Journal et Ecrits, Tunisie 1947-1957, Nice, Publ. Cahiers de la Méditerranée (CMMC), 1979, p. 250.

55 тыс.). Всего европейцев было учтено 255 тыс., из них многие — французы по гражданству с мусульманскими именами, и таких, по оценкам, стало намного больше, чем в тридцатых, когда в Тунисе велась кампания против натурализации⁷⁴². Больше стало из-за алжирской иммиграции. Люди из соседней страны, охваченной восстанием, переросшим в войну, перебирались в более спокойный Тунис, хотя и это спокойствие являлось относительным. Бен Юсефа в стране уже не было, однако его сторонники продолжали действовать, некоторые ушли с оружием в горы, другие затаились, никакой легальной организации у них не было, но газета «*as-Cabah*», одна из самых читаемых (на арабском языке), открыто выражала их мнение. «Неофеллагизм» собирал свои бессмысленные жертвы⁷⁴³.

Закрытые в конце января, помещения юсефистских ячеек пустовали. Однако примерно через месяц их подпольные ячейки возникли в пригородах Туниса, в Эль-Кефе и Кассерине, в Мактаре и на всем тунисском юге, начиная с Эль-Хаммы. У французских спецслужб появилась информация о «Координационном политическом комитете» и «Высшем комитете пропаганды», созданных для руководства этой сетью. Как отмечалось в служебном докладе Верховного комиссара, полицейская «операция Мон-жи Слима» лишь усилила раздражение «буржуазных кругов», доверявших

⁷⁴² Среди «иностранцев» было официально учтено 86 тыс. мусульман и 255 тыс. европейцев, в том числе 22 тыс. «израелитов» и 67 тыс. итальянцев. Среди французов — 66,8 тыс. алжирцев-мусульман. (Ganage J. Op. cit., p. 564). Специалисты считают, что данные этой переписи искусственно завысили численность «французов».

⁷⁴³ Согласно оценке газеты «Le Petit Matin» за 29.1.1956, всего насчитывалось 600 «неофеллага». В основном они группировались на центрально-западном плато, то есть в р-не Талы, но около 140 разрозненно действовали в Сахеле (Cl.H. Moore. Op. cit., p. 68). В некоторых областях «армию» Тахара Ласауеда активно поддерживало население. Речь идет, в частности, о районах Эль-Хамма и Меззуна, откуда главнокомандующий этой армии был родом. В новейших исследованиях, опубликованных в Тунисе, отмечается, что собственно партизанские отряды Ласауеда состояли вперемешку из алжирцев и тунисцев, ФНО к этим группам не имело прямого отношения. Правда, есть факты, указывающие на секретное соглашение Ласауеда о вторжении алжирской АНО в Тунис (El Mechat S. Op. cit., p. 248). Южная часть страны, где последние очаги мятежа были подавлены лишь к лету 1956 г., представляли для руководства АНО/ФНО интерес как сухопутный мост поставки оружия с востока.

Бен Юсефу, а в тайных симпатиях к беглецу французская агентура подготавливала и Бахи Ладхама, формально занявшего его место⁷⁴⁴.

Несомненно, юсефистское движение, которое нельзя было пресечь только силовыми методами, подталкивало руководство Нового Дустура к ужесточению своих требований, а французские власти — к уступкам в пользу Бургибы, который выглядел теперь «умеренным». Сессия Национального Совета партии в своей резолюции, принятой 23 января, констатировала, что «развитие политической ситуации в Тунисе и в мире должно непременно вести к обретению Тунисом независимости»⁷⁴⁵. Под общеполитической ситуацией имелось в виду прежде всего Марокко, где султан прибирал хозяйство к своим рукам, но тоже выглядел «умеренным», даже в глазах французских правых. Метрополия уже не могла бороться в Северной Африке на три фронта. Поэтому Тунис получил независимость, перескочив «этапы», еще до выборов в Учредительное собрание, которые прошли в намеченные сроки и принесли абсолютный успех Новому Дустуру, образовавшему с ВТСТ предвыборный блок. На этом можно было бы поставить точку, если бы последний отрезок пути не был на самом деле драматически сложным, а его прохождение не заключало бы в себе зерно тех противоречий, которые, может быть, по сию пору несет в себе политический строй Тунисской республики.

Как же развиваются дела в феврале, и что в этот месяц, незадолго до «красного дня» в тунисском календаре — дня объявления независимости, делает Бургиба? Удивительно, но катается на лыжах. Правда, за этот «экзотический» вид спорта он взялся не сразу. 2 февраля Бургиба вылетает в Париж, где убеждает власти начать новые переговоры о пересмотре конвенций с целью достижения Тунисом суверенитета по формуле «независимость во взаимозависимости». Сравнительно легко была достигнута договоренность о создании тунисской армии в рамках системы общей безопасности. Что касается остального, то вопрос был подвешен. Для проформы переговоры отложили в ожидании просьбы о них Сиди Ламина.

К этому времени было сформировано правительство социалиста Ги Молле, министерский кризис во Франции закончился. Обстановка здесь, однако, была не простой. На выборах, состоявшихся 2 января и про-

⁷⁴⁴ «Le yousséfisme en Tunisie depuis le 27.1.1956» — доклад, датированный 9 марта (см.: *El Mechat S. Op. cit.*, p. 247).

⁷⁴⁵ *Ibid.*, p. 203.

шедших по системе пропорционального представительства, ФКП лидировала, собрав 25,6% голосов и получив 150 мест в парламенте, СФИО и левые буржуазные партии, включая радикал-социалистов, ряды которых покинуло правое крыло, завоевали 28,4 % голосов и 186 депутатских мандатов, но 11,5 % голосов и 52 мандата получили пужадисты, а независимые, соответственно, 14,4% и 95, остальное — прочие. 10 мест в Национальном собрании остались вакантными, так как в Алжире выборы не проводились. Мендес-Франс, который являлся одним из кандидатов в премьеры, этот пост не получил, министерство иностранных дел возглавил социалист Кристиан Пино и, к счастью, в правительстве, в которое после долгого перерыва вернулись члены СФИО, ведомство по делам протекторатов возглавил Ален Савари, друг «пéос». Это облегчало дипломатию Бургибы.

И все бы шло хорошо, если бы не события в Алжире, где 6 февраля произошел первый уличный мятеж «ультра». Ги Молле, который в инаугурационной речи обещал положить конец насилию в Алжире, отправился туда с визитом и был бомбардирован тухлыми помидорами. В результате он отозвал неудобную «черноногим» кандидатуру генерала Катру на пост губернатора. Мендес-Франс был крайне расстроен этим неудачным визитом, который он советовал сделать без предупреждения, по модели своего «падения с небес» в Тунисе, и вскоре подал в отставку (с поста вице-премьера).

Надо думать, Бургиба нервничал, теперь ему была нужна только независимость. Ведь шла молва, что Марокко ее получит со дня на день, хотя вооруженную борьбу — борьбу партизанскую там начали позже, чем в Тунисе. Как это взбаламутит общественное мнение, которое едва улеглось после партийного съезда в Сфаксе, если марокканцы «опередят» тунисцев, можно было себе представить⁷⁴⁶. Тем временем, чтобы показать, что он

⁷⁴⁶ Марокканцы все же несколько опередили тунисцев. 15 февраля в Париже начались франко-марокканские переговоры. Делегацию возглавил сам султан, который перед этим отказался осудить повстанцев, имевших по-прежнему свой плацдарм в Рифе и, видимо, негласно поощряемых двором. Французская сторона на переговорах настаивала на формуле «взаимозависимости», аналогичной той формуле, которую предлагал в своем случае Бургиба. Наконец, 2 марта были подписаны франко-марокканские заявления и протокол. Главным пунктом достигнутого согласия было признание Фесского договора 1912 г. утратившим силу. Марокко получило право вести самостоятельную внешнюю политику. 13 марта испанское правительство пригласило султана в Мадрид и 5 апреля признало независимость Марокко. Его основные территории после отмены 29 октября 1956 г.

держит ситуацию в руках, Бургиба демонстративно уезжает на зимний спортивный курорт в Альпы. Переговоры с тунисской стороны возглавляет Бахи Ладхам, назначенный вице-премьером правительства. У него после нескольких лет жизни в Нью-Йорке, где он вращался в кулуарах ООН, добиваясь постановки тунисского вопроса на Генеральную ассамблею, накопился определенный дипломатический опыт, хотя новый заместитель Бургибы по партийной линии и не получил высшего образования, что в руководстве Нового Дустура было редкостью.

Алжиро-тунисские бандформирования пробирались вплоть до района Гафсы. Тахар Ласауед объявил себя генералом национальной тунисской армии, кроме нее действовало человек 50 другого полевого командира, ан-Нифера, который орудовал южнее Сфакса. В начале марта начались операции французской армии на юге Туниса против феллага. Новая вспышка терроризма случилась на севере: два брата, колонисты, были убиты в г. Меджез-эль-Баб, и возмущенные европейцы 9 марта напали на машину Верховного комиссара, произошли также нападения на генконсульство и информационное бюро США. Французские полицейские не только не умирjali, но и участвовали в погроме. Монжи Слим объявил, что это – провокация, направленная на срыв переговоров. В Париже их ведут Ален Савари и Бахи Ладхам вместе с Мухаммедом Масмуди; и они снова в тупике, наталкиваясь на неуступчивость Ги Молле.

На фоне все ужесточающихся столкновений сил правопорядка с вооруженными юсефистами правительство Франции не склонно отменять договор о внутренней автономии, опасаясь, что это неблагоприятным образом повлияет на обстановку в Алжире, а также – за судьбу своих граждан в Тунисе. Поэтому 5 марта Бургиба возвращается в Париж, чтобы возглавить тунисскую делегацию на переговорах, которые рискуют провалиться. Он во гневе, поскольку три дня тому назад независимость Марокко уже провозглашена. В драматической обстановке Бургиба заявляет, что он «отказывается от бургибизма». 17 марта у него состоялась длительная беседа с министром иностранных дел Кристианом Пино. Тот решил, чтобы укрепить позиции своего собеседника, ликвидировать очаг партизанских

международного режима зоны Танжера были воссоединены, но вопрос о Сеуте и Мелилье отложен до греческих календ. На марокканской территории оставались французские и испанские войска, а также военные базы США.

действий, связанный с алжирскими повстанцами. Сделать это придется силами французской армии⁷⁴⁷.

Итак, 20 марта протокол подписан, им аннулирован Бардоский договор. Отменены основные статьи конвенций о внутренней автономии, кроме тех, которые касались вопросов франко-тунисского сотрудничества. Через два дня Верховный борец возвращается с этим своим трофеем в Тунис. Конечная цель его долгих лет борьбы достигнута, и это он ее достиг и теперь может взять в свои руки власть. И это будет его власть! 25 марта состоялись выборы в Национальное Учредительное собрание. Избирательный закон предусматривал мажоритарную избирательную систему, несмотря на протесты оппозиции, в данном случае – юсефистов и коммунистов, которые требовали пропорционального представительства. Закон в том виде, в каком он был принят, обеспечил убедительную победу Национального Фронта, созданного вокруг Нового Дустура и ВТСТ. Все 98 депутатских мест достались этому списку. Независимые и коммунисты не собрали достаточного количества голосов, чтобы иметь хотя бы одного представителя⁷⁴⁸. Бургиба избирался в Монастире и набрал 100% голосов.

«Так входит Тунис, – пишут весьма критически относящиеся к личности Бургибы журналистки С. Бессис и С. Бельхассен, – в свою независимость, когда выстрелы еще не умолкли где-то далеко в горах, в джебеле, граждане не без опаски смотрят на то, что дустуровцы занимают все командные посты, но все же 8 апреля – великий день»⁷⁴⁹. Дорога в Бардо украшена национальными флагами, и во дворце открывается первая сессия Национального Учредительного собрания. На нее прибывают религиозные деятели и бейская семья в полном составе. Сиди Ламин произносит коротенькую вступительную речь, и участники приступают к выборам президента собрания. Бургиба – единственный кандидат, он избран под аплодисменты и партийный гимн *Хуммат аль-Хима*. «Впервые в моей жизни, –

⁷⁴⁷ С французской стороны решающую роль сыграл на сей раз именно К. Пино. Он доказал парламенту, что необходимо согласиться на независимость Марокко и Туниса, ибо потребуются 400-500 тыс. человек под ружьем, чтобы удержать эти провинции. Твердолобых успокоило обещание, что французы не уступят в Алжире.

⁷⁴⁸ В список Национального Фронта входили кандидаты, выдвинутые Новым Дустуром, ВТСТ и другими профессиональными организациями; этот список включал несколько «независимых». Среди избранных были, например, М. Матри, Т. Бен Амар, М. Шеник, М. Бадра, А. Бессис, Ш. Рхайем (*Cf. H. Moore. Op. cit., p. 185*).

⁷⁴⁹ Bessis S., Belhassen S., Op. cit., p. 166.



говорит он, – я не способен выразить мои чувства. Мою радость и волнение. В эту минуту, которая никогда не забудется, я, хвала Аллаху, вижу, как сбывается мечта моей юности».

Затем приступают к избранию парламентских комиссий. Махмуд Матри вносит предложение, чтобы голосование было тайным. Но Бургиба возражает, сказав, что это совершенно излишне, ибо количество кандидатов равно количеству вакантных мест. Соблюдение демократической процедуры на глазах становится пустой формальностью. В свою очередь, и критика авторитаризма началась в Тунисе, когда авторитаризм только зарождался и был продемонстрирован уже через две с половиной недели после провозглашения независимости страны.

Роль пожилого Тахара Бен Аммара, представлявшего старую тунисскую буржуазию, которая с колебаниями, но поддерживала Новый Дустур, отыграна. Он немедленно подал бею прошение о своей отставке с поста премьера. Бей поручил Бургибе сформировать кабинет, состав которого был утвержден депутатами 17 апреля. Не дожидаясь готовности проекта конституции, «Верховный борец», и не торопивший эту работу, приступил к реформам, о которых, возможно, мечтал с ранней юности, как и о своей верховной власти.

Он стал удивительно методичен, в противоречие со своим импульсивным характером. Нанес два визита в Париж, в мае и июне, и смог уговорить французов сделать ряд дипломатических уступок и сократить свое военное присутствие в Тунисе. Это позволило успокоить внепарламентскую оппозицию. Осенью коммунисты приняли решение распустить свои профсоюзы – подконтрольное им ОПТТ и рекомендовали его членам вступать в ряды ВТСТ. Еженедельные речи премьера разъясняли буквально каждый шаг правительства на внутривосточной и международной арене. Прямая связь с массами – генеральная стратегия Бургибы, верившего в свою силу убеждать массы, по-прежнему служила ему своей службой.

Вместе с тем, как отмечает, например, Ш.-А. Жюльен, и с ним согласны многие историки, мучительный выход из юсефистского кризиса, даже независимо от воли Бургибы, объективно придавал авторитарную форму его режиму⁷⁵⁰. В краткосрочной перспективе этот кризис, писал Кл.-Г. Мур, поднял престиж и влияние «новой политической генерации» в партийном аппарате Бургибы и ВТСТ (Тайеб Мхири, Ахмед Бен Салах и др.), которая

⁷⁵⁰ Ch.-A. Julien. Op. cit., p. 200.



помогла подавить юсефизм, а в долгосрочной – показал потребность Туниса в мощной организации. «Либеральное соревнование различных политических групп уже выглядело нереалистической альтернативой однопартийному режиму». В самый разгар кризиса, продолжает автор, 24 октября 1955 г., даже бургибистская газета «L'Action» высказала идею существования лояльной и нейтральной партии, исповедующей идеалы панарабизма, в противовес прозападной ориентации Бургибы. «Горький опыт доказал, что это – утопия». Более того, «популярность Бен Юсефа показала Бургибе, насколько опасными могут быть религиозные панарабские лозунги». Так входил Тунис в свою независимость: во главе с сильным лидером, у которого была слабая позиция – «лидера маленькой нации во враждебном мире»⁷⁵¹.

Развивая эту мысль, можно сказать, что, несмотря на «гегемонию Нового Дустура», определившуюся к 1950 г. и почти загнавшую в гроб материнскую партию, в дустуровском (патриотическом) движении продолжали действовать две тенденции, носителями которых стали «archéos» и «néos»; хотя на крутом вираже истории первую тенденцию оседлал один из вторых. Один из дуумвиров, которого после его каирской метаморфозы Бургиба назвал «новым элементом Старого Дустура». Он проиграл, однако и триумфатор понес потери.

Конфликтная ситуация, возникшая в рядах Нового Дустура накануне его превращения в партию власти, не осталась без следа для последующего развития внутривосточных процессов. Вероятно, юсефистский кризис даже ускорил светские реформы первых лет независимости, которые выгоднее было проводить в обстановке доверия, выраженного Бургибе большинством членов партии на чрезвычайном конгрессе в Сфаксе, исключившем Бен Юсефа из рядов Нового Дустура. Не говоря уже о том, что «малая» гражданская война, втянувшая в себя – на стороне Бен Юсефа – консервативные религиозные круги, наложила свой отпечаток на отношения правительства Бургибы с тунисской корпорацией служащих ислама в целом и с конкретными представителями старинных фамилий мусульманских шейхов.

Все тунисские авторы сходятся на том, что напряженные отношения Бургибы с мусульманским богословским сообществом, группировавшимся вокруг столичной Большой мечети, стали с его стороны открыто негативными после драмы юсефистского кризиса. Вероятность повторения

⁷⁵¹ C.H. Moore. Op. cit., p. 69-70.



аналогичных событий в будущем надо было заранее отсеять. Но вряд ли столь крупные шаги, которые Бургиба предпринял, став во главе правительства и развернув корабль в сторону «обмирщения» социальной жизни, в том числе его широкие реформы в сфере образования, объективно направлены на подрыв влияния традиционалистских кругов, а значит, и всего институционального комплекса аз-Зейтуны – столпа мусульманского правоверия в Тунисе, возможно рассматривать только как упреждающий удар по вероятному политическому противнику или объяснить соображениями личной мести.

«Я много размышлял над кемалистским опытом. Есть здесь что взять и что отбросить. Можно придти к тому же результату, а именно к лучшим результатам не такими драконовскими способами. Более чутко прислушиваясь к душе народа» – писал Хабиб Бургиба 1 декабря 1951 г. сыну из Стамбула⁷⁵². Эти слова из его личной переписки, правда, опубликованной в выдержках еще во время переговоров с Мендес-Франсом, являются одним из немногих высказываний «Le Combattant Suprême» касательно его реформаторских планов. Возникает даже такое впечатление, что он держал их в тайне, раскрыв только в 1956 г., когда получил государственную власть, и осуществлял «приказом, который не обсуждался».



⁷⁵² Bourguiba H. La Tunisie et la France, ...p. 289.

Послесловие, или пролог к рассказу об Архитекторе и его проекте

«Греки спросили однажды мудрого Солона: "Какая конституция лучше всех?" Он ответил: "Скажите сначала, для какого народа и для какого времени?"»

[генерал де Голль, 16 июня 1946, речь в Байо]

«Мы начали реформы с того, что преодолели догматические представления, приписывавшие мусульманской религии приниженное положение женщины, заявив во всеуслышание, что подобные утверждения ложны, а женская отсталость восходит к архаическим обычаям адама»

[президент Хабиб Бургиба]⁷⁵³.

Среди реформ, прославивших Бургибу и доставивших ему подлинную международную известность, на первом месте стоят и по времени осуществления, и по значению радикальные меры, направленные на улучшение общественного положения женщины. Речь идет о своде семейного права и ряде других установлений, регламентирующих гражданский статус и объединенных в «Code du statut personnel» («Маджалля аль-ахваль аш-шахсийа»). Этот кодекс был введен – взамен старых шариатских норм – спустя неполных пять месяцев после объявления независимости страны. По сравнению с недавней оценке, принадлежащей тунисскому историку Мухаммеду-Хеди Шерифу, «революционный закон "О личном статусе"» от 13 августа 1956 г., круто изменивший традиционный уклад и положивший с запретом полигамии начало женской эмансипации, на поверку оказался социально-правовой реформой с долговременными и «необратимыми последствиями», а вероятно – и главным делом жизни самого Бургибы⁷⁵⁴.

⁷⁵³ Цит. по: Учебник гражданского воспитания для 5 класса средней школы (на арабском языке) Тунис, [б.д., середина 1990-х годов], с. 95.

⁷⁵⁴ Chérif M.-H. Reformes et Islam chez Bourguiba // Annuaire de l'Afrique du Nord. tome XXXIII, 1994, Ex-en-Provence: CNRS Editions, p. 63, 67.



Более подробно мы намерены рассмотреть эту и другие реформы в том числе социально-экономические преобразования, связанные с именем Хабиба Бургибы, во втором томе нашей работы⁷⁵⁵. Это будет и рассказ о второй половине политической карьеры председателя Нового Дустура и «архитектора» Тунисской республики. Его образ как политического лидера, конечно, нельзя нарисовать наполовину, такую фигуру «надо брать целиком». Но в том-то и заключается ее оригинальность в хоре больших и малых творцов истории, что Бургиба был современником и отчасти соратником таких известных политических деятелей первой половины XX века, как египтянин Наххас-паша, марокканец Алляль аль-Фаси, алжирцы Фархат Аббас и Мессали Хадж, которые умерли, оба, в изгнании, совершенно забытыми... И он же, Бургиба, с 1957 г. становится членом клуба арабских президентов, в который на протяжении следующих полутора десятилетий вступали все новые и новые игроки, — кто на час, а кто надолго, — как правило, взлетающие к вершинам власти на гребне военных переворотов (Абдель Крим Касем, Джафар Нимейри, Муаммар Каддафи, Хафез Асад...).

Получается, что он принадлежал к двум эпохам и среди руководителей «молодых» независимых стран арабского мира оказался едва ли не единственным государственным лидером (коронованные особы не в счет), у которого за плечами стоял многолетний опыт политика и дипломата. Когда Бургиба сформировал правительство, ему было уже за 50, а человеком с именем он стал еще в тот год, когда Насер и его будущие сподвижники по тайному обществу «Свободных офицеров» только поступали в Египетскую военную академию. Но даже если сравнивать Бургибу и всех членов его правительства с командой алжирских руководителей, которые пришли к власти в 1962 г. овеянные славой «исторических героев», нельзя не заметить, что первые были людьми гражданскими, с высшим образованием и политическим опытом, вторые — молодыми муджахедами, в основном тридцатилетними, о которых где-нибудь около 1950 г. никто еще ничего не знал. Бывший сержант французской армии Бен Белла, который после второй мировой войны вел жизнь подпольщика, или недоучившийся богослов Бумедьен — яркий пример таких людей «ниоткуда».

Лишь получив бразды правления, Бен Белла — креатура Насера, которого он почтительно называл своим «учителем», становится «идолом площадей» или, по выражению одного французского журналиста, главой

⁷⁵⁵ Том II готовится к изданию.



«правления толпы и микрофона». Бургиба же стал популярным оратором еще до микрофона и без него. Поэтому более уместно сопоставить его со сверстниками, например, с такими политическими фигурами, как алжирец Мессали Хадж или марокканец Алляль аль-Фаси, которые примерно в одно и то же время с ним становятся кумирами толпы.

Чем же по существу отличался Бургиба от этих деятелей, выдвинувшихся на авансцену политической жизни Магриба на рубеже 20-30-х годов прошлого века? Начнем с Алляля аль-Фаси, поскольку первая политическая организация Дальнего Магриба, в составе которой он числился среди вождей, Марокканский блок национального действия⁷⁵⁶, возникла практически одновременно с партией Новый Дустур, а более поздняя партия/движение Истикляль, правда, основанная не им, но признавшая его своим вождем, была достаточно массовой и влиятельной в послевоенном Марокко. Наконец, он и Бургиба, как было рассказано, сотрудничали в Каире. Перед этим Алляль аль-Фаси отбывал длительную ссылку; в 1946 г. ему разрешили вернуться на родину, но здесь он долго не задержался и почти столько же времени, сколько в ссылке, провел в добровольной эмиграции, что составляет в общей сложности около 18 лет.

Жак Берк, автор предисловия к книге Аттилио Годио (журналиста и исламоведа), посвященной Аллялю аль-Фаси, пишет, что случай познакомиться со ссыльным марокканцем представился ему в январе 1944 г., во время конференции в Браззавиле, откуда он заехал в Габон. «Понадобилось полдня дороги через лес, чтобы добраться до пункта Маяма (Mayama). Здесь-то в домике, построенном в колониальном стиле, я увидел еще молодого человека... Алляль аль-Фаси тогда едва говорил по-французски, и только благодаря чтению школьных образцов классики, присланных ему по моей просьбе из одной браззавильской библиотеки, он смог усовершенствоваться в знании нашего языка. Он жил там уже в течение семи лет, оторванный от своих близких, отрезанный от грохота войны и от дебатов у него на родине»⁷⁵⁷. Далее автор сообщает о том, что родина все же помнила своего героя. «Марокко распевало его поэмы... Никто не мог забыть его сверкающего красноречия, а также его особого взгляда (кстати, он был голубоглазым — М.В.). Кроме того, его посвящение в вожд-

⁷⁵⁶ Об истории образования и личном составе МБНД см. наш комментарий [23].

⁷⁵⁷ Berque J. Préface / Gaudio A. Allal el-Fassi ou l'Histoire de l'Istiqlal, Paris: Ed Alain Moreau, 1972, p. 7.



ди имело связь с престижной генеалогией. Фасийин были потомками энциклопедического завоевателя Северной Африки, Сиди Окбы. После разных превратностей судьбы в Андалусии и на севере Марокко они обосновались в Фесе, где один из них, Абу-ль-Махасун (ум. 1604), стал практикующим ученым и мистиком, возымевшим большое влияние. С тех пор выходцы из этой семьи непрерывно занимали должности городских магистратов. Так что не случайно новое поколение буржуазии Феса (заметим, что «bourgeoisie» зачастую означает «патрициат» либо «бюргерство» — М.В.) нашла в младшем представителе этой фамилии символ и действенную силу отрицания трех вещей: протектората, прежнего марокканского поколения и упадочнических форм ислама.

По мнению Берка, в египетской эмиграции, где круг общения Алляля аль-Фаси расширился, его не захлестнула волна энтузиазма, вызванного насеровской революцией. Однажды они, автор цитируемых строк и аль-Фаси, повстречались в каирской книжной лавке. Марокканский эмигрант показался Берку очень изменившимся физически. «Только его непреклонный взгляд...сохранил на расплывшемся лице отблеск неутолимой жажды юности... Алляль — это взгляд мусульманской истории Магриба... В Марокко он столкнулся с националистами, более близкими, чем он сам, к либеральным идеям европейского покроя. Когда он вернулся туда (в 1956 г. — М.В.), то обнаружил более молодых лидеров, в частности, Бен Барку и Буабида, которые не отделяли патриотические требования от инспирированного Марксом социализма. Будучи прежде всего франкофонами, они старались перенести на свои одежды багрянец активистов прошлого»⁷⁵⁸. Оборвав на этом цитату из размышлений французского арабиста, тонкого знатока проблем и людей Магриба, чтобы от себя сказать следующее. Первое это то, что параллельно возвысившиеся на двух концах Северной Африки вожди — Бургиба и аль-Фаси, хотя оба они были искрометными ораторами (обязательное качество для тогдашних лидеров), завоевывали свой авторитет совершенно разными путями; излишне говорить о разнице в их социальном происхождении. Второе это то, что тунисский вождь, неоднократно менявший свою команду и пришедший к власти вместе с третьей или четвертой на его счету (а точнее, «смешанной»), сумел перехватить направление партийной молодежи 50-х годов и сделаться для нее таким же авторитетом, каким он был и для «рассерженного поколения» тридцатых.

⁷⁵⁸ Ibid., p. 8-9.



Что же касается роли аль-Фаси как реального, а не номинального председателя партии Истикляль (которая в 1959 г. успела расколоться), то она не оказалась ни блестящей, ни «цементирующей». И хотя сам он утверждал, что на ее втором съезде, состоявшемся в 1960 г., были представлены буквально «все регионы страны и все слои общества»⁷⁵⁹, эта партия воспринималась в независимом Марокко как партия «фаси», обуржуазившихся аристократов. Она и сейчас существует, а на последних выборах 2003 г. завоевала 43 депутатских мандата в парламенте, заняв второе место после своей дочерней, даже «внучатой» партии Социалистический союз народных сил (ССНС), которая по-арабски называется *аль-иттихд аль-вастиракий ли-ль-куват аш-ша'абийа*. Представители Истикляль входят в нынешнее коалиционное правительство. По данным электронных СМИ, как минимум троих из шести таких представителей выбрал, если не назначил дворец. «Партия, основанная 60 лет тому назад Аллялем аль-Фаси, всего лишь собственная тень» — пишет журналист Хамид Баррада. Мини-стры-истиклялевцы, «что ж, они молоды, компетентны и серьезны, но их связь с партией, которую они вроде бы представляют, обусловлена скорее семейной преемственностью (все они сыновья ветеранов Истикляль)»⁷⁶⁰.

Если Истикляль лишь в короткий период своей истории, в первые три-четыре года независимости Марокко, играла роль правящей партии, но все же и по сию пору частично сохранила престиж «Great Old Party», то основанная Мессали Хаджем Партия алжирского народа (РРА/ППА) давно канула в Лету. Этот человек был из низов. Сын тлемсенского башмачника, сержант французской армии, затем разнорабочий, порой уличный торговец в Париже, женившийся на работнице-француженке. В молодости член религиозного братства *Даркава* (в Тлемсене), потом член ФКП, генеральный секретарь «Североафриканской Звезды», адепт или единомышленник (как полагают некоторые историки) эмира Арслана, арестован в 1937 г. почти одновременно с аль-Фаси. Сначала узник мрачайшей тюрьмы Форт Барбаросса, а затем уже ссыльный, он возвращается в 1946 г. на родину и тоже находит в своей партии подросших молодых львов. Они его принимают как символ, несущий на себе «багрянец прошлого», но в конце концов пожирают. Что касается образования, то он окончил неполную среднюю школу в родном городе,

⁷⁵⁹ Интервью, опубликованное в Рабате 23 января 1960 (Цит. по Ibid., p.273).

⁷⁶⁰ L'intelligent. com, 29. 9. 2004.



где получил знание французского языка, в Париже посещал открытые лекции в Сорбонне и литературные кружки. Оратор был неплохой и доходчивый.

Предложение сотрудничать с режимом Виши, еще будучи в тюрьме, отклонил. Тем временем его партия, речь идет об отделении ППА во Франции, сотрудничала с немцами, за что коммунисты сочли ее прогнившей. Во французском биографическом словаре за 1950 г. ему была посвящена обширная статья, в конце которой сказано, что Мессали Хадж наряду с Фархатом Аббасом и тунисцем Бургибой – «самые видные представители североафриканского национализма»⁷⁶¹. Как он выглядел в то время? Довольно много его портретных характеристик из разных источников собрано в работах Р.Г. Ланда, и мы не будем их повторять. Все они сводятся к тому, что еще в конце тридцатых он надел на себя образ мусульманского проповедника с горящим взором и растрепанной бородой, в общем, настоящего дервиша. Почти в тех же словах рисует его Бен Слиман, посетивший Алжир в 1951 г. с лекциями о своих впечатлениях от поездки в СССР. И вот он вспоминает, что в алжирской столице с изумлением встретил «Мессали – человека с большой бородой, смахивающего на современного марабута, насколько на голове у него был торбуш»⁷⁶². Однако этот образ религиозного аскета и чудотворца не помог ему удержать от развала партию Движение за торжество демократических свобод (MTLD), которая летом 1954 г. раскалывается на две фракции: «мессалистов» и «централистов», сторонников ЦМТЛД. Кипевшая и раньше между ними жестокая борьба «фактически парализовала главную силу алжирского национально-освободительного движения»⁷⁶³. Это оставило свободное поле для ФНО, которое поначалу было чистойшей заговорщицкой организацией. К наступлению «часа X», то есть 1 ноября 1954 г., зародыш ФНО представлял собой Революционный совет из 22 человек с «шестеркой» внутренних лидеров, которые вместе с «внешней делегацией» в Каире составляли «девятку»; хотя все они раньше были связаны с MTLD/PPA, вышли из ее подполья⁷⁶⁴. Мессалисты, опиравшиеся на

⁷⁶¹ Dictionnaire biographique français contemporain.... p. 359-360

⁷⁶² Ben Slimane S. Op. cit., p. 319

⁷⁶³ Ланда Р.Г. История алжирской революции....с. 35.

⁷⁶⁴ «Внешняя делегация» ФНО в Каире это бывшая алжирская секция бюро Арабского Магриба, захваченная Бен Беллой и его друзьями. Потесненный ими Шейх Мекки еще в 1953 г. открыл свое отдельное «Ближневосточное бюро» ППА. В сентябре 1955 г. Насер арестовал обоих мессалистов, Ш. Мекки и Ахмеда Механу



многочисленных сочувствующих во Франции, где у них были созданы свои профсоюзы, студенческая группа и синдикат торговцев, решаются создать альтернативу ФНО и делают это в январе 1955 г. На свет появляется Алжирское национальное движение (MNA) со своими отрядами боевиков; всего таких было уже осенью 1954 г. около 400, но их командир Мустафа Бен Мухаммед 10 ноября попал под арест. Поэтому MNA с трудом собирает свои партизанские силы, которые, по приблизительным оценкам, достигают 3% армии повстанцев⁷⁶⁵.

Попутно раскол происходит в алжирской эмиграции (как в Египте, так и во Франции), однако в некоторых районах Алжира, прежде всего в столице, у Мессали оставались сторонники, а во Франции почти все 7 тыс. бывших активистов ППА шли за Мессали и ежемесячно выплачивали в его кассу 5-10 тыс. франков каждый⁷⁶⁶. Сам он еще в 1952 г. за слишком эмоциональное выступление на митинге, в ходе которого имелись жертвы среди слушателей, был выслан во Францию и, пользуясь поддержкой французских троцкистов, развернул кампанию под лозунгом «Мессали – вождь революции и руководитель АНО». С апреля 1955 г., сначала в Кабилии, а затем и в других местах АНО (дубликат ФНО), развернула настоящую войну на уничтожение конкурентов – формирований партизан-мессалистов. Эта «война в войне» продолжалась два года, как минимум. Во Франции же партия Мессали Хаджа какое-то время держалась сплоченно, но и она раскололась. С конца 1959 г. начался массовый переход ее активистов на сторону ФНО, к нему и потекли деньги из «7-й вилайи». К этому времени под его эгидой уже третий год существовало в Каире временное алжирское правительство.

Поясним, что перед началом восстания, видимо, на совещании в Триполи, которое провел Бен Белла, было решено поделить Алжир на военно-административные области, «вилаи». В каждую из них заранее назначался свой командир, несмотря на то, что в некоторых областях, например, в Орании, вилайе № 5, на тот момент насчитывалось всего 60 готовых бойцов. Сначала вилай было пять, так как шестую – в Сахаре из-за нехватки людей и оружия удалось организовать только в 1956 г. Командиры действовали автономно.

⁷⁶⁵ Подробнее см.: Valette J. La guerre d'Algérie des Messalistes 1954-1962, Paris, L'Harmattan, 2001.

⁷⁶⁶ Ланда Р.Г. Указ соч., с. 60.



Историки условно называют алжирскую колонию во Франции «вилаей № 7» и ставят также вопрос о существовании «вилаей № 8» в Египте, значение которой было не столько в поставках оружия, сколько в «информационном ресурсе» – радиовещании. Омар Карлие (научный сотрудник университета Париж I) высказал мысль, что египетская «двоженна», то есть 12 членов Совета революционного командования нашли своих братьев по духу в алжирской «девятке» и поэтому отказались от первоначальной ориентации на эмира Абд аль-Крима, «современника Лиоте и падения Халифата». Алжирцы во главе с Бен Беллой были «детьми 8 мая 1945 года», египтяне во главе с Насером – «детьми 1948 года и Палестины». Тех и других, сыновей горных плато и сыновей тучной земли Долины Нила, внутренне роднила тяга к секретности, оружию, клятвам и т.п. Презрение Насера к «политиканам» известно, ее разделяли и молодые лидеры алжирской революции. Отсюда вытекало их взаимопонимание⁷⁶⁷.

Как известно, братоубийство в Алжире истреблением мессалистов не закончилось. После подписания Эвианских соглашений полевые командиры, теперь уже целиком принадлежавшие к АНО/ФНО, передрались между собой и по сути сорвали эти соглашения (кроме части, предоставлявшей Алжиру независимость). Их гражданская война, полыхавшая летом 1962 г., ввергла новорожденное суверенное государство в действительную анархию, перед которой бледнеет юсефистский кризис в Тунисе. Она заставила миллион французов бежать в одночасье из свободной страны, которая осталась без кадров, без врачей и инженеров, с так называемым бесхозным имуществом (заводы, фабрики, сельскохозяйственные фермы и проч.). Анархия закончилась только к осени в истекшей кровью за семь военных лет стране.

Минуло ровно 50 лет с 1 ноября 1954 г., дня «величайшего взлета алжирской истории»; напомним, так записано в преамбуле действующей конституции АНДР. Не доказывают ли эти годы, что революция насилием не самый лучший путь к освобождению, ибо насилие порождает насилие, иногда в виде посттравматического синдрома? Правду сказать, ореол «исторического героя», носителем которого является бывший полевой командир Бутефлика по кличке «Абделькадер», взявшийся за оружие в свои 16 лет, позволил ему дважды выиграть президентские выборы, в 1999 и 2004 г., чтобы положить

⁷⁶⁷ Carlier O. Nasser et l'Algérie: Révolution de juillet et insurrection de novembre // Actes du IX-e Colloque International sur Processus et enjeux de la décolonisation en Tunisie (1952-1954), Tunis, ISHMN, 1999, 122.



конец или загнать вглубь насилие. Но ведь он – последний в цепочке таких героев, еще способных влиять на политику.

А что касается Мессали, то он, по словам Р.Г. Ланды, «озлобленный и ослепленный своим величием», остался во Франции до конца своих дней. Как выясняется, Бургиба поддерживал с ним отношения, иногда писал письма этому проигравшему, на которого – по масштабу фигур – когда-то более всего походил. На самом деле, по складу ума ему ближе был Фархат Аббас (см. выше письмо Бургибы к нему из Каира). Но этот равновеликий лидер алжирского национального движения проиграл еще раньше своего соперника, Мессали, ибо обладал после издания Манифеста 1943 г. популярностью, но не обаянием харизмы. Его сотрудничество с ФНО продолжалось довольно долго и закончилось тем же – забвением. Правда, автор знаменитого манифеста провел последние годы жизни на родине, в АНДР, где дважды попадал под арест за критику однопартийного режима.

Мы уделили довольно большое место этому сюжету, отклоняясь от основного, ибо интересующую нас личность Бургибы нельзя понять только на фоне галереи его непосредственных сподвижников или врагов в самом Тунисе; а особенности развития и функционирования партии Новый Дустур (Социалистической Дустуровской партии с 1964 по 1988 г.) бесмысленно анализировать как изолированный случай. Вместе с тем, любой образ прошлого, очень далекого и вчерашнего, историки складывают, как мозаику и всякий раз получают новое.

Новые грани силуэта первого президента Туниса высвечивает мемуарная литература, в обилии изданная за последние 10-15 лет, хотя на непредвзятость мнений авторов не всегда можно рассчитывать. Одни, например, некоторые бывшие участники партизанского движения, мстят за то, что не попали в правящую верхушку. Другие, бывшие крупные чиновники, министры, разговаривавшие после падения «хозяина», начинают уверять, что в душе были демократами и осуждали культ личности, однопартийную систему, гегемонию правящей партии, в руководство которой входили и лили воду на мельницу самодержавия главы государства. Наибольшее доверие вызывают положительные отзывы о нем людей, которые были близки к Бургибе на разных этапах его жизни и на разных этапах своей карьеры, с ним открыто ссорились или попадали в немилость. К таким относится Мукаммед Масмуди. Приведем еще один отрывок из уже упомянутого нами его интервью, опубликованного в органе «независимой» прессы.



На вопрос журналиста, как вы относились к фигурам Бургибы и Бен Юсефа, он ответил, что оба у него вызывали чувство уважения, второй «был очень крупной личностью», но в нем не было «священного отношения к первому. Эту мысль Масмуди продолжил: «Разница между двумя людьми состояла в том, что я, например, отдал бы свою жизнь за Бургибу и не сделал бы этого ради Бен Юсефа»⁷⁶⁸. Есть также множество независимых друг от друга свидетельств тому, что особенность поведения «Верховного борца», за которым на определенных этапах массы готовы были идти слепой толпой, заключалась в том, что он всегда действовал в команде, хотя и верил, что именно он лучше других видит «столбовую дорогу к независимости». В своей команде он держался естественно и подкупал людей своей откровенностью. Не углубляясь в тему, которая, наверное, относится к специальной области психологии лидерства, все же отметим, опираясь на мемуары соратников Бургибы, что они, во всяком случае, большинство из исторически «второй команды», всегда его воспринимали как возможного будущего руководителя государства. И так было даже на тюремных нарах, например, в Марселе, когда их общая судьба могла казаться бесперспективной. А в других обстоятельствах «Le Combattant Suprême» был не только душой компании и непревзойденным шеф-поваром, но и душой нарастающей, признавался в своих грехах и слабостях. Влюбившись еще в 1943 г. в замужнюю женщину, Василилу, он не внимал упрекам товарищей, мол, неудобно так себя вести лидеру партии, а вместо этого показывал им ее фотографию, уверяя: «Она такая красивая!», другим объяснял, что она очень похожа на его покойную мать. И ему прощали грехи.

Это говорит лишь об одном, что Бургибе не было свойственно мистическое представление о собственной «царственной» миссии, хотя в самом феномене харизматического лидерства есть своя тайна и своя мистика (в том смысле, которое содержит в себе французское «mystique»), как ни раскладывая ее на составляющие части: героизм, наличие необычного личного дара, способность к откровениям, прорицательству или рациональному предвидению, обостренная интуиция и т.п. Все это вроде бы было присуще Бургибе, но надо всем господствовала «артистичность». Может быть, театральная сцена потеряла в нем большого актера, а мировой кинематограф тунисского Омара Шерифа. Но его влекла другая судьба.

⁷⁶⁸ «Réalités», № 747, 13-19. 4. 2000, p. 33.



Рассказывая об их пребывании в тюрьме Тебурсука, это – с лета 1939 до мая 1940 г., Бен Слиман пишет: «Бургибе приносили книги из библиотеки аль-Аттарин (ныне Национальная библиотека – М.В.). Среди них он получил три тома истории крестовых походов Рене Груссе. Шериф!... Как-то раз он попросил Салаха Бен Юсефа и меня послушать эпизод из этой бесконечной войны между исламом и христианством. Мы раскатылись в нашей камере... Он начал читать о захвате Багдада армией Хулафу, состоявшей из татар, союзников крестоносцев... Автор описал эту трагедию, постигшую знаменитую династию Аббасидов, пером художника, а Бургиба читал с таким талантом, что в какой-то момент он и я, мы оба заплакали слезами под невозмутимым взглядом Салаха Бен Юсефа. Он также начал себе «Шантэклер» Эдмона Ростана и один разыгрывал роли всех персонажей с необычайным искусством... Он сказал однажды, в 1963 г., выступая перед артистами, что в молодости играл на сцене (любительской М.В.), и это помогло ему в политической борьбе»⁷⁶⁹.

«Наши братья! Наши отцы! Великий борец!». Сейчас тунисцы, даже из числа боровшихся против его «системы» и за это пострадавших, все чаще вспоминают Бургибу в расцвете сил – личность неординарную, искусного политика, в равной мере владевшего как европейским, так и арабским культурным багажом. Человека страстного, с зататками народного трибуна. Кроме того, о Бургибе принято говорить как о государственном деятеле, который, если не брать в расчет последние годы его президентства, в целом отличался толерантностью; как правило, он не преследовал до конца, а предпочитал прощать или давать амнистию своим противникам и диссидентам, либо отпускать их в эмиграцию. При нем не было переполненных тюрем, не было массовых смертных приговоров по политическим мотивам⁷⁷⁰. Он не заигрывал с марксизмом, тем не менее сторонники за-

⁷⁶⁹ Ben Sliman S. Op. cit., p. 135-136.

⁷⁷⁰ Чтобы избежать идеализации его политического образа, надо сказать, что после упразднения монархии в 1957 г. имела место серия судебных процессов над «коллорабационистами». Перед судом предстали многие бывшие каиды, а также члены кабинетов Салах ад-Дина Бакуша и Салаха Мзали. В основном преследовались лица, ответственные за «предательство» в 1952-1954 гг., но иногда всплывали и совсем старые дела. Так, обвинение в коллаборационизме получил бывший директор Садыкийи, который в 1938 г. уволил Али Бельхавана, из-за чего и разгорелся сыр-бор, приведший к трагедии 9 апреля. Некоторые подсудимые по-



прешенной в 1962 г. тунисской компартии (ТКП) составляли цвет университетской профессуры, а многие «леваки», члены подпольной организации «Перспективы», судебный процесс над которыми состоялся после майских студенческих волнений 1968 г., заняли позднее высокие посты в администрации и системе высшего образования. Обращает на себя внимание и тот факт, что с 1976 г. в Тунисе стала легально действовать первая в арабских странах «Лига в защиту прав человека», созданная группой бывших членов партийно-правительственной верхушки, перешедших в оппозицию к режиму. Редко перед кем из таких «отступников» навсегда закрывались двери к президенту. Словом, жестокость не была в характере Бургибы, особенно, если рассматривать его фигуру на фоне вереницы диктаторов, правивших в одни и те же с ним времена.

Вспоминаются и теневые стороны облика первого президента Тунисской Республики, культ личности которого начали раздувать еще с середины 50-х годов, особенно после победы над внутривластной оппозицией, когда «бургибизм» был объявлен государственной идеологией. Следующим этапом стало разоблачение одного и второго заговоров с целью покушения на жизнь главы государства (1958 г. и 1962 г.), создавшее повод для окончательного устранения с политической арены как «юсефистов», так и «стародустуровцев», а потом и закрепления личной власти Бургибы в рамках однопартийной системы. Венцом поклонения Бургибе стало утверждение его в 1975 г. пожизненным главой государства и председателем правящей Социалистической дустуровской партии (СДП), как она теперь называлась. Еще раньше, по случаю 70-летнего юбилея Бургибы толпа носила его на руках в переносном и буквальном смысле. Однако, согреваемый лучами славы героя-освободителя, и удерживая за собой — по всем правилам президентской республики — основные рычаги исполнительной власти, Бургиба постепенно передоверял дела другим; чтобы стать, наконец, помехой для той самой партийно-правительственной верхушки, которая годами выковывала культ личности «Верховного борца», равно как и воспитывала культовое отношение к его детищу — дустуровской партии. Вместе с тем, слово «*дустурий*», означающее не более, чем «конституционалист», утратило свое метафорическое значение «патриотический» и стало ныне (ныне это — в течение последних сорока лет) означать нечто вроде

лучили тяжкие приговоры; старик Баккуш — 20 лет каторжной тюрьмы. Через год-другой все были амнистированы (Cl.H. Moore. Op. cit., p. 88-89).



принадлежности к «властям предержащим», «правлящему классу», «партии власти», «бюрократии» и т.п., что не мешает, однако, подавляющему большинству граждан голосовать за существующую власть.

При этом нельзя избавиться от впечатления, что ученик французских энциклопедистов собственными руками создал политическую систему, напоминающую (в глазах либерально настроенной интеллигенции) архетипы восточных деспотий; и это вопреки тому, что основной, быть может, движущей силой политики Бургибы являлся проект модернизации отсталого колониального общества и введения его в семью «цивилизованных наций»... Идея сильной президентской власти, казалось бы, необходимой для строительства нового общества на еще зыбком фундаменте зарождающейся нации, нашла свое отражение в конституционной норме, согласно которой Тунис представляет собой не просто президентскую, а «монархическую республику». Политическая практика обеспечивала этой конструкции еще более жесткие опоры. В свою очередь, стремление Бургибы к единоличному правлению, его желание избавиться от любых сколь угодно серьезных политических противников и личных конкурентов продолжало выхолащивать «прогрессистскую» программу дустуровцев, которую — ради спасения созданного ею истеблишмента — сама же партийная верхушка СДП заменяет на иную, возвестив наступление «эпохи перемен».

Наша повесть не окончена, однако ее финал известен. Американский политолог Дерек Хопвуд дал беспощадный портрет Бургибы последних лет его президентства, которое трудно назвать правлением. «Это был 80-летний старик, разбитый болезнью и слабоумием. Его лицо было как будто из воска, тусклый взгляд прятался за темными стеклами очков, пергаментная кожа щек не могла скрыть возраст. Свойственные ему жесты были безжизненными и нерешительными. В своих неожиданных вспышках ярости он с блестками пота на лбу осыпал проклятиями всех вокруг, после чего, обессилев, оседал. Это витала лишь тень того великого человека, которым он был... Он стал нелюдим и ушел в себя раньше, чем покинул мир. Страна, окутанная его личностью, его образом, ожидала конца вечному долголетию своего лидера...»⁷⁷¹. Тот же автор рассказывает, как было встречено утро 7 ноября в Карфагенском дворце: «Бургиба поднялся как всегда рано и по обыкновению включил радиоприемник. Сразу удивил-

⁷⁷¹ Hopwood D. The Tragedy of Longevity. Habib Bourguiba of Tunisia, New York.: St. Martin's Press, 1992, p. 95-96.



ло отсутствие привычного восторженного панегирика. В то утро Сайда (его племянница – М.В.) первая вошла к нему в спальню. Она также была обескуражена. В 6:30 прозвучала записанная на магнитофон речь Бен Али. Престарелый президент был ошеломлен и не мог поверить: “Бен Али – президент? Но президент же я!” После он уже не мог ни на что реагировать. Люди из его привычного окружения выглядели подавленно и держались тихо. Он одевается, ему сообщают, что он должен покинуть дворец... “Но Карфаген мой!”. Нет, говорят ему, дворец принадлежит государству и отдан в распоряжение действующего президента⁷⁷². Его же перевезут в особняк в Морнаге, центре виноделия в южном предместье столицы Туниса... Он медленно выходит из дворца, опираясь на своих слуг. Ему сообщают, что вертолет готов к отправке – “У меня нет на сегодня официальной программы?” – “Нет, вы должны уехать”. – “Ах да, верно” – прошептал он⁷⁷³. Так он покинул историю... через заднюю калитку, ворвавшись когда то в нее вихрем, сломав ворота.

В то еще темное ноябрьское утро 1987 г., с которого началась тунисская перестройка, официально названная «Переменами» с большой буквы (*Changements du 7 novembre*) или началом «новой эры» (*аль-‘ахд аль-джадид*) по радио было передано официальное коммюнике, в котором сообщалось о смещении Бургибы на основе медицинского освидетельствования, якобы произведенного ночью семью врачами. Пожизненный президент был признан недееспособным по состоянию здоровья и ввиду «физической дряхлости». Согласно ст. 57 конституции пост президента оказался вакантным, и до ближайших выборов обязанности главы государства перешли к премьер-министру – недавно назначенному на эту должность Зину аль-Абедину Бен Али. В своей речи, позже названной «Манифестом 7 ноября», он выступил с обращением к соотечественникам, в котором высоко оценил роль Бургибы в деле освобождения страны и становления ее на путь национального развития. И.о. президента призвал всех членов общества внести вклад в дело управления страной в рамках «ответственной демократии» и в духе уважения принципа «народного суверенитета». Анонсировались широкие преобразования в деле создания «институтов,

⁷⁷² Уточним, что это не старый бейский дворец в Карфагене, отданный под библиотеку, а перестроенный под президентский дворец жилой особняк генерального секретаря тунисского правительства эпохи протектората.

⁷⁷³ Horwood D. Op. cit., p. 105



основанных на многопартийности и принципе множественности общественных организаций», включения средств массовой информации в общественно-политический процесс и т.д.⁷⁷⁴ Обещан был также пересмотр конституции: упразднение пожизненного президентства и «автоматического наследования» должности главы государства – процедуры, путем которой сам Бен Али и пришел в власти.

Как всегда после долгих царствований, все вздохнули с облегчением. Теперь начинается новая эра, эра раскрепощения, которую следившие за мировыми событиями тунисцы тут же прозвали «зизистройкой», а посвященные в тайны Карфагенского дворца, то есть в закулисные интриги, которыми жила партийно-правительственная верхушка на протяжении последних 4-5 лет, полагали, что отставной генерал – проходная фигура, так месяца на три. Они обманулись. Но даже скептики надеялись, что наступает эпоха перемен – движения к демократическому «плюрализму», объявленному новой государственной идеей Тунисской республики. Она вроде бы успела вскочить в задний вагон мирового локомотива и при этом не отказывалась от коренных реформ, осуществленных ее отцом-основателем.

«Дебургибизация» при Бен Али не зашла так далеко как «денасеризация» в Египте – после смерти Насера, при его преемнике Анваре Садате, который поменял и внешнеполитический курс, и экономическую политику, подведя законодательную базу под программу, известную как политика «открытых дверей». Свой *инфитах* Тунис уже осуществил, и вполне успешно, при правительстве Бургибы – Хеди Нуиры (в 70-е годы), и даже «дозированный плюрализм» стартовал еще при правительстве Бургибы – Мухаммеда Мзали⁷⁷⁵, а именно в 1981 г., когда принцип однопартийности, реализуемый через закон об ассоциациях, был упразднен. Первой была зарегистрирована ТКП, а затем и другие, новые оппозиционные партии.

Что касается светских реформ, то эпоха Перемен не только их не отменила, а напротив, углубляла и совершенствовала, разве что отказалась от таких вольностей слишком отважного кормчего, как посягательство на один из пяти столпов ислама, Рамадан («защищающий правоверных от пасти гиены огненной»). Небезуспешно был заключен союз с официальными служителями ислама против исламских радикалов. Впрочем, и эта линия была уже начата Бургибой, который озаботился угрозой нового-старого экс-

⁷⁷⁴ Подробнее см.: Шаабан С. Указ соч., с. 44-46.

⁷⁷⁵ Не путать с Мухаммедом Салахом Мзали, премьер-министром в 1954 г.



тренизма в начале 70-х годов, хотя одними методами дипломатии он с ней не справился. Опуская сейчас детали «кризиса модернизации», каковым явилась вспышка исламизма в этой стране, имевшая место в восьмидесятых, равно как и детали преодоления кризиса, хорошо или плохо, но достигнутого преемником Бургибы, лишь подчеркнем, что светская политика Тунисской республики, нравится она здесь кому-то или нет, все равно осталась базисом, заложенным ее создателем. Незыблемой осталась и власть правящей партии, опирающейся на свой широкий фундамент: первичные ячейки, организующиеся по территориальному и производственному принципу. Вершина этой пирамиды увенчана фигурой президента...

«Партия – наш рулевой»? Хотя мы уже многое сказали о партии Новый Дустур, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в Тунисе речь шла не о том достаточно распространенном случае, когда действующий (скажем, военный) режим и лицо, облеченное высшей властью, конструируют себе в опору псевдомассовую партию (Арабский социалистический союз при Насере – классический тому пример), но о такой ситуации, когда крупная «историческая» партия, которая к моменту обретения страной независимости уже имела двадцатилетний стаж, выдвинула своего устойчивого лидера и она же явилась вместе с ним демиургом политического режима.

Не случайно любое исследование или дискуссия вокруг политической биографии Бургибы, его взглядах, соскальзывают к разговору об истории партии и ее внутренней эволюции. (И наоборот: разговор о партии превращается в сагу о ее лидере). Давно уже отмечалось также, что к моменту завоевания независимости, а тем более – после прихода Бургибы и Нового Дустура к власти – партия становится объектом национального мифа. Вместе с тем, долгий опыт деятельности в условиях нелегального существования выработал внутри партии дисциплину, правило подчиняться решениям вышестоящих органов.

Внутрипартийная реформа 1958 г., упразднившая региональные федерации Нового Дустура, усилила централистское начало. Уже на VI съезде, состоявшемся в Сусе 2 марта 1959 г. и приуроченном к 25-летию со дня основания партии, обсуждалось предложение избрать Бургибу пожизненным председателем, которое он тогда отверг. В дальнейшем вопрос о нарушении принципа выборности не сходил с повестки дня внутрипартийной жизни, а борьба вокруг этого вопроса служила причиной целой серии личных конфликтов в руководстве партии. Свой следующий съезд она



провела 19-22 октября 1964 г. в Бизерте, изменив свое название, в котором исчезло слово «либеральная» и появилось «социалистическая». Согласно новому уставу, Высшим исполнительным органом СДП стал Центральный Комитет, из числа членов которого назначалось политбюро. Национальный Совет в структуре партии не упразднился, но ему отводилась роль партконференции, созываемой между съездами.

Бизертский съезд был признан историческим и получил эпитет «Съезда Судьбы» («Congrès du Destin»). Делегаты одобрили резолюцию, определявшую основные параметры «дустуровского социализма». В ней говорилось, что эта оригинальная доктрина не означает распространения государственного контроля на все секторы производства, что она признает за частной собственностью ее «социальную функцию», а если социализм «это коллективизм, призванный изжить эгоистическое начало, источник анархии, то конечной целью коллективных усилий является человек»⁷⁷⁶. Вместе с тем, решениями съезда было закреплено жесткое подчинение партийных органов и правительственных, вплоть до окружной администрации, главе государства и председателю СДП в одном лице. Подчинение снизу доверху⁷⁷⁷. После VII съезда партия стала парадоксально напоминать КПСС... в стране прозападного режима и во главе с «прислужником империализма», как его громко и ежечасно называл тогдашний египетский президент⁷⁷⁸. Внешнее сходство СДП середины шестидесятых с «руководящей и направляющей силой советского общества» того же времени бросалось в глаза; и автор этих строк непосредственный тому свидетель. Между

⁷⁷⁶ Partie Socialiste Destourien 7-e congrès, Bizerte 19-20 oct. 1964, Tunis: Société d'Action d'Édition, 1965, p. 81-84.

⁷⁷⁷ В материалах съезда была даже помещена наглядная схема, объясняющая принцип циркуляции власти между партийными органами (от ячеек до ЦК и политбюро, генерального секретаря и председателя) и государственным аппаратом, включая местную администрацию. Вся схема замыкалась на Президенте (Ibid., p. 100).

⁷⁷⁸ Вражда двух президентов, восходящая к юсефистскому кризису, но подостывшая в начале шестидесятых, вновь разгорелась в 1965 г. и на сей раз была вызвана предложением Бургибы начать арабо-израильские переговоры. Как свидетельствуют письменные источники и воспоминания очевидцев, оценки политической личности Бургибы в устах президента ОАР колебались от «предателя» и «клеветника Запада» до «хаввага» (ег. диал.: «чужак, поганый иностранец»). Но и Бургиба не остался в долгу, бросив однажды в адрес уже покойного Насера недоброе замечание, что тот сумел в своей жизни «упустить все, кроме собственной смерти».



тем никаких связей СДП с КПСС не поддерживала (в отличие от многих правящих партий стран «социалистической ориентации»). Этот парадокс объясняется просто: та и другая политическая система служили формой власти бюрократии, а точнее, партократии, или «номенклатуры».

Характерно, что некоторые участники дискуссии 1999 г., отнеся Новый Дустур к партии «ленинского типа»⁷⁷⁹, подчеркивали, что происшедшая при Бургибе трансформация президентской республики в «президентскую монархию» сопровождалась – и даже вызвана была – бюрократизацией самой партии, из которой один за другим выходили наиболее яркие личности. Если не сказать о том, что иные (тот же Махмуд Матри в 1938 г.) покидали ее ряды из-за несогласия с диктаторскими замашками Бургибы еще в довоенный период. Позднее Махмуд Матри, будучи независимым депутатом Национального учредительного собрания, избранного 25 марта 1956 г., напрасно протестовал против процедуры открытого голосования. Другие, как профсоюзный и партийный активист Ахмед Тлили, со временем ушли из дустуровских рядов, протестуя против фальсификации парламентских выборов, и т.д.

Наконец, в начале 70-х годов от СДП откололась целая плеяда видных политических и государственных деятелей, которые высказывались за коллегиальность руководства партией и составили во главе с Ахмедом Мстири (до VIII съезда 1971 г. член ЦК СДП и кабинета министров) так называемое либеральное течение, сумевшее на короткое время захватить инициативу и заручиться поддержкой низовых организаций. Это была последняя попытка вернуть партию к ее утраченным демократическим традициям эпохи борьбы за независимость и, одновременно, отклик на европейские события, подобные «пражской весне».

Но Тунис – не Европа, это страна Востока, хотя географически она лежит на западе, если считать от Долины Нила, как было принято со времен «отца истории» Геродота, и как считали арабские географы, а по старому, но еще не вышедшему из употребления понятию, хотя и потерявшему свой изначальный смысл, это страна «третьего мира». Демократических республик в нем мало, зато есть «failed states»; количественное большинство составляют авторитарные государства, некоторые из них находятся на стадии «демократического транзита» (имеющего и попятный ход).

⁷⁷⁹ Habib Bourguiba et l'établissement de l'Etat National, ... p. 165.



Авторитаризм развития – объективно обусловленный феномен и по своему положительный фактор, своего рода мотор исторического рывка стран «третьего мира» после обретения ими национального суверенитета. Ныне этот тезис – аксиома политической науки. Тунис является одним из ярких примеров относительно успешного развития государства, составлявшего часть бывшей колониальной периферии, причем одну из сравнительно отсталых ее частей, если иметь в виду чисто экономические показатели, такие, как уровень развития промышленности. Египет, например, в этом отношении значительно опережал Тунис.

Здесь не было ни обширных орошаемых площадей, ни хлопка, первичная, а затем и глубокая переработка которого послужила теми дрожжами, на которых вырос крупный национальный капитал в том же Египте или в Индии. Тунисский капиталист №1 Шеник был не чета ни египтянину Аббуду, ни индийцу Бирле. Он развернулся только в начале второй мировой войны, заведя с компаньями прядильно-текстильную фабрику, которую – как образцовое предприятие – посещал Монсеф-бей⁷⁸⁰. Оливковые плантации, хоть и являются визитной карточкой Туниса, далеко не редкость в Средиземноморье. Лишь в 20-е годы Тунис оказался на передовых позициях в мире по развитию крупного механизированного зернового хозяйства, одновременно страна занимала ведущее место на мировом рынке как экспортер фосфоритов, но все это было до Великой депрессии. После второй мировой войны, вспоминая об этом уже много лет спустя бывший Генеральный резидент Монс, приходилось углублять тунисские порты, чтобы завозить пшеницу. Только добычу полезных ископаемых, которая шла на убыль, транспорт и консервную промышленность можно было около 1950 г. отнести к современному индустриальному сектору. Тунисский капитал в нем отсутствовал. Богачи в этой стране, жившие на широкую ногу, конечно, были, в том числе предприниматели в сфере коммерческого бизнеса, интересы которых представляла тунисская Торговая палата, но компрадорской буржуазии здесь не могло сложиться. Зато интеллигенция, воспитанная в стенах Садыкии и благодаря, можно сказать, механизму этого коллежа, где в разное время учились Али Баш Хамба и Монсеф-бей, братья Бургиба, Хеди Нуира, Бахи Ладхам, Ахмед Бен Салах и т.д., представляла своеобразную черту физиономии тунисского общества. Конечно, страна оставалась в основном неграмотной, но коллеж, обладавший своим особым «садыкийским духом», значительно разросся, по сравнению с време-

⁷⁸⁰ Позже была перепрофилирована на производство джутовых мешков.



нами ученичества Хабиба Бургибы и его ранних сподвижников. К началу пятидесятых это учебное заведение, предоставлявшее бесплатные «образовательные услуги» (в том числе преподавание литературного арабского языка, недостававшее во французских лицеях), открыло свои филиалы в провинциальных городах, например, в Сфаксе, где учились дети из таких сел, как Шебба, ныне входящая в округ Махдия.

Это расширяло доступ к современному, более того — элитарному образованию выходцам из «нижнего среднего класса». Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что основатели партии «пéос» еще прежде, чем состоялся ее учредительный съезд, создали на свои небольшие доходы кассу помощи студентам, обучающимся за границей, и тем самым реализовали свою мысль, что страна должна получить сначала высокообразованный культурный слой общества и лишь затем стремиться к независимости. Судя по всему, эта идея принадлежала д-ру Матри⁷⁸¹. Но обладавший более яркими организационными способностями и инстинктом политика, Хабиб Бургиба смог реализовать другую их общую идею и довести ее до логического конца: создать партию «союза интеллигенции и народа».

Примечательно, что в автобиографии, изданной в 1966 г., на которую мы часто ссылались, он говорит о своих политических связях в Париже 20-х годов крайне скупно, фактически одной фразой. Сообщается, что Бургиба имел контакты с левыми партиями и бывал на заседаниях парламента, а также «Североафриканской Звезды». Некоторые детали этих посещений известны из других источников, это архивы французской полиции. Вот что из них следует. Вскоре после своего основания САЗ устроила банкет для студентов из Магриба, желая привлечь их к своей деятельности. На этой встрече, состоявшейся в июле 1926 г., Шедли Хайраллах, новоизбранный председатель организации, произнес речь, в которой призвал «интеллектуальную элиту» приблизиться к проблемам рабочих-иммигрантов. Недопустимо, сказал он, чтобы «наши товарищи были рабами тех, кому они равны по уму или их превосходят». На это Хабиб Бургиба — один из приглашенных, возразил, что ему хотелось бы видеть угнетенные народы свободными, но для этого «недостаточно теоретических программ, надо методически заниматься организацией борьбы и морально к ней готовиться, а в ожидании того часа, когда североафриканцы будут к этому готовы, им лучше использовать пассивные формы сопротивле-

⁷⁸¹ El-Materi M. Op. cit., p. 36, 38-39.



ния»⁷⁸². Вопреки тому, что агентурные сводки нередко записывали студента Бургибу в коммунисты, это его заявление убедительно показывает, во-первых, что «объект наблюдения» к пролетарской и промарксистской (на ранней стадии ее существования) «Звезде» относился скептически и, во-вторых, что он был против преждевременного штурма колониального порядка. Наверное, еще в годы своей учебы в Сорбонне он имел в голове план, который методически воплощал в жизнь в течение следующих тридцати лет. Он всегда безошибочно угадывал, чего ждут от него слушатели и как воздействовать на струны их души, видел в себе потенциального, а затем и действующего вождя народа, вероятно, даже считал себя носителем, как бы ступком его энергии. Причем иной раз говорил о нем как о народе «с детскими глазами». Это имело свои положительные и отрицательные последствия.

Как известно, авторитарные правители, те самые харизматические лидеры, к числу которых принадлежал Бургиба (оставим в стороне диктаторов), зачастую оправдывали свое единовластие тем, что народ, которым они правят, еще не созрел для европейской демократии. Подобные аргументы слышны и в настоящее время, в «новых развивающихся странах», в том числе претендующих на то, что они исторически принадлежат к европейской, христианской цивилизации и т.п. Предоставим слово самому Бургибе, одному из создателей системы «партия-государство», чтобы понять, что именно он думал по данному поводу.

Выступая 27 января 1968 г. на открытии сессии ЦК партии, он рассуждал о демократии, убеждая слушателей, что «важен прямой контакт (народа с правительством — М.В.) на конференциях кадров, на дискуссиях всех уровней, организованных партий... В самом деле, при демократическом режиме, если гражданам не достает зрелости, руководство часто оказывается перед такой дилеммой: или пуститься в бесконечные авантюры под давлением незрелого большинства, или взять на себя ответственность и даже риск прибегнуть к персональной власти, чтобы предотвратить опасность, которую несознательное большинство может навязать нации. Я ведь сам должен был столько раз в течение моей карьеры принимать один, иногда вопреки мнению всех моих товарищей, важнейшие решения, чтобы избежать неминуемой опасности... Чем больше я размышляю, тем больше

⁷⁸² Документ из фондов Archives de la Préfecture de Police de Paris (Цит. по: Hamed-Touati M. Immigration maghrébine et activités politiques en France, Tunis, 1994, p. 224).



убеждаюсь в том, что демократия – не абсолютная панацея, и есть случаи, когда она неподходящий инструмент. Если демократия подразумевает принцип гражданского равенства и, следовательно, каждый индивид имеет право высказываться обо всем, что касается жизни страны, то этот принцип требует также, чтобы индивид обладал достаточным уровнем способности пользоваться этим правом, различая полезное и пагубное для страны. Обращаясь к истории национального движения и тем многим фазам, через которые оно прошло, вы увидите, сколько раз народ, даже кадры и некоторые руководители, не умели провести это различие, доходя, например, до такой степени непонимания событий, что считали конвенции и внутренней автономии «шагом назад» по отношению к *statu quo ante*...»⁷⁸³

Пожалуй, в этой фразе заключена квинтэссенция мысли Бургибы, который справедливо считал опасным «забегание вперед» с демократией в не подготовленном к ней обществе. Но его личный опыт человека, долгое время руководившего национальным движением и теперь (спустя почти 12 лет после победного дня), исполненного радостью за то, что удалось «выковать нацию, единую и солидарную, уровень которой выше, по сравнению с другими странами «третьего мира»,...и это результат долгой работы, которая еще продолжается»⁷⁸⁴; этот многолетний опыт человека, принимавшего единоличные и верные решения, быть может, и помешал ему заметить, что нация, которую он воспитывал и выковывал в борьбе за независимость, уже выросла и что пришло другое поколение, получившее образование в школах, им открытых, и в университете, который он основал. Не заметил или не хотел замечать, что это новое поколение не готово мириться с участью страны «третьего мира», которой не обойтись без авторитаризма. В университете уже шли студенческие волнения, а в мае 1968 г. они переросли в бунт. За этим последовали судебные репрессии, приговоры на 20 лет заключения и скорая амнистия осужденным. «Авторитаризм развития», хотя и умеренный авторитаризм, стал защищать самого себя, а президент Бургиба, переживая один инфаркт за другим, но привыкший одолевая препятствия и в том числе выигрывать в шашки у смерти, все шел и шел «вверх по лестнице, ведущей вниз».

Современные тунисские политологи ищут и находят корни авторитарного режима, созданного Бургибой и унаследованного его преемниками.

⁷⁸³ Bourguiba H. Une impératif pour la nation: La reforme des structures,.... p. 7-8.

⁷⁸⁴ Ibid., p. 6.



ком, в истории борьбы Туниса за независимость и конкретно – в партийной истории. При этом они, как правило, более суровы в оценке своего исторического лидера, чем их западные коллеги, обращавшиеся к тому же вопросу. И это не удивительно, ведь все зависит от угла зрения и от так называемых референтных образцов. Российского гражданина вряд ли утешит констатация того факта, что в современной России дела с демократией обстоят лучше, чем в Туркменистане. Так же и политически мыслящего тунисца, ученого, профессора, да и «простого интеллигента», совсем не утешат слова, что у него дома лучше, чем в Йемене. Зато европейские или американские авторы склонны сравнивать арабские страны между собой. И в этом тоже имеется свой смысл.

Одной из первых фундаментальных монографий, посвященных «динамике однопартийного правления» в Тунисе явилась неоднократно уже процитированная нами книга Клемента-Гери Мура, который, вовсе не являясь сторонником однопартийной системы, показал ее логическую целесообразность в Тунисе и корни возникновения. Фактически она возникла еще до обретения страной независимости. А после юсифистского кризиса, пишет Мур, стала неизбежной. В последнем автору можно и возразить. Законодательно принцип однопартийности был закреплен после раскрытия заговора в конце 1962 г.: покушения на жизнь президента. Мы не будем касаться вопроса о том, насколько реален был этот заговор, но следует отметить, что запрету подверглась фактически одна ТКП, немногочисленная, к заговору явно не причастная и выпускавшая свою прессу, вполне лояльно критиковавшую правительство. Других партий в Тунисе на тот момент уже не было, ибо Старый Дустур распался. Иными словами, запрет на существование иных партий, кроме Нового Дустура, носил скорее превентивный характер и вряд ли был оправданным – даже в имя каких-то высших соображений.

Более убедительным выглядит другой тезис автора, обратившего внимание на следующее обстоятельство. С января 1952 г. и до середины 1955 г. Новый Дустур имел своего рода второе дно, так как имелись два политбюро: одно «легальное», члены которого редко находились на свободе, а после «Карфагенской декларации» частично были заняты на переговорах, и второе «запасное», действовавшее в условиях строгой дисциплины. Мы уже приводили данные о его составе из 14 человек (включая представителя ВТСТ в лице Фархата Хашеда и делегатов от других национальных организаций). Эти данные почерпнуты из сравнительно недавно



опубликованных мемуарных источников. Следовательно, Мур правильно рассуждал, что внутри партии – вынужденно – сложилась секретная террористическая организация. Она была ликвидирована в июне 1955 г., когда было создано обновленное временное политбюро, и затем на съезде выбрано другое, легальность которого неоспорима. Тем не менее, элемент существования «партии внутри партии», а также неофициальной партийной милиции, унаследованной от борьбы с юсефизмом и находившейся в руках определенной «клики», это – тоже факт, не вызывающий сомнений, хотя и не столь явный⁷⁸⁵. Сравнение с алжирской ситуацией еще раз показывает, что два года вооруженной борьбы с относительно малыми людскими жертвами, а не семь лет войны, ведомой ФНО – паравоенной структурой; это обстоятельство позволило «пéос» сохранить тот изначальный вид их организации, который был задуман ее учредителями, но сохранился он таковым не полностью, с потерями.

Дустуровский образец правления не обошли вниманием и крупные современные политологи. Так, авторы монографии «Политическая экономия Ближнего Востока» Ален Ричардс и Джон Вотерберри рассматривают насеристский и дустуровский варианты республиканских режимов как модели, максимально удаленные друг от друга, несмотря на то, что тот и другой режим, оба взывали к национальному единству. Можно не полностью соглашаться с этими авторами, но их анализ интересен тем, что отражает отстраненный «западный взгляд» на пути развития двух стран (внутреннее сходство развития которых, с нашей точки зрения, прервалось в 1952 г., если не в 1939 г., и во второй половине XX века было скорее внешним, хотя смены парадигм экономической политики в обеих странах были параллельными и почти синхронными). Истоки дустуровского режима, пишут авторы, были совершенно отличными от истоков режима насеровского Египта. Партия, основанная в 1934 г., «сумела мобилизовать рабочие профсоюзы, служащих, интеллигенцию (organized labor, white-collar professionals, intelligentsia), провинциальных торговцев и фермеров и создать из них мощную коалицию». Бургиба обладал всем инстинктами Ататюрка, его проект для Туниса был республиканским, ...секулярным, популистским, а сам он в большей степени,

⁷⁸⁵ Тахар Бельходжа, бывший министр внутренних дел – в конце 70-х годов, пишет, что ему стало известно о наличии партийной милиции (200-500 человек) по жалобам ВТСТ, и он «прижал» этих молодцов, разъезжавших в обычных машинах по вечерним улицам, якобы с миссией «безопасности» (Belkhdja T. Op. cit., p. 147).



чем Ататюрк, был проникнут французским рационалистическим представлением о государстве, в наполеоновском духе. Социализм не был исходной частью его проекта, но рестрибутивная политика, разумеется, была. Однако и Тунис в 1964 г. вступил в непродолжительную социалистическую эру... Египет на востоке и Алжир, западный сосед Туниса, усердно претворяли в жизнь сходные социалистические эксперименты и, возможно, Бургиба почувствовал необходимость вскочить в задний вагон. Эксперимент, слишком быстро внедрявшийся, вызвал серьезную оппозицию со стороны старой коалиции Бургибы, особенно среди провинциальных торговцев и капиталистических фермеров. В 1970 г. Ахмед Бен Салах (министр экономики и второе лицо в государстве – М.В.) был снят и в конце концов заключен в тюрьму. Социалистический опыт закончился, но во всем остальном бургибистское государство осталось незыблемым. Надо подчеркнуть, – продолжают Ален Ричардс и Джон Вотерберри, – что бургибизм, как бы он не напоминал атаюркизм, отличался от последнего в одном главном аспекте: он был решительно немилитаристским. Бургиба всегда говорил, что Тунис никогда не сможет быть серьезной военной державой...и должен использовать скорее дипломатическое искусство, нежели военную силу для защиты своей независимости. По прошествии двадцати лет этой независимости большинство наблюдателей расценивали Тунис как одну из наилучшим образом организованных политий (policy) в арабском мире⁷⁸⁶. В чем же авторы цитируемой монографии, делающие упор на стабильность как основное положительное качество дустуровского истеблишмента, видели его специфику?

Ссылаясь на классификацию арабских политических режимов (республиканских), предложенную Микаэлом Хадсоном, они оперируют понятием трех уровней легитимности. Первый уровень это – «персональная легитимность» авторитетных лидеров, пользующихся поддержкой и уважением населения; та легитимность, которую ее носители могут трансформировать в программы и институты, которые им желательно развить. Второй уровень – «идеологическая легитимность», она подразумевает случай, при котором граждане признают идеологию, исповедуемую режимом, но не обязательно одобряют самих лидеров, которые могут и отступить от принципов этой идеологии. Третий уровень – «структурная легитимность», означающая, что граждане принимают и соблюдают правила поли-

⁷⁸⁶ Richards A., Waterbury J. A Political Economy of the Middle East, Boulder, San Francisco and Oxford: Westview Press, 1990, p. 305-306.



тической игры, программы правительства и способ распределения общественного достояния. Тунисский режим Бургибы, по мнению Хадсона, черпал свою легитимность сразу из трех источников и тем самым обеспечил себе завидную стабильность. Правда, отметив, что «Тунис может рассматриваться, пожалуй, как самое политически модернизированное из революционных арабских государств в смысле секуляризма, рациональности и институционального участия»⁷⁸⁷, Хадсон сделал оговорку, с которой соглашались Ричардсон и Вотерберри, что избрание Бургибы пожизненным президентом в 1975 г. предвещало крах рациональности его режима.

Иными словами, если воспользоваться классическим определением Вебера, тунисский режим утратил часть своего рационально-легального начала как одного из источников легитимности власти. Вместе с тем Бургиба совершил «ошибку Сукарно», то есть добился для себя пожизненного президентства, когда его народная популярность уже иссякла.

В своих назидательных мемуарах, зачастую носивших характер публичных лекций, президент не забывал упомянуть бывших соратников, но как бы отбрасывал их в тень. Поэтому нынешние тунисские историки призывают избавиться от «каркаса» политической мифологии, созданной в период культа личности Бургибы, однако в переписывании истории всегда есть свои подвохи; желание переставить акценты приводит к тому, что вместо одного кривого зеркала подают другое. «Перестройка», начавшаяся после отстранения «Верховного борца» от власти, успела за истекшие годы пройти свой круг: дело возвращается к старому, и тем более обидному, хотя имел место и определенный прогресс, особенно по части совершенствования избирательного кодекса. Нынешний дустуровский режим – продукт «жасминной революции» является образчиком системы доминирующей партии. Но плюрализмом он выглядит лишь с фасада, да и конституцию перекраивают под нужды дня... Осенью 1999 г. состоялись первые в Тунисе альтернативные президентские выборы с участием трех кандидатов. Это было подано как праздник демократии. В ожидании следующих выборов прошел референдум (аналогичный белорусскому), и 24 октября 2004 г. в четвертый раз Бен Али был переизбран на высший государственный пост с предсказуемым результатом в «четыре девятки», то есть близким к 100%.

⁷⁸⁷ Hudson M. Arab Politics, New Haven: Yale University Press, 1977, p. 378.



Поэтому вопрос «Кто виноват, и что делать?», надо думать, еще долго будет волновать общественное мнение страны, разделяя его на тех, кто считает, что корабль, пустившийся 20 марта 1956 г. в одинокое плавание, сбил с курса по вине слишком дерзкого кормчего, которому словно доставляло удовольствие идти как можно ближе к подводным камням, но не хватило смелости вовремя передать штурвал другому, и на тех, кто возлагает вину на весь экипаж, который построил судно и спустил его на воду. А когда-нибудь, наверное, в Тунисе найдется свой Эрик Неизвестный, который сумеет изваять памятник Бургибе из черно-белого гранита, который лучше всяких слов отразит двойственность этой фигуры. Человека, сказавшего однажды: «Я буду нести ответственность за эту страну, живой или мертвый».

L'Action Tunisienne versus présence française. Прощаясь с сюжетом первого тома нашей работы, посвященного национальному движению в Тунисе и его лидеру, попытаемся еще раз вернуться к «загадке» Нового Дустура, который – во многом благодаря усилиям Бургибы – стал самой крупной политической партией арабского мира в стране, далеко не самой крупной в этом мире. Следует при этом иметь в виду, что это была отнюдь не единственная партия, которая рассматривала себя как ударный отряд национального действия. Но многие такие отряды, имевшие или не имевшие в своем названии слово «действие», остались группами, выражавшими местнические или узко сословные, даже общинные интересы. Новый Дустур смог стать организующим началом нации. Конечно, к этому имелись объективные исторические предпосылки; среди них немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что Тунис, мусульманское население которого, скажем, в 1946 г. точно соответствовало по численности населению Сирии (3 млн. человек в той и другой стране)⁷⁸⁸, во-первых, являлся более или менее сложившимся государственным образованием, во-вторых, страной, относительно «однородной». Здесь не было ни конфессиональной мозаики Ближнего Востока, ни подспудного, а порой и открытого противостояния арабского и берберского элементов населения – большой проблемы Алжира и Марокко, столь же однородных в конфессиональном от-

⁷⁸⁸ По данным Мирового Банка, население Сирии в 2003 г. достигло 17,4 млн. человек, Туниса – 9,9 млн. Уровень рождаемости составлял в 1999 г., соответственно, 29 и 17 промилле. Согласно тунисским источникам, прирост населения ныне приближается к 1% в год против 2,3% между 1966 и 1975 г. Тогда уже осуществлялась программа планирования рождаемости, эффект которой стал очевиден.



ношении, как Тунис, но не столь глубоко арабизированных. В этом смысле страна находилась в выигрышном положении: ее коренное население, в котором еврейская община составляла единственную группу иноверцев, не было подвержено серьезному риску этно-конфессиональных конфликтов и его было легче подвести к идее гражданской национальной идентичности. Кроме всего этого, вопреки бытующему в литературе мнению, Новый Дустур не являлся партией «сахельского клана»⁷⁸⁹; об этом свидетельствуют данные о личном составе ее руководства, равно как и «rank and file», приведенные в основном тексте и в комментариях к нашей работе. Другое дело, что Сахель с его прочно оседлым населением, городскими традициями, дал основные кадры интеллигенции, которая организовала и возглавила Новый Дустур. Эту партию Бургиба хотел сделать и сделал орудием освободительной борьбы, а также своего рода «школой» модернизации общества, или же, иначе сказать, «инструментом», который работал еще по ходу борьбы за независимость, не отсекая то положительное, что было привнесено объективным процессом колониальной модернизации.

Как это удалось? Вряд ли удовлетворительным можно считать такое объяснение, что Бургиба и его друзья, отцы-основатели Нового Дустура, «борясь в французами... любили Париж и Францию»⁷⁹⁰, и вроде бы тем самым отличались от деятелей Старого Дустура или каких-то других арабских партий, руководители которых, кстати, тоже зачастую имели высшее образование, учились в Париже или Лондоне, но не любили метрополию. А если любили, то «не умели, и более того, не хотели просвещать остальное население» (как сказал Жак Берк про алжирскую офранцузенную элиту)⁷⁹¹. Скорее следует подчеркнуть другое: «néos» сумели различить два лица Франции. Два разных лица, которым Французская республика оборачивалась к своим колонизованным, протеже и поданным. В этом состояла и специфика самой Франции, в отличие от Англии – соперника, которого она догоняла на протяжении всего своего современного развития, то есть развития в «*ère moderne*», включая промышленную революцию и создание колониальных империй. Французский социализм и левое движение во Франции

⁷⁸⁹ Гучетль Г.И. Указ. соч., с. 55.

⁷⁹⁰ Иванов Н. А. Кризис французского протектората..., с. 134.

⁷⁹¹ Цит. по: Ланда Р.Г. Парадоксы цивилизационных мутаций: алжирское общество на рубеже веков // Восточный мир: опыты общественной трансформации, М. Муравей, 2001, с. 221.



– явление всемирного масштаба. Это понимал еще Хайрадин-паша, который писал о революции 1789 г., что этот «французский переворот заложил основу новой истории для всего человечества, ибо позволил переход положения человека на более высокую ступень: от состояния личной зависимости к полноте свободы. Тогда как раньше английская революция впервые заложила фундамент государства, покоящегося на правовых институтах»⁷⁹².

Английские левые никогда не составляли весомой общественной силы, а их влияние на национальные движения в странах британской империи, в том же Египте, близко к нулю. Лейбористы, давно ставшие частью двухпартийной политической системы Великобритании, в сущности проводили ту же политику в отношении колоний, что и консерваторы. Смена лиц на Даунинг-стрит не вызывала сколько-нибудь резкой перемены курса в отношениях с Каиром или Багдадом. Более жесткий французский колониализм, стремившийся, в отличие от британского, не к косвенному, а к прямому управлению покоренными народами, осуществлял свою экспансию, развивался и «загнивал» под критику оппозиционной прессы. Довольно будет взглянуть на карикатуру 1830 г., где изображены оборванные парижские рабочие, которым префект столичной полиции велит ликовать по поводу взятия г. Алжир⁷⁹³. (Об отношении оппозиции к захвату Туниса мы уже подробно говорили). Прошло 100 лет, даже меньше, и французские левые оказываются в крестных отцах антиколониального движения.

В списке имен этих людей фигурирует в частности Андре Бертон. Социалист, а после 1920 г. коммунист, он был тем депутатом парламента, у которого работал в помощниках Ахмед Сакка (соавтор, если не истинный автор «Туниса-мученика»). Затем Бертон появляется в разных, но схожих ролях: то организатора конференции, которую дал в Париже эмир Абд аль-Кадер, сын легендарного алжирского героя, записанный в патроны «Северо-африканской Звезды», то в качестве адвоката, выступающего защитником Финидори – сподвижника Мухаммеда Али, основателя ВКТТ (1925 г.), а также по делу газеты «La Voix du Tunisien» (1931 г.). Авторы или соавторы первой программы Марокканского блока национального дела (1934 г.) это – группа французских социалистов, в том числе депутаты парламента. В разное время будущий президент Франции (социалист Ориоль) и будущий

⁷⁹² Подробнее о сочинении Хайрадин-паши см.: Биографическое приложение.

⁷⁹³ Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine, Paris: PUF, 1964, p.113.



премьер (радикал-социалист Мендес-Франс) приезжают в Тунис адвокатами на защиту в суде даже не очень видных национальных деятелей⁷⁹⁴.

Да, они, французские адвокаты, выступали в пользу соблюдения индивидуальных прав «туземцев» и за расширение этих прав, раздражаясь по поводу попыток туземцев отделиться от Франции, но в конечном счете способствовали их национальному освобождению. Некоторых, даже многих левых колониальная действительность отбрасывала в лагерь реакции, а такие покровители «Североафриканской Звезды», как Дорио, бывший член колониальной комиссии ФКП, ушли в начале тридцатых на крайне правый фланг французского политического спектра, увлекая за собой радикалов национального движения стран Магриба. В первую очередь – Алжира, где в составе европейской колонии правые были особенно сильны. Нечто подобное наблюдалось и в Тунисе, однако группа французских левых, пусть и немногочисленная (А. Дюран-Анливель, Э. Козн-Хадрия, Серж Моатти...), представляя собой круг людей, одних и тех же, в той или степени поддерживавших дустуровское движение, иногда выражая ему осуждение и снова сочувствие, на протяжении почти 40 лет начиная с 1920 г. Эта страница истории еще мало изучена вообще, крайне слабо освещена в отечественной литературе, а пропустив ее, нельзя понять и особенности национально-освободительного движения в каждой отдельно взятой стране Северной Африки, привлекавшего столь пристальное внимание в литературе советской эпохи. Внимание одностороннее, порой – не по вине авторов, которые писали не обо всем, что знали, либо опускали это в сноски и комментарии мелким шрифтом.

В этой связи можно присоединиться к мнению Л.Б. Алаева, с точки зрения которого: «Требуется более трезвого подхода изучение истории национально-освободительного движения... Видимо, надо четко различать два типа движений. Одни движения против колониального режима возглавляли *буржуазные* (выделено автором – М.В.) социальные группы и идеологи, выдвигавшие лозунги демократии, создания современного государства и свободы экономического развития. Другие шли и до сих пор идут под флагом возвращения к традиционным ценностям... Это направление борьбы можно назвать *реакционным антиимпериализмом*. Особенно опасно видеть черты прогрессивности в тех движениях, лидеры которых

⁷⁹⁴ Например, Мендес-Франс выступал в 1952 г. адвокатом группы неуступчивых и синдикалистов, арестованных в Загуане по подозрению в совершении актов саботажа, и выиграл дело (*Achour H. Op. cit.*, p. 33-34; *Ben Sliman S. Op. cit.*, p. 299).



используют для мобилизации масс фактор конфессиональной общности и религиозные лозунги... Еще один спорный вопрос – отношение к “умеренности” и “радикальности” в освободительных движениях. Умеренные лидеры, не ставившие вопрос о немедленной независимости, призывавшие к духовному развитию, распространению образования и шедшие на компромиссы с колониальными властями, получают в наших монографиях и учебниках презрительные наименования “соглашателей” или даже “предателей”. Горячие же головы, призывавшие к немедленной вооруженной борьбе, пользуются стойким сочувствием. Вообще, чем больше крови пролито в борьбе с “империализмом”, тем эта борьба выглядит “прогрессивнее” и “успешнее”. Следовало бы более внимательно изучать вопрос о том, не были ли эти радикалы просто авантюристами, наносившими вред своему народу...⁷⁹⁵ В этих размышлениях, на наш взгляд, есть один изъян. Автор, очевидно, желая заострить проблему или обращаясь в основном к близкому ему материалу Индии, свел всего лишь к двум, диаметрально противоположным, типам характер национально-освободительных движений, разных по составу участников и, естественно, зависевших от социальной среды, в которой действовали, и от уровня развития общества, порождением которого они являлись.

Столь же спорным является вопрос, насколько националистические движения, которые «до сих пор» идут под флагом возвращения к традиционным ценностям, являются национально-освободительными, даже если они выставляют себя как силу сопротивления «империализму». Этого явления, империализма, в том виде, в каком оно существовало в конце позапрошлого и в прошлом веке, уже нет. Поэтому и силы, выступающие с антизападническими лозунгами или под знаменем религиозного фундаментализма (неважно, какого), наверное, некорректно называть антиимпериалистическими; тем более, что объектом их борьбы, если речь идет об «исламских радикалах», зачастую являются не только США – ныне средоточие враждебного образа Запада, но и светские правительства давно уже немалых освободившихся государств бывшей колониальной периферии.

Массы делают историю, утверждали ортодоксальные марксисты; элиты делают историю, утверждает современная наука. Но ведь каково общество, такова и элита. Излишне доказывать, что в каждом конкретном случае она складывалась на своей народной почве, в своем социально-

⁷⁹⁵ «Восток-Oriens», № 4, 2002, с. 58.



историческом пространстве, в рамках определенной цивилизации, политической культуры и т.д. Наконец, она формировалась под влиянием колониализма и колонизаторов, которые тоже не были безликой массой. Нельзя забывать одну простую вещь. Во всем Индокитае, по данным на 1937 г., насчитывалось 42 тыс. французов против миллиона с лишним европейцев во Французской Северной Африке. И понятно, что во Вьетнаме, например, где язык метрополии получил довольно широкое распространение и действовала система франко-вьетнамских школ, контакты с европейцами подерживала более узкая категория местного населения, чем в Алжире или Тунисе. Но даже в масштабах Северной Африки поселенческие колонии существенно отличались друг от друга и по-разному воздействовали на туземное население, представителей которого французская домохозяйка, жена колонизатора, сама ходившая с кошелкой по магазинам, презрительно называла «сиди» и на бытовом уровне разжигала их «ксенофобию» больше, чем сам колонизатор. Пусть его истинный образ отражало не среднее лицо мужа домохозяйки с кошелкой — месье Дюпона, простого клерка или фабричного рабочего, а некий кубистический портрет из ярких фрагментов лиц «винного короля» Алжира — Анри Боржо или «маленького белого» из Туниса — сенатора Колонна, заседающего в Совете республики, требуя «раздавить Дустур», или сына жандарма из Бона — маршала Жюэна, играющего скипетром султана... В их пеструю компанию, где свое почетное место занял алжирский миллионер Ален де Сереньи (владелец плантаций, заводов, гезет, пароходов), затесался с 1946 г. и «некий Панталони, на вид — почти что шут, который примкнул, однако, к Рене Мейеру, когда тот стал, ко всеобщему изумлению, депутатом от Константины»⁷⁹⁶. Но хотя шовинизм, основным гнездом которого прослыл центр департамента Константина, всегда был присущ колонистам и колонизаторам, не приходится отрицать и тот факт, что особая психология евроалжирцев, так называемых черноногих, представляла собой из ряда вон выходящий феномен, а оголтелый расизм их «ультра» сталкивался со своего рода «черным» расизмом алжирцев-мусульман.

Луи Бертран (1866-1941), патриарх жанра французского колониального романа, выразил это столкновение следующей фразой, рассказывая в «Южных дорогах» о встрече с арабом: «Я сразу почувствовал в нем врага, который ничего не забыл, ничего не простил и прячет за пазухой свое оружие». Этот писатель был членом сонма «бессмертных» Академии,

⁷⁹⁶ *Buron R. Carnets politiques de la guerre d'Algérie*, Paris: Plon, 1965, p. 13.



на торжественном приеме в которую Франсуа Мориак (в ноябре 1933 г.) поздравлявший его оратор сказал: «Ах, месье! Как удивительно сложилась судьба молодого католика, пришедшего из Бордо за парижской славой!... Вас успели утомить чудовища и грешники (герои романов Мориака — *М.В.*)... Вы стремитесь познакомиться с другими представителями рода человеческого. К счастью, они существуют. И для вас настало время заговорить о добродетели... Разве не восхитительны, например, подвиги наших миссионеров в колониях!»⁷⁹⁷.

Умиление перед тружеником-бербером, которого французы якобы пришли освободить от разбойника-араба и вернуть этого труженика, земледельца и садовода, в лоно церкви св. Августина (идея, господствовавшая в литературе времен Бертрана), оказалось чистой фантазией: восстание, пришедшее с гор Кабилии и Ореса, начали в Алжире скорее берберы, чем арабы. И это при том, что этнические берберы составляли подавляющую массу «колонии колонизованных» в метрополии — основы 5-миллионной мусульманской общины Франции наших дней. Еще в межвоенный период эта 100-тысячная колония становится фактором внутривосточной жизни метрополии, а спустя 13 лет после окончания второй мировой войны алжирский кризис послужил непосредственной причиной падения Четвертой республики. Впрочем, миф о злом кочевнике и добром садовнике к этому времени был уже забыт, численность алжирской колонии во Франции перевалила за 300 тыс., а жанр колониального романа вышел из моды. Но количество французов, живущих в Алжире (около 1 млн. против 50 млн. во Франции), трехкратно превосходило эту цифру. Когда 13 мая 1958 г. алжирские французы создали Комитет общественного спасения под председательством генерала Массю, он спросил одного из самозванных членов этого комитета, возникшего почти стихийно: «Скажите сначала, кто вы?». И получил знаменитый ответ: «Я — толпа»⁷⁹⁸.

В Индии англичане, чиновники и офицеры, делали карьеру, но редко оставались навсегда, и они были каплей в океане индийского населения; в Египте удельный вес европейцев был выше, чем в Индии или в большинстве стран Черной Африки, однако число постоянных резидентов-иностранцев (британцев, французов, бельгийцев и проч.) не превышало здесь 50-60 тыс.

⁷⁹⁷ Цит. по: *Анисимов Ив.* Франсуа Мориак и его романы / Мориак Ф. Конец ночи, М.: Гослитиздат, 1936, с. 5, 11).

⁷⁹⁸ *Soustelle J. Vingt-huit ans de gaullisme*, Paris: La Table ronde, 1968, p. 144.



человек. Их групповой портрет, собирательный образ колонизатора, олицетворял англичанин, играющий в гольф на о-ве Замалик в Каире, откуда были перекинуты через Нил разводные мосты в остальной город, способные превращать остров в крепость, а омывающую его реку в ров, если взбунтуется каирская толпа. Более многочисленной была «инонациональная» прослойка, в том числе армяне, греки, сиро-ливанцы, широко представленные в деловой сфере, имевшие египетское подданство или нет, но всегда тяготевшие к европейцам и занявшие своего рода буферную зону, даже пространственную (Александрия, центральный Каир, Гелиополис...), между собственно колонизаторами и египтянами, основную массу которых представлял феллах, круглый год, иногда по колено в воде, гнувшийся над своим клочком земли. Дети египетских «беев» и «пашей», игравшие в гольф на одной лужайке с англичанами, не сидели за одной школьной партой с сыновьями феллаха, но их отцы, аристократы, могли являться членами националистических партий, в том числе вафдистами.

Этих искушенных политиков «Свободные офицеры», выходцы из «среднего класса» (допущенные и рекомендованные на учебу в военную академию аристократами)⁷⁹⁹, возненавидели не меньше, чем англичан, и прозвали их «политиканами». Сверх того, революционные офицеры считали политиканов, сметенных июлем 1952 г., мамлюками и черкесами, то есть чужими, в отличие от себя, соли земли египетской. И это, несмотря на то, что вафдисты в свое время выступали от имени всего народа, в том числе феллаха, зачастую знавшего в лицо одного начальника – сельского старосту. Физиономия которого была точь-в-точь копия лица деревянной статуи с будто живыми глазами из кварца и медными веками, изображающей сановника V-й династии Каапера, известного также под именем «Великого жреца». Этот хрестоматийный шедевр искусства эпохи Древнего царства археологи так и называли «Сельский староста» с легкой руки крестьян, узнавших в найденном при раскопках в Саккара изваянии мужчины с округлым лицом и важной статью местного шейха – старосту.

⁷⁹⁹ В 1936 г. был отменен имущественный ценз для поступления в Египетскую военную академию, что повлекло за собой демократизацию офицерского корпуса. Среди кадетов, набранных в 1936 и 1937 гг., выходцы из «нижнего среднего класса» составляли 20-30%. Каждого из них принимали под поручительство какого-нибудь титулованного чиновника (*Beattie K.J. Egypt During the Sadat Years, New York: Palgrave, 2000, p. 17-18.*)



Словом, если бы Альбер Мемми списывал свой «Портрет колонизованного, предваренный портретом колонизатора» с персонажей Долины Нила, а не Магриба, в том числе его родного Туниса, то получилась бы другая картина. И еще третья могла бы выйти, если бы моделью диптиха послужили персонажи края муссонных дождей, где друг на друга смотрели «желтое» азиатское лицо, обычно кажущееся европейцам маской невозмутимого спокойствия, и «белое» – потомка галлов, учинившего в 1930 г. жестокое подавление голодных бунтов (о чем тогда же спецкор «*Petit Parisien*» А. Виоллис написала книгу «Спасите Индокитай»). Прошли годы, и после изгнания японских оккупантов ненавистное обличье вернувшегося белого колонизатора явил собой адмирал Тьерри д'Аржанлье, он же отец Людовик, бывший участник марокканской войны (1912-1914 гг.) и первой мировой, а с 1920 г. монах-кармелит, мобилизованный в августе 1939 г. Святой отец прибыл в Шербург и встал на капитанский мостик...

Бежав из плена в крестьянском платье и добравшись до Англии на рыбацкой лодке, он первым из военных нашел де Голля, с 1 июля 1940 г. командовал флотом «Свободной Франции» и предложил лотарингский крест как ее символ. Начав с нуля, этот выпускник Морской школы в Бресте обеспечил вместе с Леклерком освобождение Либревиля, а после вступления в войну Японии приложил все усилия к тому, чтобы обеспечить поддержку союзникам со стороны мелких французских владений в бассейне Тихого океана. Что же дальше? Назначенный Верховным комиссаром Индокитая (август 1945 – февраль 1947), он возглавил так называемую сайгонскую клику, которая по сути и развязала войну с Вьетминем, пользуясь тем, что информация о событиях в Хайфоне и Ханое почти не попадала во французскую прессу; и даже правительство получало сведения о дальнейшем развитии этих событий отрывочно и с большим опозданием.

Однако картина драмы, разыгравшейся в краю муссонных дождей, была бы не полной, если не сказать, что генерал Леклерк, который от имени Франции подписал на борту линкора «Миссури» акт о капитуляции Японии, выступил резким оппонентом адмирала д'Аржанлье, доказывая, что надо считать с поднимающейся волной национализма в Азии и что лучше идти на переговоры с Хо Ши Мином, ибо в противном случае не только «горячие головы», но и трезвые уйдут партизанить в джунгли.

В этой связи Александр Верт рассуждал: «По социальному происхождению, воспитанию и политическим убеждениям Леклерк (урожден-



ный граф де Отклок — *М.В.*) почти ничем не отличался от д'Аржанье. Так же, как этот адмирал, он с самого начала примкнул к деголлецам. Но в Индокитае один дал себя увлечь традиционному классовому чувству, а другой был готов сделать уступку меняющейся действительности»⁸⁰⁰.

В итоге Леклерк, который здесь находился во главе военной части, выделенной для борьбы с японцами, услуги которой не потребовались, отказался от поста Верховного комиссара, ибо его условия не были приняты. А когда он погиб 28 ноября 1947 г. в песчаной буре над Сахарой, ходили упорные слухи, что катастрофа была «организована» некими группами колонистов Индокитае, где уже шла война, об опасности которой Леклерк тщетно предупреждал... Слухи вокруг упавшего самолета остались слухами, но отражали нервное состояние общественного мнения в канун пятидесятых, когда зарождалось, набирая силу, цунами в Северной Африке.

Лучшие писатели Франции взялись в ту пору за журналистику, выступая против политики колонизаторов. Среди них были и христианский моралист Мориак, не расставшийся в литературном творчестве со своими «чудовищами» в тесной клетке провинциальной буржуазной жизни, и философ-экзистенциалист Жан-Поль Сартр (автор предисловия к «портретам» Мемми), сблизившийся с коммунистами, и его соперник за место первого светила модернистской литературы Франции — Альбер Камю, бывший участник Сопротивления и редактор «Combat», определивший его стиль. Этот человек вышел из компартии еще совсем молодым, в 1937 г., но всю жизнь оставался левым до мозга костей.

Встреча его героя, сельского учителя, с безымянным арабом выглядит как зазеркалье встречи в бертрановских «Южных дорогах». Учитель Дарю, мерзнувший в школе, где на грифельной доске нарисованы мелом четыре главные реки Франции, а детей нет из-за выпавшего в горах снега, неожиданно получает приказ довести по этапу в тюрьму араба, который зарезал родственника, «как барана», вроде из-за семейных дел. Жандарм Бальдуччи мотивирует нелепый приказ тем, что в районе неспокойно, кажется, взбунтовались туземцы, и ему надо срочно возвращаться. Учителю жаль обоих, и усатого корсиканца, вздыхающего «Ну и работенка! Скорей бы на пенсию», и толстогубого араба, хотя он ему противен. Учитель обогревает и кормит преступника, благо в школе хранятся запасы муки для голодающих, а из Франции идут новые корабли с зерном, и у

⁸⁰⁰ *Ворм А.* Франция 1940-1955, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959, с. 298.



ром отпускает, указав две дороги: на юг к кочевникам, которые его приютят, и на восток в местечко, где его ждет тюрьма. Араб почему-то идет на восток, а учитель, вернувшись в школу, видит на доске начертанную неумелой рукой надпись среди меандров четырех рек Франции: «Ты выдал нашего брата. Ты за это заплатишь». Из окна пустой школы, залитой слепящим солнечным светом, Дарю «глядел на небо, на плато и дальше, на невидимые ему земли, простирающиеся до самого моря. В этом обширном краю, который он прежде так любил, он остался один»⁸⁰¹.

Узнав о неудачной поездке Ги Молле в Алжир 6 февраля 1956 г., после которой премьер «сдал» генерала Катру, отозвав его кандидатуру на пост губернатора, ведущие сотрудники «L'Express» собрались в редакции. В том числе Ж. Даниель, Ф. Мориак, А. Камю. Последний был особенно мрачен, он и прервал тягостное молчание: «Я знаю своих, алжирских французов. Теперь власть будет находиться не в Париже, а в Алжире. Там уже нет больше либералов. Они все сгруппируются вокруг ультра. Будут крысиная грызня, контр-терроризм и, наконец, сецессия... Больше ничего уже нельзя сделать, все пропало»⁸⁰². И он вышел, закрыв за собой дверь, и никогда уже больше не писал на колониальные темы.

Автор «Постороннего» и «Чумы», как и другие «pieds-noirs», хотя он уже 18 лет прожил во Франции, не хотел, чтобы его родина между морем и солнцем уплыла от метрополии, как оторвавшаяся льдина. Но догадывался, что это произойдет. Сын неграмотной испанки и мелкого кустаря, погибшего на фронте в начале первой мировой войны, Камю родился в 1913 г. в кантоне Мондови (департамент Константина), что в 25 км. на юг от Бона, окончил университет в Алжире, где в 1936 г. сочинил в соавторстве и поставил пьесу «Мятеж в Астурии», в 1938 г. сыграл в инсценировке «Братьев Карамазовых» роль Ивана и вскоре переехал во Францию; завоевал писательскую славу в сороковых, а после публикации своего эссе «Возмущенный человек» («L'Homme révolté», 1951) вступил в острую полемику с Сартром и его журналом «Les Temps modernes». Советская литературная критика сочла это эссе «архиреакционным» образчиком идеалистической философии, ибо автор утверждал, что всякое правительство, вышедшее из купели революции или восстания, как правило, становится

⁸⁰¹ «Гостеприимство», перевод И. Радченко // Камю А. Посторонний. М.-Харьков: Фолио, 1999, с. 528-529.

⁸⁰² *Siritski S., Roth F.* Op. cit., p. 103.



правительством войны⁸⁰³. Что касается атеиста Сартра, то он оставался в числе друзей СССР и поборников советской мирной политики до венгерских событий, после которых вернулся на «идеалистические позиции».

Символично, что в пьесе Камю «Осадное положение» (1948 г.) отступающая Чума говорит: «Жестокость рождает возмущение, а глупость – упадок духа. Слава дуракам, ибо они подготавливают мой приход. Они дают мне силу и надежду!». В 1957 г. Камю, слывший мастером эстетики «абсурда», был удостоен нобелевской премии, а через три года нелепо погиб, врезавшись в дерево на автомашине. Он не увидел, что случилось с учителем Дарю.

«В истории Северной Африки роль социалистической партии столь же преступна, как роль правых» – сказал на той же встрече в редакции «L'Express» рассерженный Жан Даниель, который и потом продолжал писать на колониальные темы. В данном случае он имел в виду премьеру Ги Молле, уступившего буйству толпы «ультра» и не сумевшего навязать ей свою волю. Потребовалась воля во всем-то правого политика, который считал себя человеком исключительной судьбы, внимательно изучал историю, даже некоторое время преподавал ее в Сен-Сире и говорил, что она не учит фатализму, ибо бывают часы, когда случай и смелость изменяют, казалось бы, неотвратимый ход событий. Те драматические события, что разворачивались в Алжире при Пятой республике во Франции, казалось бы, уже не имели отношения к Тунису. На самом деле это не так. Война, шедшая в соседней стране, в буквальном смысле перекачивалась на его территорию, осложняя внешнюю политику Туниса, да и внутреннюю.

Президент Бургиба играл в событиях 1958-1962 гг., начавшихся с того, что Тунис разорвал дипломатические отношения с Парижем⁸⁰⁴, нема-

⁸⁰³ История французской литературы, М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 570.

⁸⁰⁴ 8 февраля 1958 г. французская военная авиация произвела бомбардировку тунисской деревни Сакьет-Сиди-Юсеф у границы с Алжиром, погибло более 70 человек. В ответ Тунис отменил в одностороннем порядке конвенцию от 1942 г. об экстерриториальном статусе Бизерты как французского порта и обратился с жалобой в Совет Безопасности. Тут на сцене появилась англо-американская «миссия добрых услуг», собравшаяся заняться разбирательством инцидента. Со стороны США ее возглавлял ни кто-нибудь, а «Боб» Мэрфи. Это вызвало взрыв негодования правых депутатов по поводу вмешательства янки во французские дела; «ультра» снова объединились с «антиатлантистами», и 15 апреля пал кабинет Гайара. Последовал министерский кризис, только 13 мая был сформирован кабинет Пфлимлена. Он с трудом получил инвеституру, правая скамья заулочно



ловажную роль. Некоторые готовы были тогда поверить, что он-то и есть тот боевик, который сдержал чеку с гранаты, взрыв которой спровоцировал падение Четвертой республики и новый виток насилия в Алжире. В действительности же тунисский президент был кровно заинтересован в том, чтобы скорейшим образом остановить военные действия в лимитрофной стране и пытался, к сожалению, безуспешно направить урегулирование алжирского кризиса, образно говоря, в «бургибистское» русло. Старался склонить алжирцев к переговорам и даже к мысли о том, что полная независимость Алжира была бы преждевременной, а предпочтительнее – поэтапная эмансипация. То есть он предлагал повторить тунисский опыт. Однако большинство отечественных авторов, писавших об этом периоде истории, вольно или невольно соглашались с Насером, восторгаясь подвигами алжирских муджахедов и записывая Бургибу (который повел свою партизанскую войну нехотя и остановил ее при первой возможности) в оппортунисты и «соглашатели». Между тем 10 декабря 1954 г. – тот день, когда феллага в Тунисе опустили оружие, наверное, заслуживает юбилеев не меньше, а может быть, и больше, чем 1 ноября 1954 г., день начала революции в Алжире, которая в каком-то смысле оказалась перманентной.

Продолжительность восстания, вылившегося в семилетнюю войну, разумеется, объяснялась не только отсутствием в Алжире национальных лидеров, обладавших политической волей и способностью начать переговоры о мирном урегулировании кризиса, но и встречной неготовностью к этому противной стороны, то есть правительства Франции. Его состав по-прежнему часто менялся, испытывая при этом мощное давление колониетского лобби, для которого Алжир стал последним «рубежом обороны». Свою роль играл и такой фактор, как настроения, царившие во французской армии, больше половины которой к 1958 г. находилось в Алжире. Ее кадровый состав издавна, можно сказать, со времен франко-прусской войны, если не с 1831 г. (когда была создана особая «Африканская армия»), делился на две части: на так называемых колониальных офицеров и офицеров метрополии. «Первые делали карьеру в колониях, другие видели смысл своего существования в защите территории самой Франции. Деятельность, жизнь и образ мысли тех и других заметно разли-

кала, когда кто-то объявил, что компромисс в Алжире будет обсуждаться при посредничестве Бургибы и Мухаммеда V. Пьер Пфлимлен оказался калифом на час.



чались»⁸⁰⁵. Генерал де Голль, после окончания Сен-Сира не служивший в колониальных войсках, за исключением кратковременной командировки в Сирию, представлял, по словам его советского биографа, ярко выраженный тип офицера метрополии: «Военное и политическое мировоззрение де Голля резко отличалось от взглядов колониальных офицеров, считавших, что потеря колоний делает беспредметным само их существование»⁸⁰⁶.

Действительно, открывшаяся перед ним в 1943-1944 гг. картина повседневной жизни Северной Африки заставляла лидера «свободных французов» невольно отзываться о 30 тыс. богатых колонистов Алжира, стоявших за спиной генерала Жиро. Однако сама по себе эта земля в глазах де Голля, под чьим окном в поместье Коломбэ, где он провел 12 лет своей политической отставки, лежала клумба, разбитая в форме лотарингского креста, являлась той территорией, где возродились силы Франции и «выросло ее единство». За годы, ставшие для него лично «переходом через пустыню», армия, в кадрах которой бригадный генерал, даже не утвержденный в этом звании, не состоял с июня 1940 г., пережила новые катастрофы. Одной из них стал Суэцкий кризис, воспринятый кадровым офицерством как «дипломатический Дьенбьен-фу»⁸⁰⁷ и вызвавший во Франции новый прилив антиамериканских настроений. (Ибо многие считали, что не столько «ультиматум Булганина», сколько нажим Эйзенхауэра спас карьеру Насера, которую участники Тройственной агрессии против Египта едва не разбили в прах). Не случайно сторонники де Голля, знавшие в нем человека, не желавшего гнуть спину перед Вашингтоном, заговорили уже в 1957 г. — и вполне открыто, в прессе, — что наступил час, когда отчизна снова призывает своего героя, которого тот же Александр Верт напрасно поспешил назвать «благородным анахронизмом». Неким олицетворением древней воинской доблести, разве что не рыцарем печального образа, «человеком, принадлежавшим к крайне узкой консервативной военной касте», для которого «величие Франции и французской армии было своего рода всепоглощающей идеей»⁸⁰⁸. В подтверждение этой мысли автор привел цитату из

⁸⁰⁵ Молчанов Н.Н. Генерал де Голль, М.: Международные отношения, 1972, с. 343.

⁸⁰⁶ Там же, с. 343. Под военным мировоззрением де Голля автор, наверное, имел в виду идеи, высказанные в историко-военном очерке «На острие шпаги» (1932) и работах «За профессиональную армию» (1934), «Франция и ее армия» (1938).

⁸⁰⁷ Кстати, это выражение было запущено в оборот Робером Лакостом, тогдашним губернатором Алжира.

⁸⁰⁸ Верт А. Указ соч., с. 186.



заметки Мориака в «L'Express» о выступлении де Голля на пресс-конференции, устроенной в апреле 1954 г. «Его слова, — поделился своим впечатлением писатель, — подобны свежему ветру, веющему с далеких и высоких вершин, из того нашего прошлого, когда Франция была великой нацией». И тогда же генерал произнес, естественно, почти без высокомерия и с оттенком печальной гордости, удивительную фразу: «Я был Францией»⁸⁰⁹.

Его жизнь обернулась почти отшельничеством после роспуска РПФ, а по данным социологических опросов 1955 г., за него проголосовал бы 1 из 100 избирателей. Он писал элегические строки о тихой старости наедине с природой. Тем временем в Коломбэ ле-дез Эглиз наведывался адмирал д'Аржанлье, вытаскивал из походной сумки монашескую сутану, превращаясь в отца Людовика (храбрый «правнук Арамиса» 20 мая 1947 г. был назначен главным инспектором ВМС Франции, но в тот же год вновь удалился в Авонскую обитель), и маленькая семья хозяина совершала домашнюю молитву. Как то ни странно, долговязого де Голля, не имевшего в своем облике ничего женственного, часто награждали сравнением с женскими образами. В переписке между Рузвельтом и Черчиллем он проходил как «строптивая французская невеста», а с подачи первого из них заслужил и насмешливое прозвище «живого воплощения Жанны д'Арк». Но в отличие от Орлеанской девы, он слышал отнюдь не мистические голоса святых, которые нашептывали ему, что шпага Франции еще не заржавела.

Известно, что именно «колониальные офицеры», такие, как генералы Массю и Салан (не забудем с ними и толстосума Алена де Сереньи), и такие депутаты, как Бидо и Сустель — бывший антифашист и начальник деголлевской разведки времен второй мировой войны, а затем организатор РПФ и партии Союз за новую республику (1958 г.), примкнувший к лагерю «ультра», — способствовали возвращению де Голля на политическую сцену. Ведь не он ли, сидя в своем поместье, столько раз говорил, что, будь его власть, борьба на Суэцком канале продолжилась бы до победного конца, вплоть до падения Насера, которого французы считали патроном ФНО⁸¹⁰. Однако дальнейшее развитие событий решительно развело пучкистов 13 мая 1958 г. с основателем Пятой республики. Не без их участия на президента было совершено 15 покушений, ОАС грозила совершить военный пере-

⁸⁰⁹ «Les bloc-notes de François Moriac» (Цит. по: Там же, с. 182-183).

⁸¹⁰ Soustelle J. Op. cit., p. 130.



ворот во Францию, и те самые люди, которые де-факто привели де Голля к власти, бежали из страны, осужденные как государственные преступники.

Наконец, 18 марта 1962 г. были подписаны Эвианские соглашения о прекращении огня, условиях передачи управления алжирцам и о дальнейших отношениях Алжира с Францией, 8 апреля состоялся референдум, в ходе которого 9/10 французских избирателей одобрили Эвианские соглашения. На заседании совета министров, собравшегося для их обсуждения, де Голль сказал очень простые слова: «Мы пытались сделать в Алжире все, что в человеческих возможностях. Эти соглашения представляют собой окончание длительного кризиса. Этот выход единственно возможный, и его надо принять. Он стал неизбежным, учитывая движение народов... Это почетный выход. Нет необходимости обсуждать, что было сделано и чего не было сделано. Люди есть люди, и они могут ошибаться. Необходимо было вывести Францию из положения, которое приносило ей только несчастье... Теперь мы должны вернуться к Европе. Эра организованных континентов сменяет колониальную эру»⁸¹¹.

Таким образом, генерал де Голль выполнил важнейшее обязательство перед своей страной, подобно тому, как Мендес-Франс выполнил свои обещания, даже выиграл пари по Индокитаю и открыл путь к независимости Туниса, но ему, де Голлю, понадобилось для своего подвига не 30 дней «с хвостиком», а целых четыре года. Есть, правда, еще одно обстоятельство, кроме того, что людям свойственно ошибаться, объясняющее затяжной характер последней крупной колониальной войны в истории человечества. В 1956 г. в алжирской Сахаре были открыты нефтегазовые месторождения, и Франция впервые получила собственный источник углеводородного сырья.

Невольно задумываешься над тем, как сложились бы события, если бы Франция предпочла покупать нефть у Алжира? Не проще ли это было, нежели тратить огромные средства на ведение войны, а заодно и на экономический «План Константины»? (С помощью которого Франция пыталась модернизировать хозяйство и привязать к себе заморские департаменты с их «возмущенными арабами», разрушая их села и загнав до 1 млн. человек в концентрационные лагеря). Но это досужие вопросы, потому что «история не знает сослагательного наклонения». К 1962 г. европейцы составляли 1/10 населения Алжира. Они уходили из него летом этого года, взрывая свои дома и квартиры, а потом страдали в давке на аэродромах и в

⁸¹¹ Цит. по: Молчанов Н.Н. Указ. соч., с. 398.



портах, где плакали дети, а взрослые говорили: «Прощай Алжир!» Их Алжир был уже затонувшей Атлантидой. С ними вместе уходили, не оглядываясь назад, «харки» — алжирцы, служившие в иррегулярных войсках, они уходили с женами, детьми и всем своим скарбом на спине. Навсегда.

Спустя шесть лет после образования АНДР один из амнистированных главарей ОАС, в свое время совершенно не симпатизировавший пужадистам, но твердо стоявший за сохранение «*présence française*» в Алжире, злобно писал о президенте Бургибе, который: 1) уже летом 1957 г. улучил момент очередного министерского кризиса во Франции, чтобы потребовать вывода остатков французских войск с территории Туниса и, запретив им передвижение по стране, заблокировал в гарнизонах; 2) прижатый «жесткими» («*durs*») из ФНО, которых он явно не любил, но опасался, позволил им устроить на территории Туниса тренировочные лагеря и провозить через нее оружие; 3) принимал «ухаживания американцев и англичан», которые выделяли его из всех арабских лидеров и в ноябре 1957 г. поставили ему оружие, «навверняка попавшее в руки феллага».

Когда же, наконец, в начале следующего года совет министров Франции решил «воспользоваться правом преследования» (о чем официально заявил министр обороны Шабан-Дельмас) и настичь алжирских повстанцев на территории Туниса, якобы ставшей территорией ФНО, коварный Бургиба «поднял крик» из-за бомбардировки села Сакиет-Сиди-Юсеф, блокировал Бизерту (запретил заход в гавань военных судов — *М.В.*) и обратился в ООН, которая «безмерно раздула этот инцидент»⁸¹². А что ему было делать? Он нарушал положения протокола от 20 марта 1956 г., которые гласили, что оба правительства стремятся к развитию «гармоничного и мирного» франко-тунисского сотрудничества и что обе договаривающиеся стороны будут следовать принципу «свободной взаимозависимости между двумя странами... в области общих интересов, прежде всего в сфере безопасности и внешней политики»⁸¹³. Но после юсифистского кризиса в Тунисе осталось много недовольных подавлением «смуты», главным лозунгом которой было продолжение войны вместе с алжирцами. Президент, недавно занявший этот пост, избавившись от бея, не мог рисковать своей популярностью и предоставить территорию Туниса в распоряжение карателей, а не «братьев», которых французы продолжали называть «феллага», употребляя

⁸¹² Soustelle J. Op. cit., p. 131, 137, 138.

⁸¹³ Полный текст протокола см.: Martin J.-F. Op. cit., p. 180-181.



это слово как синоним «муджахеды». Наконец, как и любой другой на его месте, он не мог не прореагировать на авиационный обстрел тунисской деревни, где прямо в классе погибли школьники, а боевиков не обнаружилось.

Выступая на VII съезде партии, который не случайно был созван в Бизерте, ибо за год перед этим военно-морская база была эвакуирована, президент уверял, что, во-первых, он не мог терпеть, чтобы в двух шагах от его рабочего места на площади Касбы находилась казарма под иностранным флагом, «ныне разрушенная», и что, во-вторых, французы якобы хотели «запугать Бургибу» налетом на Сакиет-Сиди-Юсеф. В этих словах президента сквозит тщеславие, но ему нужно было сохранить свой образ воителя, «великого борца», накануне нового этапа реформ. А Бизертского кризиса – трехдневной и единственной войны Туниса, разыгравшейся 20-22 июля 1961 г. (если не считать более позднего пограничного конфликта с АНДР из-за спорного участка сахарской территории), возможно и не произошло бы, если бы президенты де Голль и Бургиба, встреча которых во дворце Рамбуйе состоялась в феврале того же года, не проявили, оба, упрямство, изменив свойственному им обоим чувству реализма.

Все это, вместе взятое, включая подернутые патиной времен портреты завоевателей и устроителей империй, а также длинную вереницу образов «хранителей наследия отцов», как выразился в Тунисе еще в 1938 г. совсем не самый злобный колонизатор Эрик Лабонн, вернувший после войны из ссылки марокканских политиков, которые его не возблагодарили, лишний раз показывает, сколь разными были формы колонизации, ее способы, агенты, проблемы и реальные люди, с которыми контактировала национальная элита, взявшая на себя роль коллективного лидера освободительного движения, руководствуясь: а) интересами своей социальной страты или группы, б) патриотизмом, так или иначе апеллировавшим к идее национального единства, в) партийным *raison d'être* – целью завоевания власти.

В тунисском случае мы не можем ее, эту элиту, достигшую своей цели, квалифицировать как «буржуазную социальную группу». Это действительно была интеллигенция, отчасти буржуазная, но преимущественно состоявшая из разночинцев. Если среди них самыми активными были сахельцы, так это можно объяснить не клановой солидарностью, а тем, что они, *афаки* из Сахеля, еще в доколониальную эпоху пополняли прослойку мелкого чиновного люда. Был достоверный случай, что при первом наборе в Садыкийю, куда стали принимать по квоте провинциалов, богатые купцы



Сфакса прятали своих сыновей, зато жители сахельского села Мокнин, по всем признакам – большой деревни, первыми поспешили отправить своих на учебу в столицу. Можно и глубже заглянуть в колодезь времени, чтобы понять, почему Сахель, описанный географом Ибн Руста аш-Шихари (IX век) как страна, где взору путника предстает «ожерелье» поселений, словно нанизанных на одну нить, издавна служила централизующим ядром государств Ифрикии/Туниса. Вместе с тем вопрос, почему традиция тяги к образованию или тяги к странствиям возникает в одном районе и не возникает в другом, не всегда находит объяснение. Но тот факт, что около 1/3 руководящих кадров правящей партии страны составили выходцы из Сахеля, а это выше относительной численности его населения⁸¹⁴, соотносится с тем фактом, что сахельцы примерно такую же долю составили среди студентов, учителей, профессоров, врачей, инженеров, словом, интеллигенции, не связанной ни с политической элитой, ни с чиновной бюрократией.

Западные авторы не случайно употребляют именно это «возвратное» из русского слово *intelligentsia* (или *intellegentzia*) для определения социальной принадлежности верхушки Нового Дустура периода борьбы за независимость. Его вожди стремились к созданию современного государства, однако ни слова не промолвили в своих программах и речах о ликвидации бейской монархии, ибо она служила символом тунисской государственности. Разве что требовали введения конституционной монархии и, соответственно, парламента, существовавшего не только в Ираке или Египте, но и в подмандатных Франции странах Леванта.

«Néos» апеллировали, когда в этом была необходимость, к исламу и защите традиционных ценностей, чтобы удержать за собой массы и сделать партию массовой, а в начале своей деятельности Бургиба «обошел справа» мусульманских консерваторов, чтобы ударить по ним «слева».

Его талант, видимо, крылся не только в том, что он усвоил азбучную истину: «политика, как и дипломатия – ее часть, есть искусство возможного», но и в том, что он проявил умение опираться на разнородные, противоречивые силы и течения. Его обвиняли и в ксенофобии, и в пособничестве фашизму... Однако те факты, которые мы приводили выше, свидетельствующие о тесных отношениях между «néos» и французскими социалистами, не являются случайными пятнами на историческом полотне. Что касается лично Бургибы, то его дружба с представителями французских ле-

⁸¹⁴ Elites, pouvoir et légitimité au Maghreb, Paris, 1973, p. 186-187.



вых, далеко не ровная, но всегда его выручавшая, отнюдь не была конъюнктурной... Правящая партия Туниса традиционно поддерживала тесные связи с Социнтерном и выступила среди основателей Африканского социалистического интернационала (февраль 1981 г.), Бургиба был избран его почетным председателем. И каким бы он ни был на закате своей карьеры, президент Тунисской республики этого заслуживал. Кстати, в 1981 г. президентом Франции стал Миттеран – в прошлом автор одного из проектов предоставления Тунису внутренней автономии, составленного в тот уже очень далекий год, когда во Франции пришел к власти «Господин потребитель» Пино, в Тунисе властвовал Генеральный резидент де Отклок, очень гордившийся своим графским титулом, а Бургиба отбывал ссылку на о-ве Галит. Многие эпизоды этой истории в наши дни читаются по-новому.

И самое последнее, или две реплики актера без грима, чей образ с годами становился все реальнее оригинала. Говорят, что его фамилия, довольно редкая, албанского происхождения; а «бургиба» по-албански означает «пленник, узник арестант». Вполне возможно, хотя это лишь гипотеза; но даже если это так, то отсюда ровно ничего не вытекает. К тому же, потомок безвестного персонажа османской эпохи, бродяги или воина, кажется, был равнодушен к тому, откуда взялись его предки, зная только землю отцов, и не верил приметы, а верил в свою звезду и в то, что она ему подвластна. Осенью 1935 г. он признавался: «Я несчастен, но все еще надеюсь, и всегда буду надеяться, а что меня делает несчастным, так это не ссылка, не изоляция, не болезнь, это – бездействие... Если когда-нибудь отчаяние войдет в мое сердце, оно надорвется, ибо жизнь моя потеряет всякий смысл. Надо всегда себе это говорить»⁸¹⁵. В мае 1953 г. Хабиб Бургиба писал с о-ва Галит: «Вообрази [Масмуди], что с этими весенними штормами, почти непрерывными, я неделями остаюсь без новостей, без писем и газет. Помимо того, что мой “каркас” уже скрипит, я все борюсь, как всегда, против объятий черной клетки, теряя перья, то есть ценой еще нескольких седых волос... После моего падения (со скалы – *M.B.*) и дней болезни, а главное, одиночества, которые подточили мое здоровье, усталость организма... уже видна... и чувствительна. Однако на сей раз еще не

⁸¹⁵ Письмо без даты Махмуду Бургибе, еще находившемуся на свободе (Histoire du mouvement national tunisien. Documents, Le néo-destour face à la première épreuve, 1934-36, Tunis: CDN 1969, p. 145).



конец. Он придет в один прекрасный день, который, увы, уж недалек. И в этот день я приму ее, “старую товарку”, стоя и, как всегда, с лихой отвагой, как настоящий “combattant suprême”».

Пока он взбирался по лестнице, ведущей вверх, его трижды задерживали, и всегда на рассвете – в то время, которому во Франции дали название «час молочника», или в 3:00 то ли ночи, то ли утра, в самое странное время суток, «час быка». Придя к власти, он явно думал, говоря словами автора одной из его любимых книг, что «все надежды и вся сила государства собрались в ту пору в нем одном»⁸¹⁶. Сумрачным утром 7 ноября 1987 г. он покинул историю через маленькую дверь, упустив случай выйти через парадный подъезд, и когда ему предложили освободить президентский дворец, изумленно воскликнул, не поверив, что его роль выучил и собирается сыграть кто-то другой: «Но Карфаген мой!... Президент же я!», а мог бы сказать словами героя «Огней рампы» – артиста, уходящего со сцены: «все слишком любезны со мной, поэтому я и чувствую себя таким одиноким», или «публика, как чудовище без головы, она может повернуть в любую сторону, и никогда не знаешь, в какую».

В четыре часа пополудни 6 апреля 2004 г. в самом центре Парижа, на набережной Кэ д’Орсэ состоялось открытие эспланады имени Хабиба Бургибы: между мостом Инвалидов и мостом Альма. Тем самым столица Франции воздала честь, быть может, не столько главному зодчему Тунисской республики, а тем более – не провинциальному актеру в роли великого диктатора, сколько маленькому человеку, столько раз стучавшемуся в двери министерства на этой набережной... И впервые проникшему за них в один прекрасный день летом 1936 г., онемев от волнения, но с сумасшедшей надеждой, что ему удастся вывести свой народ из рабства, не плутая сорок лет в пустыне. С помощью оружия, которым он лучше всего владел – силой слова.



⁸¹⁶ Имелся в виду консул Марий (*Саллюстий Крисп.* Война с Югуртой // Историки Рима,...с. 138).

Исторические справки и комментарии

№ 30.

Решение о создании партии Истикляль (Независимость) было принято в декабре 1943 г. Ахмедом Балафреджем, вернувшемся в Рабат из Танжера весной того же года, Мухаммедом Лиазиди и рядом других бывших соратников Алляля аль-Фаси и Хасана аль-Ваззани, которые еще отбывали ссылку. Находясь в эйфории под впечатлением от состоявшейся в Касабланке с участием Рузвельта и Черчилля конференции союзников (январь 1943 г.), почетным гостем которой был султан Мухаммед бен Юсеф, националисты понадеялись на перемены, наметившиеся в мире. Они создали комитет, включавший муфтиев, лиц свободных профессий и некоторых деловых людей. Свою петицию за 60-ю без малого подписями, получившую известность как «Манифест Независимости», они подали 11 января 1944 г. султану, а также французским властям и представителям союзных войск. Ссылаясь на то активное участие, которое марокканцы приняли в войне (в ее начале мобилизация марокканцев прошла без проблем, затем их «таборы» участвовали и в Битве за Тунис, в высадке на Корсику и т.д.), авторы Манифеста выдвинули отнюдь не план реформ, которого мог бы ожидать Генеральный резидент, а пожелание установить «демократический режим, сравнимый с теми, что существуют на Ближнем Востоке», и поставили вопрос о «независимости Марокко в его территориальной целостности под эгидой Его Величества» (*Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche...*, p. 514). Мухаммед бен Юсеф, обласканный американцами, которые подчеркивали его вклад в общее дело антигитлеровской коалиции, петицию сначала принял благосклонно, но затем под давлением французов пошел на попятный. 29 января 1944 г. были произведены аресты членов еще и не созданной партии, которые навлекли на себя обвинение в «пособничестве противнику». Стихийные волнения, прокатившиеся по городам и особо бурные в Фесе, где медину, лишённую подачи воды и электричества, блокировали войска, были жестоко подавлены и стоили человеческих жертв. Балафреджа сослали на Корсику, группа активистов из 11 человек больше года содержалась под надзором в Мазагане. Тем не менее, оправившись от удара, Истикляль начала с 1945 г. создавать свои подпольные структуры, а в 1946 г. дождалась возвращения из ссылки Аль-Фаси, который был избран ее



Исторические справки и комментарии



вождем. Условия для ее деятельности резко ухудшились, когда в мае 1947 г. правительство Рамадье назначило на должность Генерального резидента в Марокко генерала Жюэна, не страдавшего излишней либеральностью.

Количество приверженцев Истикляль, которая являлась скорее движением, чем партией, с трудом поддается оценке. Согласно словам Алляля аль-Фаси, не всегда аккуратного с цифрами, к 1947 г. она насчитывала 10-15 тыс. человек. Так называемая Танжерская декларация султана, прозвучавшая 10 апреля того же года, приподняла дух оппозиции. Несмотря на репрессии, к концу 1952 г. количество членов Истикляль, по официальным данным, достигло 80 тыс., из которых 3/4 составляли горожане (*Rézette P. Les partis politiques marocains*, Paris: Colin, 1955, p. 306). Для лиц с постоянным источником дохода был установлен ежемесячный партийный взнос от 100 до 300 франков и выше. Своего рода вмененным налогом в пользу исполкома Истикляль облагались торговцы. Другим источником пополнения партийной казны служили добровольные пожертвования. Партия была запрещена 12 декабря 1952 г. и вновь ушла в подполье.

№ 31.

В испанском г. Альхесирас 16 января 1906 г. состоялась конференция 13 европейских держав, включая царскую Россию. Выработанный итоговый документ признавал независимость Марокко, где в то время скрестились интересы прежде всего Франции и Германии. На деле Альхесирасский договор положил конец тому неустойчивому равновесию в европейском соперничестве за Марокко, при котором «Шерифская империя» сохраняла относительную самостоятельность. Договор ставил владения султана под опеку Испании и Франции, что открыло путь к установлению французского протектората и разделу Марокко. За Фесским договором от 30 марта 1912 г. между двумя правительствами, Французской республики и Его Шерифского Величества, последовал испано-французский договор от 27 ноября того же года, по которому Франция уступила Испании области Риф и Джебалла на севере и анклав Ифни на юге Марокко; город Танжер с окрестностями выделялся в международную зону. Султан сохранил номинальную власть над всей территорией страны, при этом в испанской зоне его представлял «халиф», в данном случае — наместник, при котором было устроено нечто вроде малой копии рабатского правительства.



В интервью газете «Фигаро» от 22-23 июня 1947 г. Абд аль-Крим советовал французам не повторять ошибок, совершенных в Сирии, и начать серьезные переговоры об аннулировании протектората. «Если уйдете как друзья,...вы сохраните все ваши позиции. Но если уйдете в худших условиях, а вы все равно уйдете, то вам ничего не останется». Ориентируясь на подобные высказывания, предназначенные для прессы, Ш.-А. Жюльен пришел к следующему выводу: позиция Абд аль-Крима в каирской эмиграции была намного ближе к той, которую занимал тогда Бургиба, нежели Беллафредж или аль-Ваззани, соответственно, лидеры новообразованных партий Истикляль и Демократической партии за независимость. Автор писал в 1952 г. о бывшем повстанческом вожде: «Он допускал, что Франция сохранит все свои позиции (в Марокко – *М.В.*) или, как он еще говорил, “преференциальный статус”. Это подразумевало более тонкую политику, чем та, которой придерживались его соотечественники» (*Julien Ch.-A. Op. cit.*, p. 551). Иную картину, совсем не соответствующую представлению о расположенности Абд аль-Крима к переговорам с французами, рисует его каирский собеседник и очарованный поклонник – Аззедин Аззуз, нелегальный эмигрант из Туниса (*Azzouze A. L'histoire ne pardonne pas. Tunisie: 1938-1969, Paris: L'Harmattan, Tunis: Dar Ashraf, 1988, p. 133-134, 145*).

Следует предварительно уделить внимание личности этого автора. Бывший активист скаутского движения тридцатых, он в 1945 г. с разрешения властей, поскольку работал переводчиком в полиции, отправился на Всемирный конгресс молодежи в Лондоне и там задержался, неожиданно выступив с яркой антифранцузской речью. Она принесла ему известность. Сначала Аззуз работал мойщиком посуды в сети дешевых ресторанов «*Lyons*», затем – комментатором в арабской редакции на Би-Би-Си, но под угрозой репатриации, которой требовали французы, выехал прямо из Лондона на Ближний Восток и прибыл в Каир как раз вовремя, чтобы попасть на Конгресс Арабского Магриба.

Летом того же 1947 г., получив небольшую денежную субсидию от Хабиба Тамера (казначей Бюро Арабского Магриба), он вместе с пятью друзьями-тунисцами был отправлен на военную подготовку в Сирию, а в декабре 1949 г. имел впервые личную встречу с Абд аль-Кримом, в результате которой сложились их доверительные отношения. Автор мемуаров вспоминает, что после двух с половиной лет, в течение которых он побывал



сирийским солдатом и офицером, успел окончить военную академию, поехать на Голанских высотах в 1948 г. и стать участником первого в Сирии государственного переворота – полковника Хусни аз-Заима (в ночь на 30 марта 1949 г. Северафриканский батальон брал Дамаск), ему, наконец, посчастливилось воочию увидеть своего кумира. С его племянником, эмиром Рашидом аль-Хаттаби, который совсем не знал арабского языка, он сидел в Дамаске кадетом за одной партией и служил ему переводчиком.

В Каире тунисец часто разделял трапезу с многолюдной семьей легендарного героя Рифа. «День за днем он посвящал часы тому, чтобы поведать мне о последовательных этапах своей жизни... Давал уроки своей тактики, своих военных хитростей, благодаря которым ему удавалось разбивать целые армии и брать в плен генералов... Его идеи о современной конъюнктуре в Магрибе и арабском мире полностью отличались от классического мнения лидеров и политиков, как арабских, так и североафриканских... Он постоянно упрекал политиков арабского мира за то, что они жалеют времени и денег на вооруженную борьбу против колониализма. С момента его знаменитого побега в 1947 г. все лидеры – марокканские, алжирские и тунисские, включая Бургибу, согласились создать “Фронт освобождения Арабского Магриба” под руководством эмира Абд аль-Крима с главной целью: подготовки вооруженной борьбы под единым командованием... Ответственные представители партий Истикляль (Марокко), ППА (Алжир) и Дустур (Тунис) единодушно решили выделять 75% своих средств на создание “Армии освобождения Арабского Магриба”. Этот план, всеми одобренный, состоял в том, чтобы готовить и вести одновременную борьбу в трех странах Магриба, заставить врага распылить свои силы по всей североафриканской территории, ведь Франция в то время была глубоко втянута в войну в Индокитае. И прискорбно, что этот план остался на бумаге, ибо все лидеры его немедленно забыли,...едва успели подписать». Новая надежда у таких людей, как Аззедин Аззуз, настроенных на вооруженные действия, вспыхнула в 1951 г., когда в Каире вновь обсуждался с участием Бургибы вариант формирования трех отдельных армий освобождения, которые действовали бы, каждая, под собственным командованием, но при общем генштабе. Он временно должен был размещаться в Каире и опять же под началом Абд аль-Крима. Этот новый план растворился в воздухе, не попав и на бумагу. Со своей стороны, Аззуз напрасно хлопотал перед Абд аль-



ны, Аззуз напрасно хлопотал перед Абд аль-Кримом, чтобы тот принял Бургибу, к которому эмир уже не питал никакого доверия...

Стоит сказать несколько слов о дальнейших приключениях Аззуза. Потерпев фиаско в своей посреднической миссии (между Бургибой и эмиром), он отправился на потайную партизанскую базу тунисцев в ливийский Триполи, которая к его вяшему разочарованию обернулась «базой интриг». Нашел место в американской нефтяной компании, работавшей в Ливии, но пожертвовал открывшейся перед ним благополучной карьерой и якобы выступил инициатором совещания североафриканских офицеров в Каире. Она проходила с 21 по 30 декабря 1952 г. и собрала всех, кого можно было отыскать в египетской столице. Здесь же и тогда Аззуз был произведен Абд аль-Кримом в капитаны «Армии освобождения Арабского Магриба». (В книге А. Аззуза приведены текст этого приказа от 23 декабря и копия письма эмира к сирийскому главноверху – полковнику Адибу Шишкели с просьбой считать давно исчезнувшего из виду лейтенанта «в бессрочной командировке»). Затем он снова посещал Каир, где в начале 1954 г. сблизился с Бен Беллой, встречался с ним в Триполи и собирался воевать в Алжире. Имел несколько фальшивых паспортов, ездил учиться на геолога в США, это показалось ему скучным, завел в Америке свой мелкий бизнес, временами сидел безработным и т.д.

После достижения Тунисом независимости в 1956 г. ветеран движения «Мусульманских скаутов» и бывший сирийский офицер рассчитывал стать главнокомандующим тунисской армии, но обманулся, не встретив ни признательности правительства Бургибы, ни верности бывших товарищей по оружию. Согласно его рассказу, он купил виллу в пригороде столицы, погрузился в семейное счастье, избегая старых друзей, и вложил все личные накопления в проект создания немецко-тунисской фирмы по производству косметики. 25 декабря 1962 г. был арестован и провел некоторое время в тюрьме по ложному навету, что он – участник, если не дирижер антигосударственного заговора. (Предполагаемое покушение на жизнь президента). Выйдя из тюрьмы, возглавил филиал пищевой компании «STIL», крупнейшего государственного предприятия по выпуску молочных продуктов, и в этом качестве занимался производством мороженого. Позже вновь занялся частным бизнесом, открыв первую в Тунисе контору, специализирующуюся на «public relations», и прятал от чужих глаз свои мемуары, которые увидели свет после отставки Бурги-



бы. Как сообщается издателем мемуаров Аззуза, их автор – непризнанный герой забытого «Тунисского Сопrotивления» был тихо похоронен в 1983 г. под национальным флагом, послужившим ему саваном (См.: Ibid., p. 12, 169, 180, 203-216).

№ 33.

После введения Органического статуса Алжира, который был в лучшем случае «квазиконституцией», но расширил избирательные права алжирцев, уверенную победу на муниципальных выборах (по «мусульманской» курии) в октябре в 1947 г. одержала партия-коалиция МЛТД, все следующие выборы в Алжире бессовестно фальсифицировались. Тем не менее, многие европейцы, обеспокоенные новым порядком вещей, равно как и тлевшим под пеплом восстания 8 мая 1945 г. мусульманским терроризмом, стали подумывать об отъезде в метрополию или запастись оружием и укреплять свои фермы (*Julien Ch.-A. Op. cit.*, p. 483). О дальнейшем развитии ситуации в Алжире, где с губернаторства М.-Э. Нежлена – «социалиста националистического склада», сменившего в феврале 1948 г. более либерального генерал-губернатора (Ива Шатиньо), установилась «диктатура ста сеньоров», подробнее см.: *Ланда Р.Г.* «Кризис колониального режима ...», с. 141-160.

Что касается Марокко, то в этой стране разыгрывались события, связанные с особой султана, достойные шекспировского пера. Их общий ход достаточно хорошо известен, добавим лишь некоторые детали. В послевоенные годы наметилось сближение Мухаммеда V с националистами, к чему он, собственно, стремился еще со времени высадки американских войск и конференции союзников в Касабланке 14-24 января 1943 г., чаще именуемой конференцией в Анфе (название старой крепости и респектабельного предместья, где проходили встречи). На ней султан почувствовал себя, если не равноправным, то уважаемым участником. К тому же он имел отдельную встречу с Рузвельтом, устроенную через голову французов. Однако ровно через год, когда произошли волнения в марокканских городах, ему пришлось отмежеваться от националистов и спрятать свои амбиции.

Закончилась война, и некоторые посулы генерала де Голля подали новые надежды. «Идея суверенитета, – размышлял он, – совмещается в Марокканской империи и Тунисском регентстве с государем» (*de Gaulle Ch. Mémoires de guerre. Le Salut, Paris: Plon, 1959, p. 224*). Поэтому глава



Временного правительства решил иметь дело напрямую с каждым, начиная с султана, которого пригласил в Париж, наградив его 18 июня 1945 г. орденом Крест Освобождения и обставив поездку первого иностранного кавалера этого ордена как государственный визит. Насыщенную программу поездки, включавшей присутствие Мухаммеда бен Юсефа на парадах и прочих торжествах, увенчало его посещение доблестных марокканских войск в составе союзных частей, расквартированных в Германии.

В беседе, состоявшейся между султаном и главой Временного правительства гость подчеркнул, что протекторат «обеспечил моей стране порядок, соблюдение законности и основы процветания... Но этот режим был принят моими дядей Мулай Хафизом и отцом Мулай Юсефом, а ныне и мною воспринимается как переходный между старым Марокко и современным свободным государством... Я думаю, что настал момент для прохождения этапа к достижению этой цели». Де Голль согласился, однако просил повременить до принятия конституции Четвертой республики и обещал, что лично займется этим вопросом в том случае, естественно, если останется при исполнении своих обязанностей. И не забыл вставить: «Что касается Анфы, то президент Рузвельт разрисовал Вашему Величеству чучело немедленной независимости, но что же он вам предложил при этом, кроме своих долларов и места в собственной клиентеле?» Тут пришлось султану согласиться: «Это правда, ... прогресс моей страны должен быть обеспечен с помощью Франции» (Ibid., p. 224-225). Нечто конкретное в том разговоре было достигнуто лишь по вопросу о Танжере, которому возвращался международный статус, ликвидированный в одностороннем порядке Испанией в 1940 г. На том и разошлись.

Весьма сомнительно, что, «если бы де Голль остался у власти, то Марокко с учетом его вклада в победу союзников во Второй мировой войне, добилось бы независимости намного раньше» (Сергеев М.С. История Марокко. XX век. М.: ИВ РАН, 2001, с. 122). Но у марокканцев подобное впечатление, видимо, сложилось. Во всяком случае, они в штыки встретили назначение 5 марта 1946 г. на должность Генерального резидента Орио Лабонна, который открыл двери тюрем, вернул из ссылки всех крупных националистов, легализовал профсоюзную деятельность и предложил план реформ. В экономической части этот план предусматривал укрепление интересов марокканского государства в промышленно-инвестиционных компаниях, создание смешанных предприятий с французским и частным ма-



рокканским капиталом, программу помощи местным крестьянам для освоения пустующих земель, в политической – некоторое расширение участия местных кадров в отправлении административной власти. Предложения Лабонна о реформах по формуле «совместного суверенитета» националистами были восприняты негативно, заодно они отвергли весь план реформ, включая программу ликвидации неграмотности. 26 июля А. Балафредж от имени партии Истикляль направил султану протест, в котором подчеркивалось, что резидент намерен «консолидировать основы колониальной политики». Столь же отрицательную реакцию этот план встретил у колонистов, которые решением своих промышленной и сельскохозяйственной палат объявили бойкот Генеральному резиденту. Владыка отказывался подписывать его указы и был в этом тверд.

Однако султану дорого обошлась дерзкая речь, произнесенная им в апреле 1947 г. при посещении Танжера, где Мухаммед бен Юсеф заявил о праве марокканского народа на свободу, суверенитет и единство страны. При этом он много говорил о значении ЛАГ, но опустил заключительную фразу выступления, согласованную с Генеральным резидентом, где расточались бы комплименты в адрес метрополии. За эту оплошность Э. Лабонн, не уследивший за своим подопечным, 14 мая 1947 г. был отозван (Brignon J., Amine A., Boutaleb B. etc. Histoire du Maroc..., p. 400). Несомненно, Конгресс Арабского Магриба, состоявшийся в феврале в Каире, придал смелости султану, хотя его историки-апологеты, возможно, не без основания уверяли впоследствии, что «Танжерская декларация» явилась демонстрацией патриотизма, присущего Мухаммеду V с момента его вступления на престол.

В ответ французы приняли срочные меры, в Марокко был направлен генерал Жюэн, хорошо знавший быт и нравы этой страны. При нем началась «война между Дворцом и Резиденцией»... Оружием Мухаммеда бен Юсефа становится так называемая забастовка печати: отказ штамповать указы Генерального резидента. Оба пылали ненавистью друг к другу. Правда, до 1950 г. включительно султан и генерал еще «играла в кошки-мышки». Это – слова Жака Дюмэна, шефа протокола французского МИДа. Он записал 5 октября 1950 г. в своем дневнике (по поводу официального визита султана в Париж), мол, Генеральный Резидент в разговоре с президентом Ориолем ставит одни дилеммы. «Или взять или потерять; принимать мою программу, а не то – мое вам почтение; выбирайте между сул-



таном и мной». Причина такой грубости, продолжал автор дневника, в происхождении генерала Жюэна, «из простых военных, он никогда не обладал настоящей культурой, он давит своими аргументами и забрасывает ими своего собеседника, принуждая его замолчать. К тому же, поддаваясь профессиональному рефлексу, он презирает гражданских, тогда как вел себя послушным мальчиком с генералом де Голлем...» (*Dumaine J. Quand d'Orsai 1954-1951, Paris: Julliard, 1955, p. 528*).

Запись в дневнике 15 октября, после официальной беседы с делегацией, во время которой Мухаммед бен Юсеф был мрачен и холоден: «Министры подивились, услышав, что Султан предлагает разумные реформы, которые на внешний вид не предусматривают резких изменений в режиме протектората (о котором, правда, не прозвучало ни слова)». Далее автор задает себе вопрос: «не хитрит ли он с нами? Вполне возможно, ибо сейчас избегает затрагивать существо проблемы, ограничиваясь персональным вопросом. Он хочет добиться замены Генерального резидента и для этого протягивает руку в бархатной перчатке, как бы вздыхая: "Посмотрите, как легко добиться взаимопонимания, если говорить со мной по хорошему". Но правительство Франции не поднесет ему голову генерала Жюэна на серебряном блюде». Наконец, султан удалился для молитвы, и французы из Рабата принялись рассказывать местные анекдоты, «выдававшие их эндемическое презрение к марокканцам. Я почувствовал себя...невольно разделяющим тревоги махзена» (*Ibid.*, p. 529). «Махзен» — марокканское правительство. Шеф протокола еще не знал, что сравнительно скоро «грубияну» пожертвуют голову султана.

Соль проблемы была, однако, отнюдь не в личных качествах непосредственных участников двусмысленных переговоров. Дело в том, что Марокко, в отличие от Туниса, с момента окончания войны находилось в состоянии экономического бума. Это — самая богатая страна Магриба по запасам минеральных ресурсов. Кроме нефти (которой здесь практически нет); но и в Алжире углеводородное сырье тогда еще не добывалось; велась только геологическая разведка. Зато по уникальным запасам фосфоритов Марокко — как кладовую мира — можно сравнить с Персидским заливом, его «нефтяной бочкой». Большой интерес представляли также залежи марганцевых и кобальтовых руд, используемых в производстве легированной стали. Поэтому, несмотря на то, что Марокко подвержено примерно таким же, что Алжир и Тунис, естественным ритмам колебания



климата, а следовательно, циклическим засухам, эта страна в экономическом смысле представляла собой, как ни банально следующее выражение, жемчужину в короне французской колониальной империи.

«В 1945-1947 годах, — пишет Александр Верт, — видные представители французских деловых кругов, боявшиеся как французского, так и русского коммунизма, были склонны смотреть на Марокко как на тихую пристань для частных инвестиций. Начался значительный приток в Марокко французских и иностранных капиталовложений, и много французов приехали в эти годы в Марокко в надежде на скорое обогащение. Отсюда среди прочих явлений "чудо" Касабланки, которая в 1953 году уже имела население свыше 700 тысяч человек, обладала прекрасными парками и общественными зданиями... а также десятками небоскребов, деловыми кварталами и обширными кварталами роскошных особняков (стоивших дороже, чем особняки на Елисейских полях в Париже), отражавших новый этап развития города. Огромное строительство в Касабланке — этом капиталистическом Эльдорадо в его чистейшей форме, — открытие многочисленных фабрик, развитие горного дела в Восточном Марокко и т.д. — все это вызвало большой спрос на дешевую рабочую силу. Сотни тысяч марокканцев, гонимых в Касабланку голодом, а частично притягиваемых блеском этого огромного нового города, жили там в 1952-1953 годах в условиях ужасной нищеты; причем большая их часть ютилась в «бидонвилях», то есть в лачугах, построенных из старых жестяных банок (отсюда их название) и обломков досок и гофрированного железа» (*Верт А. Франция 1940-1955, М: Изд-во Иностранной литературы, 1959, с. 507*).

Действительно, «Белый дом» — что означают оба названия этого города, европейское и арабское (*Дар аль-Бейда*), оказался в окружении немислимых трущоб; именно из Касабланки и пошло само слово «бидонвиль», употребляемое наряду с латиноамериканским «фавелла». В 1952 г. экономическая столица Марокко концентрировала 32% его городского населения (*Amir S. L'Economie du Maghreb, Paris: Ed. de Minuit, 1966, p. 30*). Не случайно партия Истикляль смогла значительно расширить свою социальную базу, как в деревне, так и в городе, а, начиная с 1950 г. сместился географический полюс политической жизни страны: «Кассабланка все больше и больше заменяла Фес как нервный центр марокканского национализма, и улица вместо мечети становится ареной народных манифестаций» (*Brignon J., Amine A., Boutaleb B. etc. Op. cit., p. 397*). Одна из таких



прошла в Касабланке как раз накануне визита султана в Париж, описанного в дневнике Дюэнэ.

Между тем ни кто иной, как Жюэн (и на этот счет ни у кого уж постфактум не было сомнений) подготовлял план свержения марокканского правителя. Началось с того, что 26 января 1951 г. Генеральный резидент явился в султанский дворец, потребовав удаления визирей, имевших репутацию лиц, сочувствовавших националистам. Но этим не ограничился – потребовал, чтобы султан публично отрекся от партии Истикляль и дал ему время на раздумье, а сам уехал с военной миссией в Нью-Йорк. Через месяц организовал знаменитый марш племен на Рабат. Султан сдался и разрешил своему премьер-министру публично выступить с осуждением методов «запугивания и обструкции», к которым прибегает «некая партия». (Имелась в виду, Истикляль, немедленно подвергнутая репрессиям).

Это было еще первым шагом к низложению султана руками так называемых энергичных людей Марокко (противопоставлявших себя «старой и усталой Франции»). Они вели интригу с горским вождем Тхами аль-Глави – хозяином Высокого Атласа и пашой Марракеша, который недолюбливал центральную власть и давно оказывал услуги французам. В начале осени 1951 г. Жюэн покинул Марокко, где оставил вместо себя подобранного им же Генерального резидента, А. Гийома, специалиста по берберской проблеме и «старого марокканца», который сразу заявил: «Они будут у меня землей!». (Выпускник Сен-Сира, генерал Гийом долго служил в Марокко, в 1940 г. готовил марокканские таборы к участию в войне, в 1943-1944 гг. сражался в Италии и во Франции, в 1945-1948 гг. был военным атташе в Москве, автор книг «Усмирение Атласа», «Марокканские берберы» и др.).

Наступила пауза, длившаяся в течение года. Однако 8 декабря 1952 г. вновь забурила Касабланка, на сей раз это была многотысячная антифранцузская демонстрация, спровоцированная убийством Фархата Хашеда в Тунисе. Четверых попавшихся под руку европейцев толпа растерзала на месте, среди демонстрантов было много жертв. Власти подозревали, что наряду с профсоюзами, желавшими выразить свою скорбь по поводу событий в Тунисе и солидарность с ВТСТ, подстрекательницей волнений была партия Истикляль, исподволь поощряемая султаном. В этой связи ее и запретили.

План государственного переворота окончательно созрел в апреле 1953 г., когда собрание шейхов религиозных братств, за спиной которых стоял аль-Глави, обвинило султана в измене принципам ислама. В мае на



помощь заговорщикам прибыл маршал Жюэн, который в это время являлся командующим сухопутными войсками НАТО в центральной зоне Европы. Сначала он лично вел переговоры с аль-Глави в Париже, который был там проездом на пути из Лондона с коронации Елизаветы II. Затем и сам появился в Марокко, представ перед берберскими вождями в своем новом воинском звании. Для большего впечатления была разыграна сцена со вручением ему маршальского жезла Гийомом. В результате родилась петиция за подписью 287 шейхов, на основании которой Мухаммед V лишился титула «повелитель правоверных». В Марракеше вожди провозгласили *иман* (верность) его дяде Мухаммеду Бен Арафе. Персональное положение водворившегося в султанском дворце безропотного старца было щекотливым, так как он получил религиозную инвеституру, но не собственно государственные полномочия, как светского правителя. В этом вопросе осталась неопределенность. Министр иностранных дел Жорж Бидо нервничал и звонил Гийому с просьбой «унять аль-Глави». Тем не менее, Мухаммеда V вместе с наследником, которому он запретил однажды мысль о покушении на жизнь Жюэнэ, со всей остальной семьей и гаремом из 29 жен отправили на Корсику, а затем на Мадагаскар, где они заняли флигель гостиницы в Антананариву (См.: *Ganiage J. Op. cit.*, 541-542; *Lugan B. Histoire du Maroc*, Paris: Criterion, 1992, p. 266-271; *Hassan II. The Challenge. The Memoirs of King Hassan II of Morocco*, London: Macmillan, 1978, p. 39-49).

№ 34.

Приведем в подтверждение этого тезиса только одну иллюстрацию. Парламентские слушания 1949 г. о военных расходах, разорительных для страны, где индекс промышленного производства был выше, чем в 1938 г., но ниже, чем в 1929 г., вылился в острые дебаты. По итогам следующего года он был нулевым. (*Беттельхейм Ш. Экономика Франции*, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1953, с. Указ. соч., с. 302-303). Между тем известный французский ежегодник, выходивший с подзаголовком «Обзор важнейших событий в политической и социально-экономической сфере», поместил в конце своего выпуска за 1949 г. анализ промежуточных результатов осуществления так называемого плана Монно, рассчитанного на шесть лет (1946-1952 гг.) и предполагавшего обеспечить к концу этого периода увеличение объема внутреннего производства на 25% по



сравнению с довоенным 1938 г., а также привести в равновесие баланс внешней торговли. Его официальное название: «Plan de modernisation et d'équipement». Он был введен в действие декретом от 3 января 1946 г. и для надзора за его выполнением был создан особый Совет при правительстве республики во главе с автором идеи – Жаном Монне. Однако к активной реализации «плана Монне» приступили лишь с 1947 г., после того как вышеуказанный совет 7 января этого года собрался под председательством премьер-министра Леона Блюма.

1 марта 1948 г. был обнародован аналогичный план для заморских территорий (Французская Западная Африка, Того, Мадагаскар, Коморские о-ва, Новая Каледония и др.). По сути это был план государственного «интервенционизма», нацеленный на модернизацию и переоборудование хозяйства, который осуществлялся с американской финансовой помощью. Более того, это был план догоняющего развития. Авторы обзора отмечали, что за период между 1900 и 1913 г. национальный доход Франции возрос на 37,7%, однако в 1939 г., после преодоления последствий мирового экономического кризиса, он находился все на том же уровне, что и в 1913 г. При этом в самый тяжелый год всего периода кризиса (1934 г.) французский доход на душу населения был в два раза ниже, чем в Англии или в Австралии, а также на четверть уступал немецкому или шведскому. Теперь же, к началу 1950 г., план Монне был уже в середине срока своей реализации, осуществлены крупные инвестиции, хотя они составляли меньше половины от запланированных на первые три года показателей: 1 000 трлн. вместо 2 250 трлн. ст. франков.

В отношении Индокитая авторы обзора отмечали, что ни о какой модернизации в трех ассоциированных государствах (Вьетнам, Камбоджа и Лаос) пока говорить не приходится. Однако если удастся «быстрое умиротворение» в этом регионе, планировалось развернуть в Индокитае с 1950 г. дорожное строительство за счет целевых кредитов. Что касается территорий Северной Африки, то применительно к ней выдвигалось несколько задач. Первая: развитие ее сельскохозяйственных ресурсов, остро необходимое для самообеспечения продовольствием. Ежегодное превышение рождаемости над смертностью в целом по региону составляет 400 тыс. человек, констатировали авторы, местное население возросло с 15 млн. в 1936 г. до 19 млн. в 1946 г. «Северная Африка – экспортер зерна до войны, теперь вынуждена ввозить его из метрополии». Следующая задача: вовлечь Северную Африку в процесс ин-



дустриализации. «Избыточное население должно найти рабочие места и средства к существованию в перерабатывающей промышленности, использующей сельскохозяйственное сырье и богатые минеральные ресурсы этой страны. Кроме того, в интересах безопасности Франции, как и самой Северной Африки, совершенно необходимо, чтобы последняя обладала достаточно развитой промышленной базой для поддержания современных вооруженных сил. Во время последней войны Великобритания имела свой арсенал в Канаде. Франция должна иметь свой в Северной Африке. Не доходя до того, чтобы сделать из Атласских гор “маленький Урал”, необходимо и возможно разместить в Алжире, Тунисе и Марокко предприятия механического комплекса, которые в мирное время будут работать на нужды освоения этого региона и смогут сыграть капитальную роль и в деле обеспечения его обороны в военное время. Наконец, Северная Африка сможет внести свою лепту в улучшение баланса счетов всего Французского союза. Обеспечить развитием своего экспорта приток иностранной валюты... Таковы ожидаемые результаты развития производительных сил Северной Африки». Посвященный этому региону раздел аналитического доклада заканчивался ремаркой: «Усилия по модернизации и оснащению осуществляются по соответствующим отдельным планам, предусмотренным для каждой территории... План для Марокко, безусловно, наиболее смелый и полно разработанный» (L'Année politique 1949, Paris: Editions du grand siècle, 1950, p. 235-237, 245-247, 291-292, 296). Как видно, военностратегическое значение Северной Африки, с опорой на которую Франция и смогла подняться после своего поражения, ставилось на первое место. Разумеется, эта оценка, сделанная в начале 1950 г., отражает ситуацию, сложившуюся на тот момент. Позже вступили в действие и другие факторы, в том числе нефть, открытая в Алжире, когда повстанческая война здесь шла в полном разгаре, значение Сахары как полигона для испытания атомного оружия.

№ 35.

Неграмотные феллага не писали мемуаров. Но за последнее время тунисские ученые собрали немало устных свидетельств, опрашивая стариков, записывая их рассказы на пленку и анализируя полученные данные, касающиеся разных этапов развития национального движения. Сравнительно недавно были опубликованы такие данные, собранные, в городке Эль-Хамма под Габесом и в окрестных селениях. Из этого района вышли два известных полевых командира Тахар Ласауед и Сасси Ласауед, между



собой – дальняя родня. Какие новые детали их деятельности сообщают устные источники информации? Предварительно надо сказать, что для населения здешних мест, хотя и оседлого, еще в недавнем прошлом характерны были общинно-племенные связи разной степени прочности.

Многие из респондентов оказались потомками «шахидов», павших в 1881 г. (во время восстания, вспыхнувшего после заключения Бардоского договора), но смутно о них помнили и столь же смутно представляли себе события той эпохи. А книг о ней не читали. До школьной реформы 1958 г., закрывшей куттабы и медресе, эти учебные заведения служили главным очагом просвещения в южном Тунисе, уровень образования жителей которого был ниже среднего по стране. В 1902 г. франко-арабская школа в Эль-Хамме закрылась, так как мусульмане стыдились посылать туда своих детей, вторая такая школа была открыта в 1925 г., но тоже не пользовалась популярностью. Вместе с тем, миграция в Тунис-столицу из этой местности старая, она взяла начало задолго до экономического кризиса тридцатых. Поэтому многие здешние жители, подобно своим соседям в расположенном севернее городке Эль-Матвия или в деревне Ганнуш, тяготеющей к оазису Эль-Хамма, имели родственников в столице либо сами там жила подолгу и считались у себя на родине *балъди*, хотя истинные *балъди* почитали их за чернь. Кстати, примером такого рода «столичной косточки» являлись в свое время Мухаммед Али аль-Хамми и Тахар аль-Хаддад; оба знаменитых друга, первый из которых родился в Эль-Хамме, а второй в семье его земляков, осевших в столице, принадлежали к племени (патронимии) *бени-зид*. Об этих степняках, «привязанных к оазису Эль-Хамма близ Габеса и пасущих свои стада между Джебель Тебага и Эль-Феджаджем», то есть в полоске между невысокой горной грядой и восточным рукавом солончаковой впадины Шотт-Джерид, этнографы писали в 1950 г. как о давно «потерявших свой воинственный пыл» (Bercher L., Brounschvig R., Cardoso A., Despois J., etc. Op. cit., p. 146).

Вопреки этой характеристике, конечно, имевшей в виду тип мирный хозяйственной деятельности бывших бедуинов, некогда грабивших торговые караваны на пути из Гадамеса в Джерид и воевавших с конкурентами за этот источник существования, а ныне – пастухов, накрепко привязанных к маленькому оазису в 30 км от моря, где благодаря отсутствию дождей вызревает финиковая пальма, население данной области демонстрировало боевой дух, то ли унаследованный от бродячих предков, то ли



подогретый агитацией их земляков, регулярно «кочевавших» между оазисом и Тунисом-столицей.

Большинство «ученых мужей» среди постоянных обитателей Эль-Хаммы и ее окрестностей окончили несколько классов аз-Зейтуны. Они-то и содействовали в тридцатых распространению национального движения в южных районах страны, а в пятидесятых – развитию герильи. В 1936 г. «зейтуновцы» Тайеб Бельгасен и слепой шейх Абдеррахман основали в местах проживания *бени-зид* первую неустуровскую ячейку, она состояла из неграмотных и называлась «ячейкой батуна» по имени дерева, под которым они собирались. Патриотическая пропаганда сводилась к двум простейшим лозунгам: «вы бедны, потому что французы все забрали» и «надо вести джихад». Некоторые бывшие активисты национального движения (опрос проводился в начале девяностых) признавались, что совершенно не понимали суть раскола дустуровской партии на старую и новую, один респондент был убежден, что Дустур основали вместе шейх Таальби и Бургиба; другой рассказал, что однажды, в начале 1952 г., принимал участие в демонстрации, выкрикивая слова «Освобождение!» (*тахрир*) и «Парламент!» (*барляман*), первое ему было понятно, второе звучало как таинственное заклинание.

Во время второй мировой войны и после нее многие *хамма* из Туниса-столицы вернулись домой, некоторые поселились в Сфаксе, Габесе либо эмигрировали в Триполи. Образовалась своего рода мятежная зона в треугольнике Габес – Эль-Хамма – Матмата, лучи от которой протянулись к деревушкам-дуарам на дорогах, ведущих в горные ущелья, или, наоборот, через солончаковые низины в Ливию. Судя по рассказам ветеранов, Тайеб Бельгасем и Тахар Ласауед (член Нового Дустура со времени его основания) еще в 1946 г. имели мысль организовать на юге Туниса партизанский отряд, позже здесь появились демобилизованные сержанты-тунисцы из Индокитая, но все заглохло. И лишь узнав о «Ноте 15 декабря» 1951 г., они создали ассоциацию «Железа и огня». Партия никаких указаний им не давала. Сначала их было 6 человек, а к февралю 1952 г. – 40. Именно тогда они совершили первую вооруженную вылазку, объектом нападения явилась казарма в Сиди Бульбаба под Габесом.

Ассоциация, возглавленная Т. Ласауедом и Т. Бельгасемом (оба они дали интервью в 1993 г.), заменила собой партизачеку. За каждым феллага стояли 1 или 2 помощника, которые осуществляли связь с партизан-



ским лагерем, добывали оружие и пищу, им было хуже, чем феллага, которые могли коллективно защищаться. Некоторые пойманные «помощники» были тут же повешены, закопаны живыми в землю. Зато феллага, имея агентов среди тунисцев-спахи, получали предупреждения о планах противника, и совершавшие карательную экспедицию французы находили гору «пустой». Первый контакт с партией боевики имели в конце 1953 г., получив от Ахмеда Мстири (будущий министр, одно время посол в Москве) некую сумму денег. Самостийные участники ассоциации «Железа и огня» вдохновлялись сказаниями о дедовских подвигах. Зачастую отдельные партизанские отряды состояли из двоюродных-троюродных братьев.

Битва при Джебель Идуль в середине 1953 г. стала легендарным подвигом Тахара Ласауеда: против 12 человек была применена авиация. После этого командир покидает свой район и уходит на север. Опрошеные старики объясняли это тем, что бойцов стало слишком много, трудно их стало прокормить в бедном и засушливом крае, мол, поэтому и группа Сасси Ласауеда тоже ушла. В действительности (это уже добавляют от себя организаторы опроса) оба однофамильца – Тахар и Сасси принадлежали к разным ветвям *бени-зид*, между ними вышла ссора, но в конечном счете вслед за первым отрядом и второй двинулся на север, где они столкнулись. (Записи бесед со старейшинами Эль-Хаммы см.: *Mansar A. Les Hmamma et les Béni Zid dans la guerre de libération nationale d'après les sources orales // Actes du Colloque international sur la résistance armée en Tunisie aux XIX-e et XX-e siècles, Tunis: ISHMN, 1997, p. 91-119*). Таким образом, материалы устных источников подтверждают тот факт, что добрая половина Тунисской армии освобождения состояла из самоорганизовавшихся отрядов, а также свидетельствуют, что причиной разлада между двумя полевыми командирами, выходцами из *бени-зид*, стала личная неприязнь, помноженная на родовую вражду. Тахар не сдал оружие в декабре 1954 г., Сасси принял амнистию и позже организовал отряды безопасности Нового Дустура. Оба Ласауеда воевали друг с другом во время так называемого юсефистского кризиса, расколовшего «*néos*» осенью 1955 г. Один выступал на стороне Бен Юсефа, другой – Бургибы. Что касается третьего из партизанских главварей, Лазхара Шраити, то он был уроженцем оазиса Гафса. Волонтером оказался на Палестинской войне 1948 г., во время которой лейтенант Аззедин Аззуз сформировал на Голанских высотах вспомогательный тунисский отряд. Членам этого отряда, пишет Аззуз: «я дал приказ вернуться в



Тунис, чтобы готовить командос «Тунисского сопротивления» против иноземных колонизаторов. Во время этой революции в Тунисе Лазхар приобрел большой авторитет в районе Гафсы... Он неплохо применял военную науку, которую я ему преподавал, и поэтому стал крупной фигурой в сопротивлении». Однако, «неграмотный и некультурный» Лазхар Шраити, по словам его бывшего шефа, соблазнился материальными благами, которыми его вознаградило сформированное в апреле 1956 г. правительство Бургибы. Он получил ферму, транспортные лицензии и жил королем в бейском дворце Хаммам-Лифа (*Azzouz A. Op. cit., p. 221*).



Список основных источников и литературы

Сборники документов, статьи и речи, корреспонденция политических деятелей

- Ближневосточный конфликт, 1947-1956. Документы (под ред. В.В. Наумкина), М.: Изд-во Материк, 2003.
- Bourguiba H.* Introduction à l'Histoire de Mouvement National. Conférence prononcée à l'École Destourienne des Cadres de la Nation, le 7 Décembre 1962 [Tunis, 1962].
- Bourguiba H.* La leçon de trente années de lutte. Discours prononcé le dimanche 1-er mars 1964 à Ksar Hellal, Tunis: Secrétariat d'Etat aux Affaires Culturelles et à l'Orientation, 1964.
- Bourguiba H.* Une impératif pour la nation: La reforme des structures, Tunis: Publ. du Secrétariat d'Etat aux Affaires Culturelle et à l'Information, 1968.
- Bourguiba H.* Ma vie. Mon œuvre. Mon combat, Tunis: Dar el Amal, 1985.
- Bourguiba H.* Ma vie, mon œuvre, 1938-1943, Textes réunis et commentés par M. Sayah, Paris: Plon, 1986.
- Bourguiba H.* La Tunisie et la France. Vingt-cinq ans de lutte pour une coopération libre, Paris: Julliard, 1954.
- Cambon P.* Correspondance 1870-1924, Paris: Grasset, 1940.
- Нéo-Destour. Tunisie. Les congrès du Нео-Destour. Tunis: Secrétariat d'Etat à l'information, 1959.
- Histoire du mouvement national tunisien. 9 avril 1938. Le «procès» Bourguiba. Documents inédits. Interrogatoires et dépositions, Tunis: CDN, 1967.
- Histoire du mouvement national tunisien. Documents. Le néо-destour face à la première épreuve, 1934-36, Tunis: CDN, 1969.
- Histoire du mouvement national tunisien. Le Нео-Destour et le Front Populaire en France. Vol. I., Le Dialogue (Documents III), Tunis: CDN, 1969.
- Histoire du mouvement national. Le Нео-Destour face à la deuxième épreuve 1938-1943, Tunis: CDN, 1970.
- Histoire du mouvement national tunisien. Le Нео-Destour face à la troisième épreuve, 1952-1956, 3 tomes, Textes réunis et commentés par Mohamed Sayah, Tunis: Dar-el-Ammal, 1979.
- Histoire du mouvement national tunisien. Le nouvel Etat aux prises avec le

Список основных источников и литературы

- complot youssefiste, 1956-1958, Textes réunis et commentés par Mohamed Sayah, 3 tomes, Tunis: Dar-el-Ammal, 1982-1983.
- Histoire du mouvement national tunisien (Documents X), Pour préparer la troisième épreuve. Le Neo-Déstour brise le silence 1944/49. Textes réunis et commentés par Mohamed Sayah, Tunis: CDN, 1972.
- Histoire du mouvement national tunisien (Documents XII), Pour préparer la troisième épreuve. Le Neo-Destour engage un ultime dialogue, 1950-1951, Textes réunis et commentés par Mohamed Sayah. Tunis: CDN, 1974.
- Khaled A.* Documents secrets du 2-ème bureau. Tunisie-Maghreb dans la conjoncture de pré-guerre 1937-1940. Tunis: Société Tunisienne de diffusion (STD), 1983.
- Ladgham B.* Correspondance 1952-1955. Les années décisives, Tunis: Cérès Prod., 1990.
- Mendès-France P.* Gouverner c'est choisir, Paris: Juillard, 1953.
- Mendès-France P.* Oeuvres complètes, Tome III, Paris: Gaillimard, 1986.
- Le mouvement réformiste en Tunisie 1815-1920, Tunis: Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National (ISHMN), 1994.
- Nouira H.* Le Нео-Destour, ses caractéristiques psychologiques et politiques, «Politique Etrangère», № 3, juin-juillet 1954, p. 317-334.
- Le Pacte National. 7 Novembre 1988, Tunis: Agence Tunisienne de Communication Extérieure, 1993.
- Partie Socialiste Destourien 7-e congés, Bizerte 19-20 oct. 1964, Tunis: Société d'Action d'Edition, 1965.
- La Tunisie martyre. Ses revendications, Paris: Jouve et Cie., 1920.
- «Watha'iq», Université de Tunis, ISHMN (Периодическое издание факсимильных копий архивных документов).
- Бургиба Х. *Хайатуху ва джихадуху* [Его жизнь и борьба], *Тунис: аль-матбаа ар-расмийа*, 1966.
- Му'тамар Каср Хилляль 2 марис 1934.* *Тунис: аль-ма'хад аль-'али ли тарих аль-харака аль-ватанийя*, [Съезд в Ксар-Хелляле 2 марта 1934, Тунис, Высший институт истории национального движения], 1994.
- Аль-хизб аль-хурр ад-дустурий ат-тунисий.* *Аль-му'атамар аль-ватаний би-сфакс мин 15 иля 19 нуфембер 1955, аш-шара' ат-тунисийа ли фунун ар-расм.* [Тунисская либерально-конституционная партия. Национальный конгресс в Сфаксе, 15-19 ноября 1955, Изд-во Тунисского общества изобразительных искусств].

Список основных источников и литературы

Риджалъ ад-дин ва аль-харака аль-ватанийя. Васаик нисийа ва шафавийа, 1881-1938 [Религиозные деятели и национальное движение. Документальные и устные источники], Тунис: ISHMN, 1993.

Исследования и мемуарная литература

- Беттельхейм Ш.* Экономика Франции, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1953.
- Брэдли О.* Записки солдата, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1957.
- Верт А.* Франция 1940-1955, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1959.
- (де) Голль Ш.* Военные мемуары, Том 2, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960.
- Иванов Н.А.* Кризис французского протектората в Тунисе (1918-1939 гг.), М.: Наука, 1971
- Ланда Р.Г.* Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830-1918), М.: Наука, 1976
- Ланда Р. Г.* История Алжира. XX век, М.: ИВ РАН, 1999.
- Ланда Р. Г.* История Алжирской революции 1954-1962, М.: Наука 1983.
- Ланда Р.Г.* Кризис колониального режима в Алжире 1931-1954, М.: Наука, 1980.
- Максименко В. И.* Партии в переходном обществе. Марокко, Алжир, Тунис, М.: Наука, 1985.
- Новейшая история арабских стран Африки, М.: Наука, 1990.
- Себа П.* Тунис. Опыт монографии, М.: Изд-во Иностранной литературы, 1953.
- Фридман Л.А.* Капиталистическое развитие Египта. М.: Изд-во Московского университета, 1963.
- Фуллер Дж. Ф. С.* Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956.
- Хамруш А.* Революция 23 июля 1952 г. в Египте. М.: Прогресс, 1984.
- Шаабан С.* Тунис: путь к политическому плюрализму, М.: ИСАА при МГУ, 1996.
- Abdelmoula M.* Le mouvement patriotique de libération en Tunisie et le Panislamisme (1906-1920), Tunis: Ed. MTM, 1999.
- Abdel Moula M.* L'Université Zaytounienne et la société tunisienne, Tunis: CNRS, 1971.
- Abun-Nasr. J.M.* A History of the Maghrib, London, New-York, Melbourne: Cambridge University Press, 1977.

Список основных источников и литературы

- Achour H.* Ma vie politique et syndicale. Enthousiasme et déceptions. 1944-1981. T. 1, Tunis: Alif, 1989.
- Aleya Sghaier A.* La Droite Française en Tunisie entre 1934 et 1946, Tunis: ISHMN, 2004.
- Amir S. L'Economie du Maghreb*, Paris: Ed. de Minuit, 1966.
- Auriol V.* Mon septennat, Paris: Julliard, 1970.
- Auriol V.* Journal du septennat 1947-1954, 7 tomes, Paris: Colin, 1970-1971.
- Azzouze A.* L'histoire ne pardonne pas. Tunisie: 1938-1969, Paris: L'Harmattan, Tunis: Dar Ashraf, 1988.
- Baaklini A., Denoeux G., Springborg R.* Legislative Politics in the Arab World. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999.
- Bairoch P.* Economics and World History. Myths and Paradoxes, Great Britain, Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1993.
- Belkhodja T.* Les trois décennies Bourguiba, Deuxième éd., Arcantere: Publisud; Tunis: Imp. Signes, 1999.
- Belouchi B.* Portraits d'Hommes politiques du Maroc, Casablanca: Afrique-Orient, 2002.
- Ben Hamida A.* Le syndicalisme tunisien de la deuxième guerre mondiale à l'autonomie interne, Tunis, Publ. de l'Université de Tunis, 1989.
- Ben Salem M.* L'Antichambre de l'indépendance. 1947-1957, Tunis: Cérès Prod., 1988.
- Ben Sliman S.* Souvenirs politiques. Tunis: Cérès Production, 1989.
- Bëndana K.* Les ouvrages de Taalbi, entre évidences et mystères de sa biographie, «Rawafid», Revue de ISHMN, № 5, 1999-2000.
- Bercher L., Brounschvig R., Cardoso A., Despois J., etc.* Initiation à la Tunisie, Paris: Adrien Maisonneuve, 1950.
- Berque J.* Le Maghreb entre deux guerres. Paris: Seuil, 1962.
- Bessis J.* Les fondateurs, index bibliographique des cadres syndicalistes de la Tunisie (1920-1956), Paris: L'Harmattan, 1985.
- Bessis S., Belhassen S.* Bourguiba. A la conquête d'un destin (1901-1957), Paris: Groupe Jeune Afrique, 1988.
- Brignon J., Amine A., Boutaleb B., etc.* Histoire du Maroc, Paris – Casablanca: Hatier, 1967.
- Camau M.* Tunisie au présent. Une modernité au-dessus de tout soupçon? Paris: CNRS, 1987.
- Chérif M. El-Hadi.* Reformes et Islam chez Bourguiba. – Annuaire de l'Afrique

❧ Список основных источников и литературы ❧

- du Nord. Ex-en-Provence: CNRS Edition, T. XXXIII, 1994.
- Chérif M.-H.* Le fonctionnement du Protectorat après Paul Cambon. Mémoire DES d'histoire, [Paris], 1958.
- Chérif M.-H.* L'Organisation des masses populaires par le Néo-destour en 1937 et au début de 1938. Les journées d'avril 1938 à Tunis // Mouvements nationaux d'indépendance et classes populaires aux XIX-e et XX-e siècles en Occident et en Orient, Paris: Colin, 1971.
- Chevallier D., Miquel A.* Les Arabes, du message à l'Histoire, Paris: Fayard, 1995.
- Cohen-Hadria E.* Du protectorat français à l'indépendance tunisienne. Souvenirs d'un témoin socialiste, Nice: C.M.M.C., 1976.
- Churchill W.* The Second World War. Victory in Africa. London: Cassell, 1972.
- Dawisha A.* Arab Nationalism in the Twentieth Century, Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 2003.
- Despois J.* La Tunisie orientale. Sahel et Basse Steppe, Paris: PUF, 1955.
- Dumaine J.* Quai d'Orsay 1945-1951, Paris: Julliard, 1955.
- El Materi M.* Itinéraire d'un militant (1926-1942), Tunis: Cérès Productions, 1992.
- El Mechat S.* Le Nationalisme tunisien. Scission et conflits 1934-1944, Paris: L'Harmattan, 2002.
- El Mechat S.* Tunisie. Les chemins vers l'indépendance (1945-1956), Paris: L'Harmattan, 1992.
- Ganiage J.* Histoire Contemporaine du Maghreb de 1830 à nos jours, Paris: Fayard, 1994.
- Garas F.* Bourguiba et la naissance d'une nation. Paris: Julliard, 1956.
- Gaudio A.* Allal el-Fassi, ou l'Histoire de l'Istiqlal, Paris: Ed Alain Moreau, 1972.
- (de) Gaule Ch.* Mémoires de guerre. Le Salut. 1944-1946, Paris: Plon, 1959.
- Guellouz E., Masmoudi A., Smida M.* Histoire de la Tunisie. Les temps modernes, Tunis: STD, 1983.
- Gozlan M.* Pour comprendre l'intégrisme islamique, Paris: Albin Michel, 1995.
- Hamdi M. E.* The Politicisation of Islam. A Case Study of Tunisia. Boulder, Colorado & Oxford: Westview Press, 1998.
- Hamed-Touati M.* Immigration Maghrébine et activités politiques en France, Tunis: Université de Tunis, 1994.
- Hamza H.-R.* Communisme et nationalisme en Tunisie de la "Libération" à l'indépendance (1943-1956), Tunis: Université de Tunis, 1994.
- Hamza H.-R.* Le Néo-Destour, des lendemains d'avril 1938 à la veille de l'Indépendance: Hégémonie et Institutionnalisation // La Tunisie de

❧ Список основных источников и литературы ❧

- l'après-guerre (1945-1950), Tunis: ISHMN, 1991.
- Hopwood D.* The Tragedy of Longevity. Habib Bourguiba of Tunisia, New York: St. Martin's Press, 1992.
- Hudson M.* Arab Politics, New Haven: Yale University Press, 1977.
- Julien Ch.-A.* Et la Tunisie devint indépendante...(1951-1957), Paris: Les Editions Jeune Afrique, 1985.
- Julien Ch.-A.* L'Afrique du Nord en marche. Nationalismes musulmans et souveraineté française, Tunis, 2001.
- Kassab A.* Histoire de la Tunisie. L'Epoque contemporaine, Tunis: STD, 1976.
- Korany B., Brynen R., Noble P.* Political Liberalization and Democratization in the Arab World. V.1-2, Boulder (Colorado), London: Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Kraïem M.* Le Néo-Destour: cadres, militants et implantation pendant les années transes // Les mouvements politiques et sociaux dans la Tunisie des années 1930, Tunis: ISHMN, 1985.
- Kraïem M.* Nationalisme et syndicalisme en Tunisie 1918-1929, Tunis: Imprimerie de l'UGTT, 1976.
- Kraïem M.* Le Parti Communiste Tunisien pendant la période coloniale, Tunis: ISHMN, 1997.
- Kraïem M.* La Tunisie précoloniale, Tome II. Economie, société, Tunis: STD, 1973.
- Laroui A.* L'Histoire du Maghreb. Un essai de synthèse, Paris: Maspero, 1970.
- Lejri M.-S.* Evolution du mouvement national. Des origines à la deuxième guerre mondiale, Tunis: MTE, 1974.
- Le Tourneau R.* Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane (1920-1961), Paris: Colin, 1962.
- Lugan B.* Histoire du Maroc des origines à nos jours, Paris: Critérion, 1992.
- Mahjoubi A.* Les origines du mouvement national en Tunisie, 1904-1934. Tunis: Publ. de l'Université de Tunis, 1982.
- Martin J.-F.* Histoire de la Tunisie contemporaine. De Ferry à Bourguiba 1881-1956, Paris: L'Harmattan, 1993.
- Memmi A.* Portrait du colonisé précédé de Portrait du colonisateur, Paris: Gallimard, 1985.
- Menaja A. Mohammed Ali al-Hammi.* Fondateur du Syndicalisme Tunisien, Tunis: Artypo, 1985.
- Mestiri S.* Le ministère Chenik à la poursuite de l'autonomie interne, Tunis: Arcs Editions, 1991.

❧ Список основных источников и литературы ❧

- Mestiri S. Moncef Bey, Tome I: Le règne, Tunis: Ed. Arcs, 1998.
- Micaud Ch.-A., Brown L. C., Moore Cl.H. Tunisia. The Politics of Modernization, New York – London: Praeger, 1964.
- Mouilleau A. Fonctionnaires de la République et artisans de l'Empire. Le cas des contrôleurs civils en Tunisie (1881-1956), Paris: L'Harmattan, 2000.
- Moore Cl.H. Tunisia Since Independence. The Dynamics of One-Party Government, Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1965.
- Perillier L. La Conquête de l'indépendance tunisienne, Paris: Laffont, 1979.
- Poncet J. La colonisation et l'agriculture européenne en Tunisie depuis 1881, Paris: Mouton, 1962.
- Rézette R. Les partis politiques marocains. Paris: Colin, 1955.
- Richards A., Waterbury J. A Political Economy of the Middle East. State, Class and Economic Development, Boulder, San Francisco and Oxford: Westview Press, 1990.
- Rossi P. La Tunisie de Bourguiba. Tunis: Kahia, 1967.
- Rous J. Chronique de la décolonisation, Paris: Ed. Présence Africaine, 1965.
- Rous J. Habib Bourguiba, Paris: Ed. Martinsart, 1984.
- Rous J. Tunisie, attention, Paris: Ed. des Deux-Rives, 1952.
- Saumagne Ch. Journal et Ecrits, Tunisie 1947-1957, Nice, Publ. Cahiers de la Méditerranée (CMMC), 1979.
- Sayadi M.S. Monastir. Essai d'histoire sociale du XIX siècle. Tunis: Imprimerie la Presse, 1979.
- Sebag P. Communistes de Tunisie (1939-1943), Paris: L'Harmattan, 2001.
- Sebag P. La Tunisie. Essai de monographie, Paris: Editions Sociales, 1951.
- Siritzky S., Roh F. Le roman de l'Express 1953-1978, Paris: Marcel Julian, 1979.
- Smith Cantwell W. Islam in Modern History, Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1977.
- Sraïeb N. Le collège Sadiki: Histoire d'une institution. La Tunisie mosaïque, Toulouse: Presse Univ. du Mirail, 2000.
- Soustelle J. Vingt-huit ans de Gaullisme, Paris: La Table Ronde, 1968.
- Stephane R. La Tunisie de Bourguiba, Paris: Plon, 1958.
- Vatikiotis P.J. The History of Egypt from Muhammad Ali to Sadat, Second edition, London: Weidenfeld and Nicolson, 1980.
- Zmerli S. Figures tunisiennes. Les Contemporaines et Autres, Tunis: MTE, 1972.
- Грар Х. Ли тахъа Тунис... [Да здравствует Тунис], Тунис: Бусляма, 1996.

❧ Список основных источников и литературы ❧

- Диб Ф. Абд ан-Насир ва саураат аль-джазаир [Насер и алжирская революция], Каир: Дар аль-мустакбаль аль-арабий, 1984.
- Змерли С. Тунис фи ахд монсеф бей [Тунис в эпоху Монсеф-бей] (1942-1943). Бейрут: Дар аль-гарб аль-ислами, 1989.
- Каздагли Х. Татаввур аль-харака аш-шуй'ийа би тунис [Развитие коммунистического движения в Тунисе], 1919/1943, Тунис: Изд-во Тунисского университета, 1992.
- Китаб ат-тарбийа аль-маданийа ли таямиз ас-сана аль-хамиса мин ат-та'алим ас-санавий [Учебник гражданского воспитания для пятого класса средней школы], Тунис, [199-].
- Тлили А. Ат-турук ва аль-исти'амар аль-фарансий би-ль-бияд ат-тунисийа (1881-1939) [Тарикаты и французский колониализм в Тунисе], Тунис: Изд-во Тунисского университета, 1992).
- Халед А. Ат-Тахар аль-Хаддад ва масала аль-хадаса фи китебихи имра'атуна фи-ль-шари'ийа ва-ль-муджтамар [Тахар аль-Хаддад и проблема модернизации в его книге «Наша женщина в шариате и обществе», Paris: Imp. Champs Elysées, 2002.
- Халед А. Ат-Тахар аль-Хаддад. Фикр тануи'ий ва нидаль тахририй ва ма'алиму аля тарик аль-хадаса. [Тахар Хаддад. Просветительская мысль, освободительная борьба и вехи на пути к модернизации], Paris: Imp. Champs Elysées [1999].
- Таймуми Х. Аль-исти'мар ар-ра'асмалий ва ат-ташкилят аль-иджтима'ийа ма кабля ар-ра'асмалийа: аль-кадихун «аль-хаммасат» фи аль-арьяф ат-тунисийа [Капиталистическая колонизация и докапиталистические социальные структуры: рабочие-«хаммасы» в тунисской деревне], т.2, Сфакс: Дар Мухаммед Али аль-Хами, 1999.
- Тлили А. Ат-турук ва аль-исти'амар аль-фарансий би-ль-бияд ат-тунисийа [Тарикаты и французский колониализм в Тунисе] (1881-1939), Тунис: Изд-во фак-та Мануба, 1992.
- Шериф М.-Х. Тарих тунис [История Туниса], Тунис: Аль-ида'а аш-шари'йа, 1985.

Материалы научных конференций

- Actes du Colloque international sur la résistance armée en Tunisie aux XIX-e et XX-e siècles, Tunis: ISHMN, 1997.

Список основных источников и литературы

- Actes du IX-e Colloque international sur Processus et enjeux de la décolonisation en Tunisie (1952-1964), Tunis: Univ. de Tunis, ISHMN, 1999
- Actes du I-er Congrès international sur: Farhat Hached. Mouvement ouvrier et lutte nationale, Zaghouan: FTERSI, Janvier 2002.
- Bourguiba, les bourguibiens et la construction de l'Etat National, Zaghouan: FTERSI, 2001.
- Habib Bourguiba et l'établissement de l'Etat national: Approches scientifiques du bourguibisme. Etudes réunies et préfacés par prof. Abdeljalil Temimi. Zaghouan: Publ. FTERSI, 2000.
- La Tunisie de 1939 à 1945, Actes du 4-ème séminaire sur l'histoire du mouvement national, juin 1987, Sidi-Bou-Said, Tunis: Impr. Officielle, 1989.
- La Tunisie de l'après-guerre (1945-1950), Tunis: ISHMN, 1991
- Les mouvements politiques et sociaux dans la Tunisie des années 1930, Tunis: ISHMN, 1985.

Научные и политические журналы

- «Вопросы истории», Москва
- «Восток - Oriens», Москва
- «L'Afrique française», Paris
- «Cahiers de Tunisie», Tunis
- «Démocratie Nouvelle», Paris
- «Le Mouvement social», Paris
- «Réalités», Tunis
- «Revue de l'Occident Musulman et de la Méditerranée», Aix-en-Provence
- «Revue Tunisienne des Sciences Sociales», Tunis: Centre d'Etudes Economiques et Sociales
- «Revue d'Histoire maghrébine», Tunis: FTERSI



Премьер Бургиба наносит визит бею Сиди Ламину, 1956 г.

Мария Федоровна Видясова

**«Джихад без войны»
Тунисский опыт модернизации и
политическое наследие Хабиба Бургибы
(1903—2000)**

Том I

Книга 2

***Битва за Тунис после операции «Факел»
и во время холодной войны***

Оформление оригинал-макета: Г.В.Чесноков

Утверждено к печати Ученым советом ИСАА
при МГУ им М.В.Ломоносова 19 июня 2003 г.

Подписано в печать 31.03.2005 г.
30 уч.-изд. листов. Формат 60×90 1/16
Печать офсетная. Тираж 700 экз. Заказ № 46-05.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии ФГУП «Полиграфические ресурсы».

На задней странице обложки: Двери в мавзолей Бургибы

32 И

Э.Н.

В-42

42.

Великий бо
Строитель нового Туниса
Освободитель женщины

